О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

беседы
с нобелевскими
лауреатами

под редакцией
**Пола Самуэльсона
и Уильяма Барнетта**

NOBEL PRIZE

СКОЛКОВО
Московская школа управления

Выдержки из книги

«Одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение...»

Роберт Шиллер, профессор Йельского университета,
автор книги «Иррациональный оптимизм»

«После войны в Эфиопии и вмешательства фашистских держав (Германии и Италии) в гражданскую войну в Испании мои антифашистские настроения становились все сильнее. Я решил уехать из Италии. Последнее, что меня подтолкнуло, был тесный союз Муссолини с Гитлером, который привел к принятию антисемитских законов и сделал невозможным проживание в Италии тех, кто желал сохранить уважение к себе».

Франко Модильяни, лауреат Нобелевской премии,
профессор Массачусетского технологического института

«Доказано, что торговля позволяет избежать массовой миграции из бедных стран в богатые. Американцы утратили традиционную монополию на передовые технологии и капитал... Сегодня любая, даже незначительная победа профсоюза приближает тот день, когда американская промышленность переберется за рубеж в поисках трудовых ресурсов... "Обиженная" рабочая сила вынуждена искать убежище под крылом новой системы жесткого корпоративного управления».

Пол Самуэльсон, лауреат Нобелевской премии,
профессор Массачусетского технологического института

«Я встречался с Никсоном году в семидесятом... Он хотел, чтобы я убедил Артура [Бёрнса] поскорее увеличить количество денег в обращении *[смеется],* а я сказал президенту: "Вы действительно этого хотите? Ведь в результате вы столкнетесь с еще большей инфляцией — если, конечно, вас переизберут". И он ответил: "Об этом мы будем думать, когда нас переизберут". Типичная картина. Нет никаких сомнений, что именно было важно для Никсона».

Милтон Фридман, лауреат Нобелевской премии,
профессор Гуверовского института при Стэнфордском университете

«Одного из моих близких друзей не только арестовали, но судили и расстреляли. Были арестованы многие мои лучшие друзья... Меня объявили "предателем" социализма... Когда вскрылись ужасные преступления этой

О ЧЕМ ДУМАЮТ
ЭКОНОМИСТЫ
Беседы с нобелевскими лауреатами
Под редакцией
Пола Самуэльсона и Уильяма Барнетта

СКОЛКОВО
Московская школа управления

О ЧЕМ ДУМАЮТ
ЭКОНОМИСТЫ
Беседы с нобелевскими лауреатами
Под редакцией

Пола Самуэльсона и Уильяма Барнетта
Перевод с английского
Москва
2009
УДК 330.8+330.101.541
ББК 65.012+65.02
С17
Переводчики Е. Калугин (главы 3-16),
Е. Пестерева (предисловие, введение, главы 1, 2)
Редактор О. Нижельская
Самуэльсон П.
С1 7 О чем думают экономисты : Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта; Пер. с англ. — М.: Московская школа управления «Сколково» ; Альпина Бизнес Букс, 2009. — 490 с. — (Серия «Сколково»).
ISBN 978-5-9614-0793-8
В книгу вошли беседы с выдающимися умами современной экономической науки. Такие имена, как Пол Самуэльсон, Василий Леонтьев, Милтон Фридман, Роберт Лукас и другие не требуют особого представления. Книга дает уникальную возможность узнать мнение этих блестящих специалистов по наиболее актуальным вопросам современной экономики и политики, взглянуть на экономическую науку по-новому.
Книга очень информативна. По сути, это краткое изложение эволюции экономической теории за последние полвека, представленная в легкой и доступной форме.
Для тех, кто интересуется важнейшими тенденциями мировой экономики или изучает экономические науки.
УДК 330.8+330.101.541
ББК 65.012+65.02
Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.
© Blackwell Publishing Ltd, 2007
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ISBN 978-5-9614-0633-7 (серия «Сколково»)
ООО «Альпина Бизнес Букс», 2009
ISBN 978-5-9614-0793-8 (рус.)
Издано по лицензии
ISBN 1-4051-5917-0 (англ.)
Blackwell Publishing Ltd, Oxford
СОДЕРЖАНИЕ
Предисловие к русскому изданию 9
Самуэльсон П. Вступительное слово 11
Барнетт У. Предисловие 14
Вайнтрауб Р. Введение к истории мысли 41

1. Интервью с Василием Леонтьевым 53
2. Интервью с Дэвидом Кассом 71
3. Интервью с Робертом Лукасом-младшим ...98
4. Интервью с Яношем Корнаи 109
5. Интервью с Франко Модильяни 128
6. Интервью с Милтоном Фридманом 155
7. Интервью с Полом Самуэльсоном 190
8. Интервью с Полом Волкером 214
9. Интервью с Мартином Фельдштейном 242
10. Интервью с Кристофером Симсом 261
11. Интервью с Робертом Шиллером 281
12. Интервью со Стэнли Фишером 317
13. Интервью с Жаком Дрезом 336
14. Интервью с Томасом Сарджентом 368
1 5. Интервью с Робертом Ауманном 390
16. Интервью с Джеймсом Тобином
и Робертом Шиллером
«Традиции Йеля» в макроэкономике 458
О редакторах 489

ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Перед читателем книга, которая продолжает серию, предлагаемую Московской школой управления СКОЛКОВО. Серия объединяет литературные труды ярких и незаурядных авторов, и «Беседы с нобелевскими лауреатами» должны по праву занять в ней особое место. Дело не только в том, что под одной обложкой здесь собраны интервью самых выдающихся деятелей современности в области экономики. Поскольку многие из этих ученых являются специалистами по макроэкономике, широкий ряд вопросов, обсуждавшихся в ходе бесед, связан с самыми различными и наиболее животрепещущими проблемами политического, экономического и социального развития общества

Масштаб личности интервьюируемого определяет не только широкий охват рассматриваемых проблем — беседы с такими уникальными людьми демонстрируют, насколько велики их жизненные устремления и объем задач, которые они себе ставят в профессиональном плане. И это, безусловно, имеет огромный воспитательный эффект для любого молодого человека, который делает первые шаги в своей карьере — как в бизнесе, так и в другой области.

Участниками представленных интервью стали, в числе прочих, бывшие и нынешние руководители центральных банков, а также бывший глава Комитета экономических советников при президенте США. Поэтому особенно интересно «звучат» в книге обсуждения механизмов государственного регулирования экономики и, в частности, бизнеса, возрастающей роли инструментов экономической политики в периоды кризисов, особенности взаимоотношений правительства и экономических советников в странах Европы и в США. Богатый опыт экономистов-практиков такого уровня делает их суждения и выводы убедительными, а рассказы о карьере и жизненном пути — бесценными.

Жанр интервью — довольно нестандартный формат для представления в книге подобного материала. Однако в данном случае он более чем уместен и оправдан. Прежде всего, в беседе автор даже самых сложных экономико-математических моделей вынужден наиболее популярно и доходчиво объ-

яснить своему визави основные идеи исследований. Кроме того, интервьюера, как правило, интересует и биография собеседника, в частности, поворотные моменты в его судьбе и карьере, решающие факторы в выборе тем исследований. Искренние и эмоциональные ответы придают разговору особый характер и «вкус». Несмотря на то, что текст в ряде интервью нельзя назвать простым, пытливый читатель будет в конце концов вознагражден — книга насыщена фактами и историями, она невероятно познавательна.

Еще один аспект, связанный с материалом книги, имеет для нас большое значение. В беседах этих великих людей важное место занимает тема традиций тех учебных заведений, в которых они учились и работали, а это университеты и бизнес-школы с мировыми именами — Йельский университет, Массачусетский технологический институт, Гарвардская школа бизнеса и другие. Любому читателю станут понятнее принципы, которые лежат в основе создания престижного учебного заведения, а также подходы, позволяющие этот престиж поддерживать и сохранять.

Студенты и преподаватели найдут в этой книге полезные для себя примеры того, на что способны талантливые люди в качестве наставников, как они заражают учащихся своими идеями, делают их единомышленниками в поисках самых трудных ответов, как за счет этого создается удивительная атмосфера, в которой протекает наиболее конструктивное сотрудничество всех участников учебного процесса. Уверен, что эти примеры не оставят никого равнодушным и опыт учебных заведений с мировой славой поможет — и не только нам, в Московской школе управления СКОЛКОВО — формировать лучшие традиции российского бизнес-образования.

Андрей Волков,
ректор Московской школы управления СКОЛКОВО

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
О связи биографий отдельных ученых с биографией науки

Пол Самуэльсон

Эта книга — нечто большее, чем сумма ее отдельных частей. Сомерсет Моэм когда-то сказал, что «необходимо узнать две страны, чтобы знать одну». Другими словами, иногда один плюс один — это больше, чем два. Адам Смит и Эллин Янг называли это феноменом растущей отдачи при увеличении масштабов производства.

Когда какая-нибудь область знания (неважно, экономика, религия или акупунктура) находится на стадии быстрого развития, тех, кто идет в ее авангарде, не слишком заботит, кто именно «изобрел» дифференциальное исчисление — Ньютон или Лейбниц. А экономическая наука, как показывают собранные в книге интервью, находится сейчас именно на такой стадии. Эта книга позволяет сделать шаг назад и взглянуть на науку так,

как не удается отдельным ученым с их узкой специализацией. Ведь те, кто преуспевают в экономической науке XXI века, совершенно не задумываются о том, что сделал для теории предельной производительности Джон Бейтс Кларк и чего не сделал Иоганн Генрих фон Тюнен.
Этим, в частности, объясняется тот факт, что когда-то историю экономической мысли преподавали студентам, а теперь она интересует только узкую группу экспертов. Результат — неоправданный снобизм, наглядно иллюстрируемый шуткой Бернарда Шоу: «Те, кто может, делают. Те, кто не может — преподают». История науки вполне заслуживает того, чтобы присутствовать в университетской программе. Динамичный рост в отдельных областях экономики должен дополняться анализом целого, а не просто суммы его

составляющих. Эта книга дает именно такую картину всей современной экономической науки и показывает ее связь с судьбами знаменитых экономистов, способствовавших развитию этой науки.
Докажем еще раз, как полезно рассматривать не один, а множество случаев, и проанализируем приписываемое Сократу высказывание: «Не изучая жизнь, не стоит и жить». Когда-то я прочитал превосходную книгу о крупнейших философах — таких как Спиноза, Кант, Гегель, Витгенштейн, Рассел — и сделал вывод, что Сократ был абсолютно не прав. Их судьба — сплошная цепь испытаний: суициды, разводы, постоянная депрессия, целибат. Проще всего это объяснить тем, что занятия философией лишают людей способности радоваться жизни. Но правильней было бы сказать, что ранее сиротство или врожденная дислексия и т.п. подталкивают человека к тому, чтобы стать философом, а не жизнерадостным барменом. Объективное и глубокое понимание целого в любой сфере знаний важно, но дается оно не так легко, как приобретение навыков бармена.
Но вернусь к экономике, экономистам и к вопросу о том, почему в этой науке сложились те направления, о которых рассказывается в книге. Один крупный консервативный экономист как-то объяснил, что его антипатия к государству восходит к поражению, нанесенному его южным предкам со стороны более развитого северного соседа. А вот еще один факт. Джоан Робинсон как-то написала, что ее отрицательное отношение к вступлению Великобритании в Общий рынок объяснялось тем, что «в Индии [времен Неру] друзей у нее было больше, чем на континенте». Да, на мировоззрение иногда действительно влияют какие-то личные моменты. Но можем ли мы полностью доверять тому, что человек пишет о себе сам? Та Робинсон, которую я знал, вполне могла думать в 60-е годы, что ее разновидность «постфабианского» социализма в Индии прижилась бы лучше, чем на континенте. И, к сожалению, думая так, она, возможно, была бы права.
Научные труды в силу самого их характера не предназначены для того, чтобы раскрывать личные мотивы своих авторов. Пытаясь понять, чем так привлекательна эта книга, следует ответить на вопрос, должны ли нас вообще волновать те личные причины, по которым выдающиеся экономисты выбирают для себя те или иные темы исследования? И если да, то позволяет ли формат интервью получить наиболее точное представление об этих причинах?
Закончу одним не самым достойным предположением относительно

движущих мотивов и прошлых, и нынешних экономических исследований. Шерлок Холмс сказал: «Шерше ля фам». Когда Уилли Саттона спросили, почему он грабил банки, он ответил: «Потому, что в них хранятся деньги». Мы, экономисты, работаем, прежде всего, для того, чтобы заслужить уважение коллег, позволяющее нам самим больше уважать себя. Когда после Депрессии, в период Нового курса Рузвельта у желающих появилась пре-

красная возможность найти работу, сначала полевели младшие по должности преподаватели. Затем, не желая от них отставать, полевели, и даже в еще большей степени, их старшие товарищи. А пострейгановский, посттэтчеровский электорат сместился вправо, следует к цели, определяемой только деньгами, и идет, увы, лишь в одном направлении. Пожинаем, так сказать, плоды собственного труда.

Мы, экономисты, любим цитировать последние строки вышедшей в 1936 г. «Общей теории» Кейнса — поскольку они льстят нашему тщеславию и чувству собственной значимости. Но нужно признать: сумасшедшие во власти способны *самостоятельно воспроизводить* свое безумие и вовсе не нуждаются в помощи ни покойных, ни нынешних экономистов. Сплошь и рядом продукция экономистов истеблишмента — только то, что и лидеры, и массы уже жаждали воспринять. Мы, экономисты, вовсе не пытаемся оставаться в высшей лиге, пропагандируя идеи какого-нибудь ученого чудака из прошлого.

Эта книга — действительно нечто большее, чем сумма ее частей. Она дает редкую возможность взглянуть на экономическую науку так, чтобы понять насколько личные мотивы и жизненный опыт выдающихся современных ученых определяют их научный вклад.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О целях и содержании этой книги

Уильям Барнетт1

Интервью, вошедшие в сборник, дают уникальную возможность познакомиться с размышлениями ряда крупнейших экономистов мира, работа которых способствовала развитию современной экономической мысли. Особый характер сборнику придает источник этих интервью. Впервые они были опубликованы в весьма авторитетном, коллегиально рецензируемом журнале издательства Cambridge University Press *Macroeconomic Dynamics,* редактором которого я являюсь. Статьи в подобных научных журналах обычно рецензируются, что обязывает авторов публиковать только то, что считается приемлемым с точки зрения рецензентов и редакторов этих журналов. Эти ограничения делают невозможным спонтанное, ничем не скованное обсуждение, которое характерно для массовой прессы. Но именно публикация в этих профессиональных журналах особенно ценится учеными, поскольку она несет на себе печать одобрения коллег, а также соответствия высоким требованиям науки. Поэтому, издавая свои работы в таких журналах, ученые общаются друг с другом, и это вызывает уважение со стороны коллег

Непосвященному может показаться странным, что даже мировым знаменитостям, лауреатам Нобелевской премии не разрешается обращаться

в научном журнале к другим экономистам, не соблюдая ограничений, накладываемых коллегиальным рецензированием. Осознавая эту проблему, я ввел в *Macroeconomic Dynamics* постоянную рубрику, посвященную интервью2. В каждом номере этого журнала публикуется не более одного интервью — во всех остальных отношениях это строго рецензируемый научный журнал. Но издающему журнал издательству — Cambridge University

Press — было разъяснено, что интервью — это цитата и поэтому не может правиться рецензентами, младшими редакторами и редакторами, издателем или мной. Цитаты редактировать нельзя, так как это вопрос свободы слова и свободы печати.

С самого основания журнала интервьюерам и интервьюируемым сообщают о том, что они могут говорить в интервью все, что пожелают, хотя остальные материалы журнала коллективно рецензируются. В результате ведущие ученые в этой области получили возможность свободно высказываться по любым вопросам, которые они хотели бы обсудить со своими коллегами, включая личные, религиозные или политические. Персональные выпады, упреки в нечестности или предвзятости или в преследовании по религиозным или политическим мотивам, а также слишком резкие высказывания о политиках, представителях органов власти или о государственной политике, обычно не допускаемые на страницы специальных журналов, из этих интервью не вычеркиваются. Интервьюируемые вправе требовать их публикации. Ту эмоциональность высказываний, которая характерна для некоторых из этих интервью, невозможно найти в других экономических журналах. Из этих интервью ничего не вычеркнуто ни редакционным советом, ни Cambridge University Press, хотя в одном интервью* Cambridge University Press действительно не решилось полностью привести известное англосаксонское ругательство.

В эту книгу вошли интервью восьми нобелевских лауреатов (Василия Леонтьева, Роберта Лукаса, Франко Модильяни, Роберта Солоу, Милтона Фридмана, Пола Самуэльсона, Роберта Ауманна и Джеймса Тобина), двух управляющих центральных банков — Пола Волкера (экс-председателя Федеральной резервной системы США) и Стэнли Фишера (управляющего Банка Израиля), а также председателя Совета экономических консультантов США Мартина Фельдштейна. Другие участники интервью входят в число будущих претендентов на Нобелевскую премию по экономике. Несмотря на широкую известность интервьюеров и интервьюируемых, столь объективный рассказ об их жизни и взглядах вы найдете только в этой книге или в тех интервью, что послужили ее основой и были впервые опубликованы в *Mocroeconomic Dynamics.*

Ниже перечислены те не менее важные интервью, которые были также опубликованы в *Mocroeconomic Dynamics* и которые планируется включить в готовящийся второй том этой книги наряду с другими еще не опубликованными интервью. Второй том будет не менее информативным, и обе книги позволят получить наиболее полное представление о взглядах самых влиятельных экономистов мира.

*** Имеется в виду интервью Дэвида Касса. —** *Прим. пер.*

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Интервью Аллана Мельцера Беннету Маккаллуму *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 2, no. 2, 1998).

Интервью Элханана Хелпмана Дэниелу Трефлеру *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 3, no. 4, 1999).

Интервью Уильяма Брока Майклу Вудфорду *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 4, no. 1, 2000).

Интервью Карла Шелла Стивену Спиру и Рэндаллу Райту *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 5, no. 5, 2001).

Интервью Акселя Лейонхуфвуда Брайану Сноудону *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 8, no. 1, 2004).

Интервью Анны Шварц Эдварду Нельсону *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 8, no. 3, 2004).

Интервью Гильермо Кальво Энрике Мендоса *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 9, no. 1,2005).

Интервью Ассара Линдбека Торвальдуру Гильфасону *(Mocroeconomic Dynamics,* vol. 10, no. 1, 2006).

Следуя высоким стандартам в нашей науке, мы попросили написать введение к этой книге одного из ведущих мировых авторитетов в области истории экономической мысли — Роя Вайнтрауба. Введение Вайнтрауба следует за этим предисловием. Кроме того, один из соредакторов этой книги, Пол Самуэльсон, написал к ней краткое, но очень содержательное вступительное слово (которое предшествует этому предисловию)3. Чтобы показать, как много интересного содержится в этих интервью и каких нестандартных взглядов придерживаются собеседники, ниже коротко цитируются их наиболее оригинальные высказывания. Несмотря на то что эти цитаты приводятся вне контекста и не могут служить заменой полным текстам интервью, они дают представление о содержании этой важной и увлекательной книги.

Все собранные в книге интервью по тексту полностью совпадают со своими оригиналами, опубликованными в журнале *Mocroeconomic Dynamics,* однако некоторые фотографии были опущены. Далее приводится ряд высказываний, которые можно найти в этой книге.

1. Интервью Василия Леонтьева

Данкану Фоули

Василий Леонтьев, более всего известный как создатель одного из основных инструментов планирования — метода анализа «затраты-выпуск», получил Нобелевскую премию по экономике в 1973 г., будучи профессором Гарвард-

ского университета. Он родился в России в 1905 г. Следующие цитаты показывают, что можно узнать из интервью о его жизни и взглядах:

Маркс не был хорошим математиком. Он все время путался в цифрах и выкладках, и в его трудовой теории стоимости далеко не все сходится.

Я уехал из Советского Союза в 1925 г. У меня действительно были проблемы с властями.

Ричард Гудвин был моим учеником... Он не мог найти постоянную работу, поэтому и уехал в Англию. Полагаю, все дело

было в политике. Он был левым.
Отвечая на вопрос, каким он видит будущее экономической науки, В. Леонтьев сказал:
Думаю, значение проблем распределения доходов увеличится. Как я уже упомянул, труд не будет более так важен, и главным будет просто управлять системой. Люди будут получать доходы через систему социального обеспечения. Уже сейчас мы получаем их через социальное обеспечение и пытаемся придумать предлоги для оказания людям социальной помощи. Огромную роль при этом, полагаю, будет играть государство, и те экономисты, которые стараются ее минимизировать, боюсь, не совсем понимают, как работает экономическая система. Мне кажется, если бы мы сейчас упразднили государство, то наступил бы полный хаос... Это было бы ужасно.
Василий Леонтьев умер в 1999 г., через год после публикации его интервью в *Mocroeconomic Dynamics.*

2. Интервью Дэвида Касса
Стивену Спиру и Рэндаллу Райту

Дэвид Касс обогатил экономическую теорию ценнейшими идеями, включая идею «равновесия солнечных пятен», разработанную им вместе с Карлом Шеллом. Влияние Касса, а также Хирофуми Узава и Карла Шелла на экономику было столь велико, что это дало мощный толчок развитию всей экономической мысли. Главное, что обсуждалось в ходе этого интервью, — достижения этой науки. Когда я поступил в аспирантуру Университета Карнеги-Меллона, Касс там преподавал, но, к моему большому сожалению, вскоре ушел. По причинам, о которых говорится в этом интервью, он перешел в Университет штата Пенсильвания.

У Касса есть одна примечательная черта характера, хорошо известная его коллегам и наглядно проявившаяся в следующем эпизоде:
Нам нужно было пригласить нового декана. В [университете] Карнеги в этом процессе активно участвовал преподавательский состав... Мы согласились с кандидатурой Арни Вебера... и это обернулось и для университета, и для меня настоящей катастрофой... Арни вызвал меня в свой кабинет под каким-то предлогом и сказал, что я — предмет роскоши и делаю совсем не то, что нужно. Я занимаюсь экономической теорией, а этого школа бизнеса позволить себе не может. Он говорил со мной настолько вызывающе, что вывел меня из себя. Я ответил ему: «Да пошел ты..., Арни!»... Да, я так и сказал: «Да пошел ты...».
О лауреате Нобелевской премии Роберте Лукасе, преподававшем в то время в Университете Карнеги-Меллона, Касс говорит:
Боб был сторонником чикагской школы и придавал большое значение тому, что называлось эмпирической проверкой, и что, по правде говоря, не вызывало у меня никакой симпатии и интереса.
Внеся в теорию реального экономического цикла существенный вклад в виде модели Касса-Купманса, Касс, тем не менее, говорит:

...Беда в том, что теория реального экономического цикла превратилась сегодня чуть ли не в религию.

3. Интервью Роберта Лукаса-младшего Беннетту Маккаллуму

Роберт Лукас получил Нобелевскую премию по экономике в 1995 г., будучи профессором Чикагского университета. В своем введении к этому интервью Беннетт Маккаллум пишет:

Боба Лукаса многие считают наиболее влиятельным экономистом последних 25-30 лет, по крайней мере, из тех, кто занимается макроэкономикой и теорией монетаризма.

Из этой книги вы узнаете, что интерес к экономике в Лукасе, тогда еще семи-восьмилетнем мальчике, впервые пробудил его отец своими рассуждениями об организации перевозок молока при социализме. О своих аспирантских годах в Чикагском университете Лукас вспоминает следующее:

Когда я был аспирантом, отношение к любому планированию было в университете настолько отрицательным, что нас не учили думать, *кок следует* распределить ресурсы в данной ситуации или *кок* использовать имеющуюся информацию, чтобы сформировать ожидания. А ведь именно эти «как» и должны быть всегда первыми вопросами экономиста. Мой отец ошибался, считая, что при социализме молоко перевозилось бы эффективно, но он правильно думал о том, *кок нужно* перевозить молоко.

Также он замечает:

Меня радуют успехи теории общего равновесия в макроэкономике, но огорчает то снижение интереса к деньгам, к которому привели эти успехи.

О значении технологических потрясений он говорит следующее:

Если мы обсуждаем американскую депрессию 30-х годов или депрессию в Индонезии сегодня или в Мексике пять лет назад, то я бы сказал, что технологические потрясения — лишь незначительная деталь всей картины. А вот в послевоенных Соединенных Штатах их роль была намного больше.

На вопрос, является ли инерционность цен важным экономическим феноменом, Лукас отвечает:

Да. На практике дефляция наносит современной экономики намного больший ущерб, чем это предсказывает имеющаяся у нас сегодня теория денег.

О денежно-кредитной политике Лукас говорит:

...Меня беспокоит та негативная динамика, которая также беспокоила Викселля, а позднее и Питера Хауитта.

Далее он замечает:

Я вовсе не утверждаю, что нестабильность денежно-кредитной системы не способна нанести большого урона, — просто в Соединенных Штатах за последние 50 лет она его не наносила.

О современной микроэкономике Лукас говорит:

В последние 15 лет микроэкономика для многих (но не в Чикагском университете!) стала синонимом теории игр, и это вызывает сожаление.

19

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Д. Интервью Яноша Корнаи

Оливье Бланшару

Для многих экономистов Янош Корнаи — настоящий герой. Еще во время проживания в своей родной коммунистической Венгрии, он приобрел известность среди западных экономистов, несмотря на все препятствия и даже угрозу для его жизни. Оливье Бланшар в своем введении к этому интервью поясняет:

Эти трудности не помешали ему подвергнуть социалистическую систему такой обстоятельной критике, какой она не подвергалась до сих пор.

В настоящее время Корнаи работает как в Гарвардском университете, так и в Институте специальных исследований «Коллегиум Будапешт». В своем интервью он, в частности, рассказывает:

Одного из моих близких друзей не только арестовали, но судили и расстреляли. Арестованы были многие мои лучшие друзья. Меня объявили «предателем» социализма и уволили.

Я по-прежнему восхищаюсь Марксом как интеллектуальным гигантом; многие его идей по-прежнему остаются полезными. Однако он был абсолютно не прав по ряду фундаментальных вопросов.

До 1963 г. мне не выдавали паспорта. Например, у меня на протяжении нескольких лет было постоянное приглашение от Лондонской школы экономики, но поехать в Лондон я не мог.

Говоря о своей ранней книге «Сверхцентрализация» и событиях, которые привели к ее созданию, Корнаи замечает:

Разочарование я впервые испытал в 1953 г когда стали известны многие факты, о которых прежде умалчивали... Когда я узнал о многочисленных преступлениях системы (тюремные заключения, пытки и убийства невинных людей), мои самые искренние убеждения стали казаться наивными и постыдными. Также я начал осознавать, что с экономической точки зрения этот режим нефункционален и неэффективен, порождает дефицит и подавляет инициативу и спонтанность.

Он продолжает:

«Сверхцентрализация» привлекла внимание всего мира, так как была первой книгой гражданина страны социалистического блока, в которой он критиковал систему.

20

БАРМЕТТУ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Далее он отмечает, что в предисловии ко второму изданию «Сверхцентрализации»...

...охарактеризовал Корнаи периода 1954-1956 гг. как «наивного реформатора».

О своей книге «Антиравновесие» он говорит:

Мне несколько обидно, что она осталась практически незамеченной. Первыми и чуть ли не единственными, кто уделил ей хоть какое-то внимание, были Эрроу и Купманс; затем она как-то затерялась... Сдается мне, что умение задавать правильные вопросы, по крайней мере, в нашей профессии, отнюдь не прибавляет вам репутации».

Рассказывая о своей книге «Экономика дефицита», он заявляет:

Нефункциональность социализма имеет системный характер... Я был не слишком похож на остальных так называемых реформаторов, которые добивались незначительных изменений в коммунистической системе. В этом смысле это книга революционна... Чтобы система стала функциональной, нужно изменить ее целиком».

Заговорив затем о своей книге «Социалистическая система», он отмечает:

Главной задачей здесь было показать, что классическая сталинская система, какой бы репрессивной и жестокой она ни была, была органичной, в то время как более либеральная полуреформированная система горбачевского типа таковой не была и легко поддавалась распаду. Я предсказал это распад.

О нынешней посткоммунистической Восточной Европе Корнаи говорит:

Думаю, что люди, принадлежавшие к элите прежнего социалистического режима, за редким исключением, окончательно забыли Коммунистический манифест, но у них есть немало друзей из прошлого. Сейчас эти связи имеют огромное значение в бизнесе, политике, культурной жизни. Люди, знавшие друг друга при старой системе, точно знают, кто им друг, а кто — враг.

5. Интервью Франко Модильяни

Уильяму Барнетту и Роберту Солоу

Франко Модильяни получил Нобелевскую премию по экономике в 1985 г., будучи профессором MIT (Массачусетского технологического института). Это

интервью у него взяли Нобелевский лауреат 1987 г. Роберт Солоу и я. Поскольку интерес к экономике во мне пробудили лекции, которые Модильяни читал аспирантам и которые я посещал, будучи еще студентом последнего курса MIT, я чувствовал особую ответственность за то, чтобы замечательная жизнь и заслуги Модильяни нашли в этом интервью адекватное отражение. Многие из заданных мной вопросов должны были развеять слухи, упорно ходившие среди студентов. Из интервью вы узнаете, насколько они были правдивы.

Модильяни покинул Италию вместе со своими родителями в период правления Муссолини. Он объясняет в своем интервью:

После войны в Эфиопии и вмешательства фашистских держав (Германии и Италии) в гражданскую войну в Испании мои антифашистские настроения становились все сильнее. Я решил уехать из Италии. Последнее, что меня подтолкнуло, был тесный союз Муссолини с Гитлером, который привел к принятию антисемитских законов и сделал невозможным проживание в Италии тех, кто желал сохранить уважение к себе.

Как довольно подробно объясняется в этом интервью, сначала семья переехала во Францию, а затем в США. Но Модильяни, чтобы защитить диссертацию, возвращался из Парижа в Рим, несмотря на фашистский режим:

Затея была далеко не безопасной, поскольку меня могли арестовать. Я поддерживал контакты с антифашистскими группами в Париже и поэтому рисковал угодить в тюрьму.

Он рассказывает, что во время пребывания в Риме у них с отчимом был особый условный сигнал опасности. Многие говорили, что Франко Модильяни — родственник знаменитого художника и скульптора Амедео Модильяни, но это оказалось только слухом.

Его первой работой в США стало преподавание в университете Новая школа в Нью-Йорке. Он получил предложение от Гарварда, но всем на удивление его отклонил, что сам объясняет следующим образом:

Отказаться от этого предложения меня упорно убеждал декан факультета, профессор Бербэнк, который, как я позже обнаружил, имел репутацию ксенофоба и антисемита.

Отвергнув предложение Гарварда, Модильяни перебрался в Иллинойсский университет, где зарплата была выше, чем в Гарварде. О своих годах в Иллинойсе он вспоминает:

Ректор университета пригласил замечательного нового декана Говарда Боуэна. Но старые и некомпетентные преподаватели

не могли смириться с тем, что Боуэн привел с собой талантливых людей. Они сумели выжить Боуэна, воспользовавшись «охотой на ведьм», развернувшейся в то время под руководством печально известного сенатора Джозефа Маккарти. Маккартистское крыло выборных попечителей возглавлял знаменитый футболист Ред Грейндж. Я испытал тогда такое отвращение, что хлопнул дверью. Местная пресса до сих пор вспоминает: «Наконец в Коммерческом колледже наступил покой, правда, сильно напоминающий кладбищенский». Мой уход старые преподаватели встретили с радостью, прямо пропорциональной их некомпетентности. Однако 40 лет спустя этот университет сочтет необходимым присвоить мне почетную степень!

В этом интервью, данном незадолго до биржевого кризиса 2000 г., Модильяни сказал в том числе следующее:

Думаю, что фондовый рынок США в настоящий момент действительно представляет собой огромный пузырь, который вот-вот лопнет. Полагаю, курс акций завышен процентов на 25. Лично я ожидаю коллапса, поскольку если картина такова, измениться постепенно она не сможет».

В этом интервью он во всеуслышание сделал прогноз и оказался прав. Неудивительно, что один из учеников Модильяни, Роберт Шиллер, автор знаменитой книги «Иррациональное изобилие», назвал его «своим героем».

О Роберте Барро, который также был его учеником, Модильяни говорит следующее:

На мой взгляд, теорема Барро, несмотря на свою элегантность,

бессодержательна. Не понимаю, почему столь многих убедило предположение, основанное на неправдоподобном допущении, что все люди заботятся о своем потомстве, как о самих себе.

Модильяни подразумевает идею Барро в отношении принципа эквивалентности Рикардо и соответствующую точку зрения на роль государственного долга. О денежно-кредитной политике и правиле Фридмана он говорит:

В борьбе между моей рекомендацией проявлять осмотрительность (или здравый смысл) и рекомендацией Фридмана пренебречь осмотрительностью и слепо подчиняться правилам... мой совет победил без каких-либо усилий. Сегодня ни одна страна мира не пользуется безоглядно правилом Фридмана.

Ф. Модильяни умер в 2003 г.

23

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

6. Интервью Милтона Фридмана Джону Тейлору

Милтон Фридман получил Нобелевскую премию по экономике в 1976 г., будучи профессором Чикагского университета. Алан Гринспен, бывший глава Федеральной резервной системы США, сказал о Милтоне Фридмане следующее:

Он повлиял на наши представления о денежно-кредитной политике и других важнейших экономических проблемах намного больше, чем кто-либо из живущих во второй половине двадцатого столетия.

О «Великой инфляции» 70-х годов Фридман заявлял:

Думаю, во многом виноват Артур Бёрнс... С момента его появления в Федеральной резервной системе большую роль в происходящем стала играть политика. Для Никсона она, безусловно, имела значение — я знаю это из личного опыта. Я встречался с Никсоном, думаю, году в семидесятом или в семьдесят первом... Он хотел, чтобы я убедил Артура [Бёрнса] поскорее увеличить количество денег в обращении [смеется], а я сказал президенту: «Вы действительно этого хотите? Ведь в результате вы останетесь с еще большей инфляцией — если, конечно, вас переизберут». И он ответил: «Об этом мы будем думать, когда нас переизберут». Типичная картина. Нет никаких сомнений, что именно было важно для Никсона.

В связи с этим могу сказать, что я сам работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы с июля 1973 по декабрь 1981 г., т.е. в том числе в период председательства Бёрнса. Также я встречался с ним, по его просьбе, в Американском институте предпринимательства уже по окончании срока его полномочий в Совете. Он сказал, что действительно заслуживает во многом порицания, но дело было вовсе не в политическом давлении. Он утверждал, что заблуждался совершенно искренне, так как не понимал, что естественный уровень безработицы становился выше. Результатом этого непонимания, по его словам, стала плохо организованная попытка снизить безработицу до такого низкого уровня, который невозможно было бы сохранить. Конечно, если бы Белый дом действительно оказывал на Бёрнса политическое давление, то вряд ли он мне бы в этом признался.

О Никсоне в интервью Фридман говорит:

Коэффициент интеллекта у него был выше, чем у Рейгана, но он был гораздо более беспринципным. Он был политиком до мозга костей.

Фридман вспоминает, что когда Бёрнс был аспирантом,

...он жил в Гринич-виллидже. У него были длинные волосы и длинные ногти. И, знаете, характер у него был вовсе не такой, каким стал потом.

О своих взглядах в годы учебы в университете Фридман говорит:

Возможно, я даже охарактеризовал бы себя как социалиста.

На вопрос об использовании математики в экономике Фридман отвечает:

Повторю то, что сказал об экономике Альфред Маршалл: переведите свои результаты на английский язык, а потом сожгите математические расчеты.

Отвечая на вопросы о перспективах единой европейской валюты, Фридман замечает:

Думаю, это было бы чудом, хотя, пожалуй, чудо — это сказано слишком сильно. Полагаю, что эта затея вряд ли будет иметь большой успех.

Также в этом интервью Фридман сказал:

Курс евро в настоящее время занижен; а американского доллара — завышен... Евро по отношению к доллару вырастет, а доллар — упадет.

Так оно и случилось.

7. Интервью Пола Самуэльсона
Уильяму Барнетту

Пол Самуэльсон получил Нобелевскую премию по экономике в 1970 г., будучи профессором MIT. Я сам учился в MIT с 1959 по 1963 г. У студентов всех специальностей в институте было два кумира, совершенно затмивших собой остальных преподавателей: великий математик Норберт Винер и великий экономист Пол Самуэльсон. В MIT, где все штатные профессора — всемирно известные ученые, затмить собой остальных могли только самые выдающиеся ученые своего времени.

Думаю, что мощный интеллект Самуэльсона и в наши дни пугает многих экономистов. К моему удивлению, найти экономиста, который согласился бы взять у него интервью, оказалось нелегко. В конце концов, я нашел такого (В.В. Чари из Миннесотского университета). Но обратно он летел на

самолете, в аэропорту ленты с записью интервью пропустили через сканер для досмотра багажа. Рентгеновские лучи уничтожили запись. В результате вместо того, чтобы искать другого желающего, я провел интервью сам. И получил незабываемые впечатления.

В течение всей своей карьеры Пол Самуэльсон делал в среднем по одной работе в месяц. Однажды он сказал:

Пусть тот, кому хочется, пишет законы для этой страны — пока я могу писать для нее учебники.

Широко известен факт: когда защита Сэмуэльсоном диссертации в Гар-

варде подходила к концу, великий экономист Йозеф Шумпетер повернулся к [будущему] нобелевскому лауреату Василию Леонтьеву и спросил: «Ну что, Василий, мы уже в прошлом?»

По поводу интерпретации Кейнса Лейонхуфвудом Самуэльсон в интервью отмечает: «Я знал, что она неверна».

Из интервью вы также узнаете точку зрения Самуэльсона относительно «беспрецедентного рейгановского бюджетного дефицита».

Вспоминая своего первого преподавателя экономики, Аарона Директора, Самуэльсон замечает:

Он был единственным из ныне живущих, кто мог назвать Милтона Фридмана своим абсолютным единомышленником.

Самуэльсон вспоминает о том, как в годы Депрессии был студентом и одним из его преподавателей был Фрэнк Найт:

В то время выбирали только между коммунизмом и фашизмом. Сам Найт ни за что бы не выбрал последний. Позже, конечно, он оправился от этого состояния и отрекся от своего широко растиражированного текста. Где-то в моем архиве до сих пор хранится экземпляр его заявления, предрекавшего гибель демократии.

Рассказывая о своем обучении в Чикагском университете, он отзывается об экономическом факультете как о «догматически-консервативном».

Аспирантуру он заканчивал уже в Гарвардском университете, и об этом периоде он замечает:

Накануне Второй мировой войны вся научная жизнь здесь и за рубежом была проникнута антисемитизмом.

О своих преподавателях в Гарварде Самуэльсон говорит следующее:

Гитлер (и Ленин) немало сделали для американской науки. Леонтьев, Шумпетер и Хаберлер вернули Гарвард к жизни после периода застоя.

26

БАРНЕТТУ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Он продолжает, что по завершении учебы,

...когда MIT сделал мне хорошее предложение, мы подумали: это поможет проверить, так ли уж в Гарварде хотят, чтобы я остался. Когда выяснилось, что большинство на этом вовсе не настаивают, мы переехали на три мили вниз по реке Чарльз.

Характеризуя свое влияние на Белый дом в период президентства Кеннеди, Самуэльсон замечает:

Завербовать себя в группу его советников я позволил сенатору Джону Ф. Кеннеди крайне неохотно... И я вступал в бой только тогда, когда им требовалась поддержка «тяжелой артиллерии из Кембриджа».

По поводу глобализации Самуэльсон говорит:

Доказано, что торговля позволяет избежать массовой эмиграции из бедных стран в богатые. Американцы утратили традиционную монополию на передовые технологии и капитал... Свободной торговле не нужно помогать *всем* и *везде*... Сегодня любая, даже незначительная победа профсоюза приближает день, когда промышленность переберется за рубеж... Подавляемая рабочая сила вряд ли будет функционировать в новых условиях

безжалостного корпоративного управления.
Учитывая вышесказанное, вы, наверное, уже не удивитесь, когда прочтете:
В качестве ведущего рубрики я опубликовал — с месячным интервалом — наверное, несколько тысяч газетных и журнальных статей.

8. Интервью Пола Волкера
Перри Мерлингу

В 1975-1979 гг. Пол Волкер был президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка, а в 1979-1987 гг., при Картере и Рейгане, — председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы.
Об отношении Артура Бёрнса к приостановлению конвертируемости доллара в золото Волкер говорит:
Бёрнс ничего такого делать не хотел. Он не соглашался до самого конца. Не думаю, что у него были какие-либо осуществимые

идеи по реформированию системы, если не считать того, что он, похоже, думал о возможности договориться об изменении цены на золото, не приостанавливая конвертируемость.
О собственных переживаниях в период этой вынужденной реформы он говорит:
Эту печальную историю я запомнил надолго... В переговорах о реформировании системы я представлял американскую сторону. Не знаю, насколько мы действительно были близки к соглашению. Было очень трудно. Однако к моменту заключения соглашения резкий рост цен на нефть был использован в качестве предлога для прекращения переговоров.
Я сам работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы почти все годы «монетаристского эксперимента» — с 1979 по 1982 г., и для меня было совершенно ясно, что Волкер вполне искренне стремился обуздать с помощью монетаристской политики ту измерявшуюся двузначными цифрами инфляцию, которая наблюдалась в конце 70-х. Но когда эта политика привела к рецессии, среди монетаристов того времени стало модно говорить, что на самом деле Совет не проводил монетаристскую политику, а только говорил о ней и использовал как прикрытие для продолжения прежней политики. Я никогда не соглашался с подобной интерпретацией, и Волкер в этом интервью объясняет, что же действительно произошло:
Мне больно слышать, как некоторые члены Совета, встретившие с таким энтузиазмом смену курса, говорят: «А разве это не просто пиаровский трюк с целью избежать обвинений в связи с повышением процентных ставок?» Я никогда не считал это трюком, но многие думали, что, в общем, так оно и было. Тогда часто говорили, что мы просто хотели создать дымовую завесу.
Касаясь цели введения в этот трехлетний период контроля за темпом роста денежной массы, Волкер далее поясняет:
В тех условиях волатильной инфляции у нас не было другого

хорошего ориентира, позволяющего определить, на сколько мы можем повысить процентные ставки.

По поводу введения денежно-кредитного контроля Волкер замечает:

В начале 70-х был принят закон, который привел в замешательство президента Никсона, — дающий президенту право требо-

вать введения денежно-кредитного контроля. Предусматривалась двухэтапная процедура. Президент мог потребовать введения контроля, но осуществлять контроль должна была Федеральная резервная система. И вот Картер решил, что и ему необходим такой контроль. Мне эта идея не понравилась... Но президент хотел что-нибудь сделать... И я сказал в Совете: «Давайте, чтобы выполнить эту просьбу или требование, введем какой-то кредитный контроль, но пусть он будет минимальным»... В принципе Совету вообще не следовало ничего делать... Система потребления просто рухнула... Мы отменили этот контроль, как только смогли.

Высказывая мнение о том, что лучше: сделать валютные курсы плавающиими или ввести со временем единую международную валюту, Волкер замечает:

Для многих стран, особенно небольших и открытых, плавающая валюта создаст такие проблемы, которые перевесят преимущества, связанные с проведением независимой денежно-кредитной политики... Нам нужно придумать такой действительно международный стандарт, который сможет играть роль, выполняемую ранее золотом.

О дерегулировании Волкер говорит следующее:

Возможные последствия дерегулирования финансовой сферы волновали меня всегда... Когда в 1960-е я работал в министерстве финансов, Райт Патман, популист из Техаса и председатель Комитета по банковскому делу и валюте Палаты представителей, в одной из своих речей пожаловался на то, что у нас слишком мало банковских крахов, и слишком редко принимаются рискованные решения. Что ж, этот недостаток мы исправили!

Следующее высказывание Волкера раскрывает его отношение к современному управлению рисками:

Вся концепция покоится на идее кривых нормального распределения, но когда наступает финансовый кризис, никакого нормального распределения быть не может.

О Центральном банке России, он говорит:

Его репутации большой ущерб нанесли обвинения, возможно, и необоснованные, в коррупции в ее самых вопиющих формах.

Интересно, что это интервью было получено после довольно любопытной переписки. В августе 1999 г. я послал Полу Волкеру письмо с просьбой дать

интервью для публикации в *Macroeconomic Dynamics.* В письме от 5 января 2000 г. он ответил мне согласием, но сделал следующую приписку:

Извините, что долго не отвечал. Возможно, мне помешала моя аллергия на «денежные агрегаты Divisia»4.

Понять причину его колебаний нетрудно. В конце 70-х, когда я работал в Совете управляющих Федеральной резервной системы (в секции специальных исследований), я предложил использовать денежные агрегаты Divisia. Во время «монетаристского эксперимента» 1979-1982 гг. мои показатели росли вдвое медленнее официальных простых денежных агрегатов. Я неоднократно говорил, что официальные денежные агрегаты неточно отражают ограничительный характер проводимой политики, и что эта политика приведет к рецессии. Возможно, рецессия, которая наступила, как я предупреждал, и была причиной аллергии Волкера. Впоследствии я опубликовал эти данные и материалы в своей статье в журнале Американской статистической ассоциации *American Statistician.* Когда я отправил свою статью в этот журнал, его редактор Гэри Кох отдал ее на рецензию сразу шести рецензентам. Он сообщил мне по телефону о своих опасениях, связанных с тем, что после публикации моих результатов редакция будет завалена письмами недовольных читателей. Я заверил его, что те, кто посылают такие письма, вряд ли читают его журнал. Эта статья опубликована в моей книге (1984 г.). Но было и кое-что еще. После того, как экономика оправилась от рецессии (а я оставил Совет, чтобы преподавать в Техасском университете), произошел резкий скачок в простых денежных агрегатах, а в моих показателях Divisia — нет. 26 сентября 1983 г. главный «монетарист» Милтон Фридман в своей статье на целую полосу в журнале *Newsweek* написал:

Взрывной рост денежной массы в июле 1982 — июле 1983 г. не оставляет нам никакой возможности найти приемлемое решение... В результате обязательно произойдет новый виток стагфляции — рецессия в сочетании с ростом инфляции и высокими процентными ставками... Неопределенность заключается лишь в том, когда эта рецессия начнется.

Но *в тот же самый день,* 26 сентября 1983 г., я сказал в своей статье на целую полосу в журнале *Forbes:*

Люди напрасно паникуют по поводу роста количества денег в обращении в этом году... Темп роста агрегатов Divisia не сильно отличается от прошлогоднего... «Явный взрывной рост» можно считать статистическим всплеском.

Стагфляция так и не началась, как и было предсказано в опубликованном мною анализе. А монетаристы и по сей день не оправились от этого дважды произошедшего публичного посрамления. Рассказ об этих событиях и посвященные им материалы можно найти в моей книге (1997)5.

9. Интервью Мартина Фельдштейна Джеймсу Потерба

Мартин Фельдштейн два года был председателем Совета экономических консультантов при Рональде Рейгане, оставив ради этого преподавание в Гарвардском университете. В предисловии к этому интервью Джеймс Потерба отмечает:

Он часто предупреждал о той цене, которую придется в конечном счете заплатить за большой бюджетный дефицит, хотя у политиков эта точка зрения была крайне непопулярной.
Далее Потерба говорит:
В своей лекции в 1995 г. для Американской экономической ассоциации он обратился к ученым-экономистам с настойчивым призывом проанализировать предложения по реформе системы социального обеспечения и тем самым положил начало весьма активному осуждению политики, развернувшемуся во второй половине этого десятилетия.
В Гарварде у Фельдштейна было более 60 аспирантов, а с 1977 г. он является президентом Национального бюро экономических исследований. В 1992 г. его избрали президентом Американской экономической ассоциации.
Отвечая на вопрос о своих исследованиях в области американского здравоохранения, он замечает:
[В отрасли] наблюдалась такая динамика: чем выше цена, тем сильнее стремление к страхованию, а чем больше объемы страхования, тем выше цена рыночного равновесия... Мои оценки говорили о том, что существующая система недалека от взрыва, и потребуется какая-то внешняя сила, чтобы остановить рост относительных расходов на медицинское обслуживание... Увеличение доли этих расходов, оплачиваемой самим пациентом, улучшило бы функционирование рынка здравоохранения.

Вспоминая о том, как в 1982-1984 гг., в период президентства Рональда Рейгана, он был председателем Совета экономических консультантов, Фельдштейн говорит:
Очень скоро стало ясно, что бюджетный дефицит будет для нас колоссальной проблемой.
Из этого интервью вы также узнаете о том, что Мартин Фельдштейн раз в неделю завтракает с Полом Волкером.

10. Интервью Кристофера Симса
Ларсу Петеру Хансену

Крис Симе — член Национальной академии наук, одно время он также был президентом Эконометрического общества. Симс внес весомый вклад в современную эконометрику своими работами по методологии анализа многомерных временных рядов.
На мой взгляд, работа Симса 1971 г. — одна из самых блестящих публикаций по эконометрике и статистике. Сам Симс рассказывает о ней следующее:
Поскольку работа по бесконечномерным пространствам по своей тематике отличалась от того, что обычно появлялось в экономических журналах, я послал ее в журнал *Annals of Mathematical Statistics*... Его редактор написал мне: «Извините, что прошло столько времени. Мне никак не удавалось найти хоть какого-нибудь рецензента. Прилагаю заключение рецензента». Рецен-

зент писал: «О чем эта работа, я на самом деле так и не понял, но проверил некоторые теоремы и, похоже, они верны, так что, думаю, нам следует ее опубликовать».

Говоря о прикладной эконометрике, он, в частности, отмечает:

...технические условия, в которых отклики на предполагаемые нарушения денежно-кредитной политики, явно абсурдны, чаще всего не заявляются. У некоторых это вызывает определенное беспокойство.

Также он говорит:

Специалисты по эконометрике не сумели справиться с проблемами субъективной оценки, являющимися ключевыми в моделировании макроэкономической политики.

Отвечая на вопрос о своем отношении к моделям макроэкономической политики, Симс заявляет:

Сегодня эти модели находятся в плачевном состоянии.

11. Интервью Роберта Шиллера Джону Кэмпбеллу

Своей широкой известностью Роберт Шиллер обязан своей знаменитой книге «Иррациональное изобилие», в которой ему поразительно точно удалось предсказать раздувание «мыльного пузыря» на фондовом рынке, который лопнул очень скоро после публикации этой книги. Книга вышла в свет в марте 2000 г., когда рынок был на подъеме. Как он поясняет в этом интервью, книга была написана «с головокружительной скоростью». В своем интервью Шиллер говорит:

Одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение...

Далее он отмечает:

Модель ожидаемой приведенной стоимости для агрегированных курсов акций просто вопиюще неверна.

Из этого интервью вы узнаете о влиянии, которое оказали на его взгляды его супруга Джинни, психолог, и ее коллеги. Обсуждая в целом роль экономистов, Шиллер замечает:

Выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть.

12. Интервью Стэнли Фишера Оливье Бланшару

С мая 2005 г. Стэнли Фишер руководит Банком Израиля. Его интервьюировал профессор экономики MIT Оливье Бланшар. Интервью проводилось во время их совместной пробежки по нью-йоркскому Центральному парку. Ранее Стэнли Фишер был главным экономистом Всемирного банка, первым заместителем главы Международного валютного фонда, президентом Citigroup International и профессором экономики MIT. По словам

Оливье Бланшара, еще преподавая в MIT, Стэнли Фишер «...практически

приобрел статус гуру», а теперь превратился во «властелина вселенной и VIP-персону мирового масштаба». Из этого интервью вы узнаете о юных годах Стэнли Фишера, проведенные им в Южной Родезии, которая теперь называется Зимбабве.

В частности, в интервью он говорит:

Когда я был студентом, этим великим человеком был Даг Хаммаршёльд*. Потом его убили — совсем рядом, в Конго, которое было тогда бельгийской колонией. Я знал, что он сделал для людей много хорошего, а мои родители воспитали меня так, что я тоже хотел приносить людям пользу. Я понял, что приносить людям пользу мне поможет экономика... Наверное, это и двигало мной все это время.

13. Интервью Жака Дреза

Пьеру Деэ и Омару Ликандро

Жак Дрез — один из самых известных и глубокоуважаемых европейских экономистов, заслуживший признание по обе стороны Атлантики за вклад в развитие истории экономической мысли и других направлений экономической науки. Защитив в 1958 г. диссертацию в Колумбийском университете, Дрез основал знаменитый бельгийский центр экономических исследований — Центр исследования операций и эконометрики. Звания почетного доктора его удостоили 1 5 университетов по обе стороны Атлантики. Из интервью вы узнаете о лувенско-байесовской школе, совместном бельгийско-французском исследовании по общему рыночному равновесию в условиях негибких цен и рационирования, а также о других направлениях экономических исследований и политики, известных в США не так хорошо, как в Европе.

Особый интерес представляет его высказывание о политическом влиянии экономистов в США и в Европе:

Принято считать, что в Европе экономисты менее влиятельны, чем в Соединенных Штатах. Два замечания по этому поводу. Во-первых, в Европе нет ни одного экономического органа, сопоставимого с американским правительством. Почему? Потому что Европа — это союз, конфедерация государств, поэтому полномочия на уровне всего союза ограничены; процесс принятия

*** Генеральный секретарь ООН, погибший в Африке в 1961 г. —** *Прим. пер.*

решения на этом уровне сложен и имеет ограничения. Экономические советники Комиссии не участвуют в работе принимающего решения органа, т.е. в Совете министров. В США, напротив, главный экономический советник присутствует на заседаниях правительства, на которых принимаются решения. Поэтому лишних звеньев при передаче информации здесь нет; экономический советник находится прямо на месте событий. Кроме того, в Соединенных Штатах правительство имеет гораздо больше прямых полномочий, чем Совет министров в Европе. В связи с этим в Европе экономические советники влияют на принимаемые политические решения намного меньше, чем в Соединенных Штатах.

14. Интервью Томаса Сарджента
Джорджу Эвансу и Сеппо Хонкапохья

Как книга Самуэльсона «Основы экономического анализа» математизировала неоклассическую микроэкономику и научила целое поколение экономистов точному микроэкономическому анализу, так книги Сарджента математизировали современную макроэкономику и обучили целое поколение экономистов точному макроэкономическому анализу. Сказанное Сарджентом в этом интервью отличает та же проницательность которая характерна для всех его опубликованных работ.

Например, по поводу развития метода калибровки в эмпирических экономических исследованиях и его связи с теорией статистики Сарджент замечает следующее:

Метод калибровки может дать менее удачные результаты, поскольку вы прибегаете к нему, только если не доверяете полностью своей модели, или думаете, что ваша модель выбрана отчасти или совершенно неправильно, или же доверяете модели и набору данных кого-то другого больше, чем собственным. Помню, поначалу Боб Лукас и Эд Прескотт были очень увлечены эконометрикой, в основе которой лежала теория рациональных ожиданий. Ведь она просто предполагала предъявление к нам самим тех высоких требований, за несоблюдение которых мы критиковали кейнсианцев. Но после того как Боб Лукас и Эд Прескотт лет пять оценивали модели рациональных ожиданий по критерию отношения правдоподобий, они оба сказали мне, что этому критерию не удовлетворяют слишком много хороших

моделей. Идея калибровки состоит в том, чтобы игнорировать одни результаты вашей модели и сохранить другие. Калибровка задумывалась как сбалансированный ответ на утверждение, что ваша, пусть и неверная, модель все равно является ценным инструментом количественного анализа политики.

Далее он говорит:

В 80-е гг. в некоторых случаях имело смысл сказать: «Максимизировать функцию праводоподобия слишком сложно, а, кроме того, если мы это сделаем, то выплеснем нашу модель вместе с водой». В этом веке возможности сказать эту фразу стало меньше.

О Нейле Уоллесе Сарджент замечает:

Нейл думает, что модели предпочтения ликвидности бесполезны, и не воспринимает ограничений, связанных с этими моделями. Что для Нейла может быть хуже, чем модель предпочтения ликвидности с таким ограничением? Только модель с *двумя* подобными ограничениями.

Далее Сарджент сообщает:

Нейл попросил меня убрать его фамилию со всех работ, написанных нами совместно, за исключением той, которая посвящена товарным деньгам, — на мой взгляд, не самой лучшей.

Конечно, фамилия Уоллеса так и осталась на всех этих работах. О со-

авторстве с ним Сарджент рассказывает следующее:
Прочитав введение к одной из наших статей в JPE *(Journal of Political Economy),* Боб Лукас сказал мне, что, наверное, ни один рецензент не смог бы сказать о нашей работе ничего более уничижительного, чем то, что написали мы сами. И эти критические слова были написаны Нейлом.

15. Интервью Роберта Ауманна

Серджиу Харту

Роберт Ауманн получил Нобелевскую премию по экономике в 2005 г., будучи профессором Иерусалимского университета, за месяц до того, как его интервью появилось в *Macroeconomic Dynamics.* Многие считают его одним

из самых блестящих математиков мира, идущим в авангарде развития экономической теории игр. Ауманн родился в Германии, получил образование в США, но постоянно проживает в Израиле и исповедует ортодоксальный иудаизм. Свою первую диссертацию (по алгебраической топологии) он защитил в МЦ а вторую — в Принстоне. В своем интервью он рассказывает:
Вообще-то интерес к математике появился у меня еще в средней школе, в йешиве раввина Якоба Йозефа (еврейской дневной школе), находившейся в восточной части Нью-Йорка...
Закончив школу, я долго выбирал, что изучать: Талмуд или светские предметы в университете. Какое-то время я делал и то, и другое. Это продолжалось один семестр, а потом мне стало трудно, и я принял нелегкое решение бросить йешиву и заняться математикой.
Говоря о своем обучении и исследованиях в аспирантуре MIT, Ауманн замечает:
Теория узлов, как и теория чисел, была абсолютно, абсолютно бесполезной. Этим меня узлы и привлекли... Пятьдесят лет спустя «абсолютно бесполезную», «чистейшую» теорию преподают на втором курсе медицинских вузов.
О конференции 1961 г. он вспоминает следующее:
Киссинджер говорил о применения теории игр в дипломатии холодной войны... Тогда люди действительно думали, что наступает конец света.
Говоря о Карибском кризисе, Ауманн замечает:
Кеннеди был под влиянием теории игр... Ее идеи пропагандировали Киссинджер и Герман Кан*. Теперь ему ставят в заслугу то, как он вел себя во время [Карибского] кризиса; вот уж поистине — чтобы узнать вкус пирога, нужно его съесть.
Говоря о «рациональности», Ауманн замечает: ,
Большая ошибка говорить, что война иррациональна... Объявляя все зло в мире иррациональным, мы отказываемся принимать против него какие-либо меры. Зло необязательно иррационально — оно может быть и опасным, и рациональным. Говорить, что война иррациональна, — весьма ошибочно... Игнорируя ее как нечто иррациональное, мы не решим эту проблему.

*** Американский футуролог, директор и основатель Гудзоновского института. —**

Прим. пер.

Отвечая на вопрос о своем отношении к религии, Ауманн заявляет:

Религия очень отличается от науки. Главное в религии — не то, как мы моделируем реальный мир... Религия — это опыт, главным образом, эмоциональный и эстетический... Когда вы играете на пианино, занимаетесь скалолазанием, противоречит ли это вашей научной деятельности? Не противоречит; это просто лежит в другой плоскости... В науке мы думаем о мире определенным образом, в религии — по-другому. Эти две вещи сосуществуют, никак не конфликтуя.

Вспоминая, как в 1930-е гг. его семья покинула Германию, Ауманн, в частности, говорит:

Мы уехали в 1938 г. Вообще-то мы хотели сделать это еще в 1 933 г., когда к власти пришел Гитлер, но по какой-то причине не сделали. Моих родителей убедили, что все не так плохо, все будет в порядке, все утрясется. Немцы не позволят командовать такому сумасшедшему и т.д. и т.п. Знакомая история. Но она показывает, что когда находишься в самой гуще событий, предвидеть будущее очень нелегко. Это сейчас все очевидно, а тогда, в разгар кризиса, все было непонятно.

Подобным образом Ауманн комментирует события Шестидневной войны 1967 г.:

Это теперь нам ясно, что в этом конфликте Израиль должен был победить. Но в то время было совсем не очевидно, что Израиль выстоит... Премьер-министр Эшколь был очень встревожен. Выступая по радио, он запинался, его волнение было таким явным, таким ощутимым... Во время этого кризиса здесь был Герб Скарф*. Когда недели за две до начала войны он уезжал, и мы прощались, мы оба думали, что, возможно, уже больше не увидимся.

По другому поводу он замечает:

Бихевиористская экономика, а именно как она осуществляется на практике, вызывает у меня серьезные сомнения. Сегодня *подлинная* бихевиористская экономика — это эмпирическая экономика. Эмпирическая экономика — это и есть бихевиористская экономика. Когда вы занимаетесь эмпирической экономикой, вы наблюдаете, как ведут себя люди в реальной жизни.

*** Скарф, Герберт, профессор экономики Йельского университета. —** *Прим. пер.*

16. Интервью Джеймса Тобина и Роберта Шиллера Дэвиду Коландеру

Джеймс Тобин получил Нобелевскую премию по экономике в 1981 г. — в то время он был профессором Йельского университета. Это совместное интервью Джеймса Тобина и Роберта Шиллера в Йеле отличалось от других, опубликованных в *Macroeconomic Dynamics,* и было в журнале названо не

интервью, а диалогом. Обычно интервьюировали одного человека, и речь шла о работе и жизни именно этого экономиста. Данное интервью имело форму беседы двух людей и ведущего — на конкретную тему, а именно: «Йельская школа экономики». Первую скрипку в диалоге явно играл Тобин, но интересно сравнить шиллеровский фрагмент этого интервью с интервью Томаса Сарджента. Интервью Шиллера и Сарджента во многом отличаются, но оба дают глубокое, запоминающееся и явно различное представление о современной макроэкономике.

Похоже, что участники диалога больше симпатизируют фридмановскому направлению консервативной чикагской школы, чем более поздней концепции реальных экономических циклов. Отвечая на вопрос ведущего: «Что вы думаете о теоретиках реального экономического цикла?», Тобин говорит:

Ну, это просто враги... Это те, с кем мы боремся все эти годы.

Это практически повторение конфликта между самим Кейнсом и экономистами, которых он считал классиками.

Он продолжает:

«Представители неоклассической школы и сторонники теории реального экономического цикла придерживаются гораздо более крайних взглядов, чем люди, с которыми в свое время не соглашался Кейнс, но это все тот же спор. Как ни странно, идеи Пигу были гораздо более разумными и заслуживающими доверие, чем идеи Лукаса и некоторых других неоклассиков.

Шиллер в этом диалоге говорит:

Йельская школа должна считаться политически намного более либеральной, чем консервативная чикагская... Каким нам видится Тобин? Мне он представляется человеком высокой морали, относящимся к другим с подлинным сочувствием. Это означает, что он видит, как страдают люди, и хочет это исправить. И такое впечатление он производит в большей мере, чем многие экономисты.

Джеймс Тобин умер в 2002 г.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Хочу поблагодарить Билла Купера из Техасского университета в городе Остин, подсказавшего мне идею создания этой книги.

2 Интервью ученых-статистиков можно найти в журнале *Statistical Science,* а интервью специалистов по эконометрии — в журнале *Econometric Theory.* Но обычно в этих интервью обсуждаются более узкие вопросы, соответствующие профилю журнала, а не общая эволюция экономической мысли.

3 В письме, адресованном мне, Пол Самуэльсон написал: «Меня совсем не беспокоит, что моя проза обращена к наиболее эрудированным читателям. Роберт Браунинг сказал: "Человек должен постигать то, что выше его понимания, иначе к чему же тогда небеса?"» В связи с этим в своем вступительном слове Пол пояснил. что «специально не приводит знаменитые последние слова из «Общей теории». Тем не менее для тех, кто не отвечает установленным Полом высоким стандартам эрудиции, процитирую здесь высказывание Кейнса (издание 1936, с. 383-384), о котором Пол упоминает во вступительном слове: «Люди, считающие себя совершенно свободными от каких-либо интеллектуальных влияний,

обычно рабски привязаны к какому-нибудь экономисту прошлого. Безумие сумасшедших во власти, слышащих вокруг голоса, подпитывает какой-нибудь ученый писака, сочинявший несколько лет назад. Я убежден, что власть заинтересованных кругов сильно преувеличена по сравнению с властью постепенно распространяющихся идей... Рано или поздно, к счастью или нет, выяснится, что опасны именно идеи, а не заинтересованные круги».

4 Интересно, что этому противоречит более свежее высказывание Лукаса (2000, р. 279): «Я разделяю широко распространенное мнение, что M1 — слишком узкий агрегат для этого периода [90-х годов], и думаю, что расчет показателей по методу Divisia скорее позволит решить эту проблему».

5 Онлайновы й отчет для прессы, подготовленный журналом *Economic Journal* Королевского экономического общества, можно найти в Интернете по адресу: http://www.res.org.Uk/society/mediabriefings/pdfs/1997/July/barnett.asp.

ЛИТЕРАТУРА

Barnett, W.A. (1984) Recent monetary policy and the Divisia monetary aggregates. *American Statistician* 38, 165-172. Reprinted in W.A. Barnett & A. Serletis (eds.) (2000) *The Theory of Monetary Aggregation,* Ch. 23, pp. 5 6 3 - 5 7 6 . Amsterdam: Elsevier.

Barnett, W.A. (1997) Which road leads to stable money demand? *The Economic Journal* 107, 1,1 71-1,185. Reprinted in W.A. Barnett & A. Serletis (eds.) (2000) The Theory of NAggregation, Ch. 24, pp. 577-592. Amsterdam: Elsevier.

Keynes, J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money* New York: Harcourt, Brace & World.

Lucas, R.E. (2000) Inflation and welfare. *Econometrica* 68(2), 247-274.

Sims, C. (1971) Distributed lag estimation when the parameter space is explicitly infinite-dimensional. *Annals of Mathematical Statistics* 42, 1622-1636.

ВВЕДЕНИЕ К ИСТОРИИ МЫСЛИ

Экономисты беседуют с экономистами — с точки зрения историка

Рой Вайнтрауб

Результатом затеянного редактором *Mocroeconomic Dynamics* Уильямом Барнеттом масштабного и долгосрочного проекта стал ряд интервью, которые одни выдающиеся экономисты дали другим, хорошо информированным о научной деятельности интервьюируемых. Таким образом эта книга — сборник бесед и об экономике, и о жизни экономистов, о том, как вообще сегодня живет и работает сообщество ученых, занимающихся общественными науками.

У этой книги есть одна особенность. Хотя она и предоставляет читателю редкую возможность присутствовать при беседах выдающихся людей и больше узнать об этих знаменитостях, сама по себе это еще не история экономической науки, хотя так и кажется, что собеседники говорят для истории. И все же есть различие между тем, что считают важным для истории историки экономической науки, а что — ученые-экономисты. Интервьюируемые пытаются дать свою, небеспристрастную версию исторических событий, такую, в которой они сами играли бы видную роль1, и то, что их интервьюирует бывший ученик или нынешний коллега, старший или младший, только усугубляет проблему. Я говорю «проблему», так как «ученых-экономистов и историков обычно интересуют разные вещи в прошлом, и они хотят исполь-

зовать свою историю в разных целях и соответственно выбирают себе источники и пишут соответствующие статьи и доклады» (Хьюз, 1997, с. 26). Это хорошо понимают историки науки и, в меньшей степени, сами ученые. Большинство экономистов понимают это не так хорошо:

Есть две основные причины для беспокойства. Во-первых, существует проблема спорной интерпретации и сложности проведения исторического анализа, когда имеешь дело с тем, что вполне может оказаться старой актерской байкой (к тому же рассказываемой в беседе между двумя, возможно, враждующими актерами)... [Во-вторых], встречаются ученые, желающие сохранить на свою историю особые права, и потому не терпят никаких отклонений от «официальной» (героической, событийной или популярной) версии (там же, с. 27).

Обе эти проблемы всплывают в беседах. Первую иллюстрирует тот фрагмент интервью Милтона Фридмана, где речь идет о его работе во время Второй мировой войны в Группе статистических исследований. Здесь Фридман высказывает мнение, что идеи экономистов в области оптимизации повлияли на формирование взглядов военных, в то время как многие пишущие об этом периоде историки считают, что причину и следствие здесь нужно поменять местами. А в качестве забавного (по крайней мере, для меня) примера второй проблемы я бы отметил то место в интервью Пола Самуэльсона, где он риторически вопрошает, не будет ли его понимание собственных работ на какую-нибудь тему по биологии по-новому интерпретировано «будущими Филипами Мировски и Роями Вайнтраубами».

Однако беспристрастное обсуждение может приводить к эмоционально непростым ситуациям:

Кроме того, для некоторых ученых история — столь ценный источник, что если история не оправдывает или не узаконивает науку так или иначе, то она ее практически делегализирует (а иногда и «подрывает»), а это может порождать глубокую враждебность к профессиональным историкам науки и их писаниям (там же, с. 28).

Некоторые из этих проблем дают о себе знать в интервью Роберта Ауманна, где говорится, что многое в теории игр было разработано математиками и экономистами для использования в условиях «холодной войны». Это, а также, в случае Ауманна, и явная связь между потребностями министерства обороны Израиля и наличием в этой стране множества специалистов по теории игр, опровергают аксиому о политической беспристрастности ученого-экономиста. Однако эти вопросы могут подниматься (особенно бывшим учеником Ауманна Хартом) только с оговоркой, что их постановка, похоже, имеет своей целью «делегализировать» определенную серьезную работу в области теории игр.

Как документы, на основе которых пишется история, записи собранных в этом томе бесед имеют нечто общее с более традиционными устными

источниками. Но у них действительно есть некоторые недостатки:

Одно то, что историк объясняет ученому — его мнения и воспоминания будут сохранены и могут использоваться историками в будущем, — может заставить ученого войти в какой-то образ, даже надеть, если хотите, какую-то маску, отражающую, по его мнению, то, что должно остаться в памяти о нем самом, о его жизни и достижениях (Деворкин 1 990, с. 47).

Иными словами, говоря о приводимых далее записях бесед, если эти материалы были изданы с одобрения интервьюируемых (а в некоторых случаях даже переписаны ими), это означает, что экономисты, по существу, сами отвечают за содержание своих интервью, и в эту книгу не вошел ни один материал, который противоречил бы их собственному пониманию своей работы.

Но и при этом следует учесть:

Какими бы ни были намерения этих ученых, память может их подвести, а неверно сформулированные историками вопросы провоцируют некорректные ответы, и, следовательно, искаженное видение истории. На самом деле есть веские основания полагать, что сам вопрос предопределяет ответ. Нередко бывает, что историк, уже досконально знающий свой предмет, имеет более широкий и совершенно иной взгляд на жизнь и личность интервьюируемого ученого, особенно если этот ученый работал не в одиночку, а в большой организации, как работают сегодня большинство ученых.

В основе своей эти беседы — конечно, не совсем устные рассказы, по той очевидной причине, что, за исключением двух интервью, это не беседы, проведенными историками в едином формате устного повествования. Когда выдающегося экономиста интервьюирует другой хорошо известный экономист, достаточно знакомый с предметом исследований интервьюируемого, эта беседа не может быть беспристрастной. Например, одно из отличий интервью, которое берет историк, от интервью, которое берет коллега, заключается в том, что историк скорее всего не очень знаком с теми конкретными идеями, областью исследования и методами анализа, которые интервьюируемый ученый считает своим вкладом в науку, — исходя из этого он строит свои ответы. Беседуя с коллегой, интервьюируемый, скорее, перейдет к обсуждению специальных проблем и вряд ли станет оправдывать (не говоря уже о том, чтобы объяснять) свое желание работать

именно с данным материалом2. Поэтому, если эти интервью будет читать неспециалист, ему будет сложнее следить за всеми поворотами в обсуждениях. Беседа может показаться перегруженной профессиональными терминами, тогда как историк скорее всего направит разговор в нужное русло, понятное читателю. Но вопросы, которые обычно задает историк, редко похожи на вопросы, обсудить которые хочется экономисту.

Именно по этой причине пространные отчеты о развитии современной физики были подготовлены не физиками, а Центром истории физики Американского института физики (AIP) в Нью-Йорке. Расшифрованные стенографические записи интервью, взятых в рамках этой долгосрочной про-

граммы, хранятся в библиотеке Нильса Бора AIP. Этот проект реализуется профессиональными историками, каждый из которых получил специальную подготовку как специалист по изустной истории. И благодаря связи биографии интервьюируемых с их работой эти историки прекрасно информированы о характере и направлении исследований интервьюируемых.

Для экономики подобного центра не существует3. Задачи историков экономической науки выполняют «одиночки», и не существует такого источника, за счет которого мог бы финансироваться подобный крупный проект. Взамен историки, которые все же проводят подобные интервью, готовятся к ним, как могут, изучая записи того, что является хорошими устными рассказами, и, быть может, справляясь по одному или нескольким учебникам, объясняющим, как именно можно превратить устный рассказ в историю науки — см., например, работы Деворкина (1990) и Эверетта (1992).

Вошедшие в этот том беседы не проводились в такой единой манере: редактор не потребовал от интервьюеров, чтобы они предварительно прослушали «курс изустной истории». Не потребовал он и приведения их записей в единый вид, чтобы они, как отчеты AIP, отражали определенный набор вопросов, хотя и с возможностью отклонения от этих тем в зависимости от того, как будет развиваться разговор.

Эту напряженность в отношениях между учеными как историками и историками науки хорошо описал Стивен Браш (1995). По его словам, конфликты между ними могут иметь самые разные причины, начиная от убеждения некоторых историков, что ученые не в состоянии написать исторический труд из-за обязательного презентизма и «либеральничания», и кончая мнением некоторых ученых, что компетентно определить, что именно важно для истории, способен только тот, кто сам участвовал в создании науки. Эту позицию четко сформулировал Андре Вейль (1978), выдающийся математик, заявивший в своем выступлении на Всемирном конгрессе математиков, что «историей математики лучше всего могут заниматься те из нас, кто сами являются или были активными математиками, или, по крайней мере, постоянно находятся в тесном контакте с активными математиками» (p. 440).

Однако инстинкты и социализация экономистов и историков экономической науки заставляют их задавать о прошлом неодинаковые вопросы. Большинство экономистов рассматривает развитие экономической науки как решение серии проблем, которые возникают либо в мире, называемом экономикой, либо при разработке инструментов и методов, а также совершенствовании теоретических схем. То есть для большинства экономистов заниматься экономической наукой означает решать проблемы, а история этой науки — это последовательность проблем, возникших, решенных, сформулированных заново и снова решенных. Для них экономист — это тот, кто обучен и призван обществом распознавать эти экономические проблемы, а также действовать в мире, в котором формулировка и решение подобных проблем составляет суть профессии экономиста. Именно поэтому в приводимых ниже интервью мы слышим, как интервьюер спрашивает, как возникла та или иная проблема, и, кроме того, ведет речь о подходе и инструментах, которые потребовались для ее решения и которые со-

ставляют вклад интервьюируемого в науку. По существу интервьюер и интервьюируемый ведут себя как экономисты, сотрудничающие с целью улучшения понимания обществом того, как возникли эти проблемы, как разрабатывались инструменты и приобретались знания, необходимые для их решения. Обсуждение таких тем, как образование интервьюируемого, его профессиональное окружение и т.п., имеет своей целью выяснить, каким образом его формирование, включая интеллектуальную и эмоциональную подготовку, позволили ему ответить на те конкретные вопросы, которые поставила перед обществом экономика и экономическая наука. Это полностью согласуется с таким написанием истории экономической мысли, которое историки обозначают словом OTSOG-ery, производным от аббревиатуры OTSOG (On the Shoulders of Giants, «на плечах гигантов», цитата из приписываемого Исааку Ньютону изречения, что он мог видеть дальше или двигать науку вперед потому, что стоял на плечах гигантов и т.д.). Эта точка зрения разделяется многими учеными и отражается в процедуре и результатах присуждения Нобелевской премии по экономике, когда Комитет по присуждению премий перечисляет конкретные заслуги награжденных. Поэтому в центре обсуждения именно научный вклад, а ученые по существу информируют о своем вкладе всех остальных членов сообщества экономистов.

Однако историка, очевидно, интересует другое4. Для историка главное — это контекст, поэтому, создавая серьезную историю, они относятся к подобным беседам как к исходному материалу для ограниченного применения. Историческое повествование не есть последовательность — сначала одного, потом другого, третьего и т.д. Скорее это сплетение множества историй в полотно, вовлекающее частное, а также условное, в контекстуализацию всех этих последовательных объектов. Историка интересует более

масштабный, более многослойный рассказ5, чем простое «я пришел, увидел проблему, которую требовалось решить, и придумал, как это сделать». Позвольте мне теперь перейти к более конкретному анализу этих бесед, чтобы понять, как характер и опыт этих индивидуумов соотносятся с некоторыми более масштабными хрониками, создаваемыми историками экономической науки на протяжении последних десятилетий.

Во-первых, следует признать, что Самуэльсон, Фридман, Леонтьев и Модильяни принадлежат не к тому поколению, представителями которого являются большинство интервьюируемых. По своему менталитету это люди конца 1930-х — 1940-х гг. Это период, когда дали о себе знать два важнейших фактора, оказавших влияние на развитие экономики в XX веке — Великая депрессия и Вторая мировая война (к этой группе экономистов может быть причислен и Джеймс Тобин, который младше их всего на несколько лет).

Сегодня историки начинают понимать, что рассказ о развитии неоклассической экономической теории как о поступательном движении от маржиналистской революции конца XIX века к современности — это выдумка, особенно если говорить о развитии американской экономической науки. Ряд недавних исследований вполне убедительно продемонстрировал историкам: то, что в послевоенный период возникло как неоклассическая эко-

номическая теория, было всего лишь одним из возможных способов заниматься экономической наукой (см. Morgan and Rutherford, 1998; Weintraub, 2002, Mirowski, 2002, Yonay, 1998). И дело было не только в том, что институционализм — американское направление в экономической науке — был постепенно вытеснен неоклассической теорией, а в том, что еще в 1930-е гг. было несколько вариантов неоклассической теории, состязавшихся между собой за внимание экономистов. Кроме того, теоретический вклад Кейнса в его книге 1936 г. исчерпал себя одновременно с распространением мнения, что рекомендации в отношении экономической политики, вытекавшие из общей теории Кейнса, уже обсуждались намного раньше в ходе дискуссий о государственном регулировании (Hutchison, 1968; Davis, 1971; Howson and Winch, 1997).

Но история развития экономической науки — это также небольшая часть более крупной истории, такой, в которой экономика в XX веке стала научной дисциплиной в совершенно особом смысле слова. По мнению большинства людей, отличительная особенность экономики как науки — систематизированное представление основного содержания этой дисциплины в математическом виде. То есть люди ассоциируют науку с такими различными теориями и законами, которые можно выразить математически, и которые подтверждаются либо противоречат цифровым данным, генерированным самостоятельно, хотя концептуально и связанным с данными теориями. Конечно, многое в экономической науке действительно имеет это сходство

с работой, выполняемой в других областях науки. Но свойства науки, по крайней мере, развитой науки, определяются не только тем, как выглядят ее «тексты». В наши дни никто не проводит экспериментов по физике частиц в лаборатории, устроенной в собственном подвале. Никто не пытается проводить эксперименты с управляемым ядерным синтезом в гараже. Современная наука — это огромные масштабы, масштабы финансирования и используемых людских ресурсов. Давно ушли в прошлое времена, когда, гуляя в 1930-е гг. по университетскому кампусу, можно было обнаружить, что химический факультет находится в одном здании с экономическим факультетом и факультетом французского языка. Осмотрев современный университет, занимающийся, в частности, биологическими исследованиями и сотрудничающий с каким-нибудь медицинским научным центром, можно понять, как изменились эти масштабы. Мы думаем о Манхэттенском проекте и понимаем, с чего началась «большая наука», но нередко не учитываем того, как изменились после Второй мировой войны масштабы экономических исследований. В наши дни, когда в аспирантуры многих вузов ежегодно поступают десять, двадцать, а то и более человек, трудно оглянуться в прошлое и вспомнить, что до 1960-х гг. учеба в аспирантуре была делом совсем не таким обычным. Просто не было столько выпускников. Но в постспутниковую эру, когда стало больше и учащихся, и наставников для этих учащихся, специализация и разделение труда привели к тому, что исследования стали проводиться «группой специалистов по экономике труда» университета X или «группой специалистов по государственным финансам» университета Y. Теперь будущие аспиранты воспитываются в этих группах точно так же, как они воспитываются в лаборатории профессора X или про-

фессора Y. Ушли в прошлое те времена, когда профессор экономики мог целое десятилетие руководить подготовкой диссертаций по многим специальностям. Такого больше нет, как нет в наши дни и того, чтобы физик-теоретик руководил подготовкой экспериментальной диссертации.

Большая наука возникла в ходе Второй мировой войны вместе с колоссальной работой по созданию атомной бомбы и непосредственным участием ученых в решении военных задач. Проектирование и производство самолетов, радаров, систем наведения, вычислительных систем — все это появилось в военный период благодаря сотрудничеству ученых, инженеров, специалистов по военному планированию и стратегии, а также ученых, занимающихся общественными науками, и особенно экономистов. Инструменты и симметрия в анализе, которые Самуэльсон исследовал в своей довоенной диссертации, полностью использовались во время войны, когда оптимизационный анализ стал главным в деятельности исследовательских групп экономистов, подключенных Советом по прикладной математике к работе Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института, Группы статистических исследований в г. Колумбия и вскоре

возникшего центра RAND в Санта-Монике. Дело не только в том, что благодаря этим связям экономическая наука стала более «научной», но и в том, что она стала больше напоминать то, что мы сегодня считаем наукой. Пиаровский призыв продолжить государственную поддержку науки на таком же высоком (как в военное время) уровне, был сделан Ванневаром Бушем в его книге «Наука: бесконечная граница» (1945)6, но, конечно, экономическая наука была на этой границе. В результате экономика как наука должна была «вкусить от щедрот» Национального научного фонда, а также получить поддержку через армию, военно-воздушные силы и управление исследованиями ВМС.

В собранных в книге беседах обнаруживается не столько акцент на отдельных технических деталях, новшествах и анализе, сколько связь проблем, которые изучали интервьюируемые, с вопросами более общего характера. В интервью Леонтьева мы находим даже несколько жалоб на излишнее внимание экономистов к методам экономического анализа. Тем не менее нельзя сказать, чтобы эти методы вообще не обсуждались. Слушая более молодых экономистов (Фишера, Касса, Лукаса), мы узнаем из научных бесед о проблемах, которые, как предполагается, будут решены. До некоторой степени это, конечно, сугубо американская точка зрения. Проблемы в работе, с которыми сталкивались Жак Дрез и Янош Корнаи, совершенно отличаются от тех, которые знакомы экономистам в Соединенных Штатах. Тем не менее эта книга подтверждает, что направление, господствующее сегодня в экономической науке, — во многом американское изобретение, и его интеллектуальную мощь поддерживает американская система высшего образования, а именно рост в послевоенный период количества университетов, занимающихся наукой. Хотя Волкер долгое время состоял на государственной службе, а Фишер в последние годы работал в частном секторе, экономическая теория — университетская дисциплина. Это не просто предмет, который преподается в университетах, потому что имеет большое значение для государственной политики. Конечно, по сравнению с

прошлыми временами, положение изменилось. Эти беседы отражают судьбы тех, кто внес вклад в развитие экономической *науки.* Их *исследования* — это валюта, используемая в отдельных научных сообществах. Преподавание, научное руководство аспирантами и разработка новых методов экономического анализа, пригодных для решения возникающих экономических проблем — этими видами деятельности занимаются в основном в университетах, а не в научно-исследовательских институтах или государственных учреждениях.

Еще одной особенностью этих бесед, которая заинтересовала бы историков, является то, что, хотя экономические исследования проводятся в университетах, нередко сами исследователи привлекают к ним другие круги. Это все равно, как если бы ядерные физики, все еще активно занимаясь наукой,

выносили свои проблемы на обсуждение широкой публики. Особое внимание здесь нужно обратить на работу, проделанную Мартином Фельдштейном в Национальном бюро экономических исследований, а также Полом Волкером, занимавшим высокие должности в государственных структурах. Корнаи может тоже рассказать интересные истории о связи экономики с политикой, истории, которые все более узнаваемы, поскольку историки считают: история экономической мысли — это не просто повествование о том, как зародились и получили развитие и распространение великие идеи, но и о том, как эти идеи преодолели границы жестко организованных профессиональных сообществ и стали достоянием более широкого круга людей, интересующихся экономикой. Это рассказ о растущем значении экономистов в общественной жизни. Процесс возрастания такого значения складывался под влиянием двух факторов — президентства Рузвельта и создания в 1940-х гг. Экономического совета при президенте США (после принятия закона о занятости 1946 г.). Историки стали понимать, что история экономической мысли не просто история, рассказанная самими учеными-исследователями, а история изменения значения и влияния идей (см. Bernstein, 2001).

В этой передаче идей или экономических знаний конечными потребителями являются не только государство и военные. Существует также множество фондов, которые длительное время спонсировали экономическую науку и экономические исследования в собственных интересах. Хорошо известна история поддержки фондом Рокфеллера международных исследований в области экономического цикла в период между двумя мировыми войнами, и многие современные работы по экономическим циклам, а также эконометрические модели восходят, конечно, к тем годам. Фонд Волкера (не имеющий отношения к Полу Волкеру) в 1940-х гг. финансировал реконструкцию экономического факультета Чикагского университета и помог автору «Капитализма и свободы» [Милтону Фридману] опубликовать эту книгу; кроме того, он выделил средства на приглашение Хайека в Чикаго.

Всем этим я хочу сказать, что идеи экономистов дают всходы. Как замечательно выразился Кейнс, «на самом деле, вряд ли миром правит что-либо еще» (Keynes, 1936, p. 383). Поэтому собранные здесь интервью позволят глубже узнать о возникновении и развитии экономических идей, а значит помогут лучше понять наш мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

1
стами по макроэкономике, с которыми Арьо Кламер беседовал о том, что в то время называлось неоклассической экономикой, но теперь ассоциируется с кейнсианством, противопоставляемым такому направлению макроэкономики, как теория реального экономического цикла.

2 Я заметил, что хотя и Перри Мерлинг, и Дэвид Коландер могут рассматриваться как специалисты по истории экономической мысли, оба они считают себя прежде всего экономистами.

3 Частичным исключением являются интервью, взятые специалистами по изустной истории у экономистов, работавших в разное время на администрацию президента США. В этом случае историки в Национальных архивах нередко интервьюируют экономистов или следят за тем, как их интервьюируют, и передают пленки и записи на хранение в соответствующую президентскую библиотеку. Например, есть серия интервью Уолтера Хеллера, Кермита Гордона, Джеймса Тобина, Гарднера Экли и Пола Самуэльсона, взятых в 1964 г. и записанных Джозефом Печманом (из института Брукингза) для программы изустной истории библиотеки Кеннеди (Barber, 1975).

4 Хотя я и не буду развивать здесь эту мысль, должен отметить, что в этих интервью обсуждение биографии интервьюируемого сводится, как правило, к выяснению того, при каких обстоятельствах он сделал свой вклад в экономическую науку. Поэтому мы не обнаруживаем в них обычного для мемуаров излишнего внимания к первым годам взрослой жизни (Вайнтрауб, 2005).

5 Другие способы, которыми специалисты по истори и экономическо й мысли могут создавать подобные истории, подробнее обсуждаются в работах Вайнтрауба 1999 г. и 2002 г. (pp. 256-272).

6 В интервью Самуэльсона я обратил внимание на его особую роль в подготовке доклада Буша.

ЛИТЕРАТУРА

Barber, W.J. (1975) The Kennedy years: purposeful pedagogy. In C.D. Goodwin (ed.), *Exhortation ond Control: The Search for a Wage-Price Policy 1945-1971.* Washington, D.C.: The Brookings Institution.

Bernstein, M. (2001) *A Perilous Progress: Economists and Public Purpose in Twentieth-Century America.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Brush, S.G. (1995) Scientists as historians. *Osiris* 10, 215-231.

Bush, V. (1945) *Science: The Endless Frontier.* Washington, D.C.: Government Printing Office.

Davis, J.R. (1971) *The New Economics and the Old Economists.* Ames, IA: University of Iowa Press.

DeVorkin, D.H. (1990) Interviewing physicists and astronomers: methods of oral history. In J. Roche (ed.), *Phisicists Look Back: Studies in the History of Phisics,* pp. 44-65. Bristol and New York: Adam Hilger.

Everette, S.E. (1992) Oral History: Techniques and Procedures, U.S. Army Center for Military History; available at www.army.mil/cmh-pg/books/oral.htm

Gaudilliere, J.-P. (1997) The living scientist syndrome: memory and history of molecular regulation. In T. Soderqvist (ed.), *The Historiography of Contemporary Scence and Technology* Amsterdam: Harwood Academic Publishers.

Houson, S. & Winch, D. (1977) *The Economic Advisory Council, 1930-1939: A Study in Economic Advice During Depression and Recovery.* Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.

Hughes, J. (1997) Whigs, prigs, and politics: problems in the contemporary history of science. In T. Soderquist (ed.), *The Historiography of Contemporary Science and Technology.* Amsterdam: Harwood Academic Publishers.

Hutchison, T.W. (1968) *Economics and Economic Policy in Britain, 1946-1966: Some Aspects of their Interrelation.* London: George Allen & Unwin.

Keynes, J.M. (1 936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money.* New York: Harcourt, Brace & World.

Klamer, A. (1984) *Conversations with Economists.* Totowa, NJ: Rowman & Allanheld.

Kragh, H. (1987) *An Introduction to the Historiography of Science.* New York: Cambridge University Press.

Mirowski P.E. (2002) *Machine Dreams.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Morgan, M.S. & Rutherford, M. (eds.) (1998) *From Interwar Pluralism to Postwar Neodas-sicism.* Durham, NC: Duke University Press.

Weil, A. (1978) *History of Mathematics: Why and How.* International Congress of Mathematicians, Helsinki, Academia Scientiarum Fennica.

Weintraub, E.R. (1999) How should we write the history of twentieth century economics? *Oxford Review of Economic Policy* 1 5(4), 139-1 52.

Weintraub, E.R. (2002) *How Economics Became a Mathematical Science.* Durham, NC: Duke University Press.

Weintraub, E.R. (ed.) (2002a) *The Future of the History of Economics.* Durham, NC: Duke University Press.

Weintraub, E.R. (2005) Autobiographical memory and the historiography of economics. *Journal of the History of Economic Thought* 27(2), 1-11.

Yonay, Y.P. (1998) *The Struggle over the Soul of Economics: Institutionalist and Neoclassical Economics in America between the Wars.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

1. ИНТЕРВЬЮ С ВАСИЛИЕМ ЛЕОНТЬЕВЫМ

Беседовал Данкан Фоули

Колледж Барнарда, Колумбийский университет

14 апреля 1997 г.

Василий Леонтьев — один из тех, кто определил облик экономической науки XX века. Он разработал теорию анализа «затраты — выпуск» и методы построения на основе технико-экономических данных таблиц «затраты — выпуск», ставших самым мощным и широко используемым инструментом структурно-экономического анализа. В 1940-е и 1950-е гг. эта теория сыграла также важную роль в уточнении концепции общего экономического равновесия. Кроме того, Леонтьев внес фундаментальный вклад в развитие теорий спроса, международной торговли и экономического роста. В круг его научных интересов входили монетаристская теория, эконометрика, экономика охраны окружающей среды, проблемы народонаселения, распределения, разоружения, индуцированного технического прогресса, международного перелива капитала, роста, экономического планирования, а также советской и других социалистических экономик. Леонтьев активно участвовал в разработке национальной и международной политики в области технологий, торговли, демографии, экологии и контроля над воору-

жениями. Также он был влиятельным критиком современных экономических теорий, методов и подходов. Нобелевскую премию по экономике Леонтьев получил в 1973 г.

Наша беседа с Василием Леонтьевым состоялась 14 апреля 1997 г. в его нью-йоркской квартире в одном из небоскребов рядом с парком «Вашингтон-скуэр». Леонтьев сидел на диване в гостиной, а миссис Леонтьева занималась своими делами где-то в глубине квартиры и время от времени осведомлялась о его самочувствии. В записи голос Леонтьева звучит то уверенно и громко, то едва не превращается в шепот. Он то оживлен, то задумчив, то озадачен, то вновь воодушевляется — но при этом остается всегда обаятельным. Иногда его слова заглушают часы, отбивающие каждые четверть часа, и характерный шум нью-йоркской улицы.

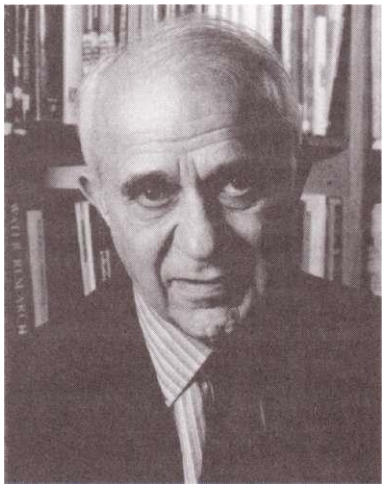


Рис. 1.1. Василий Леонтьев

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Я отредактировал текст интервью, чтобы сделать его более связным и легким для понимания.

Фоули: Была большая дискуссия о связи метода «затраты — выпуск» со схемами воспроизводства из второго тома «Капитала» Маркса. Какую роль сыграл Маркс, и сыграл ли вообще, в вашем становлении как экономиста? Вдохновили ли вас его схемы воспроизводства? Повлияли ли они на ваши взгляды?

Леонтьев: Дипломную работу я писал в России и именно там изучал марксизм, но не являюсь воинствующим экономистом-марксистом. Разрабатывая свой метод «затраты — выпуск», я пытался устранить недостатки классического и неоклассического анализа спроса и предложения. Я всегда считал его ужасно бессистемным. Полагаю, вы читали мое президентское послание?* Мне казалось, что теория общего равновесия не объясняет, как использовать фактические данные, и я специально разработал метод «затраты — выпуск», чтобы обеспечить фактическую

основу, регистрировать факты систематическим образом и тем самым сделать механизм функционирования системы более понятным.

Фоули: Сыграла ли структура марксовых схем воспроизводства какую-либо роль в формировании вашей концепции?

Леонтьев: На самом деле нет. Маркс не был хорошим математиком. Он все время путался в цифрах и формулах, его трудовая теория стоимости не слишком содержательна, но, в сущности, я интерпретирую Маркса, и Маркс интересен мне только как классический экономист. А повлиял на меня, возможно, Кенэ, его идеи. Очень трудно сказать, что именно на нас влияет. В университете я учился на экономиста. Уже тогда я регулярно читал всех экономистов начиная с XVII века. Я просто читал и читал и поэтому получил очень хорошую подготовку в области истории экономической мысли, и, как мне кажется, могу оценить состояние этой науки.

Фоули: В самые первые годы советской власти вы жили в Советском Союзе?

Леонтьев: Я уехал из Советского Союза в 1925 г. У меня возникли проблемы с властями, и я вынужден был уехать, чтобы продолжать работать.

*** Послание Американской экономической ассоциации, президентом которой В. Леонтьев**

был избран в 1970 г.

Фоули: Думал ли кто-либо в то время о статистике как основе планирования в Советском Союзе?

Леонтьев: Нет. В сущности, первым, что имело к этому хоть какое-либо отношение, был анализ национального дохода. Как и любой подобный анализ, он был слишком обобщенным. Вам дается одна цифра, в то время как я считал, что для понимания того, как функционирует система, одной цифры недостаточно. Хочется выяснить, как это можно детализировать. Я не собирался улучшать систему — просто пытался разобраться, как она работает. Конечно, прежде чем исправлять, хорошо бы понять, но мне кажется, что понять, как работает экономическая система, — это вообще первая задача экономиста.

Фоули: Тогда, в 1925 г., вы эмигрировали в Берлин?

Леонтьев: Да, в Берлин. Я очень быстро защитил диссертацию. Я тогда работал с двумя профессорами — был ассистентом у профессора Зомбарта, очень интересного историка и экономиста, и у Борткевича, экономиста-математика. Но профессор Зомбарт в математике не разбирался.

Фоули: Интересовал ли их статистический аспект составления таблиц «затраты — выпуск»?

Леонтьев: Нет, хотя экономисты в своих эмпирических исследованиях обязаны опираться на факты. Но многие, особенно лучшие экономисты, любят теоретизировать, оперировать абстрактными категориями.

Фоули: Как долго вы пробыли в Берлине?

Леонтьев: Около двух лет. После получения степени я работал в Институте мировой экономики (большом институте в Киле). Меня пригласили в штат, и, в сущности, именно там я и разработал свой метод «затраты — выпуск».

Фоули: Занимались ли другие ученые в Киле этой проблемой или во-

просами, с ней связанными?
Леонтьев: Нет, я действовал совершенно самостоятельно.
Фоули: Наверное это был колоссальный труд — создать статистическую основу для анализа «затраты — выпуск».
Леонтьев: Да, конечно. Я решил, что следует показать, как этот метод работает на практике, и попросил помочь в этом одного человека. Национальное бюро экономических исследований пригласило меня в Соединенные Штаты. Я получил кое-какие деньги от фондов, и мы с моим помощником работали очень много, использовали всю возможную информацию, включая техническую, и прежде всего, естественно, данные переписи. Перепись в США была лучшим статистическим документом развития экономики. Позднее меня пригласили в Гарвард — там я проработал 45 лет. Когда началась война, интерес к методу «затраты — выпуск» возрос. Я был своего рода консультантом по экономическому планированию — работал для военно-воздушных сил, что во время войны имело, конечно, большое зна-

чение. Самая лучшая матрица «затраты — выпуск» была построена в военно-воздушных силах. У них была и таблица «затраты — выпуск» для экономики Германии — это помогало им выбирать цели. Обычно я не вмешиваюсь в чьи-то дела, но если вы над чем-то работаете, то должны понимать соответствующие задачи. В случае ВВС это был выбор целей и тому подобного, поэтому метод «затраты — выпуск» и вызывал у них такой интерес.
Фоули: Как вы оценивали работу Кейнса в 1930-е гг.? Не изменилось ли с тех пор ваше отношение к нему?
Леонтьев: Нет, абсолютно нет. Мое отношение было довольно критическим, так как я считал, что он разработал свою теорию, чтобы подвести основу под собственные рекомендации в области политики. Кейнс был больше политиком, чем аналитиком. Я так никогда и не стал кейнсианцем, хотя и написал одним из первых ряд статей, посвященных его взглядам. Вы найдете их среди моих работ. Но я пытался анализировать его концепцию системно, то есть не политический аспект, а просто подход, который был, по-моему, слишком прагматичным. Хотите исправить систему — хорошо, но сначала опишите ее, а уж затем улучшайте.
Фоули: Была ли у вас в то время альтернативная теория экономической депрессии?
Леонтьев: Нет. Мне кажется, для теоретического осмысления экономических колебаний требуется прежде всего понимать, что эти процессы носят динамический характер. Я по-прежнему считаю, что эти колебания обусловлены определенного рода разницей, дифференциальными уравнениями. Структурные изменения имеют, конечно, большое значение, особенно сейчас. Динамика имеется всегда. Это система взаимосвязей, система уравнений, но количественный подход все равно важен. Поскольку я уделял много внимания связи между наблюдением и теорией, одновременно я разрабатывал теорию анализа по методу «затраты — выпуск», которая на самом деле является математической, и сам пытался собрать данные. Думаю, мне удалось повлиять на содержание курса экономической статистики.
Фоули: Да. Метод «затраты — выпуск» и анализ национального дохода — два важнейших достижения 1940-50-х гг.

Леонтьев: Согласен. Думаю, что здесь нет противопоставления. Метод «затраты — выпуск», на мой взгляд, просто намного более подробен. К примеру, Стоун, которому было поручено разработать систему показателей экономической статистики для ООН, придавал огромное значение методу «затраты — выпуск» как основе для агрегирования показателей при расчете национального дохода.
Фоули: В системе подобного рода обычно всегда пытаются смоделировать воздействия как со стороны спроса, так и со стороны предложения.
Леонтьев: Попытки отдельно анализировать спрос всегда вызывали у меня определенное беспокойство. Мне кажется, что хозяйства — это толь-

ко часть всей системы. В правильной теории хозяйства — просто крупный сектор экономики.
Фоули: Это согласуется с идеей классической школы о том, что воспроизводство населения — один из аспектов воспроизводства экономической системы.
Леонтьев: Совершенно верно. Об этом писал еще Кенэ.
Фоули: О взаимосвязи между структурными изменениями и колебаниями деловой активности мы говорили и с Ричардом Гудвином.
Леонтьев: Ричард Гудвин — мой бывший студент. Он учился у меня, был моим ассистентом. Он не смог найти себе в Гарварде постоянную работу и уехал в Англию. Он был хорошим другом и очень интересным человеком.
Фоули: Мы как-то говорили об этом с Гудвином. В конце 1940-х у него была работа в Гарварде, но не постоянная.
Леонтьев: Да, постоянную работу он получить не смог, поэтому и уехал в Англию.
Фоули: Он сказал то же самое, но меня несколько удивило, что человек, занимавшийся в конце 1940-х такими исследованиями, не смог получить место в штате.
Леонтьев: Думаю, это из-за политики. Он был левым.
Фоули: И это перевесило его научные заслуги?
Леонтьев: Да, честно говоря, дело было именно в этом.
Фоули: Так вы и сегодня стали бы искать основную причину циклических колебаний экономики в лагах, в структурных изменениях со стороны предложения?
Леонтьев: Да, в структурных изменениях, но нужно быть очень осторожным. поскольку система, динамичная система, без структурных изменений имела бы лаги, а также скрытые внутренние причины колебаний. В настоящее время большое значение имеет, конечно, технический прогресс. Это существенный фактор экономических изменений и причина изменений социальных.
Фоули: Как вы считаете, эти колебания носят затухающий или взрывной характер?
Леонтьев: С точки зрения математики они не обязательно должны быть затухающими. Но тогда возникает вопрос, почему не происходит взрыва? Существуют некие силы, которые не дают взорваться, в том числе экономические — такие как политика и прочие нелинейные воздействия.
Фоули: В 1930-е гг. у вас были разногласия с Маршаком по поводу

анализа спроса.
Леонтьев: Да, подробностей я теперь уже не помню, но, думаю, в подходе Маршака был логический изъян.
Фоули: Сыграло ли это какую-то роль в разработке метода «затраты — выпуск»?

Леонтьев: Это было уже после того, как я разработал метод «затраты — выпуск», который на самом деле был создан в период работы в Киле, а также в Национальном бюро. В Национальном бюро я вел «подрывную деятельность», так как при Митчелле оно занималось узкопрактическими вопросами, а у меня было очень сильное теоретическое чутье. Чтобы понять процесс, нужно иметь теорию. Там я организовал подпольный теоретический семинар. Он был подпольным, поскольку не соответствовал принципам Национального бюро.
Фоули: В 1 940-е гг. между Национальным бюро и Фондом Коулза были довольно острые разногласия по поводу соотношения ролей эмпирического метода и теории. Купманс написал тогда очень острую статью.
Леонтьев: Поскольку я считал, что огромную, важнейшую роль играет математика, я был бы, конечно, на стороне Комиссии Коулза.
Фоули: Но институционально вы были ближе к Национальному бюро...
Леонтьев: Совершенно верно. Мне всегда казалось — и об этом я как раз писал в своем президентском послании — что если вы действительно хотите разбираться в эмпирической науке, то у вас должны быть факты. И проблема в том, как организовать эти факты. Теория, в сущности, и «организует» факты.
Фоули: Ваша позиция была своего рода синтезом двух этих точек зрения.
Леонтьев: Да, именно так.
Фоули: В 1940-е гг. Комиссия Коулза разработала весьма специфический подход к эконометрике и решению проблем измерения. Вызвал ли он у вас понимание?
Леонтьев: Нет. Я сразу выступил с критикой.
Фоули: Ожидали ли вы, что метод «затраты — выпуск» будет использоваться при разработке государственной политики после Второй мировой войны? Это период интересен тем, что служит образцом для последующих десятилетий.
Леонтьев: Прежде всего, не только государственной, но и отраслевой. Я вспоминаю, что когда значительно позднее возник вопрос о месте автомобильной промышленности в американской экономике, нашлась ассоциация промышленников, которая сказала: «Идите к Леонтьеву», поскольку я опубликовал одну работу, в которой в качестве примера использовалась автомобильная промышленность. Я опубликовал эмпирическую работу, а мой принцип, хоть мне и не всегда удавалось его соблюдать, заключался в том, чтобы использовать фактические данные всякий раз, как делаешь какой-либо теоретический вывод, — то есть не просто говорить, но действительно понимать, как это работает.
Фоули: И вы использовали метод «затраты — выпуск» для прогнозирования, скажем, развития автомобильной промышленности или других конкретных отраслей?

Леонтьев: Совершенно верно. Во времена холодной войны был такой экономист Хоффенберг. Он много занимался эмпирическим анализом, сыграл очень важную роль в построении таблицы «затраты — выпуск» для Соединенных Штатов. Это был действительно статистик с блестящей интуицией. А чтобы заниматься статистикой, как вы понимаете, нужно владеть совершенно особыми приемами. Когда я строил первую таблицу затрат и результатов, а подготовил я ее довольно быстро, я много звонил по телефону. Я обзванивал компании, особенно сбытовые, и получал от них данные.
Фоули: Вы спрашивали у дистрибьюторов, как их заказчики распределяются по секторам?
Леонтьев: Именно так! Я просто обратился напрямую к дистрибьюторам.
Фоули: Была ли у американского правительства в 1946 г. работающая таблица «затраты — выпуск»?
Леонтьев: Да-да. В министерстве торговли, в Бюро экономического анализа. Национальный доход рассчитывало Бюро экономического анализа, и у них была таблица учета затрат и результатов. Хотя самую лучшую таблицу построили в Министерстве труда. Фрэнсис Перкинс, министр труда при Рузвельте, написала мне, что президент задал ей вопрос, что произойдет с американской экономикой после войны. Она сообщила, что они не знают, как на него ответить. Они попытались посмотреть в литературе, но не знают, как подойти к проблеме. А тогда как раз вышла одна из моих первых статей, и они спросили: «Может быть, вы научите нас, как это сделать?» Ко мне прислали представителя министерства, и я сказал: нужны фактические данные и хорошая теория. В то время, при Рузвельте, правительство было очень умным и активным. Прекрасно, сказали они мне, соберите данные. Приезжайте в Вашингтон и соберите фактические данные. Но я сказал: нет. В Вашингтоне фактические данные собирать нельзя. Я должен делать это в Гарварде. И они открыли в Гарварде отделение Бюро статистики труда, в школе Литтауэра. Я нашел людей, в основном не экономистов, а инженеров, и мы построили таблицу «затраты — выпуск». Следующая подробная таблица учета затрат и результатов была построена на деньги Министерства обороны. А у него денег было достаточно. Строить таблицу «затраты — выпуск», не имея средств, очень трудно, поскольку это очень ресурсоемкое занятие.
Фоули: Конкурировали ли между собой после войны кейнсианское управление спросом и ориентированный больше на совершенствование структуры экономики подход к формированию экономической политики, основанный на анализе затрат и результатов?
Леонтьев: Думаю, что кейнсианский подход определенно победил. Особой конкуренции, думаю, не было. Победил Кейнс.

Фоули: Почему это произошло?
Леонтьев: Потому, что Кейнс был очень прагматично ориентирован. По духу он был в большей степени политик, причем превосходный политик.

Думаю, он разработал свою теорию, в сущности, чтобы обосновать собственные рекомендации в области политики. Он был невероятно умен.
Фоули: Но, похоже, что и у вас были политические контакты в Министерстве труда, Министерстве обороны и Министерстве торговли.
Леонтьев: О да. Но, вы знаете, они были иными. Намного более скромными. Министерство труда изучало вопросы, связанные с предложением на рынке труда, разными навыками и т.д. То есть занималось намного более узкими вещами. У них по-прежнему есть подразделение, занимающееся анализом затрат и результатов, — Бюро статистики труда.
Фоули: Оглядываясь назад, можно сказать, что в конце 1940-х гг. в экономической науке произошел синтез методологий. Какова была роль метода «затраты — выпуск» в выработке консенсуса методологий в экономической теории и эконометрике? Способствовал ли метод выработке этого консенсуса?
Леонтьев: Видите ли, я несколько скептически относился к идее отыскания подходящей кривой. Я думал о технических данных. Адекватное представление о структуре экономики имеют не статистики, а производственники, но, конечно, смоделировать технические показатели очень сложно. Моя идея состояла в том, чтобы не определять структуру косвенным путем, с помощью эконометрических или статистических методов, а напрямую обратиться к источникам технических и экономических данных. У меня были кое-какие предложения на этот счет, реализовать которые помешало отсутствие средств. Эмпирический анализ стоит очень дорого.
Фоули: И анализ затрат и результатов обходится дороже косвенного статистического исследования.
Леонтьев: О да, намного дороже. Мы воспользовались косвенными статистическими методами. Думаю, у меня очень хорошо развита теоретическая жилка. В сущности, я теоретик. Но я был убежден, что теория — это просто построение концепций, позволяющих понять, как функционируют реальные системы. Это просто организационный принцип, в то время как для многих экономистов теория — нечто самостоятельное.
Фоули: Некоторые экономисты считают, что теория должна давать прогноз или объяснять поведение.
Леонтьев: Да. Думаю, если знать или договориться о том, что такое формальный характер математической системы, то благодаря общему характеру системы можно делать определенные прогнозы. Я опубликовал пару статей по прогнозированию. В количественном анализе есть краткосрочные и долгосрочные проблемы, и мне кажется, что обычное прогнозирование подходит для краткосрочных проблем; но технический прогресс,

1. ИНТЕРВЬЮ С ВАСИЛИЕМ ЛЕОНТЬЕВЫМ

Рис 1.2. Участники семинара профессора Леонтьева (август 1948 г., Зальцбургский семинар по американским исследованиям): 1) Фридрих Зайб (Германия), 2) Бьёрн Ларсен (?, Норвегия), 3) Хельге Зейп (Норвегия), 4) Лендерт Койк (?, Голландия), 5) Жерар Дебрё (Франция), 6) Поль Виндинг (Дания), 7) Роберт Солоу (США), В) Мис-

сис Роберт Солоу (США), 9) Марио ди Лоренцо (Италия), 10) Арво Пуукари (Финляндия), 11)Жак Мэйе (Франция), 12) Одд Аукруст (Норвегия), 13) профессор Уильям Райе (США), 14) Джозеф Клацман (Франция), 15) неизвестный (Германия), 16) Бьярк Фог (Дания),

17) профессор Василий Леонтьев (США), 18) Пер Сильве Твейте (Норвегия)

являющийся движущей силой всего экономического развития, — процесс долгосрочный.

Фоули: Следовательно, с этой точки зрения, конкретные гипотезы, касающиеся поведения людей или формирования ожиданий или предпочтений, играли бы вспомогательную роль.

Леонтьев: Да, вспомогательную. Я думаю так, поскольку мне кажется, что особенно при рыночной, капиталистической системе, крупные промышленники действительно играют большую роль, и они стараются получить прибыль, выбирать технологии, максимизирующие прибыль — в основном, в краткосрочной перспективе. Конечно, нужно учитывать и государственную политику, но бизнес — это, конечно, система краткосрочного типа.

Фоули: В таких отраслях, как транспорт или электроэнергетика, которые требуют долгосрочных инвестиций, это может создать проблемы.

Леонтьев: Согласен. Машиностроение, электроэнергетика, и, полагаю, охрана окружающей среды, которая сегодня особенно важна, требуют долгосрочного планирования.

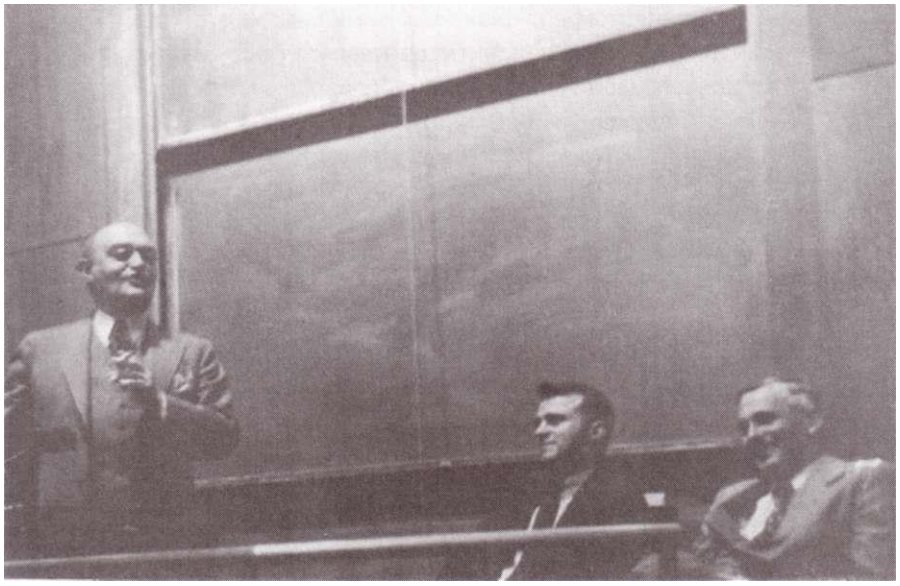


Рис. 1.3. Йозеф Шумпетер, Василий Леонтьев и Пол Суизи в Гарварде, конец 1940-х гг.

Фоули: Вы говорили о проблеме денег и ресурсов. Была ли в США в 1950-х гг. конкуренция за ресурсы между методом, традиционно применяемым для расчета национального дохода, и методом «затраты — выпуск»?

Леонтьев: Мне кажется, что, по крайней мере, в Министерстве торговли поняли ценность метода «затраты — выпуск» для расчета национального дохода. Дело в том, что одно время (а, возможно, и сейчас) при расчете национального дохода, в основном, суммировались результаты анализа «затраты — выпуск». Финансирование — это всегда проблема. Для анализа затрат и результатов, особенно анализа технического прогресса, нам нужно больше инженерных знаний, так как сегодня движущей силой технического прогресса является прогресс научный.

Фоули: Считаете ли вы, что существует обратная связь и узкие места в экономике учитываются при определении приоритетных направлений научных исследований?

Леонтьев: Несомненно. Прежде всего это всегда было характерно для оборонной промышленности. Научный прогресс пошел военным на пользу.

Фоули: В 1960-е и в начале 1970-х гг. в экономической науке произошло еще одно важное изменение, сдвиг от кейнсианского консенсуса к тому, что теперь называют моделями рациональных ожиданий и концепциями рыночного клиринга и идеального предвидения. Вы в то время пре-

подавали в Гарварде. Как вы оценивали происходящее в вашей науке? Какие факторы предопределили эти изменения?

Леонтьев: Раньше в экономическом мышлении доминировал Кейнс. Не знаю, способствовала ли вся революция в теории ожиданий продвижению вперед, и в какой степени. С точки зрения математики это очень тонкая вещь, а я теперь уже не так внимательно слежу за литературой, но думаю, что особого анализа в отношении ожиданий не было. Одни разговоры. Я не

увидел никакого существенного вклада в теорию ожиданий, за исключением краткосрочного прогнозирования циклических изменений, которое, конечно, имеет большое значение.
Фоули: Так вы не думаете, что этот сдвиг стал результатом определенного эмпирического превосходства этого нового подхода?
Леонтьев: Нет, я так не думаю.
Фоули: Может быть, кейнсианство просто себя исчерпало?
Леонтьев: Полагаю, что да.
Фоули: Вы сказали, что точка зрения Кейнса с самого начала не показалась вам убедительной, так что, полагаю, вы заметили это без особого сожаления?
Леонтьев: Да. Я не отношу себя к монетаристам, но думаю, что более глубокий анализ денежного потока способствовал бы большему развитию этого направления.
Фоули: Была разработана отчетность о движении денежных средств.
Леонтьев: Да, но очень агрегированная. Чтобы понять, как работает экономическая система, большое значение имеет дезагрегирование.
Фоули: Быть может, стоило увязать анализ денежных потоков с анализом затрат и результатов на тех же уровнях агрегирования?
Леонтьев: О, да, но я не видел, чтобы кто-либо пытался это сделать. Конечно, денег здесь нет, но думаю, что денежные потоки очень важны. Иногда мне казалось, что можно увязывать денежные потоки не сверху вниз, а снизу вверх, так как я думаю, что в каждой компании есть кто-то, кто отвечает за денежные потоки (бюджеты, кредит и т.д.) и обязан составлять планы. Сейчас планируются только денежные потоки, и есть тот, кто делает то же самое в банке. И, если я не ошибаюсь, менеджер компании, следящий за тем, чтобы у нее было достаточно заемных средств, сотрудничает с менеджером по кредитам в банке, который очень часто отвечает за отдельные компании. Я сделал несколько предложений относительно того, как с этим можно было бы поработать. Интересно было бы получить одни и те же цифры от двух разных людей. Было бы очень полезно понять, как они взаимодействуют, выбирая направление краткосрочных инвестиций.
Фоули: Экономическая теория об этом особо не задумывалась. Большинство моделей исходят из определенных условий равновесия, но вы

сказали, что было ошибкой начинать с равновесия, противопоставляемого явно выраженной динамике.
Леонтьев: Конечно.
Фоули: Когда в 1974 г. вы ушли из Гарварда вскоре после получения Нобелевской премии, вы выступили с острой критикой этого направления в экономике и призвали к переоценке и переориентации методов экономических исследований. Как вы считаете, произошла ли эта переориентация?
Леонтьев: Нет.
Фоули: Оценка сегодняшней экономики как науки остается у вас прежней?
Леонтьев: Да. Мне кажется, нам нужны от экономистов объективные, практические рекомендации. Основа нашего понимания того, как функ-

ционирует экономика, не очень прочна. Практические рекомендации могут и должны больше основываться на понимании того, как работает эта система.

Фоули: Сегодня вы неоднократно упоминали о роли математики. Некоторые утверждают, что теперь в экономической науке слишком доминирует математический формализм.

Леонтьев: Полностью с ними согласен. Очень многие экономисты-математики были просто математиками, но не настолько хорошими, чтобы стать чистыми математиками. Поэтому математика в экономике, которая всегда была скучна, дала им превосходную возможность превратиться в экономистов.

Фоули: Но, с другой стороны, именно вы активно способствовали повышению роли математики в экономической теории. Когда математика полезна, а когда становится просто формализмом?

Леонтьев: Мне кажется, что математика — это просто логика. Общий подход — это самое важное. Думаю, например, что именно математика дает нам веские основания считать, что все циклические колебания объясняются лагами — это динамика. Это действительно математический подход. Математики это знают. Действительно, одна из наиболее серьезных проблем, с которой я столкнулся в своей теоретической работе, заключалась, в частности, в том, как избежать взрывных колебаний, поскольку в этих больших матрицах столько значений, и некоторые из них порождают взрывную динамику.

Фоули: Какое математическое образование вы получили?

Леонтьев: Я изучал математику, но очень рано захотел расширить свой кругозор в этой области, когда понял, что математическое доказательство имеет для экономистов большое значение. Я много читал, в университете прослушал базовый курс, всегда старался заниматься не только теоретическими, но и эмпирическими исследованиями. В экономике это требует владения математическими методами, например, системным анализом.

Фоули: Но вы также говорите, что сначала должно прийти видение экономической структуры и взаимосвязей.

Леонтьев: Полагаю, что нужно и то, и другое — если у вас есть только это видение, оно ничего не даст. Когда до своего прихода в Национальное бюро экономических исследований я работал над методом «затраты — результаты», для меня было крайне важно хорошо представлять себе математические соотношения. В экономике используется математика не самого высокого порядка. Например, те, кто перевел на язык математики неоклассическую экономическую теорию, не предложили никаких особо интересных идей. Конечно, кое-что они предложили, но ничего особенно интересного относительно механизма функционирования экономической системы они не представили, и эмпирический анализ для них в конечном счете был не важен.

Фоули: Из разговоров на эту тему с другими я понял следующее: многие очень надеялись, что формализация экономики позволит сделать какие-то важные открытия.

Леонтьев: Без цифровых данных это невозможно. Без цифровых данных

это никогда ничего не даст. Можно только установить какие-то принципы равновесия и неравновесия.
Фоули: Вы полагаете, что этим реальный вклад в науку этой программы более или менее и ограничивается?
Леонтьев: Полагаю, что да. Они добились бы большего прогресса, если бы располагали действительно качественной, очень подробной эмпирической информацией. Было бы интересно, например, понять, как современный технический прогресс повлиял на спрос на труд. Он мог уменьшить этот спрос и даже породить социальные проблемы, поскольку труд — это не просто один из факторов производства. И тогда вам нужно будет поддерживать труд. Полагаю, что государству теперь приходится субсидировать население через расходы на образование, здравоохранение и, конечно, социальное обеспечение (а, возможно, и какую-то социальную помощь), но всего важнее социальное обеспечение. Мне кажется, что в конечном счете система социального обеспечения будет предусматривать перераспределение доходов для того, чтобы у людей были средства на приобретение потребительских товаров. Уже сейчас это очень развито — меня поражает, какие средства расходуются на социальное обеспечение моей семьи.
Фоули: Это кейнсианская проблематика — поддержка спроса через государственные субсидии.
Леонтьев: Да. Но это не только поддержка спроса. Кейнс поддерживал занятость, чего в данном случае нет. Поддерживается только спрос. Вы кормите людей. Техника снизит или, во всяком случае, не увеличит занятость. Я думаю, что техника, конечно, конкурирует с трудом, обычным трудом. Если

у вас все производят автоматы, вы, естественно, не будете нанимать столько людей.
Фоули: То есть это иллюстрирует вашу мысль о том, что изучение реальной структуры происходящего должно опираться на солидный фундамент?
Леонтьев: Да. Технический прогресс всегда, даже в доисторические времена, был движущей силой экономического развития, но сейчас, когда он ускоряется научными исследованиями, такого рода анализ крайне важен. Экономисты пытались его провести, но в основном делали общие заявления. Как только электроэнергия становится дешевле, технический прогресс приобретает большое значение. Сейчас производство требует гораздо больше электроэнергии.
Фоули: Как вы думаете, присуждение Нобелевской премии по экономике в целом способствует улучшению условий для того, чтобы проводить экономические исследования?
Леонтьев: Вы знаете, есть одна проблема. Думаю, что скоро они не смогут найти достойных кандидатов. Проблемы уже начались.
Фоули: Оказало ли получение премии какое-либо влияние на вашу работу или жизнь как ученого?
Леонтьев: В какой-то мере — на мою жизнь... Но не на работу. Естественно, стало легче получать заказы. Но отнюдь не легче получать финансирование. Теперь, например, я вообще не могу получить никакого финансиро-

вания. Так что, полагаю, моя научная жизнь стала легче, но, как я уже сказал, продолжение деятельности Нобелевского комитета проблематично. Думаю, что уже сейчас его внимание постепенно переключается с экономистов-теоретиков на институциональных экономистов. И теперь возникает проблема, поскольку в конкретных экономических исследованиях можно, по крайней мере, говорить о какой-то иерархии, а также крупных шагах вперед, прорывах, тогда как в институциональной школе я действительно не вижу никаких крупных прорывов. Меня беспокоит, что экономисты сегодня недостаточно интересуются институциональными изменениями, обусловленными появлением новых технологий, которое я определенно считаю движущей силой.

Фоули: Было немало споров о том, должна ли экономика взять за образец какую-нибудь другую науку, в частности, физику или биологию, и если да. то какую. Считали ли вы когда-нибудь, что экономика должна стать чем-то вроде физики или биологии общества?

Леонтьев: Думаю, особого толка от этого не будет. Экономисты-математики, естественно, любят смотреть на физику. Думаю, идея Дарвина была действительно интересной, и, в определенным смысле, Дарвин был великим интеллектуальным революционером. Он совершил колоссальную революцию не только в биологии, но и в анализе всех жизненных про-

цессов. Думаю, Дарвин — да, Ньютон и Дарвин — внесли огромный вклад в понимание причин социальных изменений. Дарвинизм очень важен, хотя, конечно, интересен тот факт, что на Дарвина оказал влияние Мальтус. Что именно вас интересует?

Фоули: В последнее время я занимался, в том числе, и эволюционным моделированием научно-технического прогресса. На всем длительном отрезке времени, пока технический прогресс будет иметь решающее значение, также будет существовать проблема глобального потепления.

Леонтьев: О да. Совершенно согласен. Технологии играют существенную роль.

Фоули: В более краткосрочной перспективе большое значение может иметь замена существующих технологий, но думаю, что в долгосрочной перспективе важнее будет направление, уклон научно-технического прогресса. Вопрос в том, существует ли способ его контролировать.

Леонтьев: Вот именно. Не обязательно сознательно, но... Теперь, конечно, связь между научным и техническим прогрессом стала гораздо теснее. Трудно даже представить себе технический прогресс без прогресса науки, и, учитывая глобальное потепление, эти вещи приобретают особое значение. А что мы можем сделать? Мы можем сделать многое. Например, снизить темпы экономического развития.

Фоули: Эта идея непопулярна в мире, жаждущем развиваться как можно быстрее.

Леонтьев: Удивительно, насколько отстали в техническом отношении многие менее развитые страны. Начав вырубать деревья, вы добьетесь этого очень быстро.

Фоули: Если бы вам представили молодого ученого, которому пришла в голову такая же новаторская, но дорогостоящая идея, как метод «затра-

ты — выпуск», то как бы вы посоветовали ему действовать?
Леонтьев: Я порекомендовал бы ему что-нибудь опубликовать. Не знаю, кто сегодня получает деньги. Последнее время я не следил за изменениями в этой области, ведь мне уже за 90. Но, конечно, много денег тратится не на исследования, а на сбор данных. У некоторых экономистов есть хорошие идеи, и они действительно могут сделать что-то с этими данными, но экономика сегодня все ближе и ближе к технологиям. Чтобы использовать влияние научно-технического прогресса на изменения в экономике, вы не можете просто рассчитать какую-нибудь кривую предложения; у вас действительно должна быть масса информации. Я описал, как это можно сделать, и мне почти удалось найти на это деньги. Мне кажется, что, имея действительно подробные данные, можно было бы даже сделать определенный прогноз, предсказание. Я связался с сообществом производственников, с представителями различных отраслей, и они готовы были снабдить меня информацией. Думаю, что в этом будущее этой работы, во взаимодей-

ствии между экономикой и отдельными отраслями, наукой и системой производства.
Фоули: Были ли у вас когда-либо личные или научные контакты с Пьеро Сраффа, наполовину англичанином, наполовину итальянцем, работавшим над линейными моделями?
Леонтьев: Нет, я никогда с ним не встречался. Но, думаю, он был очень интересным человеком. Интересным было его видение. Думаю, анализ затрат и результатов не обязательно линеен. Я интерпретировал бы его как одно из направлений неоклассической теории. Сраффа интересовало нечто иное, непрямые зависимости. Я вовсе не настаиваю на линейной зависимости, только учитываю то, что иметь дело с нелинейными системами ужасно сложно. Что делают математики даже при расчетах? Они выделяют в составе системы подсистемы с линейными зависимостями, а затем снова складывают их в единое целое. Вот как большинство из нас использует математику в сфере, в которой большое значение имеют цифровые данные.
Фоули: Я хотел спросить вас о связи метода «затраты — выпуск» с анализом на основе производственной функции. Сегодня в экономике производства, похоже, доминируют производственные функции.
Леонтьев: О да. Производственная функция слишком гибка. Прежде всего, связывать всё это в единое целое глупо. Я представляю себе различные методы производства как кулинарные рецепты, в которых указаны даже такие моменты, как температура и прочее, а также то, что нужно знать, чтобы приготовить данное блюдо. Этот подход позволяет нам анализировать технический прогресс. Техническая производственная функция была, в сущности, попыткой не заниматься эмпирическим анализом. Понимаете, при наличии производственных функций он и не нужен. Вы делаете догадку относительно нескольких параметров вместо того, чтобы подробно анализировать происходящее, и если вы пытаетесь обобщить производственные функции, то это опасно, очень опасно.
Фоули: Что вы думаете о преимуществах и недостатках увязки отраслевых показателей с показателями фирмы или предприятия?
Леонтьев: Думаю, что институциональная структура производства, струк-

тура производства в разрезе предприятий в какой-то мере отражает технологию, но это очень тонкий вопрос, поскольку проблема того, как экономическая деятельность распределяется между различными создаваемыми людьми организациями, совсем не проста. Эта структура имеет определенное отношение к реальному распределению, но не прямое. Создаваемые людьми организации очень сложны. Вы можете осуществить эту увязку в одном отношении и не осуществить в каких-то других, но я согласен и с тем, и с другим подходом, особенно учитывая, что и предприятиями дело не ограничивается. Теперь даже предприятия имеют сложную институциональную структуру.

Фоули: Одна из практических проблем заключается в том, что когда вы дезагрегируете затраты и результаты, то обнаруживаете, что одна и та же фирма начинает появляться сразу в нескольких отраслях. Это также связано с поднятой вами ранее темой финансов. Финансы появляются на уровне фирмы.

Леонтьев: Полностью согласен, и здесь мы согласимся с необходимостью целостности, связывания воедино. Институциональные структуры меняются очень легко. Поэтому, если говорить об управлении, то фирма совершенно не отражает технологий. Одна и та же компания может производить мороженое и варить сталь. Этого, я думаю, избежать нельзя, но, возможно, в силу собственных интересов я скорее приветствовал бы подход «сначала предприятие — потом компания», поскольку предприятие — нечто однородное. И это очень интересная проблема.

Фоули: В чем, по-вашему, будущее экономической, и в частности, макроэкономической науки?

Леонтьев: Думаю, значение проблем распределения доходов возрастет. Как я уже упомянул, труд не будет больше играть такую роль, и главное будет заключаться в том, чтобы просто управлять системой. Люди будут получать свои доходы через систему социального обеспечения. Уже сейчас мы получаем их через социальное обеспечение и пытаемся придумать всякий раз предлог для оказания людям социальной помощи. Огромную роль при этом, полагаю, будет играть государство, и те экономисты, которые пытаются ее сейчас минимизировать, боюсь, демонстрируют поверхностное понимание того, как работает экономическая система. Мне кажется, если бы мы сейчас упразднили государство, то наступил бы полный хаос. Сегодня планирование, естественно, играет определенную роль, но я не считаю его основной функцией государства. Государство, на мой взгляд, имеет большое значение, и это значение в условиях научно-технического прогресса должно возрасти. Когда задумываешься над тем, что произошло бы с системой, если бы мы совершенно упразднили государство, то понимаешь, что это было бы ужасно.

Фоули: Но вы думаете, что это особенно справедливо из-за того давления, которое научно-технический прогресс при капитализме оказывает на общественное устройство, и из-за ослабления взаимозависимости между трудом и доходом?

Леонтьев: О да. Совершенно верно. Рынок труда — недостаточный инструмент для перехода от производства к потреблению.

Фоули: Задам вам еще только один вопрос. Вы всю жизнь наблюдали изнутри за тем, что происходит внутри сообщества американских экономистов и более широкого сообщества американских ученых и политиков. Если бы вы были антропологом, то как бы охарактеризовали экономистов — как особое племя или культуру по сравнению с физиками или биологами?

Леонтьев: Это зависит от того, каких экономистов вы имеете в виду. Ученые-экономисты — это просто часть научного истеблишмента, но, полагаю, что мы, экономисты, незаменимы как бухгалтеры. Чтобы управлять системой, нужно разделять взгляды и принципы менеджеров, и экономисты — это просто особая разновидность менеджеров, если не считать экономистов-ученых, которые не подпадают под это определение.

Фоули: А видите ли вы какую-либо разницу между учеными-экономистами и учеными других специальностей или инженерами-производственниками, с которыми работаете?

Леонтьев: В экономической науке существуют разные тенденции. Некоторые видные экономисты просто доказали пару теорем или переписали классические или неоклассические учебники.

Фоули: Вы имеете в виду, что экономисты выше ценят работы по классификации и формализации, чем те, которые позволяют узнать что-то новое о самом мире?

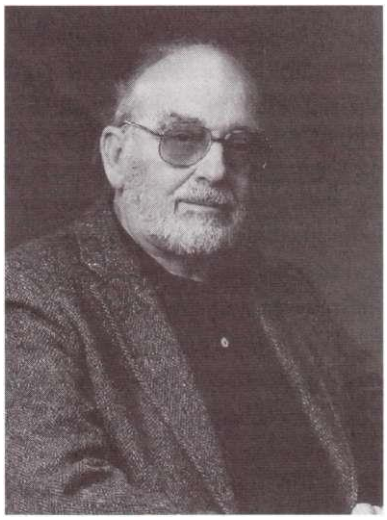
Леонтьев: Да. С моей точки зрения, это важное замечание. Поскольку меня интересуют проблемы общества, я считаю экономику общественной наукой. Экономисты обязаны, безусловно, вносить свой вклад в понимание того, как развивается человеческое общество, и здесь представители экономической науки должны сотрудничать с антропологами и другими учеными.

2. ИНТЕРВЬЮ С ДЭВИДОМ КАССОМ

Беседовали Стивен Спир,
Университет Карнеги-Меллона,
и
Рэндалл Райт,
Пенсильванский университет,
13 февраля 1998 г.

Дэвида Касса, несомненно, можно назвать одним из отцов современной теории экономической динамики. Фундаментальный вклад в эту теорию он внес своими работами по проблемам оптимального роста, моделям перекрывающихся поколений, равновесию солнечных пятен, а также моделям общего равновесия с неполными рынками. Его изыскания во многом определили то, как мы сегодня занимаемся и микро-, и макроэкономическими исследованиями. Труды Касса сыграли важную роль в разработке современной макроэкономической теории: модели Касса-Купманса заложили основу теории реальных экономических циклов; анализ моделей экономической динамики, его общий инструментарий и методы позволили нам углубить понимание монетаристской теории, а также внесли огромный вклад в развитие экономики внешней неопределенности. Касс не только первоклассный ученый, но и яркая, в высшей степени свободолюбивая личность.

Проводя это интервью, мы хотели, прежде всего, получить информацию о биографии Дэвида Касса и его подходе к экономическим исследованиям. Также, учитывая название и целевую аудиторию журнала *Macroeconomic Dynamics*, мы пытались вовлечь его в обсуждение современной макроэкономической науки и того влияния, которое оказали на ее развитие его работы. Некоторые фрагменты нашей беседы ради экономии места были сокращены, но то, что осталось, практически не редактировалось. Как известно большинству читателей, Дэвид Касс долгое время сотрудничал с Карлом Шеллом. Мы встретились с Дэйвом в его заваленном журналами, книгами и компакт-дисками кабинете на экономическом факультете Пенсильванского универси-



тета незадолго до обеденного перерыва. Он был в своих обычных джинсах и футболке и выглядел таким же взъерошенным, каким выглядит обычно. Мы поговорили немного в кабинете, затем продолжили за обедом, а потом вновь вернулись в кабинет, проведя за разговором несколько часов. Тот февральский день был не по сезону теплым, пятница, тринадцатое, если быть точным. Этот день принято считать несчастливым, но для нас, по крайней мере, он оказался очень удачным. Надеемся, что вы получите от этой беседы такое же удовольствие, какое получили и мы.

MD (Macroeconomic Dynamics): Давайте начнем с того, что поговорим о вашем случае присвоения ему Женевским университетом почетной степени доктора экономических наук. Вашей учебе в аспирантуре и вашем наставнике Хирофуми Узава. Как вы впервые с ним познакомились?

Рис. 2.1. Дэвид Касс, 3 июня 1994 г.

Касс: О'кей. Программа подготовки аспирантов в Стэнфордском универ-

ситете показалась мне совершенно бессистемной. Приведу вам один пример. В том году, когда я поступил в Стэнфорд, у них был устный квалификационный экзамен в первом семестре, и все понимали его полную абсурдность. В дальнейшем это требование отменили, но в тот момент экзамен уже был запланирован, и его решили оставить. У меня экзамен (а я в то время даже не знал точно своих преподавателей) принимали Кен Эрроу и кто-то еще. Узнав об Эрроу, я пришел в ужас. Когда Кен задал мне вопрос, я довольно глупо ответил. А у него есть эта способность принять чей-то ответ и затем отредактировать его таким образом, чтобы он показался очень содержательным. Вот мой экзамен и состоял из того, что я давал Эрроу короткие ответы, а он затем старался придать им какой-то смысл.

Главное заключалось в том, что они отменили требование обязательной сдачи этого экзамена, но все равно его провели, и это было типично. В Стэнфорде аспиранты были в основном предоставлены самим себе. Четкой программы не было. Я уже не помню точно, как впервые познакомился с Узавой, но там была группа экономистов-математиков, занимавшихся не на факультете, а в небольшом домике в кампусе, который назывался Серра-Хаус. В нее входили стэнфордцы, которых я особенно ценил: Эрроу, Узава, Скарф. Были там и другие специалисты по применению математики в социальных науках. Карл Шелл откуда-то знал о Серра-Хаусе с самого начала, и мы стали там заниматься.

MD: Вы и Карл поступили в один и тот же год?

Касс: Да. И именно Карл привел меня в Серра-Хаус. Не помню, как мы познакомились с Узавой, но как-то познакомились. Возможно, он вел семинар или что-то в этом роде. Было очевидно, что он действительно занимается наукой и хорошо руководит аспирантами, и мы к нему прикрепились. После этого последние два года в Стэнфорде (а всего я провел там четыре года) я в основном работал в Серра-Хаусе, сотрудничая с Узавой. Он постоянно вел семинары. На мой взгляд, Узава — ужасный лектор, но потрясающий педагог. Его величайшее достоинство заключается в том, что когда он вам преподает, то объясняет, как занимается наукой. Если он не подготовится, то расскажет вам о статье, над которой сейчас работает, об ошибках, которые сделал, и о том, как их можно исправить. Он объясняет, почему решил сделать то или это, и это все равно, как если бы вас учили проводить исследования.

Поэтому я прослушал у него несколько курсов и нашел их замечательными, но по обычным меркам они были, наверное, катастрофой. Он преподавал эконометрику и хотел рассчитать какую-то оценочную функцию, кажется, функцию оценки максимальной достоверности ограниченной информации, но, как выяснилось, почти ничего о ней не помнил. Полкурса состояло из того, что Узава приходил и начинал доказывать теорему об этой функции и тратил на это час или полтора, а потом вдруг понимал, что снова пошел не тем путем, и говорил: «Извините». В следующий раз он все начинал сначала — это было невероятно! Но это было интересно. У него действительно были хорошие мозги для того, чтобы выполнить работу с нуля и придумать, как решить проблему.

Учиться у Узавы было одно удовольствие. Работая с аспирантами, я ста-

раюсь делать так, как делал Узава. Он относился к ним как к равным, и с каждым проводил массу времени, причем в разной обстановке. Не только в своем кабинете — он мог, например, пойти с аспирантом в бар или куда-нибудь еще. Он тратил на нас неимоверное количество времени. Теперь я думаю, что Узава, наверное, никогда не читал того, что я писал. Уверен, что не читал. Но он всегда хотел об этом поговорить. Он всегда вовлекал своих аспирантов в беседы, и на семинарах у него была группа таких вовлеченных аспирантов. Все аспиранты знали, кто из них что делает. Конечно, у него был свой конек — теория роста, а точнее, применение самых разных вариационных исчислений, принципа максимума, к моделям роста. Поэтому начало профессиональной деятельности у нас у всех было по сути одинаковым, но у меня по личным причинам уже с администрацией университета штата Пенсильвания возникли проблемы. Ее представители хотели, чтобы я не смешивал свою профессиональную деятельность с общественной, но я ответил, что это не соответствует моим представлениям о том, как нужно строить работу с аспирантами. Вот так я бы ответил на ваш вопрос

о том, как я познакомился с Узавой, — а конкретные подробности нашей первой встречи я уже не помню.

MD: Знали ли вы уже тогда, что хотите заниматься теорией роста?

Касс: Вовсе нет.

MD: Какова была тема ваших исследований во время учебы в университете?

Касс: Экономика России.

MD: Экономика России?

Касс: Да. Это действительно странно, поскольку языки давались мне, наверное, хуже всего.

MD: Где вы учились?

Касс: В Орегонском университете. Я всегда считал, что должен стать юристом, так как в моей семье это традиция. Я отучился год в Гарвардской школе права и ненавидел каждую проведенную там минуту. В основном я занимался тем, что перечитывал великую русскую литературу и сдавал экзамены исключительно благодаря дедуктивному мышлению. Я запоминал несколько определений и от них отталкивался — этого вполне хватало. Затем я пошел в армию. Чего мне действительно хотелось, так это вернуться в аспирантуру и заниматься экономикой, поэтому я решил остаться на Западном побережье. Мне очень повезло. Я ничего не знал об аспирантурах, но похоже было на то, что выбирать следовало между Беркли и Стэнфордом. Чисто случайно я выбрал Стэнфорд, а не Беркли, но, думаю, это было чертовски хорошее решение, поскольку я попал к преподавателям действительно мирового класса.

MD: А почему вы решили в аспирантуре заниматься именно экономикой?

Касс: Мне нравилась экономика, и я понимал, что мой диплом — только верхушка айсберга. Тогда на занятиях только-только начинали использовать уравнения, и меня увлекла эта идея — идея формализовать общественную науку.

MD: Наверное, ваша математическая подготовка, когда вы поступили в

аспирантуру, была довольно слабой?
Касс: На самом деле этой подготовки у меня вообще не было. В моем университете преподавали тригонометрию, алгебру, геометрию и все. Помню, что в первый день учебы в Стэнфорде я попал к преподавателю макроэкономики, которого звали Боб Слайтон. На первом же занятии он записал модель общего равновесия и решил рассчитать мультипликатор, являющийся просто производной от этой модели. Он исписал всю доску и одну из стен аудитории, а я не понял из всего этого ни слова. Я знал, что такое производная, но не знал, что такое частная производная. То, что он делал, называлось нахождением частной производной. Конечно, в те дни, занимаясь нахождением частной производной, люди на самом деле не

понимали, что делают. Они записывали формы дифференциала, которые в дифференциальной топологии называются касательными пространствами, и занимались исчислением на комплексных многообразиях, но на самом деле в нем не разбирались. Этот метод еще не был освоен должным образом.
После этого занятия я пришел домой и сказал себе, что недостаточно подготовлен, чтобы учиться в аспирантуре по экономике. Поэтому я записался на математический анализ и статистику и высидел до конца все занятия Слайтона, а они были превосходны. Иное дело — занятия по микроэкономике. Их вел некто Мелвин Редер, специалист по экономике труда. В первый день он пришел, водрузил свои ноги на стол, сказал что-то уничижительное об экономической теории, и больше я к нему не ходил. Первый семестр я провел, изучая введение в матанализ и теорию вероятности. Теорию вероятности преподавал, как я потом узнал, специалист мирового класса. Это было замечательно, поскольку он иллюстрировал все понятия примерами. Потом вы могли легко подготовиться к экзамену, так как хорошо представляли себе, что это за предмет — теория вероятности.
MD: Ваша совместная работа с Карлом началась еще в Стэнфорде?
Касс: Нет. Самое забавное в Стэнфорде, и, возможно, это присуще и другим программам подготовки аспирантов, заключалось в том, что они отбирали людей, из которых, по их мнению, могли получиться звезды. Карл изучал математику в Принстоне и поступил в Стэнфорд, в основном, потому, что знал о Кене Эрроу. Карл был именно такой будущей звездой (лучшим выпускником его не выбрали, и я уже забыл, как звали того, кого выбрали, — он оказался полным разочарованием). Поскольку я решил в первый год не записываться на экономику, я редко общался с аспирантами-экономистами и с Карлом познакомился, наверное, только к концу второго года. Он привел меня в Серра-Хаус, где аспиранты Узавы работали все вместе, и мы знали проблемы друг друга и поэтому могли легко общаться. Но вообще-то никто из нас не писал работы совместно. Мы с Карлом стали писать вместе намного позже, в начале 1970-х, но опять-таки Карл знал мою диссертацию, а я знал диссертацию Карла, и то, как она готовилась, поэтому вопрос о том, кто и какой вклад сделал, будучи еще аспирантом у Узавы, всегда оставался открытым.
MD: А что заставило вас выбрать такую тему диссертации?
Касс: Оптимальный рост? В основном, увлечение Узавы принципом

максимума.
MD: Какую теорию роста вы знали до этого?
Касс: В тот период было принято проводить грань между тем, чем мы хотели заниматься — оптимальным или запланированным ростом, — и описательной теорией экономического роста а-ля Солоу. Он потратил тонну бумаги с тех пор, когда начал с весьма известной односекторной модели,

а затем перешел к многочисленным работам, посвященным моделям конкурентного роста, — моделям, в которых было больше товаров, и, возможно, какая-то особая технология. Он все время повторял, как нужно описывать конкурентное равновесие и его эффективность (то, что Маленво проделал намного элегантнее в своей заслуженно знаменитой работе «Эконометрика»). Так что это описательная теория роста. Затем была известная всем работа Рамсея, и Узава очень увлекся двухсекторными вариантами неоклассической модели экономического роста. Он написал на эту тему несколько работ. Потом решил заняться теорией оптимального роста и написал работу, посвященную в основном двухсекторной модели с линейной функцией цели. Он практически заново создал математический анализ отклонений (это человек с весьма оригинальным мышлением) и затем открыл для себя принцип максимума и очень им увлекся. Узава также вел семинар по истории экономической мысли, и на этом семинаре он углубился в прошлое, взял оттуда все великие имена в экономике, начиная от Рикардо, Маркса, и... представил то, чем они занимались, в качестве модели роста. Работа Узавы оказала на меня большое влияние. О Рамсее я тогда и не слышал.
MD: Это любопытно, поскольку о Рамсее иногда говорят как о «скрытом» классике. А другие тоже не слышали о Рамсее? А Узава?
Касс: Нет, не думаю — я услышал о Рамсее не раньше, чем написал первую главу своей диссертации по оптимальному росту. И тогда я, честно говоря, пришел в некоторое замешательство.
MD: Как вы открыли для себя Рамсея?
Касс: Теперь уже не помню. Возможно, кто-то о нем упомянул. Возможно, Узава знал о нем, но на самом деле нет — он считал меня первопроходцем. В каком-то смысле это совершенно не так. Действительно, я испытывал, как правило, некоторую неловкость, поскольку эта работа всегда цитируется, хотя я думаю о ней как об упражнении, практически воссоздающем модель Рамсея и делающем по сравнению с ней лишь небольшой шаг вперед.
MD: У Рамсея не было дисконтирования, а у вас оно было. Это одно из отличий, не так ли?
Касс: У Рамсея дисконтирования не было. Он много говорил о корректности функции социального благосостояния с моральной точки зрения. Тьяллинг Купманс тоже придавал ей большое значение, когда писал подобную работу. Без дисконтирования подходить к этим проблемам оказывается гораздо сложнее, поскольку даже если требуется найти функцию для функционала, эта функция может оказаться бесконечнозначной, и вам придется использовать какой-нибудь особый прием, чтобы ее интерпретировать. Чтобы получить однозначно определенную функцию, нужно понять

разницу между полезностью потребления и полезностью потребления, со-

ответствующего «золотому правилу». Очень интересно, между прочим, что проблема Рамсея — это обратный пример того, как обычно поступают сегодня. Думаю, что в макроэкономических исследованиях делают именно так, даже не задумываясь об этом — когда применяют динамическую оптимизацию, а также выполняются условия трансверсальности, о чем я тоже писал в своей диссертации, и это совершенно неправильно. Проблема Рамсея — контрпример этого подхода. У вас есть оптимум, но он не удовлетворяет условию трансверсальности.

MD: Это касается моделей, в которых не используется дисконтирование?

Касс: Да, это характерно для моделей без дисконтирования. Это имеет отношение к тому условию в теории капитала, которое называется отсутствием стесненности и при котором становится необходимой трансверсальность. По сути именно этот фактор дает вам возможность использовать теорему о разделяющей гиперплоскости. Ну, вот, я уже и забыл, о чем вы спрашивали!

MD: Как вы пришли к проблемам оптимального роста?

Касс: Вообще-то, хотя Узава всегда возвращался к истокам, читал литературу и всегда черпал в ней вдохновение, этого я у него совсем не перенял. Я просто решил поработать над этой тематикой, поскольку эти подходы были новыми и перспективными и поэтому казались интересными. Принцип максимума, кое-какие дифференциальные уравнения и прочее я решил освоить самостоятельно — разговаривая с людьми, наблюдая за работой Узавы, и, главным образом, читая книжки по математике. В то время нашей библией была оригинальная книга Понтрягина о принципе максимума. Это тоже весьма интересно, потому что в этой книге очень много геометрии, а Понтрягин был слепым.

MD: Она была на русском? Тогда у вас было неоспоримое преимущество.

Касс: На русском я мог прочитать немного, но ее перевели. Как бы то ни было, он был слепым, и все же его способ мышления было чисто геометрическим; он как бы рисует то, о чем пишет. И вот я просто объединил подходы этих двоих. Узава решил, что это потрясающе. Не знаю, почему — наверное потому, что над этой проблемой работал Тьяллинг Купманс, а он был для Узавы чем-то вроде кумира. Вообще-то Узаве нравилось обходить других. Как-то он обсуждал с Купмансом эту проблему, и Купманс рассказывал о своих исследованиях, Узава прервал его и сказал: «А у меня есть аспирант, который эту проблему решил». Купманс тогда очень разволновался. Он всегда нервничал по поводу авторства, первенства и тому подобного, и у нас с ним была переписка. Купманс также очень интересовался вариантами без дисконтирования и решил в некотором смысле намного более сложную проблему помимо того, что решил проблему и с применением дис-

контирования. Купманс проделал анализ от начала и до конца — делая расчеты для всех условий.

MD: Потом вы стали искать себе работу.
Касс: Расскажу вам в этой связи историю, дающую представление об особенностях характера Узавы. Первоначально он хотел, чтобы после защиты диссертации я работал в университете Пердью, где был очень хороший факультет, но потом он узнал от Купманса, что Фонд Коулза нанимает людей. Узава решил, что работа в Фонде лучше. Но его представление о том, как нужно помогать аспиранту с трудоустройством, было своеобразным: он считал, что иметь сразу два предложения аморально. Поэтому зимой я отправился в Бостон, имея в своем активе только интервью в Фонде Коулза и пару других, о которых я договорился сам, и которые оказались ужасными. Большую часть времени я провел в гостиничном номере, где смотрел футбол, а жил я в одном номере с Карлом, который прошел сотни собеседований! Настал последний день прохождения интервью, и все зависело от того, чем закончится мое знакомство с Фондом Коулза, которое состоялось во время обеда с участием Купманса, Герба Скарфа и не помню кого еще, вероятнее всего, Джима Тобина. Я немного рассказал о своей диссертации, но Купманс уже о ней знал и решил спросить меня, над чем я буду работать через десять лет. Как и любой аспирант, я не думал даже о том, что будет через два месяца. И уж тем более понятия не имел, над чем буду работать в будущем!
По какой-то причине они не смогли взять меня в штат, как обещал вначале Купманс. Он предложил мне поработать в Фонде Коулза научным сотрудником один год, с тем чтобы этот срок был затем продлен, и я стал не только научным сотрудником, но и доцентом. Вы не поверите, какая в те дни была зарплата, даже с учетом инфляции. Моя зарплата, когда я начинал, составляла 8000 долларов в год.
MD: Расскажите нам о Йеле.
Касс: В Йеле была замечательная аспирантура. В то время у Фонда Коулза было много денег и стремление привлечь большое количество младших преподавателей. Мы размещались в отдельном здании, в небольшом домике. Такие люди, как, в частности, Тобин, нас реально поддерживали. Я вспоминаю о своих днях в Йеле с большим удовольствием. Первое время я много общался с Недом Фелпсом. Потом, конечно, познакомился с Мэнни Яари — мы говорили с ним о многих вещах и, в конце концов, написали работы, основанные только на этих обсуждениях. Именно так появилась статья о потребительском кредите.
MD: Тогда вы и занялись моделями перекрывающихся поколений?
Касс: Да, мы занимались ими вместе с Мэнни.
MD: Многих ли тогда, в 1960-е гг., интересовали модели перекрывающихся поколений? Можно предположить, что нет, поскольку опублико-

ванная в 1950-х работа Самуэльсона долго не привлекала к себе особого внимания.
Касс: Да, она долго не вызывала отклика. Работу Касса и Яари много цитировали, и, думаю, в основном потому, что она возродила интерес к модели перекрывающихся поколений. Я не придаю этой работе особого значения, поскольку мы столкнулись с большими проблемами. Не хочу, чтобы мои слова потом цитировались, но, по-моему, немногое в ней вы-

держит проверку временем.
MD: Так вы с Яари обсуждали разные проблемы, а потом заговорили о перекрывающихся поколениях. Говорили ли вы о них ранее с Карлом?
Касс: Нет, не думаю. Как мне помнится, я впервые задумался о них в первый год своей работы в Фонде Коулза.
В продолжение темы Коулза следует сказать, что на второй и третий год моего пребывания там пришло большое пополнение из Массачусетского технологического института: Джо Стиглиц, Марти Вейцман, Билл Нордхаус и другие. Обстановка стала просто замечательной. У нас с Джо Стиглицем был общий кабинет. Я, наверное, никогда бы не познакомился с Джо и не стал бы воспринимать его всерьез, поскольку он все делает быстро и неаккуратно. Но мы сидели вместе, и я наблюдал, как утром Джо приходил, садился и говорил: «Сегодня я напишу статью». Он садился за свою пишущую машинку и писал статью. Меня это неизменно поражало, поскольку я работал медленно. И вот у меня вошло в обыкновение — когда Джо говорил, что сегодня напишет о чем-нибудь статью, — заводить о ней разговор. Он приходил с какой-нибудь идеей, и я его спрашивал: «А откуда ты знаешь, что это так?» Вообще-то мы и написали с ним множество работ потому, что я задавал ему этот вопрос. Одна из них по-прежнему часто цитируется. Это работа о выборе портфеля — а именно, как свести этот выбор к тому, чтобы выбирать только между двумя активами. Думаю, эта работа была сложной, и мы получили действительно серьезные результаты, но в ней просто обосновывалось упрощение. Оказывается, чтобы доказать необходимость упрощения выбора, необходимо было обязательно исходить из допущений о предпочтениях.
В общем, в Фонде Коулза все было необычно, все настраивало на работу. Почти каждый делился своей идеей с другим. Никто не пытался их скрыть. Все идеи обсуждались.
MD: Яари к вам наведывался?
Касс: Нет, в Коулзе он получил свою первую работу. Его назначили, насколько я помню, доцентом, но временно, как это обычно и делалось. Я тоже, пока там находился, был доцентом. Затем пришла пора подумать о постоянной работе, и он должен был решить, вернуться в Иерусалимский университет Израиля или остаться в Фонде Коулза. Вообще-то, на мой взгляд, Йельский университет принял несколько очень глупых кадровых

решений. Отчасти это было связано с тем, что университет хотел постоянно готовить младших преподавателей; они не хотели, чтобы у них было много старших преподавателей. Поэтому они и отвергли Мэнни. Другая серьезная ошибка — отклонение кандидатуры Неда Фелпса. А ведь у него такой творческий ум! Как и у Яари. К ним обоим я испытываю колоссальную симпатию и уважение. А им наотрез отказали.
Если хотите, и я был одним из тех молодых людей, оставлять которых у себя университет не собирался. Не думаю, что они всерьез хотели взять меня в штат, и честно говоря, когда я смог на это претендовать, у меня было маловато публикаций, возможно, всего пять или шесть. Помню, я искал работу и отправился в Университет Джонса Хопкинса, где декан факультета сказал мне, что они не могут всерьез рассматривать мою канди-

датуру, поскольку у меня недостаточно публикаций. Но Ричард Сайерт еще за несколько лет до этого по какой-то причине решил, что хочет видеть меня в Университете Карнеги-Меллона. Поначалу я считал (возможно, вы не захотите оставлять это в записи), что этот университет — серьезное место, но потом обнаружил, что статьи там обычно пишут так: просто применяют теорему Куна-Такера к решению какой-нибудь проблемы. Меня такая перспектива не устраивала. Но потом я приехал в Карнеги и познакомился кое с кем из младших преподавателей. Я очень хорошо знал Роберта Лукаса, и это послужило для меня сильной приманкой.

MD: Как вы познакомились с Лукасом?

Касс: Ну, Боб был в Чикагском университете, наверное, просто его заканчивал, когда Узава перевелся туда из Стэнфорда. Боб никогда не работал с Узавой, но работа Боба, по-видимому, тоже не вызывала там большого интереса у других преподавателей, так как он хотел заниматься примерно тем же, что и Узава. Поэтому он стал чем-то вроде протеже Узавы. Я не хотел бы преувеличивать значение этого эпизода, но помню, как впервые получил возможность оценить интеллект Боба. Он дал мне какую-то задачу, связанную с динамической моделью «затраты — выпуск», — насколько мне помнится, что-то насчет отраслевой структуры, вхождения в отрасль фирм, а также их ухода с рынка. Как бы то ни было, я познакомился с Лукасом, потому что Узава наблюдал за работой свои аспирантов и обычно проводил конференции, пока был в Чикаго, где он также создал группу аспирантов. Лукас присутствовал на одной из первых конференций, на которую я поехал, — так я с ним и познакомился. Он был очень умен, очень серьезен, мы прекрасно ладили, и поэтому он стал одной из приманок, побудивших меня перебраться в Карнеги-Меллон. Я знал, что он был не тот человек, чтобы просто применять условия Куна-Такера, и он явно не соответствовал тому стереотипу, который у меня сложился.

И вот я отправился в Карнеги на разведку и познакомился там с другими людьми. Очень интересным человеком оказался, например, Лен Рэппинг.

Сначала он был стойким приверженцем ориентированной на рынок чикагской школы, затем, в период войны во Вьетнаме, полностью поменял свои взгляды, но все равно оставался очень интересным и умным парнем. Другим, кого я помню и кто действительно произвел на меня впечатление, был Герберт Саймон — действительно интересный и творческий человек. Тогда я сказал себе: «Твой стереотип ошибочен, и отправиться туда будет очень интересно». Когда я приехал в Карнеги, это было очень хорошее место и вовсе не школа бизнеса; у них была программа MBA, но не традиционная школа бизнеса.

MD: Это было году в семидесятом?

Касс: Да, именно в 1970 г. Преподавателей было мало и сравнительно мало желавших получить степень MBA. Мы учили их так же, как учили аспирантов. И в те времена, в отличие от нынешних, они поступали, и считалось, что они будут справляться, а не предъявлять претензии, что материал слишком сложен или не имеет отношения к бизнесу. Карнеги стал первым университетом, в котором ввели количественные методы, и особенно в экономике, как общую основу, используемую во многих сферах

бизнеса. Яркий тому пример — превращение в нечто серьезное курса по финансам. Специалистам по финансам это не понравится, но скажу, что изучение этой дисциплины сводится, в сущности, к изучению экономических методов, и впервые это стали применять в Карнеги, и именно благодаря особенностям организации преподавательского процесса. Если возникала необходимость прочитать какой-нибудь курс, это просто кому-нибудь поручали. Мертону Миллеру и Франко Модильяни поручили читать курс финансов, и так они вдвоем его и читали. Когда что-то ставило их в тупик, они применяли экономическую методологию.

В Карнеги все действительно было замечательно. Программа MBA использовалась и для поиска талантливых аспирантов. Преподавать будущим выпускникам MBA было приятно, потому что их можно было учить серьезным вещам. Вам не нужно было дозировать информацию, поскольку предполагалось, что они будут изучать программирование, серьезную экономику, серьезную эконометрику и т.д. Другая особенность Карнеги заключалась в том, что там была очень хорошая система стимулирования сотрудничества между преподавателями, благодаря которой у них оставалось время на проведение исследований. Как и в Фонде Коулза, там действительно было все продумано — преподавательская нагрузка, вознаграждение за работу в летнее время, оплата транспортных и некоторых других расходов до тех пор, пока вы не становились таким признанным специалистом, что могли зарабатывать и в других университетах. Поэтому я не испытываю ничего, кроме уважения, к Университету Карнеги-Меллона, к Высшей школе промышленного администрирования (GSIA) при этом университете, а также к команде, возглавляемой Ричардом Сайертом. К Дику я испытываю колоссальное уважение.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

MD: Над чем вы работали в те дни?

Касс: Сайерту я благодарен в том числе и за то, что он, в сущности, оплатил мне годовой отпуск, выпавший на период между моим пребыванием в Фонде Коулза и в Университете Карнеги-Меллона, и я провел этот год в Токио, где написал несколько работ. Одна мне понравилась больше, чем остальные. Думаю, это одна из моих лучших работ, хотя, полагаю, и не самая читаемая. В ней решается следующая проблема: в неоклассической модели

роста, если использовать в качестве критерия потребление, можно получить такие конкурентные равновесия, которые будут неоптимальными, неэффективными. В принципе вы можете получить перенакопление капитала. Лучший тому пример был придуман Недом Фелпсом: если посмотреть на ту же неоклассическую модель, а также обратить внимание на устойчивое состояние, которое находится выше траектории «золотого правила», то можно отойти от этого устойчивого состояния немного назад к уровню капитала, соответствующего «золотому правилу», получить прирост потребления и всегда после этого иметь более высокое потребление. Более высокая точка все равно будет означать конкурентные цены, просто они не будут ценами эффективности. Посмотрев на эти альтернативные траектории, вы можете исключить те из них, которые неэффективны при условии трансверсальности. Поэтому условие трансверсальности — условие, достаточное для того, чтобы исключать перенакопление капитала.

Рис. 2.2. Конференция в Университете Карнеги-Меллона в честь Ричарда Сайерта, 11 сентября 1993 г. Слева направо: Дэвид Касс, Роберт Лукас, Алан Мельтцер, Эдвард Прескотт и Тимоти Магуайр

Для меня было крайне интересно выяснить, какое условие является достаточным, а какое — необходимым? Трансверсальность — это условие, достаточное для эффективности, но не являющееся необходимым. Сама траектория «золотого правила» — это, как я сказал ранее, контрпример. Траектория «золотого правила» эффективна, а при каком-то критерии и парето-оптимальна, но здесь условие трансверсальности не выполняется, поскольку процентная ставка однозначно равна нулю. Мы с Мэнни Яари начали работать над этой проблемой за два года до этого и получили одно решение в виде условия, которое было не так легко интерпретировать. Теперь я знаю, почему мне не понравилось это условие. Я хотел получить такое условие для траектории цены, которое было бы и необходимым, и достаточным, поэтому в Японии я работал над этим целый год и получил полное решение. Мне действительно нравится эта работа.

Итак, я провел год в Японии, работая над этой проблемой, а написал пару статей о том, о чем хотел написать. Одна из них была вполне в духе Солоу. Я взял модель Викселля, точечную модель «затраты — выпуск» и проанализировал конкурентное равновесие. Эта работа мне тоже нравится, но она очень специальная. Сомневаюсь, что ее вообще кто-то читал. В том году мы с Джо закончили нашу работу, посвященную выбору портфеля. Главным камнем преткновения для нас стало то, что в этой работе надо было выполнить расчеты в конкретных параметрических формах, а ни Джо, ни я не любили этим заниматься или не были настолько старательными, чтобы иметь дело с параметрическими формами. Поэтому нам с огромным трудом удалось договориться, как правильно записать эти примеры, чтобы проиллюстрировать нашу теорему. В окончательный вариант этой работы все равно вкрались алгебраические ошибки; почему-то никто из нас не потрудился ее вычитать.

Затем я какое-то время, образно говоря, сидел на берегу с удочкой.

Я больше работал над теорией роста. Я заинтересовался общей проблемой устойчивости конкурентных динамических систем, которая тогда была

очень немодной, поскольку завершалась эпоха неоклассического роста. Мы с Карлом написали на эту тему статью, которая мне очень нравится, хотя даже тогда она, возможно, уже была немного архаичной.
MD: Когда вы впервые стали работать с Карлом Шеллом?
Касс: В то время мы с Карлом написали действительно первую совместную работу. Карл тогда был в Пенсильванском университете. Как бы то ни было, вернувшись в Карнеги, я написал несколько небольших работ — в частности, по гамильтоновскому подходу к эффективному производству и по дуализму; однако крупных работ не было. Наверное, именно в Карнеги я начал общаться с программистами и делать вещи, связанные с программированием. С кем я действительно много разговаривал (помню его очень хорошо, он умер несколько лет назад), так это с Робертом Джерослоу,

программистом и специалистом по математической логике. Он был исключительно умен. Тогда все носились с интегральным программированием, поиском алгоритмов, которые позволили бы решать проблемы интегрального программирования. Алгоритмов было много, но никто не понимал, почему они работают, а Бобу действительно удавалось придумать для любого алгоритма такой контрпример, который всегда являлся несходящимся. Мы часто с ним разговаривали. У него появился интерес к экономике, а я снова заинтересовался программированием и написал по нему ряд работ. После этого мы с Карлом стали писать работу по устойчивости, на которую ушло несколько лет. Затем в какой-то момент (не знаю даже, как рассказать об этом) декан Сайерт стал ректором, и нам нужно было пригласить нового декана. В Карнеги в этом процессе активно участвовал весь преподавательский состав, и мы много спорили, кто именно нам нужен. По какой-то причине мы остановились на Арни Вебере, специалисте по экономике труда из Чикагской школы бизнеса. Это оказалось и для университета, и для меня настоящей катастрофой, поскольку он не имел ни малейшего понятия о традициях Карнеги. Он не понимал, что в Карнеги любили математику, и, в том числе, математику в экономике, а это означало, что вокруг должно быть много экономистов. Доказательством этого может служить тот факт, что вскоре после своего назначения он вызвал меня к себе кабинет под каким-то предлогом, и у нас состоялась беседа. Он сказал, что я — предмет роскоши и занимаюсь совсем не тем, чем нужно. Действительно, моих исследований по экономической теории бизнес-школа, наверное, не могла себе позволить. Но он высказался в такой оскорбительной манере, что я просто вышел из себя. Я ответил ему: «Да пошел ты... Арни!»
MD: Так и сказали?
Касс: Да, буквально так и сказал и решил, что, раз я работаю с Карлом, возможно, имеет смысл перебраться в Пенсильванский университет, хотя у меня и были некоторые опасения, поскольку я знал, что там очень увлекаются эконометрическими моделями. Однако они сделали мне хорошее предложение, и я не смог отказаться.
MD: Не могли бы мы подробнее поговорить о ваших годах в Карнеги?
Касс: Да, конечно.
MD: Одним из самых способных аспирантов, с которыми вы работали, был Финн Кидланд?

Касс: Да-да, Финн Кидланд. Я входил в состав диссертационного совета, когда он защищался, и много работал с ним над несколькими разделами его диссертации. Его диссертация была вся посвящена программированию. Другим таким аспирантом был Уильям Барнетт. Не помню, состоял ли я официально в совете по его защите. Помню, что мы много разговаривали, но, возможно, он ушел еще до того, как закончил аспирантуру. В основном я работал с теми, кто поступил в мой первый год в Карнеги,

например, с Джоном Дональдсоном и Робертом Форсайтом. Они особенно мне запомнились.

MD: Работа Кидланда и Эда Прескотта положила начало разработке теории реального экономического цикла, а основная модель этой теории — модель Касса-Купманса. Говорили ли вы с Финном когда-нибудь о теории роста?

Касс: Нет, как я уже сказал, Финн в период аспирантуры занимался программированием.

MD: Давайте поговорим теперь об использовании Лукасом модели перекрывающихся поколений.

Касс: Скажу вам, что эта статья в *Journal of Economic Theory,* о которой мы говорим, очень любопытна. Меня не особенно интересовала макроэкономика, но что меня поразило, и это относится также к одной моей более поздней работе, так это сделанное Лукасом для нахождения равновесия допущение, что переменные состояния очевидны (собственно, тогда мне впервые и пришла в голову идея солнечных пятен). Мы с ним вели длинные дискуссии, и я спрашивал: «Боб, а почему в этой модели это и есть фактическое пространство состояний?». Этот вопрос всплыл (сейчас я забегаю вперед) уже после того, как я перебрался в Пенсильванский университет. В какой-то момент мы с Карлом начали его обсуждать и разработали то, что мы затем назвали идеей солнечных пятен. Но для меня первоначальным толчком послужили разговоры с Лукасом.

MD: Также в работе Лукаса впервые в экономике были применены сжимающие отображения.

Касс: Да, Бобу нравилось использовать сжимающие отображения для получения фиксированных точек. Думаю, он мог всегда использовать этот метод. Возможно, он даже не знает теорему Брауэра! Нет, на самом деле он ее знает. Просто ему нравятся сжимающие отображения. Как бы то ни было, теория капитала, как я ее понимал, гласила, что, используя пространство фундаментальных состояний, можно работать с неопределенностью, равно как и со временем. Поэтому индекс товара мог показывать время, неопределенность и всевозможные характеристики товара, например, местонахождение. Но теория роста гласила, что равновесие — это просто цены, зависящие от пространства базовых состояний. Боб пошел дальше, и решил (не знаю даже, как лучше сказать), что оно больше похоже на функцию от переменных базовых состояний или, если сформулировать точнее, пространство состояний само генерируется каким-то базовым процессом через наблюдаемые переменные. Таким образом, само пространство состояний может быть, например, деньгами и какими-то случайными экономическими шоками. Деньги — одна из переменных со-

стояний, хотя на самом деле они определяются базовым пространством состояний. Состояния мира описываются деньгами и случайными пере-

менными, связанными с экономическим шоками, которые характерны для отдельных территорий.
Главный вопрос — что такое пространство состояний?
MD: Другой фундаментальной работой была работа Брока и Мирмана.
Касс: Работа Брока и Мирмана стала своего рода вехой, поскольку они попытались ввести в неоклассическую модель неопределенность. Где я познакомился с Баззом Броком? Базз был аспирантом в Университете Беркли, и его диссертация, кажется, была посвящена оптимальному росту в многосекторной модели. Наверное, тогда я с ним и познакомился. Наши пути пересекались еще не раз, например, когда позже в течение года я работал в Калифорнийском технологическом институте, Базз тоже был там какое-то время. Мы немного общались, когда Брок работал над теорией роста, а потом наши пути просто как-то разошлись. Он по-прежнему очень активен. Просто я не очень следил за его исследованиями.
MD: Когда вы работали в Университете Карнеги-Меллона, Лукас и Прескотт приступили к новой макроэкономической работе. Насколько это было интересно для вас?
Касс: На самом деле я за этой работой не следил.
MD: Вы считаете, эта работа была больше микроэкономической?
Касс: Она явно была микроэкономической, хоть и называлась макроэкономической, и, знаете, по какой-то причине я никогда особенно не обсуждал ее с Бобом. Не знаю почему. У нас были прекрасные личные отношения, но отчего-то мы о ней почти не говорили. Мы по-разному подходили ко многим проблемам, поэтому редко обсуждали работу, разве что когда отправлялись вместе обедать, но вряд ли это можно назвать научной дискуссией. Наверное, все дело было в том, что Боб принадлежал к Чикагской школе и придавал большое значение эмпирической проверке, что бы под этим ни подразумевалось, то есть тому, что, честно говоря, не вызывало у меня ни малейшей симпатии и интереса. Поэтому у нас были различные точки зрения на то, зачем люди занимаются теорией и каково ее значение, и я все еще придерживаюсь мнения, что теория — это в большей мере способ организации ваших мыслей, того, как вы думаете о мире. Наиболее надежны теории тогда, когда следует привести контрпримеры, опровергающие какие-либо излишне самонадеянные утверждения. Когда вам удается построить модель, которая доказывает отсутствие какого-либо явления, именно тогда *[неодобрительно посмеивается]*... Никто не может сколько-нибудь уверенно утверждать, что какое-то предположение верно. И это подводит нас к вопросу о том, когда утверждение истинно, а когда нет, если вы хотите выразить его количественно. Вы можете предлагать идею, оставаясь на качественном уровне, — как, например, в случае с кривой Лаффера. Построенные вами модели, которые, однако, будут давать совершенно разные результаты, сделают эти смелые предположения более чем сомнитель-

ными. Не знаю, как выглядят цифровые данные. Вероятно, большинство

регрессий очень разнородны: если вы возьмете какие-либо данные, подгоните под них какую-нибудь кривую и потом заявите, что обобщили данные с помощью этой кривой, то ваше утверждение будет сомнительным.
MD: Наверное, сейчас самое время спросить, что вы думаете о так называемой калибровке теоретических моделей, пропагандируемой в последние лет десять Прескоттом и другими.
Касс: Основная проблема, связанная с калибровкой, на мой взгляд, заключается в уровне абстракции модели, к которой применяется калибровка. Я имею в виду, если вы калибруете что-то, например, по сути напоминающее неоклассическую модель, то лично мне совершенно непонятно, что это может означать. Когда я об этом думал (а я, честно говоря, не продумывал это в деталях), то понятие калибровки в целом и наличие, как вы говорите, модели, хорошо подогнанной к фактическим данным, показались мне довольно неопределенными. Например, чтобы сказать, что благодаря калибровке генерируются для определенных значений параметра временные ряды с теми же свойствами, которые присущи и наблюдаемым временным рядам, думаю, что сначала нужно договориться о том, что это означает, когда два временных ряда близки друг к другу. Когда я обратил внимание на существующие работы по экономическому циклу, мне показалось довольно неясным, что именно подлежит калибровке и что такое хорошая модель. Возможно, я несправедлив к сторонникам теории реального экономического цикла, поскольку в этой области работают действительно талантливые исследователи, которые, наверное, уже уточнили идею калибровки и ушли от простых расчетов, связанных с первоначальной неоклассической моделью роста. Но, видимо, ушли не очень далеко, поскольку мы все еще имеем дело с агрегированными временными рядами. Мой ученик Джон Дональдсон, который работает в этой области, очень хороший специалист, и я его очень уважаю.
Проблема с теорией реального экономического цикла заключается, как я полагаю, в том, что сегодня она превратилась чуть ли не в религию. Мы обсуждали эту тему с Виктором [Риос-Рулем], которого я очень уважаю, и он считает — и практически в этом убежден — что это единственный способ смотреть на мир, смотреть на экономику. А когда кто-нибудь говорит мне, что существует один-единственный способ чего-либо, я всегда воспринимаю это скептически. Я не верю, что применение теории общего равновесия — единственный способ смотреть на мир. Думаю, меня многому научила теория игр, научила концентрироваться на стратегических идеях и учитывать значение стратегии и несовершенство информации.
MD: Разве теория общего равновесия не требует того же?
Касс: Вполне возможно, но есть и другие способы работы с несовершенной информацией, и все они важны. Но я также думаю, что модель

общего равновесия сама по себе имеет значение, что она по-прежнему важный эталон, и что с помощью этой теории можно еще многое сделать.

MD: В этом вы сходитесь с Прескоттом.

Касс: Да, совершенно верно. Но, возможно, Прескотт занимает более крайнюю позицию. Я очень многому научился, преподавая в Пенсильванском университете, где работали хорошие специалисты по теории игр. Действительно, я многому научился и вполне мог бы читать курс теории игр — только потому, что работал в Пенсильванском университете — и для этого не обязательно даже было читать какие-то статьи.

MD: Давайте поговорим о тех годах в Пенсильванском университете, которые связаны с моделями перекрывающихся поколений.

Касс: Если память мне не изменяет, мы с Карлом Шеллом снова стали обдумывать модель перекрывающихся поколений где-то в середине или конце 1970-х. Если нужно сказать точнее, то я бы назвал 1977 г. Расскажу, с чего все началось, насколько я помню. У нас с Карлом состоялась дискуссия, поскольку здесь проходил семинар, который вели младшие препо-

Рис. 2.3. Капустник на экономическом факультете Пенсильванского университета, во время которого преподаватели и аспиранты исполняли пародии друг на друга. Касс выступает в сопровождении оркестра Рэнди Уайта, 3 марта 1998 г.

Слева направо: Рэнди Райт, Дэвид Касс, Андрей Шевченко (аспирант-экономист), Гвен Юди (Университет Джорджтауна) и Боен Йованович (за фортепьяно)

даватели, и мы в нем также участвовали. Нам пришлось вернуться к истокам и прочесть кое-какие классические работы по макроэкономике, которые люди хотели обсудить. Одной из таких работ была работа Лукаса 1972 г. Не помню, почему один из нас решил ее представить, но она заставила меня снова задуматься над тем, о чем я спрашивал Боба, — а именно о пространстве состояний, и мы с Карлом обсудили эту проблему. Карл сооб-

разил, что мы можем формализовать идею о том, чтобы иметь в пространстве состояний произвольные переменные. Так Карл разработал первый пример равновесия солнечных пятен, думаю, именно тот, который он впоследствии использовал в своей так называемой лекции Маленво. Это линейная модель перекрывающихся поколений (OLG), в которой от солнечных пятен зависит распределение ресурсов домохозяйств, но не их благосостояние, и я раскритиковал этот пример. Я сказал: «Карл, этот пример неубедителен. С точки зрения благосостояния он значения не имеет».
Мы собирались на конференцию по теории роста, которую мы с Карлом организовали в Сквом-Лейк (штат Нью-Гемпшир). И после этого спора я почти все время, пока проходила конференция, провел у себя в номере, пытаясь разработать пример равновесия солнечных пятен в модели перекрывающихся поколений, при которой солнечные пятна действительно влияли бы на распределение ресурсов. Первым примером, который я подготовил, был пример с квадратичной функцией полезности. Он был таким сложным! Мы с Карлом рассказали о нем на конференции, но нашу идею никто не понял. Никто ничего не понимал до последнего дня, пока мы действительно не представили нашу работу, и тогда единственным, кто понял, что мы имеем в виду, был Стив Сэлоп. Мы были обескуражены.
MD: Речь шла об оптимизации в модели перекрывающихся поколений?
Касс: Да, это была модель перекрывающихся поколений, но в этой модели (как может подтвердить Стивен Спир, поскольку его диссертация была как раз об этом) вы должны очень осторожно выбирать свою функцию полезности. Помню, я решил, что не смогу получить равновесие солнечных пятен для стандартных параметрических форм, и мне понадобятся кросс-продуктовые параметры, поэтому... как бы то ни было, мы с Карлом вернулись к нашей идее и знали, что она очень перспективна. Реакция на нее со стороны наших коллег несколько обескуражила нас, поэтому к работе над ней мы приступили далеко не сразу. Энтузиазм Карла был колоссальным — он много об этой идее говорил. В конце 1970-х он отправился в Париж, где прочитал свою лекцию Маленво, на которую всегда ссылается, поскольку хочет, и совершенно справедливо, чтобы мы отстояли свой приоритет. Среди тех, с кем он часто обсуждал эту тему, был Костас Азариадис. Думаю, что Карл неоднократно объяснял Костасу свою идею, и тот в конце концов ею заинтересовался и написал на эту тему работу. Он понял, что, используя не подход, основанный на полезности, а систему вероятностей

Маркова первого порядка, можно получить равновесие солнечных пятен. Вообще-то эту мысль в целом развивает в своей диссертации Стив, решив проблему задолго до того, как это сделали, например, Азариадис и Геснери. Но кое за что я все же должен Костаса поблагодарить. Когда он написал свою работу или, возможно, еще до этого, мы поняли, что если собираемся развивать эту идею, то пора уже этим заняться.
MD: И это привело к появлению статьи в *Journal of Political Economy?*
Касс: В статье в *JPE* был описан простой стандартный пример, не требовавший использования схемы перекрывающихся поколений, хотя мы и основывались на одном из свойств модели перекрывающихся поколений — расхождении в результате ограничения участия на некоторых рынках. Го-

раздо позже мы написали работу, показывающую, что есть еще один аспект модели перекрывающихся поколений — каким-то образом в ней играет роль бесконечность времени. Мы разработали пример с полными рынками и неограниченным участием — попробую сейчас его описать. В принципе это была модель перекрывающихся поколений, где вся неопределенность существует только в первом периоде, вы получаете либо альфу, либо бету и можете купить страховку на любой случай, но из-за бесконечности модели вы все равно получите равновесие солнечных пятен. Поэтому можно сказать, что существуют две причины равновесия солнечных пятен: одна из них имеет отношение к временной структуре перекрывающихся поколений, а другая — к недостаточному доступу к рынкам активов.

MD: Кажется, Джим Пек исследовал вторую причину в своей диссертации?

Касс: Да, верно. Я довольно долго не очень задумывался о солнечных пятнах, особенно в модели перекрывающихся поколений, но он делает обобщение относительно нестационарных равновесий солнечных пятен в модели OLG. Думаю, солнечные пятна действительно интересны, но даже когда мы с Карлом написали статью для *JPE*, мой интерес изменился. И я стал обдумывать проблему общего равновесия, в которой вы можете создать модель конечной размерности. Конечно, у нас есть простая, но очень важная теорема, которая гласит, что если имеются все необходимые условия первой теоремы благосостояния, то невозможно получить солнечные пятна. Затем мы используем то, что Карл обычно называл теоремой филадельфийского фолка — она заключается в том, что если вы нарушите любое из этих условий, то можете получить равновесие солнечных пятен. Это не совсем верно, поскольку она говорит только о том случае, когда у вас есть теорема, в которой A, B и C предполагают D, и если вы откажетесь от одного из этих допущений, то скорее всего вывод будет неверным. Но, конечно, может быть и так, что вывод в любом варианте будет верным. Полагаю, что именно здесь мнения мое и Карла несколько расходятся, но он очень заинтересовался отсутствием выпуклости. Его примеры разработаны верно. Но не вполне

правомерно заявлять, что если имеется какая-либо невыпуклость, это означает наличие солнечных пятен, поскольку (как указали Гераклес Полемарчакис и я) невыпуклость может наблюдаться в производстве. И, так как максимизация прибыли соотносится с гиперплоскостью, вы можете заменить все значения под гиперплоскостью и назвать это множеством производственных возможностей, и вы снова получите первую теорему благосостояния.

Пример в *JPE* — реальный простой пример, в котором есть два состояния мира, и мы в рамках модели перекрывающихся поколений рассматриваем два класса домохозяйств. В ответ на изменившиеся условия в мире один класс может продать активы, а другой не может, поскольку родился позже и поэтому обязан торговать только на рынке реального товара. Это один пример. Но мне захотелось придумать и другие примеры равновесия солнечных пятен. В частности, в начале 1980-х я отправился на год в Париж, и первое, чем я решил заняться, — это придумать другие примеры равновесия солнечных пятен в условиях отсутствующего рынка. Почему-то я

решил, что это можно сделать с помощью модели, в которой у вас есть активы, но их недостаточно для изменения состояния мира. Так я заинтересовался неполными рынками. Это еще одна статья, которая мне очень нравится, — она называется «Основной пример». Мне с трудом удалось ее опубликовать, поскольку я написал ее в стиле, принятом в *JPE*, как своего рода продолжение первой статьи, а, по мнению сторонников чикагской школы, солнечные пятна ничего не объясняют и вообще неинтересны. Вот с чем мне пришлось столкнуться.

MD: В знаменитой публикации Карекена и Уоллеса Касс и Шелл, в частности, говорят, что, по определению, модель перекрывающихся поколений — единственная динамическая дезагрегированная модель, которая может считаться интересной макроэкономической моделью.

Касс: Здесь я должен вернуться к тому, как создавалась модель перекрывающихся поколений. Этой моделью я заинтересовался из-за солнечных пятен. А затем Окуно и Зилча (возможно, это произошло на той же конференции в Сквом-Лейк) представили доклад, в котором пытались доказать, что если ввести в модель перекрывающихся поколений деньги, то равновесие, при котором деньги будут иметь нетривиальную цену, обязательно будет парето-оптимальным. В их доказательстве был изъян.

MD: Нейл Уоллес не раз говорил об этом в Миннесоте.

Касс: В своей работе они пытались доказать то, во что верил Нейл. Я видел их доказательство, читал его очень внимательно — и в нем есть ошибка. Я решил, что оно, возможно, неверно, поскольку строится на определенных свойствах функций полезности и прочего, и поэтому решил придумать контрпример. Я придумал множество контрпримеров того, как можно ввести деньги и по той или иной причине (гетерогенности, нестационар-

ности и т.д.) не получить парето-оптимальности. Я снова заинтересовался моделью перекрывающихся поколений. Мы с Карлом действительно в нее верили и стали работать над ней в более общем плане, когда завершили работу над солнечными пятнами. Мы действительно в то время считали ее единственной серьезной моделью, в которой деньги имели какое-либо значение. Конечно, впоследствии появились довольно известные работы, посвященные другим моделям, в которых деньги играют основную роль.

MD: Хотя с математической точки зрения эти модели не сильно отличаются от вашей?

Касс: Я как раз собирался об этом сказать. Модель Кийотаки-Райта мне очень нравится, но я уже говорил вам, Рэнди: мне кажется, что важнейшая особенность обеих этих моделей — неограниченность горизонта планирования. Ограничив свой поиск, вы тоже не добились бы, чтобы деньги имели какое-либо значение. Поэтому, хотя нам и не хватило фантазии придумать другую модель, а эта, например, была бы вашей моделью с поиском и неограниченным горизонтом, думаю, вы были правы, утверждая, что необходимость введения денег обусловлена временными границами модели. Я по-прежнему считаю, что деньги имеют ценность постольку, поскольку люди думают, что деньги будут ее иметь. И единственный способ заставить их думать именно таким образом - не принуждать людей инвестировать. И в этом модель Кийотаки-Райта схожа с моделью перекрывающихся поколений.

MD: Это интересно, поскольку существуют такие модели с неограниченным горизонтом, в которых деньги роли не играют. Поэтому горизонт не является достаточным условием.
Касс: Точно так же, как неограниченный горизонт не обязательно обеспечивает деньгам какую-то роль. Кроме того, у вас должно быть определенное несовершенство, какое-то нарушение условий действия первой теоремы благосостояния, например, ограничение участия или неконкурентное поведения (поисковая модель).
MD: Согласны ли вы с тем, что в монетаристской теории еще немало вопросов, которые только предстоит решить?
Касс: Да, конечно. Было бы хорошо, но, наверное, невозможно, иметь непротиворечивую модель, в которой мы могли бы уйти от того, что при бесконечном будущем деньги имеют ценность, но трудно представить себе, как это можно сделать. У Джона Геанакоплоса есть модель, модель неполных рынков с деньгами и с ограничениями, связанными с предоплатой. В этой модели деньги имеют ценность, поскольку их выпускает банк, и вы обязаны их ему возвращать. Но по большому счету банк эти деньги просто выбрасывает, и на самом деле эта модель не является закрытой. И это, конечно, ее недостаток.
MD: Какие проблемы возникают в связи с бесконечным горизонтом планирования?

Касс: Когда-то в 1980-е я изменил свое отношение к бесконечному горизонту. Думаю, что в итоге причина моих возражений была связана с рациональными ожиданиями, хотя я определил бы рациональные ожидания скорее с точки зрения общего равновесия, чем с позиций макроэкономики. В моем понимании рациональные ожидания означают, что у вас есть однозначно определенное пространство состояний, и что в этих состояниях каждый индивидуум разделяет общие ожидания относительно цен, которые будут превалировать в дальнейшем. В результате этих ожиданий на нынешних рынках установится равновесие, и когда наступит завтрашнее состояние, учитывая эти планы, единственным равновесием на рынке реального товара будет равновесие по ценам, которые прогнозируются. Но есть небольшая проблема: ведь возможно и другое равновесие. Ни у одной известной мне модели равновесия нет разумной процедуры реального достижения цен равновесия, поэтому неясно, почему фактические цены совпадут с прогнозируемыми. Возвращаясь к этому вопросу, скажу, что я в состоянии понять, почему могу захотеть использовать рациональные ожидания как эталон, если мы делаем не слишком долгосрочный прогноз. Но обычно при этом необходимо принять допущение, что вы знаете, какова мировая структура. Существует, на мой взгляд, большая разница между этим допущением и неявным допущением о том, что вы будете знать ее всегда. Эта проблема меня очень беспокоит.
MD: Считаете ли вы, что для каких-то релевантных вопросов целесообразнее использовать краткосрочную модель?
Касс: Думаю, что можно использовать краткосрочную модель, но когда вы достигнете определенного периода — при условии, что вы его достигне-

те, — у людей появятся основания ожидать, что за ним последует и другой период. Это своего рода индуктивный аргумент. Вы не можете «отсечь» мир потому, что в последнем периоде люди все равно будут ожидать наступления еще одного периода. Я имею в виду то, что мне понятен этот аргумент, но мне просто не нравится вывод, что модель должна быть бесконечноразмерной. Исходя из своего опыта я считаю, что бесконечноразмерные и конечноразмерные модели изоморфны. Но они не изоморфны с точки зрения наделения ролью бумажных денег, и это меня беспокоит. Поэтому я хочу ввести одно из тех искусственных допущений, над которыми я обычно смеялся. В частности, допущение о том, что люди получают пользу от того, что не тратят деньги, или что их вынуждают не тратить деньги, чтобы модель была закрытой. Для меня такое допущение предпочтительней введения бесконечного горизонта. Я совершил полный круг. Я знаю, что мы с Карлом в своей защите модели перекрывающихся поколений часто смеялись над подобными искусственными закрытыми моделями, но теперь я отношусь к ним с большей симпатией.

MD: Продолжая разговор о неполных рынках, можно сказать, что одна из нынешних тенденций в макроэкономическом анализе — финансовая интеграция.

Касс: Думаю, что введение финансов в макроэкономический анализ имеет первостепенное значение, но также я считаю, что предметом этого анализа в основном станут отсутствующие рынки.

MD: Кое-кто находит модели неполных рынков слишком специальными, так как определенная категория рынков просто закрыта.

Касс: Они действительно очень специальные, но первый шаг к пониманию этой проблемы — построение модели, в которой вы это допустили. Сейчас во многих работах делается попытка оправдать отсутствующие рынки, например, тем, что, если имеется пространство конечных состояний, то тогда идиосинкратические переменные должны казаться частью определения пространства состояний. Тогда вы не сможете получить рынки для идеосинкратического риска из-за проблемы морального риска. Другая возможность — недостаток информации. Сегодня люди пытаются создавать более формальные модели, работающие на основе стандартной, несовершенной в том или ином отношении информации, что приводит к тому, что вы получаете неполные рынки. Они хотят, чтобы эта неполнота стала эндогенной.

Еще один способ сделать это — сохранить структуру модели неполных рынков, но ввести агентов, оптимизирующих структуру активов. Не думаю, что эти модели очень удачны, наверное, потому, что они требуют, например, чтобы агенты, собирающиеся создать инструменты, могли прогнозировать (поскольку это равновесие Нэша), что будут вводить и затем делать другие агенты, и каковы будут равновесия. Чтобы построить формальную модель, вы обязаны сделать это серьезное допущение в отношении информации. Это служит примером того, какие проблемы могут возникать. Знаете, люди очень хорошо их осознают, хотя я все равно думаю, что много вещей, справедливых в модели, в которой неполные рынки просто допускаются, будут справедливыми и в моделях, в которых вы объясняете, почему у вас имеется неполнота. Я в этом убежден. Один из результатов моего изучения

неполных рынков, которым я весьма доволен, — то, что я сделал предварительные наброски, по которым затем мы с Ивом Баласко написали работу. Джон Геанакоплос с Эндрю Масколеллом написали примерно в то же время статью, показывающую, что в условиях неполных рынков вы получаете значительную неопределенность равновесий в реальном смысле слова. Думаю, что этот результат сохранит свое значение.

MD: На самом деле мы возвращаемся таким образом к монетаристским моделям, поскольку все это предполагает ненейтральную денежно-кредитную политику в условиях неполных рынков.

Касс: Да, и я собираюсь сделать еще один шаг. Простейший вариант неопределенности возникает из-за того, что с неполными рынками вы мо-

жете выбрать в разные периоды разные масштабы цен. Но другая причина, порождающая еще большую неопределенность, — то, что вы можете сделать параметром модели структуру активов.

MD: Разве вы не говорили, что рациональные ожидания и рыночное равновесие еще не определяют окончательно всего, что касается солнечных пятен или динамики?

Касс: Верно. Это своего рода саморазрушение.

MD: Некоторые высказывают подобные суждения в силу приверженности кейнсианской макроэкономической теории. А вы?

Касс: Нет. Должен признать, что это своего рода аномалия, поскольку в конечном счете носит разрушительный характер. Я использовал как точку отсчета конкурентную модель равновесия, а у нее нет предсказательной силы, поэтому это своего рода саморазрушение. Мне это очень интересно. Мне интересно попытаться сообразить, что именно определяет равновесие. Я все еще нахожусь на том этапе, когда не знаю ответа.

MD: Это, безусловно, очень интересная интеллектуальная задача на будущее.

Касс: Да, это интеллектуальная головоломка. И должен признать, что на протяжении всей моей карьеры в экономике меня постоянно интересовала какая-нибудь интеллектуальная загадка, пусть и не модная, не имеющая никакого практического значения — и бог знает почему. Могу привести наглядный пример: я несколько лет работал над проблемой характеристики парето-оптимальности и эффективности в бесконечноразмерной модели роста.

MD: В чем, по вашему мнению, будущее микро- и макроанализа, теории общего равновесия и теории игр? Что впереди?

Касс: Я планирую свою работу на довольно краткосрочную перспективу. И так было всегда. Я думаю заранее только о следующей проблеме, над которой собираюсь работать. Я всегда оказывался в очень невыгодном положении, когда пытался получить гранты, поскольку не имел даже смутного представления о том, над чем буду работать в будущем!

MD: Значит, мы возвращаемся к вопросу, который, как вы сказали, Купманс задал в отношении рынка труда, не правда ли?

Касс: Да, возможно, вся проблема именно в этом! Мы совершили полный круг. Но вообще-то я знаю, что в науке большую роль играет счастливая случайность. Я имею в виду, что если бы вы сказали мне 1 5 лет назад, что

я буду заниматься общим равновесием с неполными рынками, то я бы ответил: «Вы с ума сошли?» Счастливая случайность в данном случае состоит в том, что я хотел разработать примеры равновесий солнечных пятен с отсутствующими рынками и понял, что существует немало интересных вопросов, связанных с моделью, которую я хочу для этого использовать.
В частности, причина, по которой я занялся неопределенностью, заключа-

ется в том, что в модели солнечных пятен, при условии отсутствующего финансового инструмента, вы получаете континуум равновесий солнечных пятен; это оказывается общим свойством неполных рынков. Вопрос, который я пытаюсь решить сейчас, — что может реально уменьшить количество равновесий. Максимум, на что можно надеяться — конечное число равновесий, и я не думаю, что ответ в том, чтобы ввести деньги для нормализации цен, поскольку все равно существует что-то, являющееся базовым элементом модели, ее эндогенным фактором, и это — структура активов. Ее необходимо эндогенизировать. Поэтому вопрос заключается в том, получаете ли вы по-прежнему неопределенность, когда действуете в соответствии с этой схемой. Мне это интересно.
MD: Так вы хотите эндогенизировать структуру активов?
Касс: Да, эндогенизировать структуру активов. Есть примеры, когда вы эндогенизируете структуру активов и как будто в определенном смысле объясняете равновесие, но на самом деле это не так. Хороший тому пример — работа Альберто Бизина, его диссертация, в которой он, в сущности, вводит идею, взятую из теории игр. Идея заключается в том, что некоторые домохозяйства начинают использовать новые финансовые инструменты, и делают это по методу Нэша. За данность берется то, что делают все остальные домохозяйства, и затем определяется изменение равновесия в зависимости от их действий, после чего ведется поиск оптимального решения. Основная проблема сегодня связана с тем, что равновесие Нэша, как известно, предполагает множество вариантов. Единственное, что при этом уменьшается, так это количество равновесий после того, как определен набор финансовых инструментов. Так или иначе, в его модели есть раздел, который касается реальной неопределенности и который показывает, что у вас не так уж много вариантов равновесий, связанных с данной структурой активов. Но зато у вас множество равновесий, связанных с равновесием Нэша. Вы просто отодвинули неопределенность на один шаг назад.
MD: Несколько минут назад вы рассказывали о том, как занимаетесь исследованиями, о том, как смотрите на модель и думаете о вопросах, на которые она, по вашему мнению, поможет ответить. Не могли бы вы продолжить эту тему?
Касс: То, что заставляет меня заниматься наукой, отличается от того, что заставляет заниматься наукой подавляющее число людей. Меня никогда не привлекало то, что многие называют проблемами реального мира. Во мне намного больше от структуралиста. Я изучаю некоторые вопросы потому, что для меня это интересные загадки, и не важно, какое экономическое значение они имеют.
MD: Интересная особенность вашей биографии как ученого — вы могли работать над этими проблемами по какой угодно причине (ничуть не инте-

ресуясь, скажем, реальной политикой), и все же модель Касса-Купманса —

это основа современной теории экономического цикла, результаты вашей работы по перекрывающимся поколениям используются во многих практических исследованиях в области теории монетаризма, а выводы, сделанные вами в ходе изучения солнечных пятен, учитываются при разработке макроэкономической политики.

Касс: В этом и состоит красота истинно интеллектуальной научной дисциплины. В ней есть место для таких людей, как я.

MD: Где-то в самом низу пищевой цепи?

Касс: Нет... Вы просто что-то узнаете! Никогда не следует смеяться над тем, как подходит к вопросу интеллектуал. Ведь неизвестно, когда придуманное им в конце концов станет действительно интересным, но по другим причинам.

MD: Но на это может уйти лет 20 или 30.

Касс: На это может уйти вечность. Или это не случится никогда.

3. ИНТЕРВЬЮ С РОБЕРТОМ ЛУКАСОМ-МЛАДШИМ*

Беседовал Беннетт Маккаллум

Университет Карнеги-Меллона

Лето 1998 г.

Роберт Лукас — один из признанных и влиятельнейших экономистов последних 25-30 лет, по крайней мере среди тех, кто занимается макроэкономикой и монетаризмом. Его работы заставили кардинально пересмотреть и оживить науку, увидеть влияние рациональных ожиданий. Благодаря ему появилась равновесная теория циклических колебаний, описание аналитических составляющих, необходимых при использовании эконометрических моделей для разработки государственной политики. За эти достижения в 1995 г. он был награжден Нобелевской премией по экономике. Кроме того, его значительный вклад по другим направлениям мог бы «потянуть» еще не на одну награду. Среди них — основополагающие труды по определению стоимости активов, экономическому росту и развитию, определению курса валют, наиболее благоприятной фискальной и инфляционной политике, инструментам анализа динамических рекурсивных моделей.

Чикагский университет сыграл особую роль в жизни ученого. Здесь он получил степень бакалавра и доктора наук и в 1975 г. приступил к работе на факультете. Он также был деканом экономического факультета Чикагского университета и на протяжении двух семестров — главным редактором *Journal of Political Economy.* Но несмотря на это, я и ряд моих коллег в Карнеги-Меллон любим время от времени вспоминать, что Роберт Лукас с 1963 по 1974 г. был здесь профессором в Высшей школе промышленного администрирования. В этот период он опубликовал свои основные научные труды, за которые впоследствии получил Нобелевскую премию. Поэтому я не мог удержаться от соблазна и не задать собеседнику несколько вопросов о времени, проведенном в нашем университете.

* Впервые опубликовано в *Macroeconomic Dynamics,* 3, 1999, p. 278-291. Copyright © 1999 Cambridge University Press.

3. ИНТЕРВЬЮ С РОБЕРТОМ ЛУКАСОМ-МЛАДШИМ

Многие исследователи были поражены знаниями Лукаса, а также ясностью мысли и элегантностью стиля его работ, выбором тем для изучения. Последнее подчеркивает всю серьезность целей ученого. В каждом из его проектов в основе решения проблемы лежал неподдельный интерес сточки зрения теоретических изысканий и одновременно — несомненная важность для перспективного развития экономической политики. Свои исследования Лукас никогда не направляет на решение задач незначительных, о чем он во время интервью еще раз напомнил.

По словам близких и коллег, Роберт Лукас — человек, который никогда не использует три слова, если можно обойтись одним, но его он выберет с особой тщательностью. Это интервью — яркое тому подтверждение. В отличие от обычной практики, используемой журналом при проведении интервью, это интервью — с разрешения редактора — прошло в заочной форме с помощью писем и электронной почты. В результате оно меньше, чем предыдущие интервью, но, думаю, читатели по достоинству его оценят. Несмотря на все трудности, связанные с проведением интервью, я получил от этой работы огромное удовольствие и узнал много нового.

Маккаллум: Начнем с того, как и когда вы стали интересоваться экономикой и почему выбрали ее в качестве профессиональной деятельности.

Лукас: Когда мне было семь или восемь, мой отец как-то спросил, не заметил ли я, сколько грузовичков различных компаний приезжает в наш квартал: один из них привозил молоко от компании Darigold, другой — от Carnation и т.д. Мы насчитали пять или шесть компаний. Отец спросил, считаю ли я, что есть какая-то разница в молоке, которое те привозят. Я ответил — нет. Тогда он сказал, что при социализме молоко в квартал будет привозить всем один грузовик, а сэкономленное время и бензин будут использоваться для чего-нибудь еще.

Не думаю, что это можно считать моим первым серьезным разговором на

экономические темы, но этот эпизод — самое раннее из того, что я помню. Взгляды моих родителей сформировались в 1930-е, и они, как и я, не разделяли идеи свободного рынка. Мы считали, что экономикой необходимо управлять разумно, и каждый день мы обсуждали подробно, как это могло бы быть и что для этого необходимо сделать.

Рис. 3.1. Роберт Лукас-младший

В 1950-е, поступая в Чикагский университет, я понимал, что научная деятельность для меня — это то, что нужно. В колледже мои интересы и предпочтения привели меня к изучению истории. Во время обучения в магистратуре я начал серьезно изучать экономику.

Маккаллум: А почему вы отправились учиться в Чикаго?

Лукас: Я мог остаться дома и поступить в Вашингтонский университет в Сиэтле. Но Чикагский университет дал мне стипендию, покрывающую все расходы на обучение. Это был шанс вырваться из родного города, что для меня в то время было необходимо.

Маккаллум: А почему вы решили переключиться на экономику?

Лукас: Я переключился на экономику с экономической истории, не имея ни малейшего представления о том, как работает экономика или чем занимаются экономисты. Но вскоре я открыл для себя, что важнейшую роль в экономике играют математические выкладки, и такой подход к обоснованию человеческого поведения мне был близок.

Маккаллум: Как вам удалось получить столь глубокие знания в математике?

Лукас: Все забывают, что в начале 1960-х, чтобы стать экономистом, больших математических познаний не требовалось. Еще в колледже, прежде чем серьезно заняться историей, я изучал вычислительную математику и дифференциальные уравнения. Из «Основ» Самуэльсона* я, как и другие мои коллеги, узнал об использовании математики в экономике. Во время учебы в магистратуре я прошел курс линейной алгебры и углубленный курс вычислительной математики. Кроме того, посещал курс математической статистики, который читали на факультете статистики Чикагского университета. Даже имея такой багаж знаний, я продолжал заниматься самообразованием и с большей частью того математического аппарата, который сейчас использую, я ознакомился уже после окончания магистратуры.

Маккаллум: Когда вы учились в аспирантуре Чикагского университета, кто из преподавателей оказал на вас большее влияние?

Лукас: Самое большое влияние, так или иначе, на всех студентов, и на меня в том числе, оказал Милтон Фридман. Оба его курса по теории цен были удивительны. Он просто изменил наше представление о мире. В то время я впитывал в себя все, как губка, многому научился и у других преподавателей. Эл Харбергер в то время занимался количественными моделями общего равновесия, которые и сегодня выглядят достаточно совре-

менно. Мартин Бейли, Карл Крист и Гарри Джонсон также были нашими учителями в области макроэкономики. Грег Льюис на одном из своих се-

* Имеется в виду работа П. Самуэльсона «Основы экономического анализа» (Foundations of Economic Analysis. 1947). — *Прим. ред.*

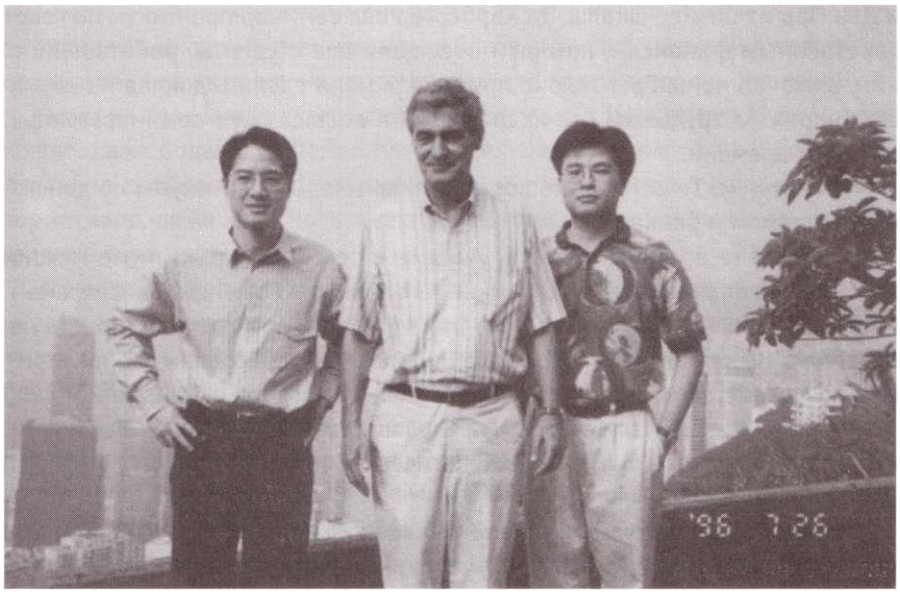


Рис. 3.2. Луис Чен, Роберт Лукас и Чи-Ва Иен. Пик Виктория, Гонконг

минаров рассказал нам о своей книге о профсоюзах, из которой я также многое узнал.

Среди более молодых преподавателей я бы выделил Цви Грилихеса, который преподавал эконометрику и поддерживал таких «технарей», как я. Дейл Йоргенсон, работавший в университете по приглашению в 1962-1963 гг., также произвел на меня большое впечатление. И еще Дон Вир — он вел бесподобный курс математики для экономистов.

Макаллум: У меня ощущение, что Узава также в какой-то степени оказал на вас влияние. Я ошибаюсь?

Лукас: Узава пришел в Чикагский университет через год после того, как я его закончил, поэтому он не был моим преподавателем. Но я участвовал в двух летних конференциях по теории экономической динамики, организованных Узавой и Дэвидом Кассом — в Чикаго и в Йеле. Конференции дали мне возможность поближе познакомиться с лучшими молодыми экономистами-теоретиками. Мне импонировал идеализм и серьезный подход Узавы и Касса. Я был польщен тем, что завоевал такое доверие и меня пригласили на конференцию, где я узнал много нового.

Маккаллум: Чьи семинары-практикумы вы посещали регулярно?

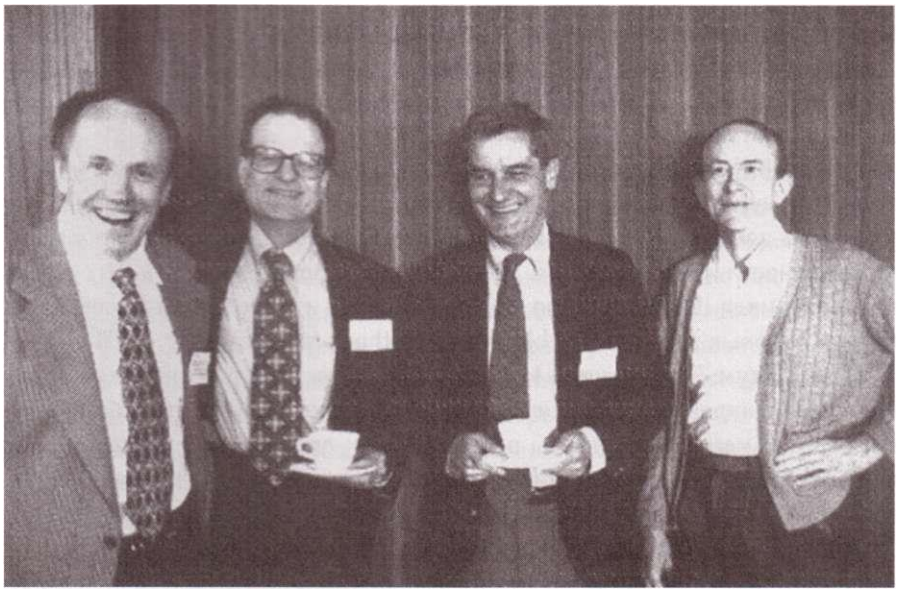
Лукас: Тогда семинары-практикумы проводились реже, чем сейчас. Все, что касалось вопросов эконометрики и математической теории, рассматривалось на семинаре по эконометрике. Его вели Цви [Грилихес] и Лестер Телсер. Кроме меня, в нем постоянно принимали участие и Мертон Миллер

и Дэн Орр из бизнес-школы. Эл Харбергер вел семинар-практикум по государственным финансам, который посещали все студенты, работавшие с

ним, включая меня. Грег Льюис приглашал меня сделать доклад на своих семинарах по трудовым отношениям, но я посещал его семинары лишь время от времени.
Маккаллум: То есть вы не посещали семинары-практикумы по денежным системам и банкам?
Лукас: В те времена принять участие в семинаре-практикуме можно было только по приглашению, но меня на семинары по денежным системам и банкам никто не приглашал — на это не было и причин. Эта область не входила в сферу моих интересов. Меня больше интересовали эконометрика и государственные финансы. К тому же я не работал с Фридманом.
Маккаллум: Вы стали старшим преподавателем (доцентом. — *Прим. пер.)* в Карнеги-Меллоне (в то время Технологический институт Карнеги) в 1963 г. Это так?
Лукас: Да, я приступил к работе в Высшей школе промышленного администрирования в сентябре 1963 г. В то же время, что и Трен Долбир, Мел Хайнич, Морт Кэмиен, Лестер Лейв и Тим Магуайр. Мы были в первом наборе нового декана факультета Дика Сайерта.
Маккаллум: Как вы начали заниматься изучением рациональных ожиданий? Насколько сильно повлиял на вас Джон Мут?
Лукас: Когда я покидал Чикагский университет, Цви Грилихес посоветовал мне обратить внимание на работы Джона Мута, поскольку я мог бы у него многому научиться. Это был очень хороший совет! Я на самом деле многому научился у Джека, но прошло еще несколько лет, прежде чем я по-настоящему воспринял идею рациональных ожиданий. Это произошло во время работы с Эдом Прескоттом над «Инвестированием в условиях неопределенности».
Маккаллум: Как вы думаете, как Мут пришел к своей гипотезе рациональных ожиданий?
Лукас: Его статья «Рациональные ожидания и теория движения цен» очень информативна и интересна. Здесь можно увидеть, как повлияли на автора работы Герберта Саймона по поведенческой экономике и как Мут на них реагировал, а также как все это привело его к абсолютно неповеденческой гипотезе — рациональных ожиданий. (Однажды я пытался обсудить это с самим Гербертом как пример огромного влияния, которое он оказал на всех нас, но он обиделся и не принял мое предложение).
Джек был соавтором монографии «Планирование производства, запасов и рабочей силы», написанной совместно с Хоултом, Модильяни и Саймоном. Этот труд был посвящен нормативам, анализу операций. В нем описывалось, как менеджеры должны принимать решения с точки зрения своих ожиданий в отношении различных переменных — например, объема продаж. Я уверен,

что именно работа над этой монографией подтолкнула Мута к мысли, что ожидания необходимо рассматривать более серьезно, не ограничиваясь их использованием в уравнениях регрессии для корректировки данных.
Один из главных уроков, которые я получил в Карнеги от Мута и, возможно, даже больше от Дейва Касса, заключался в том, что наиболее эффективно проблемы распределения можно рассматривать с точки зрения нормативов, даже если цель этого рассмотрения — просто объяснить по-

ведение, а не изменить его.
Атмосфера Чикагского университета, когда я там учился, не располагала ни к какому изучению планирования — нас не учили размышлять. Например, о том, как *необходимо* распределить ресурсы в той или иной ситуации? Как люди *должны* использовать доступную им информацию, чтобы сформировать свои ожидания? Эти вопросы *должны быть* важнейшими для любого экономиста. Мой отец ошибался, когда думал, что при социализме доставка молока будет эффективной, но он был прав, когда думал о том. как она *должно* быть организована.
Маккаллум: Что еще в Высшей школе промышленного администрирования оказало влияние на вас в плане профессионального развития?
Лукас: Я уже упоминал о влиянии Герберта Саймона, Дэвида Касса и Эда Прескотта, когда отвечал на ваш вопрос о влиянии Мута. Если говорить в целом, то Высшая школа промышленного администрирования дала возможность пообщаться с разными людьми, чьи взгляды на экономику были мне близки — такими как Леонард Рэппинг и Алан Мелтцер, а также теми, кто мог рассматривать проблемы с таких сторон, что я никогда бы сам не додумался — среди них Саймон, Мут, Касс и Прескотт.
Маккаллум: Какова была атмосфера в Чикагском университете, когда вы вернулись в 1974-75 гг.? Что помогло вам двигаться дальше в профессиональном плане?
Лукас: В Чикаго впервые в жизни я начал на постоянной основе читать студентам курс макроэкономики (как Алан Мелтцер в Карнеги-Меллон). Это мне очень помогло. Я научился объединять идеи и мысли в одной области, чтобы донести их до студентов. Такой опыт мне помог написать «Что такое деловой цикл» (Understanding Business Cycles) и «Проблемы и методы в теории деловых циклов» (Problems and Methods in Business Cycle Theory).
Маккаллум: Вы получили Нобелевскую премию за развитие и изменение основ макроэкономического и монетаристского анализа, а также развитие и применение гипотезы рациональных ожиданий. Прежде чем мы перейдем к другим интересующим вас темам, вы не хотели бы рассказать немного об этом? Вам нравится, как эволюционирует макроэкономика?
Лукас: Как и большинству ученых, я полагаю, мне нравится, когда развиваются процессы, которые подтверждают мои сомнения и доказывают мои гипотезы. Поэтому я доволен успехами теории общего равновесия в



макроэкономике и огорчен тем, что не говорится о теориях денег, которые привели к этим достижениям. Отдельное удовольствие — это ощущение того, как много я узнал, исследуя теорию реального делового цикла. И сегодня я рассматриваю взаимосвязь между теорией и данными, а также факторы колебаний совершенно по-другому, чем 1 5 лет назад.

Маккаллум: Насколько, по-вашему, существенна роль технологических шоков в деловых циклах с точки зрения количественной оценки?

Лукас: Ответ зависит от того, о каких циклах мы говорим. Если это депрессия 1 930-х гг. в США или то, что случилось в Мексике в 1994 г. и что происходит сегодня в Индонезии, то тогда я могу сказать, что технологические шоки играют незначительную роль. С другой стороны, если же мы говорим о колебаниях в США в послевоенный период, влияние технологических и других факторов значительно выше и достигает 80%.

Маккаллум: Но «технологические и другие факторы» могут включать в себя создание преференций, увеличение госрасходов, изменение условий торговли и возможно что-то еще. А как насчет чисто технологических шоков — шоков. относящихся только к сфере производства, — в США в послевоенное время?

Лукас: Я не знаю, как разделить упоминаемые мной 80% между этими и другими факторами. Я не уверен, что существует такое понятие, как «чисто технологический шок». Для меня существуют две категории шоков: шоки, с которыми на конкурентных рынках можно справиться без каких-либо

Рис. 3.3. Эд Прескотт, Том Сарждент, Роберт Лукас и Баз Брок на конференции

государственных интервенций (в том числе те, о которых шла речь), и шоки, которые требуют валютного регулирования и валютного контроля.

Маккаллум: Как вы считаете, можно ли рассматривать жесткость цен как важный экономический феномен?

Лукас: Да. На практике дефляционные процессы проходят более болезненно в современной экономике, чем мы ожидаем, исходя из монетаристской теории. Поэтому я сторонник того, что мы подразумеваем под «жест-

костью цен».
Маккаллум: Среди монетаристов существуют разногласия в отношении главных целей Европейского центрального банка, важнейшими из них называют инфляцию и рост денежной массы. Что вы думаете по этому поводу?
Лукас: Это классический вопрос для любого центрального банка. Мне нравится политика, которую вы озвучили в вопросе, — формулирование цели с точки зрения номинального объема ВНП и затем использование правила постепенной реакции для монетарной базы, чтобы система продолжала двигаться к поставленной цели. Если вы захотите заменить «номинальный ВНП» на «уровень инфляции», такая политика будет выглядеть привлекательно, но уже меньше. Если же вы замените «монетарную базу» на «денежный агрегат М1», то такая политика, как мне кажется, будет выглядеть еще более привлекательной.
Если же вы замените «монетарную базу» на «краткосрочную процентную ставку», то получите версию той политики, которая сегодня, видимо, нравится всем. Я сторонник всего, что касается стабильности цен, но я не понимаю, как конкретно эта система работает. Кроме того, меня, как и Викселля и Питера Хауитта, беспокоит плохая динамика.
Маккаллум: Вы на самом деле считаете, что социальные расходы при циклических колебаниях невелики, как описано в вашем выступлении на Янссоновских чтениях (Jahnsson Lectures)? Насколько верны эти цифры?
Лукас: Я не пишу сказок! Я никогда ничего не пишу, чтобы просто кого-то спровоцировать! Может быть, те цифры, о которых вы говорите, слишком малы, но если это на самом деле так, то это моя ошибка, а не заведомо спланированная провокация, чтобы привлечь внимание к проблеме. Цифры, которые я приводил, касаются периода колебаний потребления в США в послевоенные годы, с учетом всех характерных рисков. Как уже говорилось в ходе чтений, расходы во время кризиса 1930-х гг. были значительно выше, поскольку в те годы отсутствовало страхование от безработицы и многое другое, что есть в современной системе соцобеспечения.
Причина, по которой эти расходы не столь велики, заключается в том, что они распределены в соответствии с колебаниями потребления, которые в послевоенные годы в США были незначительны. Как можно увеличивать расходную часть при условии, что уровень потребления почти не меняется? Не говоря уже о нерасположенности к огромным рискам. Конечно, такая

пониженная изменчивость потребления может, в частности, иметь место в результате разумной денежно-кредитной политики, проводимой в эти годы. Я не утверждаю, что нестабильность денежно-кредитной системы не способна принести большого вреда, но только за прошедшие 50 лет в США этого не произошло.
Маккаллум: Давайте поговорим о микроэкономике. Как на ваш взгляд она изменилась, скажем, за последние 25 лет?
Лукас: За последние 15 лет во многих университетах (Чикагский к их числу не относится) микроэкономика стала синонимом теории игр, и это печально. Почти 99% всех успешных моделей экономики до сих пор основываются на идее конкурентного равновесия. Но теория игр дала нам возможность рассуждать о распределении ресурсов, используя более конкретную, порой

закрытую информацию, а также о проблемах репутации. Это огромный шаг вперед в сравнении с тем. что мы с вами изучали в магистратуре.
Маккаллум: Ряд ваших важнейших открытий связан с теорией определения стоимости активов, теорией экономического роста и развития, а также ролью экономической теории в эконометрике и анализе при выборе экономической политики. Давайте поговорим немного об этом. Как вы пришли к этим открытиям?
Лукас: Нагляднее всего это можно показать на примере того, как я писал свою работу по теории определения стоимости активов. Я проводил в своем офисе в Чикаго собеседование с Пентти Коури, который только что получил ученую степень, в Массачусетском технологическом институте и искал работу. Он не горел желанием тратить время на пустые разговоры и спросил меня сразу: «А как бы вы определили стоимость активов в такой модели экономики?» Коури описал модель, которая впоследствии вошла в мою работу. Я подошел к доске и начал писать уравнения Беллмана и равенства спроса и предложения, и через несколько минут стало очевидно, что нет необходимости выяснять стоимостную функцию, чтобы получить функциональное уравнение для определения стоимости активов. Коури не вмешивался в то, что я говорил и делал. Таким образом, я все написал сам, как и все остальное.
Маккаллум: А как насчет вашего большого интереса к концепциям экономического роста и развития? Это результат участия в Янссоновских чтениях или вы всегда интересовались этой областью?
Лукас: Я преподавал студентам курс по теории экономического развития в Карнеги-Меллоне. Он был в списке курсов по выбору. Сколько себя помню, я всегда интересовался этой областью. Но мои изыскания были в большей степени интуитивными. Я чувствовал, где могу добиться большего успеха. Я обнаружил, что в своих исследованиях деловых циклов съезжаю в колею, протоптанную многими учеными задолго до меня, и подумал, что было бы лучше найти себе еще какую-нибудь тему.

Маккаллум: В научных кругах многие довольно лестно отзываются о стиле ваших работ. Вы работаете над стилем?
Лукас: Спасибо за комплимент. Я очень много правлю и переписываю в своих работах, хотя в первую очередь думаю о логике изложения, а не о стиле. Кроме того, я много читаю. И среди этих авторов многие действительно по-настоящему хорошо пишут. Думаю, что-то я и у них перенял.
Маккаллум: Как вам удалось бросить курить?
Лукас: Я начал курить в 13 лет и бросил, когда мне исполнилось 56. Я плохой советчик в этом вопросе. Я избавился от никотиновой зависимости с помощью специальных никотиновых пластырей. Этому также способствовали и другие факторы — страх, постоянное недовольство близких, всеобщее неодобрение и т.д.
Маккаллум: В 1980-е гг. вы вместе с Полом Ромером сделали немало в области теории экономического роста. Вы были научным руководителем, когда Пол писал диссертацию? Расскажите о вашей совместной работе над этой темой.
Лукас: В своем курсе макроэкономики я долгое время использовал из-

вестную во многих странах модель Солоу — (экспериментальную) модель экономического роста. Пола интересовала эта тема, и он самостоятельно разработал модель, в основе которой лежали растущая доходность и экстерналии. Я ничего о ней не знал. Шервин Розен и Тед Шульц рассказали Полу о работе Эллина Янга. Но тут я тоже ни при чем.

Модель, о которой говорится в диссертации Ромера, заставляет по-новому взглянуть на специфические проблемы, которые до этого нигде особо не суммировались и не учитывались. Полу помог Жозе Шейнкман, в том числе и успешно защитить свою диссертацию.

Маккаллум: Нет ли у вас желания заняться разработкой экономической политики страны на практике? Как вы думаете, год-другой практической работы может существенно повлиять в ту или иную сторону на то, чем занимается экономист-теоретик?

Лукас: В конце 1960-х, когда Джордж Шульц был министром труда в администрации Никсона, он приглашал меня на работу в качестве советника. Тогда эту должность в итоге занял мой друг Джек Гулд. Это была интересная работа, поскольку Никсон рассчитывал на поддержку Шульца в гораздо большем спектре экономических вопросов, а не только тех, что непосредственно касались его ведомства. Позднее Шульц перешел на работу в Административно-бюджетное управление, и если бы я согласился тогда на его предложение, я бы перешел туда вместе с ним. Шульц звонил мне лично, чем поразил моего секретаря в университете, да и меня тоже. Но, так или иначе, в то время я был слишком увлечен своими исследованиями и не хотел прерывать работу и переезжать в Вашингтон.

Жалею ли я об этом? Когда я отказался от этой работы, Артур Лаффер оценил мой поступок. Думаю, что мне, Арту и экономике США порознь лучше, чем вместе, кроме того я могу получать какое-то удовольствие, помогая использовать закон Парето при принятии решений.

Маккаллум: Вы не думали о том, чтобы в какой-нибудь газете или популярном журнале вести постоянную колонку, посвященную вопросам экономики?

Лукас: Не сейчас, может быть позже. Мне нравится ощущать вкус открытия и интеллектуального прогресса, который я получаю, занимаясь теоретической экономикой. Для этого необходимо тратить много времени на проблемы, которые человек часто не понимает и, может быть, вряд ли когда-нибудь поймет. Это тяжелый труд. И чем старше и известнее вы становитесь, тем больше у вас в жизни появляется интересных и приятных вещей, а также причин не выполнять эту работу. Всё, что мне нужно, — это найти такие причины.

ИНТЕРВЬЮ С Я Н О Ш Е М КОРНАЙ*

Беседовал Оливье Бланшар

Массачусетский технологический институт

10 июня 1998 г.

Большинство из нас можно назвать «кабинетными экономистами». Неза-

висимо от того, будет ли наше мнение в итоге верным или ошибочным, мы потеряем не так много, самое большее — свою репутацию. Но это не относится к Яношу Корнаи. Большую часть жизни все, что он говорил, могло обернуться для него тюрьмой или чем-нибудь похуже. Он стоял перед тяжелым выбором. Он мог пойти по пути «самиздата» и публиковаться нелегально, но тем самым сузить аудиторию своих потенциальных читателей. С другой стороны, он мог, исключив из своих работ все, что подпадало под официальный запрет, публиковаться открыто и, тем самым, получить доступ к более широкой читательской аудитории. Все это не помешало ему в его стремлении донести до нас свои критические взгляды на социалистическую систему того времени. В этом интервью, я надеюсь, удастся показать, до какой степени переплелись жизнь и работа Яноша Корнаи, и как он пришел к тому, во что верит по сей день. Сегодня его жизнь протекает между Гарвардом и исследовательским институтом Коллегиум Будапешт. Наша беседа состоялась в моем офисе, когда я в июне 1998 г. посетил Гарвардский университет.

Бланшар: Ваша первая книга «Сверхцентрализация управления экономикой» (Overcentralization in Economic Administration, 1957) была посвящена проблемам плановой экономики. На первый взгляд, книга представляет собой технический анализ промышленности в условиях централизованного планирования. Но из предисловия, которое вы написали ко второму

* Впервые опубликовано в *Mocroeconomic Dynamics,* 3, 1999, p. 427-450. Copyright © 1999 Cambridge University Press.

изданию книги в 1989 г., следует, что это была лишь часть большого исследования социалистической системы, многое из которого вы не хотели публиковать. Можно ли сказать, что ваши взгляды формировались именно в то время? Рассматривали ли вы реформирование социалистической системы как решение ее проблем? (Вы коснулись этого во-

проса в своем предисловии ко второму изданию вашей книги.) Какую часть исследований роли и внутренней движущей силы коммунистической партии (главная тема работы «Социалистическая система» (Socialist System), опубли-

Рис. 4.1. Янош Корнаи, 1997 г.

кованной в 1992 г.) вы уже провели к тому времени?

Корнай: В моей жизни было несколько периодов. В молодости я поддерживал идеи социализма. Затем я стал все больше критиковать сталинский тип коммунизма.

Бланшар: А когда именно начался период разочарования в идеях коммунизма?

Корнаи: Это началось в 1953 г., после смерти Сталина, когда многое, что до этого времени тщательно скрывалось, вдруг стало известно, и это повлекло за собой изменения во всех коммунистических странах. Моя реакция была катарсической и была связана в большей степени с вопросами морали: ужасные преступления, совершенные системой, — тюремное заключение, пытки, убийства невинных людей — все это пошатнуло мою искреннюю веру в идеи коммунизма, то, во что я верил, стало вдруг наивным и постыдным. Одновременно, я начал осознавать, что режим был с экономической точки зрения также нефункционален и неэффективен, и только создавал дефицит товаров и подавлял любую инициативу и проявление самостоятельности.

«Сверхцентрализация» (Overcentralization) — это моя первая попытка изложить свои критические взгляды на социалистическую систему. Моя книга в то время привлекла внимание всей мировой общественности, поскольку это была первая работа, критикующая систему и написанная человеком, живущим в одной из стран Варшавского блока, а не кем-то из советологов. Я работал над книгой в течение 1955-1956 гг. Это была моя диссертация.

Бланшар: Вы сами выбирали тему диссертации? Был ли у вас научный руководитель?

Корнай: Тему я выбрал сам. А научным руководителем был Тамаш Наги — профессор, преподаватель политэкономии в Будапештском экономическом университете имени Карла Маркса.

Бланшар: Вы писали свою работу примерно в одно время с происходившими тогда революционными событиями?

Корнай: Да, я завершил ее в сентябре 1956 г., когда в Венгрии начали происходить серьезные изменения — как в политике, так и в сознании. Аналогичные события произошли в Праге 12 лет спустя, в 1968 г. Люди в Венгрии стали все более откровенно выражать свое отношение к существующей системе и все больше ее критиковать... Кстати, в Венгрии существует система открытой защиты диссертаций. Моя защита проходила за несколько недель до революционных событий 23 октября, на ней присутствовало несколько сот человек....

Бланшар: Как они узнали об этом мероприятии? Людская молва?
Корнай: Да, безусловно. Черновики моей работы, уже ходившие в народе, также привлекли многих на это мероприятие. А после моей публичной защиты и вплоть до 23 октября в большинстве ежедневных газет появилось много статей с весьма положительными комментариями моей диссертации. Но позвольте мне вернуться к моей личной истории, чтобы ответить на вопрос о том, можно ли путем реформ сделать социализм работающей системой. Почти 30 лет спустя, в предисловии ко второму изданию «Сверхцентрализации» я охарактеризовал ученого Корнай периода 1954-1956 гг. как «наивного реформатора». Это была искренняя наивность — в то время я и не думал о том, что необходимы изменения на уровне политической системы, я принимал ее как данность и не выступал против нее. Государство как собственник для меня также было аксиомой, и конечно я не мог выступать за проведение приватизации. Мне хотелось совместить существующую систему с рыночной экономикой — примерно так, как через 20 лет это произошло во времена горбачевской *перестройки*. Этот этап моей жизни тоже можно назвать своего рода *перестройкой*. В этом предисловии я также упомянул тех, кого считал людьми, близкими мне по духу и взглядам: Дьёрдь Петер и Тибор Лиска в Венгрии, Влодзимеж Брус в Польше, Ота Сик в Чехословакии, и, конечно же, Михаил Горбачев в России. Их реформаторские идеи появились в разное время: Дьёрдь Петер был первым — он озвучил свои идеи еще в 1955 г., в то время как Михаил Горбачев начал свои реформы лишь в конце 1980-х гг. В моем списке есть как ученые, так и действующие политики. Несмотря на различия, их объединяло то, что в определенный момент своей жизни все они — включая меня в 1950-е гг. — думали, что можно было сохранить политическую структуру, в основе которой лежит монополия Коммунистической партии и государственная собственность, и все, что необходимо сделать, чтобы система работала, — это заменить бюрократический подход к управлению на рыночный.

Рис. 4.2. Во время поездки с лекциями в Индии. Калькутта, 1975 г.

Однако я изменил свое мнение, когда обнаружил причины, почему рыночный социализм не мог существовать. Я стал все чаще высказывать сомнения в возможности существования рыночного социализма, в том числе в своих более ранних работах. В ряде последующих работ я дискутировал по поводу своих наивных идей реформирования, но когда я писал книгу в 1955-1956 гг., я был еще очень наивен.

Бланшар: Эта книга была хорошо принята на Западе, но по меньшей мере не очень хорошо воспринята властями Венгрии. Насколько для вас был неожиданным такой прием дома? Как это отразилось на вас, на вашей работе?

Корнай: Драматические и разрушительные события 1956 г. изменили мою жизнь, изменили мой взгляд на мир, мое *мировоззрение*. Этому способствовали и события, которые затронули меня лично. Один из моих близких друзей был не просто арестован, он был осужден и казнен. Многие из моих друзей были арестованы, другие эмигрировали, на меня же после вышедшей накануне революции книги повесили ярлык «предателя» идей социализма. Меня уволили, и я остался без работы.

Не только мои личные переживания, но в первую очередь великие исторические события — краткий миг победы и ужасное поражение, заставили меня пересмотреть свои взгляды. Я уже больше не мог поддерживать идею необходимости руководства страной Коммунистической партией по поли-

тическим и этическим причинам. Я не могу сказать, что это произошло мгновенно: переосмысление политических взглядов — это процесс, но все произошло довольно быстро.

События 1956 г. также разрушили и мою программу исследований.

В течение долгих лет жестоких репрессий я не мог опубликовать все то, что хотел. Я руководствовался принципами самоцензуры, в основе которой лежало мое представление об ограничениях свободы высказывания в своих публикациях. Это повлияло и на мой выбор темы исследования, и на то, насколько далеко я мог зайти в обнародовании его результатов. В период репрессий, последовавших за событиями 1956 г., я решил выбрать для себя менее политизированную тему: математическое планирование, а точнее — использование линейного программирования в планировании, что в итоге привело меня к неоклассическим идеям.

Бланшар: Что касается математического программирования, вы самостоятельно изучили эту область или у вас уже были какие-то математические знания?

Корнаи: Нет, мне пришлось самому постигать эту дисциплину. Я посещал курсы по математике, линейной алгебре, вычислительной математике и т.п. Но практически я сам дошел до всего, изучая специальную литературу и работая с математиками и специалистами в области вычислительной техники, которые в свою очередь не были экономистами. Позднее меня пригласили в Вычислительный центр Венгерской академии наук, где я занимался линейным программированием. Из книги Дорфмана, Самуэльсона и Солоу, вышедшей в 1958 г., я узнал об использовании модели линейного программирования в экономике. Эта книга была для меня в то время своего рода библией. В этот период мне была очень близка неоклассическая

теория, и какое-то время я принимал ее идеи практически безоговорочно.
Бланшар: Ваша следующая книга, ставшая известной, — «Антиравновесие» (Anti-Equilibrium, 1971). Эта серьезная работа была посвящена общей теории равновесия и ее недостаткам. Вы уже упоминали вкратце о вашем переходе от «Сверхцентрализации» к «Антиравновесию». Но когда вы разочаровались в идеях неоклассической теории?
Корнаи: В моей профессиональной жизни как экономиста было два периода разочарования. Первое — связанное с потерей веры в идеи марксизма, мы уже обсудили. Я начинал свою профессиональную карьеру как истинный последователь идей Маркса, затем я в них разочаровался и в итоге отверг их полностью. Но до сих пор я отношусь к Марксу с большим уважением, для меня он остается гением мысли. Многие его идеи и в наши дни живы и главное — практичны и эффективны. Однако он ошибался во многих фундаментальных вопросах. Затем наступил период моей безоговорочной приверженности неоклассической теории. И в этом было меньше эмоций, а больше всего — разума. Тем не менее, стремясь понять окружа-

ющий меня мир со всеми его сложностями, я начал задавать вопросы, но в неоклассической теории ответов не нашел. Эта неудовлетворенность подвигла меня на анализ сильных и слабых сторон теории. Я попытался тщательно все проанализировать и подойти к оценке критически. Мой отказ от идей неоклассической теории был лишен политической окраски. Все, что я хотел сделать, так это выявить недостатки теории.
С того времени я больше никогда не был заложником какой-либо доктрины. Меня можно назвать своего рода эклектичным экономистом, вобравшим в себя идеи различных школ. Я всегда начинаю выражать недовольство, когда кто-то пытается меня поместить в какую-то определенную «ячейку».
Бланшар: Насколько тесно вы общались с теми, кто в то время работал над общей теорией равновесия?
Корнаи: Совместно с Тамашем Липтаком я написал работу о двухуровневой системе планирования, которую потом напечатали в журнале *Econometrica.* Эдмон Маленво прочитал нашу статью и пригласил меня принять участие в конференции в Кембридже. Это было в 1963 г. Но к этому времени мой паспорт был аннулирован. Много лет подряд меня, например, приглашали в Лондонскую школу экономики, но выехать я не мог.
В 1962-1963 гг. объявили всеобщую политическую амнистию. После чего режим Яноша Кадара начал постепенно двигаться от политики репрессий в сторону так называемого «гуляшного коммунизма», более мягкого, либерального варианта коммунистического строя. С того времени все больше людей стали получать возможность выезжать за границу. В итоге я тоже получил разрешение поехать на конференцию в Кембридж.
Там я встретил несколько по-настоящему гениальных людей. С Эдмоном Маленво и Тьяллингом Купмансом мы, можно сказать, подружились. Они оба стали моими наставниками и очень мне помогли. На конференции я также встретил Роя Рэднера, Лайонела Маккензи и Роберта Дорфмана. Это было мое первое знакомство с Западом. Затем в 1968 г. по приглашению

Кеннета Эрроу, я приехал в Стэнфорд. К тому времени я уже подготовил черновик «Антиравновесия», который и показал Эрроу и Купмансу. Они прочли мой труд и были очень щедры на комплименты. Они не защищали общую теорию равновесия или что-то еще, что я критиковал — даже наоборот. В результате оба настаивали на том, чтобы я опубликовал книгу.
Бланшар: Вероятно, они разделяли ваши взгляды...
Корнай: Да, они во многом со мной согласились. Оба потом ссылались на мою книгу в своих нобелевских лекциях.
Бланшар: В своей книге «Антиравновесие» вы задаете несколько направлений для исследования. Спустя 27 лет с момента выхода книги были изучены многие вопросы: асимметричность информации; описание фирм с точки зрения теории игр; договорные отношения на рынке труда; роль го-

4. ИНТЕРВЬЮ С ЯНОШЕМ КОРНАИ

сударства и законов; невыполнение договоров и т.д. Вы довольны сегодняшним состоянием экономической науки?
Корнаи: Очень интересный вопрос, но прежде чем ответить на него, я бы хотел добавить еще один пункт в ваш список. Сегодня большой интерес проявляется к невальрасовой модели экономики, и это была одна из проблем, рассматриваемых мной в «Антиравновесии». Возвращаясь к вопросу, доволен ли я сегодняшним состоянием экономической науки, могу сказать одно. Да, я ощущаю большее удовлетворение состояни-

Рис. 4.3. Представление президентем науки сегодня, чем раньше. Когда я ского обращения в рамках североаписал книгу, я думал, что необходимо мериканских встреч Эконометричепопытаться дистанцироваться от идей ского общества в Чикаго в 1978 г.
Слева от Яноша Корнай — Тьяллинг неоклассической теории, которая каза-
Купманс, председатель этой сессии
лась мне смирительной рубашкой в неменьшей степени, чем революционное

мышление. Но жизнь доказала, что я ошибался. Прогресса можно достичь эволюционным путем намного чаще, чем я представлял себе.

Мне хотелось бы добавить еще пару слов личного характера. Я доволен тем прогрессом, который мы наблюдаем в изучении перечисленных нами направлений. Как автор книги, я немного огорчен тем, что эта работа не нашла должного отклика. Первыми и практически последними были высказывания Эрроу и Купманса, а затем все как-то сошло на нет.

Бланшар: Это была очень важная книга. На моей родине, во Франции, она стала одной из немногих, которая получила широкую известность. Об этом мало кто говорит, но ваша книга стала частью общедоступных знаний. То же самое случилось со многими другими вашими идеями. Может быть, это и означает успех...

Корнаи: Может быть, вы и правы, а может — и нет. Не знаю. В любом случае, мне кажется, что, задавая вопросы по теме, вы тем самым вряд ли упрочите свою репутацию, по крайней мере, в нашей профессии. Однако я все же верю, что для исследовательского процесса очень важно задавать вопросы по теме, даже если никто не сможет дать на них конструктивного ответа.

Бланшар: Как раз вопрос по теме. Как вы ощущали себя тогда и сейчас по отношению к господствующим западным экономическим течениям? Стали ли они вам ближе после того, как вас пригласили работать в Гарвард в 1986 г.?

Рис. 4.4. Конференция на корабле во время путешествия по реке Янцзы, Китай, 1985 г.

Среди участников — Джеймс Тобин и Отмар Эммингер, экс-президент Бундесбанка

Корнаи: Если в двух словах, то можно сказать, что мои исследования лишь наполовину принадлежат главным направлениям в экономической науке. Общественная наука, на мой взгляд, не является набором конкретных утверждений об устройстве мира — это когнитивный процесс. Я уверен, что основные экономические течения, особенно сформулированные, сложившиеся неоклассические теории, играют важную, но пока еще ограниченную

роль в этом процессе. Я бы выделил три основных этапа в когнитивном процессе. Сначала вы чувствуете, что есть какая-то научная загадка, и пытаетесь решить ее. основываясь в большей степени на здравом смысле и интуиции. Затем наступает следующая стадия, когда в процесс включается неоклассическая теория, которая пытается помочь отшлифовать вашу мысль с помощью разного рода предположений, определений и утверждений. Завершает процесс третий этап — интерпретация полученных результатов. На мой взгляд, то, что мы называем основными экономическими течениями, очень полезно и применимо на второй стадии процесса, но от них мало толку на первой и последней стадиях. Это не просто критика того, что экономисты — последователи основных течений, пишут и публикуют, а в большей степени критика того, как мы учим наших молодых и будущих коллег. Мы не учим их тому, что связано с первой и третьей стадией процесса, вместо этого мы слишком большой акцент делаем на вторую стадию и таким образом заставляем их мыслить ограниченно.

Бланшар: Я бы сказал, что скорее традиционный подход в экономической науке складывается сначала из того, что вы делаете что-то самостоя-

тельно, потом публично, а третья стадия становится все более системным процессом.

Корнаи: Я согласен с тем, что вы сказали, но лишь отчасти. Формулирование правильного вопроса и попытка его решить на основе здравого смысла — это, бесспорно, делается самостоятельно. Если на ранней стадии исследователь будет связан со специальной терминологией и у него не будет возможности для публичных обсуждений научной загадки, его мышление будет весьма однобоким. Мы, скорее всего, обсудим далее проблемы посткоммунистического переходного периода, но сначала позвольте мне привести пример. В свое время шло активное обсуждение преимуществ градуализма как наиболее эффективного подхода к реформированию экономики по сравнению с теорией большого взрыва. Сегодня же вы можете найти немало прекрасных работ по теории большого взрыва. И одновременно существует масса интересных работ, рассказывающих о преимуществах градуализма. И что?!

В конце концов контекст определяет, как тот или иной феномен должен быть интерпретирован. А мы пока не учим наших студентов применять на практике теоремы и утверждения исходя из контекста. Вот почему многие западные экономисты, активно выступавшие в качестве советников правительств восточноевропейских стран и России в реформировании системы, в определенный момент осознали, что все зависит от контекста. Они не были к этому готовы, несмотря на то, что у них была очень хорошая база экономических знаний. У них не хватало знаний в области политологии, социологии, психологии, истории и т.п. Вы можете получить степень ученую степень в Гарварде или Массачусетском технологическом институте, не углубляясь в изучение этих предметов. И это не вина неоклассического подхода. Он предлагает программу рабочих исследований. Но с точки зрения развития мышления он односторонний и слишком узкий.

Бланшар: Что ж, пойдем дальше. В 1980 г. вы опубликовали работу «Экономика дефицита» (Economics of Shortage). После «Сверхцентрализа-

ции», за которую вас уволили и вам пришлось заняться математическим планированием, а также «Антиравновесия», изменившего вас в интеллектуальном и политическом плане, вы вновь возвращаетесь к проблемам соцсистемы. Вы уже касались этой темы, но не хотели бы поговорить об этом подробнее?

Корнаи: Да, конечно, мои предпочтения в работе с годами менялись. С одной стороны, какое-то направление было для меня постоянным, как например, устойчивый феномен невальрасового состояния экономики, особенно, при социалистической экономике дефицита или рынке продавцов. Я рассматривал эти проблемы в «Антиравновесии». Примерно треть книги посвящена вопросам, касающимся рынка продавцов в сравнении с рынком покупателей. В 1972 г. я написал книгу «Гонка или гармоничный

Рис. 4.5. Вручение юбилейного сборника в Коллегии Будапешт в январе 1998 г. Слева направо — Янош Корнаи, профессор Йено Колтай и доктор Янош Гакс

рост», критикующую сталинскую модель роста. В этой книге я выступил против идеи несбалансированного роста. Но, с другой стороны, вы совершенно правы — с годами я переключился на вопросы, которые связаны с политикой в большей степени.

И тому было много причин. Прежде всего, Венгрия медленно, но верно двигалась в сторону ослабления ограничений на свободу слова. Другой причиной можно считать мою растущую мировую известность, прежде всего за счет работ по математической экономике и математическому планированию. Все это давало мне пространство для маневра у себя на родине. У меня был принцип — если я чувствовал, что в том или ином случае у меня были определенные ограничения, то я старался повысить эту ограничительную планку еще процентов на 20. И хотя общая тенденция того времени в Венгрии все же была направлена на постепенное расширение ограничений, я все же старался быть выше их. Такая стратегия по-

зволила мне раскрывать в своих книгах хронические проблемы существовавшей системы, но одновременно держаться в рамках определенных политических табу.

Бланшар: Вы упоминали о том, что в 1 956 или 1957 г. вас уволили. Вы потом вернулись?

Корнаи: Да, я вернулся. Самое смешное в этой истории, что один и тот же директор прославлял меня до октября 1956 г., потом осудил и уволил, а после 1956 г. пригласил обратно в Институт экономики — и я вернулся. Еще одна типичная для того времени вещь — это определенная последовательность событий: сначала я стал членом Американской и Британской академий и только затем — членом Венгерской академии наук. Я стал приглашенным профессором в Стэнфорде и Йеле, а уже после этого меня пригласили вести семинар в Будапештском экономическом университете, который, к слову, так и не предложил мне постоянного места профессора. Но власти Венгрии знали обо всем, что со мной происходит, поэтому они представляли степень моей востребованности за рубежом, что в итоге расширяло для меня возможности, связанные с публикацией работ.

Бланшар: Табу, которое вы упоминали, касалось роли коммунистической партии?

Корнаи: В то время в Венгрии существовало четыре табу. (В России и Чехословакии — намного больше). Во-первых, вы не можете ставить под сомнение принадлежность Венгрии к Варшавскому договору. Во-вторых, не обсуждается монополия на власть коммунистической партии. В-третьих, вы не вправе отрицать доминирующую роль государственной собственности. И. в-четвертых, нельзя критиковать Маркса. В отличие от России и Чехословакии, в Венгрии никто от вас не ждал, что вы будете говорить не то, что на самом деле думаете, — лишь бы показать свою лояльность. Вам было необходимо не затрагивать этих четырех вопросов.

Каждый должен был сделать свой тяжелый выбор — как жить дальше. Я говорю об этом, поскольку сегодня это отнюдь не очевидно. Одни решали уходить в подполье и публиковать работы в виде «самиздата», таким образом избегая табу, — что и сделали некоторые мои друзья. Я восхищался их смелостью. Цена такого выбора — отказ от более широкой аудитории. Другие выбирали побег за границу. Я выбрал совсем иной путь, как и некоторые другие представители венгерской интеллигенции. Я публиковал свои мысли официально, но многое недоговаривал. Это тоже было рискованно, особенно в моменты ухудшения общей политической ситуации в стране: например, при частичной реставрации сталинизма это могло закончиться увольнением и даже арестом. Это также было не менее рискованно и в обычной политической обстановке того времени. Путь, который я выбрал, заставил принять меня очень сложное решение: я должен был скрывать некоторые свои идеи и взгляды. Я никогда не лгал. Я всегда писал только правду или то, как я действительно думал, но умышленно всей правды я не писал. У меня оставалась надежда, и наверное, вполне оправданная, что многие читатели прочтут между строк все недосказанное. Иногда я даже пытался делать намеки, и — вполне возможно — небезуспешно.

Рис. 4.6. Совещание Научно-консультативного совета Европейского банка реконструкции и развития, Будапешт, 1992 г. Слева направо: Жан-Поль Фитусси, Кеннет Эрроу, Янош Корнаи и Джон Флеминг

Я написал «Экономику дефицита» в Швеции, где мы с женой много обсуждали во время наших продолжительных прогулок по лесу, какие главы *не* стоит включать, какой должен быть конец у книги и пр. Если вы внимательно прочтете вступление, то найдете темы, которые я намеренно исключил из обсуждения — в том числе монополию политической власти коммунистической партии и вопрос государственной собственности. Этим я хотел сказать своим читателям, что «знаю, что есть и другие вопросы, которые необходимо обсуждать; и пусть это будет вашим домашним заданием».

Я горд тем, что многие читатели, в том числе из Китая, России и Польши, уже после 1990 г. признавались мне: они понимали, о чем я пытался сказать в этой работе.

Бланшар: Если бы вам надо было определить основной вклад «Экономики дефицита» в развитие экономической мысли, это могло бы быть введение понятия «мягкое бюджетное ограничение»? Сегодня, когда социализм как экономическая система практически не существует, насколько актуально это понятие? Какова его концепция?

Корнаи: Давайте разделим вопрос на две части. Сначала вы спросили меня, каков, на мой взгляд, основной вклад работы и сразу же перешли к вопросу мягкого бюджетного ограничения. В то время для читателя в Восточной Европе, России или Китае теория мягкого бюджетного ограничения не была столь важна. Для него главной идеей книги была мысль о системности дисфункциональных свойств социализма. Я хочу особо подчеркнуть, что этот посыл позволял мне дистанцироваться от остальных так называе-

мых реформаторов, которые пытались внести лишь небольшие изменения в коммунистическую систему. И с такой точки зрения это революционная книга, ее главный вывод — косметические изменения и поверхностные реформы не смогут ничего изменить. Вы должны изменить всю систему,

избавиться от ее дисфункциональных свойств. Это и есть главный посыл книги. И я думаю, что он оказал большое влияние. Люди в коммунистических странах намного меньше интересовались мягкими бюджетными ограничениями, им была интересно это главное утверждение. Вот почему книга выдержала три издания в Венгрии, было продано 100 ООО экземпляров в Китае и 80 ООО в России...

Бланшар: Получается, что тиражи ваших книг превышали тиражи некоторых триллеров?

Корнаи: Да, только гонорары за триллеры обычно больше. Я не получил ни цента за 100 000-ный тираж в Китае, только письмо от местного издателя, который информировал меня о том, что моя книга была признана «бестселлером года в номинации non-fiction». Из России я тоже мало что получил. Здесь самое главное — политическая и интеллектуальная отдача, а не денежное вознаграждение. Я был счастлив, что мои идеи дошли до столь широкого круга читателей.

Концепция же мягкого бюджетного ограничения оказала большее влияние на Западе, чем на Востоке. Она согласовывалась с неоклассической теорией, и в то же время немного отходила от нее и развивала ее. Думаю, поэтому моя концепция была и остается актуальной. Возможно были и другие важные открытия в моей работе, но я не связывал результаты со стандартной неоклассической теорией и поэтому не получил широкого отклика от моих коллег.

Отвечая на вторую часть вопроса по поводу мягкого бюджетного ограничения, хочу сказать, что это актуально не только для соцсистемы. Этот феномен широко распространен и практически доминирует при социалистической экономике, особенно при проведении рыночно-социалистических реформ, когда система становится менее жесткой и больше ориентирована на получение прибыли. Очень жаль, однако, что общая обоснованность концепции до конца не признана. По моему мнению, в несоциалистической рыночной экономике также очень много примеров, аналогичных синдрому мягкого бюджетного ограничения. Мой бывший студент из Лондонской школы экономики Чэн Ган Сюй сейчас пишет работу, посвященную анализу кризиса в Восточной Азии и использует эту же концепцию для описания происходившего там. Взаимоотношения между государством, банками и корпорациями показывают наличие признаков синдрома мягкого бюджетного ограничения. Помощь ненадежным заемщикам в Японии, Корее и Индонезии со стороны Международного валютного фонда — а они слишком большие, чтобы позволить им упасть, — опять же представляет собой пример

использования мягкого бюджетного ограничения. Поэтому я считаю применение моей концепции во многих случаях обоснованной: в здравоохранении, в промышленности, везде, где государственный, финансовый и промышленный секторы так или иначе связаны друг с другом.

Бланшар: Я думаю, что сегодня у идеи мягкого бюджетного ограничения гораздо более широкое поле применения, чем вы очерчиваете. Безусловно, ее использовали и для описания азиатского кризиса. Но какое влияние оказала ваша работа внутри социалистического блока — как на реформы предпереходного периода, так и на сам переходный период?

Корнаи: Я думаю, что все ведущие реформаторы в соцстранах прочли «Сверхцентрализацию», и книга оказала какое-то влияние на их образ мыслей. Далее, они также изучали экономические реформы, которые прошли в Венгрии в 1968 г. К примеру, Китай взял венгерский опыт за образец, когда в 1970-е гг. руководство страны проводило реформы. Таким образом, опосредовано, но я оказал все же некоторое влияние на реформы. Как это всегда бывает с любого рода влиянием в интеллектуальной сфере, очень трудно его разделить на свое и чужое, поэтому я не могу определить точно свой вклад в этот процесс.

В любом случае, это влияние материализовалось только по прошествии большого отрезка времени — 10 или даже 20 лет с момента появления моей книги («Сверхцентрализация»). Ко времени начала первых рыночно-социалистических реформ в Венгрии, а затем в Китае, Польше и Советском Союзе, я уже отказался от идеи рыночного социализма. Я стал очень критично относиться к этой идее, делая акцент на ограничения реформирования социалистической системы. В таком духе были написаны все мои статьи по реформам в Венгрии, но, что более важно, таким должно было стать заключение, которое сделал бы читатель «Экономики дефицита». Один из моих друзей назвал подобное отношение к реформам «скептицизмом к преобразованиям». В 1970-х и 1980-х гг. такое скептическое отношение стало нарастать и в Восточной Европе. Это стало еще одним подтверждением того, что частичных реформ недостаточно. Думаю, что в осознании этот факта есть и моя доля участия.

Бланшар: Читая «Социалистическую систему» (The Socialist System, 1992), я так до конца и не понял, какую часть кризиса вы предсказали до, а какую объяснили после. Предчувствовали ли вы, каким будет переходный период на самом деле?

Корнаи: Позвольте мне сказать несколько слов о самой книге, прежде чем мы начнем обсуждать вопрос верных и неверных прогнозов. «Социалистическая система» — это попытка описать систему целиком, что было непростой задачей, поскольку в большинстве книг рассматривается лишь тот или иной аспект системы. Великим первооткрывателем этой «парадигмы системы» был конечно же Карл Маркс, который описал ее в «Капитале».

Бланшар: А как насчет Шумпетера?

Корнаи: Работы Шумпетера, его взгляды на предпринимательство и созидательное разрушение оказали на меня огромное влияние. Конечно, в своей книге «Капитализм, социализм и демократия» (Capitalism, Socialism and Democracy) он старается дать комплексный анализ обеих систем. Но эти две книги и еще ряд работ (например, Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека) просто исключительные. В типичном американском учебнике по экономическим системам не пишут о капитализме так, как я писал о социализме. Он не дает вам представление об общей модели капитализма, включая описание политической, идеологической и социальной составляющих.

Бланшар: Он не является междисциплинарным.

Корнаи: Да, вы правы. При написании книги я стремился охватить все взаимосвязи и взаимозависимость между политической структурой, идео-

логией, отношением к собственности, а также поведением различных субъектов — одним словом, системные характеристики. А также показать динамику системы.
Несмотря на то что я начал работу над книгой только в 1986-1987 гг., ее основные идеи и структура уже давно были у меня в голове. Что мой анализ соцсистемы предсказал — в отличие от других — так это то, что «лоскутные» реформы не усилят, а, наоборот, ослабят систему. Главная идея книги заключалась в следующем: классическая, сталинская система, какой бы она ни была репрессивной и брутальной, была более гармоничной и логически последовательной, чем более свободная полуреформированная горбачевская система, подверженная эрозии. И я предсказал эту эрозию. Но что я не мог предвидеть, так это ее скорость и срок. Должен признаться, что события 1989-1990 гг. были для меня совершенной неожиданностью. Я не представлял, что развал советской системы произойдет так быстро. Это превзошло мои ожидания.
К концу 1980-х гг. стало ясно, что венгерская версия системы быстро разрушается. Но для меня память о событиях 1956 г. в Будапеште и 1968 г. в Праге до сих пор жива, поэтому я не думаю, что мои опасения по поводу вмешательства России были безосновательны. Русские танки сделали бы свою работу снова, как в 1956-м или в 1968-м. Поэтому важнейшим фактором были масштабы преобразований в Советском Союзе, а не в Восточной Европе. Позвольте мне повторить: я не ожидал, что разрушение системы, начавшееся при Горбачеве, будет таким скоротечным.
Бланшар: Допускали ли вы, что в Венгрии все пройдет не лучше, чем в Чехии или Польше? Можете ли сказать сегодня, почему? Помогли ли предыдущие реформы Венгрии после смены системы?
Корнаи: Не думаю, что можно подходить ко всем с одной меркой и говорить, что тот лучше, а этот хуже. При проведении странового анализа в

первую очередь необходимо смотреть на стартовые условия, и из этого исходить в своей оценке изменений в стране. Я уже упоминал в «Социалистической системе», что макроэкономика в странах, где проходили реформы, была хуже, чем в странах, где реформ не было. И причина этого проста и очевидна. Венгерское руководство хотело вернуть лояльность граждан к системе с помощью популистских мер. Как только в стране начались рыночно-социалистические реформы, появились проблемы на макроуровне: высокая инфляция, растущий дефицит бюджета, увеличение спроса на кредиты, отрицательный торговый баланс и необузданный рост внешнего долга. Наглядно это можно представить, если сравнить Венгрию и Чехословакию. Относительно либеральная Венгрия, в которой проходили реформы, имела самый высокий размер долга на душу населения среди стран бывшего соцлагеря. Венгрия создала для своих граждан самую щедрую систему соцобеспечения и тратила на нее огромные деньги. В работе, которую я написал в 1992 г., я назвал Венгрию страной преждевременных социальных благ, поскольку, несмотря на свою бедность, страна тратила на соцобеспечение в процентном соотношении столько же, сколько и Швеция, что еще больше ухудшало ее макроэкономические показатели. Одновременно, более склонный к репрессиям чехословацкий лидер Густав Гусак

не поддался искушению провести реформы.
Таким образом, счет в игре был не в пользу Венгрии. Чем более глубокими были реформы, тем хуже становилось состояние макроэкономики в стране. Это означает, что в какой-то мере у Венгрии стартовые условия были намного хуже, чем у Чешской Республики.
С другой стороны, реформы оказали также и положительное воздействие. На микроэкономическом уровне особое влияние имели такие факторы, как право на частную собственность, хорошо работающее законодательство, наличие прослойки топ-менеджеров и кадровых ресурсов, понимающих принципы работы рыночной экономики. Все это позволило привлечь в Венгрию иностранные инвестиции. В конце концов можно сказать, что в этой стране реструктуризация экономики прошла лучше, чем где-либо. Поэтому надо всегда осторожно давать оценку тем или иным изменениям.
Бланшар: Ваш тезис, что ситуация на макроуровне может быть хуже, а на микроуровне лучше, очень интересен и важен.
Корнаи: Совершенно верно. Но это видно только тогда, когда вы рассматриваете сразу несколько показателей, например, уровень реструктуризации, технологических изменений, приток иностранного капитала и новых технологий и т.д., а не останавливаетесь на анализе одного из них.
Бланшар: Могло ли мягкое бюджетное ограничение в предпереходный период привести к более мягкому бюджетному ограничению и в постпереходный период?
1 2 4
4. ИНТЕРВЬЮ С ЯНОШЕМ КОРНАИ
Корнаи: Давайте вернемся к сравнению Венгрии и Чехии. Венгрия больше себя проявила в области усиления бюджетных ограничений. Она была первой страной в Восточной Европе, где появился по-настоящему жесткий закон о банкротстве — наряду с законами по бухгалтерскому и финансовому учету и банкам, соответствовавшие западным стандартам. Именно в результате появления нового законодательства в стране прокатилась волна банкротств. Безусловно, это повысило уровень эффективности производства в Венгрии, но и одновременно вызвало рост безработицы. Кто-то может спросить, это хорошо или плохо. В любом случае, в Чехии наблюдался невероятно низкий уровень безработицы. Но я не уверен, что в постсоциалистической экономике низкая безработица сама по себе является достоинством.
Бланшар: Я тоже не уверен. Что вы думаете об экономических исследованиях, посвященных переходному периоду? Насколько правильные вопросы там рассматривались?
Корнаи: Западные экономисты, заинтересовавшиеся переходным периодом, задавали правильные вопросы, но список проблем, которые они изучали, был неполным. Так или иначе, проблема не в вопросах, а больше в ответах. Порой ответы на вопросы были слишком упрощенными. Очень часто они рассматривались вне реального политического и социального контекста, хотя тщательный анализ мог бы помочь распознать правильные и ошибочные ответы, а также их соответствие сегодняшней ситуации.
Бланшар: Был ли это способ быстро получить знания на основе соб-

ственного опыта? Изменились ли исследования в лучшую сторону, скажем, если сравнивать 1990 и 1992 или 1993 гг.?

Корнаи: Быстрых улучшений качества исследований не было, и тому были причины. Во-первых, многие эксперты приезжали в Восточную Европу, поскольку считали: сделать это необходимо. Они просто сказали себе: «А почему бы не посоветовать какой-нибудь из этих стран, что следует делать». Они приехали и уехали. Только малая часть из них сохранила свой прежний энтузиазм и веру в то, что они делают. Они и стали экспертами в этой области. Я не думаю, что таких людей много за пределами Восточной Европы или что они работают с такими организациями, как Всемирный банк или МВФ, у которых существуют свои проблемы. Во-первых, в подобных организациях довольно странная практика назначений: если вы, например, эксперт в области посткоммунистических реформ, то вас могут, отправить, скажем, в Кению или Колумбию. Это сильно затрудняет процесс исследований. Во-вторых, предполагается, что эксперты должны быть вне политики, то есть быть технократами, в то время как большая часть исследуемых ими вопросов по определению сильно увязана с политикой. Каждый их совет содержит скрытую или явную оценку.

Бланшар: Могли те, кто занимался изучением соцсистемы в этих же странах и за их пределами, используя свои знания, как-то помочь процессу реформирования?

Корнаи: Большинство экономистов в Восточной Европе были во многом не готовы решать проблемы, которые возникли во время переходного периода. Я имею в виду Восточную Европу в целом. Возможно, Венгрия и Польша были в лучшем положении, чем другие страны, так как за несколько лет до преобразований они занялись вопросом повышения качества экономического образования у себя. Однако большинство тех, кто занял определенные посты, были плохо подготовлены к выполнению подобной работы. И хотя многие западные экономисты не понимают политических и социальных особенностей стран переходного периода, многие из восточноевропейских коллег не понимали определенных вещей в экономике, а это, на мой взгляд, намного хуже. (Я даже не уверен, понимают ли они политические и социальные проблемы.) Многие из них имеют прекрасное образование, обладают хорошей интуицией, получили отличные навыки управления еще во времена социалистической системы или полурыночной экономики, но они не экономисты. Только немногие из них получили серьезное образование в западных университетах. Те, у кого хорошая база знаний в экономической сфере, сегодня занимаются исследованиями. Некоторые даже пытаются получить место преподавателя в каком-нибудь западном университете. Конечно, пройдет еще много лет, прежде чем мы догоним в этом отношении Запад.

Вместе с тем я считаю, что знания у экономистов — как на Западе, так и на Востоке — односторонние. И больше всего меня расстраивает то, что вместо объединения идей наблюдается недоверие сторон друг к другу, их нежелание дискутировать. Очень редко команды формируются таким образом, чтобы знания каждого из членов дополняли друг друга. Но как бы то ни было, такой вид взаимодействия необходим.

Бланшар: Вы считаете, что лет через десять Центральная Европа будет выглядеть так же, например, как Португалия или Италия? Или политическое и экономическое наследие социализма будет продолжать действовать?
Корнаи: Думаю, будет своего рода конвергенция. Но также думаю, что мы увидим следы прошлого — как можно их увидеть в Японии, наблюдая в настоящее время все, что происходит в стране. Япония так и не стала похожа на Соединенные Штаты или Великобританию, как любая латиноамериканская страна не похожа на мусульманскую.
Думаю, что в дальнейшем в центральноевропейских странах сохранятся идеалы, ценности и ожидания, доставшиеся в наследство от ушедших времен, а также социальные нормы, которые, возможно, впоследствии и исчезнут. В обществах этих стран сохраняются идеалы равенства в распространении доходов. Они до сих пор сидят глубоко в сознании людей.

Существует сильное сопротивление реформам, например, со стороны государственной системы соцобеспечения, что в определенной степени соответствует западноевропейским традициям, в частности Германии или Австрии и даже Франции или Швеции. А также со стороны всего сообщества. Когда в стране аристократическое общество сменяется буржуазным, связи между аристократами все равно остаются. Думаю, что люди, принадлежащие бывшей социалистической элите, в большинстве своем уже забыли о том, что написано в «Манифесте коммунистической партии», но сохранили связи со старыми товарищами. Сегодня такие связи очень сильны в бизнесе, политике, культуре. Те, кто знал друг друга при старой системе, знают, кто друг, а кто враг, и это невозможно разрушить за один день. Однако десять лет — это относительно короткий срок. Задайте этот вопрос лет через 20 или 30.
Бланшар: Многие из этих людей, занимающих новые посты, кажутся весьма компетентными.
Корнай: Существует естественный отбор — если вы некомпетентны, наличие только нужных друзей недостаточно, поэтому вы либо уходите на пенсию, либо переходите на более заурядную работу. Но если у вас есть правильные друзья, плюс определенные способности и таланты, тогда вы можете выполнять и новые роли. В любом случае, несмотря на то что эти особенности и установки будут сохраняться еще долго, посткоммунистические страны станут «нормальными» капстранами.

ЛИТЕРАТУРА

Dorfman, R., Samuelson, P.A. & Solow, R.M. (1958) *Linear Programming and Economic Analysis.* New York: McGraw-Hill.

5. ИНТЕРВЬЮ С ФРАНКО МОДИЛЬЯНИ*

Беседовали Уильям Барнетт
Канзасский университет
и
Роберт Солоу
Массачусетский технологический институт

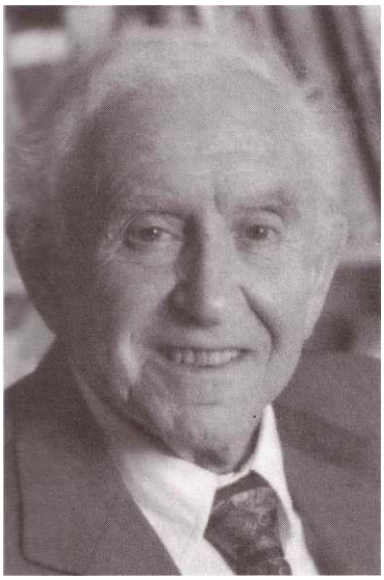
5-6 ноября 1999 г.

Франко Модильяни оказал большое влияние на такие научные сферы, как экономика и финансы. И хотя многие достижения в этих областях чаще

всего со временем теряли свою силу, исследования Модильяни, наоборот, приобретали все большую актуальность. Его знаменитая статья о предпочтении ликвидности, написанная в 1944 г., не только оставалась в программе обязательного чтения для нескольких поколений экономистов-кейнсианцев, но и стала частью списка работ, на которые ссылаются все экономисты. Его выводы о гипотезе потребления и сбережений в процессе жизненного цикла дали первый толчок для встраивания в макроэкономику конечных моделей жизненного цикла и сыграли основополагающую роль в развитии в макроэкономике модели перекрывающихся поколений, созданную Морисом Аллэ, Полом Самуэльсоном и Питером Даймондом. Работы Модильяни и Миллера, посвященные структуре капитала и стоимости предприятия, изменили сферу корпоративных финансов и оказали сильное влияние на последующие исследования в области инвестиций, оценки доходности финансовых активов, а также на недавние исследования, связанные с практикой применения деривативов. Модильяни получил премию памяти Нобеля по экономике в 1985 г.

В макроэкономической политике Модильяни до сих пор сохраняет свое влияние на обоих континентах. В США он сыграл ведущую роль в создании эконометрической модели общенациональной экономики по заказу Федеральной резервной системы (ФРС), также он довольно часто принимает

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 4, 2000, p. 222-256. Copyright © 2000 Cambridge University Press. В период подготовки интервью Уильям Барнетт преподавал в Вашингтонском университете в Сент-Луисе.



участие в заседаниях ученых-консультантов при Совете управляющих ФРС, которые проходят два раза в год в Вашингтоне. Его влияние в Европе особенно очевидно: в Италии, например, практически каждый житель считает его знаменитостью, поскольку о нем постоянно рассказывают СМИ. В других странах Европы Модильяни стал известен благодаря совместной работе видных европейских и американских ученых, вышедшей под названием

Манифест экономистов по вопросу безработицы в странах Евросоюза». Под ним подписались ряд известных экономистов, а ряд других высказали документу свое одобрение.

Интервью с Франко Модильяни было составлено из двух бесед, состоявшихся в разное время в разных местах. Первое интервью провел Роберт Солоу в загородном доме Модильяни на острове Мартас-Виньярд. Далее расшифровкой первого интервью и проведением второй беседы занимался Уильям Барнетт. Вторая встреча состоялась в квартире Модильяни, расположенной на верхнем этаже небоскреба с видом на реку Чарльз недалеко от Гарвадского университета в Кембридже (штат Массачусетс). Беседа продолжалась 2 дня с перерывами на ланч и изумительное эспрессо, приготовленное самим Модильяни в специальной кофеварке. Подобная кофеварка могла принадлежать только человеку, который относился к кофе очень серьезно. Несмотря на то, что значение работ Модильяни для экономистов и финансистов очевидно, только его студенты осознают его влияние в полной мере. Роберт Шиллер из Йельского университета в своем письме по поводу публикуемого интервью выразил это как нельзя лучше, обратившись к Модильяни со словами «мой герой».

Барнетт: В своем разговоре с Робертом Солоу вы отметили, что мало чему научились в период своего студенчества в Италии и поэтому перебрались в Соединенные Штаты. Не могли бы вы подробнее рассказать, когда вы покинули Италию и почему?

Модильяни: После войны в Эфиопии и интервенции фашистских держав в Испанию во время гражданской войны мои антифашистские настроения становились все сильнее. Я решил уехать из Италии. Последним, что меня подтолкнуло, был тесный союз Муссолини и Гитлера, который привел к принятию антисемит-

Рис. 5.1. Франко Модильяни (дата неизвестна)

ских законов и сделал невозможным

проживание в Италии тех, кто желал сохранить уважение к себе. К тому времени я уже познакомился со своей будущей женой, Серенной — мы были обручены. Ее отец также разделял антифашистские настроения и собирался покинуть Италию. И когда приняли эти законы, мы упаковали свои чемоданы и уехали во Францию. В 1939 г. мы провели несколько месяцев во Франции, готовясь отбыть в Соединенные Штаты. Мы покинули Францию в августе 1939 г. в день подписания известного всем пакта между Гитлером и Сталиным, который в результате все равно привел к нападению Германии на Россию. Я приехал в Америку, не имея никаких предварительных договоренностей с каким-либо университетом. Мне очень хотелось изучать

экономику. Я получил стипендию от Новой школы социальных исследований отчасти благодаря тому, что в школе было много представителей интеллигенции, которые придерживались антифашистских взглядов. Один из таких известных эмигрантов-антифашистов, Макс Асколи, мне и помог получить стипендию.

Барнетт: Франко, я так понимаю, после того, как вы покинули Италию, вы потом вернулись в страну, чтобы защитить диссертацию. Насколько рискованым был такой шаг?

Модильяни: Да, это правда. К тому времени как мы уехали из Рима в Париж, я уже сдал все экзамены, но диссертацию не защитил. В июле 1939 г., перед тем как отправиться в США, я решил все же получить степень и вернуться в Рим, чтобы защитить диссертацию. Это было небезопасно, к тому времени меня могли уже запросто арестовать. Я поддерживал связь с антифашистами в Париже, и поэтому существовала реальная угроза преследования — я мог оказаться в тюрьме. К счастью, ничего такого не случилось. Мой тесть очень волновался, и мы договорились, что в случае какой-либо опасности он подаст знак. Мы условились, что будем спрашивать, как дела у дяди Бена. Если он чувствовал себя неважно, то мы должны быть готовы уйти. Если он умер, то мы должны уйти немедленно. Нам так ни разу и не понадобился этот условный знак, но я не чувствовал себя спокойно до тех пор, пока не защитился и мы не уехали в августе в США.

Барнетт: Известный художник и скульптор Амедео Модильяни родился в Италии в Ливорно в 1884 г. и умер в Париже в 1920 г. Он ваш родственник?

Модильяни: Мне не известны какие-либо сведения о нашем родстве.

Солоу: Франко, первое, о чем я хотел бы поговорить, это о вашей работе «Предпочтительность ликвидности и теория процента и денег» («Liquidity Preference and the Theory of Interest and Money»), опубликованной в Econo- *metrico* в 1944 г. Вам тогда было 25 лет?

Модильяни: Да, около того. Когда я учился в Италии, я мало что получил из практических знаний. Нам не преподавали ту экономику, которую можно было бы использовать на практике. Нам лишь рассказывали что-то о корпоративном государстве. Поэтому все, что я узнал, я узнал уже в Новой

школе социальных исследований в Нью-Йорке под руководством Джейкоба Маршака.

Солоу: Когда это было?

Модильяни: Это было с 1939 по 1941-1942 гг.

Солоу: И вашим руководителем был Яша Маршак?

Модильяни: Яша Маршак был моим наставником. На его занятиях мы изучали Кейнса и *общую теорию*. Я посещал два различных семинара, но в дополнение ко всему получил от него много полезных советов и огромную поддержку. Он советовал мне, что читать, и убедил в необходимости использования математического аппарата — я прошел курс вычислительной математики и тщательно изучил великую книгу всех времен «Математический анализ для экономистов» (Mathematical Analysis for Economists), написанную Роем Алленом, и серьезно изучал статистику, посещая лекции Абрахама Вальда в Колумбийском университете. Кроме того он помог мне принять участие в удивительном неформальном семинаре, где помимо

Маршака выступали такие люди, как Тьяллинг Купманс и Оскар Ланге. К моему большому сожалению, Маршак в 1942 г. уехал из Нью-Йорка в Чикаго. Его заменил не менее выдающийся человек Абба Лернер. Мы с ним часто беседовали о Кейнсе. В то время Лернер продвигал идею так называемого функционального финансирования.

Солоу: Да, это известный принцип.

Модильяни: Функциональное финансирование и подвигло меня к написанию статьи в 1944 г. В функциональном финансировании только фискальная политика могла влиять на совокупный спрос. Таким образом, это и была экономика, которую я позднее назвал кейнсианской. Я пытался спорить с Лернером и доказать ему, что Кейнс об этом не говорил. Первопричиной статьи, вышедшей в 1944 г., и была попытка показать идеи Кейнса в перспективе.

Солоу: Находясь под покровительством Маршака или Лернера, прочли ли вы что-нибудь о более ранних математических моделях кейнсианской экономики, например, работы Хикса или Оскара Ланге?

Модильяни: Да, я был знаком с их работами. Как вы можете увидеть по моим публикациям, они оказали на меня влияние. Работа Хикса, посвященная Кейнсу и классическим теориям, — это грандиозная вещь. Она стала отправной точкой для моей статьи за исключением того момента, что Хикс жестко рассматривал заработную плату как данную величину и какие-либо альтернативы не допускал. Это была раз и навсегда определенная система.

Солоу: Позднее он дал ей название — «модель с фиксированными ценами».

Модильяни: Фиксированные цены позволяли номинально использовать их, как если бы они были реальными, а денежную массу — и как номинальную и как реальную.

Рис. 5.2. Встреча лауреатов Нобелевской премии. Стокгольм, декабрь 1991 г. Слева направо — Кеннет Эрроу, Франко Модильяни, Пол Самуэльсон и Роберт Солоу

Барнетт: До приезда в Массачусетский технологический институт (MIT) вы успели поработать в целом ряде других американских университетов, в том числе в Новой школе социальных исследований, Женском колледже в Нью-Джерси (теперь Колледж Дугласа), в Бард-колледже при Колумбийском университете, в Чикагском и Иллинойском университетах, в Технологическом институте Карнеги (теперь Университет Карнеги-Меллона), в Северо-западном университете. Какой период своей жизни в США вы бы назвали наиболее продуктивным для вас — до того как вы приехали в MIT?
Модильяни: Наиболее продуктивными были, несомненно, те восемь лет или где-то около того (1952-1960 гг.), которые я провел в Технологическом институте Карнеги с исключительными преподавателями и студентами, под руководством двух выдающихся людей — декана факультета Джорджа Баха и Герберта Саймона. Я работал над новой учебной программой для бизнес-школ, писал интересные работы, некоторые из которых много лет спустя и были номинированы на Нобелевскую премию: работы о гипотезе потребления и сбережений в процессе жизненного цикла, а также совместные работы Модильяни-Миллера.
Барнетт: Я слышал, что когда вы преподавали в Новой школе, вы получили предложение от экономического факультета Гарвардского univer-

ситета, который в то время был лучшим экономическим факультетом в США. Но, к удивлению преподавателей, вы отвергли предложение. Почему?
Модильяни: Потому что глава факультета профессор Гарольд Бербанк, которого попросили пригласить меня на работу, был против и сделал все для того, чтобы я отказался. Как я узнал позже, Бербанк был ксенофобом и антисемитом. Он сказал, что я, возможно, не выдержу конкуренции с такими молодыми талантами, как Александер, Дьюзенберри, Гудвин. «Довольствуйтесь тем, чтобы быть большой рыбой в маленьком пруду», — ему не понадобилось много времени, чтобы убедить меня отказаться. После разговора с Бербанком я встретился за обедом с Шумпетером, Хаберлером и Леонтьевым, которые уже были настроены на то, чтобы меня поздравить со вступлением в их ряды. Они здорово меня отчитали за то, что я поддался давлению со стороны Бербанка. Так или иначе, я никогда не жалел о своем решении. В то время в Гарварде платили мало, и, с точки зрения карьеры, я двигался намного быстрее, чем мне удалось бы в Гарварде.
Барнетт: Я так понимаю, что великий футболист Ред Грейндж, по прозвищу Скачущий Призрак, каким-то образом повлиял на ваше решение покинуть Иллинойский университет. Что заставило вас уйти?
Модильяни: Это были «Боуэнские войны», которые получили известность в профессиональных кругах. Президент университета принял на работу нового замечательного декана, Говарда Боуэна, возглавившего Колледж коммерции, к которому относился и экономический факультет. Но старые и некомпетентные преподаватели не могли смириться с тем, что Боуэн привел с собой таких выдающихся людей, как Лео Гурвиц, Маргарет Рейд и Дороти Брейди. Старожилы факультета могли использовать для «уничтожения» Боуэна «охоту на ведьм», которую тогда развернул печально известный сенатор Джозеф Маккарти. А лидером избранных доверенных лиц Маккарти в то время был знаменитый Ред Грейндж. Я покинул univer-

ситет, поскольку мне было противно на это смотреть. Местная пресса до сих пор помнит мои слова о том, что «...в Колледже коммерции наконец-то наступил мир — мир, ведущий к гибели». Мой уход был встречен старыми преподавателями с превеликим удовольствием, в точном соответствии со степенью их некомпетентности. Но спустя 40 лет университет счел необходимым присудить мне почетную степень!

Солоу: А как вы относитесь к работе, которую написали в 1 944 г.? Если бы у вас была возможность ее переписать, вы бы ее изменили?

Модильяни: Безусловно, но не с точки зрения содержания, а с точки зрения подачи материала. Это то, что происходит с моей автобиографией. Я полностью ее переписываю, изменив подход, поскольку считаю, что новый подход — более правильный. Я начинаю с идеи, что и классическая и кейнсианская теории берут свое начало в классической модели спроса на деньги, одной из старейших парадигм в экономике. Спрос на деньги

пропорционален стоимости сделок, который в любом случае может быть пропорционален номинальному доходу (реальный доход, умноженный на индекс потребительских цен). Номинальное предложение денег носит экзогенный характер. Поэтому, денежный рынок должен достичь равновесия через изменения *номинального дохода*. Последний служит переменной, «очищающей» денежный рынок.

В чем же тогда заключается различие между классической экономической теорией и кейнсианской? Все просто. Согласно классической теории, заработная плата была очень гибкой и устанавливалась исходя из объема выпуска и условий полной занятости («очищение» рынка труда). Таким образом, количество денег *не оказывало влияния на выпуск, а только определяло уровень цен, который был пропорционален номинальному предложению денег (количественная теория денег).* С другой стороны, Кейнс опирался на *реалистичное допущение,* что заработная плата неизменна и устойчива (к снижению). Это означало, что при избыточном предложении на рынке труда она не будет сразу же снижаться. Когда безработица превысит фрикционный уровень, рабочие не снизят свои требования к номинальной заработной плате, а фирмы — свои предложения по заработной плате. Что же тогда «очистит» денежный рынок? И снова это будет снижение номинального дохода. Но, исходя из того, что цены изначально фиксированные, снижение должно произойти на уровне реального дохода и, в частности, на уровне занятости. Когда номинальное предложение денег ниже уровня, необходимого для удовлетворения спроса на деньги со стороны всех занятых, «очищение» рынка происходит за счет снижения выпуска и занятости. Как сказал Кейнс, все определяет жесткость цен.

Солоу: Я бы сказал, неспособность быстро изменяться.

Модильяни: Совершенно верно. Цены реагируют, но очень медленно, а слишком медленная корректировка не может привести к увеличению реального предложения денег, необходимого для быстрого восстановления равновесия. Что же тогда восстанавливает равновесие? Ввиду того, что заработная плата и цены фиксированные, снижение номинального дохода возможно только путем снижения реального дохода и занятости. Это приведет к необходимому уровню реального дохода, который и «очистит» де-

нежный рынок, уравновесив денежный спрос и предложение.
Солоу: Без учета процентной ставки?
Модильяни: Процентная ставка — следующий шаг, она является связующим звеном в механизме достижения равновесия. На самом деле уникальное достижение Кейнса состояло не только в том, чтобы представить безработицу как переменную, «очищающую» денежный рынок. Он также разработал механизм, согласно которому излишний спрос на деньги приводит к сокращению выпуска, и в итоге — спроса на деньги, до тех пор пока спрос не будет соответствовать заданному номинальному пред-

ложению денег. В процессе разработки этого механизма, неизвестного до того времени классической экономической теории, он создал новое направление в экономике — *макроэкономику*.
Макроэкономика или механизмы, благодаря которым предложение денег определяет выпуск (занятость), стоит на четырех «китах», о которых сегодня известно почти всем, имеющим отношение к экономической науке: 1) предпочтение ликвидности; 2) инвестиционная функция; 3) потребление или сбережение; и 4) равенство сбережений и инвестиций (в большей степени это относится к роли государства и всего мирового сообщества).
Предпочтение ликвидности означает не только то, что спрос на деньги зависит от процентной ставки. Предпочтение ликвидности показывает ошибочность предположения в классической монетарной теории о том, что ценой денег служит их покупательная способность (количество товаров, которые можно купить на доллар) и поэтому недостаток денег должен в результате повлечь немедленное повышение их покупательной способности (снижение уровня цен). В действительности же, конечно, у денег разная цена — для каждого товара или инструмента, на который их можно обменять. Среди инструментов наиболее важным являются *«будущие деньги»*, и *их цена определяется как цена сегодняшних денег в будущем*, что выражается просто как (1 + r), где r — соответствующая процентная ставка.
Более того, опыт показывает, что финансовые рынки очень чувствительны к общим рыночным условиям — следовательно, процентные ставки (особенно в краткосрочной перспективе) очень быстро меняются. Поэтому если спрос на деньги не удовлетворяется, немедленной реакцией будет не закрытие складов или экономия на обедах в попытке снизить цены на товары, а ликвидация в портфеле требований в отношении будущих денег (или увеличение заимствований наличных денег под деньги, получаемые в будущем). Это приводит к повышению объемов торговых сделок по деньгам сегодня и завтра, в результате чего процентные ставки увеличиваются. И далее выстраивается цепочка, ведущая к снижению выпуска, — сокращение инвестиций и сбережений, и, следовательно, доходов и занятости. Это сокращение — наряду с повышением процентных ставок — приводит к снижению спроса на деньги до уровня, соответствующего их предложению.
Солоу: Значит, процентная ставка — это один из ключевых факторов цены.
Модильяни: На самом деле это дополнительный фактор. Если вам не хватает денег, и их недостаточно в системе, первое, что вы пытаетесь сде-

лать — это достать как можно больше наличных денег, как путем продажи активов, так и путем заимствований — сегодняшние деньги против будущих. Процентные ставки растут, что сокращает объем инвестиций, и наступает период, когда инвестиции равны сбережениям — идентичность, которая не

соответствует классической точке зрения, поэтому вначале это кажется невероятным.

Солоу: Согласен.

Модильяни: И затем доход корректирует ситуацию таким образом, что спрос на деньги в итоге равен их предложению. В конце концов это выливается в более высокие процентные ставки и более низкий доход. Вместе они уравнивают спрос на деньги и заданное предложение. На сколько должен повыситься уровень процентных ставок или сократиться доход? Это зависит от параметров системы (спрос эластичен).

Солоу: Совершенно верно! И в этом случае можно сказать, что вклад Кейнса был связан не с процентной ставкой и уровнем цен, а с процентом и реальным выпуском.

Модильяни: Да, абсолютно согласен. Я думаю, что это и надо так рассматривать. Именно выпуск корректирует спрос и предложение.

Солоу: Все, что вы сейчас сказали, возможно, и выглядит как иной подход к изложению мысли и расстановке акцентов, но фундаментально ничем не отличается от того, что было написано в вашей работе в 1944 г., или от модели IS-LM.

Модильяни: Абсолютно ничем. Но я предлагаю воспринимать безработицу не как кратковременную болезнь, а как переменную для «очищения» денежного рынка, и это является существенной новацией. Безработица — механизм, создающий равновесие. Он выглядит как дисфункция, до тех пор, пока мы думаем, что в экономике должна быть полная занятость. Но безработица — систематичное свойство экономики, зависящей от денег для проведения сделок. Чтобы избежать безработицы, необходимо постоянно поддерживать необходимый уровень предложения денег или установить соответствующую процентную ставку. И другого пути нет, если вы хотите достичь полной занятости. Ничто не происходит автоматически.

Барнетт: В одной из работ по денежно-кредитной политике говорится о том, что трансмиссионный механизм может работать только при использовании кредитного канала. Вывод заключался в том, что кредитно-денежная политика может влиять на уровень затрат как потребителей, так и производителей, поскольку она в первую очередь влияет на объем кредитных денег, доступных агентам, а не на процентную ставку. Очень часто в качестве довода в этой работе приводится такое наблюдение: эластичность затрат по проценту слишком низка, чтобы говорить о большом влиянии кредитно-денежной политики на реальную экономику. Как вы думаете, насколько важен кредитный канал для кредитно-денежной политики?

Модильяни: Я много думал над этим вопросом и даже кое-что писал. Я пришел к выводу, что, в конце концов, это эмпирический вопрос, а не теоретический. Идея о том, что кредитно-денежная политика может осуществляться в частности через регулирование предложения кредитных

ресурсов банками в виде коммерческих займов и их стоимости, заслуживает доверия. Результат при этом будет такой же, как при использовании рыночных процентных ставок, но без осуществления необходимых действий в отношении самих процентных ставок. Думаю, что последующие исследования помогут нам разрешить данный вопрос. Но ответ на этот вопрос не будет однозначным, поскольку он зависит от структуры финансовых посредников и законов, регулирующих их деятельность.

Солоу: Теперь один из вопросов, который я хотел бы вам задать и на который в той или иной степени вы уже ответили. Что для вас значит быть кейнсианцем сегодня? Все, что вы уже сказали, можно рассматривать как описание сущности кейнсианской экономической теории. Исходя из этого, не могли бы вы рассказать о себе как о кейнсианце?

Модильяни: Да, я считаю себя кейнсианцем. В свете того, что я сказал выше, я считаю, что кейнсианская экономическая теория совершила великую революцию, оказала огромное влияние и дала потрясающие новаторские идеи. Я считаю себя кейнсианцем до глубины души и в том, что система не стремится всегда достичь полной занятости, если нет соответствующей политики. Ценовая гибкость не дает полной занятости и поэтому безработица всегда обусловлена недостатком реальных денег. Но необходимо признать, что существуют определенные обстоятельства, при которых Центральный банк не может обеспечить соответствующее реальное предложение денег. Очень интересен пример Италии. Безработица здесь была обусловлена чрезмерно высоким уровнем заработной платы, что было результатом в значительной степени отрицательного значения показателя «экспорт минус импорт» при условии полной занятости. При таких обстоятельствах, если Центральный банк увеличил бы предложение денег для того, чтобы создать более агрегированный спрос и занятость, торговый баланс столкнулся бы с нефинансируемым дефицитом и Центральный банк был бы вынужден его сокращать. Поэтому не всегда возможно увеличить реальное предложение денег. Но это не касается Европы, где предложение денег можно было бы увеличить легко и безработица в большей степени была бы обусловлена недостатком реального предложения денег.

Солоу: Вы знаете, в этом я бы с вами согласился.

Модильяни: Процентные ставки слишком высоки. Недостаточен объем реального предложения денег. Этого не понимают. Кейнса не понимают. Это главная причина безработицы в Европе. Какие-то улучшения на рынке труда, как например большая гибкость заработной платы, могли бы помочь, но без существенного роста агрегированного спроса (который в настоящий момент невозможно значительно повысить из-за опасности увеличения инфляции) большого эффекта не будет.

Солоу: Правильно, но вы не можете заставить европейских банкиров увидеть это.

Модильяни: В Европе придерживаются мнения, что продолжительная безработица способствует высокому уровню текущей безработицы, поскольку снижает интенсивность поиска работы безработными, а это *становится причиной долгосрочной безработицы*. Нет, господа, это следствие

проведения политики сдерживания.
Барнетт: Вы не согласны с тем, что «мыльные пузыри» на рынке ценных бумаг иногда появляются благодаря неверной интерпретации прироста капитала как зависимой составляющей текущих доходов (постоянный прирост к показателю текущей прибыли). Как вы думаете, имеет ли место данный феномен сейчас на рынке или сегодняшняя оценка бизнеса рынком ценных бумаг не противоречит основным правилам оценки?
Модильяни: Меня очень интересует и заботит проблема «мыльных пузырей», и я считаю, что они действительно существуют. «Пузыри» — один из результатов сбоя в работе механизма рынка. Сущность подобных «мыльных пузырей» заключается в том, что действительно прирост капитала принимают за прибыль, и это отражается на акциях, которые становятся более привлекательными, поэтому участники рынка начинают играть на повышение, что в итоге дает еще больший прирост капитала и т.д. Я уверен, что рынок ценных бумаг США сегодня создал очень большой «мыльный пузырь». Я считаю, что акции сегодня переоценены примерно на 25%, но с учетом природы происхождения данного процесса невозможно предугадать, когда этот «пузырь» лопнет. Я уверен, что кризис случится, поскольку при явной переоценке акций ситуация не может постепенно разрешиться сама собой.
Барнетт: Каким образом ваши работы помогут понять, что за последние несколько лет произошло в экономике Восточной Азии, где уровень волатильности весьма высок?
Модильяни: Я считаю, что в Восточной Азии образовался тот же «мыльный пузырь»: ожидаемые высокие доходы привлекли капитал. Привлечение капитала заморозило валютные курсы, что вызвало образование существенного дефицита торгового баланса; приток капитала сдержал валютный курс, сделав капиталовложения более привлекательными. И в этом случае мы можем наблюдать своего рода спираль, пока люди не поймут, что те доходы, на которые они рассчитывали, на самом деле недостижимы. Я думаю, чтобы избежать подобной ситуации в будущем, очень важно уже сегодня повсеместно создавать системы, позволяющие избегать образования подобных «мыльных пузырей» или, по крайней мере, затрудняющие их развитие, например, обязательное резервирование при осуществлении краткосрочных инвестиций.
Солоу: Что вы думаете по поводу динамики заработной платы? Как бы сегодня выглядела ваша модель номинальной и реальной заработной платы?

Модильяни: Это, мне кажется, один из основных вопросов сегодня, поскольку в моей модели заработная плата и уровень цен носят экзогенный характер. Почему уровень цен — величина экзогенная? Потому что цены полностью зависят от уровня заработной платы, а заработная плата не настолько гибкая вещь. К тому же нельзя автоматически связывать заработную плату и безработицу. Что в таком случае мы делаем с заработной платой? Я думаю, что в некоторой степени жесткость заработной платы имеет историческую основу. Вероятнее всего, ситуация в XIX веке была иной. В то время большую роль играли такие конкурирующие отрасли, как

сельское хозяйство. В любом случае, заработная плата является основополагающей составляющей уровня цен. Что же определяет уровень заработной платы? И тут мы вступаем в очень сложный период — в большей степени потому, что профсоюзы Европы стали очень сильны. Они ведут себя просто неразумно — повышая и повышая номинальную заработную плату. Я считаю, что в конце концов мы вынуждены будем дойти до той точки, когда заработная плата — номинальная заработная плата — будет устанавливаться в порядке договоренностей исходя из общего соглашения по заработной плате и ценам. Это как раз и случилось в Италии.

Солоу: Расскажите об этом подробнее.

Модильяни: От ужасного кризиса, на пороге которого Италия стояла до проведения девальвации, страну спасло то, что работники согласились на три года увязать номинальную заработную плату с ценами — таким образом были установлены как реальная, так и номинальная заработная плата. На мой взгляд, это наше будущее, и я не знаю, что можно сказать еще по поводу цен.

Солоу: Из всего вышесказанного следует: слова Кейнса о том, что труд не может определять реальную заработную плату, вполне вероятно, окажутся ошибочными, поскольку институты вносят изменения и дают возможность торговаться по вопросу реальной заработной платы.

Модильяни: Да, вы правы.

Солоу: Каково сегодня ваше отношение к такому понятию, как естественный уровень безработицы (nonaccelerating inflation rate of unemployment, NAIRU)?

Модильяни: Думаю, это правда, что при слишком низком уровне безработицы будут раскручиваться инфляционные процессы — не только уровень инфляции, но и темпы ее роста. Однако я не верю в то, что довольно высокая безработица приведет обязательно к снижению уровня номинальной заработной платы. Возможно, что будет снижение темпа или даже замораживание роста заработной платы. Но я не верю, что высокая безработица означает снижение заработной платы.

Солоу: Возможно даже краткосрочное снижение заработной платы, но, безусловно, стремительного падения заработной платы не будет. Никто из

Рис. 5.3. После вручения Нобелевской премии. Стокгольм, 1985 г.

тех, кто верит в естественный уровень безработицы, не хочет говорить об этой стороне уравнения.

Модильяни: Согласен. Я считаю, что подобные взгляды логичны, не говоря уже о том, что возможна тенденция, при которой в системе всегда будет наблюдаться повышенная инфляция. Центробанк может проводить политику полной занятости, не заботясь одновременно о сохранении уровня инфляции на нулевой отметке. Что я сегодня рассматриваю действительно как трагедию, так это внезапное стремление европейских и многих других банков к ценовой стабильности. По моему мнению, это одна из первопричин европейской трагедии в сравнении с блистательными показателями Соединенных Штатов, где вопрос занятости никогда не вызывал особой озабоченности.

Солоу: Обычно в таких случаях говорят, что здесь ничего нельзя сделать, но мы с вами знаем, что это совсем не так и что это просто самый легкий способ избежать ответственности.

Модильяни: Точно. На самом деле, я думаю, приоритетной задачей должно стать регулирование безработицы, хотя ценовая стабильность также не менее важна. Есть ситуации, когда вам необходимо либо подхлестнуть инфляцию, либо остановить ее ценой временной безработицы. Думаю, что в данном случае я бы выбрал безработицу как временную меру для того, чтобы остановить инфляционную спираль. Но говорить, что наша единственная задача — ценовая стабильность, я считаю, неправильно.

Солоу: То есть вы не верите, что сегодня во Франции естественный уровень безработицы равен 13%?

Модильяни: Абсолютно. Так же как я не верю, что в этой стране естественный уровень безработицы составляет менее 4%. У меня большие сомнения по поводу стабильности этого показателя, но еще больше — по

поводу адекватного подхода к оценке.
Барнетт: Когда я был еще студентом Массачусетского технологического института, мне разрешили посещать ваш магистерский курс по корпоративным финансам. Я, как и магистранты, посещавшие ваш курс, считаю, что работы Модильяни-Миллера по теории структуры капитала вывела корпоративные финансы на новый уровень. Что подвигло вас заняться этой темой, и какие работы вас вдохновили?
Модильяни: Еще со времени написания статьи о Кейнсе в 1944 г. я заинтересовался эмпирическими тестами кейнсианской структуры. Всем известно, что одной из ключевых составляющих структуры является инвестиционная функция, которая объясняет инвестиции с точки зрения процентной ставки, рассматриваемой как стоимость капитала, стоимость инвестируемых средств. Я был тогда под влиянием идей специалистов по корпоративным финансам, считавшим, что стоимость капитала зависит от того, каким образом фирма привлекает капитал. Если она выпускает акции, тогда стоимость привлеченного капитала будет равна показателю его рентабельности, который может быть равен, например, 10%. Но если вы используете для этого выпуск облигаций, стоимостью капитала станет процентная ставка, которая может быть, например, 5%. Такого рода ответ мне не кажется очень убедительным. В конце концов, какова была стоимость капитала: 5% или 10%? Для экономиста было бы неразумно сказать, что требуемый уровень нормы прибыли был 5%, если вы финансируете проект, используя долговые инструменты, и 10%, если вы выбираете акции. После моего знакомства с работой Дэвида Дьюранда, предлагавшего так называемую «теорию оценки экономической единицы» (впоследствии он от нее отказался), я постепенно стал приверженцем гипотезы, что рыночная оценка должна быть независимой от структуры финансирования, и смог схематически доказать возможность существования различий в оценке при арбитражных операциях, возникающих только по причине различий структур обязательств. Впоследствии это стало частью доказательства теоремы Модильяни-Миллера. В сущности, рыночная стоимость обязательств не могла зависеть от их структуры, потому что инвестор мог сразу же создать любую структуру привлечения кредитных ресурсов, используя как ссуду, так и заимствования (поскольку не было никаких налоговых преград). Как следствие, не было никакой разницы в том, чтобы использовать для финансирования акционерный капитал или заемные средства. Даже несмотря на то, что стоимость заимствований была бы очевидно ниже, это повысило

бы требуемый уровень рентабельности акционерного капитала, и структура не влияла бы на средневзвешенное значение обоих способов привлечения капитала. Я представил свое доказательство на одном из занятий, где в качестве вольнослушателя присутствовал Миллер. Он поверил в то, что я говорил, и решил присоединиться ко мне в этом «крестовом походе», чтобы донести правду до «язычников».
Известная всем сегодня теорема была подробно доказана на 30 страницах. Причиной такого тщательного доказательства частично служило то, что теорема шла вразрез со всем, чему в то время учили на корпоративных финансах. Это было искусство и наука создавать «оптимальную структуру

капитала». Мы боялись, что отбираем чей-то хлеб, и поэтому чувствовали — мы должны представить «подробное» доказательство, чтобы убедить всех. К сожалению, в результате за такую подробность доказательства целым поколениям студентов пришлось расплачиваться. Они были вынуждены изучать эту работу. Я встречал немало студентов MBA, которые вспоминали эту работу как пытку, это была самая сложная работа из тех, которые им было необходимо прочитать за весь курс. И я сожалею об этом, поскольку сегодня теорема мне кажется уже такой очевидной, что я удивляюсь, стоит ли она двух Нобелевских премий. Все, что она в действительности показывает (в условиях хорошо работающих рынков, максимизации разумного уровня дохода при любом заданном риске и отсутствии искажающего налогообложения), это то, что стоимость фирмы — рыночная капитализация всех ее обязательств — должна равняться стоимости ее активов. Структура требований может меняться (обыкновенные акции, долговые инструменты, привилегированные акции, конвертируемые привилегированные акции, деривативы и т.д.), но при этом совокупная стоимость требований неизменна. Это и есть стоимость активов. Конечно, это справедливо, если то, как финансируются инвестиции, несущественно. Следовательно, в оценке требуемой нормы прибыли, стоимости капитала, мы не принимаем во внимание подробности структуры финансирования. И в этом случае Йоргенсон прав.

Позднее теорема Модильяни-Миллера легла в основу разработки теории о финансовых деривативах, в частности теории опционов. В частности, эти теории включают предположение о том, что базовая стоимость фирмы не зависит от ее текущей структуры задолженности. Но позвольте мне напомнить о необходимых допущениях в теореме, в частности, относительно отсутствия влияния искажающего налогообложения на количество денег, полученных после вычета налогов на доллар прибыли компании до вычета процентов. Такое влияние осложняет положение, и в этом вопросе мы с Миллером расходимся во мнениях. В отличие от него я верю в то, что налоги могут дать различные преимущества разным инвестиционным инструментам. Но необходимо добавить, что, несмотря на это, в принципе

налогообложение могло бы повлиять на сравнительные преимущества различных инструментов. Мы с Миллером единодушны во мнении, что при существующей системе налогообложения различия малоощутимы.

Солоу: Теперь я бы хотел, чтобы вы сказали несколько слов о теории реального бизнес-цикла. Если посмотреть на макроэкономическую теорию сегодня, то можно сказать, что кейнсианскую экономическую теорию, которой мы с вами придерживаемся, в умах молодого поколения заменила теория реального бизнес-цикла.

Модильяни: Я не вижу проблемы в том, чтобы поверить в существование в реальной экономике бизнес-циклов. Здесь не нужны деньги. Я сам строил такие модели, когда это было модно. Хикс написал работу о бизнес-цикле, затем Сидни Александер в своей очень интересной статье ввел понятие предела, благодаря которому вы можете создать цикл без использования денег. Но я думаю, это имеет мало общего с кейнсианской безработицей. Например, основной причиной депрессии в 1930-х гг., на мой взгляд, была

нехватка наличных денег. Это была ужасная ошибка Федеральной резервной системы. И здесь мы сходимся во мнениях с Милтоном Фридманом. Это был результат серьезной нехватки наличных денег и безответственного поведения людей, допустивших сокращение денежного предложения. Думаю, что безработица является в большей степени результатом жесткости заработной платы и изменения условий занятости. Поэтому здесь требуется вмешательство со стороны Центрального банка и — довольно оперативное.

Солоу: Отличительной чертой теории реального бизнес-цикла является не только то, что она отрицает какую-либо взаимосвязь кредитно-денежных механизмов и циклов. Она также утверждает, что бизнес-циклы представляют собой оптимальную реакцию на неожиданные технологические шоки, вкусовые предпочтения и т.п.

Модильяни: Да, согласен. Конечно, многое из этого восходит к рациональным ожиданиям, и как мне кажется, рациональные ожидания — это прекрасная теория. Безусловно, это венец классической теории. В классической теории говорится об оптимальной реакции на ожидания. Лукас и компания добавили еще оптимальную структуру ожиданий. И с этой точки зрения я доволен, что экономическая теория смогла обо всем этом сказать, и горжусь тем, что здесь есть и мой вклад — концепция, которая является сутью рациональных ожиданий, а именно существование ожиданий, отображающихся на самих себя.

Солоу: То есть не требующих обоснования.

Модильяни: Нет, не «не требующих обоснования», а скорее «внутренне непротиворечивых».

Солоу: Это то, что я и имел в виду под «не требующими обоснования». Существует одно сочетание ожиданий, которое не требует обоснования, но не любое их сочетание будет таким.

Модильяни: Правильно, поскольку, как правило, «не требующие обоснования» означает, что это случилось потому, что вы этого ждали. Это не так. Вдобавок я думаю, что это *не является* описанием мира. Я не верю в то, что мир ведет себя исключительно рационально. Существует множество условий, при которых модель не будет работать. В частности, я не верю, что модель может обосновать утверждение: все, что делает государство, плохо.

Солоу: Она добавляет вариантность, и значение при этом уже правильное. Следовательно, дискреционная политика плоха.

Модильяни: Создается информационный шум, поэтому все, что делает государство, считается плохим. Ярким примером, опровергающим приведенное выше утверждение, на мой взгляд, служит жесткость заработной платы. Вы также не можете решить проблему жесткости заработной платы путем использования модели ступенчатого трудового контракта. Если это рациональный контракт, то заработная плата будет жесткой, и это лучше учесть в теории и в политике. В случае же нерационального ступенчатого контракта или в условиях, подобных тем, что сложились в Чикаго в 1930-х гг., эта жесткость должна исчезнуть.

Барнетт: Роберт Барро, который, как я понял, был вашим студентом, пропагандирует модифицированную версию принципа эквивалентности Рикардо, которую можно рассматривать в государственных финансах как

аналог теоремы Модильяни-Миллера — в корпоративных, и в каком-то смысле и вашей теории жизненного цикла сбережений с учетом наследства. Время от времени он говорит о том, что ему были близки ваши высказывания на тех занятиях в MIT, которые они посещали в 1969 г. Но я так понимаю. что вы не согласны со взглядами Барро относительно государственных финансов. Почему?

Модильяни: У теоремы Рикардо-Барро нет ничего общего с тем, что говорится в теореме Модильяни-Миллера, *за исключением тривиального, что что-то можно не принимать во внимание.* В теореме Модильяни-Миллера есть структура капитала, а у Барро — государственный дефицит. На мой взгляд, в теореме Барро нет *ничего,* кроме элегантности исполнения. Я не понимаю, почему многих убедило утверждение, чье доказательство основывается на невероятном предположении о том, что все заботятся о своих наследниках, как о себе. Если вы исключите это предположение, то вы не найдете не единого доказательства, основанного на рациональном поведении, и теорема становится несостоятельной. Но такое поведение встречается не так часто и не может быть всеобщим. Давайте возьмем две семьи — у одной нет детей, у другой — их десять. Согласно теореме Рикардо, обеим семьям было бы все равно, что использовать — финансирование посредством сбора налогов или дефицита. Но совершенно очевидно, что бездетная семья предпочла бы дефицит, а другая, вероятнее всего, налоги. Естественно, зачем бездетной семье еще больше экономить, если государ-

ство предпочитает иметь дефицит? Я прошу прощения за такую параллель между теоремами Модильяни-Миллера и Рикардо.

В действительности же я представил реальное эмпирическое доказательство, которых существует множество, что государственный долг вытесняет капитал в портфелях домохозяйств и, следовательно, в экономике. Моя работа немного устарела, хотя она была воспроизведена в пока еще не опубликованном исследовании. Но в столь недавнем прошлом есть один эпизод, который позволит нам протестировать модель Барро без долговых обязательств и гипотезу жизненного цикла с учетом долговых обязательств — это эффект вытеснения. Я имею в виду великий эксперимент, который был поставлен во времена правления Рейгана, когда были снижены налоги и увеличены расходы — в период с 1981 г. (первый принятый Рейганом бюджет) по 1992 г. Федеральный долг вырос в 314 раза, или с 7% от первоначальной стоимости чистых активов в частном секторе до примерно 30%. В то же время располагаемый (номинальный) личный доход вырос на 117% [согласно данным «Экономического отчета Президента США», 1994, табл. Б-11 2 и Б-28]. Согласно моей модели, показатель частного благосостояния примерно пропорционален чистому доходу после налогообложения, и, следовательно, он также должен вырасти на 1 1 7%, как и первоначальная стоимость чистых активов. Но чистое экономическое благосостояние (стоимость чистых активов за вычетом государственного долга, что, в сущности, представляет собой производительный частный капитал) должно было возрасти на 1 17% минус показатель роста долга, или 117 - 23 = 94% (от первоначальной стоимости чистых активов). Согласно гипотезе жизненного цикла, 23% — это показатель эффекта вы-

теснения государственного долга. Действительный же рост национального благосостояния равен 88%, что весьма близко к тому, что я предсказал, т.е. 94%. С другой стороны, если государственный долг не оказывает эффекта вытеснения на национальное благосостояние, как утверждает Барро, тогда увеличение в последнем случае должно быть таким же, как в случае с доходом, т.е. 117%. А теперь сравним 117% и реальные 88%. Аналогично, по Барро, показатель роста стоимости чистых активов в частном секторе должен быть равен показателю роста дохода — 117% плюс показатель роста долга — 23%, или 140%. В действительности же рост составил 111%, что не так далеко от предсказанных мной 117% и очень далеко от Барро, при этом небольшое отклонение произошло в направлении, противоположном тому, что прогнозировал Барро. Почему многие экономисты до сих пор уделяют столько внимания модели Барро, а не гипотезе жизненного цикла, непонятно.

Солоу: Хорошо. Пойдем дальше. Думаю, следующее, что мы должны обсудить, это ваше выступление перед Американской экономической ассоциацией и как, на ваш взгляд, оно соотносится с работой, которую вы

написали в 1944 г. и которую мы уже обсудили, а также с более поздними работами?

Модильяни: Я уже говорил, когда речь шла о Кейнсе: для того чтобы создать стабильную экономику, вам необходимо проводить политику стабилизации. Фискальная политика должна в первую очередь играть роль автоматического стабилизатора. Во-вторых, фискальная политика могла бы в экстремальных ситуациях оказать необходимую поддержку кредитно-денежной политике. Но мы должны стремиться достичь полной занятости, используя сбережения для финансирования инвестиций, а не для покрытия дефицита. Используя кредитно-денежную политику, можно обеспечить полную занятость при условии сбалансированного бюджета. Но я хотел бы добавить, что, как мне кажется, в поединке между моими рекомендациями

полагаться на благоразумие (или здравый смысл) и фридмановским отказом от благоразумия в пользу правил, которым надо тупо следовать (как например, трехпроцентное увеличение предложения денег ежегодно), мои рекомендации легко одержат победу. Сегодня ни в одной стране мира не используют подобные правила.

Рис. 5.4. После вручения Нобелевской премии. Стокгольм, 1985 г. Слева направо: Серджио Модильяни (сын), Лия Модильяни (внучка), Франко Модильяни, королева Швеции Сильвия, король Швеции Густав Адольф, Серена Модильяни (жена), Сьюзан Модильяни (жена Серджио), Андре Модильяни (сын) и Джулия Модильяни (внучка)

Солоу: Да, с трудом представляю такое в демократической стране.

Модильяни: Нет такой страны, где бы не поступали в соответствии со здравым смыслом.

Солоу: Пожалуй, я соглашусь с вами. Как бы вы связали ваше выступление перед Ассоциацией с идеями монетаризма? В каком-то смысле монетаризм подтолкнул вас к такому выступлению. Как вы сегодня относитесь к старым идеям монетаризма — в частности, монетаризма Милтона Фридмана?

Модильяни: Если под монетаризмом мы понимаем вопросы, связанные с деньгами, то я с вами согласен. Сегодня я считаю, что *реальные* деньги — это самая важная переменная. Но думаю, что жестко придерживаться монетаристских правил — это ошибка. Вполне допускаю, что в стабильный период времени это может служить хорошей отправной точкой, но я не соглашусь с тем, что подобную экономическую политику можно использовать всегда.

Солоу: Но ведь Фридман время от времени — конечно же, не всегда — говорил, что он не может найти эластичность по проценту в спросе на деньги?

Модильяни: Я написал несколько работ на эту тему и в каждой из них я отвергал подобные утверждения. Кто хочет найти, всегда без проблем находит.

Солоу: Вы принимали непосредственное участие в разработке ежеквартальной макроэкономической модели ФРС. Что вы сейчас думаете о масштабных эконометрических моделях? Было время, когда кто-то типа Боба Холла считал, что за этим будущее макроэкономики. И для других подходов в будущем просто нет места. Все исследования будут проводиться только с использованием его модели.

Модильяни: Даже не знаю. Прежде всего, нельзя забывать об экономии и бережливости, а значит следует попытаться создать не самые большие модели, более компактные по своим размерам. Думаю, что такие модели можно использовать и сейчас. Они позволяют сделать соответствующие прогнозы и измерить ответную экономическую динамику, соответствующую различным вариантам сопоставляемой политики государственного регулирования, а это особенно важно. Но при определенных условиях в мировой политике самостоятельная внутренняя кредитно-денежная политика в ряде стран практически отсутствует. В такой стране эконометрическая модель не принесет ощутимой пользы. Но эконометрическая модель была бы очень полезна при сравнении различных вариантов фискальной политики.

Барнетт: Насколько важно было для вас наставничество молодых экономистов в течение всего вашего пути как преподавателя?
Модильяни: Мои отношения со студентами, из которых теперь можно составить целую армию, это лучшая часть моей жизни. Я люблю препода-

вать, но особенно люблю работать со студентами и приобщать их к своим исследованиям. Пол Самуэльсон даже шутит, что у многих моих работ слишком много соавторов, которых он не знает, включая самого Самуэльсона. Дело в том, что если кто-то из моих помощников, участвующих в исследовании, предлагает интересную идею, я ставлю его в соавторы. Многие из моих «детей» теперь занимают высокие посты — например Антонио Фацио, управляющий Банка Италии, Марио Драги, директор казначейства Италии, Томмазо Падоа-Скьоппа, член правления Европейского центрального банка, Стэн Фишер, Джо Стиглиц и несколько бывших и нынешних членов Совета управляющих ФРС. Мы испытывали и испытываем д р у г к другу самые добрые и теплые чувства.
Солоу: Если бы вам сейчас необходимо было дать совет молодому экономисту, получающему ученую степень по макроэкономике, какое направление для исследований вы бы посоветовали ему взять?
Модильяни: Думаю, сегодня, с учетом изменения вектора моих интересов, мне ближе макроэкономическое изучение открытых экономик, особенно международные финансы. Это очень интересная область. Это область, где жесткость заработной платы очень важна. Теперь различие между жесткостью номинальной и реальной заработной платы становится очень четкой.
Солоу: Объясните.
Модильяни: При условии жесткой номинальной заработной платы вы захотите, чтобы были плавающие валютные курсы. При жесткости реальной заработной платы вы ничего не можете сделать с безработицей. Я изучал опыт стран, которые пытались сделать валютные курсы фиксированными, а также тех, что пытались сделать их плавающими, и я вижу, что и тот и другой опыт нельзя назвать удачным. В Европе ситуация выглядит весьма печально.
Барнетт: Вы один из главных исследователей мировой валютной системы и роли США и Европы в ней. И я думаю, что вы на стороне Европейской валютной системы. Не могли бы вы прокомментировать ситуацию с валютной системой Европы и будущее мировой валютной системы в свете недавних финансовых кризисов и влияния на них валютных курсов?
Модильяни: Да, я на стороне евро, но скорее с политической точки зрения — я за мир и стабильность в Европе, чем с чисто экономической. Однако я также указываю и на проблемы в системе, которые приведут к фиксированным валютным курсам, и на то, как с этим бороться. Это потребует очень большой гибкости в вопросе заработной платы в отдельных странах, каждая из которых имеет свой уровень роста производительности труда и испытывает влияние различных внешних факторов. Я также отметил бы, что Евросоюз был создан не в самых благоприятных для этого условиях, поскольку функции центрального банка тогда не де-юре, а *де-*

факто выполнял Бундесбанк, который придерживался слишком жесткой кредитно-денежной политики. Это было ошибкой, и она привела к высокой безработице в странах Европы. Ее уровень достигал 12%, а временами и больше. И сейчас такой же политики придерживается и Европейский Центробанк, который наступает на те же грабли, что и Бундесбанк. В ближайшем будущем это не обещает ничего хорошего.

Солоу: Давайте поговорим о теории жизненного цикла сбережений. Я хотел бы, чтобы вы прокомментировали одну наиболее простую модель жизненного цикла, которую вы с Альбертом Андо использовали в практических целях, без учета наследства и т.д.

Модильяни: Позвольте сказать, что условия наследства нельзя рассматривать как исключение. Это часть модели жизненного цикла. Но это правда, что приняв условие отсутствия наследства, вы можете зайти очень далеко, поэтому очень интересно пойти по этому пути. Модель, в которой наследство признается несущественным фактором, позволяет сделать целый ряд заключений, которые до появления работ Модильяни-Брумберга не признавались. Произошедшие изменения в парадигме своими корнями уходили в гипотезу жизненного цикла. По существу, традиционная теория сбережений свелась следующему: доля сберегаемого дохода растет вместе с доходом, поэтому богатые люди (и страны) увеличивают сбережения, а бедные — их уменьшают. Почему богатые делают сбережения? Никто не знает. Возможно, чтобы оставить наследство. Вот и вся история, из которой вы можете сделать определенные выводы, в частности, что богатые страны делают сбережения, а бедные расходуют. Эта идея абсурдна, поскольку бедные страны не могут расходовать сбережения бесконечно. Этого не может никто. Но благодаря гипотезе жизненного цикла вы делаете много различных заключений. На *микроуровне* это все выводы, связанные с концепцией перманентного дохода, в том числе и то, что потребление зависит от дохода *в течение всего жизненного цикла* (и даже равно ему), в то время как сбережения зависят в большей степени от краткосрочного дохода. Больше сбережений делают те, кто временно богат (например, если человек (или страна) богат в сравнении со своим обычным уровнем дохода).

Разница между концепцией жизненного цикла и концепцией перманентного дохода заключается в том, что для последней продолжительность жизни бесконечна, в то время как в жизненном цикле она конечна. При анализе поведения в краткосрочном периоде не важно, каков жизненный срок — 50 лет или вечность. Таким образом, в сущности это та же самая история, когда наблюдается значительное отклонение в результате использования стандартного подхода, при котором сбережения связываются с текущим семейным доходом. Но на самом деле все зависит от того, какую переменную дохода вы используете в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Предельная (маргинальная) склонность к сбережению у фермеров

намного выше, чем у госслужащих, и не потому, что фермеры такие бережливые, а потому, что их доход не настолько стабилен. Среди других интересных заключений можно выделить тот факт, что многие известные исследования показывают: успешные поколения становятся все менее эко-

номными, а значит все меньше делают сбережений при любом уровне дохода. Эти выводы сделаны на основе взаимосвязи между текущим и переменным доходами.
Кроме того, ряд выводов делается с точки зрения изменения сбережений и благосостояния в течение жизни, и здесь очень важна разница между жизненным циклом и перманентным доходом. В теории жизненного цикла динамика сбережений варьируется в течение всего периода жизни человека, которая ограничена, поскольку вместе с ограничением периода жизни возникает понятие жизненного цикла дохода и потребления: юность, средний возраст, дети, старость, смерть и наследство. Поэтому в юности люди делают очень мало сбережений. Когда вы достигаете среднего возраста, вы делаете больше сбережений, а в старости их расходуете. При ограниченном жизненном периоде не существует жизненного цикла. Совокупные сбережения отражают данный жизненный цикл и его взаимосвязь с демографическим и производственным ростом. Совокупные сбережения увеличиваются вместе с ростом, что и показывают модели перекрывающихся поколений. Все это позволяет получить эмпирическое обоснование.
Солоу: Расходования сбережений в старости в том числе?
Модильяни: Да, и этого тоже. Позвольте мне объяснить. Некоторые тратят огромное количество времени, пытаясь доказать, что модель жизненного цикла ошибочна, поскольку люди пожилого возраста не расходуют свои сбережения. И все потому что они сами допускают ошибку. Они рассматривают отчисления в фонд соцстрахования как своего рода подоходный налог, а не обязательные сбережения, а пенсию скорее как подачку, чем как выплату аккумулированных пенсионных обязательств. Если же вы будете рассматривать сбережения в системе соцстрахования как полученный доход (после уплаты налогов) за вычетом потребления, вы обнаружите, что люди пожилого возраста тратят колоссальные средства из своих сбережений; они чаще всего тратят свои пенсии, не имея при этом никакого дохода.
Солоу: Они сокращают объем своих средств, накопленных в системе соцстрахования.
Модильяни: И в дополнение к тому, что они проедают деньги по соцстраховке, они тратят свои собственные средства, но не в таком большом количестве. Но если вы учитываете соцстраховку, то у кривой благосостояния будет огромный горб — оно достигает пика в возрасте 55-60 лет, а затем быстро падает. Все это имеет подтверждающие доказательства. Теперь следующее: вам не нужно наследство, чтобы показать наличие состояния,

и это еще один очень важный момент. Даже при отсутствии наследства вы можете показать большую часть того состояния, которым мы обладаем. Но это не означает, что наследства нет. Оно есть. Во всех моих работах по гипотезе жизненного цикла есть сноска, в которой объясняется, как учитывать наследство.
Солоу: И как бы вы учитывали наследство?
Модильяни: Таким образом, чтобы выполнялось условие, что сбережения зависят не от размера текущего дохода, а от дохода в течение жизненного цикла. В результате соотношение наследства и дохода будет скорее

всего оставаться стабильным, независимо от того, насколько повысится уровень дохода. Также очень важно учесть выводы теории жизненного цикла для макроуровня, которые абсолютно отсутствуют в гипотезе перманентного дохода, а именно, что уровень сбережений зависит не от самого дохода, а от темпов его роста. В действительности гипотеза перманентного дохода ни о чем не говорит. Она подвигла Фридмана к ошибочному заключению, что рост дохода *сокращает сбережения*. Почему?! Потому что рост приводит к возникновению ожиданий, что будущий доход будет больше, чем текущий. Но учитывая, что срок жизни конечен, а в конце его нас всегда ждет выход на пенсию и расходование сбережений, можно говорить о том, что рост дохода увеличивает сбережения.

Но вернемся к упрощенному примеру без учета наследства. В этом случае каждый индивидуум в течение своего жизненного цикла ничего не сберегает. При отсутствии роста траектория сбережений, сделанных до выхода на пенсию, и траектория сбережений, сделанных в течение всей жизни, будут идентичны и в совокупности равняться нулю. Но в случае, скажем, роста населения количество молодых людей, находящихся по возрасту в фазе сбережений, больше, чем пожилых, которые находятся уже в фазе их расходования, поэтому коэффициент совокупных сбережений будет положительным и будет повышаться по мере роста. То же самое происходит и с ростом производительности, поскольку молодежь получает больший доход, чем те, кто вышел на пенсию. В общем и целом модель жизненного цикла предполагает, что совокупное богатство пропорционально совокупному доходу: отсюда уровень роста накопленного богатства стремится к тому, чтобы быть пропорциональным уровню роста дохода. В сущности это случайная взаимосвязь между уровнем роста и коэффициентом сбережений, но одно из наиболее значимых и инновационных следствий гипотезы жизненного цикла.

Барнетт: Что вы думаете о возможном реформировании или внесении каких-либо изменений в существующую систему социального страхования, о чем так много в последнее время говорят?

Модильяни: Проблемы системы социального страхования находятся в числе моих сегодняшних интересов и приоритетов, поскольку, на мой взгляд,

это чрезвычайно важный вопрос. Думаю, что впереди нас ждет кризис, хотя мы можем решить проблему с выгодой для всех. Если в двух словах, то мы должны отказаться от использования неэффективной системы обязательных отчислений и заменить ее на полностью профинансированную. Таким образом мы могли бы снизить процент отчислений в систему соцстрахования, который к середине XXI века составит уже 18%, до 6% и ниже. Я уже разработал план перехода на новую систему. Переход возможен без каких-либо существенных потрясений и жертв. Действительно, это можно сделать без каких-либо потерь, не считая использования предполагаемого излишка для увеличения национальных сбережений, а не для увеличения потребления. Исходя из низкого текущего уровня частных сбережений и огромного (нерационального) импорта капитала, увеличение национальных сбережений необходимо рассматривать как приоритетное направление.

Барнетт: Есть ли еще какие-то области, в которые, по вашему мнению, вы также внесли значительный вклад и о которых мы еще не упомянули?

Модильяни: Возможно, это также вопросы, связанные с инфляционными последствиями. Во времена, когда под влиянием рациональных ожиданий было модно утверждать, что инфляция не оказывает какого-либо *реального* воздействия, я получал удовольствие, доказывая обратное. В самом деле, инфляция имеет широкое и сильное и при этом далеко не краткосрочное влияние. Вместе со Стеном Фишером я написал работу по влиянию инфляции, а в совместной с Ричем Коэном работе показал, что инвесторы неспособны рационально реагировать на инфляцию, в основном из-за (не-

Рис. 5.5. В Президентской библиотеке Джона Кеннеди. Франко Модильяни беседует с королем Испании. Бостон, весна 1998 г.

понятной) невозможности провести различие между номинальной процентной ставкой и реальной ставкой Фишера. По этой причине инфляция систематически снижает стоимость акций.

Я также показал, что инфляция по той же причине сокращает и сбережения. Оба утверждения были подкреплены многочисленными повторениями ситуации. В области государственных финансов использование при расчете заемного капитала номинальной процентной ставки вместо реальной влечет за собой серьезную ошибку при оценке соотношения дефицита бюджета к доходу в периоды высокой инфляции, как например, в середине 1970-х гг. — начале 1980-х гг., когда показатель заемного капитала на единицу дохода был высоким. В корпоративных финансах это служит фактором уменьшения прибыли у фирм с высокой долей заемного капитала.

Барнетт: Вы вели очень бурную общественную деятельность, по крайней мере, в определенные периоды вашей жизни. Предполагаю, что вы не согласны с Вальрасом, который был против активного участия экономистов в формировании политики. Он считал, что экономисты должны быть только техническими экспертами. Что вы можете сказать по поводу роли экономистов как «государственных служащих»?

Модильяни: На мой взгляд, экономисты должны признать тот факт, что экономика имеет две составляющие: экономическая теория и экономическая политика. Принципы экономической теории едины, и мы все должны

просто согласиться с ними. Мы, как экономисты, по большей части это и делаем. Что же касается экономической политики, то здесь нет нужды нам соглашаться с нею, более того, мы не должны этого делать, поскольку экономическая политика строится на субъективной оценке — не на том, что есть на самом деле, а на том, что нам больше нравится. Она имеет дело с распределением дохода, а не только с понятием валового дохода. И пока кто-то боится смешивать эти составляющие, экономисты должны быть готовы к участию в процессах формирования политики, но они должны уметь различать — где можно использовать субъективную оценку, а где необходимы истинные знания о функционировании экономики.

Барнетт: Вы неоднократно участвовали в отстаивании нестандартных идей в экономической политике. Были ли случаи, когда, как вам кажется, ваш совет существенно повлиял на страну?

Модильяни: Да, я думаю, было несколько таких случаев. Первый, довольно забавный, случай связан с Италией. В течение 1960-1970-х гг. трудовые контракты в Италии содержали эскалационную оговорку с очень большим покрытием. Но в 1975 г. в разгар нефтяного кризиса профсоюзным лидерам пришла в голову блестящая идея потребовать от правительства пересмотра эскалационной оговорки в трудовом контракте. Они настаивали на том, чтобы при увеличении цен на x% работник получал прибавку к заработной плате на x%, но не от *его* заработной платы, как раньше,
а от *средней* заработной платы — чтобы каждый получал одинаковую прибавку. И высокооплачиваемые работники с радостью согласились! Негодуя по этому поводу, я написал несколько статей, пытаясь объяснить всю безрассудность идеи, которая может привести к катастрофе. К моему удивлению, прошло совсем немного времени, и мои итальянские коллеги поддержали меня. Правда, кто-то из них в своей «блестящей» статье поначалу высказал мнение, что данная мера имеет экономическое обоснование — при высоком уровне инфляции реальная оплата труда в скором времени становится примерно одинаковой, поэтому в такое время равная индексация доходов обоснованна! Потребовалось несколько лет экономического хаоса, прежде чем унифицированная индексация доходов была полностью отменена, а ее сторонники признали свою ошибку. Все это продолжалось вплоть до 1993 г.

Вторым примером могут служить мои рекомендации в книге «Достижимое чудо» (Il Miracolo Possibile), написанной мной в соавторстве с двумя коллегами в 1996 г., которые помогли Италии стать участником еврозоны и соответствовать ее требованиям. К тому времени это казалось невозможным, поскольку у страны был большой дефицит бюджета — выше положенных 3%. Мы настаивали на том, что дефицит искусственно раздут из-за использования номинальных процентных ставок, повышенных в условиях инфляции, а также странного коэффициента заемного капитала к доходу (1/¼), но цель достижима при существенном снижении инфляции и соответствующем снижении номинальных процентных ставок. Это возможно без особых реальных затрат путем совместного планирования профсоюзами, работодателями и правительством минимальной заработной платы и ценовой инфляции. Это сработало, даже несмотря на результаты моделирования, приведенные в книге! И Италия вошла в еврозону в самом начале

ее существования.
В качестве третьего примера я бы назвал мою кампанию против безработицы и ошибочной кредитно-денежной политики в Европе. Менее года назад был опубликован «Манифест экономистов по вопросу безработицы в странах Евросоюза» (An Economists' Manifesto on Unemployment in the European Union), который я подготовил совместно с группой известных европейских и американских экономистов. Несмотря на то, что эффект от него не был таким существенным, как мы ожидали, так или иначе, он оказал какое-то влияние.
Кроме того, я надеюсь, что предложенная нами реформа социального страхования также будет иметь серьезное влияние. Ставки здесь на самом деле одни из самых высоких, а размер выплат необходимо пересмотреть.

6. ИНТЕРВЬЮ С МИЛТОНОМ ФРИДМАНОМ*

Беседовал Джон Тейлор

Стэнфордский университет

2 мая 2000 г.

Его взгляды оказали огромное влияние на наше отношение к денежно-кредитной политике и многим другим вопросам экономики, чем кого-либо другого из наших современников». Эти слова, посвященные Милтону Фридману, принадлежат экономисту и главе Федеральной резервной системы (ФРС) Алану Гринспену. Он произнес это как человек, обладающий богатым опытом и знанием того, что действительно важно для принятия стратегических решений в этом мире. И эти слова — не преувеличение. Многие могли бы сказать, что заслуги Милтона Фридмана имеют еще большее значение. Сегодня практически на каждой конференции, посвященной вопросам денежно-кредитной политики, вспоминают идеи Фридмана. Едва ли сегодня можно найти работу по макроэкономике, где при описании экономических, математических или статистических идей не упоминались бы ранние исследования ученого. Вы вряд ли встретите студента, изучающего макроэкономику, который бы не зачитывался его статьями и книгами и не восхищался его ясными и точными формулировками. Наверное, нет ни одного сторонника демократии в бывших соцстранах, кто не был бы увлечен идеями Милтона Фридмана, писавшего о рынке в период расцвета плановой экономики. Все наиболее известные газеты или журналы регулярно ссылаются на его точку зрения и идеи. Любое из его достижений в макроэкономике (или лучше сказать, в монетарной теории, так как он ненавидит термин «макроэкономика») грандиозно. А их список выглядит особенно внушительно:

• теория перманентного дохода;
• теория естественного уровня безработицы;

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 5, 2001, p. 101-131. Copyright © 2001 Cambridge University Press.

• защита идей плавающих валютных курсов;
• правила роста денежной массы;
• оптимальное количество денег;

• история денежного обращения и денежно-кредитной политики в Соединенных Штатах, в частности в период Великой депрессии, не говоря уже о достижениях в области математической статистики — использование ранговых критериев, последовательной выборки и несклонности к риску, а также масса новаторских предложений по государственным реформам — от так называемого «отрицательного подоходного налога» до образовательных ваучеров, единой ставки налога и легализации наркотиков.

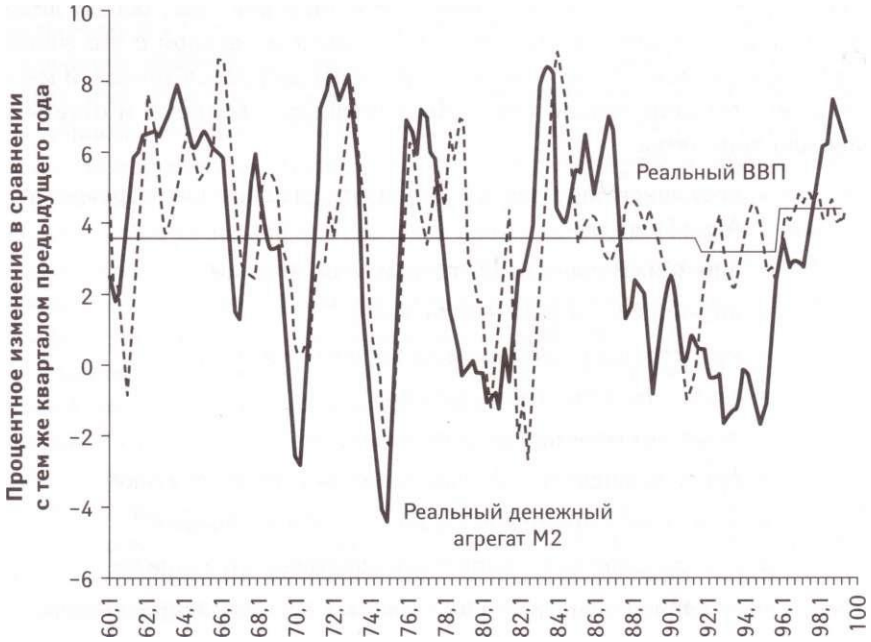
Милтон Фридман — главный экономист, основоположник особой методологии позитивной экономической науки. Специалисты знают, что в основе многих сегодняшних идей и большинстве вариантов экономической политики — начиная с принципов денежно-кредитной политики и заканчивая льготами по налогу на трудовой доход — лежат предложения и рекомендации Фридмана. Он получил Нобелевскую премию в области экономики в 1976 г. «за достижения в сфере анализа потребления, истории денежного обращения, разработки монетарной теории, а также за показ сложности политики экономической стабилизации». Он избегал работы, связанной с выработкой политических решений, но многие годы к нему за советом обращались президенты, премьер-министры и другие высокопоставленные чиновники, отвечающие за вопросы экономики. Милтон Фридман всегда четко формулировал свои мысли, хотя многие с ними и не соглашались, поэтому еще в период учебы в Чикагском университете он часто становился активным участником жарких дебатов. Он потрясающий полемист и вместе с тем великодушен и дружелюбен.

Милтон Фридман родился в 1912г. Его детство прошло в местечке Роуэй в Нью-Джерси, где он учился в местной государственной школе. Он окончил Университет Ратджерса в разгар Великой депрессии в 1932 г. и отправился в Чикагский университет изучать экономику. Там он познакомился со своей будущей женой Роуз Директор, которая в то время училась в аспирантуре. После окончания Чикагского университета он около десяти лет проработал в правительственных организациях и исследовательских институтах (не считая года, проведенного в Висконсинском университете, и года в Миннесотском университете). В 1 946 г. он получил должность преподавателя в университете. Он проработал в Чикаго до 1977 г. и уволился, когда ему исполнилось 65 лет, чтобы перейти в Гуверовский институт Стэнфордского университета. Я всегда считал Милтона и Роуз общительными

и энергичными людьми, которым искренне нравилось общаться с окружающими. Они в полном смысле слова получали наслаждение от жизни — и когда прогуливались по побережью Тихого океана, и когда бродили во Всемирной сети. День, когда я брал это интервью, не стал исключением. Это было 2 мая 2000 г. в офисе Фридмана в Сан-Франциско. Мы беседовали в течение двух с половиной часов. На столе лежал диктофон и бумаги с экономическими графиками. Позади Милтона через огромное панорамное окно открывался чудесный вид на холмы и окрестности Сан-Франциско. У меня за спиной на стеллажах покоились его книги, работы и сувениры. Интервью началось немного не так, как я планировал. Как только мы

вошли в офис, Милтон сразу же начал активно обсуждать лежавшие у него на столе графики, которые он заранее подготовил на основе найденной в Интернете информации. Они касались моих замечаний по ряду вопросов конференции, которая состоялась за несколько недель до нашей встречи. Милтон прочитал об этом в Интернете. В самом начале обсуждения графиков я попросил у Милтона разрешения включить диктофон, поскольку один из вопросов касался темы формулирования идей. Обсуждение идей, которые возникли буквально в ходе разговора, — что может быть лучше для начала интервью! Я включил диктофон, и мы начали беседовать. Наш разговор вскоре строился на основании моих, заранее подготовленных, вопросов (но Милтону я их не показывал). Мы прервали нашу беседу лишь раз — чтобы насладиться изумительным обедом и беседой с его женой Роуз (не для записи). После нашей беседы я расшифровал запись, и мы с Милтоном отредактировали текст. Мы объединили вопросы и ответы в более широкие темы:

• рост денежной массы, стабилизаторы денежного обращения и Алан Гринспен;
• причины Великой инфляции и ее окончание;
• возникший интерес к экономике;
• магистратура и обучение на рабочем месте;
• теория перманентного дохода;
• отдача от монетарной экономики;
• правила фискальной и денежно-кредитной политики;
• использование моделей в монетарной экономике;
• использование методов последовательного анализа;
• модели реальных бизнес-циклов, стандартизация и исключение тренда;
• гипотеза естественного уровня безработицы;
• рациональные ожидания;



• роль дискуссий в монетарной экономике;

• капитализм и свобода сегодня;
• монетные союзы и гибкие валютные курсы.

Рост денежной массы,
стабилизаторы денежного обращения
и Алан Гринспен

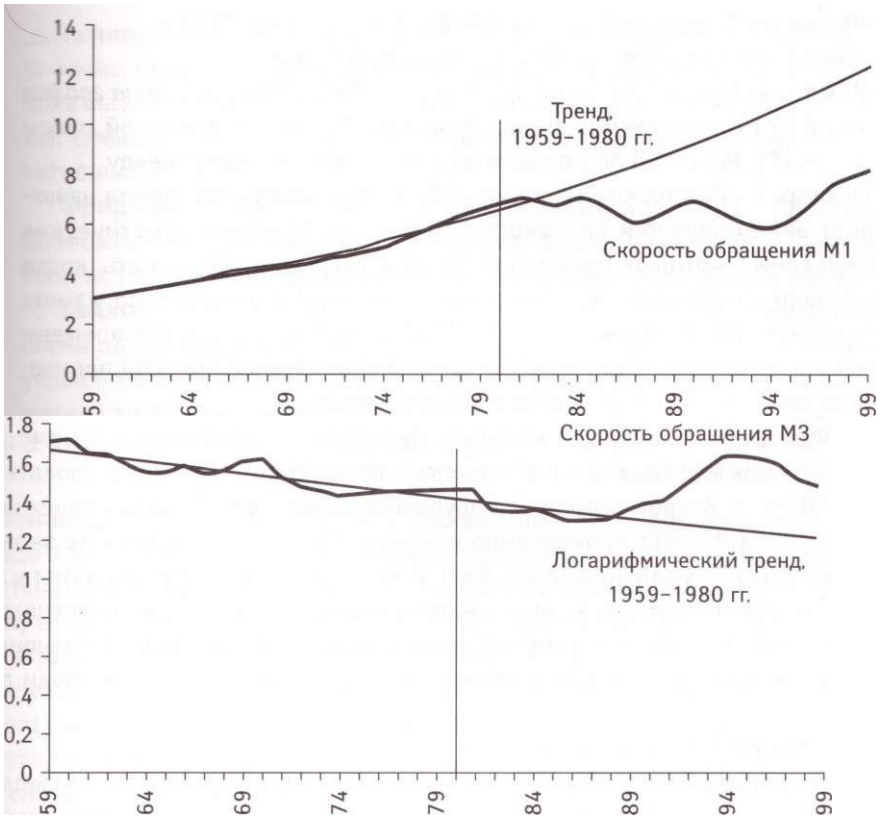
Фридман: *[Показывая на рис. 6.1 и 6.2]* Я подумал, вам будет интересно взглянуть на эти графики. Вы не думаете, что это выглядит так, как если бы в 1990-х гг. Федеральная резервная система (ФРС) стала использовать новый усовершенствованный регулятор денежного обращения!1

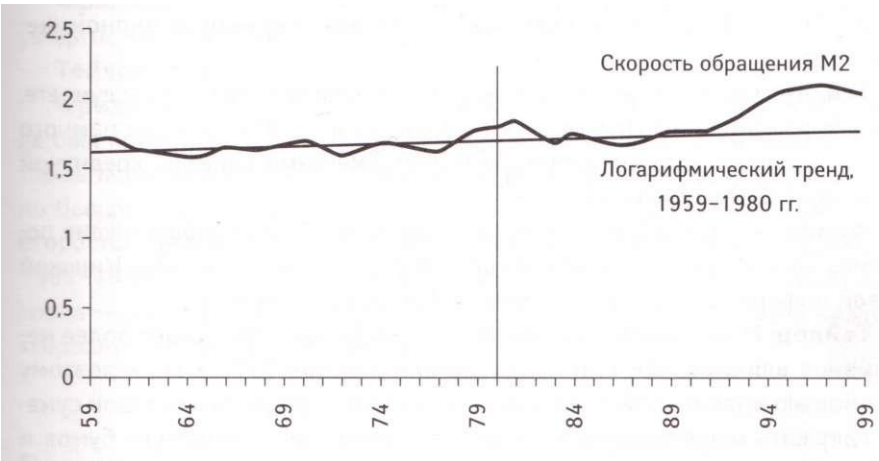
Тейлор: Я вижу, как изменилось соотношение между ростом денежной массы и реальным ВВП и насколько существенно сократилась амплитуда колебаний в экономике. С начала 1980-х наблюдается прогрессирующая стабильность.

ИСТОЧНИК: М И Л Т О Н Фридман, 20 февраля 2000 г.

Рис. 6.1. Ежегодное изменение показателей реального денежного агрегата М2 и ВВП в США в период с 1960 по 1999 г.

158





6. ИНТЕРВЬЮ С МИЛТОНОМ ФРИДМАНОМ

Источник-. Милтон Фридман, 30 апреля 2000 г.

Рис. 6.2. **Скорость обращения д е н е ж н о й массы (агрегаты М1, М2, М3) и логарифмиче-**

ские тренды по данным 1959-1980 гг., годовых отчетов 1959-1999 гг.

Фридман: Стабильность на самом деле наступила в 1992 г.

Тейлор: Не является ли 1982 г. точкой перелома?

Фридман: Думаю, что точка перелома — 1992 г. *[Показывая на график на рис. 6.2]* На этих схемах видны скорость обращения денежной массы (агрегаты М1, М2 и М3) по отношению к логарифмическому тренду.

Тейлор: Я обратил внимание на 1982 г., поскольку в это время начался рост экономической активности. Существуют также статистические исследования, которые проводили разные ученые, чтобы узнать, когда произошли существенные изменения колебаний. Большинство из них утверждают, что это было в начале 1980-х гг. Именно с этого времени колебания реального ВВП кажутся меньше. Экономический спад произошел однажды, в 1991 г., но он был незначительным.

Фридман: *[Указывая на резкое сокращение роста реального ВВП в 1990-1991 гг.]* Но это выглядит как достаточно серьезный экономический спад.

Тейлор: Хорошо, какой бы ни была точка перелома, почему вы думаете, что все изменилось? Почему, как вы утверждаете, ФРС сегодня намного лучше управляет стабилизирующими инструментами денежно-кредитной политики? В чем причина?

верить. Они не узнали ничего нового, чего не знали бы раньше. Никакой новой информации или новых знаний. Не знаю, что думать.

Тейлор: Может быть, они поняли, что инфляция оказывает более негативное влияние, чем они предполагали в конце 1970-х гг., и поэтому с помощью правильной политики в отношении процентных ставок сумели сдержать инфляционные процессы и уменьшить амплитуду бумов и спадов?

Фридман: Я вижу два момента. Первое — это изменение значимости управления инфляцией и стабильности экономики, что стало наблюдаться с 1980-х гг. Второй момент — нарушение взаимосвязей между денежной

массой и ВВП. Это происходило в начале 1990-х гг. в результате значительного снижения колебаний ВВП. И меня удивляет, что специалисты из ФРС вдруг поняли, как надо регулировать экономику. Создается впечатление, что Алан Гринспен обладает особой проницательностью в отношении различных процессов в экономике и их нарушений, чего другие люди лишены.

Тейлор: Возможно, и так.

Фридман: Другое объяснение — информационная революция позволила компаниям значительно повысить уровень управления материально-производственными запасами, как вы отмечали недавно в одном из обсуждений. Но данное объяснение не может быть ответом на вопрос, поскольку с нематериальными активами происходит то же самое.

Тейлор: Согласен. Если вы посмотрите на конечные продажи, то увидите точно такие же изменения в отношении стабильности, но до тех пор, пока вы концентрируете внимание на краткосрочных отклонениях — таких как ежеквартальные изменения реального ВВП в период экономической активности.

Фридман: Однако все может снова измениться в сторону увеличения. Возможно, это статистические отклонения. Возможно, они как-то изменили свои методики. Существенные изменения претерпели оценки и расчеты.

Тейлор: Но возвращаясь к вопросу, что ФРС возможно обладает большими знаниями и информацией, не думаете ли вы, что они научились управлять ликвидностью и денежной массой, осознавая при этом факт наличия сдвигов в скорости обращения?

Фридман: Если вы посмотрите на эти сдвиги в скорости обращения, то увидите, что они появляются лишь с 1992 г.

Тейлор: И что это значит?

Фридман: Прежде всего, это касается агрегата М1, но агрегат М2 всегда был приоритетным, особенно с точки зрения подобных изменений, которые появляются в результате отмены запрета на начисление процентов по бессрочным вкладам. Поэтому я не думаю, что это можно объяснить скоростью денежного обращения. Скорее им каким-то образом удалось в 1991 -1992 гг. заменить плохой регулятор на хороший. Значит, Алана Гринспена — по сравнению с другими председателями ФРС — можно назвать «хорошим регулятором»? Сомневаюсь.

Великая инфляция — причины начала и завершения

Тейлор: Да, в это трудно поверить. Хорошо, давайте вернемся к периоду, когда все было не так хорошо. В последние годы большой интерес вызывала тема инфляции 1970-х гг. — причины возникновения и окончания. Почему в США в конце 1960-х и 1970-х гг. произошел рост инфляции?

Фридман: Да, Великая инфляция... Причины ее роста в большей степени лежат в плоскости политики, чем экономики, поскольку начало этого роста связано с выборами Кеннеди в 1960 г. Он смог использовать преимущество унаследованной им безинфляционной экономики, чтобы «заставить ее снова двигаться вперед». Из-за нулевого уровня инфляционных ожиданий, рост монетарной и фискальной нагрузки повлиял главным образом на

объем производства. Отложенный рост цен аукнулся только в середине 1960-х гг. и постепенно начал набирать обороты. К тому времени Дэррил Фрэнсис (Федеральный резервный банк Сент-Луиса) уже жаловался на

чрезмерный рост денежной массы. Небольшой экономический спад притормозил инфляционные процессы, но все вернулось на круги своя, когда ФРС слишком «близко к сердцу» восприняла этот спад и отреагировала соответствующим образом. Хотя я не люблю об этом говорить, но считаю Артура Бёрнса заслуживающим большого порицания за то, что в 1970-е он знал об угрозе, нависшей над страной. В своем выступлении перед Конгрессом он заявил, что если предложение денег будет расти больше чем на 6-7% в год, это приведет к инфляции, а в период его правления в ФРС оно росло более высокими темпами. Он был приверженцем количественной теории денег, но никогда не был абсолютным монетаристом. Он в большей степени доверял своему инстинкту политика, а также собственному мнению. В 1 960 г., когда он был советником Никсона, он утверждал, что страна находится на пороге экономического спада, а это сильно ударит по Никсону на предстоящих выборах. Так и произошло, после чего Никсон стал доверять ему еще больше.

Во всем, что случилось с момента прихода Бёрнса в ФРС, я думаю, главенствующую роль сыграла политика. И особенно в том, что касается Никсона, — это я знаю из собственного опыта. Я встречался с Никсоном году в семидесятом. Он хотел, чтобы я убедил Артура поскорее увеличить количество денег в обращении *[смеется]*. И я сказал президенту: «Вы действительно этого хотите? Ведь в результате вы столкнетесь с еще большей инфляцией, если, конечно, вас переизберут». А он ответил: «Мы будем думать об этом, когда меня переизберут». Типичная картина. Нет никаких сомнений, что именно было важно для Никсона.

Тейлор: По вашему мнению, Бёрнс просто следовал веяниям времени, когда не обращал особого внимания на инфляцию? Или он хотел рискнуть и ценой инфляции сохранить низкий уровень безработицы (исходя из кривой Филипса)?

Фридман: Отнюдь. Во всех работах Артура на эту тему одной из главных мыслей было недопущение высокой инфляции. Он не входил в группу кейнсианцев. На самом деле он выражал несогласие с кейнсианскими идеями. Однако они повлияли на мнение в Вашингтоне, на то, что должна была делать ФРС и что не должна. Таким образом, именно эти факторы сыграли роль, а не его вера в возможности инфляции.

Тейлор: Также говорят, что Бёрнс, как и многие другие, не совсем верно оценивал потенциальный ВВП. Он считал, что экономика страны работала не на полную мощность и могла бы расти более быстрыми темпами. Можно ли, на ваш взгляд, рассматривать это как один из факторов?

Фридман: Не думаю, что это один из главных факторов. Это могло бы быть одним из факторов.

Тейлор: В первую очередь политическим?

Фридман: Да.

Тейлор: Что вы можете сказать по поводу окончания Великой инфляции? Она продолжалась и после ухода Бёрнса — как во времена Уильяма Миллера, так и Пола Волкера.
Фридман: Нет никаких сомнений в том, что именно положило конец инфляции. Это был приход Рональда Рейгана. Если вы вспомните, выборы состоялись в 1980 г. В октябре 1979 г. Пол Волкер вернулся из Белграда, где на конференции в ответ на критику Соединенных Штатов он заявил, что ФРС перейдет от политики использования процентной ставки в качестве инструмента регулирования к использованию банковских резервов или денежной базы. Однако последующий период был одним из наиболее нестабильных с точки зрения количества денег на рынке. Заявление о денежных агрегатах было необходимо Волкеру, чтобы вернуться к управлению процентными ставками.
[Показывая на схему 6.1.] Вот он, этот период... график разворачивается то вверх, то вниз. (График номинального предложения денег практически такой же, как и для реального предложения денег.) Они нажали на тормоз, и вдобавок где-то в феврале 1980 г. Картер взял под контроль потребительские кредиты. Когда экономика восстановилась, страна готовилась к выборам, ФРС дала по газам. За пять месяцев до выборов предложение денег стало стремительно расти. Пол Волкер тоже был политиком. Через месяц после выборов предложение денег сократилось. Если бы победил Картер, я даже не знаю, что бы произошло. Но победил Рейган, а он был настроен на то, чтобы остановить инфляцию, и готов был рискнуть. В 1981 г. начался серьезный экономический спад. Рейтинг Рейгана упал. Думаю, что любой президент послевоенного периода заставил бы в этой ситуации ФРС изменить курс. Но Рейган не сделал этого. Спад продолжался в течение 1981 и 1982 гг. В 1982 г. Волкер наконец-то развернул собственный курс и начал увеличивать предложение денег. С этого момента спад пошел на убыль, и экономика стала расти.
Тейлор: Ваше объяснение как начала, так и окончания Великой инфляции в большей степени связаны с изменениями в головах высокопоставленных людей, а не с изменениями на уровне идей. Судя по вашим словам, в первую очередь это были Бёрнс, Никсон и Рейган. Могли бы вы рассказать об этом подробнее?
Фридман: Возможно, я преувеличиваю роль Бёрнса. Но я не преувеличиваю роль Рейгана. Опять же, и в том и в другом случае, я могу судить по собственным наблюдениям. Я был одним из тех, кто говорил с Рейганом на эту тему. И, безусловно, Рейган понимал взаимосвязь между количеством денег и инфляцией. Было ясно, что он хотел «выпустить пар». Он и сам все понимал, но другие ему также говорили о том, что невозможно снизить инфляцию без экономического спада.
Тейлор: В первом случае президент не внял вашему совету, а во втором случае — послушался.

Фридман: Беспричинная корреляция. Они были совершенно разными. У Никсона уровень IQ был выше, чем у Рейгана, но он был менее принципиальным, он был в высшей степени политиком. У Рейгана был приличный уровень IQ, но не такой как у Никсона. Но у него были жесткие принципы, и он стремился им следовать — чего бы это не стоило. Но они оба могли

поступить так, как если бы не встречались со мной и не слышали, что я им сказал.

Возникший интерес к экономике

Тейлор: Я хотел бы сменить тему и перейти от политики к вашей научной деятельности в экономике. Думаю, вам есть что сказать, особенно об исследованиях в макроэкономике. Как формировались ваши взгляды? Кто оказал на вас наибольшее влияние? Что из вашего образования или опыта работы сыграло наиболее значительную роль? Я понимаю, это было очень давно...

Фридман: Да, это было давно! Но я готов поговорить об этом, хотя уже не надеюсь на свою память.

Тейлор: Тогда давайте начнем с вашей учебы в колледже в Ратджерс. Сначала вы активно занимались математикой, но потом увлеклись экономикой. Это так?

Фридман: По существу моими основными предметами в колледже были как математика, так и экономика.

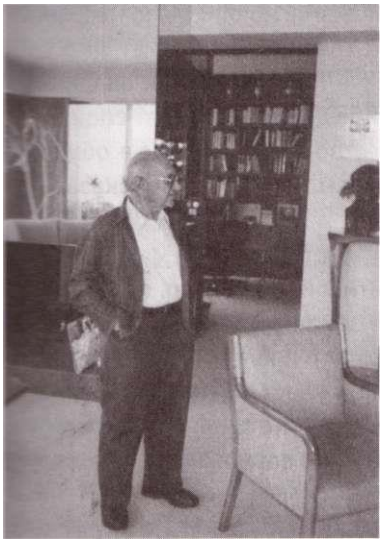
Тейлор: То есть вы заинтересовались экономической наукой уже в колледже?

Фридман: Да.

Тейлор: И на ранних этапах, по вашим словам, большое влияние на вас оказали такие экономисты, как Артур Бёрнс и Гомер Джонс. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее? В какой области Бёрнс оказал большее влияние — в микроэкономике или макроэкономике?

Фридман: В большей степени — в макроэкономике. Бёрнс вел у нас семинары, где мы познакомились с его рукописью, посвященной тенденциям развития производства в США. Такая работа с черновым материалом вместе с автором — пример бесценного опыта и знаний, которые я когда-либо получал. Благодаря этим семинарам я понял, как проводить исследования. Он воспринимал критику от людей, которые были младше его и ниже по положению, и это имело весьма положительный воспитательный эффект.

Что касается Гомера Джонса, он вел у нас курс статистики и страхования. Он только начинал свою карьеру преподавателя. Он учился у Франка Найта, представителя Чикагской школы. Он сам был членом Чикагской



экономической школы. Джонс оказал на меня огромное влияние — не только как преподаватель, но и как человек, благодаря которому я оказался в Чикаго!

Тейлор: Он преподавал в основном статистику?

Фридман: Статистику и страхование — в рамках этого курса рассматривались и вопросы экономики.

Тейлор: Получается, вы тогда почти не изучали макроэкономику и теорию денег?

Фридман: У меня был курс по банкам и денежному обращению. Это был стандартный базовый университетский курс без какого-либо разбора вопросов макроэкономики. Серьезную подготовку в

Рие. 6.3. Милтон Фридман у себя в гостиной

области экономической науки мне удалось получить, только когда я переехал в -икаго — для продолжения учебы в магистратуре.

Тейлор: Удивительно, что Бёрнс в процессе своего тщательного исследования работает со студентами.

Фридман: Бёрнс в это время заканчивал писать диссертацию. Он был молод и не похож на остальных. Он только что женился и жил в Гринич-виллидж. И у него были длинные волосы и длинные ногти. Знаете, он был совсем не таким, каким стал позднее. Но он всегда был очень способным человеком, нацеленным на то, чтобы как можно лучше сделать свою работу, -е знаю каким образом, но его пути и пути Маршалла пересеклись. Он был одним из лучших студентов Маршалла и его большим поклонником.

Тейлор: Он познакомил вас с Маршаллом?

Фридман: Да.

Тейлор: Как вы думаете, свободный рынок — это хороший способ организации общества? Вам рассказывали об этом на семинарах по микроэкономике?
Фридман: Не забывайте, я рассказываю о том, что произошло в 1928-1932 гг. Это было до того, как общественное мнение на этот счет изменилось. на тот момент это не было столь насущным вопросом, как впоследствии. Конечно, вопрос кризиса экономической системы обсуждался, но я окончил университет в июне 1932 г. и в течение большей части времени "оего пребывания там, в 1928, 1929 гг., нам не говорили: «Если рынки работают нормально...» Нам просто о них рассказывали. Мы воспринимали это как само собой разумеющееся. Конечно, существовало мощное движе-

ние интеллектуальной моды в сторону социализма, но оно было несравнимо с тем, каким стало потом. Норман Томас, главный социалист того времени, был очень уважаемым человеком и на президентских выборах в 1928 г. набрал больше голосов, чем какой-либо другой кандидат-социалист до и после него. Интеллектуальное сообщество того времени в общем и целом было склонно к социалистическим идеям, чего я не могу сказать об экономическом факультете.
Тейлор: То есть у вас нет мыслей на этот счет?
Фридман: Я никогда не занимался политикой. Возможно, я мог бы назвать себя социалистом. Кто знает. Когда я закончил колледж, я написал эссе о том, во что верил в то время. Я оставил его в квартире моей матери, мой отец умер, когда я еще учился в старших классах. Когда я вернулся несколько лет спустя и попытался найти эссе, то не смог его отыскать и очень сожалею об этом. Сейчас была бы отличная возможность узнать, что я думал обо всем об этом.
Тейлор: Вы даже не можете предположить, о чем написали тогда?
Фридман: Я практически уверен, что там не было тех идей, которые я потом развил. Скорее всего, это были стандартные мысли о том, что нам необходимо что-то сделать. Но у меня нет конкретных предположений.
Тейлор: Экономическая наука имела тогда более технический характер, чем философский, она в основном состояла из кривых спроса и предложения, показывающих как работает рынок. Это так?
Фридман: На мой взгляд, она была намного менее философской.
Тейлор: А как Гомер Джонс подвигнул вас отправиться в Чикаго?
Фридман: Он не только подвигнул меня отправиться туда — он сделал все возможное, чтобы я туда попал. Сегодня никто не может представить, как раньше все происходило. Выделялось всего несколько студенческих стипендий и практически не было стипендий на проведение научных исследований, которые мы сегодня воспринимаем как само собой разумеющиеся. По окончании Ратджерсского университета я направил в несколько мест запросы на поступление в магистратуру, но в итоге мне пришло только два предложения: одно из Университета Брауна — по прикладной математике; другое — спасибо Гомеру — из Чикагского университета, по экономике. Оба предложения подразумевали лишь компенсацию за обучение и никаких дополнительных денег. Это была распространенная практика того времени. Студенты магистратуры, как правило, сами оплачивали свою учебу.

Тейлор: Вы уже предполагали тогда, над чем хотите работать как экономист?
Фридман: Совершенно не предполагал. Когда я только поступил в колледж, я думал, что буду актуарием. Я даже сдал экзамены на актуария, поскольку на тот момент думал, что только так смогу зарабатывать деньги математикой. Эта работа требовала высокой квалификации. Только после

того, как нам наравне с математикой стали преподавать экономику, я понял, что существуют и другие пути. Безусловно, тот факт, что страна в это время переживала депрессию, способствовал тому, чтобы экономика стала одним из наиболее важных предметов.

Магистратура и обучение на рабочем месте

Тейлор: Вы проучились в магистратуре в Чикагском университете год, затем уехали на год в Колумбийский университет, а затем снова вернулись в Чикаго. Я так понимаю, за это время благодаря Генри Шульцу из Чикагского университета, а также Гарольду Хотеллингу и Уэсли Митчеллу из Колумбийского, вы заинтересовались математической статистикой и работой с данными. По окончании магистратуры вы сразу же получили работу в Вашингтоне — в проекте, посвященном исследованию потребительских расходов. Затем вы отправились в Нью-Йорк, где вместе с Саймоном Кузнецом работали с данными исследования доходов американцев. Вам интересно было работать с данными и применять методы математической статистики?
Фридман: Да, конечно. Еще во время учебы в Чикаго я прослушал курс Шульца по статистике, а когда вернулся через год из Колумбийского университета, то стал его ассистентом. Но позвольте мне вернуться к временам моей учебы в Ратджерсском университете, к Артуру Бёрнсу, поскольку его книга «Тенденции развития производства в США» (Production Trends in the United States), его докторская диссертация, которую мы разбирали и обсуждали, в большей степени посвящены анализу данных. Главная идея его книги состояла в следующем — замедление роста в любой отрасли не предполагает замедления экономики в целом.
Тейлор: У меня складывается впечатление, что, по крайней мере, на ранних этапах работы с данными исследований вы больше делали акцент на описание фактов и применение моделей математической статистики, чем на экономические модели или формальные теории.
Фридман: Я так не думаю. Я пытался объяснить полученные данные, но не с помощью моделей, состоящих из нескольких уравнений, а более неформальным способом — в основном пытаясь апеллировать к взаимосвязям на уровне микроэкономики.
Мой первый год учебы в Чикагском университете дал мне понимание экономической науки как теоретической дисциплины. Джекоб Винер, Франк Найт и Ллойд Минтс были тогда моими главными учителями в области всего, что сейчас называют микро- и макроэкономикой. Я ненавижу эти два слова. Я считаю, это просто теория цен и теория денег. Какого черта мы должны использовать греческие слова?

Так или иначе, мне казалось тогда, что год в Чикагском, а затем год в Колумбийском университете — это идеальное сочетание. Чикагский университет дает теоретическую базу, с помощью которой ты можешь интерпретировать те или иные данные. Кроме того, Чикагский университет славился эмпирическим уклоном — в отличие от институционального подхода в Колумбийском. Когда в 1935 г. я приехал в Вашингтон и начал работать в Национальном комитете по природным ресурсам, моя работа была преимущественно связана со статистикой, и в меньшей мере с экономической теорией.

Тейлор: До того, как вы уехали в Вашингтон, вы успели написать свою первую работу — статью, в которой критикуете метод, предложенный Пигу, знаменитым профессором Кембриджского университета. Статья вышла в 1935 г. в *Quarterly Journal of Economics.* Она, должно быть, была написана в первый или во второй год вашей учебы в магистратуре. Что подвигло вас написать и опубликовать такую статью?

Фридман: Книга Шульца, в работе над которой я принимал участие. Она была посвящена теории спроса и его измерению, а статья Пигу касалась вопросов эластичности спроса. Таким образом, статья — это результат того, над чем я работал вместе с Шульцем. Возможно, он и предложил мне написать и опубликовать эту статью, но я уже точно не помню.

Тейлор: Пигу воспринял вашу статью как очень серьезную критику его предложений, и начал с вами дискутировать. Вам понравился такой поворот событий?

Фридман: Вот как это было на самом деле. Я направил свою статью в *Economic Journal* — редактором в то время там был Джон Мейнард Кейнс. Он отверг статью, поскольку Пигу не считал правильным ее публиковать. Тогда я обратился в *Quarterly Journal of Economics,* где редактором был Фрэнк Тауссиг. Я рассказал, что уже обращался со своей статьей в *Economic Journal* и почему мне там отказали, а также почему я думаю, что они были неправы. Подозреваю, что выходу моей статьи в *Quarterly Journal of Economics* в немалой степени способствовало то, что ее рецензентом был Василий Леонтьев. Затем Пигу пришел к Тауссигу и принес свой ответ на мою критику, и редактор отправил мне копию этой критической статьи. В итоге в *Quarterly Journal of Economics* вышли и критическая статья Пигу, и мой ответ на эту критику.

Тейлор: Способствовал ли такой опыт развитию склонности к полемике?

Фридман: Сейчас трудно сказать. Это было 65 лет назад.

Тейлор: Эта история напоминает мне вашу рецензию, которую вы написали для меня, когда я был редактором *American Economic Review.* Вы подписали свою «анононимную» рецензию!

Фридман: Я всегда считал, что должен отвечать за каждое написанное мной слово. Я не хотел публиковаться как аноним. И у меня никогда не воз-

никало также желания публиковать что-либо под собственным именем, если это писал кто-то другой. Меня очень часто просили о такой услуге, чтобы продвинуть ту или иную идею, но я не считал, что вправе это делать.

Тейлор: Хочу спросить вас о вашей работе во время Второй мировой войны в Группе статистических исследований в Колумбийском универси-

тете, но что еще важного случилось для вас в тот период?

Фридман: С точки зрения интересующих вас вопросов о моей работе, связанной с экономикой и статистикой, необходимо отметить, что до того, как я пришел в Группу статистических исследований, я два года проработал в Министерстве финансов США, где занимался экономикой и практически не занимался статистикой. Мы разрабатывали программы налогообложения на время войны. К сожалению, большая часть сегодняшних налогов на доходы — это последствия принятых во время войны решений в области налогообложения. Именно тогда появилось такое понятие, как «удержание налогов», и именно тогда налоговые ставки стали стремительно расти, а налоговая шкала становилась более прогрессивной. Поэтому и тогда и сегодня обсуждались и обсуждаются одни и те же темы, касающиеся налогообложения, в том числе и так называемое «семейное бремя» или «семейный штраф» (marriage penalty). В предложении, которые мы подготовили в Министерстве финансов, мы исключили «семейное бремя», но наше решение было политически неоправданным. В министерстве в то время работала группа выдающихся экономистов, таких как Лоуэлл Харрис и Уильям Викри.

Тейлор: Следовательно, это было также и частью военной экономики?

Фридман: Безусловно. Я пришел в министерство в 1941 г. незадолго до того, как мы вступили в войну, и большой проблемой в тот период было разрешить спор между теми, кто предлагал контролировать цены, и теми, кто хотел сдержать рост инфляции с помощью налогов. Летом 1941 г. мы с Карлом Шоупом участвовали в одном исследовательском проекте, а потом написали книгу «Налоги против инфляции» (Taxing to Prevent Inflation). Нельзя сказать, что я горжусь этим сегодня. Она была написана в виде модели и рассказывала о том, сколько необходимо собрать налогов, чтобы предотвратить развитие инфляции, но сегодня я считаю, что это неправильно.

Тейлор: В 1942 г. вы опубликовали в *American Economic Review* работу, посвященную вопросу инфляционного разрыва. Она также имела отношение к вашей работе в Министерстве финансов?

Фридман: Да, я опубликовал ее, когда работал в министерстве.

Тейлор: Расскажите о вашей работе в Группе статистических исследований в Нью-Йорке во время войны. Это была преимущественно работа, связанная со статистикой. Но насколько велика в ней была экономическая составляющая?

Фридман: О, это была работа, полностью связанная со статистикой, никакой экономики. Хотя я не должен говорить, что она совсем не была связана с экономикой. Одно из наших открытий, сделанных во время войны, заключалось в том, что специалисты в области общественных наук более эффективны по сравнению с представителями естественных наук при решении многих вопросов, связанных с информацией во время войны. Дело в том, что первые привыкли работать с некачественными данными, а последние, наоборот, привыкли к качественным. Поэтому когда необходимо использовать анализ данных, вы получаете весь набор проблем.

Тейлор: Вы считаете, что у специалистов в области общественных наук

лучше развита способность к аппроксимации? Каково их преимущество?
Фридман: Они стараются оценить качество данных, найти косвенную информацию, различные варианты замены и возможные способы их оценки. Если говорить о работе нашей Группы статистических исследований, то зачастую многое, что мы делали, не было столь очевидно.
Тейлор: Над чем вы работали?
Фридман: В первую очередь мы решали такие проблемы: есть зенитная ракета и есть возможность выбора количества частей, на которые она будет распадаться после взрыва. Должна ли она распадаться на множество мелких частей, что повысит вероятность попадания, но снизит силу поражения?! Или она должна распадаться на несколько достаточно крупных частей, каждая из которых сможет сбить самолет, но при этом вероятность попадания будет ниже?! Один из моих проектов был связан с тем, чтобы рассчитать оптимальное количество частей, на которые должен распадаться снаряд. У нас были данные различных испытательных стрельб на предмет степени поражения фрагментом снаряда определенного размера при попадании в определенное место самолета и т.п. Это было своего рода проблемой. Сегодня это проблема экономического характера.
Тейлор: Не могли бы вы подробнее рассказать, в чем заключается экономическая проблема?
Фридман: Я имею в виду в более широком смысле слова. С тем, с чем мы сталкивались в ходе проекта, вы сталкиваетесь и в экономике. Если вы попросите обычного человека назвать ведущие отрасли в США, то каждый раз вы будете получать неверный ответ. Люди будут говорить о сталелитейной или автомобильной промышленности. В сфере обслуживания работает намного больше людей, чем в сталелитейной или автомобильной промышленности, еще больше — в оптовой и розничной торговле. И все потому, что в этих отраслях работает огромное множество небольших компаний. Поэтому в нашем ракетном проекте эксперты военно-морских и сухопутных войск все как один заявили: снаряд должен распадаться на несколько крупных частей, чтобы при попадании в цель она наверняка была бы уничтожена. Наши расчеты показывали обратное — необходимо, чтобы снаряд распа-

дался на множество мелких частей, поскольку это значительно повышало степень вероятности попадания в цель. Вот почему я говорю, что это проблема экономического характера — максимизация в пределах ограничений. Опять же возникает следующий вопрос, нужен ли вам один большой авианосец или два поменьше.
Тейлор: Может быть, вы расскажете немного о вашей работе над темой последовательных испытаний? Как вы к этому пришли?
Фридман: Аллен Уоллис рассказал об этом в своей статье для *Journal of the American Statistical Association.* Как-то он пришел в офис и сказал, что только что пообщался с капитаном ВМС, прибывшим для наблюдения за испытательными стрельбами. По словам капитана, «статистики всегда вынуждены делать большое количество выстрелов, но я еще задолго до окончания испытаний знаю, какой из выстрелов правильный». «В каком-то смысле он прав», — сказал Уоллис. Мы согласились с ним и стали думать над решением этой задачи. Я создал пример, на котором мог показать, что

при наличии эффективного правила остановки можно на основе значительно меньшей выборки достичь такого же уровня вероятности ошибки.
Мы понимали, что нам недоставало математических знаний, а также времени, чтобы самим провести подобные расчеты, поэтому мы стали искать специалистов на стороне. Но мы сформулировали проблему так, что статистики не решались за нее взяться. Мы сказали, что «знаем, как создать критерий, который будет иметь большую мощность, чем равномерно наиболее мощный критерий». Они ответили, что «это математически невозможно и вы это сделать не сможете — мы уже доказали, что это самый мощный критерий». Таким образом, статистики не собирались ничего делать. Тогда мы решили поговорить с Абрахамом Вальдом, но его первая реакция была такой же. На следующий день он позвонил и сказал, что мы правы, и он знает, как это можно сделать, и знает ответ.
Тейлор: Благодаря этому важному открытию были получены и другие результаты. Вы разработали небольшой числовой пример, чтобы показать, что это работает, по крайней мере, в некоторых случаях?
Фридман: Совсем простенький пример, я даже и не помню, что он из себя представлял. Позднее одной из наших задач было консультирование ВМС по выборочной проверке. Таким образом, используя эти наработки, мы усилили целый набор программ выборочной проверки за счет включения в них последовательного анализа.
Еще одной из важнейших проблем, которой я занимался, были дистанционные взрыватели, применяемые при стрельбе из зенитного орудия по бомбардировщику или истребителю. Чтобы исключить ошибку в момент взрыва, дистанционный взрыватель настроен так, что с приближением цели он срабатывает. Взрыватель посылает радиосигнал, который отражается при достижении цели, и при ее обнаружении достаточно близко взры-

ватель срабатывает. Посылаемый сигнал мог быть настроен на различный угол и различную мощность. Какой должна быть оптимальная конструкция дистанционного взрывателя с точки зрения максимальной вероятности поражения цели? Очень интересная проблема, на решение которой мы потратили много сил.
Тейлор: Да, это была сложная задача. Вы писали какие-то работы или отчеты по этому поводу?
Фридман: Да, конечно. Где-то они у меня хранятся.
Тейлор: Что вы чувствовали, когда писали столь важные работы и не могли их опубликовать, чтобы показать миру?
Фридман: Вы не представляете, что творилось в то время. Война в тот период была самым важным делом для каждого — не только для меня. Люди отодвинули на задний план практически все свои дела, чтобы принять посильное участие в войне. Не думаю, что кто-то из нас размышлял о том, что будет с нашими исследованиями. В любом случае все, что мы делали в тот момент, не входило в зону моих долгосрочных интересов.
Тейлор: Расскажите о методологии оптимизации, которую вы использовали в Группе статистических исследований? Вы применяли ее позднее в экономических исследованиях, например, для правил денежно-кредитной политики?

Фридман: Я бы сказал по-другому. Экономический поход к поиску оптимального решения в условиях определенных ограничений был способом решения существующих военных проблем, не более того. Это было интересно, поскольку разительно отличалось от всего, что мы делали раньше.
Тейлор: Хотите что-нибудь добавить?
Фридман: Думаю, что добавлять нечего. Группа статистических исследований дала мне возможность работать с людьми, с которыми я вряд ли столкнулся бы при иных обстоятельствах. Например, я познакомился с Джимми Сэвиджем. Позднее мы написали вместе несколько работ.
Тейлор: Вы помните, как вы с Джимми решили написать работу о функциях полезности, в которой отдавалось предпочтение риску при низких доходах?
Фридман: Не помню, честно — не помню. Должно быть, как-то мы с Джимми говорили об этом, но я уже не помню, как это было. Джимми Сэвидж был гений — безусловно, это была выдающаяся личность.
Тейлор: Как началось ваше сотрудничество?
Фридман: Мы познакомились, работая в Группе статистических исследований. Джимми в то время плохо писал, и я вынужден был переписывать некоторые его работы. Позже он стал отличным писателем. Он почти ничего не видел. Джимми получил математическое образование и ученую степень по математике, потом занялся статистикой и здесь произвел настоящую революцию. Но как мы решили написать работу по рискам, я совершенно не помню.

Теория перманентного дохода
Тейлор: Сейчас мне хотелось бы перейти к вашим исследованиям. Давайте начнем с исследований, посвященных функции потребления. Как я понимаю, вы считаете их своим лучшим научным достижением.
Фридман: Да, это так.
Тейлор: Расскажите о них поподробнее. Возвращаясь к тому, о чем мы уже говорили, можно ли сказать, что при разработке этой идеи вам помог предыдущий опыт работы с данными и математической статистикой?
Фридман: Помимо участия в исследовательской работе, посвященной потребительским расходам в Вашингтоне в 1930-х гг., я также провел несколько лет в Национальном бюро экономических исследований, работая под руководством Саймона Кузнеца. Наше сотрудничество воплотилось в книге «Доходы от независимой частной практики» (Income from Independent Professional Practices), которая была и моей диссертацией для получения ученой степени. Это была в большей степени статистическая и эмпирическая работа с анализом целого ряда анкет, которые Саймон Кузнец рассылал, работая в Министерстве торговли. Но работа также предполагала и применение экономической теории при объяснении различий в доходах представителей разных профессий. Это первый шаг в анализе человеческого капитала.
Книга о функции потребления представляла собой комбинацию идей исследований как в области доходов частных практик, так и в сфере потребительских расходов, а также моих наработок по методологии (о которых я в конечном счете рассказал в статье по методологии). Что мне больше всего нравится в этой книге, так это то, что она является лучшим

примером использования методологических принципов, которые я описал в своем эссе по методологии — за всю мою научную деятельность. Сначала вы выдвигаете гипотезу, затем выводите следствия, которые проверяете: правильные они или нет. И если следствия неверны, то пытаетесь скорректировать гипотезу и исправить.

В этой книге я начал с гипотезы, которая сходна той, что лежит в основе различия между понятиями реальной и номинальной процентной ставкой. Как люди корректируют свои ожидания? Каким образом они решают, какую часть своего дохода потратить? На основе этого я создал гипотезу. Я сформулировал ее таким образом, чтобы ее можно было проверить, и вывел следствия. После проверки выяснилось, что в целом следствия верны и подтверждают выдвинутую гипотезу. Я предложил дополнительные тесты, чтобы проверить гипотезу. Таким образом, с точки зрения методологии все было чисто.

Вдобавок в книге выдвинута гипотеза, которая, как мне кажется, является объяснением полученных данных. Как вы знаете, исходным узким

местом анализа было очевидное несоответствие долгосрочных данных временного ряда и перекрестных бюджетных данных по потреблению и доходам. Вопрос заключался в том, как «примирить» эти, очевидно конфликтующие друг с другом, данные. Было предложено множество гипотез, как это сделать. Гипотеза перманентного дохода, которую предложил я, как мне кажется, является наиболее элегантным способом логического объяснения различий между данными. Она предусматривает в качестве отдельных случаев почти все альтернативные гипотезы, таким образом, консолидируя большую часть как эмпи-

рических доказательств, так и теорети-
Рис. 6.4. Милтон Фридман, март 1992 г. ческого анализа.
Тейлор: Мне кажется, что ваша ха-
рактеризация проблемы путем выделения сигнала, как мы называем это сегодня, выглядела в то время довольно революционно.
Фридман: Начало ей было положено в моей более ранней работе, где я использовал данные Саймона Кузнеца по доходам от частной практики. В ней я представил в упрощенной форме концепцию перманентного и кратковременного дохода, а затем просто перенес ее. В исследовании данных по доходам от частной практики у меня было три категории дохода: перманентный, квазиперманентный (то, что я называл промежуточный) и краткосрочный. Позднее я свел их к двум.
Тейлор: Откуда возникла идея использования подобных методов статистической декомпозиции в экономике?
Фридман: Все оттого, что я одновременно становился экспертом в области статистического анализа.
Тейлор: Это пример преимущества, которое таит в себе такое небольшое «перекрестное опыление». Вашу работу по функции потребления порой характеризуют как своего рода критику кейнсианского понимания функции потребления.
Фридман: Я так не думаю. Это не критика, это просто иллюстрация того, что кейнсианская функция потребления является не долгосрочной, а краткосрочной, как и определил ее сам Кейнс.
Тейлор: Согласились бы вы с тем, что ваша теория подразумевает нестабильный характер кейнсианской модели?
Фридман: Я думаю, что поспорил бы с этим.

Отдача от монетарной экономики

Тейлор: Когда вас начала интересовать монетарная экономика?
Фридман: Все началось, когда я работал в Министерстве финансов в 1941-1943 гг., поскольку тогда на повестке дня стоял вопрос, что мы собираемся сделать для сдерживания инфляции. Все знали, что во время Первой мировой войны лишь небольшая часть налогов направлялась на ее финансирование, и когда началась Вторая мировая, то правительство было решительно настроено на то, чтобы увеличить долю налогов в финансировании военных действий. Одновременно также стояла проблема прогнозирования инфляции, вот почему я оказался там. Я работал в отделе, занимавшемся исследованиями в области налогов. Мы готовили для Конгресса предложения по налогам.
Проблема, интересная как с политической, так и с научной точки зрения, состояла в том, что в Администрации была группа людей, являвшихся сторонниками контроля цен. Они не хотели, чтобы мы выступали со своими предложениями по поводу налогов, поскольку боялись, что мы скажем о возможности остановить инфляцию с помощью налогов и без контроля над ценами. А они хотели контролировать цены.
Мы занимались вычислением суммы налогов, которая позволила бы остановить инфляцию. Наши оценки были намного выше, чем соответствующие оценки наших оппонентов — приверженцев контроля над ценами.

Через месяц после того как был принят закон о регулировании цен, их оценки были намного выше наших. И *теперь* им нужна была помощь, которую они рассчитывали получить от налоговой системы.

Тейлор: Почему никто в течение всего разговора об инфляции не сказал ни слова о деньгах? Они вообще были предметом обсуждения?

Фридман: Едва ли. В результате кейнсианской революции деньги практически отошли на второй план. Оглядываясь назад, я спрашиваю себя, как, черт возьми, я мог такое сделать? Я изучал монетарную теорию в Чикагском университете и позднее, но после кейнсианской революции все строилось только на налогах и расходах, все сводилось к фискальной политике. Поэтому я пытался найти ответ на вопрос, «какой должен быть уровень налогов, чтобы остановить рост инфляции». При достаточно экспансивной денежно-кредитной политике никакой количество собираемых налогов не смогло бы изменить ситуацию. Вопрос был неправильно поставлен. Надо было искать ответ на вопрос, «какая денежно-кредитная политика нам необходима». Это результат типичного мышления того времени.

Тейлор: Это происходило, когда вы в 1942 г. написали для *American Economic Review* статью об инфляционном разрыве. Когда вы вновь вернулись к базовой монетарной теории, которую изучали в Чикаго?

Фридман: Судя по записям — в период публикации новой версии этой статьи в *Essays in Positive Economics*, в 1 953 г. Я добавил раздел, посвященный деньгам, и сноску о том, что первоначальная статья без этого раздела была неполной. Видимо, это случилось за несколько лет до того, когда я вдруг понял или кто-то помог мне понять, что деньги имеют значение. Я уже не помню.

Правила фискальной и денежно-кредитной политики

Тейлор: Не могли бы вы рассказать о двух ваших ранних работах по стабилизационной политике? Одна из них была посвящена правилам фискальной политики и, конечно же, касалась вопроса денег. А во второй вы делали акцент на правила роста денежной массы.

Фридман: Конечно. В то время, когда я писал эти работы, я считал, что деньги важны, но количество денег должно варьироваться антициклично — увеличиваться во время экономического спада и сокращаться во время роста. Правила для налогов и расходов, которые позволяли бы в среднем иметь сбалансированный бюджет, несмотря на дефицит и излишки в течение цикла, могли бы автоматически правильно регулировать количество денег. Я занимался статистическим анализом роли денег и взаимосвязью между денежной массой и денежным доходом. Я пришел к выводу, что все слишком усложнено и нет необходимости так беспокоиться о фискальной политике, вы должны сконцентрировать внимание на поддержании постоянного увеличения предложения денег. Подобный вывод, думаю, является результатом эмпирического доказательства.

Тейлор: Послужил ли в какой-то степени причиной тот факт, что взаимосвязь между бюджетным дефицитом и излишками и изменением денежной массы, а также изменениями денежного мультипликатора была не

столько сильной?
Фридман: Отчасти да. Отчасти это было результатом того, что фискальная политика никак не была связана с экономикой.
Тейлор: Я помню, Роберт Лукас как-то сказал в отношении ваших предложений о постоянном росте денежной массы, что они рассчитаны на длительную перспективу, но прекрасно работают также и в краткосрочном плане. Вы в большей степени думали о долгосрочной перспективе? И что вы скажете относительно использования ваших предложений в краткосрочной перспективе?
Фридман: Думаю, что в большей степени я ориентировался на долгосрочную перспективу. Я всегда считал, что необходимо стараться разрабатывать принципы с точки зрения использования их в долгосрочном плане.

Если вы хотите стабильности в позиции государства, вы должна рассматривать все вопросы с точки зрения долгосрочных перспектив.
Тейлор: Есть ли у вас ощущение, что это может работать и в краткосрочном плане?
Фридман: Нет, не думаю.
Тейлор: Но разве ваше первое предложение этого не предполагает?
Если во время экономического спада при дефиците денег вы увеличиваете денежную базу, а во время бума из-за возникших излишков денег вы, наоборот, тормозите рост денежной базы, то это, как мне кажется, можно рассматривать и как краткосрочный эффект.
Фридман: Так и было. Это наследие кейнсианской мысли. На самом деле, я считаю, это была пустая трата сил и времени — пытаться примирить идеи Кейнса и монетаристов.
Тейлор: Ваши размышления на тему денежно-кредитного регулирования и ваша работа в области статистического анализа были как-то связаны между собой? Вы рассматривали это как проблемы регулятора, стабилизаторов?
Фридман: Думаю, что да. Тема экономических регуляторов или стабилизаторов появилась не сегодня. Левис Кочин из Вашингтонского университета написал серию статей, посвященных анализу экономических регуляторов, воздействующих на взаимосвязь между количеством денег в обращении и состоянием экономики.
Тейлор: В продолжение темы денег и денежно-кредитной политики: в начале 1950-х гг. вы были одним из немногих, кто развивал тему денежного обращения, но настоящая дискуссия на эту тему началась только в 1960-х гг.
Фридман: Полемики на эту тему не было, поскольку все меня считали тогда эгоцентричным. В 1950-х гг., наверное, только в Чикагском университете, а также в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе шли какие-то обсуждения темы денег.
Тейлор: Вам не кажется, что ваше предложение фиксированного темпа роста денежной массы или ваши эмпирические доказательства значительной роли денежной массы для экономики стали причиной споров?
Фридман: Я не уверен. Что касается фиксированного темпа роста денежной массы, то необходима была эмпирически доказанная теория с

использованием понятия денег в самой модели. Это не моя идея, не я придумал этот принцип, его предлагали задолго до меня разные экономисты.
Тейлор: Все же благодаря этому вы получили признание и, я считаю, заслуженно.
Фридман: Возможно, я просто больше и лучше об этом писал.
Тейлор: Но если вы объясняете что-либо более ясно и подробно, чем это делали другие, вы подвергаете себя большей опасности, несете большую

ответственность и поэтому должны получать большую часть славы, если вдруг окажетесь правы.
Фридман: Конечно, и раньше были аргументы в пользу того, что деньги играют важную роль в экономике — в частности, в результате так называемых AM/FM радио-дебатов [Андо и Модильяни против Фридмана и Мейзелмана].
Тейлор: Да, таких дебатов больше нет.
Фридман: Они закончились, все пришли к согласию по основным вопросам.
Тейлор: Согласились с вами?
Фридман: По большей части, но не полностью. Я до сих пор придерживаюсь некоторых крайних взглядов в отношении вопроса несущественности фискальной политики для экономики в целом.

Использование моделей в монетарной экономике

Тейлор: Глядя на полемику монетаристов и «фискалов», создается впечатление, что большинство ваших работ носит эмпирический, а не теоретический характер. Изредка в них можно найти макроэкономические модели, но они не занимают в них главенствующую роль. Я прав?
Фридман: Одна из причин того, что мои работы имели какой-то эффект, на мой взгляд, заключается как раз в наличии эмпирической базы. Думаю, что, не покривив душой, могу сказать: я никогда не выносил суждений по поводу денежно-кредитной или фискальной политики, поскольку верил в свободный рынок. Я считаю, что эмпирический подход в этом отношении более честен и независим. Если бы фискальной политике отводилась более значительная роль, это бы проявилось в виде определенных данных.
Тейлор: В ваших работах по теории потребления, например, вы используете более тщательно разработанные модели, чем в работах, посвященных деньгам. Это потому, что в описании последних очень трудно использовать какие-либо модели? Насколько труднее описывать макроэкономику по сравнению с микро? Почему, на ваш взгляд, существует такая разница?
Фридман: Не знаю. Думаю, что в какой-то степени это связано с использованием математики в экономической науке. Еще Альфред Маршалл говорил об экономической науке: «Переведите полученные результаты на английский, а потом уберите всю математику». Думаю, слишком большой акцент делается на математику как таковую, а не на математику, помогающую понять взаимосвязи в экономике. Я не верю, что кто-либо может на самом деле понять модель, состоящую из 40 уравнений. Никто не знает, что произойдет в будущем, и я думаю, этот способ получения результата не самый надежный.

Тейлор: То, что вы делали во время войны, подразумевало использование комплексных математических моделей?
Фридман: Очень редко. Сегодня подобные модели применяются в исследованиях глобального потепления. Но, на мой взгляд, эти модели не выглядят надежными и точными. Физики, например, обычно используют в своих моделях лишь несколько уравнений. В любом случае, если в модели много уравнений, вы обязаны сделать выводы из каждого уравнения, чтобы оно было понятным. Вы должны не просто представить модель и сказать: «Дальше решайте сами». Я считаю, что человек, придумавший ту или иную модель, просто обязан сделать так, чтобы она была понятна другим.
Тейлор: Я знаю, что многие, кто занимается вопросами общеэкономического характера, не спешат использовать модели по причинам, которые вы сейчас озвучили. Но могут ли модели быть полезны с точки зрения отслеживания большого количества взаимосвязей?
Фридман: Я не хочу сказать, что вы не должны использовать модели. Найдется кто-то, кто придет с моделью и докажет, что я неправ. Люди должны делать то, что они хотят делать. Но, на мой взгляд, вам следует спросить себя, а будут ли в будущем использовать крупномасштабное моделирование. Вы не можете ничего сделать без модели — чтобы вы правильно меня поняли. Вам всегда необходимо иметь в голове какую-то теоретическую конструкцию, которая, по сути, и является моделью. На мой взгляд, большие модели концептуально отличаются от моделей, которые строятся на нескольких уравнениях.

Использование методов последовательного анализа

Тейлор: В последние годы между вами и Дэвидом Хендри развернулась дискуссия, посвященная статистическим вопросам в отношении ваших эмпирических изысканий в области денег. Это касалось в первую очередь современных методов сбора и обработки статистических данных, а также последовательного анализа. Не могли бы вы поделиться вашими взглядами в отношении различных подходов, используемых в последовательном анализе? Какие вы видите в них преимущества и недостатки?
Фридман: Думаю, что главный вопрос здесь заключается в том, насколько обширны сведения, на основе которых вы строите свои доводы. Некоторые современные подходы включают в себя сбор и обработку данных как единое целое. Когда вы пытаетесь применить статистические критерии значимости, вы никогда не знаете, какова у вас степень свободы, поскольку из множества попыток вы отбираете лишь лучшие. Я уверен, у вас будет более надежный базис, если вы вместо того, чтобы полагаться

на слишком подробный анализ небольшого количества данных, проведете более общий анализ большего количества данных, которые будут включать в себя широкий спектр различных условий. Естественные эксперименты, проводимые все чаще по широкому спектру вопросов, позволяют получить более надежные сведения, чем те, которые получены на основе любого более узкого массива данных.
Другими словами, я не верю, что мы, понимая, как функционирует эко-

номика, можем в какой-то степени прогнозировать или интерпретировать небольшие изменения. Самое большое, на что можно надеяться, так это на возможность понять, каким образом происходят значительные изменения. Для этого вам необходимо большое количество различных данных, а не какой-то небольшой узкий массив данных. Если у вас есть комплексная модель, и вы пытаетесь экстраполировать ее на будущие процессы, вы не получите надежного результата.

Я очень хорошо это осознал, когда работал в Группе статистических исследований. Одна из проблем, над которой я бился, касалась металлургии и создания авиадвигателей. Во время войны существовал большой проект по созданию сплава, который бы выдерживал высокую температуру. Нас пригласили в качестве консультантов в области статистики, и мы работали в нескольких группах, занимавшихся этой проблемой. Я оперировал огромным массивом данных, полученных в ходе различных экспериментов. Я рассчитал уравнение множественной регрессии, используя данные, полученные в ходе экспериментов с привязыванием веса к лопасти турбины, чтобы посмотреть, через какой промежуток времени лопасть треснет при заданной температуре. Я подставлял в уравнение регрессии параметры времени, за которое образуются в лопасти трещины и другие переменные, используя самую передовую теорию в металлургии, которую смог найти. Я получил отличную корреляцию. Таким образом я использовал свою регрессию, чтобы узнать, какой сплав позволит лопасти продержаться дольше до момента образования трещины. Были получены замечательные результаты, несмотря на то, что я настоял на ограничении области значений по каждой из переменных, используемых в эксперименте. Согласно моему уравнению, сплав позволял продержаться около 200 часов, прежде чем металл начинал разрушаться. В сравнении с существовавшими сплавами это был бы громадный успех.

В отличие от экономики, у нас была возможность проверить предположения. Я пригласил специалистов из Массачусетского технологического института, чтобы они создали такой сплав и провели испытания. Прошел всего час или два, как появилась трещина. Это был полный провал! Тогда я понял, что вы не можете зависеть от сугубо специфических сведений, используя при этом большое количество переменных. Я использовал полдюжины и даже больше переменных.

Кстати, в то время у нас не было таких высокоскоростных компьютеров, как сейчас. Мне пришлось использовать для работы Mark I и ряд других вычислительных машин производства IBM, которые были в Гарвардском университете. Чтобы рассчитать регрессию с помощью наших настольных калькуляторов, нам понадобилось бы около трех месяцев. В Гарварде мы провели около 40 часов. Это было большим достижением. Сегодня на моем компьютере это заняло бы секунд пять.

Тейлор: Таким образом, вам необходима была большая точность, чтобы рассчитать различные регрессии?

Фридман: Безусловно. Достижения в области компьютеров еще больше усугубили проблему. Намного легче искать высокую степень корреляции. Я не доверяю корреляции, полученной таким путем. Сегодня специ-

алисты мало обращают внимание на качество данных, которые они анализируют, используя при этом более сложные методы сбора и анализа информации.

Тейлор: Как вы уже говорили, ваша работа после окончания университета была связана с обработкой большого массива данных. На ваш взгляд, сегодня такого рода работа приносит большие дивиденды?

Фридман: Нет, не думаю.

Тейлор: Многие молодые экономисты не считают такую работу более интересной по сравнению с теоретической. Вам было интересно этим заниматься?

Фридман: Да, мне нравилось и нравится до сих пор. Это довольно интересно. когда вы пытаетесь докопаться до причины ошибки в данных. Почему это происходит?! Является ли это лишь проблемой в данных?! Затем мы можем, посредством наших великих теорий, попытаться объяснить эти данные. Вот где начинается самое интересное.

Модели реальных бизнес-циклов,
стандартизация и исключение тренда

Тейлор: Вопрос о статистическом анализе и, в частности, о последовательном анализе, касается трендов в экономике, неважно — возвращаетесь вы к детерминированному тренду или нет. Некоторые работы по реальным бизнес-циклам были созданы на основе идеи, что реальный ВВП не возвращается к тренду. Что вы думаете о реальном бизнес-цикле?

Фридман: Я всегда довольно скептически относился к реальному бизнес-циклу, в первую очередь, с точки зрения его эмпирической методологии, которая не приводит в соответствие данные, а стандартизирует их. Думаю, что это нельзя назвать надежным способом для получения необходимых результатов. Евгений Слуцкий доказал это много лет назад.

Тейлор: Не могли бы вы подробнее остановиться на этом вопросе? Почему вы не считаете этот путь правильным?

Фридман: Это прекрасно подходит для выдвижения гипотез, но не для их проверки. Если я показываю вам, что при данной стандартизации статистических данных вы получаете результат, который соответствует данным наблюдений, хорошо, это интересно. Но почему бы не проверить их и с помощью анализа не посмотреть, можно ли таким образом воспроизвести реальные данные и составить прогноз на период, данных по которому у вас не было на момент формулирования гипотезы.

Тейлор: Выглядит так, что одного бизнес-цикла недостаточно.

Фридман: О чем я и говорю. Слуцкий доказал это, аккумулировав случайные экономические шоки. Возможно, ряды Слуцкого находятся здесь *[показывает на рис 6.1]*. Я уверен, что краткосрочные колебания в экономике являются просто аккумулированием случайных шоков. Я не верю в существование бизнес-цикла. Я считаю, что есть колебания и механизмы реакции на них. Различные составляющие экономики систематически реагируют на нарушения в системе, но, с точки зрения периодически повторяющихся циклов, которые пытался описать Митчелл, не думаю, что они существуют.

Тейлор: Вы разделяете идею о том, что экономика возвращается к

тренду после спада?
Фридман: Да, и других мнений на этот счет я не знаю.
Тейлор: Противоположная точка зрения заключается в том, что если вы находитесь на нижней точки рецессии, то предполагаете, что далее у вас будет только восходящий тренд.
Фридман: Я понял, о чем вы говорите. Нет, нет, я считаю, что существует базисная точка равновесия, и экономика в целом будет возвращаться именно туда. Но этот тренд может иногда меняться. Конечно, если что-то продолжается уже 100 лет, то вы должны быть довольно скептичным, сказав, что этого больше не случится!
Гипотеза естественного уровня безработицы
Тейлор: Давайте поговорим о концепции равновесия, которая благодаря вам стала столь известной, а именно о естественном уровне безработицы. Ваше выступление перед Американской экономической ассоциацией в декабре 1967 г. было посвящено кривой Филлипса и гипотезе естественного уровня безработицы. Оно стало событием. Не могли бы вы об этом рассказать?
Фридман: Основные идеи моего выступления были предварительно озвучены в моих комментариях на установочном заседании, протоколы

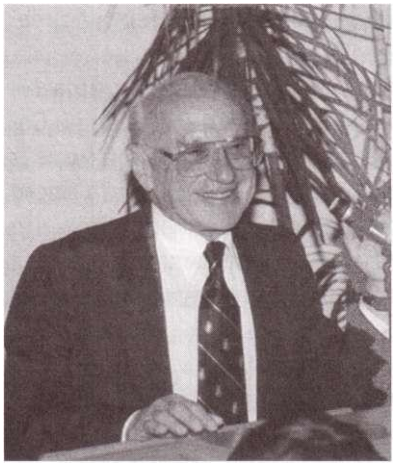
которого вошли в книгу под редакцией Джорджа Шульца и Роберта Алибера (Солоу, 1966 г.).
Уверен, что основная идея родилась в результате дискуссии на этом совещании, и в первую очередь — относительно работы Самуэльсона и Солоу, посвященной кривой Филлипса. Не могу сказать точно, в какой момент у меня возникли такие идеи. Все, что я знаю — это то, что с момента моего выступления в 1967 г. не появилось ничего нового в сравнении с тем, что я опубликовал ранее. Во время моего выступления председательствовал Артур Бёрнс. Он как всегда хорошо воспринял мое выступление — ему обычно нравились мои работы.
Тейлор: Вы шутите. Он прочел все ваши работы?
Фридман: Да, прочел. Мне тоже нравились его работы. Несмотря на то, что я говорил о его руководстве ФРС, я считаю его первоклассным экономистом. У него было особое чувство языка, которое он умело использовал. Он был бесценным критиком моих работ. Не поймите меня неправильно — он не всегда соглашался с тем, что я писал, и в тот раз я не был уверен, что он согласится со мной. Но он был из тех, кто дал свои комментарии еще на стадии первых черновиков. В то время я и не думал, что это может произвести такой эффект. Это произошло по счастливой случайности, что вы протестировали мои идеи сразу после этого.
Тейлор: Да, это произвело впечатление.
Фридман: Это был один из тех немногих случаев, когда прогноз позже подтверждался.
Тейлор: Долго ли вы размышляли о том, насколько правильной будет эта тема для выступления перед Ассоциацией?
Фридман: Всегда хочется говорить о том, над чем работаешь в данный момент. Тогда моя работа была связана с денежно-кредитной политикой, поэтому я и говорил о роли денежно-кредитной политики.

Тейлор: Конечно, эта работа дала толчок для написания работ другими специалистами. Можно сказать, что революция в сфере рациональных ожиданий произошла благодаря этому исследованию, поскольку вы сконцентрировали свое внимание на ожиданиях.

Фридман: Я считаю, это было важно. Но что касается рациональных ожиданий, то здесь, на мой взгляд, большая заслуга Боба Лукаса.

Рациональные ожидания

Тейлор: В связи с этим хотелось бы задать вам вопрос о причинах краткосрочного влияния денег. Как вам кажется, это в большей степени фактор несбывшихся ожиданий или здесь сыграли свою роль замороженные цены и заработная плата?



Фридман: И то и другое, безусловно, можно считать серьезными причинами. В конце концов, соглашение о заработной плате заключается не на один день — его заключают на год, два, три. Довольно дорого обходится изменение цен и т.п., но я считаю, что наиболее важно, что тенденция в отношении ожиданий должна учитывать прошлые события, и ее корректировка должна происходить не так быстро. Изменение ожидания под влиянием произошедшего события требует какого-то времени.

Тейлор: Означает ли это, что вы не согласны с теорией рациональных ожиданий?

Рис. 6.5. На праздновании 80-летия, организованном Институтом Фрейзера в Ванкувере в 1992 г.

Фридман: Принципиально — нет. Вопрос в том, «как вы формируете ваши рациональные ожидания». Вы говорите о том, что случится завтра. Цена будет либо расти, либо нет. Если она повышается, то вероятность того, что она повысилась, равна единице, вероятность того, что она снизилась, равна нулю.

С рациональными ожиданиями вы поступаете следующим образом: вы спрашиваете себя, какова вероятность того, что завтра движение будет восходящим или нисходящим. Вам необходимо сказать себе: «Есть ожидание. Как я узнаю после того, как произойдет событие, сбылось оно или нет? Я утверждал, что вероятность того, что цена пойдет вверх, равна 60%, и она на самом деле повысилась. Является ли это подтверждением? Не могу сказать. Мне необходимо большое количество подобных примеров». Поэтому я не вижу особого смысла в идее «точных рациональных ожиданий». Если идея заключается в том, чтобы попытаться спрогнозировать то, что будет завтра, то в этом случае рациональные ожидания, безусловно, имеют смысл. Но на чем строятся эти рациональные ожидания? Они строятся на прошлом опыте, поэтому в ожидании будет присутствовать некоторое отставание, которое необходимо наверстывать.

Роль дискуссий в монетарной экономике

Тейлор: Думаю, что споры, которые ведутся в макроэкономике, помогают привлечь людей к этой науке, заинтересовать их ею, способствуют их более активной исследовательской деятельности. Была ли у вас какая-то стратегия инициирования дебатов?

Фридман: Не думаю. Просто так получалось. Большинство вещей, которые происходят сами по себе, оказываются более ценными и интересными, чем те, которые вы планируете!

Тейлор: Как вы стали таким прекрасным полемистом? Это тоже произошло само собой?

Фридман: Да, именно так.

Тейлор: Вы не были полемистом в колледже?

Фридман: Меня могли вовлечь в полемику, но активно я этим не занимался. Я просто люблю поговорить, только и всего! И люблю поспорить. Мне нравится, когда есть стимул найти различные аргументы в поддержку своего мнения. Но я никогда ничего не предпринимал, чтобы стать полемистом.

Тейлор: Это хороший способ заинтересовать людей.

Фридман: Согласен с вами. Людям нравятся те, кто готов отстаивать свою позицию, кто не пытается все время изменить свою точку зрения. Что касается экономиста, он должен придерживаться одной конкретной точки зрения.

Тейлор: Мне часто приходится себя контролировать, чтобы не сказать «но с другой стороны...».

Фридман: Вот именно!

Тейлор: А вы даете себе четкие установки, что-то делать или не делать?

Фридман: Нет, никогда. Многие считают, что я всегда строю какие-то долгосрочные планы, что я планировал ту или иную кампанию. У меня никогда не было и мысли о том, чтобы что-то планировать. Просто все случается так, как должно было случиться. И большую роль в этом играет просто удача. Это можно сравнить в какой-то мере с президентскими выборами.

Капитализм и свобода сегодня

Тейлор: Давайте поговорим о вашей работе над темой капитализма и свободы. Книга «Капитализм и свобода» (Capitalism and Freedom) была опубли-

кована в 1962 г. и оказала влияние на умы людей во многих странах. Но продолжение вы решили не писать. Почему?
Фридман: Думаю, что в этом смысле подобной книгой является «Свобода выбора» (Free to Choose), в которой тема рассматривается с другого ракурса. Но вследствие того, что моей основной сферой деятельности являются наука и экономика, остальное уходит на второй план.
Тейлор: Вы имеете в виду «Капитализм и свободу»?
Фридман: Совершенно верно. Это была серия лекций, которые я читал в Колледже Уобаш в 1956 г. на летней конференции для старших преподавателей. Организаторы хотели, чтобы я сконцентрировался на свободных

рынках, и эти лекции легли в основу «Капитализма и свободы». Эта книга не задумывалась с самого начала как книга.
Тейлор: Много времени ушло на их подготовку?
Фридман: Мне потребовалось время для написания лекций, а также много времени для редактирования самой книги, но это было скорее хобби, чем работа. Большую часть работы по обработке расшифровок лекций сделала моя жена.
Тейлор: То есть книга была частью вашей общественной работы?
Фридман: Это мое любимое занятие. Очень часто ко мне приходили студенты со словами, что они хотят продвигать идею свободных рынков или заниматься политикой. Мой совет был один — не делайте это своей профессией. Займитесь тем, во что верите и с чем можете работать, это может не иметь какой-то идеологической составляющей, таким образом вы создаете некую базу. Затем вы начинаете заниматься общественной деятельностью; так или иначе, она сама найдет вас и будет влиять на то, во что вы верите, — причем больше, чем ваша вера будет влиять на нее. Поэтому я считаю, что люди слишком долго засиживаются в Вашингтоне.
Тейлор: Помню, как-то во времена своей работы в Вашингтоне, когда я был членом Экономического консультативного совета, вы мне сказали то же самое. Я попросил у вас поддержки по одному важному вопросу, связанному с политикой, и ваша первая реакция была: «Почему бы вам не вернуться в Стэнфорд? Вы здесь слишком засиделись». Как вам удалось стать таким влиятельным человеком?
Фридман: Я старался держаться подальше от Вашингтона.
Тейлор: Хотели бы вы, чтобы появилось новое издание книги «Капитализм и свобода» (Capitalism and Freedom), посвященное современным событиям? Во многом мир становится таким, как вы и предсказывали. Нужна нам еще одна книга? Как вы думаете, меняется ли мир?
Фридман: Да, такая книга нужна, только написать ее я уже не смогу. Во многом все стало хуже. Доля государственных расходов в ВВП сегодня выше, чем в то время, когда вышла книга «Капитализм и свобода». Значительно выше. Если не ошибаюсь, тогда эта цифра составляла 30%, сегодня - 40%.
Тейлор: Вы имеете в виду Соединенные Штаты?
Фридман: Да, Соединенные Штаты. Но так же и во всем мире. Я свел данные по 10-12 странам, и в каждой из них госрасходы росли. Для сообщества свободного рынка более значимо общественное мнение, чем дело-

вого мира. Просто посмотрите на ту систему регулирования, которую мы имеем сегодня, и которой не было раньше.
Тейлор: Это правда, сегодня социальное регулирование более сильное, но миллионы людей во всем мире не так давно освободились от коммунистической системы.

Фридман: Да, верно. Это, безусловно, справедливо в первую очередь в отношении бывших соцстран. Но и такие страны, как Великобритания, Франция или Германия, на мой взгляд, более зарегулированы сегодня, чем 30-40 лет назад. Это только подтверждает, что они идут в неправильном направлении. Поэтому, возвращаясь к вашему комментарию по поводу новой книги «Капитализм и свобода», можно с уверенностью сказать, что эта книга необходима — чтобы начать с того момента, где мы находимся сейчас.

Монетные союзы и гибкие валютные курсы

Тейлор: Теперь хотел бы говорить о денежном вопросе в контексте глобальной экономики. Есть новая единая европейская валюта, и есть Роберт Манделл, который заявляет, что единая валюта нужна всему миру. Обсуждается также и долларизация Аргентины, а Бразилия склонна к тому, чтобы ввести у себя плавающий курс. К чему это все ведет?
Фридман: С научной точки зрения евро — очень интересная валюта. Думаю, что это будет чудо. Может, это немного сильно сказано. Но я считаю маловероятным, что эта валюта будет иметь большой успех. Все бы этого хотели. И я хотел бы стать свидетелем успеха новой валюты с политической точки зрения, но... как экономист. На мой взгляд, существуют реальные проблемы, которые возникают, когда мы видим разницу между Ирландией и Италией. Необходимы различные подходы к денежно-кредитной политике в этих странах, но это невозможно сделать в условиях единой валюты. Это независимые страны и вряд ли многие итальянцы соберутся переехать в Ирландию и, наоборот, ирландцы — в Италию. Поэтому я не разделяю безграничного энтузиазма Манделла в отношении евро. Но интересно посмотреть, как это работает. Например, мне в руки попалось исследование, в котором автор пытался рассмотреть вопрос, как единая валюта повлияет на объем товарооборота между странами. Результат был поразительным. Эффект от единой валюты был в четыре раза больше, чем от географической близости или гибких валютных курсов. Это был лишь небольшой пример.
Тейлор: И остерегайтесь множественной регрессии!
Фридман: Совершенно верно! По меньшей мере, одно я могу исключить из своей оценки рисков для евро — это влияние единой валюты на объем товарооборота между странами. Если это так воздействует на торговлю, то, возможно, это станет некой заменой активному перемещению людей между странами.
Тейлор: Вы думаете, что обесценивание евро это плохой знак? [В то время 1 евро = 0,9 долл. США.]

Фридман: Ничуть. Сегодня уже понятно, что евро недооценен, а доллар

США переоценен. Европейским производителям недооценка евро на руку, в отличие от простых жителей Европы, в свою очередь это выгодно потребителям в США, но невыгодно для американских производителей. И нет никаких сомнений, что в течение последующих лет никакого сближения позиций обеих валют не будет — евро будет подниматься в цене по отношению к доллару, а доллар будет обесцениваться.

Тейлор: В одной из ваших широко известных работ вы отстаиваете идею гибких валютных курсов, но в этой статье вы делаете больший акцент на микроэкономике, чем на макроэкономике. Не могли бы вы об этом рассказать?

Фридман: Идея написания статьи появилась в результате моей трехмесячной поездки во Францию в 1950 г., когда я работал консультантом в «Программе восстановления Европы», известной как План Маршалла. В это время в Германии были проблемы с платежным балансом, и меня попросили провести анализ предложенных решений этих проблем. Я пришел к выводу, что лучше всего будет ввести плавающий курс немецкой марки, но это не соответствовало установкам того времени, и поэтому решение отклонили.

Тейлор: Эта статья, как и многие другие ваши статьи, имела большой резонанс.

Фридман: Да, так и было.

Тейлор: Вы никогда не думали, почему одни идеи оказывают большее влияние, чем другие?

Фридман: Думаю, что почти невозможно предугадать, какая из идей будет иметь успех. Вы это и сами знаете. Вы ведь не предполагали, создавая «правило Тейлора», что оно станет общепринятой точкой зрения.

Тейлор: Да, вы правы.

Фридман: Срабатывает идея или нет, это воля случая. Многое зависит от конкретных обстоятельств.

Тейлор: Ну что ж, на этом можно и завершить нашу беседу. Но, может быть, вы хотите еще что-то добавить?

Фридман: Да нет. Я и так сказал уже слишком много.

Тейлор: Спасибо вам за интервью. Я получил огромное удовольствие.

ПРИМЕЧАНИЕ

1 Редактируя расшифровку нашей беседы, Милтон Фридман добавил следующее определение понятию «регулятор»:

Температура в комнате при наличии системы отопления, но при отсутствии терморегулятора, будет иметь положительную корреляцию с количеством топлива, поступающего в систему, и может значительно варьироваться. При на-

личии терморегулятора, настроенного на определенную температуру, корреляция между поступающим в систему топливом и температурой в комнате будет равна нулю, а корреляция между поступающим топливом и внешней температурой будет отрицательной. Кроме того, изменения температуры в комнате будут незначительны.

По аналогии, без проведения успешной денежно-кредитной политики для стабилизации экономики (регулятора) будет наблюдаться позитивная корреляция между количеством денег (топливом) и ВВП (температурой), как это показа-

но на рис. 6.1 до 1992 г., и то и другое может значительно изменяться. При проведении успешной денежно-кредитной политики мы увидим нулевую корреляцию между количеством денег и ВВП, как это показано на рис. 6.1 после 1992 г. Денежная масса при этом может значительно изменяться, но ВВП изменяется незначительно (см. рис, 6.1, после 1992 г

ЛИТЕРАТУРА

Solow, R.M. (1966) Comments on "The case against the case against the guideposts." In G.P. Shultz & R.Z. Aliber (eds.), *Guidelines, Informal Controls, and the Market Place,* pp. 55-61. Chicago: University of Chicago Press.

7. ИНТЕРВЬЮ С ПОЛОМ САМУЗЛЬСОНОМ*

Беседовал Уильям Барнетт

Канзасский университет

23 декабря 2003 г.

Обычно тот, кто проводит интервью, начинает материал со вступления, в котором рассказывает об обстоятельствах проведения самого интервью, и дает краткое описание сущности и важности работ интервьюируемого. Однако в этот раз, как редактор журнала, я думаю, что это было бы наглостью с моей стороны давать оценку того, что сделал такой великий ученый, как Пол Самуэльсон. Его вклад столь велик и безграничен (он писал примерно по одной научной работе в месяц на протяжении более 50 лет), что практически невозможно сказать, в какой области современной экономической теории он не оставил свой след1. Его научное наследие включает более чем 550 статей, а также книги, ставшие легендой. Однажды он сказал: «Пусть кто хочет, пишут государственные законы, а я буду писать для них учебники».

Вместо того чтобы собственноручно писать о деятельности Пола Самуэльсона, я ограничился следующей цитатой, взятой (и немного отредактированной) с сайта *The History of Economic Thought* созданного университетом Новой школы (Нью-Йорк)2:

Наверное, Пол Самуэльсон более чем кто-либо олицетворяет современную экономическую науку второй половины двадцатого века. Автора самого успешного учебного пособия (1 948 г.) недаром причисляют к цвету экономической науки, и, как результат, его одновременно и восхваляют и критикуют — в сущности, за все, что он сделал правильно и неправильно.

Самая известная из работ Самуэльсона, «Основы экономического анализа» (Foundations of Economic Analysis, 1947 г.) является одной из величайших книг, возродивших неоклассиче-

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 8, 2004, p. 519-542. Copyright © 2004 Cambridge University Press.

7. ИНТЕРВЬЮ С ПОЛОМ САМУЭЛЬСОНОМ

скую экономическую теорию и давших толчок началу эры математизации экономики. Пол Самуэльсон был одним из тех, кто в послевоенный период применил в микроэкономике правило Парето и в макроэкономике — неокейнсианский синтез. Вундеркинд из поколения выпускников Гарварда 1930-х гг., где его преподавателями были Шумпетер и Леонтьев, Самуэльсон обладал удивительно глубоким пониманием экономической теории, и это впоследствии стало легендой. Ходит даже анекдот. Защита диссертации Самуэльсона уже походит к концу, Шумпетер поворачивается к Леонтьеву и спрашивает: «Как вы думаете, Василий, мы сдали экзамен?»

Рис. 7.1. Пол Самуэльсон

Пол Самуэльсон уехал в Массачусетский технологический институт, где создал один из сильнейших экономических факультетов своего времени. К нему присоединился Роберт Солоу, который стал его соратником и время от времени выступал и в качестве соавтора во многих работах Самуэльсона.

Вклад Самуэльсона в экономическую теорию настолько велик и разнообразен, что перечислить все невозможно. Он был одним из самых плодовитых авторов экономических трудов. Его подход к теории, ярко проиллюстрированный в «Основах» (Foundations, 1 947 г.), вобрал в себя два правила, которые, можно сказать, служат отражением неоклассической экономики. Эти правила можно сформулировать следующим образом: в отношении каждой экономической проблемы следует: 1) сократить число переменных и оставить лишь минимально необходимое количество простых экономических взаимосвязей; 2) если возможно, то переформулировать ее как проблему оптимизации с заданными ограничениями.

Его вкладом в микроэкономику стала теория выявленных предпочтений (1938, 1947 гг.). Эта теория, как и его исследования в области количественного определения и интегрируемости полезности предпочтений (1937, 1950 гг.), проложили путь для последующих исследований Дебрё, Джорджеску—Регена и Узавы. Он также был инициатором использования сравнительной статики и динамики, введя понятие «принципа соответствия» (1947 г.), который он успешно применил в своих от-

крытиях в области динамической стабильности в моделях всеобщего равновесия (1941, 1 944 гг.). Среди его открытий также можно отметить то, что сегодня называют «функцией общественного благосостояния Бергсона-Самуэльсона» (1947, 1950, 1956 гг.), а также введение в неоклассическую теорию понятия «общественные блага» (1954, 1955, 1958 гг.). Самуэльсон также способствовал созданию современной теории производства. В его «Основах» (Foundations, 1947 г.) рассказывается о теореме об огибающей и дается полная характеристика функции затрат. Он также сделал значительный вклад в теорию технического прогресса (1972 г.). Его работы по теории капитала хорошо известны, хотя и спорны. Он вывел одну из первых наиболее известных теорем о незаменимости (1951 г.), а его знаменитая работа, подготовленная совместно с Солоу (1953 г.), положила начало анализу динамических систем Леонтьева. Самуэльсон все это повторил в своем знаменитом труде по линейному программированию, написанном в 1958 г. в соавторстве с Робертом Дорфманом и Робертом Солоу. В этой работе мы также можем обнаружить четкое объяснение магистральной гипотезы линейных систем фон Неймана. Кроме того, Самуэльсон был главным оппонентом Джоан Робинсон в «Кембриджской дискуссии о капитале», сначала защищая тему «замещающей» функции производства (1 962 г.), а позднее постепенно и грациозно смягчая свою критическую позицию (1966 г.).

В теории международной торговли он также оставил свой след благодаря теореме Столпера-Самуэльсона и теореме выравнивания цен на факторы производства (отдельно от Лернера) (1948, 1949, 1953 гг.), а также решению старой проблемы, связанной с торговыми потоками и движением капитала, вопроса трансформации марксистской теории (1971 г.) и других вопросов классической экономической теории (1957, 1978 гг.).

В макроэкономике получила справедливое признание его макродинамическая модель мультипликатора и акселератора (1 939 г.), так же как и кривая Филлипса, представленная миру Солоу и Самуэльсоном (1960 г.). Он также известен своей работой, подготовленной совместно с Аллэ и посвященной популяризации модели «перекрывающихся поколений», которая впо-

следствии нашла широкое применение в макроэкономике и монетаристской теории. Его работа над темой спекулятивного ценового роста (1965 г.) во многом предвосхитила появле-

ние в теории финансов гипотезы эффективного рынка. Всем также известны его работы по диверсификации инвестиционного портфеля (1 967 г.), а также «пожизненному портфелю» (1969 г.)

В 1970 г. за свой вклад в развитие неоклассической экономической теории Пол Самуэльсон был награжден Нобелевской премией.

Барнетт: Не могли бы вы в качестве вступления к нашему интервью дать некий обзор основных тенденций в макроэкономике в период с 1929 по 2003 г.?

Самуэльсон: Да, конечно, но при условии, что мои радикальные упрощения потребуют ссылок на документы, которые можно и представить. Когда 1920-е гг. подходили к концу, выводить понятие макроэкономики уже не было нужды. В Америке, как и в Европе, в книгах о банках и монетаризме рассматривались различные уровни и тренды уровня цен с точки зрения использования формулы Фишера-Маршалла $MV = PQ$. Кроме того, на курсах по бизнес-циклам, особенно в Америке, причинам экономических колебаний давали совершенно разные объяснения: «пятна на солнце», «психологическая уверенность», патологии «недоинвестирования» и «переинвестирования» и т. п. В колледже в Чикаго и до 1935 г. в Гарварде я учился на статистических описаниях Уэсли Митчелла и обзорах Готфрида Хаберлера. Прочтите несерьезную гарвардскую книгу по «Экономике программы восстановления» (The Economics of the Recovery Program), написанную такими известными учеными, как Шумпетер, Леонтьев и Чемберлин, и вы согласитесь с заголовком обозревателя: «Команда лучших умов Гарварда набросали план...».

Увидевшая свет в 1936 г. «Общая теория» Кейнса, которого сравнивали с такими именитыми предшественниками, как Кан, Калецки и Дж. Кларк, постепенно заполнила существовавший на тот момент вакуум. Кроме того, по разным причинам такие столпы парадигмы $MV = PQ$, как Фишер, Викселль и Пигу как макроэкономисты к тому времени уже «умерли».

В начале 1920-х гг. Викселль зашел в тупик, когда в результате предложенной им политики возврата к валютному паритету, существовавшему до 1914г., уровень послевоенной безработицы вырос. Долгое время он был противником закона Сэя и утверждения о нейтральности денег (даже во время дефляции 1865-1900 гг.), но в конце жизни все же сдался. Что касается Фишера, то его личные финансовые потери во время Депрессии 1929-1934 гг. пошатнули его веру в то, что V и Q/V— квазиконстанты в тавтологии $MV = PQ$. Этому утверждению противоречила повсеместная дефляция долга. Пигу же, после того, как в 1936 г. разразился критической рецензией «Общей теории», вызванной в большей степени непочтительностью

Кейнса в отношении Маршалла и «классиков», в 1950 г. в своей работе

«Общая теория Кейнса: ретроспективный взгляд» (Keynes's General Theory: A Retrospective View) признал разумность подходов, представленных в «Общей теории».

Я вспомнил об этой давней истории, поскольку она повторилась где-то в 1950 г., когда Милтон Фридман, как и предшествовавшие «боги», изменил свое мнение и вновь заявил о деньгах в своих энциклопедических статьях и эмпирической истории. Парадоксально, что такой авторитет переметнулся в стан старых победителей, когда происходят такие изменения в области денег и денежных субститутов — ликвидные рынки, связанные между собой телефонией и другими современными средствами коммуникаций, делают ликвидными «безопасные фонды денежного рынка», у которых процентная ставка на ликвидный остаток с фиксированной ценой варьируется от 1 5% годовых до 1%, в зависимости от ценового тренда — они в действительности заменяют величину *M* вектором *(MO, Ml, M2,..., M17,* бесчисленные облигации с жестко установленной разницей между курсом продавца и курсом покупателя...). Мы все — добросердечные ученые — встали на ошибочный путь надежды на социалистические идеи. О таком выборе можно только сожалеть — он характеризует каждого, кто преданно защищает ESP или креационизм, или что-то в этом роде. Еще больше жаль тех, кто поддерживает идею элементарной теории позитивизма, что оправдывает представленную теорию, даже если то, что она обещает, — нереалистично, но только пока она описывает определенные факты приблизительно правильно. Довольно уязвим и ученый, пытающийся *тестировать* конкурирующие теории посредством *упрощенной* линейной регрессии без сложных вычислений грейнджеровской случайности, коинтеграции, коллинеарности и плохой обусловленности, а также использования других эконометрических методик. В качестве примера: когда Кристофер Симс ввел М и *процентную ставку* во множественную регрессию, чтобы проверить систематичность влияния М на Р, *Q/V* или *Q* при постоянном темпе роста предложения денег (М1 — оптимальный ориентир для проведения определенной политики), оказалось, что процентная ставка работает отдельно от агрегата М лучше, чем работает самостоятельно М, без процентной ставки.

Старинная английская пословица гласит: «Чтобы судить о пудинге, надо его отведать». В 1970-х гг. существовал широко известный миф, связанный с работой Тома Куна «Структура научных революций» (Structure of Scientific Revolutions, 1962 г.). Идеи кейнсианства, прекрасно работавшие во времена Кеннеди, положили начало эпохе стабильности на уровне цен и хороших показателей роста *Q,* а также практически полной занятости, дали толчок к появлению нового, совершенного иного, взгляда на макроэкономику после 1966 г. Новая парадигма, монистический монетаризм, как говорится, больше подходили. Таким образом Король Кейнс потерял уважение к себе

7. ИНТЕРВЬЮ С ПОЛОМ САМУЭЛЬСОНОМ

Рис. 7.2. Участники симпозиума, посвященного глобальным проблемам (слева направо): проф. Генри Киссинджер, директор Гарвардского международного семинара; д-р Пол Самуэльсон, профессор экономики MIT и президент Американской экономической ассоциации; проф. Арнольд Тойнби, историк; адмирал Льюис Штраус, экс-председатель Комиссии по атомной энергии и бывший министр торговли; Эдлай Стивенсон, посол США а ООН; и Говард Смит, корреспондент CBS в Вашингтоне, модератор программы. Тема: «Мировая стратегия США как Великой силы». Нью-Йорк, 19 февраля 1961 г.

и уважение со стороны общества. Король умер. Да здравствует Король Милтон!

Давайте посмотрим на факты. Проверьте 10 самых известных моделей прогнозирования периода 1950-1980 гг.: Уортона, Таунсенда-Гринспена, Мичиганскую модель, Резервного банка Сент-Луиса, экономического департамента Citibank под руководством Лифа Олсона и т.д. Когда специалист Федеральной резервной системы (ФРС) ранжировал модели с точки зрения точности представления будущего *за пределами выборки для* всего вектора целевых макропеременных, то оказалось, что после 1950-х гг. монетаризм никогда не был успешным! В начале 1970-х гг. Ширли Алмон в своих исследованиях в течение нескольких кварталов использовал модели с распределенными лагами, включив [M/(-1), M/(-2),...Mi(-п)], и наткнулся на некоторую временную согласованность с реальными данными. Но затем, используя данный инструментарий в Citibank, даже после прибавления эпицикла к эпициклу по Птолемею, получал монетаристские прогнозы, которые систематически расходились с реальными данными. Глубокий анализ данных с исключением показателей *Mi,* которые хуже всего работали, все равно не позволил достичь статистический значимости. Руководство

тут же избавилось от экономического подразделения, посчитав его неоправданным излишеством. Между тем в Федеральной резервной системе продолжали вылизывать старую модель, созданную на базе подходов ФРС, Массачусетского технологического института и Университета штата Пен-

сильвания (ее разрабатывали Модильяни, Андо и др.) и использованную, кроме того, и в Банке Италии. Здесь *денежный агрегат М* уже имел значение. Но *никогда М не учитывался так систематично, как это предполагал монетаризм Фридмана после 1950 г.*

Перебои в поставках в 1 970-х гг. (сокращение поставок нефти странами ОПЕК, неурожай во многих странах мира и пр.) ухудшили прогнозы и вызвали стагфляцию, против которой были бессильны и фискальная политика, и Центробанк. Это показало всю самонадеянность правительственного окружения — правильная прогнозируемая экономическая политика не рождается монетаризмом. Никакого Тома Куна.

Барнетт: Давайте вернемся к вашим работам по макроэкономике, написанным после 1936 г., вашим удачам и неудачам, убеждениям и эволюции идей.

Самуэльсон: После некоторой борьбы с самим собой и с результатами обучения в период с 1932 по 1936 г., я начал использовать основные парадигмы «Общей теории»: миллионы безработных завидуют тем, кто имеет работу, а последние жалеют первых и одновременно постоянно живут в страхе потерять работу. Все это установленные факты и служат доказательством того, что цены не являются жесткими, как этого требует аукционный рынок, — *при условии гарантированной полной занятости.* И с моей стороны было вполне разумно принять эти «микрооткрытия» как допустимые — для создания в 1936 г. новой парадигмы.

Позднее такой ученый, как Лейонхуфвуд выразил сомнение по поводу тонкой интуиции Кейнса и проиграл всевозможные (идентичные!) варианты «Общей теории». Я знаю, он был неправ. В качестве примера для дебатов можно взять так называемую IS-LM — диаграмму Хикса (1937 г.), позднее ее стали называть диаграммой Хикса-Хансена. Хансен никогда не претендовал на то, чтобы считать эту диаграмму чем-то абсолютно новым. На самом деле, ее можно было бы с тем же успехом назвать системой Гарольда-Кейнса. В любом случае она была изоморфной по отношению к появившемуся ранее множеству уравнений Реддавей и подобным множествам, представленным Мидом и Ланге независимо друг от друга. Ранее, будучи студентом второго курса Гарварда, я перенес слова Кейнса в систему, выбранную Лейонхуфвудом для того, чтобы принизить достоинства главной идеи Кейнса и показать ее несостоятельность.

Как дарвинизм не является своего рода религией (какой обычно считается марксизм), так и моя приверженность идеям кейнсианства всегда эволюционировала от кейнсианской примитивной модели ловушек ликвид-

ности и неадекватного включения накопленного богатства и инвестиционных товаров, а при необходимости и независимых переменных, в математические функции, определяющие равновесие и тренды.

К 1939 г., благодаря тезисам диссертации Тобина, которую он защищал в Гарварде, понятие богатства основательно вошло в функцию потребления. Гениальная работа Модильяни, написанная в 1944 г., развила идеи Кейнса образца 1936 г. Все больше и больше нас, американских кейнсианцев, принадлежащих школе Надсена — Тобина, Мецлера, Самуэльсона, Модильяни, Солоу... — начинала раздражать нерасторопность наших английских

коллег, таких как Кан и Робинсон. Отсутствие у них здравого смысла стало явным после доклада Комитета Рэдклиффа в 1959 г. Кан в 1931 г., перед которым я преклонялся, и поздний Кан, который мог заявить, что определение $MV=PQ$ содержит фиктивные переменные, — это два разных человека. Безусловно, преувеличивал ли или преуменьшал Фридман тот факт, что непродуманная политика бюджетного дефицита Рейгана могла систематично приводить к повышению V путем стимулирования высоких процентных ставок, — его макроэкономическая модель могла бы быть менее эксцентричной.

Подозреваю, что большинство экономистов, получивших ученую степень в МТИ начиная с 1980 г., не считают себя кейнсианцами. Но они, как и другие современные экономисты во всем мире, используют модели, созданные Самуэльсоном, Модильяни, Солоу и Тобином. Профессор Мартин Фельдштейн на праздновании 350-летия Гарварда пожаловался, что на втором курсе кейнсианцы пытались повернуть его *против концепции сбережений*. Тобин и я были в той же группе и поначалу восприняли эти «неправильные» идеи, а начиная с 1955 г. мы оба стали приверженцами неоклассического синтеза, который предполагает, что полная занятость и жесткая налогово-бюджетная политика *увеличили бы прирост основного капитала* в преддверии грядущего демографического цикла. В макроэкономических обзорах Фельдштейна я обнаружил многие из тех парадигм, которые сегодня используются кейсианцами вроде меня.

С другой стороны, внутри любой школы бывают расколы. Тобин и Модильяни никогда не признавали Роберта Эйснера или Сидни Вайнтрауба неокейнсианцами, поскольку они отрицали, что снижение реальных процентных ставок может увеличить прирост основного капитала за счет текущего потребления. Я также не рассматриваю как оптимальный вариант и функциональные финансы Лернера, закрывающего глаза на наличие бюджетного дефицита любого объема до тех пор, пока он не станет причиной роста инфляции.

В 1990 г. я думал, что никогда больше не столкнусь в реальном мире с ловушками ликвидности или парадоксом сбережения, который имел место во времена Великой депрессии и который также помог в формировании

модели финансирования нашей новой системы социального страхования по принципу прямых отчислений из заработной платы. В экономике то, что прогнозируется, как раз и может наступить. Последние 13 лет Япония находится в ловушке ликвидности. Когда в 2003 г. в США ФРС снизила ставки до 1 %, это было намного ближе к 0%, чем к более «нормальным» реальным процентным ставкам в 4-5%. Лучшие экономисты как микро-, так и макроэкономики должны быть готовы к *нестационарным временным рядам* и к трудностям, которые нас ожидают в связи с этим.

Если нам позволит время, то чуть позже я поделюсь своими взглядами на рациональные ожидания и неоклассицизм закона Сэя, а также нейтральность денег в осуществляемых системных изменениях с действительными переменными.

Барнетт: Что вы можете сказать по поводу довольно спорного мнения Фридмана, что его монетаризм в 1950 г. был следствием «забытой традиции» Чикагского университета?

Самуэльсон: Я хорошо знал всех светил науки в университете и сохранил свои университетские записи. И кроме $MV= PQ$ Фишера-Маршалла в макроэкономике мало что было.

Голословное и в каком-то роде противоречащее утверждение на эту тему Дэвида Лейдлера и распространенное через выходцев из Гарварда —

Рис. 7.3. Лауреаты Нобелевской премии в области экономики.
Слева направо: Джеймс Тобин и Франко Модильяни (на заднем плане), Милтон Фридман и Пол Самуэльсон (на переднем плане)

Эллина Янга, Лочлина Карри и Джона Уильямса, гласило, что Ральф Хоутри имел большое (долго игнорируемое всеми) влияние на макроэкономические парадигмы в Чикагском университете в то же время (в 1930-1936 гг.).

И снова я так не думаю. Большинство курсов в университетах «Большой десятки» ссылались на Хоутри, но делали это не слишком основательно. Перед тем, как согласиться со мной по поводу Фридмана, Дон Патинкин отрицал, что во времена его пребывания в Чикагском университете —

в 1940-х гг. — там не было и намека на существование какой-либо традиции — ни в его университетских записях (на занятиях Минтса, Найта, Вайнера), ни в его исключительной памяти. Я провел несколько лет в Чикагском университете — сначала до появления осенью 1932 г. там Фридмана, а затем уже после того, как он отправился в Колумбийский университет и принял участие в исследованиях на тему доходов и расходов.

Я прослушал все предлагаемые в то время в Чикагском университете курсы по макроэкономике, которые вели Минтс, Саймоне, Директор и Дуглас. Тогда же я посещал лекции и дискуссии, посвященные Великой депрессии — с участием Найта, Вайнера, Интемы, Минтса и Гидеонса. В моих записях и памяти нет ничего сверх того, что написал Деннис Робертсон в своей известной книге «Руководство Кембриджской школы по теории денег» о парадигме *MV= PQ* Фишера-Маршалла-Пигу.

Важнее то, что как один из лучших студентов старших курсов я имел возможность общаться с такими знаменитыми выпускниками, как Стиглер, Уоллис, Бронфенбреннер, Харт, а также с Фридманом и Гомером Джонсом. Я ничего о подобных вещах не слышал, и никаких убедительных публикаций на эту тему не встречал, поэтому считаю, что не стоит подобный миф выдавать за правдивую историю развития идей. Тейлор Острандер, тогда еще не известный мне, готовил свой диплом в Чикагском университете и сохранил свои записи тех времен. Я попросил его и Уоррена Самуэльса посмотреть свои записи и подтвердить или опровергнуть мои суждения.

Разрушив один из мифов Чикагского университета 1930-х гг., все же необходимо упомянуть еще об одном практически незамеченном гениальном мифе этого места середины 1930-х гг., который касается макроэкономики. Он ни в коем случае не подтверждает гипотезу Фридмана и отражает сомнения в упрощенном монетаризме. И я не могу связать это с влиянием Янга и Хоутри.

Не надо быть вундеркиндом, чтобы заметить в начале 1930-х гг., что традиционные ортодоксальные идеи, касающиеся Закона Сэя и нейтральности денег, не способны были противостоять кризису в США и мировому кризису. Такие глубокомыслящие ученые, как Саймоне и Вайнер уже в середине 1930-х гг. вынесли из современной экономической истории, что столь простая парадигма как *MV= PQ* неадекватна, а ее вывод «Муправляет *PQ»* — ложный.

Кейнс, безусловно, совершил виртуальную революцию с помощью своей парадигмы предпочтения ликвидности, которая признала существование *систематической* изменчивости, предложенной Пигу. В 1950 г. он отрекся от того, что говорил в своей резкой рецензии на «Общую теорию» в 1936 г. — в сущности это было именно то, что в 1950 г. стало «моническим фридманизмом».

Надо отдать должное Генри Саймонсу, который еще до 1935 г., когда я был студентом, обнаружил феномен «ловушки ликвидности». Меня потрясло его заявление, которое выглядело убедительным: если операции на открытых рынках прибавить к объему предложения денег и одновременно *вычесть то же самое* из объема обращающихся казначейских векселей с квазинулевой доходностью, представляющих собой *серьезные субституты*

денег, то в отношении расходов и занятости можно ожидать лишь незначительное увеличение. Необходимо отметить, что это все происходило за несколько лет до 1938 г., когда доходность казначейских векселей стала просто смехотворной (иногда даже отрицательной). Исследования Вайнера и Харди, сделанные по заказу Федерального резервного банка Чикаго в 1935 г., произвели большое впечатление на ряд экспертов, но среди них было не так много тех, кто действительно определял большую политику. Авторы исследований интерпретировали опыт заемщиков, которые не могли найти тех, кто бы им дал ссуду, как знак того, что во время (как мы стали называть) «периодов ловушек ликвидности» очень трудно найти свободные деньги. Надежные казначейские векселя очень дешевы только потому, что недостаток кредитных ресурсов снижает деловую активность и таким образом сводит практически к нулю краткосрочные процентные ставки на рынке. Тезаврирование, которое вызвало замедление темпов снижения V, не является психологическим отклонением — это скорее оправданное приспособление к миру, в котором ошибочные инвестиции и неразумные траты, превышающие ожидаемые доходы (мультипликатор и акселератор, жесткость цен и зарплат, и т.д.), избавляют вас от потенциальных излишков денег.

Давайте вернемся к статье Фридмана, написанной им для «Мировой энциклопедии общественных наук» (1950 г.), где он рассмотрел различные варианты влияния (без учета ситуации гиперинфляции) i (процентной ставки) и бюджетного дефицита на V. Она позволит нам доказать, что чикагский миф Саймонса-Вайнера-Харди не является столь давним, как это достаточно долго утверждал Фридман. (В защиту Фридмана должен отметить, что ко времени выхода публикаций Вайнера-Харди он уже покинул Чикаго и уехал в Колумбийский университет). Декларация Чикагского университета 1932 г. по поводу увеличения дефицитного расходования бюджетных средств была своего рода признанием ограниченности действия соотношения $\delta(PQ)/\delta M$. Ярый сторонник идей Фридмана с позиции современной логики должен

был отказаться от подписания данной декларации. Тем временем в Лондоне работа Хайека «Цены и производство» (Prices and Production, 1931) оказала влияние на взгляды прежде благоразумного Лайонела Роббинса, который после этого стал высказывать эксцентричные мысли по поводу того, что все, что увеличивает MV и PQ, только ухудшает ситуацию во время Депрессии!

Барнетт: Что вы можете сказать о периоде, проведенном в Чикагском университете?

Самуэльсон: Я считаю датой моего второго рождения 2 января 1 932 г. В этот день в 8:30 я шел по холлу университета на лекцию по мальтузианству. Благодаря новому учебному плану Чикагского университета, подготовленному под руководством Хатчинса, я получил отличное фундаментальное образование: начиная от физики, биологии, общественных наук и заканчивая гуманитарными.

Это был благоприятный момент для начала изучения экономики по двум не связанным между собой причинам. Великая депрессия была на своей начальной стадии, что привлекло в экономическую науку талантливых

людей, дав им пищу для размышлений и поиска новых решений. Чикагский университет был одним из ведущих (если не ведущим) центром неоклассического направления экономической науки. В нем работали Фрэнк Найт, Генри Саймоне, Джекоб Вайнер и Пол Дуглас. Я любил Аарона Директора, своего первого учителя (сейчас ему около 100 лет). Он всегда мыслил нестандартно. Он был единственным человеком, кто (позже) мог говорить о «своем радикально настроенном зяте Милтоне Фридмане». Из-за того, что он провел много времени вне стен Чикагского университета, его послужной список не столь велик. Но, вне всякого сомнения, он является одним из родоначальников второй Чикагской школы — Фридмана, Стиглера, Беккера (после Найта), Вайнера, Дугласа, Шульца, Нефа и Саймонса, а также нынешнего антитрастовского инактивизма.

Это редкая удача — натолкнуться на что-то, что тебе чрезвычайно интересно и при этом иметь к этому определенные способности! То, что я делал, было для меня в большей степени сродни игре. И всегда мои старания возвращались ко мне сторицей.

У Директора практически нет опубликованных работ, но он оказал самое большое влияние на антитрастовую политику, благодаря его несгибаемому нонконформизму возникла вторая Чикагская школа Фридмана, Стиглера, Коуза и Беккера (см. автобиографию Стиглера). Вследствие того, что я поступил в колледж до того как окончил университет, я не попал в осеннюю четверть 1931 г. в программу первого исследования в области общественных наук, в рамках которого изучался новый курс экономики. Нам преподавали старый вводный курс, который в то время уже постепенно начинали сворачивать. В основе лекций Слитчера лежал труд, приписываемый

Рис. 7.4. Столетие Чикагского университета. Слева направо: Роуз Директор Фридман, Милтон Фридман, Пол Самуэльсон и Джордж Стиглер. 1991 г.

Директору, — «Современное экономическое общество», хотя он никогда

особенно лестно об этой книге не отзывался. (В следующей четверти Ллойд Минтс читал свои лекции, составленные на основе бестселлера Ричарда Илайа «Очерки по экономике» (Outline of economics), а также трудов по микроэкономике Эллина Янга). Лучшим же подарком от Директора для меня стало его неортодоксальное заявление, что глава об «арифметике ценообразования» в книге Густава Касселя «Теория социальной экономики» (Theory of Social Economy), была заимствована автором у Вальраса. Мало кто во времена господства «Модели Т» имел представление о математической стороне вопроса, связанного с общим равновесием в экономике.

Но в большей степени на меня оказали влияние Генри Саймоне, Фрэнк Найт и Джекоб Вайнер. Наверное, я прослушал различных курсов по экономике больше, чем кто-либо до 1935 г. В итоге я был очень хорошо подготовлен, когда пришло время поступать в магистратуру Гарварда в 1935 г. В то время я восхищался работами Фрэнка Найта, но со временем это прошло. Самая гениальная мысль, которую Найт хотел тогда донести до нас, заключалась в том, что во время Депрессии, как правило, всегда временно устанавливаются рыночное равновесие и условия закона Сэя. Скорее все-

го экономика возвращалась бы в нормальное состояние лишь по воле счастливого случая, и, возможно, потом жизнь была бы лучше, чем прежде. Возможно. Однако в то время выбор был лишь между коммунизмом и фашизмом. Сам Найт не выбрал бы последнее. Позднее он отказался от этой идеи и внес изменения в свою уже ставшую известной работу. У меня где-то сохранилась копия первой версии текста.

Это объясняет и вторую причину того, почему 1932 г. был для такого страждущего юноши, как я, столь важен с точки зрения начала изучения экономики. Предмет имел массу нерешенных проблем — проблем, на которые математические методы могли бы пролить свет и которые могли бы даже решить. Как я однажды сказал, это напоминает рыбную ловлю в нетронутом канадском озере. Вы забрасываете крючок и вытаскиваете теорему за теоремой. Яркий пример тому Вайнер. Он был великим экономистом и одним из наиболее изучаемых в мире в 1931 г. Он был также тонким теоретиком. Получив соответствующую подготовку в Университете Макгилла и Гарварде, Вайнер мог бы стать одним из ведущих экономистов-математиков. Однако Стивен Ликок и Фрэнк Тауссиг не дали ему никаких математических знаний. Поэтому он в какой-то степени опасался прыщавых молодых людей моего возраста, которые могли бы составить ему конкуренцию в этой области. (Чтобы отдать должное Вайнеру, хочу отметить, что графики к теории торговли, над которой работали Лернер, Леонтьев, я и Мид в 1 930-х гг., Вайнер уже использовал в своей лекции в 1 931 г., и Лернер на ней, скорее всего, присутствовал.)

В течение второй трети XX века я прикладывал немало усилий для того, чтобы поднять уровень использования математических методов. Но развитие науки не ждет, пока придет какой-нибудь гений. Могут прийти другие, и их немало, кто уже познакомился с работами Хотеллинга, Эванса или Фриша, и они решат проблему.

Хотя я и был знаком со многими ведущими математиками и физиками, меня поразило, что когда я рассказывал им о каких-либо нерешенных за-

дачах, они практически ничем не могли мне помочь. И это не удивительно. Это не означало, что Биркхофф, Куин, Улам, Левинзон, Кац или Глисон не способны были ответить на мои вопросы. Скорее всего, это происходило из-за отсутствия мотивации — зачем тратить свое время на какие-то чужие модели из непонятной математической экономики. Хорошо, что доступ к библиотекам Гарварда и МТИ позволял найти любую необходимую книгу. Мне повезло, что Вилсон в Гарварде, протеже специалиста по термодинамике Уилларда Гиббса, давал нам полезные советы, которые помогали в исследовании выявленных предпочтений или в самом начале использования методов неравенств в экономическом программировании после 1945 г.

Барнетт: Существует легенда, что вы в 1936 г. в течение нескольких месяцев сопротивлялись идеям «Общей теории» Кейнса. Это правда?

Самуэльсон: После того как в феврале 1936 г. книги прибыли в Кембридж, я выступил с критикой «Общей теории». Я подозреваю, что моя ревность к принятию революционных изменений в парадигме, предложенных Кейнсом, была в первую очередь продиктована влиянием Генри Саймонса, который заявил, что краткосрочные облигации могут быть субститутами денежного агрегата М при условии низких процентных ставок.

К тому же ранее я согласился с тем, что цены и уровень цен изменяются медленно, поэтому нейтральные деньги и Закон Сэя теряют свою реалистичность. У меня была сотня знакомых, которые остались без работы в 1931-1934 гг., а также сотня знакомых, у которых работа была. Обе группы никогда добровольно не поменялись бы местами, поскольку последние чувствовали себя счастливыми, тогда как первые, имея такие же способности, наоборот, ощущали себя несчастными. Это совсем не то, что происходит, когда на аукционном рынке сравниваются спрос и предложение!

Фактор времени очень много значит. В 1948 г. благодаря сообществу моих довоенных друзей (1 937-1940 гг.), с которыми я проводил свободное время, была опубликована работа «Основы экономического анализа» (Foundations of Economic Analysis). Молодые люди по всему миру принялись пересматривать привычные установки и принципы. Но этого не случилось в 1983 г., когда я подготовил расширенное издание с кратким описанием достижений после 1947 г. Почему же эта, казалось бы, улучшенная книга продавалась хуже, чем ее предшественница? Потому что специалисты и практики во всем мире к концу XX века стали намного более искушенными и опытными. Шумпетер на это бы сказал: «Прибыль монополии снижается, как только знание становится более доступным, и это очень хорошо».

Барнетт: А почему вы уехали из Чикаго в Гарвард?

Самуэльсон: Будь моя воля, я бы никогда не оставил Чикаго, но новый стипендиальный совет по поддержке исследований в области общественных наук, выделивший восемь стипендий для многообещающих молодых выпускников-экономистов, подкупил меня своим предложением отправиться в другой университет. Выбор был между Гарвардом и Колумбийским университетом. Практически в один голос мои преподаватели в Чикагском университете советовали Колумбийский. По ошибке я выбрал Гарвард, даже не зная, что он переживал подъем благодаря, в первую очередь, эмигрантам из Европы — Шумпетеру, Леонтьеву, Хаберлеру, а позднее и Элвину

Хансену.

Три года спустя, уже в Гарварде, я благодарил провидение за свой отъезд из Чикаго — ведь я мог бы пропустить три величайшие революции в экономической мысли XX столетия: революция в математике, в несовершенной конкуренции, а также кейнсианская революция эффективного спроса. Мне жаль, что существует некое соперничество, сопровождающее здоровое развитие научной дисциплины. Останься я тогда в консервативном Чикагском

университете или прими в 1947 г. выгодное предложение стать профессором, мне пришлось бы стать более радикальным, чем я хотел. При моем темпераменте спокойствие для меня намного полезнее, чем участие в полемике. Я говорю только за себя.

Барнетт: В своем интервью для *Macroeconomics Dynamics* (см. главу 5) Франко Модильяни заявил, что в самом начале карьеры отказался от предложения Гарвардского университета из-за главы экономического факультета, которого охарактеризовал как антисемита и ксенофоба. Когда вы получили в Гарварде докторскую степень, были уже признаны одним из лучших студентов, а ваша диссертация была одной из самых неординарных, вы получили предложение из МТИ, но не из Гарварда. Как вы думаете, предрассудки главы экономического факультета Гарварда в то время сыграли какую-то роль в том, что университет допустил такую непростительную ошибку? Если нет, то почему после получения вами ученой степени они тут же не пригласили вас к себе работать?

Самуэльсон: Антисемитизм в академической среде перед Второй мировой войной ощущался повсеместно — и здесь, и в других странах. Безусловно. моя жена, «истинная американка», и я осознавали ценность карьеры в Гарварде. Но к 1940 г. все стало меняться. Возможно, мне не позволяла гордость заискивать перед определенными людьми, которые имели вес при принятии решения о приглашении на определенные должности. Когда МТИ сделал мне интересное предложение, мы подумали, что это позволит проверить, насколько велико желание оставить меня в Гарварде. Когда же мы не увидели особой настойчивости со стороны коллег в Гарвардском университете, мы переехали — и оказались на тех же берегах реки Чарльз, только на три мили ниже по течению.

Это было одним из самых правильных решений, которые я когда-либо принимал. Не прошло и десяти лет, как послевоенный МТИ превратился в центр передовой экономической науки. «Лига плюща» завлекала в свои сети будущих стипендиатов Родса. Мы же, как магнит, притянули большинство членов Национального научного фонда, занимавшихся экономикой.

Барнетт: Расскажите о Гарварде 1930-х гг.

Самуэльсон: Гитлер (а также Ленин) сделали много для американской науки. Леонтьев, Шумпетер и Хаберлер вернули Гарвард к жизни. Элвин Хансен, на мой взгляд, оказал на университет еще большее влияние. Помимо экономики США стали доминировать в физике, медицине и биологии. В конце Второй мировой войны, когда уже не было никаких сомнений в победе, я был направлен от радиационной лаборатории в секретариат Ванивара Буша, чтобы помочь в подготовке проекта документа под названием «Наука без границ» (Science, the Endless Frontier). Биохимик Джон

Эдсалл (Гарвард), психолог Роберт Морисон (Фонд Рокфеллера) и я написали большую часть черновика, конечно же под чутким руководством Изи-

дора Раби, Эдвина Ленда, Оливера Бакли (главы Bell Laboratories), а также других членов указанного комитета Буша. Несмотря на некоторое сопротивление, то, что появилось, было выше моих самых оптимистических прогнозов: Национальный научный фонд (включающий в себя и общественные науки), масштабные Национальные институты здравоохранения выделяли каждому округу в США субсидии для исследований — причем в объемах, которые превышали предварительные квоты, основанные на количестве жителей.

Барнетт: Как вы уже успели заметить, Гитлер стал причиной иммиграции значительной части ведущих экономистов из Европы в США, в том числе Купманса, Леонтьева, Шумпетера, Маршака, Хаберлера и Кузнеца, а также большей части представителей Австрийской экономической школы. В свою очередь они сманили в США еще таких известных европейских экономистов, как Гурвиц, Дебрё, Тейл, Бхагвати, Коуз и Фишер. Но сегодня бытует мнение, что Соединенные Штаты уже не имеют для ученых такого явного политического преимущества, как раньше. Более того, растет число американских студентов, предпочитающих учиться в Канаде. Существует ли в США реальная угроза потери конкурентных преимуществ перед другими странами для привлечения интеллектуалов и, в частности, экономистов?

Самуэльсон: Я не заметил какой-то угрозы для американской науки или усиления конкуренции со стороны других государств. У нас самый большой реальный ВВП, и именно с этим связан приток «мозгов» в страну.

Барнетт: С самого начала в ваших исследованиях чувствовалось сильное влияние физики, вы часто ссылаетесь на ученых-физиков, как, например, в своих «Основах». Как случилось, что вы попали под такое влияние физиков? Вы изучали их работы в каком-то из университетов, когда учились?

Самуэльсон: Я бы совершил большую ошибку, если бы не уделял должного внимания естественным наукам наравне с общественными. Но я был бы неправ, если бы использовал в экономической теории аналитическую математику, которая подходит исключительно для физических расчетов в отношении газов и жидкостей. В своих работах я критиковал некорректные параллели с физикой Ирвинга Фишера (которым я восхищаюсь как великим американским теоретиком). Не избежал моей критики даже такой гениальный ученый, как Джон фон Нейман. Удостоилась моей похвалы только идея Маршалла относительно более *биологического* и менее *физического* подхода к будущей экономике. В то же время это не мешало мне писать на тему демографической генетики и восхищаться работами Фишера на эту тему, правда, не всеми. Возможно когда-нибудь будущие ученые лучше проработают отдельные нюансы.

Барнетт: Когда вы активно занимались научной деятельностью, вы всегда старались «держать руку на пульсе» — практически во всех областях экономической науки. Сегодня же очень трудно представить экономиста с

таким широким спектром интересов. Чтобы иметь вес в какой-либо области

экономики, требуется определенная степень специализации, что теоретически исключает влияние в более широком смысле. Это потому, что экономическая наука расширила за эти годы свои границы или просто еще не появился «новый Самуэльсон»?

Самуэльсон: Сегодня у «нового Самуэльсона» не было бы шанса стать ученым широкого профиля, каким был я, только потому, что появилось огромное количество экономистов-теоретиков и экономистов-практиков. Как вы знаете, я рано начал свою научную карьеру. Я был ненасытным читателем — сидя в офисе Гарвардского *Quarterly Journal of Economics,* я на одном дыхании проглатывал все вновь вышедшие журналы. Микроэкономические инструменты, работавшие в общей теории, работали и в теории торговли. Я способствовал тому, чтобы посткейнсианская макроэкономика подстроилась под методику общего равновесия. Постфишерская теория финансов была на грани подрыва. Банальная статистика, которую нам преподавали в Гарварде, подвигла меня на дальнейшее изучение Фишера, Неймана-Пирсона и Вальда-Сэвиджа.

Помогали и мои литературные способности. Еще до того как ректор МТИ Ральф Фриман попросил набросать простейший текст, у меня уже был за плечами ряд публикаций, в том числе для *New Republic.* Благодаря Хансену я присоединился к сообществу сторонников «Нового курса».

Барнетт: Экономическое сообщество практически в один голос ошибочно заявляло о драматических последствиях Второй мировой войны для экономики страны. Большинство экономистов, в том числе и вы в своей статье в *New Republic,* утверждали, что после войны страну ждет экономический кризис. Хотя были и исключения — например, Элвин Хансен и Самнер Сличтер. Почему многие экономисты ожидали ухудшения экономического положения в стране после войны? Трудно понять, почему этому кто-то верил, особенно в США.

Самуэльсон: Я уже не раз говорил о том, как я ненавижу ошибаться. Однако не всех ошибок мне удалось избежать. Еще больше я ненавижу *сохранять приверженность* ошибочному мнению. Очень рано я научился проверять свои ранее сделанные заявления. Можно многому научиться на собственных ошибках, но мало что можно почерпнуть из собственных побед. К сентябрю 1 945 г. стало более чем очевидно, что несмотря на наличие большого объема сбережений, серьезный и продолжительный спад стране не грозит. И при любом удобном случае я старался исправить допущенную ранее ошибку в своих прогнозах. Несмотря на то, что Хансен был достаточно дальновидным и спрогнозировал послевоенный бум потребления, именно его работы — наряду с трудами Кейнса о сокращении возможностей для инвестирования — способствовали тому, что мои современники предполагали наступление послевоенной депрессии. В отличие от Хансена и

Сличтера, Феллнер и Войтинский дали правильное объяснение ситуации: совокупные сбережения, сделанные за время войны, нормирование ресурсов, а также неудовлетворенная тяга к комфорту и роскоши, а в конечном счете и бензин — все эти факторы стали работать не в условиях военных нужд, а в обстоятельствах мирной экономики с полной занятостью. Я знал, что существует такое мнение, но не мог оценить его жизнеспособность.

(Многие экономисты старой школы оптимистично предполагали, что в 1946 г. в экономике будет наблюдаться полная занятость. Но если за этим утверждением стояла только безоговорочная вера в закон Сэя, их мнения (например, Найта) не были для меня достаточно убедительными).
Хотел бы отметить еще одну ошибку Самуэльсона, допущенную в середине 1940-х гг. Я заявил, что для достижения равновесия на рынке реальная процентная ставка должна быть на уровне 3% и ниже. Это было большой ошибкой, и вытекала она все из того же моего заблуждения относительно уровня занятости. Я был слишком упрям, чтобы отказаться от своего мнения по этому вопросу.
Барнетт: Вы были одним из главных советников президента Джона Кеннеди. Сегодня политики обеих партий очень часто ссылаются на экономическую политику Кеннеди, когда пытаются доказать обоснованность своих предложений. Какова степень вашего участия в разработке и проведении экономической политики Кеннеди и кто еще принимал в этом активное участие?
Самуэльсон: Надо сказать, я принял предложение сенатора Джона Кеннеди присоединиться к его мозговому центру с большой неохотой.
Я был его главным советником по вопросам экономики с момента его выдвижения на президентских выборах до дня инаугурации. Нас объединяла взаимная симпатия и схожесть мышления. Я никогда не жалел о времени, проведенном в Вашингтоне. Этому были две причины. Во-первых, исследования — это то, что я по-настоящему люблю. Во-вторых, это была самая выдающаяся группа экономических советников при президенте, которая когда-либо существовала. В нее входили Геллер, Тобин, Гордон. (Я сделал все, чтобы их также привлекли к работе в группе.) Только когда от меня потребовали, чтобы я больше времени проводил в Вашингтоне — в ущерб Кембриджу, я взбунтовался.
Барнетт: Как вы стали математиком-экономистом? Говорят, что вы начали с физики и математики, и только потом пришли к экономике.
Самуэльсон: Несмотря на то, что у меня еще со школы была склонность к математике, только когда я начал изучать экономику, я понял, насколько полезна математика в решении задач, которые придется решать нашему поколению.
Бьюла Шусмит, старая дева, была известным преподавателем математики. Она преподавала в средней школе Гайд-парк, неподалеку от Чикаг-

ского университета. Некоторые из ее воспитанников стали известными учеными. Двое из восьми награжденных в 1996 г. медалью за вклад в науку были ее учениками — Рой Рэднер и мой брат, Роберт Саммерс. Я прослушал большую часть предлагаемых курсов по математике: алгебре, геометрии и (скучной) тригонометрии. Однако учебный план того времени не предполагал ни вычислительную математику, ни аналитическую геометрию в качестве изучаемых предметов до поступления в колледж. Это большая ошибка. В итоге по окончании первого курса колледжа у меня возникло ощущение, что я просто потерял зря время.

Помимо курса по математике, я активно занимался и самообразованием в этой области. (Я считал детерминанты скучными, пока Джордж Стиглер, тогда уже аспирант, не показал мне детерминанты, выделяемые Генри Шульцем. Это перевернуло мое представление о них.) До того, как я узнал о множителях Лагранжа, я разработал модификацию модели Штакельберга в решении дуополии Курно-Нэша. При разработке теории циркуляции элит я открыл матричное умножение. Это было до того, как я узнал о матрицах — Маркова, Фробениуса или Минковского. В Чикагском и Гарвардском университетах я прослушал курсы Барнарда, Грейвса, Джорджа Биркхоффа, Хасслера Уитни, Маршалла Стоуна и особенно Эдвина Бидвелла Уилсона. Эдвин был единственным протеже Уилларда Гиббса в Йеле. А так как я был главным протеже Вилсона, то можно сказать, что я своего рода «внук» Гиббса.

Слава богу, я был одним из лучших студентов среди своих сверстников, изучавших экономику, поэтому я мог проводить массу времени за изучением математики, сидя в библиотеке. Для меня никогда не существовало предела полезности в использовании более сложной математики. Экономические вопросы, которые вставали передо мной, диктовали, в каком направлении мне продолжать изучение математики, — но не

наоборот. Конечно, моими учителями
были Эджворт, Вальрас, Парето, Гиббс,
Уилсон, Гриффит Эванс, Фрэнк Рэмси,
Боули, Р. Аллен, Хикс, Фриш, Лотка,
Леонтьев и Нейман. Боюсь, что я был
слишком придирчив и часто весьма кри-
тичен в отношении к моим учителям.
Например, открытие фон Нейманом ко-
Рис. 7.5. Пол Самуэльсон и Билл Клин-
тон. Белый дом
личественной полезности в стохастиче-

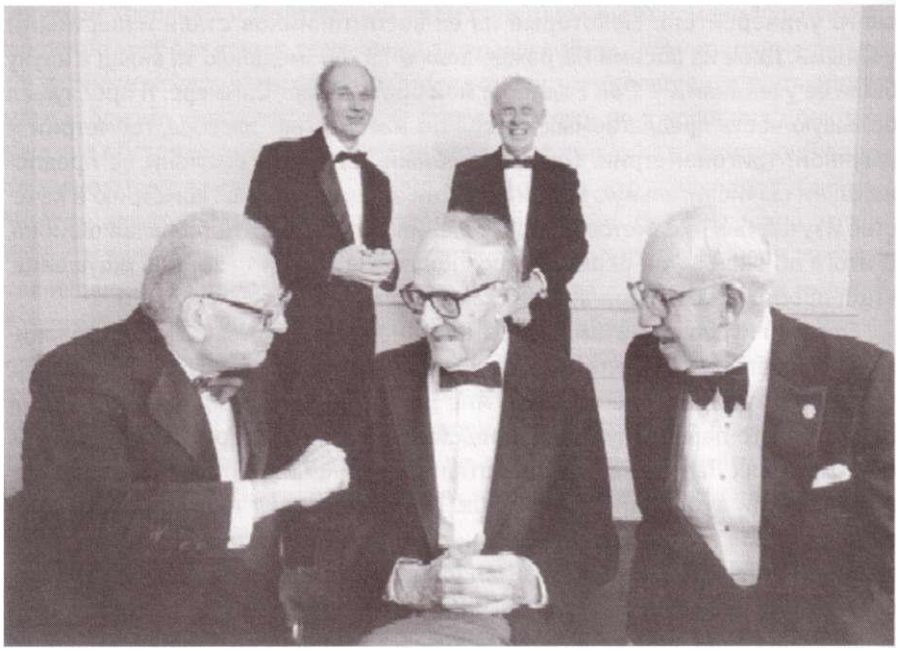


Рис. 7.6. Пол Самуэльсон (на переднем плане слева), Джером Фридман (нобелевский лауреат в области физики), Теодор Шульц (нобелевский лауреат в области экономики), Джеймс Уотсон (нобелевский лауреат в области биологии) и Джордж Стиглер (нобе-
левский лауреат в области экономики) на праздновании столетия Чикагского универ-
ситета, 1991 г.

ском выборе Лапласа подняло вопрос об аксиоме независимости Рэмси-
Маршака-Сэвиджа-Дебрё, так как оно предполагало нулевую аксиому.
Хуже того, он решительно отвергал всякую критику по этому поводу.
В Гарварде в 1935-1940 гг. экономисты практически не изучали стати-
стику — за исключением посещения небольшого семинара Уилсона. Если
не считать специального магистерского курса Шульца, учебный план
студентов-экономистов Чикагского университета выглядел немногим
лучше. В начале 1930-х гг. мне пришлось прочитать небольшую брошюру
Терстона, чтобы получить какое-то базовое представление о статистике.
Только в Колумбийском университете был Роберт Фишер, преподававший
там в 1920-1930 гг. Безусловно, все изменилось, когда появились Вальд,
Феллер, Тьюки и Сэвидж.

Барнетт: Как можно соотнести ваш совместный труд со Столпером и ваше более позднее исследование с Хекшером и Улином с сегодняшними выступлениями против глобализации? Можно ли рассматривать подобные выступления молодежи как проявление левой оппозиции выводам, сделанными в ваших трудах о торговле?

Самуэльсон: Доказано, что торговля позволяет избежать массовой миграции из бедных стран в богатые. Американцы утратили традиционную монополию на передовые технологии и капитал. Общий реальный ВВП США рос в 1950-2003 гг. за счет экономического роста в странах Тихоокеанского региона и ЕС, ориентированного на экспорт. Однако свободная торговля может оказывать систематическое влияние на соотношение темпов роста реальной заработной платы и ВВП на одного занятого, а также воздействовать на всеобщее неравенство. В моей нобелевской лекции [лекция на тему «Международная торговля и богатые страны», прочитанная перед Шведско-американской торговой палатой, Нью-Йорк, 10 мая 1972 г.: Стокгольм, буклет Федерации шведской промышленности, 1972 г.] указывается на то, что богатая страна *может начать терять деньги,* тогда как бедная страна добьется конкурентного преимущества именно в той области, где прежде господствовала богатая. Целью свободной торговли не является помощь *всем* и *всюду*.

Барнетт: А что вы думаете по поводу подхода на основе «рациональных ожиданий» и теории реальных бизнес-циклов? В своей дискуссии с Робертом Шиллером, опубликованной в *Macroeconomic Dynamics* (модератором которой выступил Дэвид Коландер, см. гл. 16), Джеймс Тобин заявил, что теория реальных бизнес-циклов — «враг». В свою очередь, как это можно увидеть по многим опубликованным в журнале исследованиям, использование теории рациональных ожиданий и теории динамического стохастического общего равновесия является распространенным явлением в среде макроэкономистов независимо от их политических взглядов.

Самуэльсон: Да, с этим выражением — «рациональные ожидания» — многое связано. Особое значение имеет «неоклассическая доктрина», которая утверждает, что закон Сэя действует даже в краткосрочном периоде. Я считаю, что в экономике США в 1980-2003 гг. согласно закону Сэя сложились условия, более близкие к квазиполной занятости, чем в экономике США в 1929-1960 гг. или, скажем, в экономике современной Германии и Франции. Но это не обязательно требует применения новой методологии Лукаса-Сарджента. Для этого достаточно двух вещей.

1. Усиления конкуренции между рабочей силой США и более дешевой, но хорошо обученной рабочей силой стран Тихоокеанского региона, которое произошло благодаря более свободному характеру мировой торговли в 1950-2003 гг. Такая конкуренция привела к довольно значительному ослаблению американских профсоюзов — за исключением, может быть, госсектора и некоторых отраслей, чья продукция не представлена на свободном рынке. И сегодня любая, даже незначительная победа профсоюза приближает тот день, когда американ-

екая промышленность переберется за рубеж в поисках трудовых ресурсов.
2. Сдвига симпатий среди избирателей в 1980-2003 гг. в сторону более правых взглядов — этот отход от «альтруизма» связан с тем, что прошло достаточно времени с момента Великой депрессии и Второй мировой войны. В результате профсоюзы могут больше не получить активной правительственной поддержки.
«Обиженная» рабочая сила вынуждена искать убежище под крылом новой системы жесткого корпоративного управления. В отличие от Японии, если глава американской компании избавляется от лишнего персонала, Уолл-стрит реагирует на это повышением стоимости акций этой компании.
Еще одно слабое место «рациональных ожиданий», с которым я согласен, можно выразить так: «Обмани меня единожды, и устыдиться должен ты. Обмани меня дважды — и устыдиться должен я». Историк-экономист Эрл Гамильтон придерживался мнения, что при росте цен на золото в 1500-1900 гг. в Новом Свете номинальная заработная плата обычно отставала от темпов экономического роста. Кессель и Алчиан считали, что люди наконец-то будут в какой-то мере предвидеть долгосрочные процессы. Я отчасти согласен с этим.
Некоторые приверженцы рациональных ожиданий, на мой взгляд, заходят слишком далеко, когда преувеличивают значение «нейтральности денег» и «бессилия государства в изменении *реальных* переменных». Слишком упрощенный монетаризм Фридмана «а-ля 1950-е» подвергся критике «слева» за значительные эмпирические ошибки. Но что должно было еще больше задеть лично его, так это обвинение со стороны последователей Лукаса, обвинявших Фридмана в *ошибочном* представлении, согласно которому неэффективное управление M в $MV = PQ$ может нанести больший вред, чем просто резкое колебание номинального уровня цен.
Современная статистическая методология, на мой взгляд, многим обязана открытиям и инновациям Лукаса, Сарджента, Хансена, Брока, Прескотта, Симса, Грейнджера, Энгла, а также Стока и Уотсона. Но все же до сих пор многое требует анализа. Как ни странно, такая же ситуация и с векторными авторегрессиями, где отсутствует какая-либо теоретическая составляющая. Кроме того, переменные, которые прошли тесты на причинность Грейнджера, могут показать такие же результаты в будущем, как и те, что их не прошли. И вместе с тем нестационарность экономической истории смущает и ослабляет степень доверия к заключениям, сделанным на основе примеров из прошлого.
Это вовсе не ведет меня к *нигилизму,* скорее, только к *реализму* и, как Оливера Твиста, к более *глубоким* исследованиям.

На совещаниях с научными консультантами, проводимыми органами Федеральной резервной системы (ФРС), кто-нибудь из присутствующих обычно выступал в качестве сторонника теории «рациональных ожиданий». Их выводы и суждения казались настолько далекими от возможности практического применения, что на следующем заседании появлялся уже

новый сторонник «рациональных ожиданий». Каждый год из Национального Бюро [экономических исследований] мне на тестирование приходят десятки рукописей, связанных с теорией «рациональных ожиданий».
И лишь небольшая часть из них уходит от меня с отметкой «тест прошла».
Я продолжаю жить в надеждах и сомнениях.
В некоторых кругах бытует мнение, что макроэкономика менее научна, чем микроэкономика, и поэтому менее привлекательна. Я так не считаю. Макроэкономика очень перспективная наука, и на сегодняшней стадии развития требует более взвешенных оценок. Любая живая наука процветает, только когда задаются сложные вопросы, поэтому я трачу все больше времени и сил на исследования в области не микро-, а макроэкономики.
Как автор регулярной колонки я опубликовал уже пару тысяч, а может и больше, разного рода статей. Главное для меня — не столько быть интересным, сколько, по возможности, не ошибиться. Если моя гипотеза остается гипотезой, я так ее и определяю. На мой взгляд, продуктивная экономическая наука может помочь нам объяснить и понять современную экономическую историю. Ученый, который обращается к недавним событиям и делает это ответственно, действительно занимается изучением истории — истории на самом современном этапе развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Возможно, подобные редкие исключения содержат топологические модели, модели, которые основаны на теории игр, а также современную литературу, посвященную комплексной нестабильной нелинейной динамике, солнечным пятнам и несовершенным рынкам. Я бы не удивился, если бы он изменил подобные предположения как неправильно понятые.

2 Текущая ссылка http://cepa.newschool.edu/het/home.htm.

8. ИНТЕРВЬЮ С ПОЛОМ ВОЛКЕРОМ*

Беседовал Перри Мерлинг

Колледж Барнарда, Колумбийский университет

18 апреля 2000 г.

Пол Волкер большую часть своей жизни провел на государственной службе: в Министерстве финансов при президенте Кеннеди (1962-1965 гг.), затем на должности заместителя министра финансов по вопросам денежно-кредитной политики при Никсоне (1969-1978 гг.), президента Федерального резервного банка Нью-Йорка (1975-1979 гг.) и, наконец, председателя Совета управляющих Федеральной резервной системы (ФРС) при Картере и Рейгане (1979-1987 гг.). Он родился в 1927 г. Великая депрессия и Вторая мировая война оказали огромное влияние на формирование его жизненной позиции. Это было время больших испытаний для нации, которые привели к переоценке ценностей и глубоким преобразованиям. Он пошел на государственную службу, чтобы стать непосредственным участником преобразований, но вместо этого волею судьбы пришлось управлять процессами, которые в итоге привели к кризису Бреттон-Вудской системы в международном масштабе и банковской системы Гласса-Стигалла в США. В результате, оглядываясь назад, он сегодня испытывает некоторую грусть по поводу своей карьеры, но одновременно ощущение того, что были достигнуты и успехи. Как бы то ни было, депрессий и мировых войн больше не происходило. Все эти годы в нем жила вера в прогресс и в возможность

его существования.

Это интервью проходило в офисе Волкера в Рокфеллер-центре (Нью-Йорк). Из окон его офиса, расположенного на четвертом этаже, открывается вид на площадь и статую Прометея в венке из позолоченных листьев, крадущего огонь у Богов. Далее можно увидеть изысканное здание General Electric, знакомое каждому, кто хоть раз бывал в Нью-Йорке. Над главным

*** Впервые опубликовано в** *Macroeconomics Dynamics,* **5, 2001, p. 434-460.**
Copyright © 2001
Cambridge University Press.

входом — надпись, взятая из Книги пророка Исаии (стих 33:6): «И настанут безопасные времена твои, изобилие спасения, мудрости и ведения». Меня поразило, насколько надпись соответствует зданию, напоминая тем самым, что это удивительное строение возникло во времена Великой депрессии. Сегодня, читая это интервью, мне также вспоминаются вехи в осуществлении денежно-кредитной политики.

Мерлинг: Я так понимаю, вы всегда интересовались работой именно в госсекторе. Ваше детство прошло во времена Великой депрессии. Ваш отец работал представителем городской администрации в Тинеке. Как можно объяснить ваш интерес к сфере денег? Что привело вас к изучению проблем монетарным аспектам экономики?

Рис. 8.1. Пол Волкер

Волкер: Отчасти — воля случая. Мое первое знакомство с этой темой на академическом уровне произошло, когда я слушал курс «Денежное обращение и банки», который нам в Принстоне читал Фридрих Лутц. В то время он был достаточно известным профессором экономики и очень хорошим преподавателем, обладающим логикой и прямотой. Занятия на его курсе всерьез заинтересовали меня и показались более цельными, чем все остальные курсы по экономике. Тогда я находился под властью иллюзии, что финансовая отчетность всегда составляется корректно и сведения о выданных кредитах или еще чего-нибудь соответствуют действительности. Мне было интересно.

Затем я написал тезисы о работе Федеральной резервной системе. Это было также своего рода случайностью. А еще я очень люблю все откладывать на потом. Я на полгода выпал из учебного процесса, поскольку в период моего поступления в Принстон там было три семестра в год — так они делили учебный год во время войны. Мне необходимо было написать диссертацию, и я в течение весеннего семестра — первого семестра последнего курса — ничего не делал, поскольку не знал, о чем писать. Так я проболтался целый семестр. Не знаю, откуда появилась идея о Федеральной резервной системе, но она мне показалась в какой-то степени проще и понятнее, чем все остальное. Кроме того, как я уже говорил, мне интересна была тема денежного обращения и банков. Так или иначе, моим научным руководителем стал Фрэнк Грэхем. Я никогда не общался близко с преподавателями. Мне казалось, у них нет для меня свободного времени. Но потом меня «приписали» к одному из ведущих преподавателей экономического факультета! Когда я первый раз

с ним встретился — скорее всего, это было в конце сентября — я признался, что сомневаюсь, смогу ли написать работу. Он ответил, что у меня для этого куча времени. «Я волнуюсь, поскольку заканчиваю учебу уже в январе», — сказал я ему.

Никогда не забуду, как здорово он мне тогда помог. Я провел подготовительную работу и примерно в декабре приступил к написанию текста. Я сидел в библиотеке и строчил главу за главой, а потом передавал их Грэхему. Это были большие главы, написанные в обычном стиле, без каких-либо сокращений. Он их быстро прочитывал и возвращал мне со своими комментариями. Вы можете себе представить, чтобы сегодня профессор делал такое?! Он будет настаивать, чтобы это было напечатано, и читать как минимум несколько дней.

Мерлинг: Диссертация была посвящена созданию Федеральной резервной системы, ее истории?

Волкер: Да, я описал историю возникновения ФРС, но в большей степени диссертация была посвящена текущей политике. Пара-тройка глав была отведена под историю, монетаристскую доктрину, доктрину «реальных векселей» и тому подобное. Спустя годы я приехал в Принстон с лекцией. И кто-то из студентов меня спросил: «Я прочел вашу диссертацию. Вы говорите, что мы должны отказаться от идеи независимости ФРС. Можете это как-то прокомментировать?» Я хотел тогда сказать, что процесс образования не заканчивается в колледже! Позже, анализируя все, что я тогда написал, я обозначил главную мысль моей диссертации. Она заключалась в следующем. Если ФРС продолжает функционировать так же, как и прежде, то есть под контролем Минфина, то нет необходимости ей оставаться независимой. С таким же успехом ФРС может быть частью Минфина.

Мерлинг: Затем вы отправились в Гарвард — в Школу государственной политики Литтауэра. Это было сразу после Принстона?

Волкер: Я окончил Принстон где-то в январе-феврале, и у меня было месяцев шесть свободного времени. Я увлекался госполитикой и поэтому отправился в Вашингтон — просто ходил по кадровым агентствам и спрашивал, нет ли какой-нибудь вакансии в госструктурах, в том числе в ФРС. И везде меня ждал отрицательный ответ. Я люблю шутить на эту тему и

вспоминать, как мне отказали в работе в Федеральной резервной системе! Я самостоятельно искал работу, прошел несколько интервью у больших руководителей, но никто из них не хотел брать на работу человека всего на несколько месяцев. В итоге мои поиски завершились тем, что я устроился в Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Это было здорово! Это была моя первая настоящая работа! Потом я поступил в магистратуру.

Мерлинг: Вы уже учились в Школе Литтауэра, когда познакомились с Элвином Хансеном? Вы посещали его занятия? А известные семинары Джона Уильямса?

Волкер: Да, у Хансена был курс продолжительностью в один семестр. Кажется, он назывался «Банковская система и денежное обращение». Это было четкое, логическое изложение кейнсианской теории. В основе курса лежала «Общая теория» Кейнса. Мы подробно ее изучали. Хансен был очень сильным преподавателем — все, о чем он говорил, казалось ясным и понятным.

Уильямс вел вторую часть курса, и весь его материал был туманным и спорным. Он не подкреплял свои доводы никакими цифрами. Это былоаполная противоположность Хансену. И Уильямс и Хансен также вели семинар по фискальной политике. Этот семинар был довольно известным в то время, но я его практически не посещал. Трудно сказать, почему. Возможно, я считал его более продвинутым.

Мерлинг: Благодаря Хансену вы познакомились с Кейнсом, благодаря Уильямсу — с туманными рассуждениями. Чей стиль преподавания вам больше импонировал?

Волкер: Помню, как логически просто и понятно выстраивал свои рассуждения Хансен. Одну из книг, которую мы в то время изучали, написал Ларри Кляйн. Это была книга с сильным эконометрическим уклоном и называлась, если мне не изменяет память, «Кейнсианская революция» (The Keynesian Revolution). Помню свою внутреннюю реакцию на то, что говорил Хансен, и как Ларри Кляйн ее только усилил. Как я убедился позже, он был удивительным человеком — но все было не так просто. Оказалось, что все в мире функционировало иначе. Они свели все к функции потребления, но я подозревал, что мир был намного менее четким и структурированным, чем они представляли его в своих рассуждениях.

В Принстоне было много программ, связанных с экономикой. Еще во время учебы на первом или втором курсе я посещал занятия по экономической теории для студентов старших курсов. Это был курс, который затем стали называть «Бизнес-циклы», но я что-то не припомню, чтобы там когда-либо упоминали Кейнса. И уж конечно мы не изучали «Общую теорию». Я познакомился с ней, только в Гарварде, а в Принстоне преподаватели в основном представляли австрийскую школу. Мы изучали Бёма-Баверка и все, что предлагала в то время австрийская экономическая школа. Все, что говорил Моргенштерн на продвинутом курсе экономической теории, в значительной степени было основано именно на учениях этой школы. Я не посещал начальный курс экономики, но, думаю, и там не слишком много говорили о Кейнсе.

Мерлинг: Вы упомянули о бизнес-циклах и напомнили о вашем выступ-

лении в рамках Лекций Московица в 1978 г. Они назывались «Повторное открытие бизнес-цикла» (Rediscovery of the Business Cycle). Вы заявили, что точная настройка в основном связана с прошлым и долгосрочный цикл может быть отклонен.

Волкер: Я так сказал? Я сказал, что бизнес-цикл имеет психологическую природу.

Мерлинг: Да, вы говорили: «Жадность, страх и высокомерие...»

Волкер: Неужели я так говорил? С годами я пришел к выводу, что высокомерие — порок, который постоянно преследует людей, но я не помню, чтобы я тогда говорил такое. Зато я говорю об этом сейчас!

Мерлинг: Мне интересно, благодаря кому или чему вы пришли к такому мнению о бизнес-цикле в 1978 г.? Благодаря Принстону, Хансену или кому-то еще?

Волкер: Хансен, конечно, здесь ни при чем. В его теориях речь не шла о жадности, страхе или высокомерии. Большую роль в формировании подобного мнения сыграла моя работа в Chase Manhattan, где я занимался исследованием рынков, а также накопленный опыт работы с торговыми операциями в ФРС и банках Нью-Йорка.

Мерлинг: Мы еще вернемся к этому. Но сначала была Лондонская школа экономики, так?

Волкер: Я провел в ней не так много времени. Я собирался написать там диссертацию, но в Лондоне было много отвлекающих факторов.

Мерлинг: Могу себе представить!

Волкер: С другой стороны, эта поездка была очень полезна для меня. Мне жаль, что я не написал тогда диссертацию, — хотя до сих пор я не знаю, стоит ли об этом жалеть. Главное, что я успел сделать в Лондонской школе экономики, так это принять участие в магистерских семинарах по банковской системе, а также по денежно-кредитной политике, которые вел Ричард Сойерс. Как правило, на эти семинары он приглашал людей из Сити или правительственных структур, и они рассказывали о реальных проблемах банков и экономической политике в Великобритании, что конечно же меня в то время очень интересовало. Диссертация, которую я намеревался писать, должна была быть о механизмах проведения денежно-кредитной политики и различиях в этом между Великобританией и США. У Соединенных Штатов была своя унитарная банковская система, очень разветвленная и разнообразная. В Великобритании же насчитывалось 5 больших банков и 2 очень больших. Это было в то время, когда осуществлялся контроль над ссудами и кредитами, контроль над потребительскими кредитами, предъявлялись требования к первичным и вторичным резервам, а также другие меры административного вмешательства. Во многом это было связано с денежно-кредитной политикой того времени и бизнес-циклом.

Я был членом Ротари-клуба. По студенческим меркам это требовало достаточно много денег, но давало доступ ко всем Ротари-клубам, куда бы вы ни приехали, а это было здорово. Я был американским студентом, интересующимся банковской системой. В итоге я решил, как наилучшим образом я мог бы использовать эту возможность. Благодаря моему членству

в Ротари-клубе и поддержке Сойерса, я мог нтервьюировать банкиров по всей Англии, включая глав ряда крупных банков. После пары месяцев путешествий по Лондону и его окрестностям у меня уже было достаточно хорошее представление о том, как работает британская банковская система. Также я посетил Банк Англии и Минфин. Я мог бы написать отличную диссертацию! У меня была прекрасная возможность изучить тонкости денежно-кредитной политики и ее институциональный аспект, но, так или иначе, жизнь ученого меня не удовлетворяла.

Мерлинг: Вы тогда не читали классические работы по банковскому делу, например, «Ломбард-стрит» (Lombard Street) Бейджхота?

Волкер: Да, что-то у Бейджхота я читал. Но помню, что больше прочел у Хоутри.

Мерлинг: «Денежное обращение и кредиты» (Currency and Credit)? «Искусство управления центральным банком» (The Art of Central Banking)?

Волкер: Я не помню названий книг, которые прочел в Лондоне. В то время я читал в основном *The Economist* и *Financial Times* — чтобы быть в курсе всех событий, происходящих на денежных рынках.

Мерлинг: Получается, что вы узнавали о работе денежно-кредитной системы, непосредственно наблюдая за ней, а не из книг.

Волкер: Да нет, я и наблюдал, и книги читал. Надо сказать, что я не посещал регулярно лекции Лайонела Роббинса, которые считались основой курса по экономической теории в Лондонской школе экономики. Они мне казались еще более теоретизированными и абстрактными по сравнению с семинарами Сойерса. Кроме того, я получил хорошую теоретическую подготовку в Принстоне и Гарварде, по крайней мере, на уровне того, о чем рассказывал Роббинс на своих семинарах.

Помню, как на один из семинаров Сойерса пришел банкир из лондонского Сити. Он заявил, что финансы в те годы практически не были международными — причиной тому служили последствия Второй мировой войны, жесткий контроль, разруха и отсутствие доверия. Но в один прекрасный день все должно измениться, и кредитование вновь станет международным. Однако он заявил, что его многолетний опыт показывает — при большом объеме международных кредитов эти операции лучше проводить через банки. В этом случае при возникновении кризиса (а это неизбежно когда-нибудь произойдет) управлять ситуацией будет легче, чем когда кредитование осуществляется через открытый рынок. В этих условиях вы не сможете свести вместе кредиторов, которые разбросаны по миру. С тех пор я никогда об этом не забывал. И жизнь показала, что банкир был прав!

В 1980-е гг. управлять мировым финансовым кризисом было намного легче, чем в 1990-е гг., и именно по этой причине.

Мерлинг: Но вернемся к следующей ступени образования Пола Волкера. Это был Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Вы начали работать

там под началом Роберта Рузы, затем — в отделе открытых рынков. Это же на самом деле можно считать своего рода обучением?

Волкер: Для человека, который собирается стать председателем совета управляющих ФРС, у меня было хорошее образование! В самом начале

моей работы в Федеральном резервном банке Нью-Йорка я занимался исследованием факторов, влияющих на предложение и использование банковских резервов, а также составлял прогнозы. Это была чисто техническая работа, напрямую связанная с операциями на открытых рынках. Я вдоль и поперек изучил положения о ФРС и факторы, влияющие на формирования банковских резервов: кредиты Федеральных резервных банков депозитным учреждениям, обращение денежных средств, наличные деньги, хранящиеся в Казначействе, — колебания ежедневные, сезонные, еженедельные. Я стал экспертом в этой области. Это позволило мне посмотреть на денежный рынок как с практической, так и теоретической точки зрения. Затем у меня появился шанс поработать в отделе торговых операций, где я мог наблюдать за функционированием рынка. Это была редкая удача, я бы сказал, беспрецедентная для экономиста. В то время все было подчинено строгой иерархии и ограничениям. Было ощущение, что пока ты не просидишь достаточно долгое время в отделе торговых операций, ты не можешь работать с дилером государственных ценных бумаг и совершать их покупку или продажу. Ты не сможешь использовать правильно профессиональную терминологию, не будешь чувствовать рынок и можешь по неосторожности дать рынку неправильный сигнал. Но тот факт, что я попал туда, свидетельствовал о том, что ситуация начала меняться. Роберт Руза был одним из руководителей в Федеральном резервном банке. Ему удалось ликвидировать деление, существовавшее между экономистами-управленцами и специалистами, занимавшимися операциями на рынке. Я был одним из первых, кто попал в отдел торговых операций, имея за плечами экономическое образование.

У меня были не столь обширные обязанности. Я писал длинные подробные отчеты о том, что происходило с рынком каждый день, как действовала ФРС и почему. Порой это было довольно скучным занятием, но я действительно ощутил, как работают финансовые рынки и как при этом формируется позиция, которой у большинства экономистов просто нет. Видя, что при более низкой торговой активности колебания на рынке более существенны, я начал понимать всю важность ожиданий. Колебания на рынке происходили в результате воздействия каких-то психологических факторов. Наблюдая за рынком каждый день, вы не можете не заметить, что именно изменение ожиданий меняет, как правило, ситуацию на рынке.

В те времена при колебании рынка государственных ценных бумаг на 4/32 пункта ситуация считалась неспокойной. Конечно, сегодня все изме-

нилось. Тогда нельзя было даже представить, что рынок за день может измениться на целый пункт — а сегодня это уже далеко не редкость.

Мерлинг: Следующей ступенью был Chase Manhattan?

Волкер: Да, это тоже была хорошая школа. Все, что я рассматривал до этого на денежных рынках с технической точки зрения и с позиции ФРС, теперь я мог увидеть изнутри большого банка. В то время существовали ограничения по депозитам, по процентным ставкам, еще не было свободно обращающихся депозитных сертификатов, и, кроме того, сохранялась масса других запретов. Я был посредником между экономическим департамен-

том и остальными подразделениями банка, по крайней мере, в плане финансового анализа.
Кроме того, я выполнял большую работу и для Комиссии по денежному обращению и кредитам, отчасти потому что Дэвид Рокфеллер был президентом Chase Manhattan и членом Комиссии. *Де-факто* я был почти членом команды, работающей в Комиссии. Это было здорово, поскольку позволило мне общаться с ведущими специалистами финансового рынка и лидерами бизнес-сообщества, которые так или иначе были связаны с Комиссией. Среди прочего я познакомился с Маррнером Экклзом.
Мерлинг: Я так понимаю, ваше обучение закончилось, а работа в госструктуре началась по большому счету только в 1 962 г. Это так?
Волкер: Да, наверное. Я не знаю, сколько вам лет, но возможно, вы правы...
Мерлинг: Сорок.
Волкер: Да, тот период может показаться теперь древней историей. Сложно передать человеку вашего возраста то, что чувствовали мы, когда Кеннеди стал президентом. До этого Соединенные Штаты вышли победителями во Второй мировой войне и чувствовали себя властителями мира, уверенными и полными сил. Мы победили в войне и уничтожили серьезного врага. И поскольку США были мировым лидером, в том числе и в экономическом плане, существовала непреодолимая тяга к тому, чтобы поработать в правительстве такой страны. Это было место, в котором разворачивались по-настоящему важные действия и которое притягивало к себе талантливых людей. Это было здорово! Возможно, первоначальный энтузиазм слегка поутих во времена правления Эйзенхауэра, но потом пришел этот чертовски привлекательный молодой парень, полный энергии и уверенности, настоящий американский лидер. «Мы вынесем все и решим любую проблему». Меня, как и многих моих сверстников, это зацепило.
Во второй год правления Кеннеди у меня появилась возможность перебраться в Вашингтон, так как Роберт Руза стал заместителем министра финансов по вопросам денежно-кредитной политики. Помню, как я беспокоился, что все важное успеют решить еще до меня! Это было удивительное возбуждение от стоящих перед тобой сложных задач, которые надо

было решить. Вы чувствуете себя частью чего-то важного. У меня всегда были такие ощущения в отношении правительства, поскольку меня так воспитывали. В конечном итоге это была огромная удача, потому что ко всему прочему Минфин в то время играл одну из ключевых ролей в правительстве, а Роберт Руза был гением.
Мерлинг: Просматривая ваши выступления, я заметил среди прочего, что вы начиная с 1962 г. стали интересоваться вопросами мирового монетарного порядка. Именно в это время образовались первые трещины внутри Бреттон-Вудской системы. Это стало главной темой вашей работы в госструктурах?
Волкер: Возможно, вы правы. Уже мало кто помнит, насколько преподаваемая экономика в 1 940-х, 1 950-х и даже в 1 960-х гг. была сосредоточена на том, что происходило внутри США, а не на внешних рынках. В большинстве курсов международный аспект практически не изучался. Если

взять любой учебник вводного курса по экономике того времени, мы увидим лишь пару глав в конце, посвященных международным рынкам — при этом очень часто преподаватель не доходил до них. Так или иначе, это выглядело слишком поверхностно. Международные рынки большинству людей были не интересны. Естественно, кейнсианский анализ сам по себе был ориентирован на местные рынки. Не помню, чтобы Хансен подробно касался темы международных рынков. В отличие от Уильямса, он был ориентирован на местные рынки.

Помню свое замешательство, когда после бюрократизированного Федерального резервного банка Нью-Йорка я пришел в Chase и обнаружил, что все банки таковы. Конечно, в Chase была бюрократия, но она была менее жесткой, чем в Федеральном резервном банке. Я проработал, наверное, всего лишь месяц и два, когда меня пригласил к себе президент банка, чтобы обсудить что-то мною написанное. Уже не помню, что это было, но после нашего разговора он усадил меня и сказал, что хотел бы поговорить о международной ситуации, о долларе, платежном и торговом балансе. Президент Федерального резервного банка Нью-Йорка никогда не предлагал говорить о подобных вещах!

Помню свое замешательство, когда услышал от него, что он беспокоится о нашей конкурентоспособности, что, по мнению экономистов, в то время не вызывало каких-либо опасений. Но президент был очень консервативным человеком. Он был банкир, и чувствовал, когда дела становились хуже. Это было в конце 1957 г. или в начале 1958-го. Я выпалил тогда распространенное в то время мнение: «Чем больше мы покупаем за границей, создавая долларовый голод, тем быстрее другие страны будут тратить доллары. И здесь не о чем беспокоиться». Где-то примерно в то время котировки золота начали падать. Я был наивен. Этот банкир-практик знал больше, чем я!

Тема международного аспекта экономики по-настоящему затянула меня, когда я работал в Казначействе. Боб Руза мыслил на глобальном уровне. Федеральный резервный банк Нью-Йорка в рамках ФРС занимался международной темой, хотя меня не привлекали к ней, пока я там работал. Этот вопрос был отдан Нью-Йорку, поскольку у Федерального резервного банка были налажены отношения с Центробанками других стран. Вы не увидите большого интереса к теме международных отношений у членов совета управляющих ФРС, как и у правления, в отличие от сотрудников. В Казначействе был совершенно иной подход, так как возвращалась система конвертирования европейских валют, а рынок золота сокращался. Руза был полон решимости достичь стабильности курса доллара несмотря ни на что. Никто в администрации больше не имел права поднимать вопрос о смене валютного курса или цене на золото.

Мерлинг: Это было в 1963 г., когда появился уравнительный налог на доходы по процентам на иностранные ценные бумаги и другие разного рода административные рычаги управления для поддержания системы. Имели ли они смысл? Ведь вы сами говорили, что это повлечет за собой проблемы?

Волкер: По крайней мере, в Казначействе мы не просто сидели и рас-

суждали на тему изменений вообще. Царило мнение, что подобные шаги должны были решить определенные проблемы и были необходимы в качестве временных защитных мер. Только после ухода в 1964 г. Боба Рузы возникло желание провести более серьезные реформы. Специальные права заимствования стали набирать вес уже после ухода Рузы. Он был против каких-либо инициатив в этой области, в основном, думаю, из-за того, что чувствовал: впоследствии могут возникнуть вопросы относительно стоимости доллара.

Мерлинг: Вы покинули Минфин вскоре после Рузы и на какое-то время вернулись в Chase, а затем в 1969 г., уже при Никсоне, опять пришли в Минфин и стали заместителем министра финансов по вопросам денежной политики. Вы занимались в основном вопросами, связанными с кризисом Бреттон-Вудской валютной системы?

Волкер: Да, валютная система тогда переживала агонию.

Мерлинг: И вы, и люди, окружающие вас тогда, методично боролись с кризисом, и в этом заключался общий подход?

Волкер: У меня даже были подозрения — и об этом шептались в Минфине в начале 1960-х гг., что доллар немного переоценен, хотя мы в то время еще имели активное сальдо торгового баланса. Мы тогда еще не были уверены, и я в том числе, что рано или поздно нам придется с долларом что-то делать. Но я не оставлял эту мысль, когда занимал пост заместителя министра финансов по вопросам денежно-кредитной политики. В то время я непосредственно занимался вопросами, связанными с валютным

управлением в условиях кризиса Бреттон-Вудской системы или девальвацией доллара. И я пришел к выводу, что в эту игру я должен сыграть!

Но каким же я был наивным! Было понятно, что скоро должно что-то произойти. Вопрос заключался лишь в том, что можно сделать в данный момент, как сделать, насколько необходимо изменить валютный курс и возможно ли это вообще. Кроме того, необходимо было выбрать для своих действий правильное время — прежде чем ситуация стала бы на вас давить. К концу 1970 г. у меня уже не было сомнений, что необходимо продать часть золотого запаса, в основном для того, чтобы изменить валютный курс. Мы уже преодолели кризис на рынке золота 1960-х гг., и политика установления официальной цены на золото к тому времени несколько раз поменялась. Идея реформирования системы путем увеличения вдвое, втрое и даже вчетверо цены на золото могла рассматриваться как вариант значительной психологической защиты для США, но одновременно и как тревожный сигнал с финансовой точки зрения. Я не думал, что нам удастся изменить валютный курс без приостановления на время конвертирования доллара в золото.

Я всегда полагал, что эта фаза перехода к реформированной системе будет относительно короткой. У меня был разработан предварительный план, но в критической ситуации ваш заранее заготовленный план никого не интересует. Когда наступил кризис, президент Никсон и министр финансов Джон Коннелли были готовы собраться с духом и сделать первый шаг, приостановить конвертирование. Но они не желали предпринимать что-то еще, а это меня удручало. Я был слишком наивен, полагая, что систему

можно реформировать очень быстро.
Мерлинг: А как относился к ситуации Бернс (председатель совета управляющих ФРС)?
Волкер: У Бернса был другой подход, он ничего не хотел делать из того, что тогда предлагалось. И стоял на своем до конца. Не думаю, что он имел какие-то реальные идеи по реформированию системы, не считая того, что, по его мнению, мы могли бы изменить цену золота без приостановки конвертирования. У нас были разногласия по вопросам внутренней политики, хотя я не стремился заходить так далеко, как он, в обсуждении политики доходов и т.п.
Я был убежден, что, поскольку проблема инфляции уже существует, то после того, как мы отпустим доллар или девальвируем его, психологические последствия этого могут быть серьезными. Это могло привести к боязни усиления инфляции. И мы получили стагфляцию, и все пребывали в некотором смятении: как при такой высокой инфляции мог так замедлился рост. Меня захватила идея, что когда наступит время отпустить доллар «в свободное плавание», мы также должны временно заморозить и цены, и это было не такой уж бредовой идеей, как может показаться сейчас.

В итоге вместо планируемых мной 90 дней это продолжалось намного дольше. Все, что нам надо было сделать, по моему мнению, это «успокоить» ожидания. Но 90 дней растянулись почти до двух лет, и денежно-кредитная политика была слишком неопределенной.
Мерлинг: И все сорвалось.
Волкер: Совершенно верно. Это грустная история, и я не могу до сих пор об этом забыть.
Подход глав других государств к решению данного вопроса, конечно же, значительно отличался от нашего. Они нас много критиковали и считали, что наши действия только ухудшат ситуацию. Когда мы в итоге девальвировали доллар, они были потрясены и не знали, как реагировать. Они абсолютно не были готовы к этому. Мы хотели лишь немного изменить валютный курс и провести базовую реформу. Они же предлагали слишком незначительное изменение валютного курса — меньше 10%, чтобы затем просто вернуться к старой системе. Но для нас это не имело смысла. Поэтому вокруг темы изменения валютного курса было так много споров.
Мерлинг: То есть у реформы не было реальной группы поддержки, и Америка не смогла ее создать? В ваших работах чувствуется дух «Города на Холме», то есть Америка как образец для других.
Волкер: Да, так и должно быть.
Мы пытались что-то сделать. В первую очередь это касалось девальвации и Комитета двадцати (Комитет по реформе мировой валютной системы). На это нам потребовалось почти два года. Сегодня об этом забыли, но это была попытка реформировать систему. Я работал в Минфине и на переговорах о реформировании системы представлял интересы США. Не могу даже сказать, насколько близко в итоге мы подошли к какому-то соглашению. Это было очень сложно сделать. Но к тому времени, когда соглашение все же начало как-то вырисовываться, случился нефтяной кризис, из-за чего пришлось свернуть работу.

В качестве напоминания о реформе остались Временный комитет, Комитет по развитию, Комитет двадцати пяти. На самом деле я возлагал большие надежды на создание Временного комитета и Комитета по развитию — это было важно с точки зрения улучшения управления финансовой системы и подключения к дискуссии развивающихся стран. Не могу сказать, что все работало так, как мы планировали. Проблемы и тогда, и сегодня одни и те же. Ничего не меняется. Вы становитесь старше, а аргументы остаются прежними! Мы хотели расширить группу поддержки реформы. Мы хотели привлечь к дискуссии развивающие страны. Мы хотели организовать более откровенный и осмысленный обмен мнениями. Мы хотели собрать вместе министров, чиновников, принимающих важные политические решения, чтобы наладить между ними более близкий контакт для решения проблем уже в режиме прямого диалога. По идее Временный комитет должен

был стать Комитетом управляющих и в конечном итоге стать действующим органом управления в Международном валютном фонде (МВФ). Но мы столкнулись с настолько сильным бюрократическим сопротивлением, что *де-юре* этого не произошло, но *де-факто* в какой-то степени все же получилось.

Мерлинг: Затем вы ушли в Федеральный резервный банк Нью-Йорка, где пережили последствия нефтяного кризиса и серьезную стагфляцию в середине 1970-х гг. Как вы чувствовали себя на посту президента банка в такое время?

Волкер: Я был разочарован. Моя работа в некоторой степени меня расстраивала, правда не так сильно с точки зрения политики, поскольку у меня были возможности влиять на политику, как ни у кого другого в ФРС, если не считать самого председателя. Но между Федеральным резервным банком Нью-Йорка и Вашингтоном — как на уровне отдельных людей, так и самих институтов — существовало соперничество. Безусловно, с годами Нью-Йорк потерял свое влияние, и ощущение независимости и автономности местного резервного банка внутри системы также исчезло. Это было сделано с помощью административных средств, чтобы Совет управляющих ФРС мог вмешиваться в любые даже сугубо административные вопросы, в большие и малые дела. Например, я не очень хотел строить новое здание банка, но в Федеральном резервном банке Нью-Йорка я унаследовал систему экстенсивного планирования для каждого проекта. Совет темнил, а затем вообще захотел отменить проект. Это была большая проблема. Но это не разбило мне сердце, поскольку я знал, что у них на то есть причины, однако все же вызывало массу вопросов. Такие вопросы, как пересмотр заработной платы руководителей банка, были вообще постоянным источником трений. И многое другое, что заставляло меня испытывать чувство глубокого разочарования. С другой стороны, было и хорошее. Несмотря ни на что, пост президента Федерального резервного банка Нью-Йорка был для меня еще одним лучшим местом работы в Федеральной резервной системе, и я думаю, что отношения теперь стали намного ровнее. В конце концов, я работал и там, и там!

Мерлинг: Где-то за год до того, как вы ушли работать в Совет, кажется, вы начали выступать?

Волкер: Я помню лишь два выступления. Одно на Чтениях Хирша по международной валютной системе под названием «Политическая экономия доллара» (The Political Economy of the Dollar), другое — по валютной политике в 1978 г. на съезде Американской ассоциации предприятий электронной промышленности (AEA). Тема выступления была озаглавлена как «Роль целевых ориентиров роста денежной массы в период инфляции» (The Role of Monetary Targets in an Age of Inflation). Идея выступлений сводилась к «практическому монетаризму», поскольку я впервые начал во весь голос

«кричать» о том, что неплохо было бы ФРС обращать больше внимания на целевые ориентиры предложения денег, чтобы как-то дисциплинировать свою политику. Это свидетельствовало о том, что я задумался о возможности адаптирования ряда монетаристских идей — не столько для того, чтобы создать группу поддержки, сколько для формирования действительно последовательной и предсказуемой политики.

Мерлинг: Интересно. Вы упомянули Чтения Хирша, которые в основном посвящались изменению положения доллара в международной валютной системе. Если я не ошибаюсь, идея одного из ваших выступлений заключалась в том, что стабильность на международном валютном рынке — необходимое условие экономического роста. Вы высказывали мысль, что Депрессию 1930-х гг. в некоторой степени если не спровоцировало, так уж точно усугубило крушение международной валютной системы.

Интересно, возвращаясь к вашему решению в 1979 г. использовать «практический монетаризм», насколько важны были подобные идеи международного масштаба применительно к вопросам практически внутреннего характера — таким, как инфляция?

Волкер: Оглядываясь назад, я думаю, что решение носило, главным образом, внутренний характер... Но в этом мире все взаимосвязано, и невозможно отделить одно от другого. Это выступление не было в полной мере направлено на внешний рынок, но стабильность доллара с ним свя-

Рис 8.2. Пол Волкер на совещании в компании MBIA

зана. Я уверен, что идея прогрессирующего темпа инфляции исходила именно от меня.

Мерлинг: Проведение такой политики вызывает у многих сложные и даже неприятные ассоциации. Вы наверняка понимаете, что в любой демократической стране необходимо находить пути и возможности, чтобы объяснить людям обоснованность такой политики, и сделать так, чтобы они с ней согласились. В противном случае они вас прогонят и вы не сможете ничего сделать. С этой точки зрения язык монетаризма зарекомендовал себя как довольно эффективный, не так ли?

Волкер: Меня раздражало, когда некоторые из членов Совета, кто в свое время был полон энтузиазма по поводу проведения подобной политики, стали говорить: «А не является ли это просто своего рода пиаровской уловкой. чтобы избежать обвинения в повышении процентных ставок?» Я никогда так не считал, но огромное количество людей думали именно так. Это было очень просто — сказать, что мы поступили таким образом, лишь бы напустить тумана.

Безусловно, я считал, что проводимая политика сдерживания требовала поддержки. Вы всегда можете вынести на обсуждение вопрос о повышении процентных ставок даже на четверть процента, что практически незаметно в рамках чего-то более глобального. За последнее время ФРС поднимала процентные ставки уже пять раз. Мы повышали процентные ставки пять раз, но почти чисто символически. И трижды это было сделано, чтобы компенсировать последствия азиатского кризиса. Мы наоборот практически не закручивали гайки. Мы делали ставку на тщательно спланированные небольшие шаги по изменению процентных ставок, но это очень трудно — объяснить, каким образом повышенные процентные ставки влияли на инфляцию.

Мне всегда казалось, что существует представление, основанное на здравом смысле: инфляция — это большое количество денег, гоняющихся за небольшим количеством товаров. Можно и совсем все упростить и сказать, что инфляция — это просто явление, связанное с обращением денежной массы. Экономическая мысль, сложившаяся за последние десятки и сотни лет в отношении взаимосвязи предложения денег и инфляции, привела к тому, что в людях эта очевидная зависимость в некоторой степени сидит просто в крови. Поэтому я считал, что мы могли бы объяснить людям необходимость предпринимаемых мер для приостановления инфляции подобным образом, а не просто говорить, что мы должны повысить процентные ставки. Справедливости ради надо также сказать, что у нас не было другого хорошего ориентира, чтобы определить, на сколько следует повышать процентные ставки в разгар нестабильной инфляционной обстановки.

По крайней мере, важна была идея, что надо дисциплинировать самих себя. Люди в ФРС не любят повышать процентные ставки. И существует

опасность, что вы в таком случае всегда делаете мало и слишком поздно. Думаю, что это применимо и к сегодняшней ситуации. Поэтому, когда в обществе реально господствует инфляция, полагаю, очень важно от чего-то

избавиться, чтобы дисциплинировать себя. Для этого вам необходимо знать, каковы риски, — и это имеет смысл в условиях высокой инфляции.
Мерлинг: Вы говорите, что о практическом монетаризме вы начали думать еще до прихода в Совет. Но, наверное, еще кто-то из работающих в Федеральной резервной системе думал на эту тему, не так ли?
Волкер: В той или иной мере. Федеральный резервный банк Сент-Луиса уже проводил строго монетаристскую политику. Но свои знания и представления я черпал не оттуда. ФРС находилась в состоянии фрустрации, и там ходили разговоры о возможности применения монетаристских инструментов преобразований. Еще до того, как я стал председателем Совета, в ФРС были проведены некоторые исследования на эту тему. Вы правы, в ФРС было много упрямства и общих разговоров на тему, что надо что-то предпринимать, но до реализации дело не доходило.
Мерлинг: Мне интересно, какую роль сыграли сотрудники ФРС, когда произошли коренные изменения в рабочей стратегии в 1979 г.
Волкер: В ФРС работали очень квалифицированные специалисты. В общем и целом они были достаточно профессиональны, но неохотно высказывались на тему политики. Иногда они чувствовали себя некомфортно, когда я вдруг поднимал кого-то и спрашивал: «Как вы думаете, что нам следует сделать?» Самый распространенный ответ был: «Это ваша забота». По своему опыту знаю, что они всегда с неохотой шли на что-то большее, чем анализ альтернатив.
В данном случае мало кто из сотрудников ФРС знал о практическом монетаризме. Это было два или три человека, в том числе Стив Аксильрод, один из ведущих сотрудников, который разделял подобные идеи и интересовался новым подходом. Я не думаю, что все сотрудники относились к этим идеям с симпатией. Они не были монетаристами, и я думаю, что идея практического монетаризма для них звучала слишком «по-монетаристски». Но ФРС находилась в состоянии фрустрации и сотрудники, как и многие другие люди, которым, возможно, не нравилась идея такого монетаристского подхода, были готовы к переменам. И в этом не может быть сомнений. Что действительно подвигло меня к необходимости изменений, так это повышение дисконтной ставки во второй раз. Итог голосования составлял 4:3. Я считал, что это был действительно сильный шаг, и мы получим нужную реакцию на рынке, но этого не случилось. В ответ мы услышали: «ФРС выдохлась. Итог голосования 4:3 и, следовательно, это последнее повышение дисконтной ставки». Рынок среагировал на такой шаг ФРС вяло, что удивило меня. Я полагаю, что был несколько наивен. Четко помню, как все было. Я не лез из кожи вон, чтобы убедить тех трех, кто голосовал

против, не голосовать таким образом. Я знал, что у меня есть четыре голоса. Если бы нам было необходимо еще раз повысить дисконтную ставку, то результат был бы тем же — 4:3. Но рынок воспринял это иначе. И я понял, что проблема доверия еще серьезнее, чем я думал. Это и подвигло меня по-настоящему задуматься об ином подходе. Когда я представил свою идею, все ее дружно поддержали, даже те, кто голосовал против повышения процентных ставок.
Мерлинг: Вы имеете в виду Совет управляющих?

Волкер: Совет управляющих и Комитет по операциям на открытом рынке ФРС. Члены Совета меня больше всего удивили, и это даже немного обеспокоило. Не знаю, упоминал ли кто-нибудь из них в прессе, в собственных книгах или выступлениях о том, что тогда произошло. На их месте я бы это сделал. Помню, как на заседании, перед самым голосованием я сказал: «Вы уверены в том, что хотите это сделать? Это очень важное решение. Мы до конца не знаем, что будет с процентными ставками. Вы это осознаете?» Я не смог ни от кого добиться каких-либо комментариев.
Мерлинг: Потом было небольшое заигрывание с кредитным контролем.
Волкер: Это печальная история. К тому времени — это было в начале 1980-х гг. — процентные ставки были на уровне 17-18%. Президент Картер готовился к очередным выборам и с инфляцией особенно не боролись. Бюджет был сверстан, но рынок его воспринял вяло, несмотря на то, что Федеральная резервная система в то время находилась в непростом положении. Все это выглядит ясно и понятно только у меня в голове, но если посмотреть на то, что печатали в то время в прессе, то не все так ясно. Бюджет добавил лишь скептицизма, которого и так было предостаточно. Картер это чувствовал и знал, что должен вернуться к вопросу корректировки бюджета, и это, на мой взгляд, была неплохая идея.
Мерлинг: Чтобы сделать его жестче с финансовой точки зрения?
Волкер: Да, именно так. Это был очень интересный для меня опыт — увидеть, как все работает. Президент настоял, чтобы я присоединился к его людям на Капитолийском холме, поэтому я присутствовал на всех заседаниях с его участием, когда принимались важные решения в отношении бюджета. С другой стороны, это стало для меня своего рода откровением, поскольку во всех этих действиях заключалась попытка найти баланс между требованиями избирателей, а также партийной доктриной и необходимостью сокращения дефицита.
В начале 1970-х гг. был принят закон, который привел в замешательство президента Никсона, — этот закон наделял его полномочиями по введению кредитного контроля. Процедура состояла из двух этапов. Президент мог инициировать введение инструментов кредитного контроля, но исполнением должна была заниматься ФРС. Картер выразил желание ввести кредитный контроль.

Мне не нравилась эта идея, как и всему Совету управляющих ФРС. Мы это обсуждали. В октябре мы представили несколько мер по ограничению кредитования банками спекулятивных операций, но они носили добровольный характер. Идея введения более широких и обязательных кредитных ограничений казалась нам непривлекательной. Прежде всего, не было самой проблемы с кредитами. Мы не смогли найти каких-то намеков на чрезмерное кредитование. Ипотечное кредитование переживало спад, поэтому здесь не могло быть такой проблемы, а сфера недвижимости — одна из самых больших потребителей кредитных ресурсов. Автомобильная промышленность также не слишком активно использовала кредиты, поэтому и здесь не было проблем. Но президент Картер хотел что-то сделать, чтобы, как я думаю, показать американцам, что у нас серьезные проблемы, решение которых требует всяческих ограничений.

Совет, как и я, не хотел вводить подобные меры. Но в итоге я посмотрел на это с другой стороны: страна скатывается к кризису, процентные ставки растут, бюджет переверстывается, и президент хочет, чтобы мы что-то сделали, при этом он оказывает нам всестороннюю поддержку. По крайней мере, он не критикует нас, несмотря на массу поводов для недовольства. Если он хочет это сделать и непреклонен в своем желании заявить об этом, то мы в ФРС вряд ли можем просто сказать, что отказываемся внедрять кредитный контроль. Не знаю, прав я был или нет, но я сказал членам Совета: «Давайте сделаем то малое, что можем — согласовав требование с теми инструментами кредитного контроля, которые у нас есть». И мы разработали план. Мы освобождали ипотечное кредитование, кредитование на покупку автомобиля, кредитование на ремонт дома, а среди кредитных продуктов для частных лиц защищали лишь кредитные карты и то, что в то время относилось к категории необеспеченных кредитов в рассрочку. Ничего из того не было по большому счету чем-то значительным. Мы заявили об установлении особых требований по резервированию того, что будет превышать сегодняшний уровень задолженности. Это были предельные нормы резервирования для всех кредиторов. Мы пытались, насколько это возможно, имитировать рынок, чтобы повысить стоимость ряда потребительских кредитов, которые подверглись ограничению.

Мерлинг: Вряд ли это дало результат.

Волкер: Да, если рассуждать логически. Но мы и не хотели заметных эффектов. Мы хотели просто указать направление. И в один прекрасный день в Белом доме президент заявил о введении контроля над кредитами — на следующее утро экономика рухнула! Я никогда не видел ничего подобного! Конечно, понадобилось какое-то время, чтобы исправить ситуацию, но ежедневно, еженедельно мы натыкались на резкую реакцию со стороны рынка. Внезапно через неделю продажи всего, что мы защищали, — автомобильных трейлеров, передвижных домов и т.п. — упали до нуля. Люди ломали свои

кредитки и отсылали их в Белый дом со словами: «Г-н президент, мы хотим быть патриотами». За какие-то пару месяцев потребление в стране рухнуло. То же самое происходило и с предложением денег, поскольку люди погашали свою задолженность по кредитным картам. Все экономисты либерального толка, а также монетаристы начали говорить: «Если вы равняетесь на предложение денег, то вам необходимо ослабить ограничения». Мы были озадачены. «Мы вас поддержали, когда вы хотели снизить рост предложения денег, и теперь он сокращается на 6% ежемесячно», — что-то около того, быть может, это было не так много, но очень резко — «вам необходимо ослабить вожжи».

Казалось, что экономика после нескольких месяцев сопротивления повышению процентных ставок летела под откос, и мы ослабили хватку. Мы сделали это в большей степени, чем мне хотелось, но мы пытались привести все в соответствие с предложением денег. Через три или четыре месяца, когда масштабы катастрофы были ясны, мы отказались от кредитного контроля. Мы отозвали ограничения, и это было впервые, когда у нас была на то причина. Бизнес, завязанный на продажи конечным потребителям, попал в зависимость от Белого дома. Универмаги особенно были обеспо-

коены по поводу кредитного контроля. Предмет их беспокойства составляли кредитные карты, а также непогашенные кредиты в периоды высокой покупательской активности (в ноябре и декабре). В это время у них возрастают продажи и, соответственно, задолженность по кредитным картам. Они боялись, что введение ограничений сорвет рождественскую торговлю. Мне это как-то не пришло в голову. Я не представлял, когда мы вводили кредитный контроль, что он должен будет просуществовать 6-8 месяцев. Конечно, вы не можете объявить, что это вводится не на 6-8 месяцев, но это было мое сугубо внутреннее ощущение. Универмаги беспокоились не о том, что происходило в данный момент времени, поскольку задолженность по кредитным картам так или иначе снижалась из-за внесезонья. Их беспокоило то, что будет через шесть месяцев.

Мерлинг: Похоже на пример с ожиданиями.

Волкер: Абсолютно точно! Думаю, что это прекрасно иллюстрирует ситуацию, когда прямое вмешательство такого рода может в действительности иметь непредвиденные последствия. Так или иначе, мы отменили кредитный контроль, как только смогли, и, естественно, процентные ставки снизились, и доступ к деньгам увеличился. Экономика восстанавливалась так же быстро, как и падала. Тогда мы действительно оказались в очень трудной ситуации. Нам было сложно поспеть за ростом экономики и инфляции. Это был неудачный опыт, поскольку мы потеряли, на мой взгляд, месяцев восемь или около того.

Мерлинг: Таким образом, вам понадобилось три года вместо двух, прежде чем вы смогли на самом деле изменить ожидания.

Волкер: Совершенно верно. И я никого не виню в этом. Президент Картер попросил ввести кредитный контроль частично потому, что был уверен — его поддержат. Я думаю, что, в конце концов, я мог бы сказать: «Г-н Картер, мне все равно, что вы делаете, мы не будем вводить кредитный контроль». Но я не считал, что такая чрезмерная конфронтация — лучшее решение.

Мерлинг: Вы говорите, что отменили кредитный контроль, как только смогли. А можете сказать то же самое о практическом монетаризме — с точки зрения событий октября 1982 г.? Исходя из того, что с инфляцией было покончено, Drysdale, Perm Square, Continental и Mexico рухнули, вы отказались от практического монетаризма?

Волкер: Я уже не помню всех подробностей, но начало и середина 1982 г. были сложным периодом.

Сотрудники ФРС — нет смысла обвинять во всем их, не только они были виноваты — прогнозировали весной некоторый подъем экономики, и предложение денег стало расти темпами, более высокими, чем планировалось. В этой ситуации я не был уверен, что необходимо какое-либо смягчение политики, несмотря на то, что экономика была не в лучшем состоянии. В частности, инфляция оставалась высокой, и скептицизм в отношении данного вопроса сохранялся. Помню все отчетливо — представленные цифры были пересмотрены, поэтому могут не совпадать с теми данными, которые доступны в настоящее время, — это было где-то в июле, когда предложение денег вдруг вернулось в пределы заявленных нами целевых ориентиров. Назревал кризис в Мексике. Ожидаемый экономический подъем

не произошел. Я подумал, это наш шанс для смягчения проводимой политики. Мы сделали первый маленький шажок в этом направлении. Не помню точно, когда это было — в июле или в августе. Конечно, это было именно то. что требовалось рынку в тот момент. Он почувствовал послабление с нашей стороны, и рынки акций и облигаций сразу же пошли вверх.
Затем в октябре или где-то в это время предложение денег (по некоторым параметрам) снова начало расти довольно быстро. Необходимо было найти этому объяснение, но мы ограничились лишь данными по предложению денег, которые, так или иначе, были искажены регулятивными изменениями и поведением банков. Мы пришли к выводу, что было бы неверно полагаться исключительно на данные по предложению денег, поэтому мы отказались от такого подхода.
Мерлинг: Одним из последствий ожиданий победы над инфляцией стал рост курса доллара в течение следующих нескольких лет, что привело к укреплению доллара в мире. Ваш следующий шаг был сделан в направлении международного рынка. Это так?
Волкер: Какое-то время было неплохо иметь растущий курс доллара.
Я не помню, когда это было, в 1984 г. или где-то в этом районе, но с определенного момента это стало проблемой. Перед нами стоял вопрос, что с этим

делать. Мы могли смягчить свою политику еще больше. Но я не хотел этого делать, поскольку не думал, что мы уже выиграли. А ожидания были столь хрупкими, и остальное тоже... Трудность состояла еще в том, что все происходило на фоне большого дефицита бюджета. Очевидно, что если бы я мог использовать приемы ограничительной фискальной политики, то было бы лучше, но я не

мог этого сделать. Кроме того, Минфин идеологически поддерживал идею сильного доллара как индикатора успеха проводимой политики и был категорически против вмешательства, поэтому у нас не было возможности вмешаться, чтобы дать понять — мы обеспокоены ситуацией. Мы были в замешательстве: мы практически ничего не могли сделать. Мы могли бы ослабить давление на денежную

Рис. 8.3. Пол Волкер ловит форель.
Бальзамовое озеро (Balsam Lake), массу или провести интервенцию само-
Биверкилл, Нью-Йорк

стоятельно, но я не хотел этого. К тому времени в отношении денежной массы уже было вмешательство — на фоне быстрого отката экономики. И мы, конечно же, не хотели самостоятельно вмешиваться в происходящее, тем более что Минфин говорил: «Вы поступаете неправильно, только мы можем вмешиваться». И мы не достигли бы цели. Кроме того мы поставили бы себя под удар как институт. Мы мало что могли сделать, пока Минфин не изменил свое мнение.

Наконец, г-жа Тэтчер сказала президенту Рейгану, что с этим надо что-то делать. Фунт достиг своего исторического минимума по отношению к доллару, и она не могла смотреть на это спокойно. Г-жа Тэтчер была, по всей видимости, намного убедительнее, чем кто бы то ни был, но мы так или иначе продолжали следовать тем же путем. Бундесбанк, который практически ничего не делал для стабилизации валютного курса, летом 1984 г., когда произошел резкий скачок курса доллара, провел большую интервенцию, но это имело лишь временный эффект. Мне казалось неправильным, что мы не смогли скоординировать наши усилия и принять должные меры.

Мерлинг: Коллапс системы валютных курсов в начале 1970-х гг. привел к ослаблению, а затем восстановлению доллара, что стало началом возникновения общей валютной системы на базе нескольких доминирующих валют.

Переговоры в «Плазе» и Лувре [речь идет о переговорах в 1985 г. в отеле «Плаза» в Нью-Йорке и в 1987 г. в Париже между США, Францией, Германией, Японией и Великобританией, а в Париже еще и с Канадой] стали первыми робкими шагами в этом направлении. Это выглядело именно так?

Волкер: Переговоры в «Плазе» были инициированы Минфином, поэтому меня это событие не слишком увлекало. Но я думаю, что курс доллара так или иначе начал бы снижаться, а обновленный Минфин под управлением Бейкера уже стал более гибким в отношении интервенций. Опираясь на собственный опыт работы в условиях слабого доллара, инфляции и прочего. я не думал, что нам необходимо было сильно снижать курс доллара, боясь, что он выйдет из-под контроля. Проект соглашения, который был подготовлен в результате продолжительного обсуждения и который должен был быть подписан в «Плазе», во многом отражал мою точку зрения. Но это

были действия, направленные на снижение курса доллара.
Переговоры в Лувре в каком-то смысле были намного интереснее. Министр финансов Бейкер и его заместитель Ричард Дарман были увлечены идеей целевых зон, их рамок или чем-то в этом роде, и меня это захватило. Здравый подход, на наш взгляд, заключался в том, чтобы начать с приемлемого курса доллара. В течение долгого времени сохранялась ситуация, когда Бейкер приходил в Конгресс и заявлял, что нам необходим более низкий курс доллара, а на следующий день приходил я и заявлял, что более благоразумно иметь сильный доллар. Существование таких разных точек зрения не так уж и плохо, но тогда это выглядело глупо.
Так или иначе, по какой-то причине министр финансов всецело был увлечен идеей целевых зон, кроме того ощущалось некоторое давление со стороны Японии и Европы, поскольку слишком слабый доллар был не в их интересах. Он решил, что на практике можно кое-что решить путем стабилизации курсов валют. В итоге мы получили Луврское соглашение, которое мне импонирует в большей мере, чем соглашение «Плаза», — не столько в техническом плане, сколько в концептуальном. С технической точки зрения согласованные рамки целевых зон, как мне кажется, были слишком узкими, и было непонятно, как их поддерживать. Одно дело установить рамки, но в итоге вы должны беспокоиться о том, кто и что обязан делать в условиях какой-либо угрозы. Если вам необходимо внести коррективы в проводимую вами денежно-кредитную политику, то каким образом их следует вводить, и насколько они существенны? В Соглашении также недостаточно обращается внимания на то, что денежно-кредитная политика еще и существенный фактор, который необходимо учитывать.
Мерлинг: Давайте поговорим не о прошлом, а о будущем. Если я правильно понимаю, вы ожидаете, что через 25 лет на всей территории Западного полушария будет единая валюта, а через 50 — во всем мире. Это действительно так?

Волкер: Да, я теперь очень часто говорю об этом. Я не имею в виду, что меня нужно понимать буквально, но факт остается фактом — перспектива осознанного сокращения валют сегодня выглядит более убедительной, чем еще год назад. Все движется к этому. Думаю, что *де-факто* все, что связано с электронной торговлей, информационной революцией — все это является важным фактором, способствующим этим процессам. Вы же не собираетесь общаться со всем миром, покупать и продавать через Интернет и делать это эффективно, но при этом иметь дело с разными валютами и постоянно меняющимися котировками. Это нелогично!
Европейский эксперимент с введением евро, думаю, поможет это продемонстрировать. Полагаю, что его ждет успех. Примерно в 1989 г., когда я выступал со своей первой лекцией памяти Артура Бёрнса во Франкфурте, я заявил: «Вы на пути к созданию единой европейской валюты. И это здорово. Все должно произойти до окончания XX века». В то время эта доктрина не была популярна, но это случилось, и еще до окончания века. Это один из моих прогнозов, который сбылся, и я конечно же помню о нем! Сегодня интеграция мировой экономики подталкивает нас идти еще дальше.
И второе. Существует тенденция, что каждое поколение экономистов от-

вергает, хотя бы частично, идеи предыдущего поколения. В 1960-1970-х гг. экономическая доктрина противопоставила систему плавающих курсов Бреттон-Вудской системе паритетов. И это вошло в учебники. Но система плавающих курсов более волатильна, чем предложенные модели. Сегодня у нас уже складывается ощущение, что новое поколение экономистов считает модели с плавающими курсами не такими уж хорошими, и что политика потеряла контроль. Логика мировой валюты, идея создания которой еще лет 50 назад казалась бы безумной, может, по меньшей мере, обсуждаться. Я считаю, что основа для этого понемногу начинает формироваться. Сначала я заявил, что мировая валюта появится до конца следующего века. Затем через 50 лет. Затем я бы сказал, не при моей жизни. Но теперь, когда я чувствую себя хорошо, я начинаю думать, что могу еще и дожить до этого дня!

Мерлинг: В таком случае желаю удачи!

Волкер: Думаю, что это своего рода борьба — мировая валюта подразумевает определенные политические решения. Вот увидите, это когда-нибудь произойдет, и поскольку я в достаточной степени реалист, это, скорее всего, наступит после моей смерти. Сначала будет борьба между региональными валютами и какой-то одной валютой. Нам не нужно будет множество мелких валют.

В целом идея плавающего курса валют давала огромные возможности для управления экономикой. Идея, которая часто продвигается с воспитательной целью: «Вот было бы здорово, если бы Новая Англия или Калифорния имели собственную валюту». Подобная идея глубоко засела

у каждого, кто изучал экономику в течение последних 30 или 40 лет. Один из центральных пунктов экономической науки заключался в том, что вы можете проводить независимую денежно-кредитную политику, только если у вас будет плавающий курс валюты.

Очевидно, это логичное предложение. Но как мы видим, для многих стран, особенно небольших и открытых, плавающий курс валюты приносит слишком много хлопот, что сводит к нулю все то хорошее, которое дает независимая денежно-кредитная политика. Для многих небольших стран трудно придерживаться безинфляционной политики, и чрезмерная волатильность валютного курса имеет далеко идущие экономические последствия. Привязка к какой-нибудь одной сильной валюте, относительно стабильной в плане покупательской способности, может помочь стабилизировать уровень цен в небольшой стране. Один из серьезных вопросов, касающихся проведения независимой денежно-кредитной политики, должен в таком случае разрешиться. Но США, видимо, получат от стабильности валютного курса меньше всех остальных. Это большая, относительно интегрированная и самодостаточная территория. Это первая скрипка. Она не хочет быть связанной по рукам и ногам тем, что происходит в остальном мире, по крайней мере — не так сильно.

Думаю, что первая опасность заключается в следующем: мы достигнем большей стабильности путем присоединения валют малых стран к валюте больших стран. У нас будет большая еврозона и большая долларовая зона, а также, возможно, китайского юаня — через 25 лет. Но таким ли мы хоте-

ли бы видеть мир, где есть опасность, что каждая из зон станет направленной внутрь самой себя, и что это будет иметь определенные последствия? Чтобы обеспечить стабильность и взаимодействие между зонами, нам необходимо подумать над разработкой международного стандарта, роль которого в начале XX века играло золото. Без золота или какого-либо субститута вам необходимо будет создать что-то наподобие всемирного центрального банка, который я не готов пока даже представить.

Мерлинг: Таким образом, препятствовать продвижению к цели будут местнические интересы регионов, а также частного сектора, финансистов, которым выгодна волатильность?

Волкер: И идеологическая ловушка экономистов, интеллектуалов *[смеется]*.

Мерлинг: Что вы имеете в виду?

Волкер: Целое поколение экономистов выросло на идее, что плавающие валютные курсы дают возможность совмещать национальную валютную автономию и экономическую интеграцию в мировое сообщество. Вот такое прекрасное видение плавающих валютных курсов! Прочтите, что написал Милтон Фридман 30-40 лет назад. Он говорит о том, что плавающие валютные курсы прекрасно уравновесят разницу уровней инфляции, структурные

различия и бизнес-цикл. При небольшом изменении в разнице у вас есть хорошо организованная система регулирования валютного курса.

На практике, я считаю, мы не видели ничего подобного.

Мерлинг: Вы говорите, что такого не было. Но как быть с тем, что эта система способствовала развитию частного сектора?

Волкер: По моему мнению, финансовое дерегулирование было еще одной трудностью, которая меня беспокоила. Мы имеем дело с ситуацией, когда рынки становятся намного более подвижными и менее контролируемыми со стороны различных регулирующих органов — как-то Федеральной резервной системы или кого-то еще. Чем выше волатильность, тем больше финансовых кризисов. После жестокого кризиса 1930-х гг. мы прожили без кризисов до середины 1970-х. Когда в 1960-х гг. я работал в Минфине, Райт Патман, ярко выраженный популист из Техаса, председатель Комитета по банкам и валюте Палаты представителей, в одном из своих выступлений посетовал, что у нас слишком мало банковских банкротств и слишком низкие риски. Мы решили эту проблему!

Меня всегда занимало, каким образом нам удается получать преимущества открытой конкурентоспособной гибкой финансовой системы, справляться с ее склонностью к волатильности и не решать проблему с кризисом. Я вам скажу, ФРС, когда я там работал, намного больше внимания уделяла банковскому регулированию, чем до меня. Возможно, я что-то делал и не так, но проблема носит хронический характер.

Мерлинг: Вы имеете в виду надзор за отдельными институтами?

Волкер: И отдельные институты, и всю систему в целом. Может, это выглядит немного нескромно с моей стороны, но я делал все, чтобы создать соответствующие стандарты требований к достаточности капитала для американских банков. Совместно с Банком Англии мы создали основу для Базельского соглашения по требованиям к капиталу. Многие вокруг были

против, и казалось, что подписание международного соглашения по этому вопросу просто невозможно. Все твердили, что требования неидеальны, они слишком жесткие, их необходимо изменить и т.п. Но я считал, это лучше, чем ничего. Поскольку вам необходимо быть более жесткими в данном вопросе. И нет таких современных требований к достаточности капитала, которые можно было бы сделать международными.

Я очень скептически отношусь к попыткам банков разработать так называемые «современные» подходы к риск-менеджменту, в основе которых лежат теоретические модели, созданные математиками, которые понятия не имеют, что такое финансовый рынок. Все эти подходы сводятся к концепции «рисковой суммы [стоимости]», которая, как я думаю, взята из теории математической статистики. В основе концепции лежит идея кривых нормального распределения, но я считаю, что нормальное распределение невозможно, если это приводит к финансовому кризису. Такие подходы,

как правило, ведут к крайностям. Банки хотят иметь систему риск-менеджмента, основанную на том, что существует нормальное распределение результатов, но, как показали кризисы в Азии и хедж-фонда LTCM, и здесь существует масса проблем.

Еще одна моя любимая тема, о которой вы не упомянули, это ценность разделения, как раньше я говорил, банковской сферы и коммерции. Теперь я бы сказал, финансов и коммерции. С точки зрения конфликта интересов, минимизации рисков «заразительных» кризисов, а также с позиции государственного регулирования, идея, что банковская система не должна зависеть от отраслевых компаний, выглядит очень привлекательной. Должен признать, что чем дальше, тем менее заметна грань между ними.

Мерлинг: ...на рынке, где компании могут выпустить собственные ценные бумаги.

Волкер: Благодаря современным технологиям и банки, и компании сегодня могут делать то, что не могли раньше.

Мерлинг: Обобщая все вышесказанное, можно утверждать следующее: одна из основных мыслей, вытекающих из вашей работы, заключается в том, что рынки не самоуправляемы. Им необходима в некоторой степени «сторожевая собака» в виде координатора или кого-то в этом роде, чтобы задавать системе направление движения. Система, предоставленная сама себе, может свернуть не на тот путь.

Волкер: Справедливо. Следует установить некоторые ограничения по ряду пунктов.

Мерлинг: Что и показывает идея о валютном курсе, который придает некоторое направление рыночным ожиданиям, чтобы избежать их беспорядочного фланирования по рынку. Так?

Волкер: Безусловно. Думаю, что рынок не представляет, что такое устойчивое равновесие сегодня. Но я не считаю, что невозможно представить, как задать разумный уровень равновесия, поскольку согласно экономической теории известно — некоторое равновесие существует и за пределами рынка. Лучше в разумных пределах придерживаться этого подхода, чем избегать его.

Мерлинг: Таким образом, рынки самостоятельно не управляются, банки

тоже — действует психологический закон «жадность, страх и высокомерие».
Волкер: Да, верно. Кроме того, бюрократы также, возможно, не склонны к самоуправлению.
Мерлинг: Хорошо, и бюрократы тоже. Несмотря на свой подход, противоречащий политике невмешательства, вы остаетесь сторонником рынка. Как это возможно?
Волкер: Я бы поспорил на этот счет, но нам потребуется очень много времени, чтобы убедительно доказать: есть надзор, а есть своего рода общее координирование работы рынка. Вы не можете заниматься оперативным

управлением рынков, вы не можете навязать им бюрократическую систему управления, поскольку это не срабатывает. Это обычный центробанковский подход. Как правило, центральные банки предпочитают управлять посредством косвенных инструментов. Это привычка, они так мыслят.
Но вернемся к уравнительному налогу на процентные доходы. Сейчас я уже не вспомню, как он возник, но идея очень понравилась Бобу Рузу, в то время заместителю министра финансов, поскольку концепция налога была ориентирована на рынок. Мы не собирались устанавливать контроль над рынком, мы не собирались ужесточать валютный контроль. Мы собирались с помощью введения общего налога на экспорт портфельных инвестиций максимально имитировать рынок. Теперь мы знаем, что введение уравнительного налога на процентные доходы практически сразу привело к определенным последствиям.
Мерлинг: Вы имеете в виду арбитражные операции?
Волкер: Многие говорили, чтобы избежать арбитражных операций, необходимо ввести четкие ограничения. Но некоторые также говорили, что если правительству США не нравится экспорт капитала и его собираются обложить налогом, тогда они не будут брать в долг у США, даже если могут себе позволить заплатить этот налог. Это антиобщественно и непатриотично. Это было сродни тому кредитному контролю, который развернули в 1980 г. Налог по-настоящему не отражает потребности рынка. В итоге — непредвиденные ожидания и воздействие на рынок. Я второй раз получил такой урок. Уравнительный налог на процентные доходы, который должен был имитировать рынок, на самом деле не сделал этого. То же самое произошло и в 1980-х гг., когда мы пытались ввести кредитный контроль. Мы пытались имитировать рынок, и получили реакцию, противоположную нашим ожиданиям.
Мерлинг: В конце я бы хотел поговорить о независимости Федеральной резервной системы. Я знаю, вы боролись за это, когда работали в ФРС. И в большей степени это был вопрос независимости от правительства. Скажите, пожалуйста, вы поддержали эту идею, поскольку получение автономии означало далеко идущие планы, а не из-за сиюминутного интереса конкретной группы людей, стоявших в то время у руля? Означает ли это, что независимость — нечто большее, чем просто удержание правительства от финансирования своих программ за счет печатания денег?
Волкер: Думаю, что это намного больше. Корень проблемы независимости в том, что руководители могут использовать возможность получения денег для самофинансирования. Я считаю, это соответствует общему пред-

ставлению о том, что процесс получения денег, даже если правительство не финансирует напрямую, слишком подходит для злоупотреблений в отношении краткосрочных, но далеко идущих политических целей. Не хочу сказать, что нельзя доверять всему, что связано с политическим процессом, по-

скольку сам в некоторой степени доверяю этому процессу в отношении ФРС или центрального банка. Необходимо что-то делать с долгосрочными целями и при этом не быть коррумпированными, если можно так сказать, в результате определенного политического воздействия.

Процесс получения денег — это важный вопрос, но в рамках того, что центральный банк несет ответственность за регулирование, банковская деятельность очень чувствительна к попыткам сделать ее политизированной. Глядя на примеры некоторых стран, где сегодня банковская система слишком политизирована, я хотел бы отметить, что это не слишком хорошо работает. ФРС удается обходить такое политическое влияние, и я почти никогда не ощущал на себе давления со стороны конгрессменов или сенаторов, требующих сделать что-нибудь в интересах той или иной группы избирателей.

По поводу того, что вы сказали, у меня есть в некотором роде особое мнение, отличающееся от вашего: необходимы государственные институты, которые бы имели неприкосновенность, и это всеми бы признавалось. Люди могут уважать их за профессионализм и последовательность и т.п. Сегодня это редко встречается как в Соединенных Штатах, так и в других странах. Я считаю, что это национальное достояние, и это налагает очень большую ответственность на такие институты за то, чтобы они были достойны подобной независимости. Функционирование этих институтов должно осуществляться с должной степенью компетентности, профессионализма и особенно неприкосновенности.

Политическое влияние и коррупция несут большую разрушающую силу для Центробанка. Центральный банк России подвергается достаточно сильной критике — правильно или нет — за то, что там процветает коррупция. В результате Россия теряет важный институциональный ресурс. Чтобы его восстановить, потребуется время. Но одновременно необходимо встраиваться и в некоторую систему подотчетности. Как найти баланс между независимостью и подотчетностью? Это непросто.

Мерлинг: Хорошее окончание нашего разговора. Спасибо.

ЛИТЕРАТУРА

Neikirk, W.R. (1987) *Volker, Portrait of the Money Man.* New York: Congdon and Weed.

9. ИНТЕРВЬЮ С МАРТИНОМ ФЕЛЬДШТЕЙНОМ*

Беседовал Джеймс Потерба

Массачусетский технологический институт

30 января 2002 г.

Мартин Фельдштейн — один из наиболее влиятельных экономистов-практиков конца XX века. В 1960-х гг. в качестве научного сотрудника Оксфордского университета, где он получил ученую степень по экономике, он впервые предложил использовать эмпирический анализ производственных функций в больницах и других медицинских учреждениях. В результате во многом

благодаря ему появилась такая новая область, как экономика здравоохранения. В 1970-х гг., вскоре после его переезда из Оксфорда в Гарвард, он распространил свои исследования также и на программы социального страхования, в первую очередь социального обеспечения и страхования по безработице. Он разработал теоретические модели для анализа влияния этих программ на стимулирование домохозяйств и фирм, а затем упорядочил эмпирические данные, чтобы показать степень искажений, вызванных этими программами. Работа Фельдштейна вызвала на государственном уровне бурное обсуждение экономических результатов, которые принесли эти программы, и эти дебаты не прекращаются по сей день.

Фельдштейн одним из первых использовал данные домохозяйств, взятые из официальных документов и обзоров, для анализа влияния налогов и программ государственных трансфертов на экономику домохозяйств. Его огромный вклад, как исследователя и педагога, подготовившего десятки магистров экономики, дал толчок распространению новых практических стратегий в прикладной экономике. Среди исследователей в сфере государственных финансов до сих пор пользуется большой популярностью компьютерная модель TAXSIM, программа расчета налогов для домохозяйств, которую Фельдштейн начал создавать еще в 1970-е гг.

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 7, 2003, p. 291-312. Copyright © 2003 Cambridge University Press.

9. ИНТЕРВЬЮ С МАРТИНОМ ФЕЛЬДШТЕЙНОМ

В начале 1980-х гг. Фельдштейн в течение двух лет занимал пост председателя Экономического совета при Президенте США. За это время он не раз выступал с предупреждением о том, что большой дефицит бюджета подразумевает долгосрочные экономические затраты. И это несмотря на то, что такое мнение было в то время политически непопулярным. За время, проведенное в Вашингтоне. Фельд-

штейн расширил сферу своих интересов — как за счет проблем международной экономической политики, так и внутренних вопросов. Вернувшись в середине 1980-х гг. в Гарвард и Национальное бюро экономических исследований, он запустил ряд проектов, посвященных между-

Рис. 9.1. Мартин Фельдштейн

народным экономическим кризисам. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Фельдштейн продолжил свою работу в области исследований госфинансов, которыми он занимался изначально. Он опубликовал серию работ о том, как налогооблагаемый доход соотносится с изменениями предельной ставки налога, где показал новую структуру оценки эффективности затрат при налогообложении дохода. Его работы также в значительной мере способствовали обсуждению того, как налоговые аналитики в Конгрессе должны рассчитывать отдачу от налоговых реформ. Кроме того, Фельдштейн продолжил исследования в сфере политики социального страхования. Его лекция памяти Илайя в 1995 г. перед Американской экономической ассоциацией стала громким призывом экономических исследователей к анализу предложений, связанных с реформой системы социального обеспечения, что предвосхитило самое активное обсуждение политики, проводимой на протяжении последних пяти лет.

В течение 35 лет работы на факультете в Гарварде Фельдштейн активно участвовал в подготовке будущих экономистов — как студентов, так и магистрантов. Он был членом диссертационной комиссии у многочисленных магистрантов. У него учились многие сегодняшние ведущие специалисты в области государственной экономики. Он был руководителем и преподавателем курса Гарвардских принципов экономики, самого большого курса для студентов Гарварда.

Мартин Фельдштейн внес значительный вклад в развитие ряда областей прикладной экономики. На посту президента Национального бюро экономических исследований, который он занимает с 1977 г., Фельдштейн сыграл

большую роль в определении направлений развития экономических исследований. Он сделал из Бюро информационный центр для широкого спектра исследований, связанных с текущей экономической политикой, а также возглавил бесчисленное количество исследовательских проектов, давших миру новое понимание важнейших экономических идей. За время пребывания на посту президента Национального бюро экономических исследований отчеты Бюро в желтой обложке, и в большей мере его сайт www.nber.org, стали для исследователей стандартной отправной точкой в изучении ими прикладной экономики.

В 1977 г. Американская экономическая ассоциация наградила Мартина Фельдштейна Медалью Джона Бейтса Кларка, признав его самым выдающимся молодым экономистом (до 40 лет). Двадцать пять лет спустя, в 2002 г., он был избран президентом Ассоциации.

Наша беседа состоялась в офисе Мартина Фельдштейна в Национальном

бюро экономических исследований. На одной из стен в небольшой комнате для переговоров, где мы расположились, висели политические карикатуры на Фельдштейна, обеспокоенного дефицитом бюджета в период, когда он занимал пост председателя Экономического совета при Президенте. Снаружи стоял стеклянный шкаф, буквально забитый сотнями книг, — результат проведенных Бюро исследований начиная с 1920 г. В течение нашего разговора мы не придерживались какой-либо хронологии.

Потерба: Марти, начнем с того, как вам вообще стала интересна экономика. Вы начали свою карьеру как специалист по экономике здравоохранения, и ваша бакалаврская работа по экономике была посвящена проблемам медицины. Что заставило вас заняться такой темой?

Фельдштейн: Я писал диссертацию на эту тему, поскольку был студентом медицинского факультета и летом работал в исследовательской организации в онкологическом центре Слоан-Кеттеринг. Я знал кое-что об исследованиях раковых заболеваний, и, думаю, это было у меня уже в крови — создавать что-либо лишь на основе реальной информации.

Потерба: Над какой проблемой экономики здравоохранения вы тогда работали?

Фельдштейн: Я пытался понять, сколько правительство должно тратить на исследования онкологических проблем. Как оказалось, это было наивно с моей стороны. Я провел исследование среди тех, кто получил от Национальных институтов здравоохранения гранты на изучение проблемы рака. Каждому из них я задавал вопрос, каковы были бы результаты, если бы правительство расходовало в два раза больше средств или даже в пять. Я узнал, что при расходах, скажем в 50, 100 или 250 единиц вы получаете конкретные ответы. Если же удвоить эти цифры, вы получите практически те же ответы. Таким образом, было очевидно, что люди не имели

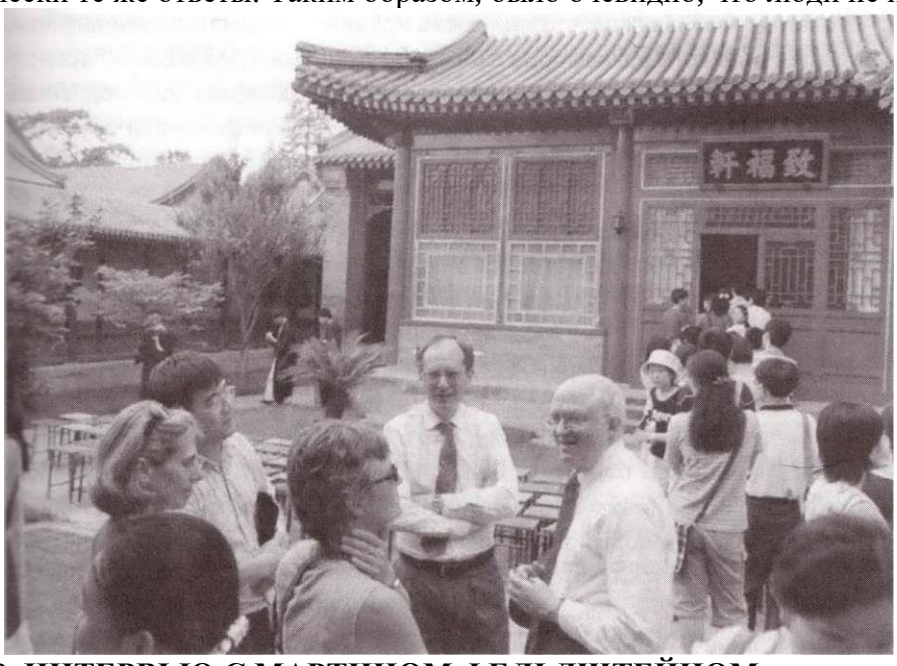


Рис. 9.2. **Совместная конференция Национального бюро экономических исследования**

и Китайского центра экономических исследований. Слева направо: Мишель

представления о том, каким будет результат от расходов на исследования, и мой вопрос был наивен. Таким образом, было невозможно вычислить отдачу от дополнительных расходов на исследования. Конечно, когда я начинал свое исследование, то рассчитывал получить вовсе не такой результат.

Потерба: Каким был ваш курс экономики в Гарварде, когда вы были студентом? Обсуждали ли вы проблемы статистики или математики?

Фельдштейн: В программе базового университетского курса не было эконометрики. Те, кто имел склонности к математике, возможно, могли найти себя в магистерской программе, хотя, по правде говоря, и она в то время не была математически ориентированной.

Потерба: После окончания бакалавриата вы отправились в Англию для подготовки магистерской диссертации. Расскажите об этом.

Фельдштейн: Я думал, что буду врачом. Я был уже принят в Гарвардскую медицинскую школу, но подумал, что неплохо бы с годик попутешествовать, посмотреть мир. Члены комиссии программы Фулбрайта были очень любезны и дали возможность это сделать. Я упаковал чемоданы и отправился в Оксфорд — с твердым намерением вернуться к концу года и начать учебу в медицинской школе.

Но потом я обнаружил, что мне очень нравится заниматься экономикой и я решил провести в Оксфорде еще какое-то время. Я написал в Гарвардскую медицинскую школу, и они согласились подождать еще год. Лишь после того, как Школа трижды позволила мне отложить начало обучения, я набрался храбрости и отказался там учиться, решив окончательно стать экономистом.

Потерба: В Оксфорде вашим научным руководителем был Теренс Горман, который получил известность в первую очередь благодаря своим исследованиям в области спроса. Как он повлиял на вас как на экономиста-исследователя?

Фельдштейн: Моим первым куратором был Иан Литтл. Он был экспертом в области экономики благосостояния и, как я думаю, очень влиятельным. Я не так долго общался с ним, как с Теренсом, но Иан написал книгу «Критика экономики благосостояния» (The Critique of Welfare Economics), в которой оспорил тезис о том, что невозможно судить о благосостоянии, основываясь на проводимой государственной политике, если в экономике существуют недостатки.

Иан был слишком умен, чтобы придерживаться подобного заключения Написав отличную книгу, он продолжил свою работу в области прикладной экономики благосостояния. Он написал книгу о национализации угольной промышленности в Англии. Во введении он признал, что в мире «второго сорта» невозможно дать точную оценку. Но затем он счел нужным представить необходимые пояснения. Я считаю это и своей позицией. Я понимаю, что экономика благосостояния — это аппроксимация, но я верю, что она может быть полезной.

Теренс Горман был феноменальным человеком. Как никто в Гарварде, он

смог показать мне, что такое профессиональная экономика. Он также познакомил меня с эконометрикой. Он был един во многих лицах. Он преподавал нам линейную алгебру, математическую экономику и эконометрику.
Потерба: Чему вас учил Горман в эконометрике?
Фельдштейн: Он больше опирался на линейную алгебру, чем на математическую статистику. Вдобавок к традиционной OSL-оценке, мы изучали оценку на основе инструментальных переменных и рассматривали метод максимального правдоподобия при ограниченной информации как особый случай линейных оценок k-класса. Хотя большие макромодели были тогда в моде, Горман был большим приверженцем использования одного уравнения. По его мнению, слишком малы шансы, что вы сможете правильно создать одну из этих больших систем, чтобы что-то получить от ограничений, создаваемых пересекающимися уравнениями. Этот урок прочно засел у меня в памяти.
Потерба: Кто еще оказал влияние на вас, как на исследователя, когда вы учились в магистратуре?

Фельдштейн: Я посещал семинары Джона Хикса, а также занятия по экономике в Наффилд-колледже, но основным действующим фактором были мои беседы с сокурсниками — в первую очередь с Джоном Флеммингом и Джоном Хелливеллом.
Потерба: Что вы почерпнули из своих исследований для докторской диссертации по Британской национальной системе здравоохранения?
Фельдштейн: Я узнал, что использование эконометрических исследований в системе здравоохранения возможно. Сейчас этим никого не удивишь, поскольку многие это уже делают, но в то время это было новаторством — как в Соединенных Штатах, так и в Англии. Британская система была хороша тем, что там в наличии были многочисленные данные микроэкономического характера, и они были доступны.
Один из вопросов, которым я занимался, касался влияния доступности ресурсов на характер загрузки. Все районы Англии имели разную степень обеспеченности больницами и врачами. Я пытался выяснить, как эти различия в нерыночной системе влияют на объем медицинских услуг, предоставляемых по различным заболеваниям. Я показал результаты исследований специалистам-медикам, чтобы выяснить, являются ли элементы, наиболее чувствительные к обеспечению ресурсами, теми элементами, которые и должны быть таковыми. И в ответ я услышал: «Конечно, нет».
Я также занимался вопросами эффекта масштаба и оптимального размера больницы. Я оценил функции затрат и функции производства с разнородными затратами, таким образом я мог определить стоимость предельного продукта, создаваемого медицинскими сестрами и врачами при производстве конечного продукта в определенных условиях.
Потерба: Вы провели в Великобритании шесть лет и затем вернулись в Гарвард. Были ли сложности в переходе от изучения экономики здравоохранения в Великобритании, где вся система была государственной, на изучение здравоохранения Соединенных Штатов?
Фельдштейн: Нет. В США было намного проще заниматься подобного рода исследованиями, поскольку здесь был рынок медицинских услуг. Бы-

ли цены на услуги, и поэтому были вопросы, которые требовали изучения. Это касалось не только технологий. Как работает страховка? Почему люди покупают страховку? Почему цены в одном месте растут быстрее, чем в другом? И многие другие вопросы, которые для экономиста казались естественными. Поэтому я перестал заниматься более мелкими техническими вопросами, которые изучал в Англии.

Потерба: А были ли уже к тому времени какие-то практические работы по страхованию или что-то в этом роде?

Фельдштейн: Не так много. Кен Эрроу написал работу, посвященную теории медицинского страхования. Еще два или три экономиста серьезно занимались экономикой здравоохранения, но этого конечно же было не-

достаточно, к тому же не проводились современные эконометрические исследования.

Потерба: Помогло ли ваше изучение страхования или экономики здравоохранения конца 1960-х — начала 1970-х гг. предположить, как будет развиваться здравоохранение в последующие 30 лет? В частности, увеличение ВВП мы связываем со здравоохранением и переходом к управляемому медицинскому обеспечению...

Фельдштейн: Думаю, это увеличение можно было спрогнозировать. Что касается больниц, то это сфера больших расходов, и здесь мы могли наблюдать, что при повышении цен спрос на страховки возрастал, что соответственно привело к повышению равновесной рыночной цены. Я написал несколько работ на эту тему и показал, каким образом принципы налогообложения влияют на спрос на страхование. Более того, согласно моим предположениям, существующая система переживала взрывоподобное развитие, при котором для того, чтобы остановить рост относительной стоимости медицинских услуг, потребуются какие-то внешние силы.

Не думаю, что введение управляемого медицинского обеспечения может решить проблему. Я, как и другие экономисты, которые к тому времени примкнули к сторонникам подобных идей, считал, что рынок медицинских услуг может функционировать лучше, если больше использовать такие инструменты, как участие пациента в оплате услуг и возможность вычета из налогооблагаемой базы. Несмотря на то, что управляемое медицинское обеспечение и организации медицинского обеспечения (предлагающие клиентам как комплексное медицинское обслуживание, так и услуги медицинского страхования) использовались для того, чтобы ограничить затраты, общественное недовольство и смена технологий могут привести к повышению интереса к таким схемам, как участие пациента в оплате услуг.

Потерба: Давайте на секундочку вернемся к тому моменту, когда вы в конце 1960-х гг. вернулись в Гарвард на экономический факультет. Для Гарварда это было время великих перемен. Друг за другом в течение нескольких лет туда приезжали преподавать Кен Эрроу, Цви Грилихес, Дейл Йоргенсон, вы. Было ли ощущение того, что вы — часть этой волны перемен в преподавании и применении экономических знаний?

Фельдштейн: Да, конечно. Факультет принял однозначное решение пригласить кого-нибудь извне. Но эти люди появились там не случайно, вместе они представляли собой некую «обойму». Я не был частью этой

«обоймы», но появился в Гарварде в то же самое время и знал, что они должны прибыть в университет, и это была одна из привлекательных черт Гарварда. То, как собирались преподавать студентам первых курсов, было настоящей революцией.
В 1960-х гг. на первом курсе преподавали такие люди, как Василий Леонтьев. Он был нобелевским лауреатом, человеком с большим послужным

списком, но это был не тот человек, который должен был преподавать современную микроэкономическую теорию. Он мог дать студентам больше знаний, чем предполагал обычный курс микроэкономики, но не давал тот материал, который необходим был магистрантам.
Потерба: Вы имеете в виду, что он не рассказывал студентам о современных инструментах и методах?
Фельдштейн: Совершенно верно. И вот пришла группа молодых «озорников». Где-то примерно в первый год моего пребывания в Гарварде Сэм Боулз и Герберт Джинтис вели вводный курс в микроэкономику. Они написали для этого даже небольшой учебник. Несомненно, студенты стали ближе к новой области, но это не могло сравниться с тем, что делал Кен Эрроу. Джон Мейер и Хэнк Хаутаккер преподавали эконометрику, но в действительности они не специализировались на этом, как Цви и Дейл. Поэтому приезд новых преподавателей в корне изменил систему обучения на первом курсе.
Потерба: Теперь поговорим о том, что происходило в 1 970-х гг. Спектр вопросов, над которыми вы работали, значительно расширился. Вы вышли за пределы экономики здравоохранения и начали заниматься вопросами корпоративных финансов, макроэкономики, экономики труда и даже теории и теоретической эконометрики. Что привело вас к этому?
Фельдштейн: Некоторыми из этих вопросов я начал заниматься еще раньше. Например, государственными финансами. Еще находясь в Оксфорде, я написал несколько работ, посвященных анализу затрат и результатов, — мне был интересен вопрос их дисконтирования. Кроме того, в Англии я также одно время работал над темой дивидендов и Британского налогового законодательства. Поэтому можно сказать, что сфера моих интересов была достаточно обширна еще до того, как я вернулся в США. Я продолжал этим заниматься более или менее параллельно.
Потерба: Отличается ли технология использования магистрантов в исследовательской работе в Гарварде и Оксфорде?
Фельдштейн: Я был не совсем обычным исследователем в Оксфорде.
За пять шиллингов в час — примерно 70 центов — я набрал несколько очень умных студентов, чтобы те мне помогали. Конечно, в то время все исследования были очень трудоемкими. Тогда не существовало такого понятия, как данные, пригодные для ввода в ЭВМ.
Когда я вернулся, то здесь было почти то же самое. Компьютеры были немного лучше, и уже использовались перфокарты, а не перфоленты, но все равно нужны были люди, чтобы переносить данные на карты из книг.
Потерба: Когда студенты и ученые читают сегодня ваши работы, написанные в 1960-х— 1970-х гг., они обращаются к ним в первую очередь как к источнику ценных знаний по вопросам налогов и медицинского стра-

хования или влияния налоговой политики на корпоративные инвестиции.

Когда вы работали над этим, а затем представляли на суд профессионального экономического сообщества, вашу работу рассматривали как эконометрическое исследование или как обычное исследование в области микроэкономики?
Фельдштейн: В Англии, конечно, это была эконометрика. Издательство North-Holland опубликовало мою диссертацию в серии монографий по эконометрике. Я посещал заседания Европейского эконометрического сообщества и иные подобные места. Я много занимался проверками на гетероскедастичность и автокорреляцию. Помню отчетливо, что когда я вернулся обратно, мало кто интересовался эконометрическими методами. Использование современной эконометрики для практической работы считалось само собой разумеющимся. И хотя я был активным участником совместного семинара по эконометрике, проводимого Гарвардом и Массачусетским технологическим институтом, я не занимался созданием технологий. Я хотел изучать реальные проблемы. Я хотел использовать лучшие технологии. Поэтому, можно сказать, я был потребителем эконометрики.
Потерба: Не могли бы вы рассказать об изменениях уровня сложности эконометрики в прикладной экономике, которые произошли за последние три десятилетия и отразились на полученных результатах или понесенных затратах?
Фельдштейн: Думаю, они были существенными. Сегодня каждый магистрант имеет достаточно высокий технический уровень знаний. Но были, если можно так назвать, модные веяния. Как я уже говорил, в определенный момент в моду вошли большие макроэкономические модели. Но затем мода прошла. До сих пор идут споры между теми, кто предпочитает модели на основе полностью заданных параметров, и теми, кто полагается на разницу в оценках.
Но, кажется, магистрантов все это не очень беспокоит. Компьютерные программы также являются частью технического прогресса. Сегодня вы решаете, что делать, вы нажимаете кнопку на своем компьютере — и действие происходит. Такого, конечно, не могло быть 30 лет назад.
Потерба: Давайте поговорим о некоторых более конкретных вопросах, над которыми вы работали. В начале 1970-х гг., после того как вы закончили для Совместного экономического комитета свое большое исследование, посвященное уровню безработицы, вы приступили к работе над вопросами страхования по безработице и его влияния на временные увольнения. Вы занимаетесь этой темой уже почти 30 лет. В последнее время вы работали над проблемами сберегательных счетов для страхования по безработице. Какой вывод вы можете сделать на основе ваших столь обширных исследований, посвященных построению системы страхования по безработице?
Фельдштейн: Я бы выделил два направления проведения реформы: параметрические реформы в пределах заданной структуры программы и

изменения в самой базовой структуре. В рамках существующей структуры можно увидеть некий компромисс между защитой и искажением. Более

полное страхование несет в себе большую защиту, но одновременно также искажает результат, поскольку при этом практически всегда возникают значительные потери в эффективности. Проведенные исследования предлагают возможные пути изменения параметров программы, чтобы снизить искажения, и показывают, каким образом можно влиять на защиту. Изменения включают в себя и уровень выплат, и срок выплат (как «нестрахуемый» минимум в страховом полисе). Я также изучал эффективность налоговых стимулов для сотрудников и систему рейтинговых оценок рабочего стажа. Пособия по безработице сегодня относятся к налогооблагаемому доходу. Раньше же, когда их не облагали налогом, часто было выгоднее оставаться безработным, чем где-то работать.

Масштабы искажений показателей безработицы очень важны при принятии стратегических решений, и поэтому в моих исследованиях говорится и о том, как измерить искажения.

Если же мы собираемся реструктурировать страхование по безработице, не изменяя параметры существующей системы, то имеет смысл использовать в той или иной форме сберегательные счета.

Потерба: В последние годы в США ведутся жаркие споры о том, что такое естественный уровень безработицы. Что вы думаете о влиянии таких мер, как страхование по безработице, на естественной уровень безработицы?

Фельдштейн: Думаю, что изменения в системе страхования по безработице привели к снижению естественного уровня безработицы примерно на полпроцента, возможно даже больше. На первый взгляд это не выглядит внушительно, но 1% — это более одного миллиона безработных.

Потерба: Давайте вернемся к вопросу о сберегательных счетах, о которых вы упоминали. Неужели в США безработица столь велика, что введение обязательного самострахования возможно?

Фельдштейн: Данные по главам семей, которые мы изучали, это подтверждают. Другие группы требуют более тщательного изучения.

Потерба: Перейдем к другому, не менее интересному для вас вопросу, которым вы занимаетесь уже многие годы, — социальному страхованию. Как возник интерес к подобного рода вопросам?

Фельдштейн: Все началось опять же в Англии. Я читал лекции по потребительскому поведению, знакомился с работами Милтона Фридмана и других экономистов, и они меня потрясли. Они говорили о теории потребления и о проанализированных данных, которые ее подтверждали. Но потом я понял, что в их анализе нет соцстрахования, хотя соцстрахование было основной формой «сбережений» для большинства людей. Так я начал заниматься исследованием социального страхования — чтобы дать более точное определение и оценку функции потребления. Думаю, что я начал

заниматься вопросами соцстрахования, поскольку преподавал государственные финансы, в то время как остальные, нацеленные больше на макроэконометрические темы, не задумывались об этом.

Примерно то же самое происходило, когда я проводил исследования для Совместного экономического комитета. Они не говорили, что надо изучать страхование по безработице. Наоборот, они спросили: «Как можно снизить уровень безработицы на 3%?» Они рассчитывали на то, что я им

расскажу о сильной стимулирующей политике на макроуровне. С учетом того, что мысли о государственных финансах меня никогда не покидали, тема страхования по безработице возникла сама собой.

Потерба: Получается, что сегодня, читая материалы *Journal of Political Economy* от 1974 г., посвященные социальному страхованию, можно получить о нем представление, если просто взять функцию потребления от Андо-Модильяни, которая была встроена в макромодели, признать отсутствие переменной в виде степени социальной обеспеченности, измерить ее и встроить?

Фельдштейн: Да. Но как только я взялся за эту тему, мне сразу стало ясно, что тема соцстрахования интересна сама по себе. И как все другие интересные вопросы в экономике, ее влияние невозможно было определить только с помощью теории. Возможно, система социального страхования могла бы стать заменой обычным сбережениям, но если взять в расчет влияние эффекта вынужденного выхода на пенсию, то это могло бы привести к еще большим сбережениям.

Потерба: А концепцию дохода по социальной защите обсуждали еще до того, как вы включились в эту тему?

Фельдштейн: Нет. Помню, как однажды, размышляя о том, как включить социальное страхование в функцию потребления, я понял, что наиболее естественным было бы сделать это с помощью переменной «дохода», текущей стоимости выплат, которые, возможно, получат будущие пенсионеры.

Потерба: Насколько, на ваш взгляд, сегодня дополнительный доллар дохода по нефинансируемому социальному стахованию сокращает национальные сбережения?

Фельдштейн: Думаю, что предельный доход по социальному страхованию в один доллар сокращает совокупные национальные сбережения примерно на 50 центов.

Потерба: В 1970-х — начале 1980-х гг. ваши исследования в области социального страхования и потребительского поведения вызвали серьезные научные споры с теми, кто осуждал такие модели и оспаривал коэффициенты. Но в последнее время по этому вопросу проводилось не так много эмпирических исследований. Как вы думаете, почему? Это отход от моделей функции потребления в одно уравнение? Или потеря интереса к рассматриваемой проблеме?

Фельдштейн: Была проделана огромная работа. Когда люди читают статью на основе исследований, у них порой возникает вопрос: «Хочу ли я действительно писать еще одну работу на эту тему?» Могу представить еще один труд на эту тему, который будет отличаться от всего, ранее написанного, в основе которого будут лежать последние наработки относительно динамики сбережений и использованы новые данные. Поэтому ученые-исследователи могут вернуться к этой проблеме.

Потерба: Глядя на проделанную вами работу в 1970-х гг. и позднее — на тему личных счетов в программе социального страхования, как бы вы оценили влияние исследований, проделанных вами и вашими коллегами, на обсуждение данного вопроса в рамках государственной политики?

Фельдштейн: Об этом всегда очень трудно говорить. Даже если вы активно участвуете в этом, сложно сказать, что именно повлияло на то или иное решение. Но в сегодняшних дебатах — например, в Комиссии по социальной защите при Президенте США, акцентируется внимание на «сберегающем» эффекте всех экспериментальных реформ и необходимости увеличения сбережений — чтобы компенсировать эффект превышения расходов над доходами по нефинансируемой программе. Будет ли это? Возможно. Трудно сказать.

Потерба: В середине 1990-х гг. ваша Лекция памяти Илайя стала первым звонком о необходимости реформирования системы социальной защиты. Когда вы говорили об этих проблемах, в профессиональном экономическом сообществе практически не обращалось внимание на них. С того времени многое изменилось. Если бы у вас сегодня была возможность определять политику, как бы вы реформировали действующую систему социальной защиты США?

Фельдштейн: Я бы постепенно двигался в направлении смешанной системы — взял бы что-то от сегодняшней структуры взимания подоходного налога, но снизил бы уровень налогов и добавил индивидуальные пенсионные счета. Таким образом, в долгосрочном плане можно оплачивать в основном текущие нормы замещения без повышения налогов. Такой вариант сегодня обсуждается на государственном уровне, поскольку исследования показали, что он реален, но еще лет десять назад, в отличие от дня сегодняшнего, никто не понимал, как это можно сделать.

Потерба: Нормы национальных сбережений — еще одна ваша тема, имеющая долгую историю. Вы утверждаете, что объем сбережений в Соединенных Штатах слишком мал. Поясните, пожалуйста, почему вы думаете, что это так, и актуально ли это сегодня?

Фельдштейн: Да, думаю, сегодня это актуально. Считаю, что это можно резюмировать следующим образом: предельный продукт капитала взаимосвязан с тем, что я бы рассматривал как релевантные нормы замещения

между текущим потреблением и потреблением будущих долгосрочных периодов. Это отражение налоговых «клиньев», созданных налогом на прибыль корпораций и личным подоходным налогом.

Система социальной защиты ставит многих в положение, когда единственные сбережения, которые они делают, это сбережения «на всякий случай». Им нет необходимости делать сбережения в течение жизни. Если бы они увеличили размер своих сбережений, то могли бы получить такой же пенсионный доход, но при меньших затратах. Поэтому я бы сказал, что сегодня уровень сбережений слишком низок.

Потерба: Какие меры вы бы предложили ввести, чтобы повысить объем национальных сбережений?

Фельдштейн: В первую очередь — налоговую реформу, развивающуюся в направлении потребительского налога или снижения уровня налога на инвестиционный доход. Во-вторых, реформу социальной защиты с введением личных счетов. Нельзя получить большие сбережения, имея систему сберегательных счетов при страховании от безработицы, но это было бы тоже шагом в правильном направлении.

Потерба: Вопрос немного на другую тему. Одна из ваших самых успешных работ — совместное исследование с Чарльзом Хориока 1980 г., посвященное связям между национальными сбережениями и инвестициями в международном масштабе. Помню, когда вы писали эту работу, некоторые магистранты удивлялись тому, что вы сменили тему и пишете о международной экономике.

Это было вашим первым вторжением в открытую экономику на макроуровне, и это исследование впоследствии стимулировало работу в данном направлении. Думали ли вы о том, что ваш труд окажет такое влияние?

Фельдштейн: Абсолютно не думал. Работа была опубликована в *Economic Journal,* и журнал раздали на семинаре в Университете Квинс в Канаде. Она не была даже должным образом представлена, что увеличило бы эффект. Все началось с посещения мероприятия, которое проводила Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Его участники заявили, что международный рынок капитала полностью интегрирован и поэтому реальная доходность капитала повсюду одинакова.

Меня это задело, поскольку если это так, то это на самом деле очень и очень важное открытие. Если это правда, то зачем Соединенным Штатам беспокоиться о повышении нормы сбережений у себя? Большая часть денег может оказаться где угодно. И зачем волноваться о снижающемся уровне сбережений в системе социального страхования? Ведь могут прийти иностранные деньги. Государственная политика должна сконцентрировать внимание на инвестициях: для финансирования необходимых инвестиций деньги могут прийти откуда угодно, и корпоративные налоги, которые взимаются с полученной в результате прибыли, тоже останутся

здесь. Но правда ли это?! Исходя из тех минимальных знаний, которые у меня были относительно текущих платежных балансов, это, видимо, было не так.

Чарльз Хориока в то время учился в магистратуре Гарварда. Нам не составило труда свести вместе данные ОЭСР и проследить взаимосвязь между сбережениями и инвестициями. Этот факт, я думаю, также добавил данному исследованию популярности, так как каждый мог свести эти данные и проверить полученные нами результаты. И мы действительно получили удивительные результаты, и, кстати, очень надежные.

Потерба: Теперь, вернемся к сфере социальной защиты. Тема влияния налогообложения на поведение домохозяйств часто повторяется в ваших исследованиях: сначала речь идет о благотворительности; затем о портфельных инвестициях и регулировании прироста капитала; а впоследствии и о валовом налогооблагаемом доходе. Однако, несмотря на ваши исследования и работы других ученых, есть ощущение, что остались огромные разногласия эмпирического характера в отношении ряда базовых взаимосвязей в практике государственных финансов. Как вы это объясните? Это из-за того, что вопросы стали сложными или данные некачественными, или потому, что изменения в налоговой политике происходят не так часто или они слишком незначительные?

Фельдштейн: Изменения в налоговой политике происходят достаточно часто, поэтому я бы исключил этот пункт из списка. Наличие хороших па-

нельных данных значительно бы изменило данную область, но у нас мало что из этого есть. Кроме того, поведение в некоторых случаях тоже очень сложное. Давайте возьмем предложение рабочей силы. Мы так и не начали изучать вопрос, как все же его измерять.

Поэтому бесконечные исследования «предложения труда», в центре внимания которых стоят количество часов и степень участия, кажутся мне лишь очень малой толикой истинных объемов такого предложения.

Что действительно имеет значение на фундаментальном уровне, так это влияние налоговых ставок на налогооблагаемый доход. И это должно нас беспокоить, во-первых, потому что нас волнует доходность, а во-вторых, потому что налоги влияют на чистый убыток. И в том и в другом случае важно, каким образом налоговые ставки влияют на налогооблагаемый доход. Если бы мир был относительно статичен, если бы не было возможности перемещения денег во времени, тогда, я думаю, мы бы знали, как это оценить, используя существующие данные. Но вот чего мы не знаем, это до какой степени люди с высоким уровнем доходов снижают свой налогооблагаемый доход с помощью легальных способов ухода от налогов, что в итоге откладывает поступление доходов.

У нас также нет надежных данных о налогах на прирост капитала. Мы можем увидеть реализацию активов, но не знаем, чем люди владеют.

Зачастую неизвестно, какова первоначальная стоимость инвестиционных активов, которыми они владеют. Поэтому, не владея хорошей доказательной базой, очень трудно проводить исследования по приросту капитала.

К тому же, во многих случаях такие вопросы довольно «политизированы». Они затрагивают проблемы распределения доходов, а также деления на богатых и бедных. Это придает им эмоциональную окраску, что в конечном итоге мешает людям воспринимать факты.

Потерба: А сейчас трудный вопрос, касающийся вашего интереса к темам налогов и медицинского страхования, налогов и сбережений, а также другим подобным проблемам. Если бы вам пришлось выбрать для преобразований что-то одно из сегодняшней системы налогообложения доходов в США, что бы вы выбрали?

Фельдштейн: Предполагается, что эти меры не просто направлены на повышение доходов?

Потерба: Абсолютно.

Фельдштейн: Я бы выбрал потребительский налог, снизив ограничения вычетов по сбережениям.

Потерба: По существу, это расширенные индивидуальные пенсионные счета.

Фельдштейн: Да.

Потерба: Давайте поговорим о вашей работе в Национальном бюро экономических исследований. Вы являетесь президентом Бюро с 1977 г., и за это время организация сильно преобразилась. Я помню время, когда, прогуливаясь неподалеку от Массачусетс-авеню, 1050, я видел, как ремонтировали здание, которое должно было стать новым домом для Бюро. Каким из многочисленных достижений этой организации за время вашего прав-

ления вы больше всего гордитесь?
Фельдштейн: Я бы не стал об этом говорить, поскольку у каждого проекта были свои особенности. Я горд тем, что в Бюро создана такая атмосфера, которая всесторонне поддерживает эмпирические исследования. Такова была цель, и она достигнута. Проведение эмпирического исследования — очень трудная задача, так как если вы не знаете институты и не обладаете данными, то есть большая доля вероятности, что вы допустите ошибки в исследовании. Поэтому в данном случае иметь группу людей, которые разбираются в теме, намного важнее, чем при проведении теоретических исследований, где вы подробно излагаете какую-то интересную модель и, если нет ошибок, получаете приемлемый ответ. Но шанс, что в департаменте экономики найдутся два эксперта по определенной прикладной теме, очень мал. Поэтому, собрав экспертов из десятков различных департаментов, мы создали национальное сообщество исследователей, работающих над сходными темами.

Потерба: По сути, это создание программных мероприятий для объединения людей, а также Летнего института, который является одним из информационных центров эмпирических исследований.
Фельдштейн: Совершенно верно. И в этом случае «спущенные сверху» проекты позволяют обнаружить действительно интересные темы, которые люди, вероятно, и находили их интересными, но не горели желанием начинать их разрабатывать. Кто-нибудь мог сказать: «Пенсии — это очень важная тема, но я недостаточно много знаю об этом, чтобы решиться на исследование. Но если нас 12 человек, которые занимаются этой темой, то я должен поговорить о ней с другими». Вот так и появляются проекты в Бюро. Мы не можем говорить людям, что делать, потому что исследователи — по большому счету не наши сотрудники в обычном понимании, но можем создавать команды, и ощущение, что это будет интересная группа и интересная тема — в этом случае очень эффективное средство.
Потерба: Каковы были основные проблемы, с которыми вам пришлось столкнуться на посту президента Национального бюро экономических исследований?
Фельдштейн: В самом начале перед нами стояла проблема доверия. Будет ли это работать? Захотят ли высококвалифицированные исследователи подписаться под этим и стать частью нас? Это была серьезная проблема для нас, но мы ее решили. Я пригласил директоров программ, которые, прежде всего, были хорошими специалистами и им доверяли. В свою очередь они посоветовали мне, кого из исследователей необходимо привлечь в программы. У нас было достаточно ресурсов, чтобы запустить интересные программы. У нас была достаточно высокая степень доверия, плюс доброе имя Национального Бюро, чтобы выйти на рынок и привлечь деньги под проекты, посвященные таким, например, вопросам, как накопление капитала и согласованность международной политики — то есть под проекты, в которых хотели работать люди. Одним словом, мы могли идти вперед.
Потерба: Давайте поговорим о Вашингтоне. Время, проведенное на посту председателя Экономического совета при Президенте США (1982-1984 гг.), можно назвать периодом, когда вы в наибольшей степени были

непосредственно вовлечены в процесс формирования политики. Какие главные проблемы макроэкономической политики в то время стояли перед Вашингтоном?

Фельдштейн: Я прибыл в Вашингтон осенью 1982 г. В то время всех еще беспокоила инфляция и инфляционные ожидания — стоял вопрос, как их снизить. Такую же озабоченность вызывал экономический спад. Вскоре стало ясно, что нас ждет еще одна большая проблема — огромный дефицит бюджета. Даже после того, как экономика США начала бы оживать, а циклические дефициты уходить в прошлое, необходимо было бы решить еще и проблему больших структурных дефицитов.

Таким образом, можно сказать, что основными проблемами были инфляция, оживление экономики и бюджетные дефициты. Четвертой проблемой был доллар и внешнеторговый дефицит. В Вашингтоне зачастую возникновение внешнеторгового дефицита списывали на действия правительства других стран. Мне было трудно убедить людей в том, что причиной внешнеторгового дефицита был сильный доллар. Они также не понимали, почему у нас сильный доллар, если у государства такой большой дефицит бюджета, в то время как в странах третьего мира при большом дефиците бюджета ситуация складывается прямо противоположная. Я потратил уйму времени, пытаясь убедить людей, что наш большой внешнеторговый дефицит — это не результат враждебных действий других государств.

Потерба: Помогла ли вам как-то ваша исследовательская работа на посту председателя Экономического совета?

Фельдштейн: Безусловно. На такой работе вы не аккумулируете в большом объеме научно-техническую и экономическую информацию. И тот факт, что я много знал, означал, что я мог с этим работать. Не было также времени для того, чтобы пойти и почитать какую-то литературу. Поэтому вы используете лишь свои знания, опыт и навыки. Предыдущий исследовательский и преподавательский опыт дают вам право говорить с позиции авторитетного человека, а также системно подходить к решениям и анализу.

Потерба: Как повлиял ваш опыт работы в Вашингтоне на выбор исследований и проектов, когда вы вернулись в Бюро?

Фельдштейн: Не думаю, что он сильно изменил мои базовые приоритеты в исследованиях, но этот опыт открыл для меня много интересных проблем международного масштаба. Я писал о них — о согласованности международной политики, о долларе, и т.п., но ничего из этого нельзя формально назвать исследованием. Так же, после моих еженедельных завтраков с Полом Волкером я чувствовал себя более комфортно, рассуждая о проблемах монетарной экономики и имея дело с большими цифрами. Но опять же повторюсь, коренным образом этот опыт ничего не изменил. Все. что я делал в области налогов, инфляции и социального страхования, все это началось еще до моего приезда в Вашингтон.

Что мой вашингтонский опыт принес Бюро? Я бы сказал, что такая работа над согласованностью международной политики уходит корнями в то время, когда я работал в Вашингтоне. Наслушавшись достаточно мнений о том, что все мои разговоры беспочвенны, мне показалось необходимым

это исследовать. Вашингтон расширил сферу моих интересов и, соответственно, Бюро.

Потерба: Во время вашего пребывания в Вашингтоне вас критиковали, по крайней мере политики, за ваше мнение относительно дефицита бюджета. История конечно доказала, что ваше беспокойство было не беспочвенно.

Если бы ваши опасения услышали в 1982-1983 гг., как вы думаете, изменилась бы фискальная политика в последующие 20 лет?

Фельдштейн: Наш дефицит бюджета был бы меньше. В течение 1977-1997 гг. мы накопили более 3 трлн долларов США национального долга. У нас не было бы столь большого долга.

Потерба: Глядя на скудность статистических данных, не могу не задать вопрос о доступности данных. Для эмпирических исследователей эта проблема возникает постоянно. На ваш взгляд, федеральное правительство тратит достаточное количество средств на сбор информации? Или их недостаточно? Если бы у вас была возможность изменить инфраструктуру сбора статистических данных, чтобы вы сделали?

Фельдштейн: Думаю, что сделал бы существующие данные более доступными. В сфере нашей деятельности, государственных финансов, было бы гораздо лучше, если бы мы имели доступ к тем данным, которые сотрудники Минфина, занимающиеся исследованиями, применяют для внутреннего пользования. И я бы не удивился, зная, что подобное происходит в других местах.

Но в целом надо признать, сегодня исследователи располагают намного большим массивом данных, чем 30 лет назад. В наши дни исследователи с трудом могут себе представить, каким было тогда эмпирическое исследование. Мое поколение исследователей было первым, у кого появились машиносчитываемые данные. Я вспоминаю свое волнение, когда получил доступ к CPS-ленте, данным TAXSIM и отчету Федеральной резервной комиссии за 1962 г. о потребительских финансах. С тех пор мир экономических исследований прошел большой путь.

Потерба: Одна из заметных особенностей ваших исследований — постоянное внимание к проблемам первостепенной важности в экономической политике. Во многих случаях эта работа на годы опережала начало обсуждения проблемы на государственном уровне. Посоветуйте что-нибудь молодым или уже опытным исследователям, стремящимся познать искусство правильного выбора темы для работы.

Фельдштейн: Выбирайте реальные проблемы, а не те, которые постоянно пережевывают журналы. Выбирайте большие проблемы. И по возможности, выбирайте новые проблемы, над которыми еще никто не работал.

Потерба: Это темы, над которыми вы хотели бы поработать, но в силу определенных обстоятельств просто не можете подобраться к ним?

Фельдштейн: Всегда по ходу работы появляются какие-то новые темы. Последние несколько лет я работал над темой реформирования системы социальной защиты. Я спрашивал себя, почему я не сделал этого раньше. Одна из причин — я не понимал, как структурировать переход, что и было центром моего последнего исследования.

Экономика национальной безопасности — еще одна большая тема. Я размышлял над ней в течение последних нескольких лет, но только сейчас начал что-то делать. Эта тема имеет огромное значение и с точки зрения экономики еще несколько виртуальна и не разработана. Она реальна, она большая, она новая. Думаю, экономисты должны ею заняться.

Потерба: На этом разрешите поблагодарить вас за интересную беседу.

10. ИНТЕРВЬЮ С КРИСТОФЕРОМ симсом*

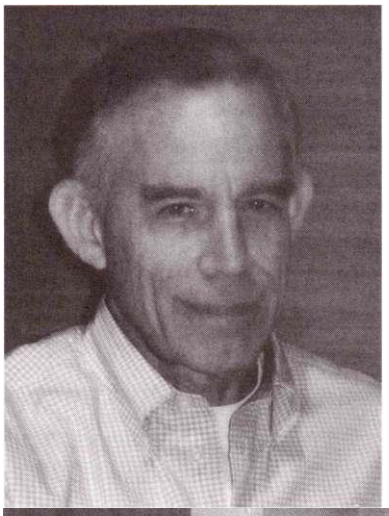
Беседовал Ларс Петер Хансен

Чикагский университет

5 ноября 2003 г.

Кристофер Симс — один из ведущих ученых в области эконометрики временных рядов и прикладной макроэкономики. Обладатель многочисленных наград и званий, он был избран президентом Эконометрического сообщества и является членом Национальной академии наук. Он внес значительный вклад как в статистическую теорию временных рядов, так и в практическую макроэкономику. Симс занимается изучением наиболее важных проблем макроэкономики, что делает его работу столь значимой. Он не только изучал вопросы статистической аппроксимации в абстрактной среде, но и показывал, как использовать результирующий аппарат для решения специфических проблем, не соглашаясь с мнением ученых, занимающихся прикладными исследованиями. Например, применять сезонную зависимость в экономических временных рядах, агрегацию по временному измерению и аппроксимацию в создаваемых статистических моделях с экономическим обоснованием. Более того, большой вклад в изучение причинно-следственной связи временных рядов и развитие векторных авторегрессивных методов были дополнены такой важной составляющей, как эмпирические исследования. Симс был ярым защитником и критиком активно используемых векторно-авторегрессивных статистических методов. Его собственные работы и другие подобные эмпирические исследования говорят о том, что Симс — один из ведущих ученых, занимающихся поиском ответа на вопрос, каковы должны быть модель денежно-кредитной политики и каналы ее влияния на экономические показатели. Наша беседа с Кристофером Симсом дает возможность узнать о многих его открытиях более подробно. У Симса есть собственный

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 8, 2004, p. 273-294. Copyright © 2004 Cambridge University Press.



взгляд на многие экономические проблемы, что видно из его ответов на вопросы.

Хансен: Сегодня, вспоминая время, когда вы были магистрантом в Беркли и Гарварде, т.е. середину 1960-х гг., что, по вашему мнению, в большей степени оказало влияние на формирование ваших взглядов в экономике и эконометрике?

Симс: На самом деле, еще будучи студентом Гарварда, я посещал магистерский курс по статистике и эконометрике. Надо отметить, что изначально моим основным предметом была математика, и только на старших курсах я начал изучать экономику. В университете у меня был курс эконометрики, который вел Хенк Хаутаккер, ставший впоследствии моим куратором. Я также прослушал магистерский курс статистики, который читал Демпстер.

Рис. 10.1. Кристофер Симс

Оба курса оказали на меня большое влияние, но к тому времени у меня уже проснулся интерес как к экономике, так и к статистике. Я собирался продолжить учебу в магистратуре как математик, и помню, как я обсуждал

этот вопрос с моим куратором на старших курсах, но в итоге решил пойти в магистратуру экономического факультета. В 1963 г. я на один год отпра-

Рис. 10.2. Заседание Национальной академии наук. Слева направо: Баз Брок, Рой Раднер, Крис Симс, Джон Чипман и Гейл Джонсон. 1999 г.

вился в Беркли, где прослушал первый курс эконометрики Дейла Йоргенсона и первый курс экономической теории Дэна Макфаддена. Затем я перевелся в Гарвард не потому, что меня не удовлетворяло качество обучения в Беркли, нет, по личным обстоятельствам. В Гарварде я получил возможность еще больше узнать об экономической теории, чего не могу сказать об эконометрике. Я работал над своей диссертацией вместе с Хаутаккером — писал о современном технологическом прогрессе, где все предыдущие модели рассматривались с дискретным временем. Незадолго до этого Хаутаккер написал книгу о моделях потребления с непрерывным временем, поэтому он настаивал на том, чтобы я формулировал свои модели с непрерывным временем. Следуя его совету, я тогда, изучая данную тему, значительно расширил свои знания в математике. Но самое главное — он познакомил меня с Чипменом, работавшим тогда в Гарварде, который был докой в нужной мне области математики. Возможно, все это в какой-то степени способствовало тому, что позднее я написал несколько работ об непрерывных и дискретных аппроксимациях.

Хансен: Ваши ранние исследования касались различных вопросов, связанных со статистической аппроксимацией. Например, исследование дискретной аппроксимации моделей с непрерывным временем (Симс, 1971 г.), аппроксимации моделей с распределенными лагами и конечными параметрами до более общих динамических экономических моделей (Симс, 1972 г.), общей проблемы статистической аппроксимации в многомерных или бесконечномерных пространствах параметров (Симс, 1971 г.). Многие из этих работ предварили соответствующие работы по статистике и т.п. Что изначально послужило стимулом для такой работы?

Симс: В некоторой степени стимулом к изучению моделирования непрерывных и дискретных систем послужила работа с Хаутаккером. Классические модели, с которыми я работал, позволяли легко выразить объем производства как функцию истории инвестирования, но мне необходимо было выразить производительность как функцию истории выпуска. Мне необходимо было найти инверсию линейных операторов, чьи кернфункции подходили для этого. С дискретным временем — это почти всегда прямые функции, но с непрерывным временем все сводится к обобщенным функциям. С математической точки зрения это было сложнее, чем представлял Хаутаккер в своих работах по потреблению. Я нашел необходимые технические средства, которые позволили решить эти вопросы и соответствующие проблемы аппроксимации. Стимулом для моей работы по аппроксимации стало отчасти то, что я был технически готов решить вопросы, связанные с ней, но не был удовлетворен существовавшим разрывом между экономической и эконометрической теорией. Задача в рамках динамической экономической теории зачастую формулировалась в непрерывном времени, а эконометрическая теория предполагала, что у эконометриста

есть истинная модель, написанная в дискретном времени, в которой неизвестны были лишь значения параметра.
Хансен: Как восприняли эти работы? В то время они, должно быть, выглядели для многих экономистов устрашающе с технической точки зрения.
Симс: Думаю, что тогда многие экономисты их не читали. Следовательно, они их не могли напугать. Работа по непрерывной и дискретной аппроксимации (Sims, 1971c) была отправлена в журнал *Econometrica.* Наименее положительная оценка рецензента гласила: все, что написано в работе, было изложено ранее. Несмотря на то, что Дейл Йоргенсон до этого уже развернул обсуждение вокруг рациональной аппроксимации распределения лагов, следуемый из этого смысл аппроксимации был слишком слабым для статистической аппроксимации. Так или иначе, этот вопрос не имел никакого отношения к непрерывной и дискретной аппроксимации. Таким образом, рецензент даже не понял, что существует разница между аппроксимацией распределения лагов и аппроксимацией модели с непрерывным временем с помощью рассчитанной модели с дискретным временем. Вследствие того, что моя работа по бесконечномерным пространствам не вписывалась в рамки того, о чем писали тогда экономические журналы, я отправил статью в *Annals of Mathematical Statistics.* Прошло какое-то время, и редактор мне написал: «Простите, что так долго. Было очень трудно найти рецензента. Высылаю вам рецензию на вашу работу». В рецензии говорилось: «На самом деле я не совсем понимаю о чем эта работа. Но я проверил некоторые теоремы, и они, как мне кажется, верны. Поэтому я считаю, эту работу надо опубликовать».
В то время, я думаю, немногие специалисты по эконометрике и экономисты прочитали эту работу. Том Сарджент был исключением. Он прочел мои работы по аппроксимирующим моделям с непрерывным временем и работу по аппроксимации моделей с дискретным временем и распределенными лагами, опубликованную в *Journal of the American Statistical Association* (Sims, 1974e), в которой я использовал частотные методы анализа, и в итоге стал продвигать мои идеи. Безусловно, Том, как читатель, был очень важен для меня, и его влияние привлекло внимание к работе со стороны других ученых, но, надо сказать честно, большинство экономистов все же сочли эти методы слишком сложными, чтобы применять на практике.
Хансен: Вашим первым местом работы был Гарвард, где вы занимали должность старшего преподавателя. Как вы ощущали себя там в роли молодого преподавателя?
Симс: На мой взгляд, практически нет никакой разницы между молодым преподавателем в Гарварде и где-либо еще. Хотя, Гарвард, конечно, отличался от Миннесоты, куда я потом переехал. Я намеревался отправиться в Миннесоту сразу же по получении ученой степени. И не уехал лишь потому,

что пока готовился к защите, выяснилось, что Гарвард пригласил к себе Грилихеса и Йоргенсона. Я решил, что было бы интересно с ними немного пообщаться. Но через два года я решил перебраться в Миннесоту, где, как мне казалось, уровень активности был намного выше, чем в Гарварде. В Мин-

несоте я ощущал интеллектуальный подъем, чего не было в Гарварде.
Хансен: Насколько мне известно, в 1970-х гг. у макроэкономистов, включая Фридмана, ваша работа «Деньги, доход и причинно-следственная связь» (Money, Income and Causality) вызвала интерес. Это была ваша первая прикладная работа, которая привлекла столь большое внимание? Какую реакцию вызвала работа у макроэкономистов?
Симс: Честно сказать, это была первая макроэкономическая работа, которая вызвала такой интерес. Были еще две работы, которые, как я считаю, вышли до того, как стали прикладными. Мою работу по удвоенной дефляции добавочной стоимости (Sims, 1969) некоторые ученые до сих пор время от времени цитируют. Но не так много людей сегодня обращает внимание на теорию индексов. Время от времени кто-то вновь вспоминает об этой теме, но до сих пор по этим практическим вопросам не так много написано. У меня также есть работа, посвященная оценке макроэкономических прогнозов экономики Дании (Sims, 1967), которую, я думаю, тоже обошли вниманием. «Деньги, доход и причинно-следственная связь» привлекла большое внимание потому, что появилась на пике противостояния между монетаристами и кейнсианцами. В центре противостояния находились в первую очередь макроэкономические исследования. Я был тогда гарвардским доктором философии, не имеющим ничего общего с Чикагским университетом и написавшим работу, где говорилось, что Фридман прав, а все кейнсианцы нет. Поэтому против моих выводов была направлена вся артиллерия кейнсианцев.
Когда я представлял работу в Йеле, у меня состоялась беседа с Тобином. Он скептически отнесся к исследованию, но был не столь критичен, как многие другие. Он признал, что даже если деньги в регрессии дохода являются внешним фактором и регрессионное уравнение интерпретируется как характеризующее ответную реакцию экономики на изменение денежной массы, эмпирическое уравнение все равно показывает, что денежная масса выражает лишь часть вариации выпуска. Правда заключается в следующем: и тогда, и теперь очень трудно найти подтверждение того, что денежно-кредитная политика столь важна, как кажется большинству людей, и конечно, как считал в то время и Фридман, создавая бизнес-циклы. Тобин увидел в этом отсутствие противоречия мнению, что в экономике происходит еще много других процессов, и, возможно, другие направления политики также важны.
В первый наш разговор на эту тему Фишер Блэк заявил, что полученный результат совершенно фиктивен, и по существу он был прав. По его словам,

согласно тесту причинно-следственной связи Грейнджера, биржевой курс может оказаться причиной всего, поскольку он непредсказуем. Несмотря на то, что я это знал и был согласен с ним, я заявил, что это не касается денег. Денежная масса, как бы повторял снова и снова сам Фридман, жестко контролируется Федеральной резервной системой. Таким образом, мы должны считать, что она изменяется лишь по воле политиков и что это просто стоимость актива. Так я ему тогда и ответил, но на самом деле это был не лучший вариант ответа. Фишер Блэк был единственным, кто принял это возражение. Большая часть критики была со стороны кейнсианцев,

которые просто не верили и не доверяли методологии, или от специалистов по статистике и эконометрике, которые возмущались и называли этот тест «тестом на причинно-следственную связь».

Хансен: Позвольте немного подробнее остановиться на двух аспектах ваших ответов. Несмотря на то, что формулирование причинно-следственных ограничений на представления временных рядов доказало свою ценность, термин «причинно-следственная связь» сам по себе вызывает большие споры. Были ли в результате эти диалоги продуктивными или они только сбивали с толку?

Симс: В большинстве своем они уводили в сторону. Я до сих пор считаю, что «тест на причинно-следственную связь» — хорошее название для подобного рода тестов. Я написал работу (Sims, 1977a), которую фактически никто не читал и не понял. Некоторые коллеги говорили, что прочли, но не смогли многого понять. В этой работе формально рассматривается семантика причинно-следственной связи, обсуждаются различные варианты ее использования. По мнению большинства людей, они интуитивно понимают, что означает причинно-следственная связь и что означает наличие причинно-следственной связи между объектом x и объектом y. Думаю, что если сказать честно, то многие бы затруднились подробно объяснить точное значение причинно-следственной связи. На самом деле мы широко используем термин «причина».

Термин «причинно-следственная связь» используется все чаще и чаще. Грейнджер и я применяли его как рекурсивное упорядочение для предметов, что-то определяющих. На самом деле в инженерии термин «причинно-следственная связь» в таком ключе начали использовать еще до нас с Грейнджером. Причинно-следственная связь также применялась в отношении односторонних взаимосвязей с распределенными лагами, где переменные в правой части являются экзогенными. Специалисты по эконометрике заявили, что в правильной эконометрике ищут не только корреляционные связи, но и регрессионные взаимосвязи, обуславливающие переменные в правой части. В прикладных работах, когда переменные находятся и в правой, и в левой части, всегда существует косвенное понятие причинно-следственного упорядочения, используемого в принятии решений. Кроме

того, формально никто не обсуждал тему связи между причинным упорядочением и статистически правильной переменной в правой части регрессионного уравнения. Причинно-следственная связь Грейнджера отлично связывает эти понятия.

Правда, интуитивные причинные упорядочения не обязательно должны быть причинными упорядочениями Грейнджера и наоборот. Фишер Блэк в этом отношении был прав. Он привел пример, когда причинное упорядочение Грейнджера не будет соответствовать любому интуитивному причинному упорядочиванию. Но существует масса случаев, в первую очередь в работе прикладного характера, которая подразумевает расчет регрессионного уравнения, где интуитивные понятия причинного упорядочения точно соответствуют причинному упорядочению Грейнджера. Было бы лучше, если бы люди это понимали. Потому что самое первое применение этой идеи было связано с очень спорным вопросом. Существует множество

людей, которые считают: единственное, что они знают о причинных упорядочениях Грейнджера, это то, что они не должны ничего делать с причинно-следственной связью. На мой взгляд, это большая ошибка.

Хансен: Давайте вернемся к вашей работе «Деньги, доход и причинно-следственная связь». Если сравнивать с тем, что вы написали позднее, то просматривается интересная эволюция мысли. В более поздних эмпирических работах вы делаете акцент на эндогенности денежной массы. В свою очередь, вы были одним из авторов того, что теперь называется фискальная теория определения уровня цен. Можете как-то прокомментировать такую эволюцию мысли, и как это связано с эмпирическими открытиями и изменениями в макроэкономической политике?

Симс: Сначала я представлял себе, что правительственные структуры, имевшие систему управления денежной массой, попытаются нейтрализовать колебания бизнес-цикла. В результате могла сложиться ситуация, когда денежная масса стала бы экзогенной, но взаимосвязь не будет причинно-следственной взаимосвязью между деньгами и бизнес-циклом. Сначала я думал, что такое невозможно — отчасти из-за идеи монетаристов, согласно которой денежная масса — важный инструмент денежно-кредитной политики. Монетаристы заявляли об этом, несмотря на то, что день за днем управлять предложением денег становилось все труднее, а также несмотря на то, что ориентированные на монетаризм власти не управляли предложением денег. Потом один из моих первых студентов в Миннесоте, Яш Мехра, узнав от меня о причинно-следственной связи, решил сделать тест причинно-следственной связи уравнений денежного спроса (Mehra, 1978). В этих уравнениях деньги были в левой части, процентные ставки и выпуск — в правой. К моему удивлению, обнаружилось, что данные уравнения прошли тест на экзогенность процентных ставок и выпуск. Это открытие было качественно противоположным тому, о чем я писал в своей работе

(Sims, 1972b). В одной из своих последующих работ (Sims, 1980a) я продолжил разработку этой идеи. Я рассмотрел системы, а не отдельные уравнения, и системы с процентными ставками из числа переменных. Я понял, что при наличии в системе процентных ставок деньги становятся довольно предсказуемыми, и предсказуемая часть денег в большей степени связана с выпуском. Ни одно из этих открытий не соответствовало простой структуре, предлагаемой монетаристами, или ее варианту с естественным уровнем рациональных ожиданий.

После таких открытий я также начал размышлять о том, что случится с моделью равновесия, если монетарные власти начнут выравнивать процентные ставки. И не надо долго возиться с такими моделями, чтобы понять, что если монетарные власти выравнивают процентные ставки, то Фишер Блэк сразу же становится прав. Денежная масса начинает изменяться параллельно с биржевым курсом. И хотя, грубо говоря, деньги будут статистически эндогенными, они, скорее всего, будут априори заданными, с точки зрения Грейнджера, причем теми же самыми факторами, что и биржевой курс. Сегодня я думаю, в странах, где выравнивают процентные ставки и монетарные власти не пытаются жестко управлять денежными агрегатами, причинно-следственная связь по Грейнджеру между денежными агрегатами

и другими макроэкономическими переменными не является истинной причинно-следственной взаимосвязью.
Я часто говорю, что кривая Филипса — это не лучший пример критики Лукаса. Лучшим примером ложной статистической взаимосвязи, которую можно найти в равновесной модели рациональных ожиданий, но нельзя автоматически использовать в качестве альтернативы проводимой политике, является регрессионная зависимость ВВП от денежной массы.
Хансен: Давайте поговорим о работах, связанных с теоретическими основами фискальной теории уровня цен, идеи которой вы, как и Майк Вудфорд, и ряд других ученых, активно защищаете. На ваш взгляд, насколько они полезны и вносят ли они ясность в суть вопроса?
Симс: Мы с Вудфордом писали об этом примерно в одно время, но рассматривали тему с различных позиций. Вудфорд и потом писал на эту тему. Один из моих студентов в Миннесоте, Эрик Липер, вывел наличие локальности и уникальности для фискальной теории (Leeper, 1991). Джон Кокрен помог показать всю ошибочность мнения, что нет особой разницы между ограничениями государственного и негосударственного бюджета (Cochrane, 2003). Я считаю, что проведенную нами работу по разработке, объяснению и проверке основ теории можно считать полезной.
Существует также множество работ и других авторов на эту тему, которых, возможно, вы имели в виду. Они пытаются найти ответ на вопрос, имеет ли вообще смысл данная теория. Я пытался понять, что стоит за этими возражениями. Больше всего ставят под сомнение теорию те, чья

модель не похожа ни на одну из существующих стандартных моделей, используемых в макроэкономике сегодня. В такого рода модели у центрального банка и казначейства свои собственные бюджетные ограничения, и мы можем предположить, что они могут обанкротиться независимо друг от друга. В одной из работ я рассмотрел подобные модели с соответствующим разделением (Sims, 2000a). Для Соединенных Штатов такие модели не подходят, но для Европейского союза — вполне, поскольку местное институциональное устройство позволяет сделать так, что банкротство казначейства не повлечет за собой банкротство Европейского центрального банка и наоборот. В таких условиях в игру вступает такое понятие, как теория игр, и можно сделать определенные выводы исходя из фискальной теории, что так или иначе не следует из традиционной монетаристской теории. На мой взгляд, этот тип модели действительно интересная находка в фискальной теории.
Но занявшие такую позицию критики, например, Маккаллум (2001) или Бьютер (2002), использовали интуитивные понятия, присущие модели с раздельными бюджетными ограничениями для Центробанка и казначейства, чтобы критиковать поведение теории в моделях с унифицированными ограничениями государственного бюджета. И как мне кажется, при рассмотрении модели с двумя отдельными ограничениями госбюджета их критика по сути является ошибочной.
Критиковали теорию и те, кто считал, что понятие конкурентного равновесия в моделях фискальной теории уровня цен в отличие от стандартных моделей нельзя встроить в теоретико-игровую структуру. Работы Марко

Бассетто (2002) изначально рассматривались как поддерживающие такую точку зрения. Хотя в конце он заявил, что, с теоретико-игровой точки зрения, неполнота детализации проводимой политики в моделях фискальной теории уровня цен ничем не отличается от такой же неполноты в стандартных макроэкономических моделях. Более того, очевидно, что решение вопроса неполноты таким образом, чтобы равновесия фискальной теории уровня цен проявлялись в определенной форме, изначально выдвинуто как простые конкурентные идеи равновесия.

Хансен: Давайте немного изменим тему. После того, как вы проработали несколько лет в Гарварде в качестве старшего преподавателя, в 1970 г. вы переехали в Миннесоту. В то же время там работали и Том Сарджент, и Нейл Уоллис. В одном месте собралась довольно влиятельная группа молодых специалистов по макроэкономике. Что представляла собой Миннесота того времени?

Симс: Это было удивительное место. Джеку Карекену удалось пригласить на работу Уоллиса и Сарджента. Последний, в свою очередь, с помощью одного звонка помог заполучить меня. Было очень интересно наблюдать за тем, как Сарджент разрабатывал свой подход к обучению макроэкономи-

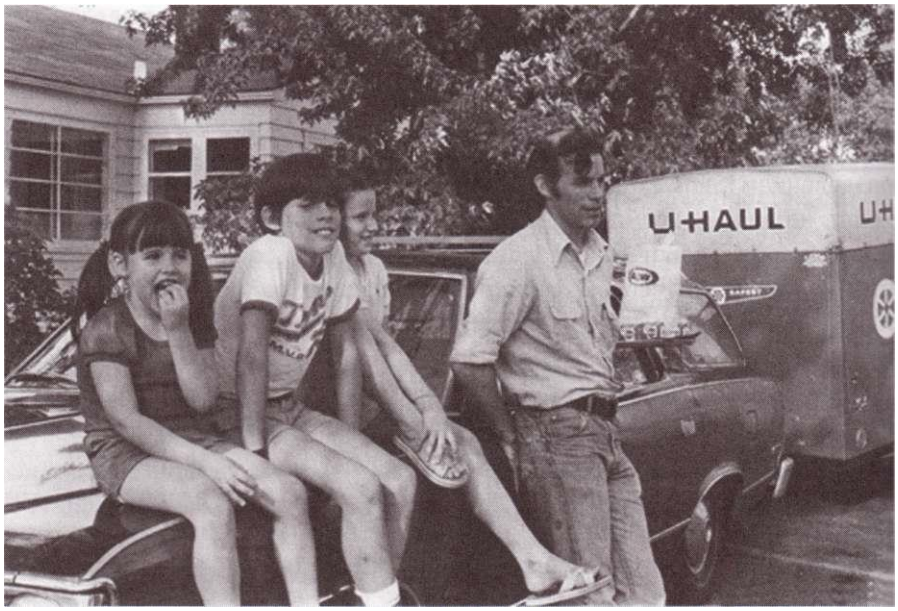


Рис. 10.3. Возвращение в Миннеаполис после годового пребывания в Массачусетском технологическом институте и Национальном бюро экономических исследований. Симс с детьми (справа налево): Нэнси, Бен и Джоди. 1980 г.

ке — он просто повсюду фонтанировал новыми идеями. У Сарджента, Уоллиса, Карекена и Мёнча в различное время были совместные проекты на тему денежно-кредитной политики, частично финансируемые Федеральным резервным банком Миннеаполиса, где эти ребята на полставки занимались исследовательской работой. Я преподавал тогда эконометрику и макроэкономику. Но макроэкономику я преподавал лишь одну четверть в году, и иногда и через год. Сарджент в своем курсе делал большой акцент на

ценность эмпирической работы с явными стохастическими моделями, чем вызвал потребность в преподавании эконометрики. Было также ясно, что любой, кто захочет писать диссертацию у Сарджента, должен будет знать эконометрику временных рядов. Поэтому, я считаю, это были очень комфортные для меня условия работы, хотя конечно были и разногласия, в большей степени политического и в некотором роде методологического характера. Я никогда не работал в такой атмосфере, которая тогда царила в Миннесоте. Это была атмосфера позитива и взаимной интеллектуальной поддержки.

Хансен: Ваша работа над векторными авторегрессиями оказала огромное влияние на прикладные исследования в макроэкономике. Вероятно, вследствие того, что метод был весьма привлекателен и удобен в применении. Хотя привлекательность векторных авторегрессионных моделей ча-

стично основана на скептицизме в отношении валидности моделей с жестко заданными параметрами, шоки должны тем не менее определяться на основе использования теории. Изменилось ли со временем ваше мнение относительно такой идентификации? Если я не ошибаюсь, в исследовании, о котором идет речь в вашей работе «Макроэкономика и реальность» (Macroeconomics and Reality) (Sims, 1980b), в основном используется рекурсивная схема идентификации?

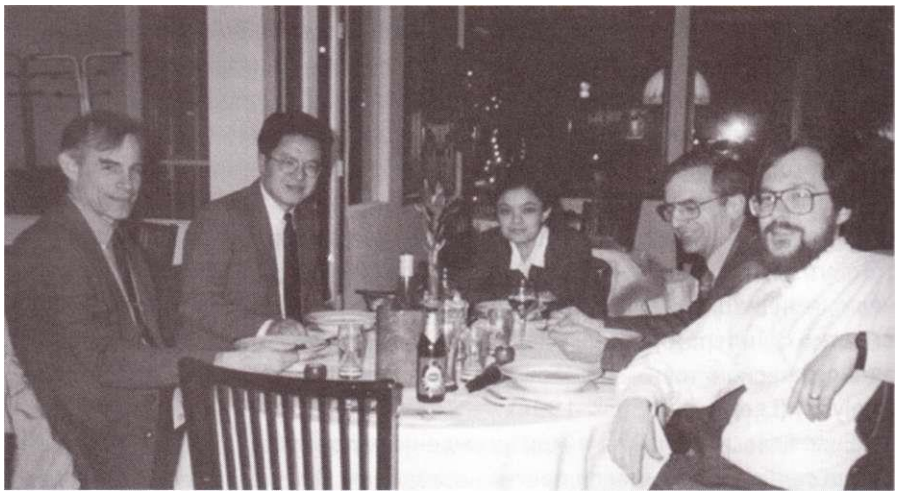
Симс: На самом деле я рассматривал в этой работе две идентифицированные модели. Порой создается впечатление, что некоторые из тех, кто ссылается на эту работу, никогда полностью и внимательно ее не читали. Очень часто я вижу ссылку на мою работу, как подтверждение точки зрения, что заключение можно сделать на основе неидентифицированных моделей или что идентификация невозможна. Тот факт, что в работе присутствуют две идентифицированные модели, порой упускается, но то, что они рекурсивные — это правда.

Я до сих пор скептически отношусь к моделям с «жесткой» параметризацией. Я считаю, что наиболее верный способ проведения эмпирических исследований в макроэкономике заключается в том, чтобы использовать как можно более незначительные допущения, взятые из «теории», которые во многих случаях интуитивны, а затем делать выводы. На сегодняшний день не существует одномерного ранжирования теоретических ограничений по их незначительности. Таким образом, этот подход ведет к экспериментированию с различными видами моделей и ограничений, а также, по существу, с неформальным и формальным усреднением результатов. Когда я писал работу, я считал, что это наилучший способ проведения исследований, и этого мнения я придерживаюсь до сих пор.

Мои суждения изменились по ряду направлений. Во-первых, сейчас я больше понимаю, насколько важно уметь применять модель, чтобы можно было с ее помощью выдвигать какие-то версии. Даже если у вас нет подробной идентификационной схемы, дающей поведенческую интерпретацию, которой можно доверять при любом экономическом шоке, с такими схемами все равно полезно экспериментировать. Люди чувствуют себя намного комфортнее, если существует, по крайней мере, хоть одна версия того, что происходит внутри модели. В этом случае она уже не кажется им

черным ящиком. В какой-то мере это стало причиной для подготовки совместно с Липером работы «Переход к современной макромодели анализа экономической политики» (Towards a Modern Macro Model Usable for Policy Analysis) (Leeperand Sims, 1994).

Еще одно изменение в моих суждениях произошло, когда я какое-то время серьезно занимался прогнозированием. В течение нескольких лет я делал ежеквартальные прогнозы. Я обнаружил, что для создания модели, которая бы по-настоящему отвечала необходимым требованиям, мне нужны



тщательно разработанные приведенные уравнения, позволяющие иметь различные варианты изменений во времени, нестандартные нарушения равновесия и изменяемые параметры. После этого мы получили слишком высокую размерность вектора возмущений в модели; каждому коэффициенту стало необходимо отдельное нарушение равновесия. Я почувствовал, что установки в целом становятся громоздкими, по размеру они стали больше, чем требовалось. Еще одним стимулом к совместной работе с Липером была идея, что, используя теоретическую модель с относительно небольшим количеством основных параметров, можно было бы иметь отправную точку для моделирующей временной вариации и нестационарности — так, чтобы по сути ее уровень не был слишком высоким. Так происходила эволюция моих суждений относительно векторных авторегрессий.

Хансен: Зачастую структурная идентификация векторных авторегрессий выглядит как исключающие ограничения, используемые комиссией Коулза но применяемые в отношении матриц мгновенного отклика или матриц сложных временных рядов длительного отклика на нарушения экономического равновесия. Насколько правильно такое определение?

Симс: Существует две версии идентификации в векторных авторегрессионных моделях, которые так или иначе используются. По одной из версий вы оставляете неограниченными коэффициенты запаздывания и ограничиваете лишь одновременные отклики на нарушение равновесия. Данные ограничения сами по себе хорошо бы подошли под установки комиссии Коулза. Но есть важное отличие от ограничений, применяемых комиссией

Рис. 10.4. После беседы в Саскачеванском университете. Слева направо: Крис Симс,

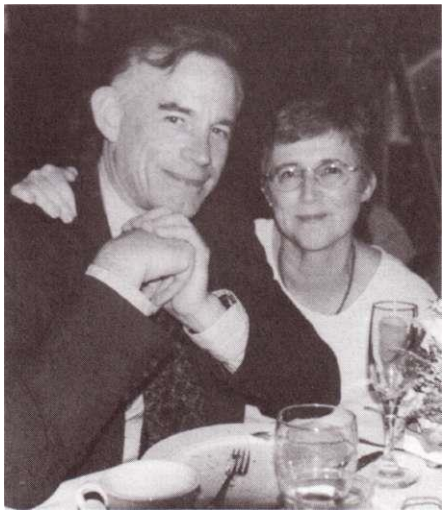
Тао Чжа, Манджира Датта, Роберт Лукас и Дэвид Кушман. 1993 г.

Коулза — в установках идентифицированной векторной авторегрессии структурные нарушения равновесия обычно независимы друг от друга, или по крайней мере, ортогональны друг к другу. В структуре, предлагаемой комиссией Коулза, эта ортогональность отсутствует.

На мой взгляд, такое ограничение является некоторым преимуществом в сравнении со структурой, предлагаемой комиссией Коулза. Те, кто использует данную структуру, почти всегда возвращаются к тому, что делают допущения ортогональности в структурных нарушениях равновесия, когда они пытаются использовать модель для прогнозирования эффекта от вмешательства. Если бы структурные возмущения были взаимосвязаны, то каждый раз, когда вы вмешиваетесь и изменяете параметры структурного уравнения в модели, вам приходилось бы спрашивать себя, каким был источник корреляции и как вмешательство должно его изменить. Всегда существуют две крайности. Первая, что взаимосвязи отражают пассивное реагирование возмущений в уравнении на другие возмущения. Изменение самого уравнения не изменит структуру взаимосвязей остальных возмущений. Или вы можете выбрать противоположную точку зрения, что в уравнении спроса на деньги существуют нестыковки, связанные с шоками в предложении денег, — это показывает причинное влияние решений относительно предложения денег на спрос. В рамках такой интерпретации вы извлечете всю ковариацию из остальных возмущений, прежде чем дойдете до возмущений, на которые не влияет проводимая политика. Подход комиссии Коулза теоретически не объясняет, как именно следует проводить такое извлечение. Вам необходимо занять определенную позицию, чтобы применить эту модель. Такая причина для использования дополнительной структуры указывается в работах по векторным авторегрессиям. Во многих случаях, я считаю, это правильно.

Второй подход связан с введением ограничений в матрицах длительного реагирования, но опять же с допущением, что нарушения являются ортогональными. Такой подход нельзя назвать широко распространенным, поскольку ограничения ведут к неопределенности и, в результате, к серьезным проблемам с вычислениями. Однако намного меньше проблем с вычислениями возникнет, если оперировать неопределенностью в ограничениях в матрицах одновременной ковариации.

Еще одна неформальная сторона вопроса идентификации. Исследователи вводят определенные ограничения, а затем рассматривают степень правдоподобности результатов. Например, технические условия, в которых отклики на предполагаемые шоки в денежно-кредитной политике явно абсурдны, чаще всего не заявляются. У некоторых это вызывает определенное беспокойство. Среди них Юлиг (2001), Фауст (1998) и ряд других ученых. Они искали ответ на вопрос, что произойдет, если вы сделаете формальными ограничения правдоподобности результатов. Современные



методы вычисления делают данный подход более чем реальным. В итоге получаем очень надежные эмпирические выводы. Фауст не стал таким образом объяснять результаты своих исследований, но пока я читал его работы, я по существу находил признаки экономической устойчивости.

В этих работах, посвященных теме векторных авторегрессий, просматривается феномен, который игнорируется в литературе по эконометрике. У нас почти всегда не так много надежных идентифицирующих ограничений, необходимых для определения всего набора параметров. Мы также экспериментируем с различными схемами идентификации, и любую из них не так легко отклонить. В своей оценке идентификации мы частично опираемся на то, насколько результирующая эконометрическая модель соответствует данным, и частично на то, насколько она целесообразна.

Хансен: Что, на ваш взгляд, самое важное в работах по векторным авторегрессиям с эмпирической точки зрения?

Симс: Я бы назвал наиболее важным все, что касается вопроса эндогенности денежно-кредитной политики, о чем я уже вкратце рассказывал. Я считаю, что эти работы оказали большое влияние на то, что люди думают о денежно-кредитной политике. Оценки, полученные с помощью векторных авторегрессий и показывающие, что влияние политических шоков на выпуск и цены довольно мягкое и вялотекущее, сегодня очень распространены даже среди тех, кто определяет политику. Эта модель характерна для многих самых разных вариаций векторной авторегрессии.

Хансен: Долгое время вы интересовались байесовской статистикой и эконометрикой. В своих исследованиях (Sims and Uhlig, 1991) в рамках байесовских эконометрических подходов вы делали упор на те моменты, в которых байесовская и классическая точки зрения могли на практике привести к существенным различиям. Одним из основных примеров можно назвать ваше исследование с единичными корнями. Насколько справедлива такая оценка, и есть ли какие-то еще важные примеры?

Симс: На заре своей карьеры я

не осознавал всей важности разницы байесовской и классической точек зрения. Поэтому я и не защищал и не оспаривал байесовские утверждения, поскольку считал это несущественным. Затем я заметил, читая работы по единичным корням, что

Рис. 10.5. Крис и Кэти Симс. Август 2000 г. разница на самом деле есть. Конст-

рукция функции правдоподобия для авторегрессии, обусловленная исходными данными временных рядов, действует одинаково при наличии или отсутствии нестационарности. Выводы, базирующиеся на принципе правдоподобия, должны быть идентичны как для стационарных, так и для нестационарных случаев. Классическая теория распределения предполагает, что при наличии авторегрессии, в которой может присутствовать единичный корень, мы должны использовать совершенно другие методы.

С байесовской точки зрения любая специфика вывода при условии наличия нестационарности должна возникать из-за различных импликаций в стационарных и нестационарных случаях), обусловленных исходными условиями, а также того факта, что неявные приоритеты могут подразумевать странные представления о поведении измеряемых величин. Поэтому при возникновении подобных различий, когда вы сталкиваетесь с динамическими моделями, которые могут иметь еще и единичный корень, эти различия должны рождаться из представления разумного приоритета для последующего использования в научно-исследовательских отчетах, и эта проблема формально и интуитивно отличается от классической теории распределения с единичными корнями.

Другой пример касается той огромной разницы, которая возникает от того, что при проверке на наличие точек перелома вы можете использовать байесовский или классический подход. Когда вы тестируете наличие одной точки перелома, и в байесовском и классическом подходе правдоподобность будет исследоваться как функция точки перелома (хотя «небайесианцы» больше предпочитают исследовать максимизированное правдоподобие, а байесианцы — интегрированное). Байесовский подход или подход на основе принципа правдоподобия) мог бы вам подсказать, что в проблеме точки перелома точность информации о точке перелома в заданной выборке определяется по уровню правдоподобия, с которым вы здесь столкнетесь. Сторонники классического похода могут это и не отследить, сконцентрировав свое внимание на распределении функции правдоподобия по всем возможным выборкам, а не на самой функции правдоподобия.

Несмотря на то, что существует относительно мало байесовских работ на тему инструментальных переменных, я считаю, что их могло бы быть больше, и их вклад был бы значительным. Оценка инструментальных переменных не основана на принципе правдоподобия, но она применима к моделям, для которых это может быть правдоподобием. Кто-то может спросить, а насколько правилен вывод, основанный на тех моментах, которые подпадают под оценку инструментальной переменной, а не на всем наборе

данных. Думаю, что можно было бы сделать выводы, которые дают более серьезную основу для обсуждения слабых инструментов — еще одной важной темы.

Хансен: Как исследователь, вы представляете собой яркий пример того, как переплетаются методологические и эмпирические интересы. Вследствие активного развития таких областей, как экономика и эконометрика, неизбежным становится вопрос специализации. Эконометрическая теория уже стала отдельной областью. Это ли не причина для беспокойства по поводу того, что эконометрика слишком быстро становится особенно специализированной?

Симс: Во всех сферах науки, включая экономику, есть разделение на абстрактных теоретиков и более прикладных, и в целом — на теорию и работу эмпирического характера. Среди эконометристов существует разделение на специалистов по эконометрической теории и специалистов по прикладной эконометрике. И очень важно, что некоторые ученые пытаются соединить эти области. Тенденции в обществе заставляют людей больше концентрироваться на работе по своей специализации, что в результате может привести к тому, что те ученые, которые работают на стыке областей, окажутся не у дел. Более того, неплохо было бы привлекать экономистов к участию в каких-то стратегических вопросах, поскольку это дает повод соединить теорию с практикой и приблизить экономические исследования к решению реальных проблем.

Поэтому я соглашусь с тем, что не совсем правильно чрезмерно отделять эконометрику от остальной экономики. Хотя есть и другая опасность. Настаивая на том, что только те, кто имеет достаточные знания, опыт и навыки в определенной области исследования, являются настоящими и «полезными» эконометристами, в некоторых департаментах, на мой взгляд, к теоретическим эконометристам будут настроены враждебно, а следовательно и к эмпирической методологии. Важно также взаимодействие между эконометристами и экономистами-неэконометристами. Лучше всего это получается, когда эконометристы, сосредоточенные на своей теме, работают бок о бок с экономистами. Замечательно, если ученый в одном лице и сильный эконометрист-теоретик, и главный исследователь, но это редкость.

Хансен: Насколько мне известно, долгое время вы имели какое-то отношение к исследованиям, которые проводили Федеральные резервные банки. Какую роль, на ваш взгляд, играет эконометрика временных рядов в исследованиях, используемых при формулировании и осуществлении денежно-кредитной политики?

Симс: Не так давно я написал работу (Sims, 2002), которая частично затрагивает этот вопрос. В ней я заявляю, что эконометристы не смогут справиться с проблемами вынесения соответствующего заключения, поскольку эти вопросы относятся к моделированию макроэкономической политики. Самые первые серьезные стратегические модели инспирировали, а затем использовали методологию Коулза, но после того как в моделях

попытались объединить все важнейшие источники экономической информации «небайесовские» подходы в отношении выводов перестали способствовать ответам на поставленные вопросы. Такие модели состоят из множества уравнений, заранее определенных переменных и небольшого количества наблюдений. Двухступенчатые наименьшие квадраты, используя всевозможные инструменты, просто воспроизводят, или почти воспроизводят обычный метод наименьших квадратов. Оценки максимального правдоподобия очень трудно рассчитать, а после вычисления зачастую их нельзя назвать обоснованными, поскольку они связаны с отдельными пиковыми значениями. Для построения доверительных интервалов и тестов в моделях подобного масштаба невозможно было использовать распределение оценок с небольшой выборкой, а асимптотическая теория в чистом виде была ненадежна из-за ограниченности степени свободы.

В центре внимания теоретического моделирования временных рядов находились единичные корни и коинтеграция, которая предлагала использовать иерархические уровни статистических тестов для определения структуры коинтеграции до проведения оценки. Так или иначе, в очень больших моделях непрактично применять подобные уровни тестов.

Академическое макроэкономическое теоретизирование концентрировало свое внимание на рациональных ожиданиях, которые, по сути, не являлись проблемой. Но такие ведущие ученые, как Сарджент и Лукас,

Рис. 10.6. Крис Симс дает комментарии в шведском Riksbank. 2003 г.

связывали рациональные ожидания с ошибочным мнением, что существует большое различие между анализом изменения в «правиле» политики и анализом изменения в переменной политики. На самом деле изменение правила политики может быть только последовательно смоделировано как своего рода особое, нелинейное стохастическое нарушение. В результате

ошибочной противоположной точки зрения выросло поколение студентов, которые верили, что насущный хлеб количественного анализа стратегий — прогнозирование на основе значений случайных переменных, которые явно появляются в модели, — и это было так или иначе глубоко ошибочным и внутренне противоречивым подходом. В результате долгое время наблюдался пониженный или полностью отсутствовал академический интерес к развитию или критике моделей, используемых при разработке денежно-кредитной политики.

Сегодня модели находятся в плачевном состоянии, но, возможно, мы подошли к той точке, когда байесовские методы и суждения могут решить эти проблемы и попытаться ликвидировать разрыв между теоретической макроэкономикой и эконометрикой, а также практикой применения количественного моделирования стратегических решений. В этом отношении некоторые последние работы Сметса и Вутерса (например, 2002 г., 2003 г.) выглядят довольно многообещающими.

Хансен: Не так давно вы опубликовали работу по «рациональному невниманию» (Sims, 2003a), где вы использовали выводы теории информации, чтобы построить модель инертности при принятии решения. Что привело вас к использованию такого формального подхода, и в каком направлении, на ваш взгляд, развивалось это исследование?

Симс: Несколько лет назад я написал работу «Негибкость» (Stickiness, Sims, 1998b), в которой намеревался показать, что вариации на стандартные теоретические предположения об издержках, связанных с изменением цен и инертности, могут соответствовать качественному поведению макроданных. Хотя я отметил, что обычные теоретические установки предполагают наличие либо гибких цен и «нестабильных» действительных переменных, либо, наоборот, гибких действительных переменных и нестабильных цен. Согласно макроданным, оба класса переменных примерно одинаково инертны. Более того, любое определение издержек регулирования предполагает не только то, что переменные при условии наличия подобных издержек должны реагировать на другие переменные медленно и плавно, но также должны иметь и плавные временные траектории. Данные показывают замедленные и плавные отклики между переменными, но не соответствующе плавные временные траектории. В моей работе по негибкости показано, как можно получить и то и другое, но через своего рода иерархическую установку издержек регулирования, которые с трудом согласуются с данными и даже с экономической интуицией.

В самом конце этой работы я поместил приложение, где говорится, что возможно из-за ограничений обработки информации, смоделированных с использованием идеи Шеннона о пропускной способности канала, инертность является причиной того, что данные ведут себя более интуитивно. В более поздней работе, которую вы упомянули, рассказывается о применении метода в отношении общих проблем линейно-квадратичной динамичной оптимизации, а также показано, что именно он ответственен за качественную составляющую наблюдаемой инертности.

Немногие экономисты знакомы хоть с какой-либо теорией информации, зато многие мне говорили о том, что интуиция менее привлекательна для

них, чем формальный подход. По сей день эти идеи продвигаются очень слабо, поскольку не так много людей, действительно способных двигать вперед новую активно развивающуюся область. Я сам работаю в этом направлении, пытаясь создать программное обеспечение, которое было бы удобным в использовании и которое позволило бы более широко применять указанные выше методы. Установки рациональной невнимательности предполагают, что люди будут вести себя так, как если бы они столкнулись с проблемами выделения «сигнала», даже при отсутствии внешних издержек для получения точной информации. Это должно привлечь большее внимание к моделям с плохо информированными агентами и в какой-то мере процесс этот уже имеет место (Woodford, 2001), хотя модели, обосновывающие формулирование проблем выделения сигнала в теории информации, еще не появились.

ЛИТЕРАТУРА

Bassetto, M. (2002) A game-theoretic view of the fiscal theory of the price level. *Econometrica* 70, 2 1 6 7 - 2 1 9 5 .

Buiter, W.H. (2002) The fiscal theory of the price level: A critique. *Economic Journal* 112, 459-480.

Cochrane, J.H. (2003) Money as Stock. Discussion paper, University of Chicago, GSB, http://gsbwww.uchicago.edu/fac/john.cochrane/.

Faust, J. (1998) The robustness of identified VAR conclusions about money. *Journal of Monetary Economics* 49, 207-244.

Leeper, E.M. (1991) Equilibria under active and passive monetary and fiscal policies. *Journal of Monetary Economics* 27, 129-147.

Leeper, E.M. & Sims C.A. (1994) Toward a modern macroeconomic model usable for policy analysis. *NBER Macroeconomics Annual* 81-117.

McCallum, B.T. (2001) Indeterminacy, bubbles, and the fiscal theory of price level determination. *Journal of Monetary Economics* 47, 1 9 - 3 0 .

Mehra, Y.P. (1978) Is money exogenous in money-demand equations. *Journal of Political Economy* 86(2, p. 1), 211-228.

Sims, C.A. (1967) Evaluating short-term macroeconomic forecasts: The Dutch performance. *Review of Economics and Statistics* 49, 225-236.

Sims, C.A. (1969) A theoretical basis for double-deflation of value added. *Review of Economics and Statistics* 51, 470-471.

Sims, C.A. (1971a) Discrete approximation to continuous time distributed lags in econometrics. *Econometrica* 39, 5 4 5 - 5 6 3 .

Sims, C.A. (1971b) Distributed lag estimation when the parameter-space is explicitly infinite-dimensional. *Annals of Mathematical Statistics* 42, 1622-1636.

Sims, C.A. (1972a) Money, income, and causality. *American Economic Review* 62, 5 4 0 - 5 5 2 .

Sims, C.A. (1972b) The role of approximate prior restrictions in distributed lag estimation. *Journal of the American Statistical Association* 67(337), 169-175.

Sims, C.A. (1974) Seasonality in regression. *Journal of the American Statistical Association* 69(347), 618-626.

Sims, C.A. (1 977) Exogeneity and causal orderings in macroeconomic models.

In C.A. Sims (ed.), *New Methods in Business Cycle Research,* pp. 2 3 - 4 3 . Federal Reserve Bank of Minneapolis.

Sims, C.A. (1980a) Comparison of interwar and postwar business cycles: Monetarism reconsidered. *American Economic Review* 70, 250-257.
Sims, C.A. (1980b) Macroeconomics and reality. *Econometrica* 48, 1-48.
Sims, C.A. (1998) Stickiness. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy* 49, 317-356.
Sims, C.A. (2000) Fiscal Aspects of Central Bank Independence. Technical report, Princeton University.
Sims, C.A. (2002) The role of models and probabilities in the monetary policy process. *Brookings Papers on Economic Activity* 2002(2), 1-62.
Sims, C.A. (2003) Implications of rational inattention. *Journal of Monetary Economics* 50, 665-690.
Sims, C.A. & Uhlig H.D. (1991) Understanding unit rooters: A helicopter tour. *Econometrica* 59, 1591-1599.
Smets, F. & Wouters R. (2002) An Estimated Stochastic Dynamic General Equilibrium Model of the Euro Area. Working paper, European Central Bank and National Bank of Belgium.
Smets, F. & Wouters R. (2003) Shocks and Frictions in U.S. Business Cycles: A Bayesian DSGE Approach. Discussion paper, European Central Bank and National Bank of Belgium.
Uhlig, H. (2001) What are the Effects of Monetary Policy on Output? Results from an Agnostic Identification Procedure. Discussion paper, Humboldt University, Berlin.
Woodford, M. (2001) Imperfect Common Knowledge and the Effects of Monetary Policy. Discussion paper, Princeton University.

11. ИНТЕРВЬЮ С РОБЕРТОМ ШИЛЛЕРОМ*

Беседовал Джон Кэмпбелл
Гарвардский университет

4 января 2003 г.

В одной из недавних статей в журнале *The Economist* автор разделил экономистов на «поэтов» и «водопроводчиков». По его мнению, первые озвучивают радикально новое видение экономики, последние же кропотливо занимаются созданием инфраструктуры, необходимой для реализации этого видения. Роберт Шиллер — один из немногих экономистов, который смог соединить в себе «поэта» и «водопроводчика». Кроме того, он еще и предприниматель и знаток. Его работы оказали большое влияние на понимание финансов — с теоретической, эконометрической, практической и даже общественной точек зрения.

Начиная с конца 1970-х гг. Шиллер решительно борется с ортодоксальными идеями, господствующими в финансовой экономике. Он наглядно показал, что цены финансовых активов часто существенно отклоняются от уровня, прогнозируемого на основе простых моделей эффективных рынков. Он разработал новые эмпирические методы для измерения этих ценовых отклонений. В начале 1980-х гг. Роберт Шиллер включился в спор о том, что экономистам для лучшего понимания движения цен на активы необходимо больше знать о психологии инвестора. Он был первооткрывателем такой области, как поведенческая экономика, а также ее наиболее известного направления — поведенческих финансов. В конце прошлого века Шиллер изложил свое видение финансов в своей книге «Иррациональный оптимизм» (Irrational Exuberance), кото-

рая имела бешеный успех. Он стал настолько известным, что компания TIAA-CREF попросила его принять участие в рекламной кампании в популярных изданиях.

*** Впервые опубликовано в** *Macroeconomics Dynamics,* **8, 2004, p. 649-683.**

Copyright © 2004
Cambridge University Press.

Рис. 11.1. Роберт Шиллер

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Хотя Боб считал, что инвесторы используют финансовые рынки недостаточно рационально, однако он верил, что эти рынки предоставляют огромные возможности для улучшения условий жизни отдельных людей. В своих последних работах он рассматривает вопрос, каким образом можно использовать существующие и создать новые финансовые рынки, чтобы улучшить распределение рисков внутри групп в различных регионах, странах и видах деятельности. Он анализировал варианты распределения рисков не только в журнальных статьях, но и в конкретных венчурных проектах, а также в книге «Новый финансовый порядок: риски в XXI веке» (The New Financial Order: Risk in the 21st Century), написанной в 2003 г.

Для меня было большой честью провести интервью с Робертом Шиллером. Приезд Боба в Йель, где я в то время получал ученую степень, определил мою карьеру как экономиста. Боб

со своей уверенностью в том, что финансовые рынки должны занимать в макроэкономике центральное место, и идеализмом в отношении возможности улучшить макроэкономические показатели, просто вдохнул жизнь в традиционные подходы преподавания макроэкономики в Йеле. Сначала как научный руководитель, затем как соавтор, наставник и друг, Боб показал мне, каким образом я могу внести свой вклад в развитие этих традиций. Наша беседа состоялась в 2003 г. во время ежегодной встречи Объединенных ассоциаций общественных наук (Allied Social Science Associations) в Вашингтоне.

Кэмпбелл: Боб, я хотел бы начать с самого начала вашего пути как экономиста. Скажите, когда впервые вы столкнулись с экономикой? И как вы начали ею заниматься?

Шиллер: В первую очередь я вспоминаю учебник Самуэльсона «Экономика» (Economics). Мой брат на четыре года старше меня. В его колледже преподавали вводный курс экономики и выдавали этот учебник. На каникулах он привез его домой. В то время я только перешел в среднюю школу. Когда я натолкнулся на эту книгу и пролистал ее, я обнаружил, что элементарный экономический анализ очень сильная вещь, если его использовать

при решении больших проблем мирового масштаба и эта идея мне понравилась.

Может показаться странным, что я мог прочесть учебник своего старшего брата. Я всегда был ненасытным читателем и читал все, что попадалось под руку...

Кэмпбелл: Например?

Шиллер: Моя мама любит рассказывать об одном случае, который произошел еще во времена моей учебы в начальных классах. У нее были какие-то проблемы с ногами, и она решила взять в библиотеке книгу на эту тему. Мама оставила книгу на столе, и я взял ее и прочел.

Кэмпбелл: Странно, что вы не стали врачом-ортопедом.

Шиллер: Я читал обо всем, но не все, о чем я читал, произвело на меня столь большое впечатление, как экономика.

Кэмпбелл: Вы думали тогда, что экономика станет вашим профилирующим предметом в колледже?

Шиллер: Нет, это случилось намного позже. Мое образование все же во многом было связано с математикой. Когда мне было 14, благодаря Роджеру Саучи, моему учителю геометрии, я влюбился в математику. Он навел меня на мысль об исследовательской работе. Мы тогда только что прошли формулы для вычисления периметра окружности и объема сферы. Под его влиянием я написал работу, в которой вывел формулу длины спирали. Там не было каких-то расчетов, и я думал тогда о предельном доказательстве. С подачи своего учителя по геометрии я заинтересовался количественным исследованиями, но то, что это будет касаться сферы экономики, я отчетливо понял лишь в колледже.

Кэмпбелл: Значит, поступив в колледж, вы бросили заниматься математикой?

Шиллер: Я бросил физику, хотя занимался ею не так активно. Вообще надо отметить, что среди экономистов интерес к физике очень распростра-

ненное явление. Что же касается экономики, то я принял решение во время учебы в колледже. Я старался как можно дольше сохранять за собой право выбора специализации.

Что действительно произвело на меня впечатление тогда, так это насколько в современном свободном обществе у молодежи был широк выбор возможностей для построения карьеры. Нам больше не надо было выбирать свой путь исходя из того, чем занимался отец или о чем мы мечтали в юности. Эта свобода выбора казалась нам бесценным подарком судьбы, возможностью реализовать свои внутренние цели и потребности, даром, которым мы не могли разбрасываться. Я не хотел оставлять все на волю случая или собственной инерции, чтобы они диктовали, что мне делать.

Выбор направления своей будущей деятельности, учебный план, который обязывал меня определить специализацию для продолжения учебы

в магистратуре — все это вызывало у меня сильное волнение. На предпоследнем курсе колледжа при Мичиганском университете я часто подолгу бродил по кампусу в раздумьях о том, чего я хочу добиться в своей жизни. Помню, как я пошел к врачу, поскольку мои ноги покрылись какими-то язвами, и тот сказал, что у меня так называемая метатарзальная недостаточность или маршевая стопа, что бывает у солдат во время длительных маршбросков.

Кэмпбелл: Как в результате вы пришли к тому, что это должна быть именно экономика?

Шиллер: С таким же успехом я мог выбрать любую другую область, но выбрал экономику, поскольку все больше убеждался в том, что данная область мне более близка по внутреннему ощущению. Возможно, здесь в большей мере сыграли роль мои эмоции, понимание влияния экономических результатов и важности экономических факторов в нашей жизни, а также возможность управления ими. Я даже испытывал настоящее стремление работать в сфере экономики.

Кэмпбелл: Можете назвать кого-то, например, из преподавателей экономики, кто каким-то образом повлиял на вас и ваше решение поступать в магистратуру?

Шиллер: В Мичиганском университете я узнал от Вольфганга Столпера о существовании теоремы Столпера-Самуэльсона. Помню, как вместе с Робертом Стерном пытался понять, как можно прогнозировать девальвацию. Направляющую функцию взял на себя Шори Петерсон, который помогал мне с написанием работ и экономическим обоснованием. Джордж Катона был первым, кто показал мне, что такое поведенческая экономика.

Надо отметить, что на меня также оказывали влияние и мои сокурсники, которые предпочли сделать карьеру в бизнесе. Наверное, я немало почерпнул из наших разговоров с Брюсом Вассерштейном, который впоследствии основал инвестиционный банк Wasserstein Perella.

Кэмпбелл: И вы решили продолжить свою учебу в магистратуре сразу же по окончанию колледжа?

Шиллер: Да, но у нас не было выбора. Мы могли либо пойти учиться в магистратуру, либо отправиться воевать во Вьетнам. Я был категорически против нашей войны во Вьетнаме, одновременно я очень хотел продолжить

свое погружение в мир экономики. Я получил стипендию от Национального научного фонда и не видел каких-либо причин не поступать сразу в магистратуру.

Кэмпбелл: А почему вы выбрали именно магистратуру Массачусетского технологического института (МТИ)?

Шиллер: У меня не было таких долгих раздумий, когда я выбирал специализацию. Мне казалось, что МТИ — это как раз то место, куда я должен был отправиться. Конечно, меня привлекал их состав преподавателей.

Среди них уже упоминавшийся Пол Самуэльсон. Еще в студенческие годы я восхищался Франко Модильяни и Робертом Солоу.

Кэмпбелл: Когда вы поступили в МТИ, каким он был? Он оправдал ваши ожидания? Какие наиболее «горячие» темы в то время обсуждались там?

Шиллер: В то время там происходила революция в области рациональных ожиданий. Это было задолго до появления «Критики» Лукаса (Lucas, 1975). И это было потрясающе. Я хорошо помню Ричарда Сатча, мы провели вместе целый год в МТИ. Он написал диссертацию о временной структуре процентных ставок, в которой протестировал временную структуру на предмет согласованности с уравнениями рациональных ожиданий и авторегрессионными уравнениями прогнозного характера для процентных ставок (Sutch, 1978). Моя собственная диссертация (Shiller, 1972) благодаря моему куратору Франко Модильяни была подготовлена на основе того, что сделал Ричард. Позднее мы с Франко написали работу, в которой использовали некоторые полученные результаты (Modigliani and Shiller, 1973).

Но, по правде говоря, я не был так сильно увлечен идеями теории рациональных ожиданий. Просто в то время над этим стоило поработать. Я до конца не верил в то, что люди могут быть столь расчетливыми в своих ожиданиях. В то время в моих рассуждениях уже появились некоторые элементы поведенческой экономики, хотя в публикациях их не было. Практически в свой день приезда в МТИ в 1967 г. я встретил Джереми Сиджела. Благодаря тому, что прохождение флюорографии вновь прибывших в институт студентов проходило в алфавитном порядке, Сиджел оказался сразу за мной, и пока мы ждали своей очереди, у нас была возможность поговорить. Джереми уже во время нашей первой встречи произвел на меня сильное впечатление. Он всегда умел удивительным образом проецировать количественный анализ на решение реально существующих вопросов, и это мне всегда нравилось в нем. Долгое время я тестировал на Джереми жизнеспособность различных теорий.

Кэмпбелл: Как прошел первый год в МТИ?

Шиллер: Можно сказать, что в этот период я занимался изучением роли количественной экономики. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, какую роль она должна играть, а также роль рациональных экономических агентов.

Кэмпбелл: Первый год у вас был воистину звездный преподавательский состав.

Шиллер: В отличие от некоторых студентов, которым лекции Самуэльсона казались во многом потоком сознания, меня они по-настоящему при-

тягивали. Они были удивительны. Несомненно, что лекции Солоу по теории роста были также бесценны. Я также хорошо помню М. Постана, историка-европеиста из Кембриджского университета. Он был в своем роде техни-

Рис. 11.2. Конференция, посвященная механизмам монетарной политики в условиях открытой экономики. Спикер — Стэнли Блэк. На переднем плане с трубкой — Франко Модильяни. На переднем плане слева направо: Роберт Шиллер, Бенджамин Фридман, Джейкоб Френкел и Эдмунд Фелпс. В заднем ряду: Гарри Джонсон (с темной бородой), напротив него по диагонали Карл Браннер (с седой бородой). Хельсинки, 1975 г.

ческим экономистом, и он вдохновлял и поддерживал меня. Позднее из Беркли приехал Роберт Холл со своим оригинальным, нестандартным мышлением.

Кэмпбелл: А были люди или темы и люди, с которыми ваши пути пересеклись в магистратуре, которые повлияли на то, чем вы стали заниматься по окончании? Например, Франко Модильяни, с которым вы начали работать.

Шиллер: Я восхищался Франко, считая, что он создавал одну из претенциозных моделей экономики. В его подходе к экономике было что-то реальное и материалистичное, что меня и подкупало. Несмотря на то, что большая часть профессионального сообщества выступает против моделей Модильяни, я и сегодня считаю — в его полномасштабных эконометрических моделях есть нечто фундаментальное и значительное. Не так давно мы с Рэем Фэйром написали совместный труд (Fair и Shiller, 1990), в котором показали, как в прогнозах, основанных на таких полномасштабных моделях, содержится информация, которую вы не увидите в прогнозах

с использованием векторных авторегрессионных моделей или экспертных оценок.

Так или иначе, Франко поразил меня также своими моральными принципами. Мы тогда много говорили о войне во Вьетнаме. Кроме того, среди студентов, к которым относился и я, возникло довольно бурное обсуждение вопросов релевантности абстрактной экономической теории. Я пытался сделать теорию рациональных ожиданий более релевантной и правдоподобной. Я считал, что теория содержит несколько довольно неправдоподобных предположений о том, что люди очень многое просчитывают. Поэтому одно из моих решений звучало следующим образом: если у людей шире набор источников информации, чем у экономистов, то прогноз их ожиданий на основе общих источников информации должен быть идентичным прогнозу фактическому на основе определенного набора источников информации. Очевидно, что люди не делают каких-то расчетов, но кажется правдоподобным, что они могли бы делать что-то даже лучше, чем это.

Кэмпбелл: Это похоже на то, как если бы у них были оцениваемые авторегрессии.

Шиллер: Да, совершенно верно.

Кэмпбелл: Но это нельзя назвать ответом на критику по поводу того, что они слишком много считают.

Шиллер: Подразумевается, что это освобождает нас от допущения, что они на самом деле производят какие-то расчеты. У выгодно вложенных денег нет авторегрессии, но люди, сделавшие их, большое внимание обращали на данные, поэтому кажется вполне правдоподобным, что, используя свои собственные методики, они могли сделать больше, чем с помощью авторегрессий. Так или иначе, это была лишь идея. Я просто пытался сделать для самого себя теорию рациональных ожиданий более правдоподобной и понять, как сделать ее более обоснован-

ной. В своей диссертации я по-
пытался рассмотреть пример,
когда изменения во временной

Рис. 11.3. Отпуск в Поконосе (США). Первый ряд слева направо: Бенджамин Шиллер и Эн-
структуре процентных ставок от-
дрю Сиджел. Второй ряд слева направо: Эллен
части соответствуют тому, что мы
Шварц Сиджел, Вирджиния Шиллер (держит ожидаем, если у инвесторов есть
на руках Дерека Шиллера), Джереми Сиджел
и Роберт Шиллер. 1989 г.

такие возможности.

Кроме того, для своей диссертации я создал метод оценки распределенных лагов, в основе которой лежала априорность гладкости функции (Shiller, 1973). Я считал тему распределенных лагов очень важной, поскольку в экономических взаимосвязях практически ничего не происходит мгновенно, и лаги могут быть распределены во времени. Эффект запаздывающих переменных может даже возрастать при наличии лага, а затем бессимптомно сводиться к нулю, но существующая эконометрическая теория для лагов была слишком спорной, и оценивались те взаимосвязи, в наличие которых я просто не мог поверить. Самое ужасное, что они могли установить один-единственный квартальный лаг при использовании ежеквартальных данных, и годовой лаг при использовании данных за год, давая возможность временному периоду сбора данных определять и продолжительность лага. Благодаря своим рациональным лагам Роберта Солоу и полиномиальным лагам Ширли Алмона удалось улучшить существующую практику, но даже подобная параметризация выглядела довольно спорно. Зачастую они создавали нелепые конфигурации лагов, которые выглядели как артефакты процесса.

Мне было интересно, какие допущения на самом деле мы хотим сделать в отношении распределенных лагов. Я думал о том, что существующие на тот момент подходы не позволяли нам получить необходимую информацию. Их ограничения не соответствовали нашим истинным приоритетам. Мы должны положить в основу нашего анализа представление необходимой информации о структуре лага, в большей степени потому, что структура лага все время должна быть довольно гладкой. Таким образом, я начал изучать байесовскую эконометрику и перешел на непараметрическую оценку, используя то, что я называю априорность гладкости функции. Позднее я обнаружил, что Грейс Вахба из департамента статистики Висконсина тоже пришла к той же самой идее гладкости функции, ее подход был более радикальным, чем мой, но не был связан с оценкой распределенных лагов. Кроме того, позднее идея гладкости функции была реализована в так называемом «фильтре Ходрика-Прескотта». Так или иначе, метод оценки распределенных лагов, который я тогда разработал, нашел отличное применение в моей диссертации, когда понадобилось исследовать временную структуру процентных ставок.

С тех пор благодаря стараниям многочисленных ученых непараметриче-

ская оценка стала значительной областью исследования. В байесовской эконометрике также развернулась существенная активность. К сожалению, даже сегодня экономическое сообщество по большому счету не приняло какой-либо из подобных методов для использования в прикладных целях. Насколько я помню, никто и никогда в Массачусетском технологическом институте не упоминал о байесовских методах. Но я обнаружил, что Эд Лимер, старший преподаватель Гарвардского университета, активно ис-

пользовал байесовские разработки для адаптирования научных методов к экономике (Learner, 1978).

Кэмпбелл: А кто вам преподавал эконометрику?

Шиллер: Франклин Фишер, написавший книгу по проблеме идентификации в эконометрике (Fisher, 1966). Мы подробно изучили этот трактат, возможно, это было слишком много для одной темы. Курс эконометрики Эдвина Куха как-то не отложился в моей памяти, но могу сказать, что он убедил меня в необходимости диагностики регрессии и изолированных определяющих данных наблюдения, методик, которые даже сегодня используют немногие (Belsley, Kuh, Welsch, 1980). Главный урок, который я вынес из этих занятий, заключался в том, что следует подвергать сомнению результаты эконометрических исследований. Я помню, как в 1968 г. в МТИ приехали Леоналл Андерсон и Джерри Джордан с презентацией сент-луисской модели американской экономики (Anderson, Jordan, 1968). Были получены потрясающие результаты исследования, но тогда они не были по достоинству оценены в МТИ. Позднее наш скептицизм себя исчерпал. Бен Фридман в 1985 г. провел повторную оценку данной модели и обнаружил, что новые данные, полученные за весь прошедший период, разрушили их результаты (Friedman, 1977). Существует великое множество примеров, когда эконометрический анализ может привести к ошибочным результатам.

Затем я сам стал читать курс анализа временных рядов, хотя мне никто не читал ничего подобного.

Кэмпбелл: Вы читали Бокса и Дженкинса?

Шиллер: Конечно, читал, но я бы хотел объединить разговор о них с темой байесовских методов. Арнольд Целлнер из Чикагского университета в некотором роде «открыл» меня: он приглашал меня на конференции по байесовской эконометрике, начиная еще с того времени, когда я был магистрантом. На одной из таких конференций в 1972 г. я впервые встретил Сэнди Гроссмана, которому тогда было только 1 9, но он был гением. Впоследствии мне посчастливилось написать с ним несколько совместных работ.

Думаю, мой интерес к байесовской статистике и анализу временных рядов связан с моей склонностью к физике еще с детства. Долгое время я испытывал огромную симпатию к ученым. Я считал, что Байесовские методы могли бы помочь адаптировать научные методы к экономике, помочь нам опираться при анализе на то, что мы уже знаем, и дать возможность данным сказать то, чего мы не знаем. Мне импонировала наука, в основе которой лежали тщательные наблюдения с последующей индукцией и которая давала бы возможность найти общую основу. И этот процесс поисков

как раз и вызывал у меня интерес. Байесовскую эконометрику я рассматривал тогда как хороший подход, не имеющий противоречивых моделей.

На самом деле априорность скорее всего взята из какого-то предыдущего анализа; ранее она была апостериорной.
Я также считал, что наука по сути своей интуитивна. Чарльз Дарвин не следовал никакой предписанной ему программе исследований. Он старался думать о том, как вообще все это в целом работает и наблюдал за всем, чем мог. Лимер ссылается на «заключения Шерлока Холмса», поскольку этот герой детективов обращает внимание на детали, но я бы хотел в качестве идеала назвать все же «заключения Чарльза Дарвина».
Кэмпбелл: Вы начали говорить о критике Лукаса.
Шиллер: Когда я в 1975 г. впервые прочел работу Лукаса, то подумал, что в ней нет ничего нового. Идея рациональных ожиданий, благодаря Модильяни и Сатчу, к тому времени уже была известна, по крайней мере, в МТИ.
Кэмпбелл: Но они не изменили ваше мнение по поводу эконометрического моделирования. Их работы предполагают наличие фиксированной структуры.
Шиллер: Если бы вы в то время отвели Франко в сторону и спросили его, нет ли риска в том, что при изменении политики структура ожиданий также может измениться, он бы вам ответил — «безусловно». Но Лукас представил это очень убедительно... Лукас — великий писатель.
Кэмпбелл: Еще одна идея витала в то время — это гипотеза эффективных рынков. Сталкивались ли вы с ней, пока учились в магистратуре?
Шиллер: Она была уже хорошо известна.
Кэмпбелл: Мне просто интересно, обсуждали ли ее в магистратуре в то время, и насколько активно?
Шиллер: Моя диссертация была посвящена теории ожиданий в отношении временной структуры, которая представляла собой одну из моделей эффективных рынков. Мы много говорили на эту тему.
Кэмпбелл: В вас тогда уже заронили «семена» критического сознания, которые впоследствии успешно проросли?
Шиллер: Как я уже говорил, я не считал, что обычные люди оценивают авторегрессии, как это было представлено в моделях того времени. В моей голове уже были зачатки того, что позднее вылилось в мои идеи по поводу избыточной волатильности. Я заметил, что при оценке авторегрессий, если я накладываю ограничения на сумму коэффициентов, чтобы один из них был в авторегрессии краткосрочных процентных ставок, чтобы был единичный корень, я был близок к тому, чтобы объяснить волатильность долгосрочных процентных ставок. Меня беспокоило, что разницу между суммой и одним коэффициентом было трудно оценить, иными словами, была большая неопределенность в отношении того, был ли единичный корень. Как известно, этот вопрос оказался весьма спорным.
Кэмпбелл: Это было до появления работ Дики и Фуллера или каких-либо других — по единичным корням в эконометрике (Dickey, 1975, Fuller, 1976).

Шиллер: В то время я серьезно интересовался вопросами единичных

корней. Я считал, что, возможно, это была избыточная волатильность. В случае с временной структурой, если единичного корня нет в процессах, связанных с краткосрочными процентными ставками, следовательно, нужно ожидать избыточной волатильности долгосрочных процентных ставок. В своей диссертации я не рассматривал вопрос взаимосвязи единичного корня и избыточной волатильности, но я бился над его решением.

Кэмпбелл: Пойдем дальше. Вы окончили магистратуру. И вашим первым рабочим местом стал Миннесотский университет. Что тогда произошло?

Шиллер: Со мной там работали такие замечательные люди, как Том Сарджент, Крис Симс. Но для меня это был самый провальный период в жизни с точки зрения научной карьеры. За несколько лет я не опубликовал ни одной работы. Тогда я подумал, что надо что-то делать со своей личной жизнью. И самым большим достижением того периода я считаю встречу со своей будущей женой Джинни. Нашему счастливому браку уже почти 27 лет.

Кэмпбелл: Затем вы взялись за тему избыточной волатильности.

Шиллер: Я писал о модели рациональных ожиданий применительно к временной структуре, но, размышляя над тем, что же является причиной серьезных изменений в отношении долгосрочных процентных ставок, я стал искать этому иное объяснение.

Кэмпбелл: Первая работа была посвящена теме долгосрочных процентных ставок (Shiller, 1 979).

Шиллер: Мне казалось ясным и реальным, что изменения долгосрочных ставок могут иметь не только рациональные причины.

Кэмпбелл: Как вам удалось затем перенести этот анализ на фондовый рынок?

Шиллер: Все очень просто. Как известно, теория рациональных ожиданий применительно к временной структуре — это не что иное, как модель приведения к текущей стоимости, и теория эффективных рынков применительно к фондовому рынку — это тоже модель приведения к текущей стоимости. Я считал, что фондовый рынок может быть еще лучшим примером для иллюстрации избыточной волатильности. Другим плюсом фондового рынка было то, что там можно было собрать большое количество необходимых данных. Я обнаружил данные Фонда Коулза и построил временные ряды для цены, дивидендов и прибыли, начиная с 1871 г. Это было то, что надо, поскольку известно, что взаимосвязь с текущей стоимостью распространяется на все эти годы.

Кэмпбелл: Очень интересно, что вы на заре своей научной карьеры занимались изучением финансовой информации прошлых лет. Джереми Сиджел, как известно, также занимался чем-то подобным. А вы с ним это обсуждали?

Шиллер: Да, конечно. Многим *кажется,* что использование только данных из выборки за последний краткосрочный период носит научный характер, поскольку они считают, что необходимо всегда использовать *наиболее качественные данные,* которые были тщательно собраны. Поэтому многие думают, что необходимо полагаться не на продолжительность временных интервалов, а больше на высокую частоту выборки. Вы можете

найти данные за ближайший период с разбивкой по дням, если же вы исследовали временные ряды за продолжительный период времени, то вы могли в лучшем случае найти данные с ежемесячной разбивкой или лишь за год. Поэтому большинство предпочитали использовать более свежие данные, возможно думая, что это очень «научный подход». Но у меня совершенно другое представление о том, что такое «научный подход». Исходя из того, что я читал о науке и ученых, я считаю, что ученые должны рассматривать противоречивые данные, то, что не так легко поддается измерению.

Кэмпбелл: Вы также отдавали себе отчет, что при длинном интервале взаимосвязи с текущей стоимостью тестирование требовало длинной выборки.

Шиллер: Да, интуитивно. Вместе со своим студентом Пьером Перроном я написал работу (Shiller, Perron, 1985), в которой представил монте-карловское исследование по мощности критериев как частоту наблюдений, стремящуюся к бесконечности при фиксированном объеме выборки в течение долгих лет. В рассматриваемых нами случаях мощность не стремилась к бесконечности, как количество наблюдений. Позднее Пьер совместно с Питером Филлипсом создали целую теорию, подтверждающую это (Perron, Phillips, 1988). Я также не могу не упомянуть о моей совместной работе с еще одним моим студентом Андреа Белтратти, направленной на расширение границ применения избыточности волатильности, чтобы рассмотреть избыточную ковариацию между ценами на активы.

Кэмпбелл: Глядя сегодня на то, что было сделано 20 лет назад в области избыточной волатильности, как вы думаете, каким образом это повлияло на сферу финансов в целом?

Шиллер: Я считаю, что избыточная волатильность с точки зрения теории эффективных рынков была особенно важной аномалией. Она указывала на возможный провал эффективных рынков.

Потом появились поведенческие финансы, но я не знаю, что стало главной причиной этого. Избыточная волатильность значительно отличается от других аномалий. Такие аномалии, как «эффект понедельника» или «эффект января» и другие не кажутся мне фундаментальными. Откройте «Эффективные рынки капиталов» Фама (Efficient Capital Markets) (Fama, 1970), он говорит об аномалиях, но о тех, что выглядят как результат небольшого отклонения, противоречащего, так или иначе, определенным прогнозам модели.

Но вы же не думаете, что отклонение и есть причина избыточной волатильности. Отклонение замедляет или сглаживает, а волатильность бывает избыточной, причем в значительной степени. Это также согласуется с интуитивными ощущениями, которые испытывают люди, глядя на рынок, и я хотел показать, что, возможно, у этих ощущений есть научное обоснование.

Кэмпбелл: Давайте перейдем к поведенческим финансам — возможно, одной из самых важных тем в твоей научной карьере. То, что вы сделали тогда, так это создали своего рода альтернативную точку зрения на определенные вещи. Если избыточная волатильность берет свое начало в вашей диссертации, которую вы писали под руководством Франко, то что послужило началом разработки этой темы?

Шиллер: В 1974 г. я познакомился с Джинни. Вскоре после нашей свадьбы ее включили в Программу по психологии Делавэрского университета, располагавшегося недалеко от Пенсильванского университета, где я в то время преподавал. Мы жили в Ньюарке (штат Делавэр), и я ездил на работу в Филадельфию. Таким образом, днем я был профессором экономики, а вечера проводил в кругу молодых психологов. И некоторые их идеи произвели на меня большое впечатление.

С тех пор Джинни всегда сопровождала меня в моих перемещениях — сначала в Кембридж (штат Массачусетс), где я провел какое-то время в Национальном бюро экономических исследований, затем в Массачусетский технологический институт (МТИ), и наконец в 1982 г. в Йель, где она получила приглашение поработать в Йельском центре по изучению ребенка. Все эти годы мы с Джинни много говорили о ее и моей работе. Она всегда влияла и до сих пор влияет на меня.

Затем, в 1982 г., я познакомился с Диком Талером. Меня пригласили выступить в Корнеллском университете, где он тогда был старшим преподавателем, и мы сразу же подружились. У него была удивительная способность — он намного шире, чем другие, смотрел на процессы, происходившие в экономике, а также рассматривал их и с точки зрения психологии. Уверен, что в то время он уже был знаком с Дэниелом Канеманом и Амосом Тверски.

Кэмпбелл: То есть вы узнали о них через него?

Шиллер: Не совсем. Теория перспектив Канемана и Тверски появилась в 1978 г., и я много слышал об этой работе еще до того, как познакомился с Диком. Но я думаю, что Дик быстрее меня попал под их влияние и был готов делиться со мной всем, что вынес из этой теории.

Диссертация Талера, которую он писал в Рочестерском университете в 1974 г., была посвящена вопросу оценки стоимости жизни с экономической точки зрения при условии, что все ведут себя рационально (Thaler, Rosen, 1976). Немного позже он познакомился с Канеманом и Тверски, что и определило его дальнейший путь как ученого. Он полностью отрекся от

всего, что делал ранее. У меня же не было подобного прозрения. Я никогда так сильно не увлекался психологической составляющей в своих исследованиях, как он. Мои исследования носили более количественный характер, и я концентрировал свое внимание в большей степени на традиционной экономике.

С 1991 г. мы с Диком Талером занимаемся организацией конференций по поведенческим финансам под эгидой Национального бюро экономических исследований, спонсором которых выступает Фонд Рассела Сейджа. Кроме того, стали регулярно проводиться конференции по поведенческой макроэкономике, организация которых с 1994 года лежит на нас с Джорджем Акерлофом.

Кэмпбелл: У вас было еще одно направление исследования — оценка стоимости капитала на основе его потребления. На эту тему вы с Сэнди Гроссманом написали работу. Теперь можно сказать, что это выглядело очень инновационно.

Шиллер: Мне очень нравилась эта тема, хотя у меня и были некоторые

сомнения по поводу нее. Я думал, что это было справедливо для модели оценки стоимости капитала на основе потребления, но опять же у меня не было полной уверенности, что это так. Мы с Сэнди очень много говорили на эту тему, обсуждали модели, и я помню, как однажды сказал, что я не верю в эту модель.

Кэмпбелл: А он сказал, что верит?

Шиллер: Мне очень сложно суммировать все его мысли и высказывания. Но Сэнди тоже весьма практичный парень. Это был философский вопрос, насколько глубоко рассматривать модель. Это интересная модель, и как показывает наша совместная с Сэнди работа, она способна многое объяснить (Grossman, Shiller, 1981). Но одновременно были и существенные проблемы с моделью оценки стоимости капитала на основе его потребления.

Например, я вывел неравенство, которое показывало нижний предел вариации межвременной предельной нормы замещения, и обнаружил, что данные нарушают его (Shiller, 1982). Позднее Ларе Хансен и Рави Джаганнатан (1991) провели блестящую работу по определению масштабов и значения такого нарушения.

После этого, я просто хотел заняться чем-то другим. Сэнди также переключился на что-то еще.

Кэмпбелл: На заре вашей работы над поведенческими финансами эта тема была очень спорной, что порождало вокруг нее настоящие баталии. Можете что-нибудь рассказать из того времени?

Шиллер: Идея избыточной волатильности тогда получила довольно агрессивную ответную реакцию. Я должен был бы сказать, что многие отнеслись к ней достаточно дружелюбно, но думаю, что это мне дорого бы

обошлось. На самом деле ее восприняли не так хорошо. В какой-то степени она была политически некорректна.

Кэмпбелл: Если мне не изменяет память, в 1984 г. вы написали работу в Брукингском институте, в которой изложили то, что потом стало стандартной парадигмой поведенческих финансов. Речь там шла также о пагубном влиянии общества и взаимосвязях между трейдерами, осуществляющими случайные сделки, и рациональными арбитражерами (Shiller, 1984). Отнеслись ли к этой работе в Брукингском институте так же враждебно?

Шиллер: Нет, не думаю. Некоторая агрессивная реакция была, но слабая. Это были не те люди, которые всегда готовы наброситься на меня, как вы и сами могли прочувствовать. Вместо этого некоторые из них пытались игнорировать то, что мы говорили. Они пытались отклонить теорию, даже не взглянув на нее. Зачастую они говорили так, словно мы допустили какую-то грубейшую, и даже глупую ошибку. С другой стороны, я не думаю, что в общем и целом это была негативная реакция, даже в самом начале. Среди наших ученых в конечном итоге немало людей с широкими взглядами, которые обращают внимание на доказательства и обоснования, даже несмотря на то, что из их собственных публикаций читателям не всегда очевидно их понимание и стремление добиваться правды.

Я помню параграф из этой брукингской работы, где я указал на одну

важную ошибку в суждениях многих экономистов. В случае если рынки абсолютно эффективны и ожидаемая доходность постоянна, получается, что цена равна ожидаемому значению приведенной стоимости ожидаемых в будущем дивидендов. И это правда. Широко распространенная ошибка заключается в допущении, что ожидаемые поступления *примерно* постоянны, из чего следует, что цена *примерно* равна приведенной стоимости ожидаемых в будущем дивидендов. Подобная ошибка заставляет людей думать, что из этого следует, что краткосрочная доходность на рынке ценных бумаг трудно прогнозируема, сам же по себе уровень рынка ценных бумаг должен так же трудно определяться исходя из действительной стоимости, приведенной стоимости ожидаемых в будущем дивидендов. Они считают, что все действия на рынке ценных бумаг рациональны. В брукингском исследовании я заявил, что эта ошибка — «одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли». Когда я представлял свою работу на одной из брукингских конференций, кто-то мне после этого сказал, что я должен убрать из исследования эту «провокацию». Я решил посоветоваться с Биллом Нордхаусом, также присутствовавшим на конференции, должен ли я действительно от этого заявления избавиться. На что Билл ответил: «Ни в коем случае».

Размышления об ошибке аппроксимации привели меня к необходимости и дальше изучать, как неадекватное принятие слабой силы некоторых

тестов эффективности рынка вводит в заблуждение исследователей. В результате они в большей мере приняли теорию, модель ожидаемой приведенной стоимости для совокупного курса акций, а это неправильно.

Кэмпбелл: Интересно. Я помню то, что вы написали в работе о величайшей ошибке в истории экономической мысли. Тогда я подумал, что большинство людей более агрессивны при личном общении, чем в своих работах, и, возможно, вы являетесь исключением, подтверждающим правило.

Шиллер: Да, возможно в своих исследованиях я более агрессивен. Думаю, что когда я пишу, я становлюсь совершенно другим человеком. Отчасти это объясняет, почему я веду дневник с 12 лет. Написание чего-либо стимулирует работу моего мозга. Я уверен, что и беседа стимулирует работу мозга. Ведение дневника и своего рода беседа с самим собой делает вашу точку зрения уникальной.

Кэмпбелл: И таким образом влияешь сам на себя.

Шиллер: Да, это примерно так и работает. Вы ведете дневник?

Кэмпбелл: Нет, но, возможно, мне это необходимо.

Шиллер: Мне кажется, что таким образом я совершенствую свои идеи — записывая мысли, я воплощаю их в жизнь. Иначе я могу их просто забыть. Это помогает мне системно подходить к процессу осмысления идей и адаптировать решение для применения его на практике. Это дает возможность помнить о своих прежних идеях.

Кэмпбелл: В конце 1980-х гг. вы также начали заниматься методиками опросов. Помню, вы проводили опросы в 1987 г. — во время кризиса на рынке ценных бумаг. Многие экономисты тогда очень скептически относились к опросам. Это было влияние Джинни?

Шиллер: Возможно, в этом было и влияние Джинни. Она поддержала

меня, несмотря на то что данное направление исследований практически не имело смысла с точки зрения карьеры, но я (или я должен был бы сказать, мы) на самом деле верил в это.

Я вспоминаю «Очерки позитивной экономической теории» (Essays in Positive Economics, 1953) Милтона Фридмана, где он выступает против того, чтобы доверять мнению людей относительно мотива собственных экономических действий. Среди психологов также бытует мнение, что этого не следует делать. Нельзя спрашивать людей о том, почему они это сделали, и принимать их ответы за чистую монету. Это не экономика, но это и не психология.

С другой стороны, такие экономисты, как Милтон Фридман, допускали, что это единственная возможность использовать опросы, и взамен советовали, чтобы экономисты полагались лишь на формальные оптимизационные модели. Кроме того, это возможность проводить тестирование на основе использования статистических данных — цен и другой количественной информации. Но мне кажется, что экономисты зачастую живут в каком-то

вакууме. Обычно существуют очень простые объяснения того, почему люди совершают те или иные действия, а экономисты это игнорировали. Мы должны узнать, что люди делают, — по крайней мере для того, чтобы найти точку концентрации их внимания и предположений, но не принимать все, что они говорят, за чистую монету.

Мне кажется, экономисты в своих оптимизационных моделях, как правило, приписывают людям те или иные мысли, которых у них на самом деле и не было никогда. Поэтому, на мой взгляд, необходимо узнать, что люди говорят о своих соображениях. Это интересная тема для исследования. Я не рассматривал это исследование с точки зрения карьеры. Но когда я начал заниматься подобного рода исследованиями, у меня уже была постоянная должность. Поэтому я подумал: «А для чего еще нужна постоянная работа, как не для этого!» Мне не надо делать то, что приходится делать другим.

В сентябре 1986 г. произошло резкое падение котировок на фондовых биржах, и я тут же создал небольшую анкету для инвесторов, в которых спрашивал, что они думают по поводу случившегося. Как я узнал из полученной реакции на мою анкету и последующего исследования, никто в мире скорее всего не проводил подобных исследований — никто не интересовался, о чем думают люди во время кризиса. Позднее Мертон Миллер показал мне исследование Комиссии по ценным бумагам и биржам, проведенное на основе интервью участников кризиса фондового рынка 1946 г. Но с тех пор, видимо, больше никто не проводил подобных исследований. Я полагал, что в науке очень многое подчинено эффекту стадности: слишком много ученых делают одно и то же. Они делают это в первую очередь исходя из карьерных соображений, но в долгосрочном плане ученые зачастую более! эффективно работают, если идут каждый своим путем. Именно поэтому я обратил внимание на волатильность и разрабатывал эту тему.

Кэмпбелл: Таким образом, когда случился кризис, вы были во всеоружии.

Шиллер: Да, и когда случился в 1987 г. крах фондового рынка, я по-

думал, что, возможно, это шанс, выпадающий раз в жизни, чтобы исследовать вопрос спекулятивных пузырей. Сначала я беспокоился, что кто-то еще может провести исследование того, о чем думают люди в момент самого крупного за историю (и остающегося таковым по сей день) краха фондового рынка. А это могло сделать мое исследование бессмысленным. Но, поразмыслив, я решил, что бессмысленным оно не будет. Я выяснил, что никто не собирался это сделать сразу. У меня был реальный шанс провести уникальное исследование. Несколько месяцев спустя комиссия Брэйди, созданная по инициативе Президента США Рональда Рейгана, провела опрос среди специалистов в области инвестиций, который стал частью отчета о биржевом кризисе, но кроме того, что уже было поздно, люди находились

немного в другом состоянии, чем во время кризиса — они так и не выяснили, о чем думали люди непосредственно в момент кризиса.

Чтобы провести такой опрос, я две ночи почти не спал — 1 9 и 20 октября 1987 г. Я был выжат как лимон, но счастлив от того, что запустил опрос именно в момент кризиса. 2000 анкет было отправлено частным инвесторам, еще тысяча — институциональным. В итоге я получил назад почти 1000 заполненных анкет.

Я даже не пытался направить результаты опроса в какой-нибудь из научных журналов, посчитав, что скорее всего их не примут. Поэтому я включил их в свою книгу «Волатильность рынка» (Market Volatility, 1989).

Кэмпбелл: Я плохо знаю психологию, но меня поразила тенденция отхода от строго бихевиоризма к изучению того, что происходит в голове человека. Если считать, что вы придерживаетесь одной и той же идеи в экономике и если у нас есть модели, которые приписывают определенные цели экономическим агентам, мы должны посмотреть на то, что они говорят

и что пытаются сделать. Таким образом, здесь можно говорить о некой параллели с психологией.

Шиллер: Думаю, да... В общественных науках существует некая тенденция изучения идей. Она получила название интерпретативного или интер-

Рис. 11.4. В Москве на Красной площади. Слева направо: Алан Ауэрбах, Роберт Шиллер, Лоренс Кац, Дэвид Уайз и Лоренс Саммерс. 1989 г.

претационного подхода в общественной науке. Конечно, идеи являются частью классической экономики. Оптимизационная модель — это представление идей, но, как водится, она не ставит себе целью собрать данные о том, что представляют собой идеи или связанное с ними мировоззрение и популярные модели. Экономисты, чтобы проверить свои модели, пытаются исследовать действия, а не идеи.

В 1987 г. я посчитал, что должен провести такой опрос, иначе второго шанса у меня может и не быть. Даже если никто не использует мои данные в полной мере в экономике, я надеялся, что когда-нибудь это все же произойдет.

Кэмпбелл: И затем вы обнаружили другое применение для своего исследования.

Шиллер: Я познакомился с Чипом Кейсом. Спустя год после случившегося биржевого кризиса, в 1988 г. мы провели анкетный опрос среди покупателей недвижимости — чтобы изучить спекулятивный пузырь на рынке недвижимости в Калифорнии и уже сдувающийся пузырь в Бостоне (Case, Shiller, 1988). Мы сравнили города в Милуоки — во время бума, после бума, при отсутствии бума. Мы узнали о некоторых основных моментах. Например, что жители штата индифферентны к рынку недвижимости. Степень привлекательности и внимания к спекулятивным рынкам варьируется в зависимости от географического расположения, в первую очередь из-за разности опыта местного рынка.

Кэмпбелл: Из этого как раз вытекает мой следующий вопрос. Что вас привело в рынке недвижимости? Была ли эта спонтанная идея, что-то вроде: «О! У рынка недвижимости тоже есть волатильность, почему бы его тоже не исследовать?»

Шиллер: В определенной степени мое ощущение стадного поведения ученых повлияло на мои идеи. Экономисты сами по себе подвержены стадности при выборе направления исследования, поэтому существует большое количество неизученных вопросов за пределами общих тем. Я изучил все, что было опубликовано по рынку недвижимости или по эффективности цен на недвижимость. Являются ли они случайными? Оказалось, что на тему эффективности цен на дома до сих пор практически ничего не было написано. Когда вы начинаете об этом думать, вам кажется, что с точки зрения текущей рыночной стоимости тема недвижимости так же важна, как и тема фондового рынка. Почему все исследования были нацелены на фондовый рынок, а не на рынок недвижимости?

Кэмпбелл: Поэтому вы начали искать экономиста — специалиста по жилищному строительству? Так вы нашли Чипа?

Шиллер: Он был связан с Рэем Фэйером — они вместе писали учебник.

Кроме того, Чип — родственная душа. В 1986 г. он написал статью о бостонском рынке жилья, в которой рассматривал все его основные состав-

Рис. 11.5. Основатели Case Shiller Weiss, Inc. В первом ряду: Роберт Шиллер и Чарльз Лонгфилд. Сзади: Карл Кейс и Аллан Вайс. 1991 г.

ляющие и пришел к выводу, что в середине 1980-х гг. не было ничего такого, что вызвало бы рост цен на жилье почти на 40% в год (Case, 1986). Он был замечательным соавтором, и я считаю, мы многое узнали о том, что происходило в головах людей во время раздувания этого пузыря.

Кэмпбелл: А затем вы решили пойти дальше научного исследования рынка недвижимости и основали компанию.

Шиллер: Один из моих студентов в Йельском университете, Аллан Вайс, после окончания в 1989 г. захотел поработать со мной над созданием индексов, которые мы с Чипом разработали. Для того чтобы делать это на постоянной основе, и была образована компания. Аллан также размышлял о возможности управления рисками на рынке недвижимости — он думал, что, запустив бизнес по разработке индексов, он каким-то образом сможет продвинуться в этой теме. В 1991 г. мы зарегистрировали Case Shiller Weiss, Inc. Аллан стал президентом компании, а мы с Чипом — членами правления. С самого начала мы надеялись, что индексы станут основой для фьючерсных контрактов, но этого до сих пор не произошло. Мы делали прогнозы цен для рынка жилья. Потом мы стали поставщиком модели автоматизированной оценки, эконометрической модели, которая позволяла в режиме онлайн проводить оперативную оценку домов. Мы начали этим заниматься в благоприятное для этого время, наши первые шаги на этом поприще совпали с быстрым распространением онлайн-кредитования на

рынке ипотечных продуктов, таким образом кредиторы стали нашими клиентами. Аллан сделал нашу компанию суперуспешной. В 2002 г. мы продали ее Fiserv, Inc. — она продолжает работать отдельно от материнской

компании, но уже под брендом Fiserv CSW, Inc.
Все это произошло благодаря тому, что в конце 1 980-х гг. нам с Чипом необходимо было создать систему индексов цен на недвижимость для оценки эффективности этого рынка. В то время на самом деле нельзя было найти индексы цен на недвижимость, которые можно было бы использовать для оценки эффективности рынка. Доступный же показатель средней цены жилья был слишком сильно подвержен колебаниям во времени — как мы считали, вследствие изменения структуры проданного жилья. Чип в своей статье, опубликованной в 1986 г., рассказывает о созданном им для Бостона индексе цен на основе повторных продаж. Я обнаружил, что пока Чип самостоятельно доходил до этой методики, в начале 1960-х гг. Мартин Бейли, Ричард Мут и Хью Нурс написали научную работу об индексе цен на основе повторных продаж (1963). Но они никогда и нигде серьезно его не использовали. Прошло четверть века, а никто не составлял подобных индексов цен на жилье на постоянной основе или для какой-нибудь значительной территории. Поэтому нам необходимо было их разработать. Мы усовершенствовали методику повторных продаж, нашли нужные данные и начали составлять индексы. Мой студент в Йеле Уилл Гецманн написал диссертацию по индексам на основе мониторинга повторных продаж, которые он применил для рынка картин. Сейчас он мой коллега по Йелю и возглавляет в университете Международный финансовый центр.
Мы с Чипом и не думали даже о каком-либо бизнесе, связанном с индексами, но мы опубликовали статью, посвященную индексам цен на недвижимость для четырех городов. Затем, используя эти индексы, мы протестировали (и во всеуслышание отвергли) гипотезу эффективных рынков для цен на дома для одной семьи (Case, Shiller, 1989). Мы обнаружили несколько весьма существенных факторов, влияющих на цены жилья. Мое волнение тогда было сродни волнению Левенгука, впервые смотревшего в микроскоп. Мы *увидели* из наших схем, что происходит с ценами на недвижимость — их ровную динамику в отличие от котировок акций. Интуитивно люди должны были предположить, что это инерционность цен, но они на самом деле никогда ее не наблюдали. Никто не может без использования эконометрических методов увидеть какие-либо движения цен на жилье, из-за информационного шума в отношении цен на отдельные дома и несоразмерности данных о продажах объектов жилья.
Мой студент Аллан Вайс думал, что на составлении индексов цен на недвижимость можно сделать бизнес. Когда он организовал компанию, он испытал на себе все трудности — перед глазами не было ни одного примера для подражания. Я был консультантом. И даже больше, чем консуль-

тантом. Я сделал все эконометрические расчеты и написал компьютерную программу для построения индексов, которую компания использует по сей день. Вместе с Алланом и Чипом я работал над практическим применением наших индексов. Втроем мы совершили тур по фьючерсным биржам и другим компаниям, занимающимся управлением рисками, пытаясь создать рынок для расчета и управления рисками в сфере недвижимости.

Это был интересный опыт. Бизнес для ученого-экономиста — это хорошая практика. Аллан обсуждал со мной все, что касалось дел в компании. На начальном этапе нам с Аланом приходилось ссужать собственной компании деньги, чтобы выплатить сотрудникам заработную плату, поэтому можно сказать, что мы ощутили на себе все «прелести» мира бизнеса. Думаю, это повлияло и на мое отношение к экономике.

Кэмпбелл: Я бы хотел сейчас поговорить о переоценке фондового рынка в конце 1990-х гг. и о том, что вы чувствовали, глядя на рынок с позиции уже проделанной работы и осознанием того, что рынок переоценен.

Шиллер: Моя книга «Иррациональный оптимизм» (Irrational Exuberance, 2000) как раз об этом. До этого, конечно, в 1996 г. нас с вами приглашали выступить перед Советом управляющих Федеральной резервной системы.

Рис. 11.6. Роберт Шиллер в своем офисе в Йельском университете с коллегами (слева направо): Уильямом Гецманном, Уильямом Брейнардом, Стефано Атанасулисом и Кэрол Коупленд. 2003 г.

Кэмпбелл: У меня сложилось впечатление, что Гринспен начал формулировать свое мнение об иррациональном богатстве еще до нашей встречи.

Шиллер: Безусловно, вы правы. Иначе как можно было склонить его к этому на встрече, где было высказано столько мнений.

Это мне напомнило о том, что мы упустили такой важный вопрос, как наше с вами сотрудничество. Мы написали вместе более десятка работ, так

много я ни с кем не работал. Вы оказали на меня тоже очень сильное влияние. Благодаря вам мой анализ стал более строгим. Мы разработали модели векторной авторегрессии и коинтегрированной векторной регрессии, и вы помогли мне разобраться с разного рода критикой, в первую очередь в отношении единых корней. Я уверен, это была ваша идея — создать коинтеграционную векторную авторегрессию, используя соотношения «дивиденд-цена» или «прибыль-цена» в качестве информационных переменных.

Кэмпбелл: Да, я помню, что когда занимался рынком труда, я ездил в Сан-Диего, чтобы больше узнать о коинтеграции. По этой теме активно вели исследования Роберт Энгл и Клайв Грэнджер. Они рассматривали коинтеграцию с точки зрения корректировки неравновесия или частичной корректировки равновесия в долгосрочной, а не краткосрочной перспективе. И я помню, как считал, что это не совсем правильно. Одна и та же экономическая модель, которая задает равновесие в долгосрочной перспективе, могла бы также определять и корректировку равновесия в краткосрочной. Это очень хорошо согласуется с теми вопросами, которые поднимали критики вашей избыточной волатильности.

Шиллер: В известном смысле это была финальная стадия. Дальше в своей работе над избыточной волатильностью я уже не продвинулся. Это привело к вашей декомпозиции сведений, которые разделились на относящиеся к новой информации о будущих дивидендах и те, что относятся к информации о будущих поступлениях.

Кэмпбелл: Это была еще одна часть нашей совместной работы. Разработанная нами логарифмическая линеаризация дала нам возможность рассматривать модель приведения к текущей стоимости с процентными ставками, изменяющимися во времени (Campbell, Shiller, 1988). И надо отдать вам должное, вы пришли со своим «расширением», дававшим возможность логарифмической линеаризации в отношении процентных ставок, и я использовал ее в отношении потребления и т.п. Идея возможности логарифмической линеаризации уравнения была фундаментальной, что было для меня откровением, прозрением.

Шиллер: Это положило начало написанию ряда работ.

Кэмпбелл: Давайте вернемся назад в конец 1990-х гг. После того, как были обнародованы наши идеи о том, что фондовый рынок, возможно, слишком высок, в течение еще нескольких лет рынок продолжал расти.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

К 1998 г. мы опубликовали работу, в которой заявили, что рынок опасно высок. Мы опубликовали ее в *Journal of Portfolio Management* (Campbell, Shiller, 1998).

Шиллер: Это было нашим совместным заявлением, которое мы подготовили для публикации. Тогда мы впервые выразили наши мысли на этот счет для широкой аудитории. В результате в наш адрес прозвучало намного меньше протестов, чем это было в отношении наших предыдущих утверждений.

Кэмпбелл: Я просто хотел узнать, было ли лично вам трудно тогда стоять на своем. Что касается меня, то мне было очень трудно. Вы же не сдавали позиции, о чем и говорит ваша книга «Иррациональный оптимизм».

Шиллер: Я чувствовал так, словно рынок и коллективные иллюзии в отношении экономики, которые мы тогда испытывали, подталкивали меня написать что-то против этого. Книга вышла в марте 2000 г., когда рынок был на самом верху. Это было удачное время, но не во всем. У меня было ощущение, что уже скоро все закончится, поэтому я бросился писать эту книгу.

Кэмпбелл: С чувством, что сейчас или никогда?

Шиллер: Я писал эту книгу с бешеной скоростью.

Кэмпбелл: Думаю, что Джереми Сиджел подтолкнул вас к этому.

Рис. 11.7. Роберт Шиллер и Джон Кэмпбелл в Литтауэр-центре на фоне Гарвард-парка, 2003 г.

Шиллер: Совершенно верно. Я подумывал о том, чтобы сделать еще одно издание сборника своих работ «Волатильность рынка» (Market Volatility), и Джереми сказал, что я должен написать новую книгу, это будет своевременно.

Кэмпбелл: Он сказал своевременно, поскольку тоже думал, что рынок переоценен?

Шиллер: Думаю... интересный вопрос... он сказал, что пришло время

написать эту книгу. Полагаю, он разделял некоторые мои идеи. Девять месяцев спустя, в марте 2000 г. в *Wall Street Journal* вышла его статья (Siegel, 2000) о неоправданно высоких ценах на акции технологических компаний.

Все, что он говорил тогда, совпадало с тем, что говорил я, за исключением того, что он сосредоточил свое внимание лишь на определенном типе акций — акциях технологических компаний, а не на всем рынке.

Зачастую очень многое делалось именно на разности мнений: он — бык, я — медведь, но, как правило, по многим вопросам наши мнения совпадали. Насколько я помню, он тогда сказал что-то вроде «...не знаю, прав ли ты, Боб, но это интересный аргумент и сейчас самое время написать книгу». Возможно, он думал, что моя книга будет касаться только акций технологических компаний. Также надо отметить, что в последнем издании его книги «Акции на длительный срок» (Stocks for the Long Run) (Siegel, 2002) есть глава, посвященная поведенческим финансам.

Согласно моей философии, большие проекты необходимо начинать сразу же под влиянием вдохновения, в противном случае никто и никогда их не начнет. Поэтому, после того как мне позвонил Джереми, я сразу же начал работать над книгой.

Кэмпбелл: Так было и с тем опросом, который вы провели после кризиса на фондовом рынке.

Шиллер: Да, это был такой же импульс. Слава богу, у меня в тот день не было никаких встреч, поэтому я отправился на прогулку, размышляя об этой идее, и начал писать, не дожидаясь, пока пропадет вдохновение, чтобы в голове это закрепилось как действующий проект. Затем я начал обзванивать издателей, в том числе и Питера Доэрти в Принстоне. который оказал большое влияние на книгу.

В то время я готовил другую книгу, и мне пришлось ее забросить. Все построено на эмоциях: кто-то пишет книгу и не хочет останавливаться, а кто-то боится, что никогда этого не сделает.

Кэмпбелл: Так что это была за книга?

Шиллер: В итоге она получила название «Новый финансовый порядок: риски в XIX веке» и вышла из печати в 2003 г. Я начал работать над ней в 1997 г., но через полтора года пришлось ее отложить. Слава богу, благодаря Питеру Доэрти ко мне вернулся прежний энтузиазм, который и позволил ее закончить. Доэрти был отличным редактором для «Иррациональ-

ного оптимизма», и я очень рад, что он выступил также в качестве редактора и «Нового финансового порядка». Тонко руководя процессом, хороший редактор может сделать конечный продукт совершенно иным. Должен добавить, что моя жена Джинни также прочла всю рукопись и сделала свои замечания. Кроме того, она помогала мне на стадии размышлений над идеями книги.

Кэмпбелл: Как вы считаете, «Иррациональный оптимизм» оказал влияние на то, как люди понимают фондовый рынок?

Шиллер: По крайней мере, книга повлияла на то, как его понимаю я. Все мои идеи были подробно описаны и объединены. Я думал обо всем, что изучал в течение многих лет, и пытался определить, насколько это все соответствует сегодняшнему дню. Я не ставил себе целью написать попу-

лярную книгу. Некоторые могут сказать, что она действительно была популярной. Но это только потому, что я выкинул оттуда всю математику. Это выглядело как своего рода дискуссия или умозаключение одной из наших совместных с вами работ, Джон. В «Иррациональном оптимизме» есть два уравнения, но они спрятаны в пояснениях в конце книги.

В каком-то смысле я писал эту книгу для себя. Это было лишь мое видение. Она отражала все, о чем я думаю, когда рассматриваю финансовые исследования в более широком ракурсе. Поэтому я был удивлен, когда обнаружил, что книга попала в топ-лист популярной литературы *The New York Times*. Для академической литературы это абсолютно несвойственно. Единственное, что я сделал для того, чтобы привлечь более широкую аудиторию, — я попытался сделать ее интересной прежде всего для самого себя.

Следует отметить, что в экономике можно исследовать явления только на основе широкого взгляда на вещи. Экономика не похожа на другие науки. Здесь труднее разбить все на части и затем изучать. В той же химии, вы можете взять какой-то определенный состав и анализировать его, а в экономике для этого потребуется более широкая проекция. В экономике больше, чем в химии, существует риск, что вы можете сделать что-нибудь бесполезное.

Кэмпбелл: Думаю, вы правы. Есть дисциплины, где необходимо собрать множество маленьких кирпичиков, чтобы построить стену. В экономике этих кирпичиков меньше.

Шиллер: Да, у нас есть данные, которые собирает Бюро переписи населения, — масса кирпичиков, подготовленных для того, чтобы заложить их в качестве фундамента. Затем мы, экономисты, строим на этом фундаменте какие-то очень шаткие суперконструкции, какие-то слабые экономические модели.

Кэмпбелл: Вы говорите о применимости того, что делают экономисты. Некоторые из ваших идей, которые можно отнести к финансовым иннова-

циям, безусловно, применимы на практике. Как и то, что вы сделали в области индексирования, исходя из инфляции...

Шиллер: Часть из этого проделано вместе с вами.

Кэмпбелл: Согласен. Кроме того, на заре научной деятельности вы с Джереми Сиджелом какое-то время работали над темой инфляции. Вы также занимались изучением инфляции и в одиночку. А как вообще пришла в голову мысль, что этой темой стоит заняться?

Шиллер: А это другой вопрос, на который у меня нет ответа. И снова возвращаясь к тому, чему меня учили. Один из самых главных выводов, которые я сделал на курсе физики, заключался в том, что очень важно выбрать правильно единицу измерения. В истории экономической мысли ряд наиболее важных ошибок был связан с единицами измерения. Ярким примером служит теория фонда заработной платы, возникшая в XIX веке, в которой экономисты путали капитал с денежным потоком. Мой преподаватель в Мичигане, Шори Петерсон, как и мои преподаватели физики, особо подчеркивал важность единиц измерения. В большинстве наших долгосрочных контрактов фигурируют доллары — единица измерения, ко-

торая с течением времени изменяется, и это лишь изменяющееся мерило. Странно будет выглядеть, если мы и в XIX веке будем использовать подобные архаичные системы измерения.

Интересна сама история появления подобной идеи. Первый человек, предложивший компенсированный доллар, был астроном Саймон Ньюкомб (Newcomb, 1879). Он был экспертом по системам измерения.

Затем Ирвинг Фишер, еще один человек, который оказал на меня серьезное влияние (хотя я никогда не встречался с ним), также придавал особое значение человеческим слабостям при разработке монетарной политики (Fischer, 1928). Это положило начало развитию поведенческой экономики.

Меня поражает, что зачастую экономисты строят модели, в которых люди оперируют определенными количественными показателями. Но на самом деле люди даже не мыслят такими категориями — они используют совершенно другую систему координат.

Большая часть теории временной структуры процентных ставок перекликается с теорией *реальных* процентных ставок. И если указать теоретикам на то, что до последнего времени у нас не было временной структуры реальных процентных ставок, они порой отвечают, что теория номинальной временной структуры была бы беспорядочной, неизящной. Номинальные процентные ставки содержат инфляционную составляющую, что делает модель менее изящной.

Исходя из того, что люди ведут себя не так, как утверждают экономисты, мир должен быть более индексированным. Мы должны установить единицу измерения, индексированную на инфляцию, что-то наподобие *единицы*

развития в Чили. Так мы можем изменить психологическую систему координат у людей. И фактически мы должны будем в то же время создать систему измерения по многим другим направлениям. Именно об этом я пишу в своей книге «Новый финансовый порядок». Так же как существуют единицы измерения инфляции, должна быть и единица измерения заработной платы, которая бы отражала среднюю заработную плату. Для этого нам необходимы более качественные индексы заработной платы. Существующие на сегодняшний день индексы нельзя назвать индексами многоразового использования, поскольку они не отражают изменения заработной платы отдельных граждан. Затем, нам было бы неплохо также иметь систему измерения производительности труда, различные потребительские корзины для отдельных категорий взрослого населения и т.д. Должна быть возможность выписать чек, единицы измерения которого совпадали бы с любой из этих систем, не только с точки зрения валюты, но и использования кредитной карты, имеющей такую же систему измерения, и т.д.

Я хотел назвать единицу измерения, индексируемую по инфляции, «корзиной», вроде потребительской корзины, которая лежит в основе индекса потребительских цен. В результате можно было бы выписывать чек в «корзинах», а не в долларах. Чек, скажем, за 10 корзин выглядел бы как передача 10 корзин, состоящих из реальных товаров и т.д., а обозначение способствовало бы пониманию того, что, выписывая такой чек, они именно это и делают.

Кэмпбелл: Это похоже на какой-то возврат к Средневековью, когда феодальные пошлины измерялись бочками сельскохозяйственной продукции.
Шиллер: И еще, что касается экономической теории. Теория индексов — это важнейшая составляющая в развитии экономической теории, и ее, я убежден, необходимо активно применять на практике. Это может дать обществу ощутимые преимущества. Индексируемые единицы расчетов в каком-то смысле могут выглядеть как возврат к Средневековью, но на самом деле это было бы шагом вперед при наличии передовой теории.
Кэмпбелл: Одним словом, назад в будущее.
Шиллер: Да, именно так. Это также связано с новыми электронными технологиями. Ирвинг Фишер, предлагая компенсируемый доллар, предполагал, что для проведения транзакций нам необходима наличная валюта (Fischer, 1913). Трудно было понять, как в этом случае сделать абсолютно стабильной реальную стоимость валюты. Ирвинга Фишера беспокоили расчеты, которые требовались для индексации: невозможно ждать от людей, что они будут проводить сложные вычисления каждый раз, когда будут покупать газету. Он видел решение данной проблемы в компенсируемом долларе. Сегодня с помощью электронных денег это сделать намного проще, реальная стоимость единицы может определяться с помо-

щью индекса, который будет постоянно и автоматически рассчитываться компьютером. В наши дни при наличии кредитных карт, смарт-карт и т. п., было бы неплохо иметь сложные единицы измерения, о которых рассказывают детям в школе и которые встраиваются в нашу экономику, чтобы таким образом заключаемые контракты были более практичными. Эти темы я и поднял на страницах своей книги «Новый финансовый порядок».
Кэмпбелл: Вы упомянули книгу, но это лишь часть программы исследований — существовала еще миссия продвижения новых финансовых инструментов для улучшения распределения рисков. У вас есть еще более ранняя книга по макрорынкам на основе Кларендонских лекций (Shiller, 1993). Некоторые люди могли бы сказать: «Разве не удивительно, что тот же самый Боб Шиллер, который говорит об избыточной волатильности рынков, одновременно продвигает идею дальнейшего расширения финансовых рынков?!» Как бы вы отреагировали на это?
Шиллер: Сказать, что нам не нужны рынки, потому что они избыточно волатильны, значит слишком упростить подход к тому, что происходит в реальном мире. Никто, в том числе и я, никогда не предлагали закрыть фондовый рынок из-за избыточной волатильности.
Кэмпбелл: Алан Блайндер как-то поделился со мной своими мыслями по поводу того, что фондовый рынок должен быть открыт только один день В году.
Шиллер: Это немного напоминает теорию «искусственных препятствий». Возможно, Джим Тобин согласился бы с этим, но даже Блайндер не призывает закрывать рынки. Избыточная волатильность — это лишь один из примеров силы непостоянства человеческого поведения. Человеческий мозг — невероятно сильная вещь. Он способен провести такие вычисления,

которые просто поразят вас, но в то же время порой может делать глупые ошибки. Поэтому нам необходимо все делать так, чтобы с этим могли работать реальные люди.

Например, у самолетов очень надежные системы — они не сбиваются с курса из-за небольшой ошибки пилота. Мы должны сделать наши финансовые институты такими же. Конечно, проблема заключается в том, как это сделать. Необходимо строить все вокруг пределов возможностей человека и позволить людям делать то, что они делают лучше всего. Большинство людей способны управлять своей жизнью и своими рисками, и мы хотим создать механизмы, позволяющие им это делать должным образом, но мы хотим также установить стандартный набор инструментов, которые позволили бы людям жить относительно хорошо, даже если они не смогут что-либо предпринимать.

Таким образом, избыточная волатильность — это проявление определенного непостоянства человеческого поведения, и такое непостоянство

может проявляться и иначе, даже в виде войн, революций, то, что совершенно не связано с рынками. Поэтому в общем и целом я считаю расширение рынков правильным.

Кэмпбелл: Вы также стремились расширить рынки и создать новые с помощью своей компании и силы убеждений.

Шиллер: Многое происходит сейчас. Мне звонят люди, которые хотели бы создать новый рынок деривативов или новый подход к достижению общественных целей через стимулирование. Это развивается само по себе, вне зависимости от того, сделал я что-то в той или иной сфере или нет, и никто никогда не скажет, повлиял я на это или нет.

Кэмпбелл: Когда вы разговариваете с теми, кто работает на фьючерсных биржах или с теми, кто так или иначе связан с Macro Securities Research (компанией, недавно созданной вами и Аланом Вайсом), вы видите препятствия, которые стоят на пути реализации подобных идей? Возможно, вы стали больше знать об ограничениях, инерционности, которая не дает рынкам успешно развиваться.

Шиллер: Аллан, я, а теперь еще и Сэм Мазуччи, главный операционный директор Macro Securities Research, в течение многих лет пытались улучшить систему управления рисками. И об институциональной инерционности нам известно очень много.

Это одна из причин, почему я так хотел разработать более практичную систему индексации. Мы думали о том, чтобы создать механизм хеджирования стоимости домов. Когда мы стали встречаться с представителями фьючерсных бирж, чтобы предложить им такой механизм, то до нас дошло, что простой продукт для управления рисками для владельцев домов должен защищать реальную стоимость их дома, а не номинальную. Если люди хеджируют номинальную стоимость при неопределенном уровне инфляции, они могут создать большие колебания реальной стоимости, чем при отсутствии хеджирования. Я спросил тех, кто занимается фьючерсами, можно ли создать механизм хеджирования, который бы оперировал реальной стоимостью. В ответ я услышал: «А зачем?» Казалось, что никто не может сделать что-нибудь разумное, пока нам приходится проводить все эконо-

мические сделки с использованием каких-то ненормальных единиц измерения (денег), поэтому люди не могут оперировать таким простым инструментом, как индексация. Это пример из моего опыта. Поэтому нам необходимо создать экономическую инфраструктуру, которая дала бы возможность реализовать подобные идеи.

Кэмпбелл: Недавно вышла ваша книга «Новый финансовый порядок». Как вы пришли к идее ее написания? Вы начали над ней работать в 1997 г., а потом отложили.

Шиллер: В 1993 г. я написал «Макрорынки» (Macro Markets). Это была очень технологичная книга, где я, например, говорил об индексах на осно-

ве повторных измерений и первопричинах волатильности. Она также затрагивала и более широкие темы. Я говорил о том, как институциональные изменения повлияют на рынки и нашу жизнь. Книга попала в обзор литературы *The New York Times.* Мне позвонил обозреватель Питер Пасселл и сказал, что я должен сделать версию книги для широкой аудитории: «Вся эта математика только пугает читателя — для понимания основных идей она не нужна». Я ответил, что не знаю, как писать книги для широкой аудитории на тему, которая, как мне казалось, была по сути своей технической. В результате я отложил эту идею до лучших времен. Я не представлял себе, что смогу это сделать.

Прошло несколько лет. Вместе с моим студентом Стефано Атанасулисом я опубликовал ряд работ, в которых продвигал идею математической теории управления основными рисками в контексте институциональной модели (Athanasoulis, Shiller, 2001). Мы очень продуктивно работали. Теперь мы более четко представляли себе идею теории новых высокорискованных рынков. Мы написали четыре основные работы на эту тему, но продолжали совместные исследования. Он мне очень помог в работе над этой темой — подкинул множество идей.

Тогда же я начал думать, что на самом деле можно о многом сказать, не ссылаясь на техническую составляющую вопроса. И снова я стал писать книгу исключительно для себя, пытаясь лучше для себя разобраться в определенных вопросах.

Частично мотивацией для меня послужил тот факт, что после выхода книги «Макрорынки» люди в большинстве своем никоим образом не отреагировали на нее. Они не увидели в ней какой-либо рабочей идеи. Поэтому мне необходимо было найти более весомые аргументы, а значит рассмотреть идеи по управлению рисками в более широкой перспективе использования.

Основной стимул заключался в том, чтобы разобраться с реальными препятствиями в управлении рисками. Я хотел, чтобы читатели увидели, как аналогичные инновации входили в историю, чтобы они поняли, что радикально новые финансовые инновации не являются беспрецедентными, и что нет ничего невозможного в том, чтобы справиться с барьерами человеческой психологии, особенно если новые институты созданы именно для того, чтобы работать с человеческими слабостями. Я хотел, чтобы это была серьезная книжка, и подумал, что мог бы где-нибудь еще поместить векторные авторегрессии. Например, любой желающий может об этом прочесть

в некоторых наших работах.
Меня действительно очень взволновала эта книга, но работа над ней шла очень тяжело. В отличие от этой книги, «Иррациональный оптимизм» я написал практически за девять месяцев. Хотя туда вошли и записи, сделанные еще в 1987 г., основная часть книги была написана в течение де-

вяти месяцев. Подготовка же «Нового финансового порядка» шла трудно и отняла много времени.
Кэмпбелл: В предисловии к своей новой книге вы сказали, что 20 лет в Йеле определенным образом повлияли на вас.
Шиллер: Я пришел в Йель, поскольку восторгался Джимом Тобином, Биллом Брейнардом, Биллом Нордхаусом и другими, работавшими там в то время. В статье Брейнарда и Долбеара (1971) говорилось о хеджируемых рисках, связанных со средствами для проживания. Это была самая ранняя работа на эту тему. Тобин в своих исследованиях молчит о хеджировании характерных рисков. Он больше занимался институциональными изменениями. Он создал Йельскую альтернативу (Yale Tuition Payment Option) — программу, которая давала возможность посредством студенческих займов управлять финансовыми рисками на протяжении всей жизни. Масштабы организации оказались более скромными, чем планировалось, но Тобин убедил администрацию Йельского университета пойти на ее создание.
Кэмпбелл: Это аукнулось университету, поскольку люди, которые делали самые большие платежи по программе, одновременно были кандидатами для денежных пожертвований университету. Они злились, когда получали подобные счета, и поэтому отказывались давать деньги.
Шиллер: Программа была закрыта, а оставшиеся невозвращенные займы — «прощены». У плана были некоторые недостатки. Другая проблема состояла в том, что платежи устанавливались по форме федерального налога на прибыль. Когда позднее студенты женились, они улаживали вопрос налогообложения и второй половины. Они не ожидали такого, это казалось несправедливым. Вопрос теперь заключался в том, как урегулировать сложившуюся ситуацию.
Кэмпбелл: Можно было жениться, но подавать документы независимо друг от друга.
Шиллер: Это нарушало текущее налоговое законодательство. Было бы проще, если бы управление подоходным налогом было автоматизировано — нажимаешь кнопку и выводишь различные формы. Из-за отсутствия такой технологии Yale Tuition Payment Option вынужден был использовать бланк налоговой декларации. Одна из идей моей новой книги заключается в том, что сегодня технологии развиваются так быстро, что институты могут стать более сложными.
Кэмпбелл: Если посмотреть на налоговый кодекс, это уже происходит. Налоговый кодекс становится все более сложным, поскольку появилась возможность делать различные вычисления.
Шиллер: Очевидно, для грамотного управления рисками необходима эта сложность. Но, так или иначе, возвращаясь к Ирвингу Фишеру, можно сказать, что многие им восхищались. Он был новатором. Он пытался за-

пустить индексированные облигации. У него был практический подход к экономике. Он даже проводил опросы.

Кэмпбелл: В самом деле? Я этого не знал.

Шиллер: В своей книге «Иллюзия денег» (Money Illusion) он рассказывает об опросе, который провел среди владельцев магазинов в Германии, когда там была гиперинфляция. Он спрашивал их о том, почему они повысили цены, и пришел к выводу, что на самом деле они не понимали, какую роль в принятии решений играет инфляция. Это своего рода традиция Йеля — проводить практические исследования, в центре внимания которых лежит экономическая политика.

Кстати, в *Macroeconomic Dynamics* есть еще одна статья о традициях Йеля. Дэвид Коландер беседует со мной и Джимом Тобином о Йельских традициях в экономике (Colander, 1999).

Кэмпбелл: Последний вопрос. Если говорить о будущем, есть ли какие-нибудь темы для исследований, которые можно считать перспективными — и для вас, и для науки — в последующие 10 лет? Если к вам придет магистрант и скажет: «Я ищу область или идею для исследования», что вы ему посоветуете?

Шиллер: Очень трудно прогнозировать действия на столь продолжительный период. Я никогда заранее не планировал свои исследования. Но, думаю, мне есть что сказать по этому поводу.

Во-первых, возможно, большинство экономистов ничего не ответят на вопрос, снизились ли затраты на что-то благодаря информационной революции, и мы как экономисты должны подумать о том, как можно это использовать. Поэтому экономисты-исследователи должны думать больше о том, что они могут сделать для создания более сложных экономических институтов. И это уже происходит. Мы все больше проводим исследования в области финансовой инженерии и создания необходимых механизмов.

Думаю, нам предстоит много сделать, чтобы интегрировать теорию управления рисками в общую экономическую теорию. Очень важно продвигать эту фундаментальную теорию. К сожалению, в повседневной научной жизни прослеживается тенденция, когда миллион маленьких отступлений препятствует реализации чего-то большого. Я должен поблагодарить своего бессменного помощника, Кэрол Коупленд, за то, что она все эти годы помогала мне с организацией моего времени и оберегала меня от подобных отступлений. Надо слушать советы других, а также собственный внутренний голос, чтобы не выхолащивать свои исследования.

Многое из того, что делают экономисты, очень абстрактно. Я бы также им посоветовал больше заниматься тем, что можно использовать на практике (например, запатентовать), а не просто предлагать Национальному фонду (США). Использование нашей теории на практике может принести большую пользу.

Полагаю, что в последующие десять лет я буду помогать другим в осуществлении всего вышесказанного. Очень трудно быть новатором, поскольку это не свойственно представителям научного сообщества. Это выглядит

ненормальным. Многие считали братьев Райт тоже ненормальными, когда те попытались сконструировать аэроплан. Сегодня современные конструкторы самолетов — очень уважаемые люди. Что касается технического устройства или какого-либо конструктивного аспекта экономики, мы находимся в положении братьев Райт.

Поэтому одной из моих важнейших задач на ближайшие годы станет поддержка инноваций в области финансов. Сегодня через меня проходит масса различных предложений. Все они начинаются практически одинаково: «У меня есть идея, о которой никто не хочет слышать». Лишь иногда идеи бывают «ненормальными», но чаще всего нет. Иногда идея выглядит просто не ко времени. Уверен, что со временем они будут услышаны. В ближайшие годы мы станем свидетелями большого количества фундаментальных инноваций в области финансов и социального страхования, предложенных учеными со всего мира, вдохновленных теорией финансов и быстрым распространением информационных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Anderson, L.C. & Jordan J.L. (1968) Monetary and fiscal actions: A rest of their relative importance. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review* 50, 11-23.

Athanasoulis, S, & Shiller R.J. (2001) World income components: Measuring and exploiting risk sharing opportunities. *American Economic Review* 91, 1031-1054.

Baily M.J., Muth R.F., & Nourse H.O. (1963) A regression method for real estate price index construction. *Journal of the American Statistical Association,* 933-942.

Belsley, D.A., Kuh E. & Welsch R. (1980) *Regression Diagnostics: Identifying Influential Data and Sources of Col linearity.* New York: Wiley.

Brainard, W. & Dolbear F.T. (1971) Social risk and financial markets. *American Economic Review 61,* 360-370.

Campbell, J.Y. & Shiller R.J. (1998) Valuation ratios and the long-run stock market outlook. *Journal of Portfolio Management* 24(2), 11 -26.

Case, K.E. (1986) The market for single-family homes in Boston. *New England Economic Review* (May/June) 38-48.

Case, K.E. & Shiller R.J. (1988) The behavior of home buyers in boom and post-boom markets. *New England Economic Review* (Nov./Dec.) 29-46.

Case, K.E. & Shiller R.J. (1989) The efficiency of the market for single family homes. *American Economic Review* 71, 325-331.

Colander, D. (1999) Conversations with Jim Tobin and Robert Shiller on the "Yale Tradition" in macroeconomics. *Macroeconomic Dynamics* 3, 116-143.

Dickey, D.A. (1975) Hypothesis Testing for Nonstationary Time Series. Manuscript, Iowa State University.

Fair, R.C. & Shiller R.J. (1990) Comparing information in forecasts from econometric models. *American Economic Review* 80, 375-389.

Fama, E. (1970) Efficient capital markets: A review of empirical work. *Journal of Finance* 25, 383-417.

Fisher, F. (1966) *The Identification Problem in Econometrics.* New York: McGraw-Hill.

Fisher, I. (1913) A compensated dollar. *Quarterly Journal of Economics* 27, 213-235.

Fisher, I. (1928) *The Money Illusion.* New York: Adelphi.

Friedman, B.M. (1977) Even the St. Louis model now believes fiscal policy. *Journal of Money, Credit, and Banking* 9, 365-367.

Friedman, M. (1953) *Essays in Positive Economics.* Chicago: University of Chicago Press.

Fuller, W.A. (1976) *Introduction to Statistical Time Series.* New York: Wiley.

Grossman, S. & Shiller R.J. (1981) The determinants of the variability of stock market prices. *American Economic Review* 71 *, 222-227.*

Hansen, L.P. & Jagannathan R. (1991) Restrictions on intertemporal marginal rates of substitution implied by asset returns. *Journal of Political Economy* 99, 225-262.

Kahneman, D. & Tversky A. (1979) Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica* 17, 263-291.

Learner, E. (1978) *Specification Searches: Ad Hoc Inferences with Nonexperimental Data.* Wiley.

Lucas, R.E. (1975) Econometric policy evaluation: A critique. In Brunner, K. & A. Meltzer (eds.) *The Phillips Curve and Labor Markets. The Journal of Monetary Supplement,* pp. 19-46. New York: Elsevier.

Modigliani, F. & Shiller R.J. (1973) Inflation, rational expectations and the term structure of interest rates. *Economica* 40 (157), 12-43.

Newcomb, S. (1879) The standard of value. *North American Review* 58, 223-237.

Perron, P. & Phillips P. (1988) Testing for a unit root in time series autoregression. *Biometrika* 75, 335-346.

Shiller, R.J. (1972) Rational Expectations and the Term Structure of Interest Rates. Ph.D. Dissertation, MIT.

Shiller, R.J. (1973) A distributed lag estimator derived from smoothness priors. *Econometrica* 41, 7 7 5 - 7 8 8 .

Shiller, R.J. (1979) The volatility of long term interest rates and expectations models of the term structure. *Journal of Political Economy* 87, 1190-1219.

Shiller, R.J. (1982) Consumption, asset markets and macroeconomic fluctuations. *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy* 17, 203-238.

Shiller, R.J. (1984) Stock prices and social dynamics. *Brookings Paperson Economic Activity* 2, 457-498.

Shiller, R.J. (1989) *Market Volatility.* Cambridge, MA: MIT Press.

Shiller, R.J. (1993) *Macro Markets: Creating Institutions for Managing Society's Largest Economic Risks.* Oxford: Oxford University Press.

Shiller, R.J. (2000) *Irrational Exuberance.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Shiller, R.J. (2003) *The New Financial Order: Risk in the 21 st Century.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Shiller, R.J. & Perron P. (1985) Testing the random walk hypothesis: Power versus frequency of observation. *Economic Letters* 18, 381 -386.

Siegel, J.J. (2000) Big-cap tech stocks are a sucker bet. *Wall Street Journal,* Mar. 14, oped page.

Siegel, J.J. (2002) *Stocks for the Long Run.* 3rd ed. New York: McGraw-Hill.

Sutch, R.C. (1968) *Expectations, Risks, and the Term Structure of Interest Rates.* Ph.D. Dissertation, MIT.

Thaler, R. & Rosen S. (1976) The value of saving a life: Evidence from the labor market. In N.E. Terleckyj (ed.), *Household Production and Consumption. Studies in Income and Wealth,* vol. 40. New York: NBER and Columbia University Press.

12. ИНТЕРВЬЮ СО СТЭНЛИ ФИШЕРОМ*

Беседовал Оливье Бланшар
Массачусетский технологический институт
Май 2004 г.

Мы закончили работу над интервью в мае 2004 г — задолго до того, как зашел разговор о том, что Стэн Фишер может быть назначен управляющим Банка Израиля. Он стал им в мае 2005 г. Беседа состоялась в апреле 2004 г. в моем нью-йоркском офисе Фонда Рассела Сейджа, где я работал в период моего академического отпуска. Для полного завершения разговора нам потребовались совместные пробежки в Центральном парке в течение последующих несколько недель.

Нынешняя встреча ничем не отличалась от массы других наших встреч, состоявшихся ранее. Передо мной сидел не ученый с мировым именем, не какая-то VIP-персона, а все тот же Стэн Фишер, с которым я впервые познакомился в 1973 г., когда он только что закончил Чикагский университет и получил должность адъюнкт-профессора. Он все так же внимательно слушал собеседника, так же просто и понятно говорил или что-то объяснял. Это сочеталось с его накопленной годами мудростью профессора, который всю жизнь провел в разработке и реализации макроэкономических идей на практике в абсолютно реальном мире.

Когда в 1973 г. я приехал в Массачусетский технологический институт (МТИ), чтобы получить ученую степень, уже было ясно, что Стэн вскоре станет одной из центральных фигур факультета. Через несколько лет он был одним из самых популярных преподавателей и одним из самых любимых научных руководителей. Мы постоянно толпились в его офисе, и я подозреваю, что из-за этого исследовательской работой ему приходилось заниматься лишь по ночам. Что больше всего нас восхищало в нем, так это его технические способности — он знал, как пользоваться стохастическим

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics*, 9, 2005, p. 244-262. Copyright © 2005 Cambridge University Press.

исчислением — и его способность работать со сложными вопросами, упрощать их до такой степени, когда ответ *фактически* уже становился очевиден. Когда к нему в 1975 г. присоединился Руди Дорнбуш, макроэкономика и международная экономика стали наиболее популярными предметами в МТИ. Подражание — это самая искренняя форма выражения восхищения, и мы ему подражали.

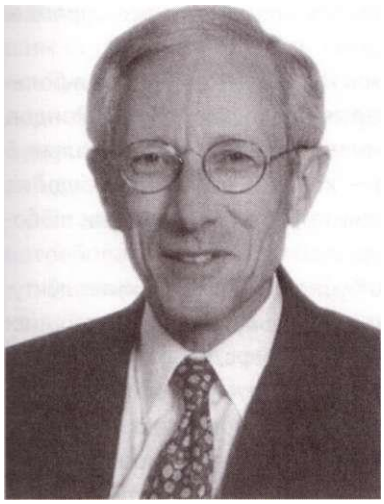
Когда я вернулся в МТИ в 1982 г. уже в качестве преподавателя, Стэн к тому времени был практически гуру. Совместное с ним преподавание курса современной макроэкономики и работа над «Лекциями по макроэкономике» (Lectures on Macroeconomics), которые мы закончили в 1988 г., были для меня одним из самых запоминающихся периодов в моей жизни. Мы оба чувствовали, что это была новая макроэкономика, более обоснованная с точки зрения микроэкономики, а также многообещающая, и что мы понимаем ее структуру и полезность. Несмотря на то, что мы изначально не собирались писать учебник, мы его быстро подготовили, и приятно осознавать, что он до сих пор на удивление хорошо продается.

С годами, работая с Руди над проблемой гиперинфляции, принимая

участие вместе с Джорджем Шульцем в разработке плана развития мирной экономики на Ближнем Востоке, Стэн все больше интересовался тем, как использовать теорию на практике. В 1988 г. он решил оставить науку и стал главным экономистом Всемирного банка. Затем он на короткое время вернулся в Массачусетский технологический институт, но в 1994 г. снова вернулся в Вашингтон, теперь уже на должность первого заместителя директора-распорядителя Международного валютного фонда (МВФ), где он проработал до 2001 г. Этот период его жизни можно проследить по многочисленным публикациям в прессе: в МВФ он был на центре всех событий, связанных с кризисами в Мексике, России, Азии и т. п. Но что меня особенно поражало во время наших редких и кратких встреч в то время, что даже в самый разгар очередного кризиса он оставался спокойным, невозмутимым, рассудительным, все подвергал анализу, используя свои фундаментальные познания в макроэкономической теории, а свои доводы всегда подкреплял фактами. Многие тогда считали и надеялись, что в конце концов именно он в дальнейшем возглавит МВФ. Но давно устоявшиеся правила и политика страны не позволили этому свершиться. В итоге вместо МВФ он получил частный бизнес. В 2002 г. Стэн стал президентом Citigroup International. Он до сих пор принимает самое активное участие в обсуждениях проблем, связанных с макроэкономической политикой, и остается одним из светил современной науки.

Бланшар: Когда и почему вы решили посвятить себя экономике?

Фишер: Когда я еще учился в школе, мы жили в Южной Родезии, которая потом называлась просто Родезией, а впоследствии Зимбабве. Местная



система образования была заимствована у Великобритании, а значит, в последние два года мне необходимо было выбрать специализацию. Первоначально я выбрал физику, химию и математику, думая, что стану инженером или, возможно, ученым или математиком. Но однажды я разговаривал с сыном друзей моих родителей, который учился в Лондонской

школе экономики (LSE), и он сказал мне, что я должен стать экономистом. Он поделился со мной некоторыми азами экономики — думаю, что это было что-то из вводного курса Самуэльсона, и это меня заинтересовало. Кроме того, в последний год обучения я выбрал также курс экономики.

Рис. 12.1. Стэнли Фишер

Бланшар: Курс экономики в школе. Звучит довольно необычно.

Фишер: В шестом классе (по британской системе) мы должны были выбрать специализацию. У нас был замечательный учитель. Мы изучали «Общественный строй» (Social Framework) Хикса, тогда же я узнал о Кейнсе. Во время каникул после окончания школы и перед поступлением в колледж я прочел «Общую теорию» (General Theory), и меня зацепило то, как Кейнс пишет, хотя я не уверен, что тогда понял эту книгу. Я решил учиться в Англии и остановился на Лондонской школе экономики.

Бланшар: А почему Лондон? Почему не Соединенные Штаты?

Фишер: Мы тогда и не думали о Соединенных Штатах. Для нас Англия была центром вселенной. Мои учителя советовали мне поступать либо в Кембридж, либо в Лондонскую школу экономики. Я остановился на последнем варианте — отчасти потому, что там учился человек, который меня познакомил с предметом, и отчасти потому, что они были готовы дать свой ответ быстрее (учебный год в Южном полушарии заканчивается в декабре, а не в июне). Несмотря на то, что Лондонская школа экономики имела репутацию учебного заведения с левыми взглядами, к экономическому направлению это не относилось. У нас была традиционная программа обучения. Курс «Основные принципы экономики» читал Ричард Липси. Он был отличным преподавателем. Курс «Прикладная экономика» читал Фрэнк Пэйш. Вспоминаю, как он где-то в начале 1963 г., показывая нам на слайды, говорил: «Видите, линия на графике идет вверх, затем вниз, а потом снова вверх. В итоге в 1964 г. нас ожидает кризис платежного баланса». Кризис действительно случился в указанное им время. Это было поразительно.

Бланшар: В те времена в Лондонской школе экономики все бурлило. Отразилась ли это на вас?

Фишер: Да, это было замечательное время. Я впервые выбрался в большой мир и пользовался всеми благами, которые предоставлял мне Лондон и Континент, но я не был наивен в отношении научной и интеллектуальной жизни. Этому вас не научат в нашей школе — хорошо, если кто-нибудь из учителей даст вам какие-то наставления. Я считал, что главная цель любого обучения — успешная сдача экзаменов.

Оглядываясь назад, я осознаю, насколько бурной была тогда интеллектуальная жизнь в Лондонской школе экономики. Это был как раз разгар дискуссии вокруг отчета комитета Рэдклиффа. Ричард Сэйерс, работавший тогда в Лондонской школе, был главным участником в работе над этим отчетом. По данным отчета, стране требовалась новая денежно-кредитная политика.

И позднее сам отчет рассматривался как начало возрождения новой денежно-кредитной политики в Великобритании, но было слишком много оговорок. Составители отчета, описывая свой взгляд на денежно-кредитную политику, в основе которой лежали три механизма, говорили, что если изменить механизм достаточно радикально, это может оказать сильное влияние. Отчет подвел черту под тем периодом, когда считалось, что денежно-кредитная политика в Великобритании не работала, и ознаменовал новую эру, когда денежно-кредитная политика рассматривается как могучий двигатель экономики.
Карл Поппер безраздельно властвовал на факультете философии, и каждый, кто изучал или преподавал этот предмет, становился последователем его методологии. Здесь же был и создатель кривой Филлипса сам Олбан Филлипс, хотя, к сожалению, он мне ничего не преподавал, но я видел его «машину экономики» (Скорее всего, имеется в виду его аналоговая машина, в которой он представил решение по стабилизации экономики через взаимодействие «производства», «капитала» и «потребительского сектора». — *Прим. пер.).* Кроме того, с помощью кривой Филипса мы выполнили немало заданий.
Еще я помню лекцию Боба Солоу. Ему в то время было около 40 лет, но выглядел он намного моложе. Он часто шутил, даже когда рассказывал про функции производства. Помню, как он рассказывал: «Если я говорю К. значит имею в виду [Саймона] Кузнеца. Капитал это то, что измеряет Кузнец». Я также помню свои ощущения, когда мне кто-то объяснил, что это такое — эконометрическая модель, как с ее помощью можно использовать данные для оценки параметров, а затем, если свести все полученные результаты, получить набор уравнений, описывающих состояние экономики. Это было здорово. Это означало, что экономикой можно управлять. Просто стало очевидно, насколько это важно.
В те времена в Лондонской школе экономики сдавали письменные экзамены в конце первого и третьего курса (тогда там учились три года)

и больше никаких промежуточных оценок. Поэтому я даже не знаю, хорошим студентом я был или середнячком. В конце первого курса я выиграл конкурс по экономической истории и получил еще несколько призов по другим предметам, но все равно не знал, каковы мои успехи в сравнении с другими студентами в группе. По окончании школы я планировал пойти работать в банк.

Бланшар: *(смеясь).* В конце концов так и случилось, только для этого потребовалось немного больше времени.

Фишер: Туше! Я написал бакалаврскую работу, как выяснилось, очень хорошо. Тем же летом я отправился в Израиль поработать и там я получил телеграмму, в которой говорилось, что я получил стипендию и должен вернуться для подготовки и защиты магистерской диссертации. Поэтому можно сказать, что до получения степени бакалавра я и не знал, что буду ученым.

Бланшар: То есть страстной любви до тех пор еще не было.

Фишер: Не было. Я любил предмет, но исследовательская работа была не тем, чем мы занимались в первую очередь. Все это случилось позже, когда я готовил свою магистерскую диссертацию в Массачусетском техно-

логическом институте. И хотя я получил степень магистра в Лондонской школе экономики, я считал, что экономика — это то, что делали и делают эти великие профессора. А мое дело как студента — учить все, что они говорят.

Бланшар: Массачусетский технологический институт был логическим выбором для вас как продолжение обучения или все же еще рассматривался как вариант и Чикагский университет?

Фишер: Для меня это было логично. Но все вокруг спрашивали: «Почему ты хочешь учиться именно в МТИ?» На что я мог бы ответить: «Из-за Самуэльсона и Солоу». Даже несмотря на рекомендации Гарри Джонсона, который преподавал в Лондонской школе экономики во время моей учебы там, отправиться в Чикагский университет, и даже несмотря на то, что мы читали новую формулировку количественной теории денег, которую вывел Фридман, я считал МТИ лучшим вариантом. И я отправился в Массачусетс.

Бланшар: И как вам показался МТИ?

Фишер: Из-за того, что я не думал идти в магистратуру, пока не получил степень бакалавра, я прослушал годичный магистерский курс в Лондонской школе экономики. Таким образом, я был лучше подготовлен, чем остальные магистранты в МТИ, но это продолжалось недолго. Я очень сильно сдружился с вновь прибывшим старшим преподавателем Мигелем Сидрауски, выпускником Чикагского университета, который был родом из Аргентины и с которым мы жили по соседству в одном доме в Кембридже. Он приехал в Массачусетс в тот же год, что и я.

Мигель был замечательным наставником. Отношения между молодым старшим преподавателем и студентом магистратуры замечательны тем, что вы примерно одного возраста. Во время летних каникул после первого курса мы очень много работали вместе — я был научным ассистентом не только Мигеля, но и Данкана Фоули. Но на второй год своего пребывания в Массачусетском технологическом институте Мигель трагически умер от рака. Я также работал с Доном Патинкиным, приглашенным профессором в МТИ, которого я боготворил. Так я стал заниматься активной научной деятельностью.

Массачусетский технологический институт оказал на меня огромное влияние. Преподаватели здесь были замечательные, учебные курсы отличные. Особый упор на факультете делался на качество преподавания, и с большинством преподавателей при желании вы могли пообщаться. Благодаря достаточно большому количеству семестровых работ мы постоянно занимались какими-то исследованиями. Самуэльсон на своих занятиях постоянно рассказывал что-нибудь интересное или подкидывал нам темы для размышления и исследования. Сидрауски, как и Боб Солоу, был замечательным преподавателем, который делал все, чтобы, глядя на его фазовые диаграммы, вы поняли, что представляет собой экономика. Фрэнк Фишер преподавал нам эконометрику и имел большое влияние на студентов, как и многие другие.

Не менее важно отметить и то, с кем я учился. Это были замечательные студенты. На курс старше меня училась целая плеяда людей, имена которых

вам конечно же должны быть знакомы — Боб Холл, Билл Нордхаус, Авинаш Диксит, Боб Гордон, Рэй Фэйр, Майк Ротшильд, Джо Стиглиц и многие другие, кто впоследствии внес заметный вклад в науку. Авинаш Диксит мог за 10 секунд решить кроссворд в *The Times.* Боб Мертон приехал в МТИ через год после меня — целый год мы работали с ним в одном офисе.

Бланшар: Ваша диссертация была посвящена макроэкономике. Почему?

Фишер: Я сконцентрировался на макроэкономике, когда еще был магистрантом в Лондонской школе экономики. Думаю, что мне нравилась макроэкономика, поскольку было интересно заниматься глобальными вопросами. А может быть, это слишком рациональное объяснение. Вполне вероятно, меня просто увлекла «Общая теория» Кейнса, которую я прочел. Я представлял себе, как в 1930-х гг. практически рушился мир, а эти ребята его спасали.

Моя диссертация была посвящена выбору инвестиционного портфеля в рамках пожизненного договора личного страхования. Временами, рассматривая этот вопрос в страховании жизни, мы подменяли микроэкономические принципы выбора инвестиционного портфеля и сбережений микроэкономическими принципами макроэкономики. Отчасти я выбрал

эту тему потому, что в то же время над ней работали и Пол Самуэльсон, и Боб Мертон.

Бланшар: Затем вы переехали в Чикаго.

Фишер: Я уехал в Чикагский университет как постдок (научный сотрудник после защиты диссертации, получивший временный контракт на 1-2 года. — *Прим. пер.),* благодаря частичному финансированию моей работы в рамках программы латиноамериканских практических семинаров Эла Харбергера. Это был лучший университет из тех, что сделали мне предложение. В первый же год моего пребывания в университете в качестве постдока я принимал участие в практических семинарах по денежному обращению, латиноамериканских практических семинарах Эла Харбергера, специализированных практических семинарах, занятиях по денежному обращению, проводимых Милтоном Фридманом, и многих других. В том же году я познакомился с Руди Дорнбушем и Джейкобом Френкелем, а также с другими выдающимися студентами, в том числе и с Майком Муссой. В Чикагском университете я научился совмещать способность анализировать, которую мне привили в МТИ, и необходимость соотносить все с текущей экономической политикой — то, что олицетворял собой Милтон Фридман.

Бланшар: МТИ был больше ориентирован на теорию?

Фишер: Порой у меня складывалось такое впечатление. Помню, как во время одной из дискуссий с преподавателями в МТИ — это было во время студенческих волнений в Гарварде в 1968 г. — я сказал, что «мы многое знаем об экономике, но практически ничего о том, как она работает». Чикагский университет того времени был полной противоположностью МТИ. К тому же там училась группа выдающихся студентов. Я преподавал микроэкономику вместе с Харбергером, а позднее макроэкономику.

Но размышляя над вопросом, я понимаю, что должен думать о том, что я делал в МТИ, а не о том, что происходило там в конце 1 960-х гг. В конце

концов это было, когда Франко Модильяни со своими студентами работали над созданием макромодели FRB-MIT-Penn (макроэкономической модели ФРС-MIT-Пенсильванского университета), а Боб Солоу был ярым приверженцем использования небольших управляемых аналитических моделей, которые помогали понять сущность проблемы.

Бланшар: Насколько можно считать Милтона Фридмана центральной фигурой во всем этом?

Фишер: Что касается макроэкономики, то он безусловно был центральной фигурой. Макроэкономика была своего рода практикумом по денежному обращению. Это был его практикум. Я сожалел, что тогда не было представителей какого-то другого традиционного подхода, за исключением нескольких человек, в том числе меня и Боба Гордона в частности. Позднее я думал: если бы Чикагский университет не был Чикагским университетом, что было бы тогда? В их случае это было правильно — придерживаться

определенной линии. Но старшему преподавателю, несмотря на преимущества в долгосрочном плане, это давалось очень трудно.

Бланшар: Изменился ли в связи с этим ваш подход к макроэкономике? Образ мыслей? Ваш выбор тем?

Фишер: Влияние университета носило долгосрочный характер. Я тогда начал работать над монетарными правилами вместе с Филом Купером, сокурсником по МТИ, который стал старшим преподавателем в Чикагской бизнес-школе. Я также много беседовал с Руди Дорнбушем, даже был членом его диссертационной комиссии, написал несколько работ с Джейкобом Френкелем.

Бланшар: Вы вернулись в Массачусетский технологический институт в 1973 г.?

Фишер: За время моего пребывания в Чикагском университете я брал на полгода отпуск для научной работы, который провел в Еврейском университете [в Иерусалиме], и мы серьезно подумывали о переезде в Израиль. Когда осенью 1973 г. я вернулся в МТИ, то думал, что такой перерыв на два года перед отъездом в Израиль, где я мог бы преподавать в Еврейском университете, мог бы быть интересным и полезным для меня.

В первый год вместе с Полом Самуэльсоном я преподавал монетарную экономику. Это было ужасно. Он мог просто взять мел и объяснить все лучше меня. Затем я все же вжился в роль. А вы прибыли в Институт в 1973 г.?

Бланшар: Да, в 1973 г.

Фишер: Мало-помалу я превратился в приличного преподавателя: читал вводный курс макроэкономики, у меня было много студентов. В Чикагском университете практические семинары по денежному обращению считались одними из самых главных. Я создал такой практикум и в Массачусетском технологическом институте. Франко Модильяни стал «звездой» этого практикума. Мне же нравилось консультировать тех, кто писал диссертации. Затем в 1975 г. я убедил своих коллег в необходимости пригласить в МТИ Руди Дорнбуша. Он преподавал в Рочестере, а затем вернулся в Чикагский университет. У него был аналитический склад ума, и его не интересовало, что происходит в реальном мире. Он написал свою статью по «отклонению» валютного курса за несколько месяцев до того, как появился в МТИ. Наша

совместная работа не прекращалась, и даже набирала обороты. В итоге у меня появились замечательные старшие коллеги, отличные студенты и прекрасный коллега-ровесник в лице Руди. Возможно, это было идеальное сочетание.

Бланшар: И Израиль отступил на второй план?

Фишер: Мы всегда поддерживали тесную связь с Израилем и провели там несколько «научных отпусков», но после того как в 1975 г. решили остаться жить в США, мы не возвращались к этой теме. По крайней мере, не чаще чем один раз в две недели или около того... Но нам никогда не

приходило в голову изменить свое решение, поскольку нам очень нравился Массачусетский технологический институт. Это удивительное место. Нам нравился Бостон. Да и дети уже подрастали.

Бланшар: Когда вы стали заниматься более прикладной наукой?

Фишер: Должен заметить, что одним из тех моментов, которые пробудили у меня интерес к экономике, было то, что Даг Хаммаршёльд был экономистом. Когда я еще учился в старших классах, он уже был знаменит. Затем его убили — тогда еще в бельгийском Конго. Я знал, что он сделал много хорошего, а мои родители меня воспитывали так, что я должен творить добрые дела и приносить пользу. Я понял, что экономика могла бы помочь в этом. Поэтому я всегда хотел использовать на практике то, что узнавал. Возможно, этот фактор и сыграл свою роль.

Моей первой по-настоящему значительной прикладной работой стало то, что мы делали для Банка Израиля. В 1979 г. мы провели в нем целый месяц. Там я столкнулся с множеством вопросов, именно прикладного характера — в стране был высокий уровень инфляции. Но все же действительно реальная возможность сделать что-нибудь в этом направлении появилась в 1983 г., когда Джордж Шульц пригласил меня в консультационную группу по вопросам экономики Израиля, которую он создал. А я между тем уже стал кем-то вроде американского эксперта по вопросам экономики Израиля.

Тогда я понял, что такое политические игры. Это было удачное «знакомство». Это было совершенно необычно для госсекретаря — приглашать какого-то незнакомого молодого парня в качестве советника, а потом еще и позволить ему играть ведущую роль. Нас с Гербом Штайном назначили советниками Джорджа Шульца по вопросам экономики Израиля. Когда мы с Гербом перемещались по Израилю, то чувствовали, что за нами стоит Джордж Шульц, и мы могли сказать: «Так считает госсекретарь». Как профессора меня это не очень впечатляло, но когда ты это говоришь правительству, которое зависит от Соединенных Штатов, они прислушиваются.

Бланшар: Такой сдвиг в сторону прикладных тем был веянием 1980-х гг.? Тогда же и Руди Дорнбуш стал заниматься прикладной наукой.

Фишер: В то время во многих странах проблема высокой инфляции была весьма актуальна, мы их изучали и учили на их примере. Проходили бесчисленные конференции на тему, как справиться с инфляцией, и казалось, что это была самая серьезная проблема во всех странах, где мы работали. К тому же привлекала возможность путешествовать. В 1981 г. благодаря Эзре Фогелю из Гарварда я вместе с Беном Фридманом и Джеф-

фом Саксом побывал в Японии. До этого я не был на Востоке. Меня поразила японская экономика и то, как все стремительно развивается. Поэтому я не могу объяснить мой переход к прикладной экономике иначе как этими возможностями. Думаю, это было сочетание интереса к реальному

миру экономики, желание быть полезным, возможность путешествовать и интересные проблемы.

Бланшар: Все это может служить причинами для перехода во Всемирный банк.

Фишер: Всемирный банк — это была еще одна возможность, возможность попасть в мир политики. И я был очень рад принять это предложение.

Бланшар: А что вы к тому времени знали о развитии?

Фишер: Я изучал процессы развития и выбрал экономику развития как один из общих предметов в МТИ. Что касается макроэкономики, я был знаком с экономикой развивающихся стран. К тому же в те времена главными проблемами были стабилизация и кризис задолженности, а я уже многое об этом знал.

Во Всемирном банке я занялся вопросами структурной перестройки и всем, что с этим связано. Я побывал в Китае и Индии. В Китае я провел 10 дней и встретился с Чжао Цзыяном, тогдашним премьер-министром. Это было где-то за полгода до событий на площади Тяньаньмэнь. Я был поражен тем, как много он знает о западной экономике. Он сказал, что мои взгляды отличаются от тех, которые высказывают Милтон Фридман и Лоренс Клейн. Я не мог представить, что премьер-министр все это изучал, но это так и было. Визит в Индию также оставил в моей памяти неизгладимый след.

Идеи, связанные с проблемами развития, целиком овладели мной. Я родился и провел первые 13 лет в небольшом городке в Южной Родезии среди местных африканцев. Поэтому вопросы развития, можно сказать, были мне очень близки. Я также начал понимать, как работают такие сложные по своей структуре организации, как Всемирный банк, а также с какими проблемами сталкивается мировое сообщество. Когда я покидал Всемирный банк, то знал уже намного лучше, что необходимо сделать и что действительно имеет значение.

Бланшар: Вы проработали во Всемирном банке два года?

Фишер: Изначально это был двухлетний контракт, который растянулся на два с половиной года. Я подумывал о том, чтобы остаться и прервать свой бессрочный контракт с МТИ, но из-за своей неготовности на это пойти и некоторых семейных обстоятельств мы решили вернуться в Массачусетс. Было очень трудно перестраиваться. Помню, как я шел на семинары по теории и убеждал себя в том, что нет никакой разницы, прав этот парень или нет, что эта теорема вообще не должна кого-то волновать и т.п. Но кое-что я все же изменил. Меня всегда больше интересовала политическая сторона дела. Я снова начал участвовать в проектах, связанных с Израилем. Я начал вести колонку в одной из итальянских газет и писать время от времени заметки для американских изданий. Меня интересовали как

международные, так и чисто американские проблемы, но я все больше становился экспертом по вопросам международной экономики, нежели макроэкономики.
Когда я вернулся в МТИ, многие подумали, что я сразу же произведу революцию в вопросах развития, но этого не случилось. Возможно, ее совершило более молодое поколение, которое пришло немного позже, в том числе и Абхиджит Банерджи.
Бланшар: Как вы считаете, есть ли у нас сегодня все необходимое, чтобы понять мировые процессы?
Фишер: Количественная теория денег играет очень важную роль в борьбе с инфляцией. Межвременное бюджетное ограничение и уравнение динамики задолженности позволяют вам идти вперед... Но я бы сказал, что политическая экономика намного сложнее. Есть группа людей, которые пытаются определять политику, и вопрос в том, каким образом они это сделают. Мне это стало ясно еще до того, как я попал во Всемирный банк, когда меня в 1985 г. привлекли к разработке программы стабилизации израильской экономики. Программой занимался Майкл Бруно с коллегами. В процессе обсуждения, как это все будет на практике, а это было интересно само по себе, я многое для себя вынес. Но еще больше я узнал, наблюдая за административными и политическими битвами, которые были просто необходимы для того, чтобы программа в итоге заработала.
Бланшар: Насколько важно в такие критические моменты иметь рядом людей с ясной головой?
Фишер: О! Это очень важно. Команда Бруно понимала, что происходит, в отличие от политиков. Они знали, за что необходимо бороться, а за что не стоит. Иногда дискуссии становились особенно жаркими. Политики всегда думают про себя: «Хорошо, сейчас мы сделали это, а теперь давайте вернемся и дадим возможность делать все по-старому». Если бы вскоре после стабилизации экономики Бруно не стал главой местного Центрального банка, возможно, ничего бы не сработало.
Поэтому очень важно, чтобы люди понимали ту среду, в которой они работают.
Бланшар: Думаю, что мы подошли к вопросу о Международном валютном фонде (МВФ). Быть главой факультета в МТИ было недостаточно?
Фишер: Это вдохновляло лишь отчасти. Знаете, как определил роль декана по отношению к преподавателям Альфред Канн? Это как пожарный гидрант для собаки. Конечно, это было далеко не так, но в чем-то похоже. В 1990-1993 гг. меня постоянно привлекали во всевозможные научные и квазинаучные проекты по Ближнему Востоку. Я провел большую работу по экономическим вопросам мирного урегулирования на Ближнем Востоке, которая до последнего времени оставалась актуальной. К сожалению, на практике она не оказала слишком большого влияния.

Затем я перешел на работу в МВФ. У меня создалось впечатление, что я был рожден для этой работы. Я был для нее готов. Работая во Всемирном банке, я узнал, что из себя представляют подобные институты. Изучая и преподавая макроэкономику и все, что связано со стабилизацией на ма-

кроэкономическом уровне, возможно я стал более подходящей кандидатурой для работы в МВФ, чем во Всемирном банке. Помогало еще и то, что многие мои студенты теперь работали в Фонде и в правительствах стран — членов МВФ. И то, что Лари Саммерс, с которым мы были друзья, занимал пост первого заместителя министра финансов, конечно же, помогало. Это было замечательное место работы.

У меня был чрезвычайно талантливый начальник — Мишель Камдессю, который, однако, не сразу меня принял. Понадобилось какое-то время, прежде чем мы нашли общий язык. Я думаю, что когда я только пришел, он меня считал одним из критиков МВФ. До прихода в МВФ я критиковал Фонд, но через год или два у нас сложились очень хорошие отношения. Через несколько месяцев после моего прихода в Фонд в Мексике случился кризис. Это был хороший урок для всех, включая министерство финансов США.

Бланшар: Поскольку механизмы кризисов были отличными друг от друга?

Фишер: Это был кризис иного рода и первый экономический кризис за время правления администрации Клинтона. Соединенные Штаты пытались самостоятельно справиться с ним, но затем стало ясно, что сделать это в одиночку не удастся. Очень трудно одной стране навязать другой стране какие-либо условия для стабилизации ситуации. Международная же организация может заставить своего члена подписаться под этими условиями. Соединенные Штаты также осознали, что у МВФ есть и команда, и возможности для вывода стран из кризиса.

Как известно, мексиканский кризис впоследствии был назван первым финансовым кризисом XXI века. Он был преодолен путем привлечения огромных финансовых потоков. Я многое понял за время кризиса, в том числе благодаря Мишелю Камдессю. В течение всего кризиса он намного спокойнее, чем я, воспринимал происходящее. Я думал, что это был «закат западной цивилизации». Он же видел такое и прежде.

Бланшар: Не было ли у вас ощущения, что вы все летите без парашютов, и кризис оказался сложнее, чем вы думали?

Фишер: Да. Всегда могло что-то случиться. Вы можете обнаружить государственные облигации. Вы могли знать, что они существуют, но одно дело знать, а другое дело — осознавать возможные тяжелые последствия такой находки. В основе всегда лежат 47 факторов. Ключ к управлению кризисом лежит в понимании того, какой из них действительно значим. В каждом кризисе всегда возникает что-то, о чем вы не думали, но что может оказаться очень важным. Вы можете рассмотреть любые события

в рамках теории игр. Я понимаю, зачем они выпустили государственные облигации: это был сигнал, что девальвация может обойтись Мексике очень дорого, поэтому предполагалось, что девальвация менее приемлема для страны, что было абсолютно верно. Но проблема заключалась в том, что объявление девальвации менее приемлемой не предотвратило ее проведения — и это обошлось весьма недешево.

Слава богу, мексиканский кризис удалось относительно быстро ликвидировать. Через полгода Мексика снова заняла свое место на мировом рынке. Ноябрь 1995 г. тоже был неспокойным, но очень быстро все улег-

лось. Так или иначе в течение нескольких месяцев мексиканский кризис был довольно хаотичен. Были дни, когда я чувствовал, что ситуация становится все хуже. Например, в один из дней января 1995 г. азиатские рынки рухнули, «заразившись» от мексиканского кризиса. Я счел это одним из самых абсурдных событий, которое могло случиться, поскольку считал, что азиатские рынки находились в хорошей форме.

Бланшар: Было ли у вас ощущение, что вы понимали, по крайней мере, основные причины кризиса? Например, в Мексике, России или Азии?

Фишер: Думаю, да. Возможно, я не сразу стал понимать, насколько сильно пострадал финансовый сектор. Изначально, в Таиланде азиатский кризис выглядел как «старый добрый» кризис платежного баланса. Мы знали, что у банков очень большие проблемы. Мы знали, что правительство собиралось каким-то образом им помочь. Но во время азиатского кризиса я не с самого начала осознавал, насколько дорого обходится помощь банкам. Слабость финансовой системы была одной из основных причин всех кризисов 1990-х гг. кроме бразильского.

Разрешая кризисные ситуации, как большинство критиков, я не мог не думать о репутационных рисках. В случае с Мексикой эта проблема была более чем актуальна, но было необходимо помочь стране быстро восстановить свое «экономическое здоровье». Для всех, кто инвестировал в Мексику, за исключением держателей государственных облигаций, это был серьезный удар. Исходя из этого, а также из-за «инфекции», распространившейся в таком количестве стран, я не мог понять, почему инвесторы верили в то, что им всегда будут помогать во время кризисов в будущем. Я не могу понять, почему столько людей спорят о том, что для инвесторов кризис не стал тем уроком, который показывает опасность инвестирования в развивающиеся рынки. Я и по сей день думаю об этом.

Бланшар: Что еще вы вынесли из мексиканского кризиса?

Фишер: Что важно иметь правительство, которое последовательно в своих действиях, а также очень хороших технократов — в Мексике они есть, а во многих странах нет. Твердость президента Зедильо, твердость его команды, а также, конечно, большая поддержка со стороны Соединенных Штатов, — все это помогло им выстоять и было очень, очень важно. Я счи-

тал это само собой разумеющимся, поскольку команда, с которой я работал в Израиле, мой предыдущий кризисный опыт, твердость в решениях и действиях, во многом повлияли на результат, но, к сожалению, не везде это помогало в той же мере.

После мексиканского кризиса мы проводили полный структурный анализ и обсуждали способы предотвращения подобных кризисов в будущем. Мы сконцентрировали свое внимание на статистических данных, уровне прозрачности, макроэкономике и финансовом секторе. Но самый главный урок, который я вынес из всего этого, можно сформулировать следующим образом: нельзя допускать, чтобы дефицит платежного баланса, равный 8% ВВП, финансировался за счет краткосрочных заимствований. На мой взгляд, это очень хороший урок *[смеется]*.

Не думаю, что я полностью усвоил, насколько опасна система фиксированных валютных курсов. Я знал, что это была непосредственная причина

возникновения проблемы. Но то, что такая система — просто приглашение для кризиса, на том этапе, мне кажется, я полностью не осознавал.
Бланшар: Почему?
Фишер: В странах Азии было все хорошо, несмотря на то, что там существовали, в той или иной степени, привязанные обменные курсы, и я думал, что они могли вовремя скорректировать ситуацию. Чего я тогда не понял, так это политических аспектов жесткой привязки курса. Если вы решили привязать валютный курс, тогда чем дольше будет существовать эта привязка, тем больше экономическая политика и структура финансовой системы будут зависеть от неизменности привязки. Чем дольше вы практикуете такую привязку, тем дороже вам обойдется отказ от нее. Яркий пример тому — Аргентина, которая очень сильно пострадала от этого. К моменту, когда в Аргентине разразился кризис, я знал, насколько опасна политэкономия сильной привязки, но на том этапе мало что можно было с этим поделать. Опыт Израиля был перед глазами: они привязали свой валютный курс, но несколько раз его корректировали, затем сделали его плавающим и в конечном счете свободным. Польша сделала то же самое. Но Израиль, в отличие от Мексики, довольно сильно контролировал движение капитала, чтобы им управлять.
Бланшар: Что можно сказать о последующих кризисах?
Фишер: Кризис в Азии, затем в России, крах хедж-фонда LTCM в Соединенных Штатах, в бразильский кризис, конечно, не давали нам скучать, а временами даже пугали. Примерно с октября 1997 г. по март 1999 г., когда уже стало очевидным, что экономика Бразилии стабилизируется, мы находились в постоянном напряжении. Читая как-то раз один из отчетов о кризисе в Корее, я удивился, что почему-то плохо помню те события, а потом понял, что одновременно мы боролись еще и с индонезийским кризисом, который в это время был на пике.

Кризис в России был особенно драматичен. Мы видели, как сгущаются тучи, особенно начиная с мая 1998 г., но в конце концов уже ничего нельзя было сделать для его предотвращения. Последней надеждой был очередной транш МВФ и попытка реструктуризации долга в июле 1998 г. Когда и это не помогло, коллапс стал неминуем. Вопрос заключался в том, как это будет и каковы будут последствия для России и остального мира.
Девальвация рубля и дефолт в России в августе 1998 г. сильно ударили по мировым рынкам капитала. В сентябре уже казалось, что долговой кризис развивающихся рынков начинает распространяться и на финансовые рынки промышленно развитых стран. Слава богу, в октябре 1998 г. Федеральная резервная система решительно отреагировала на это снижением процентной ставки. Чуть позже Европейский центральный банк сделал то же самое, и через несколько месяцев мировой кризис сошел на нет.
Безусловно, мы в Фонде не только боролись с кризисами. В это время экономика бывших стран Варшавского блока находилась в стадии переходного периода, и мы им много помогали. Были и другие страны, которые не часто попадали на первые страницы газет, но благодаря нам там произошли значительные перемены к лучшему, например, в Иордании. Поэтому я могу сказать, что работа в МВФ была удивительным опытом.

Мне довелось поработать в самом центре финансовых кризисов в период, который скорее всего войдет в историю, да еще с коллегами — истинными профессионалами. Работать на этом посту в такое время для меня была большая честь.

Бланшар: Давайте поговорим о вашем переходе в Citigroup.

Фишер: Я решил оставить Фонд, пока мой возраст позволял заняться чем-то еще. Я очень долго думал, что делать дальше: вновь пойти в университет или в исследовательский институт, стать независимым экспертом — работать дома, выступать в качестве экономического советника, принимать участие в конференциях и заседать в советах директоров — или пойти в финансовую структуру. Я решил выбрать последнее и попытаться сделать что-нибудь в области, где я мог бы себя хорошо проявить и для которой был бы ценен мой предыдущий опыт. Я никогда прежде не работал в частном бизнесе, и мне это было интересно. Вот как все было. На фоне других предложений Citigroup выглядела наиболее привлекательной. Там уже работали Боб Рубин и Джефф Шейфер, а также другие известные мне коллеги по цеху.

Работать в частном бизнесе очень интересно. У нас отличная команда, второй такой вы не найдете. Задачи сложные, требующие большего интеллектуального труда, чем где-либо. Организационные проблемы в структуре, где работает 280 ООО человек, довольно жесткие. У меня есть возможность продолжать заниматься экономикой, поскольку ко всему прочему я еще и глава комитета по страновым рискам. Я думаю о финансах, потому что

большое количество людей в компании занимается ими. Я размышляю на макроэкономические темы, поскольку мы постоянно обсуждаем, что произойдет в Соединенных Штатах и других странах. Мы постоянно общаемся, взаимодействуем друг с другом. Это удивительная жизнь, в том числе и с интеллектуальной точки зрения!

Бланшар: Быть ученым — это большой плюс или минус?

Фишер: В МВФ, когда кто-нибудь пытался отвергнуть какой-либо аргумент, говоря, что он научен, я отвечал: «Вы имеете в виду, что заключения следуют из допущений, а аргументы логичны?»

Для работы в МВФ мои образование и опыт подходили идеально. Здесь более важны знания и навыки в области финансов. К счастью, на разных этапах моей карьеры в МТИ я достаточно много занимался вопросами из этой области. Также чрезвычайно полезна и фундаментальная макроэкономическая основа. Возможно, это не настолько важно для тех, кто занимается трейдингом. Некоторые из них успешно справляются, несмотря на то, что в голове у них нет фундаментальной макроэкономической основы. Но у них был опыт, плюс они были сообразительны. Возможно, у них и была какая-то макроэкономическая основа, но далеко не та, что у меня. Мы можем хорошо общаться, учиться друг у друга, но я думаю не так, как они, а они — не так, как я. Они лучше меня в том, что делают, и наоборот.

Бланшар: Мешает ли вам в работе тот факт, что вы ученый? Например, мы слишком много размышляем, долго взвешиваем все «за» и «против», немного медлительны при принятии решения?

Фишер: Это была бы карикатура на колеблющегося человека. Слабость

ученого, возможно, в данной ситуации заключается в том, что он не осознает необходимость принятия какого-то решения даже в условиях нехватки информации. Но я не думаю, что с этой проблемой столкнется подавляющее большинство ученых, попавших в ситуацию, когда необходимо принять то или иное решение. Если им это не по душе, они не окажутся в такой ситуации. То же самое было и в МВФ. По итогам каждой встречи вам необходимо принять какое-то решение, и вы его принимаете.

Бланшар: Как часто вы сталкиваетесь с тем, что вам необходимо принять решение при отсутствии достаточного количества информации?

Фишер: Во время кризиса — постоянно. Это практически является некой характеристикой кризиса. Во время кризиса вы говорите себе: нам необходимо выбрать A, или B, или C. Вы всегда будете также пытаться найти варианты D или E. Но критическая ситуация уже наступила и у вас нет времени. Если все рухнет, то пострадает много людей. Необходимо каким-то образом спасти ситуацию. Вы возражаете против допущения морального риска и против оперативной помощи бизнесу, но в конце концов вы спрашиваете себя, какое решение из всех будет наилучшим. Вы очень хотели бы подумать еще пару дней или недель, но у вас нет времени.

В частном бизнесе то же самое. Вы не можете не участвовать в принятии решения, даже если не до конца уверены в том, что происходит. Вы должны рисковать. Одно из сильных качеств Боба Рубина — как раз его полное спокойствие. Он очень рационален, ему свойственно вероятностное мышление, а значит, он не считает, что если он вчера потерял деньги, он допустил ошибку. Но многие из нас так и думают. Конечно, если вы теряете деньги каждый день в течение целого года, то возможно вы где-то ошиблись.

Бланшар: Возвратимся к науке. Каково, на ваш взгляд, сегодня состояние макроэкономики?

Фишер: Я очень рад, что макроэкономика вновь становится ближе к реальному миру. Долгое время все вращалось вокруг методологии, а не вокруг того, как функционирует реальный мир. Революция теории рациональных ожиданий или революция теории всеобщего равновесия, казалось, завоевали весь мир, и никто не знал, что с этим делать. В нашей совместной книге «Лекции по макроэкономике» (Lectures on Macroeconomics) мы и отразили это состояние напряженности, поскольку все же поместили в конце книги те противоречивые главы *[смеется]*. Я очень рад, что эти главы появились в книге. Это и есть макроэкономика, которую как раз можно использовать в практических целях.

На сегодняшний день я вижу два примера эволюционного развития. Первый заключается в том, что появились исследователи, которых отличает хорошее качество работы и ее актуальность. Налицо также прогресс в области использования данных. В течение многих лет мы повторяли, что «с теми данными, которые доступны нам сегодня, мы должны были бы понимать намного больше». Наконец-то это происходит, и мы узнаем много интересного из этого огромного массива баз данных. Второй пример, который не может не радовать, — сокращение огромного разрыва между «пресноводной» и «морской экономикой» (названы по географической принадлежности учебных заведений, представители которых были при-

верженцами той или иной экономики; пресноводной — Карнеги, Чикаго, Миннесота, Рочестер, а морской — МТИ, Гарвард, Пенсильвания, Принстон, Стэнфорд и Йель. — *Прим. пер.).* Хотя разрыв между ними до сих пор существует, уже видно активное сближение позиций сторон. Думаю, что это пойдет на пользу научному сообществу. Я читаю почти каждый номер *QJE,* время от времени *AER,* даже *JPE,* и если даже не прочитываю все статьи, то хотя бы просматриваю выводы, которые делают авторы. Иногда я говорю жене: «Посмотри Джи, это интересная мысль». Думаю, мы меняемся. И я рад этому. К мнению многих ученых начали прислушиваться, и среди них, безусловно, я бы отметил Лари Саммерса и многих других из Национального бюро экономических исследований.

Бланшар: Следующий вопрос из той же области. Расскажите, пожалуйста, о том, как виделась вам макроэкономика из различных «кресел».

Существуют ли какие-то большие бреши в макроэкономике, серьезные проблемы, над которыми пока никто не работает?

Фишер: Когда мне приходилось решать какую-то проблему, меня больше удивлял факт наличия модели, которую можно было использовать, а не то, что никто и никогда над этой проблемой не работал. Мне не известны какие-либо существенные бреши в макроэкономике. Занимаемся ли мы изучением «правильных» вопросов? В макроэкономике, как мне кажется, к таковым можно отнести вопросы, определяющие долгосрочный рост, рост производительности, а также вопрос: почему экономика ряда стран испытывает структурные проблемы. Безусловно, мы над ними плотно работаем, и как мне кажется, довольно успешно. Самое трудное, как я уже говорил, это политэкономия, а также сделать так, чтобы все работало.

Рискну сказать то, что всякий раз вызывает у меня раздражение: «Думаю, что мы более или менее знаем, какая политика может сработать». Каждый раз это высказывание выводило меня из себя, но сейчас я бы так сказал.

Бланшар: И в Африке тоже? Отбросив вопросы политэкономии, мы знаем, что надо делать?

Фишер: Да. Я уверен в том, что это в большей мере справедливо в отношении Африки, чем Азии. Я спрашиваю себя, почему. Все дело в человеческом капитале. Мы недооценивали то количество усилий, которое необходимо, чтобы создать человеческий капитал и соответствующие институты поддержки экономической активности и роста. Данные проблемы остаются на повестке дня, но было бы неправильно утверждать, что никто не работал над их решением. Над этим работают все. Поэтому я не жду откровения, вроде того, что если бы люди работали над X, У и Z, мы могли бы все делать намного лучше.

Бланшар: Вы занимались только вопросами долгосрочного характера. Вы поддерживаете Лукаса в том, что краткосрочные проблемы менее важны? Или вы считаете, что мы понимаем их достаточно хорошо?

Фишер: Я считаю, что с решением краткосрочных проблем у нас все более или менее неплохо. В доводах Лукаса есть два момента. Первый: в долгосрочной перспективе рост — это единственное, что имеет значение. Это все понимали еще со времен Адама Смита. Поэтому над теорией роста

так долго работали. Другое утверждение: рецессии не имеют значения, поскольку потери потребителя составляют менее одной стотысячной. Я был поражен такой ошибкой в вычислении или в функции благосостояния. Но не это меня подвигло на то, чтобы сконцентрироваться на росте. Помимо проблем роста мы вообще знали, что делать в отношении макроэкономики. Вы можете сказать: «Вам необходимо объяснить, как достичь сбалансированности фискального бюджета в период экономического процветания, чтобы я смог активно применять фискальную политику во время рецессий». Это опять вопрос из области политэкономии. И это сделать труднее.

12. ИНТЕРВЬЮ СО СТЭНЛИ ФИШЕРОМ

Бланшар: И последний вопрос. Вы можете ответить, если хотите. Что вы можете посоветовать молодым исследователям?

Фишер: Очень важно, пока вы молоды, создать для себя правильный набор инструментов для исследований.

Бланшар: Вы это говорили, когда я еще был студентом.

Фишер: Мое мнение на этот счет не изменилось. Среди наших с вами коллег есть чрезвычайно одаренные люди, но они всю жизнь извиняются за свое плохое владение инструментами эконометрики и алгебры. Некоторые, например, Чарли Киндлебергер в последнее время, успешно это преодолевают. А некоторые нет. Необходимо поверить в себя и в то, что вы можете управлять подобного рода технологиями и делать это на профессиональном уровне.

После того как вы овладели инструментарием, вам необходимо найти проблему, которая была бы и интересной, и значимой — потенциально значимой. Меня всегда удивляло, как мои друзья, работавшие над вопросами, которые мне казались несущественными, позднее неожиданно добивались большого успеха. Один из моих друзей из числа магистрантов МТИ написал диссертацию по газопроводам в Канаде. В то время мне это казалось абсолютно неинтересной и неактуальной темой. Но в 1973 г. это стало более чем актуально. Поэтому вы просто должны верить в существование у вашей темы определенного потенциала, и что ее время придет. Если однажды это сделать, потом станет намного легче искать интересные проблемы для исследований.

13. ИНТЕРВЬЮ С ЖАКОМ ДРЕЗОМ*

Беседовали Пьер Деэ

Лувенский католический университет

и

Омар Ликандро

Институт Европейского университета

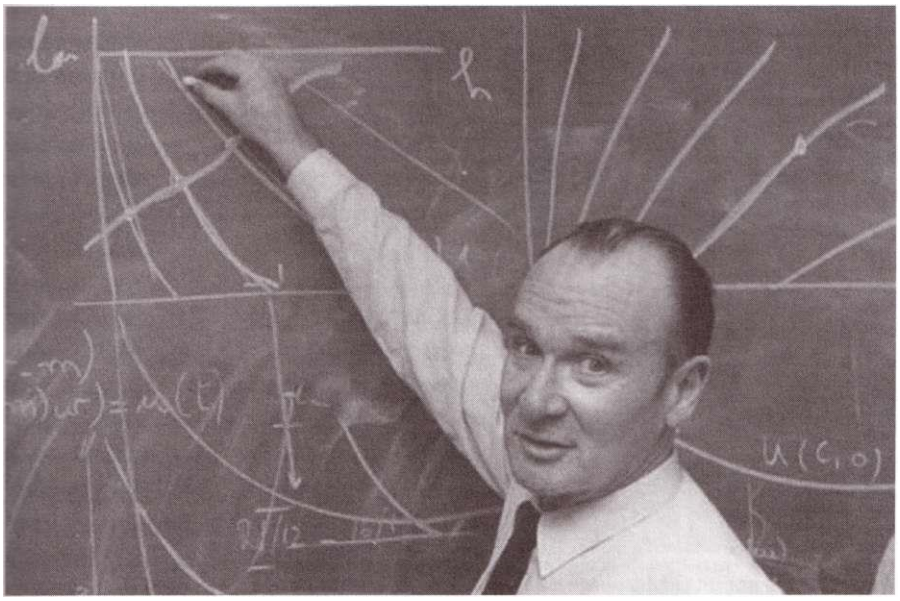
Май 2004 г.

Жак Дрез родился в 1929 г. в бельгийском городе Вервье. Он получил ученую степень в области экономики в Колумбийском университете в 1958 г. Жак Дрез внес большой вклад в экономическую науку, сделав много открытий в таких областях, как теория всеобщего равновесия, теория принятия решений, теория игр, эконометрика (в особенности байесовская эконометрика), а также макроэкономика и экономическая политика. Дрез был президентом Эконометрического сообщества, помощником, а затем и соредактором журнала *Econometrica*, одним из основателей и первым пре-

зидентом Европейской экономической ассоциации, президентом Международной экономической ассоциации, а также почетным членом Американской экономической ассоциации и Национальной академии наук. Пятнадцать образовательных учреждений, в том числе и Чикагский университет, присвоили ему степень почетного доктора наук. Он принимал активное участие в продвижении и развитии исследований и системы высшего образования в Европе. Он — один из основателей Центра исследований операций и эконометрики (CORE), а также Европейской программы для докторантов по количественной экономике (EDP). Кроме того, Жак Дрез активно участвует в решении наиболее сложных проблем, с которыми сталкивается европейская экономика.

Цель нашего интервью — выяснить, что, по мнению Жака Дреза, является наибольшим его вкладом в науку и каково будущее исследований

*** Впервые опубликовано в** *Macroeconomics Dynamics,* **9. 2005, p. 429-461.**
Copyright © 2005
Cambridge University Press.



в области макроэкономики. Все началось в октябре 2002 г. в Институте Европейского университета. Большой материал, собранный в ходе продолжительных и подробных бесед, после некоторой обработки и лег в основу этого текста. Интервью состоит из трех частей. В первой части речь идет о начальном этапе карьеры Дреза в Бельгии и последующем изучении экономики в США. Во второй части вы увидите все разнообразие интересов Жака Дреза как исследователя. И третья часть посвящена самым последним его достижениям в области макроэкономики, которые можно было бы обозначить следующим образом — «неполные рынки ведут к множественности равновесия, требующей проведения активной экономической политики». Завершает интервью рассказ о вкладе Жака Дреза в продвижение исследовательской работы и в первую очередь — исследовательских институтов в Европе.

И Пьер Деэ, и Омар Ликандро были студентами Жака Дреза. Кроме того, Деэ и Дрез написали вместе несколько работ — некоторые из них упоми-

наются в этом интервью.

Ликандро: Когда я учился в Лувенском университете, я слышал много различных версий ответа на вопрос «Что послужило причиной вашего интереса к экономике?»: ваш опыт работы в банке, ваши связи в профсоюзах, ваша учеба в Льежском университете. Помогло ли что-то из перечисленного

Рис. 13.1. Жак Дрез в офисе Центра исследований операций и эконометрики (CORE) показывает квазиоптимальную жесткость заработной платы. Конец 1980-х гг.

вам и каким образом? Почерпнули ли вы что-нибудь для себя и как это повлияло на вашу исследовательскую работу?

Дрез: После окончания школы в **1 946** г. я собирался получить степень по философии в Лувенском университете. Но моим планам не суждено было сбыться, поскольку незадолго до торжественной церемонии по случаю окончания школы в результате несчастного случая погиб мой старший брат. Это был тяжелый удар для моих родителей, поэтому я решил остаться с ними и пойти работать к отцу сначала секретарем, шофером и помощником, чтобы просто поддержать его и дать ему возможность познакомить меня со своим бизнесом. Одновременно я решил получить степень по бизнесу и экономике в Льежском университете, который был не так далеко от нас.

Мой отец был банкиром в городке, в котором все так или иначе было связано с текстильной промышленностью. Бизнес отца был более чем скромным, но война только что окончилась. Полным ходом шло восстановление экономики, и клиентам отца приходилось решать свои финансовые проблемы. Вследствие того, что в банке у меня не было каких-либо определенных обязанностей и я быстро постигал основные премудрости работы с финансами, мне очень часто поручали особые задания, которые, как мне кажется, были весьма полезны для меня. Например, найти контрагентов в Лондоне для проведения сделок в иностранной валюте; организовать бартерные соглашения в Финляндии для того, чтобы обеспечить местной фирме оплату

оборудования для текстильного производства чугунными чушками; привлечь капитал для небольшой семейной фирмы или даже выступить в качестве посредника в трудовом споре.

Поэтому в возрасте 21 года я познакомился с реальными экономическими проблемами. И справиться с ними было намного сложнее, чем с предметами из моего учебного плана по бизнесу и экономике в Льежском университете. В первые послевоенные годы не могло быть и речи о преподавании современной экономики в университете. Я окончил университет, не подозревая о существовании

Рис. 13.2. Во время заключения фор-
экономики как научной дисциплины.
вардных контрактов на поставку бель-

Деэ: Но затем была Америка. Почему
гийских шерстомоечных машин. Лон-
донская набережная. 1949 г.

вы решили поехать в Соединенные Шта-

ты, чтобы получить ученую степень, и почему именно в Колумбийский университет?

Дрез: После получения диплома в университете меня убедили подать заявку на стипендию и отправиться учиться в США. Администрация университета была недовольна тем, что среди получателей стипендий Бельгийско-американского образовательного фонда было мало льежских студентов, и поэтому они искали выпускников-отличников как потенциальных кандидатов. Один из моих льежских профессоров сказал мне, что в Колумбийском университете самая лучшая программа по экономике в США и что там преподает Джон Морис Кларк. Правда, Кларк к тому времени, как оказалось, уже девять лет как не работал... Мне на самом деле повезло, поскольку в Колумбийском университете в начале 1950-х гг. работало несколько замечательных преподавателей, с тремя из которых мне посчастливилось общаться особенно близко: это был мой куратор Джордж Стиглер, руководитель диссертации Уильям Викри и Абрам Бергсон (получивший известность благодаря функции благосостояния).

Я выполнил стандартную программу первого года обучения, в конце которого сдал квалификационные экзамены на степень доктора философии. Во второй год моего пребывания в университете Стиглер выразил свое несогласие с моими планами провести там еще год. Я планировал подготовиться к сдаче практических экзаменов по специальности до того, как встанет вопрос моего возвращения в Бельгию для прохождения военной службы. Стиглер тогда сказал мне: «Не возвращайся в Бельгию, поучившись лишь в Колумбийском университете. Для того, чтобы научиться мыслить независимо, ты должен услышать и тех, кто с нами не согласен.

Сдавай как можно скорее экзамены и поступай еще в какой-нибудь университет или даже университеты — до того как вернешься в Бельгию».
Это был лучший совет, который мне кто-либо давал. И я конечно же ему последовал. Уже в январе я сдал все четыре экзамена — по теории, математической экономике, благосостоянию и циклам, — которые Стиглер определил как четыре характеристики теории, и отправился на весенний триместр в Кембридж в Массачусетс. Там у меня была возможность посещать семинары Самуэльсона, Леонтьева и Хаберлера, а также пообщаться с молодыми учеными, такими как Дэниел Эллсберг (я зондировал почву для возможной темы моей диссертации по неопределенности). Май и июнь я провел в комиссии Коулза, где познакомился с Маршаком, Купмансом и Дебрё, а также с Хаутаккером, Бекманом и Телсером. Затем я принял участие в летней школе в Анн-Арборе, где Центр опросных исследований (Survey Research Centre, SRC) создал большую базу для проведения опросов в об-
-асти потребительского финансирования и активно использовал микроэконометрические методы. Здесь работали и Клейн, и Джим Морган, и конечно же Джорд Катона, психолог, который и основал этот Центр.

340 Между тем в декабре 1953 г. я присутствовал на презентации модели жизненного цикла Франко Модильяни, которая мне показалась очень убедительной. Но пожизненный доход был чем-то неопределенным. Я написал Модильяни письмо, в котором выразил свой интерес к расширению модели неопределенности. В мае 1954 г. по приглашению самого Модильяни я приехал к нему в Питсбург. Мы проговорили часов шесть. За это время мы вывели разницу между сиюминутным и отложенным принятием решений в ситуации неопределенности в контексте вопросов сбережений. Это легло в основу моей работы, опубликованной в 1972 г.
Так был получен мой первый успешный опыт в проведении исследований. Это было началом нашего долгосрочного союза с Франко Модильяни, который оказал большое влияние на меня как на ученого.
Благодаря предоставленной мне командованием бельгийской армии трехмесячной отсрочке, я провел осень 1954 г. в Карнеги, общаясь с Модильяни и Миллером, а также Гербертом Саймоном, Чарнесом, Купером, Сайертом, Марчем, Джеком Мутом и группой ученых, разрабатывавших линейные правила принятия решений. Я прослушал курс по многомерной статистике, чтобы заполнить пробел в изучении эконометрики, поскольку в Колумбийском университете ее нам не преподавали. Я открыл для себя исследования операций, ценность которых вскоре была доказана на практике, когда я пошел в армию и стал служить специалистом по исследованию операций при генерале-квартирмейстере.
Ликандро: Так мы плавно подошли к теме вашего вклада в различных областях науки: от экономической теории до экономической политики; от эконометрики до исследований операций; от всеобщего равновесия до теории игр; от микро- до макроэкономики. Почему вы решили столь значительно расширить область ваших исследований? Каковы, на ваш взгляд, связующие их темы?
Дрез: У меня есть два ответа на этот вопрос, которые могут это объяснить. Первый заключается в том, что все темы едины при их кажущемся

различии. Во-вторых, это остаточная разнородность. Как экономиста, которого в первую очередь интересуют реальные мировые проблемы, меня в теоретической плоскости увлекли вопросы, связанные с обширной темой распределения в условиях неопределенности, а также желание интегрировать все успехи в теории в единый подход, в частности, в теорию всеобщего равновесия. Именно этот предмет я преподавал в Лувенском университете в течение 25 лет.

Что касается темы неопределенности, то мой интерес к ней берет свое начало в моих ранних работах по теории принятия решений. Соответственно и моя докторская диссертация называлась «Принятие единоличных решений в условиях частично контролируемой неопределенности» (Individual decision-making under partially controllable uncertainty). В ней рас-

13. ИНТЕРВЬЮ С ЖАКОМ ДРЕЗОМ

Рис. 13.3. После лекций имени Баффи вместе с Франко Модильяни (справа), ставшим близким другом. Рим, 1992 г.

сматривались два расширения модели принятия единоличного решения в играх «против природы человека», как это вывел Леонард Сэвидж в своей работе «Основы статистики» (The Foundation of Statistics, 1972). Они касались предпочтений, определяемых состоянием, и моральных рисков. Применимость этих расширений в отношении вопроса безопасности, что я рассматривал еще в начале 1960-х гг., ясно показывает их релевантность (Dréze, 1962).

Деэ: Действительно, это очень интересный пример использования, который я с большим удовольствием 20 лет спустя разрабатывал вместе с вами дальше (Dehez, Dréze, 1982). Не могли бы вы подробнее об этом рассказать?

Дрез: В 1960 г. два французских инженера пытались узнать, сколько необходимо инвестировать, чтобы повысить уровень безопасности на дорогах. Они пытались определить экономическую ценность спасенной жизни. Они предложили измерять стоимость как величину будущего дохода потенциальной жертвы. Подобная точка зрения сохранилась и до

трагических событий 11 сентября 2001 г. в отношении компенсаций родственникам жертв теракта. Но возник вопрос, а должна ли при этом вычитаться стоимость будущего потребления, чтобы оценить *чистые потери* общества. Я сразу же понял, что этот вопрос указывает на основной недостаток такого подхода: люди хотят жить и потреблять, а не голодать! Воз-

вращаясь к источнику проблемы, я разработал подход к оценке жизни для анализа безопасности, который сегодня известен как «готовность платить». Какую сумму человек готов заплатить за снижение вероятности наступления несчастного случая? В этом случае человек решает сам, исходя, с одной стороны, из наличия необходимых для этого ресурсов, а с другой — из степени важности для него данного риска. Такая субъективная стоимость не может быть сведена до объективных вычислений, она также приуменьшает уровень возможности наступления несчастного случая. Безопасность дорог — общественное благо, и готовность каждого платить за это в данном случае должна агрегироваться на основе теории общественных благ Линдаля-Самуэльсона.

Деэ: Безусловно, мой дорогой Ватсон! Но как это связано с вашей диссертацией?

Дрез: Когда «состояние» определяется понятиями «жив» или «мертв», становится очевидным, что предпочтения зависят от состояния! Если решения направлены на повышение уровня безопасности, то понятно, что вероятность наступления того или иного состояния не дана, но она зависит от выбранного «направления действия». Поэтому модель Сэвиджа в данном случае не подходит. Она должна быть расширена за счет предпочтений, определяемых состоянием, и степени вероятности в зависимости от действия. Это как раз те расширения, которые я и рассматривал в своей диссертации. Литература перегружена моделями, в которых агенты придают большее значение ожидаемой полезности, чем действиям, у которых есть не только последствия, но также и переменная вероятность. Я искал аксиоматическое основание такого поведения.

Деэ: В вашей диссертации уже что-то было об этих основаниях?

Дрез: В диссертации рассматривалась модель, включающая в себя лишь три состояния мира. Обобщение до $n > 3$ состояний, требующее более сложного инструментария, появлялось частями: сначала в 1961 г., затем в окончательной формулировке в 1987 г. (Dréze, 1987a), и не так давно в несколько упрощенном варианте (Dréze, Rustichini, 2004). В своей диссертации я также высказал предположение, что логика субъективной максимизации ожидаемой полезности применима и к стратегическим играм. Это предположение в конце концов было доказано в нашей недавней совместной работе с Робертом Ауманном (2004). Если так можно выразиться, это хороший пример продолжительного интереса к одной теме.

Деэ: Вы сразу перешагнули через 45 лет! А что было после диссертации?

Дрез: Еще во время подготовки диссертации я вместе с Франко Модильяни начал работать над принятием решения по поводу сбережений в условиях неопределенности (Dréze, Modigliani, 1972). Вскоре я понял, что и многие другие разделы микроэкономической теории просто требуют пересмотра с точки зрения понятия неопределенности. Сборник моих работ

«Эссе о принятии экономических решений в условиях неопределенности» (Essays on Economic Decisions Under Uncertainty) состоит из нескольких частей: единоличные и коллективные решения, равновесие рынка, решения потребителя и производителя, человеческий капитал и трудовые контракты. Он был выпущен благодаря Джону Хею и исходя из его видения этой книги. Мое живое участие в вопросе необходимости объяснения расширений за счет неопределенности многих экономических моделей без сомнений корнями уходило к тому периоду, когда я сам был свидетелем реальных ситуаций в бизнесе: бороться с неопределенностью было частью повседневной жизни моего отца и его клиентов.

Деэ: Сборник вышел в 1987 г. Вы снова забегаете вперед! Можете выделить какие-то промежуточные точки в вашей карьере?

Дрез: В 1953 г. Эрроу написал свою новаторскую работу, в которой представил состояния мира и дерево событий как примитивное описание внешних факторов неопределенности для анализа всеобщего равновесия. Эту тему вскоре подхватил Жерар Дебрё в своей «Теории стоимости» (Theory of Value, 1959). Это было замечательно, но требовалось более подробное объяснение. Каким образом субъективная вероятность (а в таком случае и полезные свойства, определяемые состоянием) влияет на цены как возможные условия? Моя работа «Рыночное распределение в условиях неопределенности» (Market Allocation Under Uncertainty, 1971), идея которой пришла во время посещения Чикагского университета в 1963-1964 гг., обосновывает мартингальное свойство для возможных цен — важное открытие, которое впоследствии развили Харрисон и Крепс (1979).

Кроме того, полные рынки страхования и активов — это некая абстракция, без сомнения необходимая для теоретического понимания, но лишенная эмпирического реализма. Таким образом, ценные бумаги, торгуемые на всех американских основных и вторичных рынках, составляют не более чем 7% ВВП! Поэтому существование неполных рынков теперь стало правилом. В 1960-х гг. такое мнение занимало центральное место в моих рассуждениях о неопределенности. Обнаружив новаторскую работу Питера Даймонда «Роль рынка ценных бумаг в модели всеобщего равновесия» (The Role of a Stock Market in a General Equilibrium Model, 1967), я тут же попытался расширить его анализ — сведенный до лучевых технологий, подтверждающих, что фирмы выбирают только уровень инвестиций — до более общих технологий. Я не смог повторить полученный им показатель эффективности и в конечном итоге доказал обратное: в условиях неполных рынков равновесие фондового рынка не обязательно должно быть эффективным и даже принудительно эффективным (Dreze, 1974b)! И это несмотря на то, что каждая фирма принимает производственный план, который, с точки зрения ее владельцев, является парето-эффективным, а фондовый рынок конкурентным!

Деэ: Вы сейчас говорите о так называемом «критерии Дреза» для принятия решений фирмами в условиях неполных рынков, когда целью не стоит максимизация прибыли. Вы и дальше разрабатывали эту тему?

Дрез: Да, в нескольких направлениях. Я расширил этот критерий для использования в более сложных структурах принятия решений внутри фирмы (Dréze, 1987b, 1989). В других работах я использовал тот же самый анализ для некоммерческих организаций (Dréze, Marchand, 1976) и для фирм, управляемых трудовыми коллективами (Dréze, 1976b, 1987). В совместной работе (Geanakoplos et al., 1990) мы вывели в общей модели характерную неэффективность равновесия фондового рынка. На сегодняшний день я занимаюсь распространением так называемого «критерия Дреза» на нескольких периодах времени, и таким образом интегрированием идеи, озвученной Гроссманом и Хартом (1979), но на основе использования более общих предположений.

Деэ: Еще один пример продолжительного интереса к исследованию одной темы! Из всего, что вы сказали, создается впечатление, что ваш неиссякаемый интерес к теме неопределенности является причиной такого разнообразия направлений исследования и подтверждает то, о чем мы говорили выше.

Дрез: Здесь я должен покаяться — есть такой грех. Не просто же так мой друг Агнар Сандмо любит представлять меня как «Жак Вездесущий». Но также нельзя забывать о постоянном стремлении к интегрированию. Если посмотреть на основные разработки в области неопределенности, которые были сделаны на протяжении 50 лет моей профессиональной деятельности, то все истоки этих разработок можно отнести к трем взаимодействующим дисциплинам: теории статистических решений, теории принятия единоличных решений и всеобщему равновесию. Знакомство с теорией статистических решений, особенно с трудами Абрахама Вальда (1950), стало источником вдохновения как для Джимми Сэвиджа (1972) при создании работы по теории принятия решений, так и для Кена Эрроу (1953) в его изучении всеобщего равновесия. Я же работал на обоих направлениях. И здесь можно наблюдать еще один результат взаимодействия, где я также отметился, а именно байесовская статистика.

Деэ: Как это случилось?

Дрез: Значительное развитие байесовской статистики за последние полвека произошло благодаря новаторским исследованиям, проведенным в 1950-х гг. в Гарвардской бизнес-школе Праттом, Райфа и Шлайфером. В 1 958 г. меня приняли на работу в Лувенский католический университет в качестве преподавателя статистики, эконометрики и теории исследования операций. Что касается статистики, то я использовал направляющие и разъясняющие байесовские технологии. Это был один из наиболее естественных подходов для человека, увлекающегося теорией принятия

решений. И переход от теории принятия решений к байесовской статистике, а затем к экономике неопределенности более чем естественен (Dréze, 1972a). Но в центре внимания эконометрики того времени были системы уравнений, и это был классический поход. Поэтому мои студенты после Байесовской статистики, столкнувшись с классической эконометрикой, ощутили некое нарушение целостности обучения. Вот почему в 1962 г. я взялся за написание работы по Байесовскому анализу системы уравнений, которая так и не была опубликована, но оказала большое влияние на некоторых ученых и студентов и проложила дорогу для моих последующих работ (Dréze, 1974a, 1976a; Dréze, Morales, 1976) и работ моих студентов — Моралеса, Мушара, Палма и Ричарда. Это объясняет мою поддержку байесовской эконометрики и рождение так называемой лувенско-байесовской школы.

Деэ: Таким образом, вы активно работали на всех перечисленных выше направлениях. Вы упомянули сегодняшнюю совместную работу с Ауманном. А ведь были еще и более ранние совместные «набеги» на теорию игр.

Дрез: Я не считаю себя специалистом по теории игр. Мы написали с Бобом до этого две работы (Aumann, Dréze, 1975, 1987), соединив его технические знания и опыт и мои экономические интересы. Мне также близка совместная работа с Йосси Гринбергом по «гедонистическим коалициям» (Dréze, Greenberg, 1980), где говорится о предпочтениях игроков по отношению к идентичности других членов коалиции, к которой они принадлежат — вполне естественный вопрос для любого экономиста! Я хотел бы когда-нибудь вернуться к этой интересной теме...

Деэ: Пожалуйста, давайте не будем о будущем... Мы еще не закончили с прошлым! Мы уже все обсудили на периодически возникающую тему не-

определенности?
Рис. 13.4. С Робертом Ауманном (слева)
Дрез: Если позволите, последняя
на праздновании 20-летия создания ремарка. Существует прямая взаимо-
CORE, который Ауманн назвал «уникаль-
связь между неопределенностью и ма-
ным питомником, местом, где перекрест-
ное оплодотворение приводит к появле-
кроэкономикой, и сегодня это пони-
нию новых идей, как в лоно матери — мает каждый специалист по теории
теплая, безопасная среда, где эти идеи макроэкономики. На мой взгляд, эта
могут расти и созревать». Лувен-ля-Нев,
1986 г.
взаимосвязь осуществляется через

жесткость цен. Позвольте мне прочесть одно примечание из моей работы «Существование денежного равновесия при условии жесткости цен» (Existence of an Exchange Equilibrium Under Price Rigidities), написанной в 1975 г.: «Данные записи появились благодаря актуальным исследованиям по рациональным аспектам жесткости заработной платы и пособий по безработице, рассматриваемой как некая форма страхования доходов и не имеющей на рынке замены». Вышеупомянутые исследования активно развивались (Dréze, 1990, 1993), в результате появилась моя совместная с Кристианом Голлье работа «Распределение рисков на рынке труда и квазиоптимальная жесткость заработной платы» (Dréze, Gollier, 1993) и другие работы по взаимосвязи эффективности распределения рисков и производственной эффективности на рынке труда (Dréze, 2000, 2002). Однако в то же самое время внимание специалистов по макроэкономике привлекла тема равновесия в условиях неэластичности цен — рецессия, вызванная ростом цен на нефть в 1970-е гг., стала более чем реальна. Движимый подобными реальными экономическими проблемами, я переключился на макроэкономику, но здесь опять же тема неопределенности в условиях неполных рынков была все так же актуальна. Неполные рынки обусловливают не только разумность жесткости заработной платы, но и волатильность инвестиционного и совокупного спроса, которая лежит в основе макроэкономических колебаний. Мое недавнее исследование «Макроэкономика неопределенности и неполных рынков» (The Macroeconomics of Uncertainty and Uncompleted Markets) (Dréze, 2001a) как раз суммирует мои мысли по поводу неопределенности и макроэкономики, вновь рассматривая как единое целое такие на первый взгляд разные темы. Это добавляет определенную размерность внешним, макроэкономическим факторам неопределенности. Таким образом, макроэкономика вновь возвратила меня к теме неопределенности. Цепь замкнулась.
Ликандро: Вы снова заявляете об основополагающей однородности.
Мы еще вернемся к теме жесткости заработной платы и макроэкономике, но сначала позвольте мне узнать у «Жака Вездесущего», каким образом он стал интересоваться вопросами организации труда?
Дрез: Все началось, когда я был профессором без какой-либо опреде-

ленной специализации в Корнеллском университете. Меня приписали к отделению Ярослава Ванека, в то время как тот находился в академическом отпуске и занимался научной работой. Однажды во время ланча глава факультета Т. Лиу заявил: «Данная тема будет мне интересна, если только Ярослав сможет объяснить, когда фирмы, управляемые трудовыми коллективами, примут на вооружение трудосберегающие инновационные решения, но никак не раньше». Днем я сидел в кресле Ванека, смотрел на шкаф, забитый работами по организации труда и размышлял над тем, что сказал Лиу. Как только мои мысли стали приобретать какую-то форму, они при-

вели меня к модели всеобщего равновесия экономики компаний, управляемых трудовыми коллективами (Dréze, 1976b). Однозначным ответом на вопрос Лиу стал мой вывод относительно эквивалентности для конкурентного равновесия и равновесия организации труда — вывод, сравнимый с тем, который Оскар Ланге и Фред Тейлор (1938) сделали в отношении компаний, работающих в условиях плановой экономики. Конечно, я тут же проанализировал вопрос неопределенности и финансирования фирм, управляемых трудовыми коллективами. Данное направление исследования естественным образом сочеталось с моими интересами в области неполных рынков и квазиоптимальной жесткости заработной платы, как это можно увидеть по моим Янссоновским лекциям на тему «Организация труда, контракты и рынки капитала» (Labour Management, Contracts, and Capital Markets) (Dréze, 1989).

Другие ответвления возникли из рассматриваемых тем, связанных с моей основной исследовательской работой. Это относится, например, к работам по стабильности динамических процессов. На первом этапе исследований по нормативной теории фирмы в условиях неопределенности я, послушав мудрый совет Жерара Дебрё (тогда гостя CORE), исследовал

Рис. 13.5. С Жераром Дебрё (справа) на Шестом международном симпозиуме по экономической теории и эконометрике, проводимого в CORE по случаю окончания пре-

подавательской карьеры Жака Дреза. Дебрё пересчитывает «48 соавторов от Ауманна до Цельнера»

сначала менее сложную проблему эффективного обеспечения общественными благами. В результате появилась работа «Метод повторных проб в отношении общественных благ» (A tâtonnement process for public goods) (Drèze, de la Vallèe Poussin, 1971), математическая составляющая которой была обобщена Шампсором и др. (1977) и использована в 1990-х гг. для решения вопросов макроэкономического характера (Drèze, 1991, 1999).
Деэ: На вашем счету еще несколько достижений в области государственной экономики, начиная со ставок дисконтирования для государственных инвестиций (Sandmo, Drèze, 1971) и ценообразования в госсекторе (Drèze, 1985a) и заканчивая исключаемыми общественными благами (Drèze, 1980). Такая разнородность существует в пределах какого-то ответвления вашей научно-исследовательской деятельности?
Дрез: Государственная экономика — это еще одна область, которую я не изучал в университете, а «познавал самостоятельно». Все началось с обзора послевоенных достижений французских экономистов (Drèze, 1964). Это было очень познавательно — я познакомился с работами Марселя Буате по квазиоптимальному ценообразованию. В своей работе «Ценообразование в госсекторе при кейнсианской системе управления» (Public Sector Pricing in a Keynesian Regime) (Drèze, 1985a) я развиваю анализ Рамсея-Буате, дойдя до экономики с жесткими ценами — еще одна попытка интегрировать различные подходы. Это показало мне, что поиски макроэкономических следствий микроэкономики могли бы быть более плодотворными чем поиски микроэкономических принципов макроэкономики.
Деэ: Каким образом?
Дрез: Мне было любопытно посмотреть, что будет с правилами ценообразования при условии обратной эластичности, когда частные блага распределяются не только на основе цен, но и частично на основе количественных ограничений. Развивая правила ценообразования, я наткнулся на мультипликатор! В этой работе вы можете найти специальную формулу, которую я интерпретировал как мультипликатор. При этом специально я его не искал. Я просто вывел формулу из анализа Рамсея-Буате. Мультипликатор работал при условии, если в экономике цены на некоторые товары являются жесткими, а правительственные структуры влияют на распределение ресурсов посредством ценовой политики. Для меня это стало сюрпризом: каким образом в этом анализе квазиоптимума появился мультипликатор? Словно сверкнула молния, и я увидел, как можно применить макроэкономику всеобщего равновесия!
Деэ: Вы начали с привычной для вас отправной точки — жесткости цен. Помню, насколько живым был интерес к равновесности в условиях жесткости цен и количественного нормированного распределения в середине 1970-х — начале 1980-х гг. Безусловно, эта работа была призвана примирить подход, основанный на всеобщем равновесии, и кейнсианский подход.

Однако в Европе интерес к этой теме был выше, и это неудивительно, если

учитывать значительный вклад в ее развитие с вашей стороны, а также со стороны Бенасси, Юнеса и Маленво. Почему, как вы думаете, интерес к этой теме в итоге угас?

Дрез: Меня очень сильно расстраивает то, до какой степени теоретики-макроэкономисты превозносят особую ситуацию с фиксированными ценами над более общей ситуацией неидеально гибких цен с количественно нормируемым распределением, которое возможно только при условии нисходящей жесткости. Хотя, безусловно, я понимаю всю полезность рассмотрения случаев с фиксированными ценами для понимания всего многообразия рыночных конфигураций (классическая, кейнсианская, подавляемая инфляция) и необходимости их смешивания на микроуровне, как это было сделано, например, в эконометрической работе «Проблема безработицы в Европе» (Europe's Unemployment Problem) (Drèze et al., 1 990). Я до некоторой степени также отвергаю парадигму фиксированных цен — хотя сохраняю приверженность мнению о релевантности и важности жесткости цен и количественно нормируемого распределения. Мое собственное объяснение по поводу подобной немилости, в которую попала так называемая «теория неравновесия», особенно в англосаксонском мире, довольно простое. Я согласен с Бланшаром и Фишером (1989), что *жесткость цен или заработной платы необходимо объяснять, а не только допускать их существование*! Новая кейнсианская экономика предполагает ее объяснение и эмпирическую проверку.

В своем выступлении перед Европейской экономической ассоциацией в 1986 г. (Drèze, 1987c) я заявил, что «растущие доходы, динамика цен и неопределенность» способствуют рыночному распределению, включая «естественное нормированное распределение». Я до сих пор считаю эти характеристики, особенно последнюю, основными объяснениями жесткости цен и заработной платы и связанного с этим нормированного распределения. И так как существование нестрахуемых рисков признано, напрашивается неизбежный вывод: последовательная конкурентная равноценность рынков реальных товаров, согласно квазиоптимальной эффективности по Парето, может быть управляема с помощью жесткости заработной платы и количественно-нормированного распределения.

Ликардо: Смелое утверждение! Не могли бы вы в общих чертах его объяснить?

Дрез: Для создания эффективного распределения рисков необходимо, чтобы ресурсы каждого агента не зависели бы от идиосинкратических рисков и были связаны только с рисками, которым подвержено сообщество. Это всем известно еще из работ Карла Борха 1960-х гг. В условиях полных рынков трейдинг приводит к возникновению понятия собственности, чего нет при неполных рынках. Таким образом, для рабочего, у которого нет

дохода от собственности, для создания эффективного распределения рисков потребуется заработная плата, индексируемая исходя из размера национального дохода. А для эффективного распределения ресурсов необходимо, чтобы заработная плата отражала предельную производительность. Даже во времена угнетенного спроса на рынке труда размер равноценной заработной платы может снижаться до уровня резервирования

Таким образом, налицо конфликт между двумя параметрами измерения эффективности. Помните, мы обсуждаем эффективность, а не перераспределение.

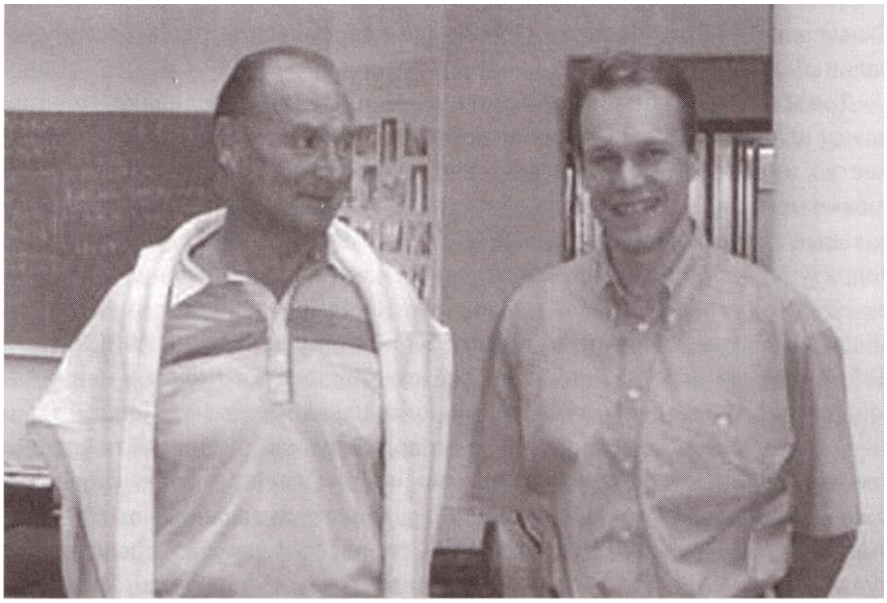
Оптимального исхода можно было бы достичь с помощью системы налогообложения заработной платы и субсидий. Затраты на оплату труда могли бы оставаться в привязке к предельной производительности, а трудовые доходы — зависеть от национального дохода. Я написал несколько работ на эту тему. Эдмунд Фелпс (1997), отталкиваясь от идеи дополнительной мотивации, посвятил работе этой системы целую книгу. В отсутствие зарплатных субсидий альтернативой могла бы стать жесткость в отношении снижения заработной платы, включая пособия по безработице.

Ликандро: Жак, это неочевидно. Можете ли вы на интуитивном уровне объяснить, каким образом жесткость заработной платы могла бы предполагать наличие квазиоптимального распределения в условиях неполных рынков?

Дрез: Неэластичность к снижению страхует трудовые доходы на случай уменьшения равноценной заработной платы, но когда ее размер превышает реальную стоимость труда, то неизбежно снижается эффективность производства. Я рассказал о том, что необходимо сделать для того, чтобы страховые пособия перевесили неэффективность производства, в своей совместной с Голлье работе (1993). На мой взгляд, такой аргумент дает наиболее серьезное обоснование наблюдаемой жесткости заработной платы. Это касается предполагаемых безработных. А сначала в 1970-х гг. Азариадис (1975), Бейли (1974) и Гордон (1974) обосновали это для тех. кто работает по контракту. В свою очередь, наша надстройка охватывает всеобщее равновесие с нерасположенными к риску фирмами (Drèze. Gollier, 1993).

Деэ: Видимо, неполные рынки сподвигли вас к работе над равновесием в условиях жесткости цен, известной в литературе как «равновесие Дреза» Но если отбросить стимулирующие факторы, то где берет начало новая концепция равновесия?

Дрез: Это была работа над эффективным нормированным распределением (Drèze, Miller, 1 980), наша совместная работа по равновесиям в условиях ограниченных поставок (Dehez, Drèze, 1988), а также эмпирическая работа по эконометрике неравновесия (Sneessens, Drèze, 1986) и вытекающая из нее «Проблема безработицы в Европе» (Drèze et al., 1990). Когда



я руководил этим исследованием, проходившим в десяти европейских странах, я все больше осознавал мультипликативность равновесия, однако эконометрическая модель этого не предполагала. Позднее, в начале 1990-х гг., теория всеобщего равновесия подтвердила мои догадки: жесткость цен может привести к континууму равновесий!

Когда равновесие спроса и предложения создается на рынке не с помощью цен, а с помощью количественных ограничений, как при безработице, то определенный уровень нормированного распределения дает дополнительную свободу: на место равенства приходит неравенство. Для специальных рынков, как, например, неквалифицированного труда в отдельно взятом регионе, это довольно обычное явление. При росте спроса переменный уровень безработицы сочетается с тем же уровнем минимальной заработной платы и пособия по безработице. Всеобщее равновесие эндогенезирует спрос. И новой характеристикой становится множественность макроэкономических равновесий.

Мое первое вторжение в эту интригующую область произошло в 1997 г. (Drèze, 1997) — в большей степени благодаря ранним работам Джона Робертса (1989) и Жан-Жака Херингса (1996). Оно легло в основу моего выступления перед членами Международной экономической ассоциации (Drèze, 2001 a). Общую же модель, которую я совместно с другими учеными

Рис. 13.6. С Жан-Жаком Херингсом (справа) в комнате отдыха Центра исследований операций и эконометрики (CORE): кофе-брейк за пределами континуума равновесий в условиях принудительных поставок! 2003 г.

разобрал в одной из последних работ (Citanna et al., 2001). в настоящее время я вместе с Жан-Жаком Херингсом пытаюсь применить для структуры неполных рынков. Эта работа рассказывает о преимуществах методологии всеобщего равновесия для решения макроэкономических проблем. И хотя ошибки согласования попадали в зону внимания макротеоретиков и по другим каналам (в частности, через модели равновесия или макромодели, исследованные Купером и Джоном в 1988 г.), взаимосвязь с жесткостью

цен стала ясна из анализа всеобщего равновесия.
Ликандро: И снова перед нами технический вопрос, требующий некоторого разъяснения...
Дрез: Давайте попробуем. Рассмотрим сначала экономику, состоящую из одной фирмы, на которой труд, обеспечиваемый за счет домашних хозяйств, превращается в конечный продукт. Доход сокращается. Номинальная заработная плата задана. Общими усилиями домашние хозяйства обеспечивают N единиц труда, получают заработную плату и прибыль, а также покупают конечную продукцию. Фирма максимизирует прибыль. Объем выпуска, требующий не больше N единиц труда, определяет равновесие неполной занятости и цену выпускаемой продукции, равную предельным затратам. И действительно, фирма максимизирует прибыль, домашние хозяйства ее оптимизируют в условиях ограничения на предложение труда, а рынки уравновешивают спрос и предложение.
Деэ: Это противоречит трехтоварной модели Барро-Гроссмана (Barro, Grossman, 1976) и Маленво (1977), где классические равновесия уникальны.
Дрез: С точки зрения этой модели, равновесия определяют границу между классической и кейнсианской безработицей как центральное множество, индексируемое ценами на выпускаемую продукцию при заданном уровне номинальной заработной платы. В трехтоварной модели все номинальные цены фиксированные. В 1997 г. в своей работе я показал, что это подразумевает определенную выборку из континуума, связанного с гибкими ценами на выпускаемую продукцию. На самом деле континуум — это общее свойство. Рассмотрим пример экономики, предложенный Эрроу и Дебрё, с двумя наборами товаров: скажем, товаров F с гибкими ценами и товарами R с нисходящими жесткими номинальными ценами. Количественные ограничения возможны только на поставку; нам нужно найти «равновесие в условиях ограниченных поставок». Если жесткость цен «кусается» фиксированные номинальные цены R предполагают заданные относительные цены R-1. Но рынки R могут достичь равновесия спроса и предложения путем ограничения поставок. Таким образом, одним уровнем свободы действий меньше. Это соответствует как общему отношению гибких и жестких цен, так и общему объему нормированного распределения товаров с жесткими ценами. Закон Вальраса соединяет эти две макроэкономические

переменные в рамках кривой Филлипса. Остается единственная степень свободы, связанная с выбором точки на кривой Филлипса. Тогда возникает вопрос: каким образом выбирается элемент из континуума? Заметьте, в моей экономической модели существуют и конкурентные равновесия — при условии, что номинальные цены достаточно высоки.
Мое предварительное заключение таково: модель межвременного равновесия должна быть дополнена детализацией краткосрочного процесса корректировки, связанного с последовательными равновесиями. Детализация должна включать в себя возможности установления жесткости цен, переход от одного множественного равновесия к следующему — возможно, исходя из «нащупывания» или «ненащупывания» рыночного равновесия в ценах и количественных ограничениях, ряд примеров которых я исследовал

в своих работах (Drèze, 1991, 1999); также детализация должна показывать возможность выбора отдельного равновесия из эквивалента кривой Филлипса. особенно когда последняя многомерна.

Ликандро: Почему многомерна?

Дрез: При переходе от моделей, предлагаемых Эрроу и Дебрё, к более реалистичной детализации неполных рынков степень неопределенности может возрастать, но только чисто технически! В двухпериодной экономической модели рынка ценных бумаг, где S — состояния, J — активы, а J меньше S, мы можем получить степень свободы S - J + 1, т.е. множество равновесия измерения $S - J + 1$! До сих пор я не сталкивался с подобного рода кривой Филлипса в макроэкономической литературе. И это неудивительно, поскольку популярность множественных равновесий весьма ограничена. Но цель теории всеобщего равновесия — все обобщить. Если исходные условия предполагают наличие множественных равновесий, то вы быстрее найдете способ справиться с последствиями!

Деэ: Ваши ответы на два последних вопроса относятся к теме номинальной жесткости. Мне показалось, что интерес к теме денег возник у вас не так давно. Как это соотносится с более общими темами?

Дрез: В совместном исследовании, выполненном с Гераклисом Полемархакисом (2001), а затем и с Гаэтано Блуазом (Gaetano Bloise) (Bloise et al., 2005), мы использовали последовательное и естественное определение монетарной экономики, когда наличные деньги используются для транзакций; их обеспечивают банки, которые ссужают наличность под номинальную процентную ставку, ими же установленную. Таким образом, мы рассматриваем так называемые «внутренние деньги», эмитированные центральными банками и относящиеся к сбалансированным счетам. При условии конкурентного равновесия, когда сохраняются номинальные процентные ставки, это воспроизводится в виде неопределенности общего уровня цен в такого рода модели. Для однопериодной модели можно было бы сказать, что все относительные цены определены, но общий уровень цен

условен — в этом заключается стандартная характеристика модели Эрроу-Дебрё. В многопериодной модели при условии определенности такая характеристика сохраняется, а показатели инфляции, связанные с уровнями цен при последовательных данных, определяются уравнением Фишера. Для многих ученых это стало отправной точкой в их движении к неопределенности — будь то через правила обратной связи или фискальную теорию. Так или иначе, в межвременной модели при условии неопределенности, то есть когда в течение какого-то определенного времени сохраняются альтернативные «состояния мира», существует следующая дополнительная неопределенность: при любом событии ожидаемый показатель инфляции между «сегодня» и «завтра» определяется процентной ставкой, но вариативность уровня инфляции исходя из различных сценариев «завтра» не имеет ограничений. Понятно, что единый инструмент, а именно номинальная процентная ставка, предполагает единое ограничение в каждом событии.

Ликандро: Конечно, определенность на уровне цен в монетарной экономике вопрос спорный. Какова ваша позиция по данному вопросу?

Дрез: Степень неопределенности — это и головная боль, и благо одно-

временно: головная боль, поскольку мы все знаем, что цены — не марионетки, которые прыгают по команде. Но это также и благо, так как неопределенность в абстрактной модели оставляет место внешним номинальным факторам жесткости для установления уровня цен.

Ликандро: Еще одно загадочное утверждение! Не могли бы вы пояснить?

Дрез: Я начал свою лекцию памяти Баффи в Банке Италии **(1992)** с вопроса: «Ожидаете ли вы снижения цен на книги и журналы после того, как цены на нефть из-за войны в Персидском заливе поползут вверх?» А так как многие цены постоянны в пределах интервалов и многие из них неэластичны к снижению, то ответ очевиден. Вследствие того, что относительные цены варьируются, жесткость цен становится причиной инфляции Это часть процесса установления краткосрочного экономического равновесия посредством выбора равновесия из моего континуума — если угодно, из моей кривой Филлипса.

Многие новокейнсианские макромодели используют этот путь — колеблющиеся цены, издержки, связанные с изменением цен и т.п. Я не согласен в двух вопросах: в том, что касается объяснения жесткости цен, — мы говорили об этом, а также с формальным анализом этих выводов — они приводят нас вновь к реальной и номинальной неопределенности, связываемой с жесткостью цен.

Ликандро: И каково заключение с точки зрения макроэкономики?

Дрез: Заключение будет как субстантивным, так и методологическим С субстантивной точки зрения я считаю, что в макроэкономической теории и политике существуют провалы координации, связанные с жесткостью цен

и заработной платы — независимо от характера этой координации. Я бы только хотел иметь возможность эмпирически оценить размах провалов координации, но для меня это, возможно, дело далекого будущего. Что касается методологии, в настоящее время я занимаюсь исследованием ряда макроэкономических выводов относительно макроэкономики в модели всеобщего равновесия, а это одновременно распространяется и на неполные рынки, деньги, жесткость цен и заработной платы, а также на растущую доходность (Dehez, Drèze, 1988) и несовершенную конкуренцию (Dehez et al., 2003). Это далеко от конкурентной модели Эрроу-Дебрё... Как мы уже говорили, подобные расширения ведут к множественным равновесиям, а для статичной межвременной модели сохраняется необходимость дополнения детализацией краткосрочных установок, и в этом случае проблема обобщенности остается открытой.

Деэ: Какую концепцию или концепции равновесия вы используете?

Дрез: Между обобщенностью, а следовательно, степенью реализма и возможностью трактовки существует компромисс! В моделях с произвольными конечными интервалами, которые являются также и основным инструментом анализа бесконечных интервалов, наилучшей отправной точкой служит равновесие Раднера с совершенным предвидением (1972). Это согласуется с моими расширениями и анализом провалов координации, но совершенное предвидение — это сильное допущение, особенно при условии множественных равновесий, и я хочу рассмотреть как можно больше общих

формулировок в духе «временного равновесия» а-ля Гранмон (1977). Произвольные интервалы, таким образом, создают как логические, так и технические проблемы, с которыми я в настоящее время и борюсь.
Ликандро: Все это кажется очень далеким от современной макроэкономики!
Дрез: Согласен. На мой взгляд, расширенная модель предполагает условия всеобъемлющей макроэкономики! Я имею в виду, что большинство макроэкономических моделей имеет отношение к экономике, существующей в рамках строго очерченной общей модели. Зачастую, конечно, макроэкономическая теория использует частные модели и получает частные выводы, но общий подход делает перспективными более узконаправленные действия. Точная идентификация дополнительных допущений, ведущих от общей модели к частному случаю, позволяет связать альтернативные частные модели друг с другом и способствует перетеканию результатов и методов между моделями. Это можно отнести к успехам макроэкономики как интегрированной дисциплины в рамках целостной концепции теории всеобщего равновесия. Предвижу, что появится возможность формально интегрировать микроэкономический и макроэкономический анализ в общую теоретическую структуру. И вновь я подчеркиваю удобство комплексного подхода для обеих областей науки — удобство, к которому стремятся как

студенты, так и преподаватели. Безусловно, я осознаю, что это не самое главное для макроэкономики. Мне больше всего интересны частные модели, дающие частные результаты, особенно динамические модели, которые, по моему мнению, можно приспособить к унифицированной структуре.
Ликандро: Мы обсудили немалое количество вопросов, связанных с макроэкономической теорией, но не с политикой. Предполагает ли ваш разносторонний подход к макроэкономике какие-нибудь специфические рекомендации в отношении политики?
Дрез: Определенно! Нельзя сказать, что они какие-то особенные, но, по крайней мере, они достаточно четкие. Они нацелены на решение вопросов недоиспользования ресурсов, включая, в частности, провал координации, когда недоиспользование возникает не только в результате неправильных цен и заработной платы — это вдобавок отражение разрыва между спросом и предложением в условиях неполного рынка. Инвестиции в компаниях откладываются как расходы второго порядка, но с эффектом первого порядка на совокупный спрос. Сбережения соответствуют отложенным затратам, не подтвержденным для производителей. Восстанавливающийся совокупный спрос мог бы поддержать равновесие с помощью более высокой экономической активности и занятости, возможно, в условиях неизменных цен и заработной платы. В этом смысле я всегда высказывался за необходимость политики управления спросом.
Ликандро: Разве это не просто возврат к старому доброму дефицитному расходованию?
Дрез: Подождите, я не закончил. Необходимо помнить о том, что провалы координации постоянно повторяются: что бы мы ни делали сегодня, завтра мы снова столкнемся с континуумом равновесий. Если равновесие будет неустойчивым, мы сможем исправить ситуацию путем проведения

соответствующей политики, но необходимо понять, что нам придется делать это каждый раз при наступлении подобной ситуации. Таким образом, политика, нацеленная на решение проблемы неблагоприятной координации путем дефицитного расходования, фискальная экспансия при условии повторения по прошествии времени могли бы привести к постоянному повышению уровня государственного долга. В результате это может быть еще одной разновидностью неравновесия, что потребует каких-то корректирующих действий, и в долгосрочной перспективе такая политика не будет слишком устойчивой.

Вот почему я так яростно выступаю за то, чтобы решать вопрос неудачной координации не путем дефицитного расходования или создания дыр в бюджете, а путем социальных инвестиций (Drèze et al., 1998). В условиях жесткости цен и. заработной платы существуют инвестиционные проекты, которые можно назвать социально выгодными, хотя одновременно они могут быть невыгодными для инвестора лично — если только частные рас-

ходы на заработную плату не отражают общественную альтернативную стоимость труда. Подобного рода инвестиции будут играть такую же роль для восстанавливающегося совокупного спроса, какую играют другие формы фискальной экспансии, но инвестиции в долгосрочной перспективе не приведут к нестабильности, поскольку обслуживание долга будет осуществляться за счет отдачи от инвестиций. И нет каких-либо причин для того, чтобы использовать частные сбережения для компенсирования инвестиций, и, следовательно, это позволяет избежать ловушки эквивалентности Рикардо. Конечно, политику не так уж легко применить: взять и подписать указ о сокращении налогов; намного труднее создать инвестиционную программу, приносящую прибыль и имеющую такое же влияние на совокупный спрос.

Ликандро: Давайте остановимся на этом моменте. Вы говорите, что в условиях провальной координации это дело экономической политики. В динамической структуре, как показывает практика, множественность равновесий будет встречаться не только сегодня, но и завтра, и послезавтра и т.д. Поэтому агентам необходимо координировать свои ожидания не только в отношении сегодняшнего дня, но и в отношении будущего. Что не так в этих простых правилах политики?

Дрез: Я не делаю акцента на идее координации ожиданий. Что касается меня, то я считаю естественным, когда у различных агентов разные ожидания. И проведенные исследования это только подтверждают. Что действительно имеет значение для избежания серьезных провалов координации, а также недоиспользования ресурсов, так это определенная степень оптимизма в прогнозах. Следовательно, мы можем говорить о координировании ожиданий достаточно благоприятных результатов.

Современные теоретики, такие как Майкл Вудфорд, делают упор на то, что правила монетарной политики нацелены на закрепление инфляционных ожиданий. Полагаю, что у правительства есть большой портфель готовых к запуску инвестиционных проектов в области государственного жилищного строительства, реконструкции городских зданий, городского транспорта, более скоростных коммуникаций и т.п. Почему бы правительству не заявить,

что при первых же признаках глубокой рецессии мы могли бы немедленно избавиться от инвестиционных проектов, чтобы восстановить прежний уровень совокупного спроса. Если агенты верят в это, они будут ждать, что экономическая активность сохранится на уровне, достаточно близком к полной занятости, и таким же образом они могли бы допустить применение соответствующей денежно-кредитной политики для сохранения узкого коридора изменения показателей инфляции. И здесь континуум краткосрочных равновесий предлагает широкое поле для интервенций.

Ликандро: Таким образом, ваши рекомендации определенно ориентированы на спрос?

Дрез: Я принимал непосредственное участие в моделировании политики в Европе (Drèze et al., 1988, 1994; Drèze, Bean, 1991). Тогда я защищал идею двусторонней политики, направленной одновременно на спрос и на предложение. Позднее я предложил выплачивать субсидии, стимулирующие занятость в секторе неквалифицированного труда вместо минимальной заработной платы, о чем мы говорили выше. Это связано с провалами координации, которые восходят к жесткости цен или заработной платы. К сожалению, анализ квазиоптимальности заработной платы, который мы обсуждали, не принимает во внимание ее размер. Это еще одна причина опасаться излишней жесткости заработной платы и одновременно осознавать, что *ожидаемая* стабилизация трудовых доходов является частью экономической эффективности. Ответом служат субсидии, стимулирующие занятость, на что я и обращаю внимание всего профессионального сообщества и всех, кто так или иначе определяет политику.

Ликандро: Так мы подошли к теме вашего участия в обсуждении важнейших вопросов, связанных с будущим Европы. Как вы объясните тот факт, что экономисты в Европе до сих пор не имеют достаточного влияния при обсуждении вопросов политики? Чем ценен в этом смысле опыт Соединенных Штатов?

Дрез: Докладная записка «Рост и занятость, возможности для европейской инициативы» (Growth and Employment, the Scope for a European Initiative) (Drèze et al., 1994), подготовленная в начале 1990-х гг. тринадцатью бельгийскими и французскими экономистами, собранными вместе усилиями со стороны Эдмона Маленво и меня, по одному из вопросов оказала очень даже большое влияние. Если вкратце, то одной из идей данной записки являлись два измерителя, о которых я уже говорил: измеритель спроса в виде государственных инвестиций и измеритель предложения в виде сокращенных затрат на неквалифицированный труд. Докладная записка была одним из первых официальных документов, говорящих об ухудшении положения на рынке неквалифицированной рабочей силы. Мы предлагали снизить для рабочих отчисления на соцстрахование. Это было радикальным решением, которое бы привело к снижению затрат на неквалифицированный труд где-то на 30-40%.

Из этих двух измерителей первый полностью игнорировался — и игнорируется до сих пор, так как в официальных кругах Европы совокупный спрос не входит в число приоритетов. Отчасти это можно отнести на счет пренебрежительного отношения со стороны экономистов, и отчасти — на

счет неэффективности на национальном уровне в отличие от уровня Евросоюза. Так или иначе, наша рекомендация относительно субсидий, стимулирующих занятость, на нижнем уровне шкалы заработной платы привлекла внимание. Тут же специалисты Европейской комиссии составили ряд имитационных моделей, которые подтвердили, что предлагаемый измери-

тель мог бы положительно повлиять на совокупную занятость, особенно среди неквалифицированного персонала. Ряд стран представили такие измерители. Теперь я знаю о Бельгии и Франции больше. При минимальной заработной плате скидки при отчислении на социальное страхование составляют примерно: во Франции — 18%, в Бельгии — 15%. Это меньше, чем мы рекомендовали, но все равно достаточно существенно. Это можно считать примером, когда те, кто определяет политику, серьезно восприняли предложения экономистов.

Ликандро: Вы рассматриваете этот эпизод как исключение?

Дрез: Безусловно, широко распространено мнение, что экономисты в Европе имеют меньшее влияние, чем в Соединенных Штатах. Два пояснения по этому вопросу. Первый: в Европе нет государственного органа, управляющего экономикой так же, как правительство в Соединенных Штатах. Почему? Потому что Европа — это Союз, конфедерация государств, а на уровне Союза исключительные права ограничены, и процесс принятия решений на этом уровне сложен и имеет определенные ограничения. Советники по экономике при Европейской комиссии отделены от тех, кто принимает решения, то есть Совета министров. В Соединенных Штатах, напротив, главный советник по экономике присутствует на всех заседаниях Кабинета, когда принимаются какие-то важные решения. Следовательно, нет необходимости в создании какой-то схемы коммуникаций, когда советник уже присутствует в момент принятия решения. Кроме того, Кабинет в США имеет больше полномочий, чем Совет министров в Европе. С этой точки зрения советник по экономике в Европе оказывает меньшее влияние на принятие стратегический решений, чем в Соединенных Штатах.

Деэ: Вы говорили о двух пояснениях...

Дрез: Конечно, у этого вопроса есть еще один момент: споры между экономистами и коммуникации между экономистами и общественностью. И здесь вновь можно увидеть колоссальные различия в том, что происходит в Соединенных Штатах, и в том, что существует в Европе. То, что известные американские экономисты ведут в газетах и журналах колонку — обычное явление. Кроме того, постоянно проводимые Брукингским институтом или Национальным бюро экономических исследований специальные секции в рамках собраний Американской экономической ассоциации и т.п. дают пищу для споров между экономистами. У нас в Европе этого нет, хотя я хотел бы поблагодарить CERP и журнал *Economic Policy* за их форум.

Ликандро: Ваш вклад в развитие экономики Европы не ограничивается только научными исследованиями. Вы стояли у истоков создания CORE, Европейской программы для докторантов, в которой также участвует ряд известных европейских учебных заведений, Европейской экономической ассоциации, президентом которой вы были. Почему вы придаете такое большое значение созданию подобного рода институтов? Какова роль этих

институтов в развитии научно-исследовательской деятельности в Европе и почему до сих пор лидерство в области экономических исследований остается за американскими университетами?

Дрез: Вы совершенно правы, когда говорите о том, что мой вклад в экономику Европы в большей степени выражен в содействии, продвижении и помощи другим, а не благодаря собственной научно-исследовательской деятельности. Действительно, если посмотреть на это с сугубо личной точки зрения, то, на мой взгляд, самым большим моим вкладом в экономику Европы стал Жан Дрез, который внес существенный вклад в развитие экономики и сегодня играет активную роль в продвижении в Индии одной из форм социального страхования.

Чтобы ответить на ваш вопрос и начать с CORE, позвольте мне подробнее остановиться на следующем моменте. В 1958 г., после моего первого пребывания в университете Карнеги (1957-1958 гг.), я вернулся в Лувенский университет. Как специалист я был безмерно счастлив в Карнеги - здесь, как нигде прежде, я чувствовал поддержку и стремление что-то делать. Меня поймут те, кто провел много лет в CORE. В Бельгии же все было иначе. Мне посчастливилось получить приглашение от Лувенского университета, и я его принял, но того вдохновения и стимула, которые присутствовали в Карнеги, увы, не было. И я решил, что не смогу здесь остаться надолго, если у меня не появятся соратники. Это объясняет мое стремление создать небольшую исследовательскую организацию, которая бы могла объединить таких людей, как я.

Деэ: Под «небольшой исследовательской организацией» подразумевается CORE — вы скромничаете.

Дрез: Отнюдь! Возможность запуска CORE появилась лишь в 1964 г.. когда Ханс Тейл, создатель Института эконометрики в Роттердаме, уехал в Соединенные Штаты. В результате Институт менеджмента (где мои друзья из Карнеги имели большое влияние), помощь которого тот получал все эти годы, мог переключиться на поддержку Лувенского университета. Это позволило небольшой исследовательской организации получить и поддержку университета в области исследований операций, эконометрики и математической экономики. Университет мог бы предоставить помещение и выделить небольшой бюджет, а также возможность собрать вместе преподавателей бизнес-школы, инженерного и экономического факультетов.

Я возвращался из Чикагского университета в 1964 г. с мыслью о том, что это могло бы стать тем местом в Европе, где американцы будут проводить свой академический отпуск. Я тут же сообщил своим американским друзьям, что CORE будет рад принять «отпускников». В первые два года нас посетили такие ученые, как Мертон Миллер и Джек Хиршлайфер. В 1966 г. CORE была небольшой, но уже, несомненно, международной организацией.

Деэ: И что было потом?

Дрез: Нам повезло. Мой хороший друг Джордж Шульц намекнул, что Фонд Форда проявляет интерес к сфере бизнеса и экономики Европы. У Фонда есть положительный опыт подобной работы в США, и теперь он

хотел бы сделать нечто подобное в Европе, но на международном уровне, а не только в отдельно взятой стране. Я мог бы в деталях рассказать о том, как мы получили поддержку Фонда Форда. Но достаточно сказать, что в 1968 г., спустя всего два года с момента создания CORE, нас частично, но на постоянной основе финансировал Фонд Форда. Благодаря Фонду мы получили от университета все самое необходимое, и в течение академического года к нам приезжало примерно 7-8 ученых. В 1968 г. среди тех, кто сразу приходит мне на память, кроме Тона Бартена и Вернера Хильденбранда, ставших постоянными участниками CORE, были Жерар Дебрё, Карл Винд, Бирджит Гродал, Давид Шмайдлер из Израиля, Трумэн Бьюли и т.д. CORE становилась замечательным местом.

Деэ: В то время CORE был довольно уникальным явлением на Европейском континенте — монополией, которая со временем исчезла.

Дрез: Я искренне рад и горд, что спустя годы несколько европейских университетов создали нечто подобное у себя. И вклад CORE в экономику Европы состоит в меньшей мере в проведенной исследовательской работе, и в большей мере в том, что она стала примером того, как можно это сделать. Проекты в Бонне, Тилбурге, где CentER с Тоном Бартеном во главе начал свою деятельность как «зеркальное отображение» CORE, Delta в Париже, GREQAM в Марселе — все они опирались на опыт CORE и были организованы по тем же принципам бывшими членами или гостями CORE. Поэтому с этой точки зрения CORE имела большое влияние в Европе.

Деэ: CORE — исследовательский центр. Каким образом он участвовал в процессе обучения студентов?

Дрез: В CORE вскоре развернулись жаркие споры по поводу целесообразности создания собственной программы для докторантов. Одни были обеими руками «за», потому что это бы упрочило взаимоотношения с университетом, а докторанты были бы полезны в работе исследовательского центра. В качестве контраргумента другая часть членов CORE заявила, что если у нас нет возможности сделать лучшую программу, то следует отправлять студентов за границу, скажем, в США или Лондон. В течение нескольких лет и та и другая сторона упорно не хотели менять свою точку зрения, и дело не двигалось. В 1975 г. во время очередного обсуждения этого вопроса на заседании правления CORE я размышлял по поводу возможного решения затянувшейся проблемы. В тот год у нас в CORE гостил Дэйвид Хендри, в то время профессор Лондонской школы экономики (LSE). И тогда я подумал, а почему бы нам не сделать это совместно с LSE. А почему только с LSE?! Мы до сих пор поддерживаем связь с Вернером Хильденбрандом, покинувшим CORE и перебравшимся в Бонн, а он не раз высказывался

о готовности сотрудничать. Таким образом, возникла идея создания совместной с LSE и Бонном программы для докторантов. Конечно, из памяти еще не стерлись собственные воспоминания о том, как Джордж Стиглер выдворил меня из Колумбийского университета за то, что я слушал тех, кто был с ним не согласен. И студентам, выбравшим эту совместную программу, необходимо будет учиться по меньшей мере в двух из этих учебных заведений, а значит, слушать то, что говорят люди, принадлежащие к разным школам! Я рассказал о своей идее Хендри и Хильденбранду, и оба вырази-

ли готовность принять участие в данном проекте. Так в 1978 г. появилась Европейская программа для докторантов по количественной экономике, больше известная как EDP. На сегодняшний день Программу окончили около 1 20 человек. А лучший выпускник — Пьер Деэ — стал примером для всех студентов Программы! Один из показателей успеха EDP заключается в том, что ее копировали, ей подражали другие. Сегодня совместные программы, в ходе которых студенты обязаны посетить за период обучения два университета, уже обычное явление в Европе, особенно это касается экономического образования, и на мой взгляд, это очень хорошо. Взять все самое лучшее в американском образовании и научно-исследовательской деятельности — значит, встать на путь кооперации и отказаться от того, чтобы концентрировать образование и исследования в отдельных центрах.

Деэ: А что вы можете сказать по поводу Европейской экономической ассоциации?

Дрез: Идея создания Европейской экономической ассоциации возникла в CORE во время разговоров Жана Габжевича и Жака Тиссе. Затем Луи Флипс собрал на первое собрание почти 30 экономистов со всей Европы — из стран, в которых этой проект активно обсуждался. Большинство участников довольно быстро пришли к единому мнению по поводу основных принципов Европейской экономической ассоциации, и они решили ее создать. Это было неплохое начало. За первый год официальной деятельности Ассоциации, включая первый конгресс в Вене в 1986 г., наша членская база достигла 1800 платных членов. На сегодняшний день число членов колеблется вокруг 2000. И это, я должен признаться, меня расстраивает. Европейская экономическая ассоциация сегодня является неотъемлемой частью экономического ландшафта Европы. Благодаря Ассоциации в Европе выпускается известный в научных кругах журнал международного уровня, проводятся ежегодные собрания, летние школы для молодых ученых. Кроме того, Ассоциация выполняет роль европейской базы по трудоустройству экономистов. Однако все это не особенно привлекает новых членов. Люди становятся членами Ассоциации, приезжая на ежегодный конгресс, но спустя какое-то время, если они прекращают ездить на конгрессы, они не возобновляют свое членство, тем самым по-

казывая, что они не заинтересованы в остальных услугах для индивидуальных членов.

Ликандро: В свое резюме вы включили длинный список своих студентов-докторантов, большая часть которых сегодня уже стали известными экономистами. Они — результат вашей неутомимой работы как преподавателя или это главный вклад в ваше исследовательское направление?

Дрез: Список не такой уж и большой: 20 докторантов в Лувенском университете (еще была пара в других местах) за 20 лет (1968-1989 гг.). Это по одному в год, хотя я мог одновременно вести трех-четырех студентов. И это правда, что у меня была возможность курировать в первую очередь лучшие диссертации студентов, которые вели активную исследовательскую работу и теперь стали известными учеными. Когда в 1989 г. я оставил преподавательскую работу, 19 из 20 моих лувенских докторантов продолжали активно заниматься исследованиями. Многие из них работают над теми вопросами, над которыми в свое время работал и я. Некоторые из моих студентов сами подсказали мне новые области для исследований: теория всеобщего равновесия — Жан Габжевич в 1960-х гг.; или эконометрика неравновесия — Генри Снеессенс в конце 1970-х гг.

В любом случае, я очень много узнал от них, и до сих пор им за это благодарен.

В 1989 г. я совершил ошибку, о чем до сих пор сожалею, — я оставил курирование докторских диссертаций. Говорю об этом, чтобы предостеречь от такого шага своих коллег, подумывающих о своем уходе с преподавательской работы. И, конечно же, мои работы по той же байесовской эконометрике или эмпирической оценке

макроэкономических моделей с рационированием были расширены и улучшены благодаря активной совместной работе со студентами. Подавляющему большинству студентов-докторантов я что-то преподавал, поэтому естественно, что темы диссертаций были созвучны моим курсам лекций. Я бы не назвал это «технологичным» продолжением, но это показывает преимущество включения в преподаваемый курс некоторого видения фронтира исследований. Помня вас еще студента-

Рис. 13.7. На пути из Панамы на Галапагосы во время кругосветного плами и видя, чего вы добились, могу скавания. Апрель 1995 г.

зать, что я доволен своей работой!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Arrow, K. (1953) The role of securities in the optimal allocation or risk bearing. *Econometrie* 11,41-47.

Aumann, R.J. & Drèze, J.H. (1975) Cooperative games with coalition structures. *International Journal of Game Theory* 3, 21 7-237.

Aumann. R.J. & Drèze, J.H. (1987) Values of markets with satiation or fixed prices. *Econometrica* 54, 1271-1318.

Aumann, R.J. & Drèze, J.H. (2004) Assessing Strategic Risk, DP 361, Center for the Study of Rationality, Hebrew University of Jerusalem.

Azariadis, C. (1975) Implicit contracts and underemployment equilibria. *Journal of Political Economy* LXIII, 1 183-1202.

Baily, M.N. (1974) Wages and unemployment under uncertain demand. *Review of Economic Studies* XLI. 37-50.

Barro, R.J. & Grossman, S.J. (1976) *Money, Employment and Inflation.* New York: Cambridge University Press.

Blanchard, O.J. & Fisher, S. (1989) *Lectures on Macroeconomics.* Cambridge, MA: MIT Press.

Bloise, G., J.H. Dréze & Polemarchakis, H. (2005) Monetary equilibria over an infinite horizon. *Economic Theory* 25, 51-74.

Champsaur, P., Drèze, J.H. & Henry, C. (1977) Stability theorems with economic applications. *Econometrica* 45, 273-294.

Citanna, A., Crès, H., Drèze, J.H., Herings, P.J.-J. & Villanacci A. (2001) Continua of underemployment equilibria reflecting coordination failures, also at Walrasian prices. *Journal of Mathematical Economics* 36, 169-200.

Cooper, R. & John, A. (1988) Coordinating coordination failures in Keynesian models. *Quarterly Journal of Economics* 103, 441 - 4 6 3 .

Debreu, G. (1959) *The Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium.* New York: Wiley.

Dehez, P. & Dreze, J.H. (1982) State-dependent utility, the demand for insurance and the value of safety. In M.W. Jones-Lee (ed.), *The Value of Life and Safety,* Proceedings of a Conference held by the Geneva Association, pp. 41-65. Amsterdam: North-Holland.

Dehez. P & Dreze, J.H. (1984) On supply-constrained equilibria. *Journal of Economic Theory 33,* 172-182.

Dehez, P. & Dreze, J.H. (1 988) Competitive equilibria with quantity-taking producers and increasing returns to scale. *Journal of Mathematical Economics* 1 7, 209-230.

Dehez, P., Dreze, J.H. & Suzuki T. (2003) Imperfect competition a la Negishi, also with fixed costs. *Journal of Mathematical Economics* 39, 219-238.

Diamond, P. (1967) The role of a stock market in a general equilibrium model with technological uncertainty. *American Economic Review* 57, 759-776.

Dreze, J.H. (1961) Les fondements logiques de I'utilitè cardinale et de la probabilitè subjective. In *La Dècision,* Colloques Internationaux du CNRS, pp. 7 3 - 9 7 . Paris: CNRS.

Dreze, J.H. (1962) L'utilitè sociale d'une vie humaine. *Revue Française de Recherche Opérationnelle* 23, 93-118.

Dréze, J.H. (1964) Some postwar contributions of French economists to theory and public policy. *American Economic Review* 54 (2). 1-64.

Dréze, J.H. (1971) Market allocation under uncertainty. *European Economic Review 2,* 133-165.

Dréze, J.H. (1972a) A tâtonnement process for investment under uncertainty in private ownership economies. In G.P. Szegö & K. Shell (eds.), *Mathematical Methods in Investment and Finance,* pp. 3-23. Amsterdam: North-Holland.

Dréze, J.H. (1972b) Econometrics and decision theory. *Econometrica* 40, 1-17.

Dréze, J.H. (1974a) Bayesian theory of identification in simultaneous equations models. In S.E. Fienberg & A. Zellner (eds.), *Studies in Bayesian Econometrics and Statistics,* pp. 1 59-174. Amsterdam: North-Holland.

Dréze, J.H. (1974b) Investment under private ownership: optimality, equilibrium and stability, Ch. 9. In *Allocation Under Uncertainty: Equilibrium and Optimality.* London: Macmillan.

Dréze, J.H. (1975) Existence of an exchange equilibrium under price rigidities. *International Economic Review* 16, 301-320.

Dréze, J.H. (1976a) Bayesian limited information analysis of the simultaneous equations model. *Econometrica* 44, 1045-1075.

Dréze, J.H. (1976b) Some theory of labour management and participation. *Econometrica* 44, 1125-1 139.

Dréze, J.H. (1980) Public goods with exclusion. *Journal of Public Economics* 13, 5-24.

Dréze, J.H. (1985a) Second-best analysis with markets in disequilibrium: public sector pricing in a Keynesian regime. In M. Marchand, P. Pestieau & H. Tulkens (eds.), *The Performance of Public Enterprises: Concepts and Measurement, pp. 45-79.* Amsterdam and New York: North-Holland; also reprinted in *European Economic Review* 29, 263-301.

Dréze, J.H. (1985b) (Uncertainty and) the firm in general equilibrium theory. *Economic Journal* 95 (Suppl.: Conference Papers), 1-20.

Dréze, J.H. (1987a) Decision theory with moral hazard and state-dependent preferences. In J.H. Dreze, *Essays in Economic Decisions Under Uncertainty,* Ch. 2. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.

Dréze, J.H. (1987b) Underemployment: from theory to econometrics and policy. *European Economic Review* 31, 9-34.

Dréze, J.H. (1989) *Labour Management, Contracts, and Capital Markets: A General Equilibrium Approach.* Oxford and New York: Basil Blackwell.

Dréze, J.H. (1990) The role of securities and labor contracts in the optimal allocation of rick-bearing. In H. Louberge (ed.), *Risk, Information and Insurance. Essays in the Memory of Kark H. Borch,* pp. 245-270. Boston: Kluwer Academic.

Dréze, J.H. (1991) Stability of a Keynesian adjustment process. In Barnett, W.A., B. Cornet, C. d'Aspremont, J.J. Gabszewicz & A. Mas-Colell (eds.), *Equilibrium Theory and Applications,* pp. 197-231. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.

Dréze, J.H. (1992) *Money and Uncertainly: Inflation, Interest, Indexation.* Rome: Edizioni Dell' Elefante.

Dréze, J.H. (1993) Can varying social insurance contributions improve labour market efficiency? In A.B. Atkinson (ed.), *Alternative to Capitalism: The Economics of Partnership,* pp. 161-200. London: Macmillan.

Dréze, J.H. (1997) Walras-Keynes equilibria: coordination and macroeconomics. *European Economic Review* 41, 1737-1762.

Dréze, J.H. (1999) On the dynamics of supply-constrained equilibria. In Heerings, P.J.-J van der Laan, G. & Talman, A.J.J. (eds.), *Theory of Markets,* pp. 7-25. Amsterdam North-Holland.

Dréze, J.H. (2000) Economic and social security in the twenty-first century, with attention to Europe. *Scandinavian Journal of Economics* 102, 327-348.

Dréze, J.H. (2001a) On the macroeconomics of uncertainty and incomplete markets. *Recherches Economiques de Louvain* 67, 5-30; reprinted in J.H. Dréze (ed.), *Advances in Macroeconomics,* Ch. 3. London: Macmillan.

Dréze, J.H. (2001 b) Introduction: advances and challenges in Macroeconomics. In J.H. Dréze (ed.), *The Theory of Unemployment Reconsidered,* pp. 1-16. New York: Palgrave.

Dréze, J.H. (2002) Economic and social security: the role of the EU: 1 5th Tinbergen Lecture. *The Economist]* 50, 1-18.

Dréze, J.H. & Bean, C. (1990) Europe's unemployment problem: introduction and synthesis. In J.H. Dréze, C. Bean, J-P. Lambert, F. Mehta & H. Sneessens (eds.), *Europe's Unemployment Problem,* Ch. 1. Cambridge, MA: MIT Press.

Dréze, J.H. & Gollier, C. (1993) Risk sharing on the labour market and second-best wage rigidities. *European Economic Review 37,* 1457-1482.

Dréze, J.H. & Greenberg, J. (1980) Hedonic coalitions: optimality and stability. *Econometrica* 48, 9 8 7 - 1 0 0 3 .

Dréze, J.H. & Marchand, M. (1976) Pricing, spending and gambling rules for non-profit organizations. In R.E. Grieson (ed.), *Public and Urban Economics: Essays in Honor of William S. Vickrey,* pp. 59-89. Lexington, KY: Lexington Books.

Dréze, J.H. & Modigliani, F. (1972) Consumption decisions under uncertainty. *Journal of Economic Theory* 5, 308-335.

Dréze, J.H. & Morales, J.-A. (1976) Bayesian full information analysis of simultaneous equations. *Journal of the American Statistical Association* 7 1 , 9 1 9 - 9 2 3 .

Dréze, J.H. & Muller, H. (1980) Optimality properties of rationing schemes. *Journal of Economic Theory 23,* 131-149.

Dréze, J.H. & Polemarchakis, H.M. (2001) Monetary equilibria. In G. Debreu, W. Neuefeind & W. Trokel (eds.), *Economics Essays, A Festschrift for Werner Hildenbrand,* Ch. 5. Berlin, Heidelberg, and New York: Springer.

Dreze, J.H. & Rustichini, A. (2004) State-dependent utility and decision theory. In S. Barbera P. Hammond & C. Seidl (eds.), *Handbook of Utility Theory,* Vol. 2, pp. 8 3 9 - 8 9 2 . Dordrecht, The Netherlands: Kluwer.

Dréze, J.H. & de la Vallee Poussin, D. (1971) A tatonnement process for public goods. *Review of Economic Studies* 38, 133-1 50.

Dréze, J.H., Durre, A. & Sneessens, H. (1998) Investment stimulation, with the example of housing. *Recherches Economiques de Louvain* 66, 33-53.

Dréze, J.H., Bean, C., Lambert, J.-P., Mehta, F. & Sneessens, H. (eds.) (1990) *Europe's Unemployment Problem.* Cambridge, MA: MIT Press.

Dréze, J.H., Wyplosz, C., Bean, C., Giavazzi, F. & Giersch, H. (1 988) The two-handed growth strategy for Europe: autonomy through flexible cooperation. *Recherches Economiques de Louvain* 54, 5-52.

Dréze, J.H., Malinvaud, E., De Grauwe, P., Gevers, L, Italianer, A., Lefebvre, 0., Marchand, M., Sneessens, H., Steinherr, A.(Champsaur, Paul, Charpin, J.-M., Fitoussi, J.-P. & Laroque, G. (1994) Growth and employment: the scope for a European initiative. *European Economy, Reports and Studies* 1,75-106.

Gabszewicz, J.J. & Dréze, J.H. (1971) Syndicates of traders in an exchange economy. In Kuhn, H.W. & G.P. Szegö (eds.), *Differential Games and Related Topics,* pp. 399-414. Cambridge, MA: MIT Press.

Geanakoplos, J., Magill, M., Quinzii, M. & Dréze, J.H. (1990) Generic inefficiency of stock-market equilibrium when markets are incomplete. *Journal of Mathematical Economics* 19, 113-151.

Gordon, D.F. (1974) A neoclassical theory of contracts. *Economic Inquiry* 12, 431-459.

Grandmont, J.-M. (1977) Temporary general equilibrium theory. *Econometrica* 45, 5 3 5 - 5 7 2 .

Grossman, S.J. & Hart, O.D. (1979) A theory of competitive equilibrium in stock market economies. *Econometrica* 47, 293-329.

Harrison J.M. & Kreps, D.M. (1979) Martingales and arbitrage in multiperiod securities markets. *Journal of Economic Theory* 20, 381 - 4 0 8 .

Herrings, PJ.-J. (1996) *Statistic and Dynamic Aspects of General Equilibrium Theory.* Dordrecht: Kluwer.

Hey, J. (1988) Review of "Essays on economic decisions under uncertainty." *Economic Journal,* 196-197.

Lange, O. & Taylor, F. (1938) *On the Economic Theory of Socialism.* Minneapolis: The University of Minnesota Press.

Malinvaud, E. (1977) *The Theory of Unemployment Reconsidered.* Oxford: Basil Blackwell.

Phelps, Edmund (1997) *Rewarding Work: How to Restore Participation and Self-Support to Free Enterprise.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Radner, R. (1972) Existence of equilibrium of plans, prices, price expectations in a sequence of markets. *Econometrica* 40, 289-303.

Robert, J. (1 989) Equilibrium without market clearing. In Cornet, B. & H. Tulkens (eds.). *Contributions to Operation Research and Economics.* Cambridge, MA: MIT Press.

Sandmo, A. & Dréze, J.H. (1971) Discount rates for public investments in closed and open economies. *Economica* 38, 1 52, 395-412.

Savage, L.J. (1972) *The Foundations of Statistics.* New York: Dover.

Sneessens, H. & Dréze, J.H. (1986) A discussion of Belgian unemployment, combining

traditional concepts and disequilibrium econometrics. *Economica* 53, 89-119.
Wald, A. (1 950) *Statistical Decision Functions.* New York: Wiley.

14. ИНТЕРВЬЮ С ТОМАСОМ САРДЖЕНТОМ*

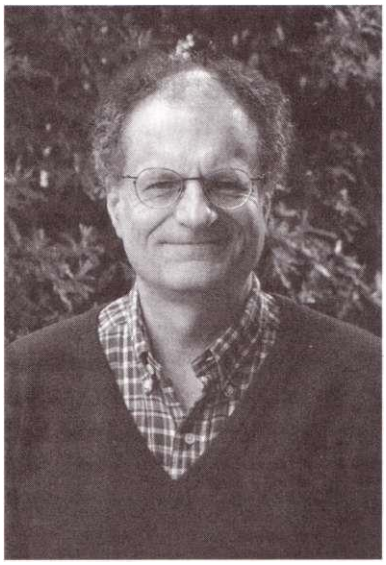
Беседовали Джордж Эванс
экономический факультет
Орегонского университета
и
Сеппо Хонкапохья
экономический факультет
Кембриджского университета

11 января 2005 г

В 1970-х гг. гипотеза рациональных ожиданий легко вошла в макроэкономику и надолго изменила ее ландшафт. При этом в макроэкономике сохраняла свои позиции господствующая парадигма, а гипотеза рациональных ожиданий использовалась в качестве концепции стандартного решения — как в теоретическом, так и в прикладном макроэкономическом моделировании. Гипотеза изначально была сформулирована Джоном Мутом-младшим еще в начале 1960-х гг. А в 1970-х гг. Томас (Том) Сарджент и Роберт Лукас, представив свои исследования в области рациональных ожиданий, совершили настоящую революцию в макроэкономике.

Наиболее важные работы Сарджента в начале 1970-х гг. были связаны с применением рациональных ожиданий в эмпирических и эконометрических исследованиях. В своей небольшой работе «Заметка по поводу полемики со сторонником ускоренного роста» (A Note on the Accelerationist Controversy), написанной в 1971 г., Томас приводит яркое описание примеров использования рациональных ожиданий, показав, что применение стандартного эконометрического теста для гипотезы естественного уровня в данном случае не обосновано. Вслед за этой публикацией вскоре увидели свет основные работы по данной теме, показывающие, как проводить адекватные тесты для основных макроэкономических взаимо-

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 9, 2005, p. 561 -583. Copyright © 2005 Cambridge University Press.



1А. ИНТЕРВЬЮ С ТОМАСОМ САРДЖЕНТОМ

связей исходя из гипотезы рациональных ожиданий. В свою очередь последние вели к появлению новых форм ограничений, так называемых «ограничений уравнений перекрещивающихся кривых», требовавших разработки новых эконометрических методик изучения макроэкономических взаимосвязей и моделей.

Том сделал немало во многих областях. Его ранние работы по эконометрике в 1970-х гг. касались таких тем, как естественный уровень безработицы, нейтральность реальных процентных ставок по отношению к деньгам, динамическая модель спроса на труд, практические исследования гиперинфляции

Рис. 14.1. Томас Сарджент

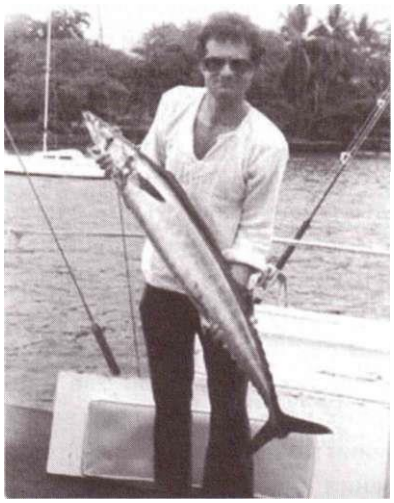
и тесты на нейтральность денег в моделях «классических рациональных» ожиданий. В 1980-х гг. Сарджент (вместе с Ларсом Хансеном) разработал новые эконометрические методы для моделей рациональных ожиданий.

Помимо вклада в эконометрику рациональных ожиданий, Сарджент сделал за это время несколько крупных открытий и в теоретической макроэкономике, включая описание стабильной седловой траектории в условиях равновесия рациональных ожиданий, теорему неэффективности политики (и то и другое совместно с Нейлом Уоллесом), а также

наблюдаемую эквивалентность рациональной и нерациональной теорий нейтральности денег. Позднее Том продолжил свою работу над использованием парадигмы рациональных ожиданий в других областях экономики. Два наиболее ярких примера: использование ограничений государственного бюджета в отношении инфляции и «неприятной

Рис. 14.2. Рыбалка в пограничных водах. Миннесота, август 1974 г.

арифметики монетаристов» (совместно



с Нейлом Уоллесом) и факторов безработицы в Европе (совместно с Ларсом Юнквистом).

Влияние Тома на макроэкономику на заре гипотезы рациональных ожиданий простирается намного дальше исследований по данной теме. Его учебник «Макроэкономическая теория» (Macroeconomic Theory), вышедший в 1979 г., познакомил студентов-магистрантов во всем мире с новым видением макроэкономики, где анализ временных рядов полностью интегрирован в макротеорию, а макроэкономическое равновесие рассматривается как стохастический процесс.

Изыскания Сарджента не ограничивались развитием и применением парадигмы рациональных ожиданий. Как истинный ученый, он заинтересовался и теоретическими основами рациональности. Во время нашей беседы он рассказал, как первоначальная критика концепции рациональных ожиданий привела его в 1980-х гг. в ряды тех, кто занимался исследовательской работой, так называемой «теорией знания», в рамках которой изучались теоретические основы рациональных ожиданий.

В этой области Том также стал одним из первооткрывателей. В его совместных с Албертом Марсетом работах, вышедших в 1989 г., рассказывалось, как в общей концепции использовать инструментарий стохастической аппроксимации для анализа конвергенции знаний о наименьших квадратах и равновесии рациональных ожиданий. Его книга «Ограниченная

рациональность в макроэкономике» (Bounded Rationality in Macroeconomics. 1993) способствовала более широкому распространению такого подхода и была частью активного роста исследований на тему обучения, который наблюдался в 1990-е гг. Книга Тома «Борьба с инфляцией в Америке» (The Conquest of American Inflation, 1999) привлекла внимание к теме возможности существования «путей отхода», которые являются случайными большими отклонениями от состояния равновесия, и вызвала всплеск интереса к движущим силам постоянного изучения. Кроме того, были и другие близкие к этой теме исследования — например, по вопросам устойчивости и неверной спецификации модели, где Том (вместе с Ларсом Хансеном) незадолго до этого добились больших успехов.

Глубина и спектр достижений Тома, которые мы перечислили, огромны -

Рис. 14.3. Гавайи, сентябрь 1980 г. и это далеко не все, что он успел сделать

за эти годы. Сарджент также провел большую исследовательскую работу в области экономической истории. Его исследования, связанные с умеренной и галопирующей инфляцией и — не так давно — денежными стандартами (вместе с Франсуа Вельдом), носят значительно меньший методологический характер, но трудно не заметить, что в этих работах все проблемы рассматриваются также с точки зрения рациональных ожиданий.

Многие соавторы Тома, исследователи и студенты смогли лично ощутить на себе всю глубину его интеллекта и его энергию. Интервью, которое мы провели в необычном формате, также дает возможность понять образ мыслей Тома Сарджента. Мы почти сразу же перешли к обсуждению главных вопросов интервью, и только в конце Том рассказывает о своем личном опыте работы ученого.

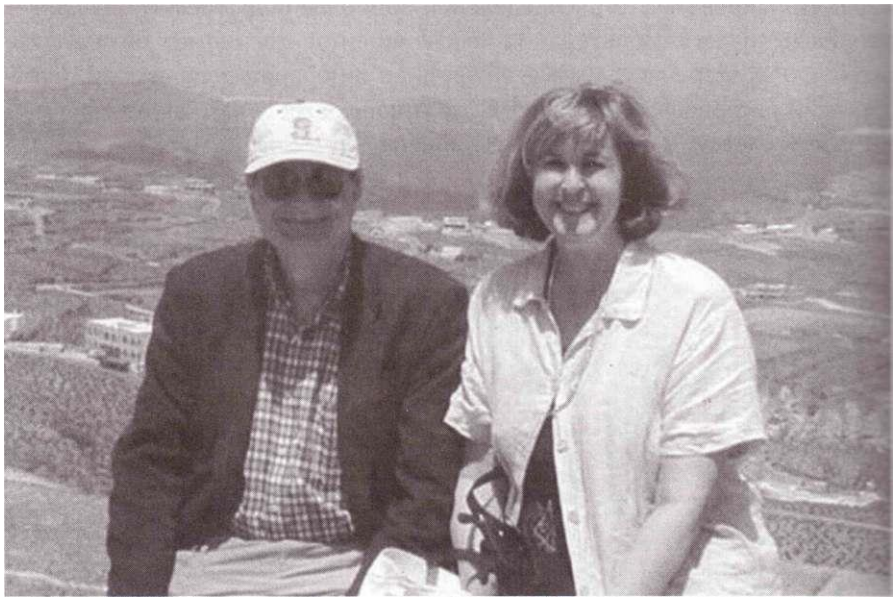
Эконометрика рациональных ожиданий

Эванс и Хонкапохья: Как вы пришли к теме рациональных ожиданий?

Сарджент: Когда я учился в магистратуре, оценка и интерпретация распределенных лагов занимали верхнюю строчку рейтинга тем, которыми занимались макроэкономисты и других ученые, чья специализация определялась рамками прикладной экономики. Вследствие того, что распределенные лаги являются высокоразмерными объектами, такие ученые, как Солоу, Йоргенсон, Грилихес, Нерлов и Алмон занимались поисками возможностей параметризировать эти распределения наиболее подходящим образом — например, путем использования коэффициентов полиномов низшего порядка в операторе лага. Кейган и Фридман интерпретировали свой геометрически распределенный лаг для адаптивных ожиданий как измеряемые ожидания людей. В Университете Карнеги Майк Ловелл посоветовал мне прочесть работу Джона Мута «Оптимальные свойства экспоненциально взвешенных прогнозов» (Optimal Properties of Exponentially Weighted Forecasts), опубликованную в *Journal of the American Statistical Association* в 1960 г. В ней давалась усовершенствованная фридмановская модель адаптивных ожиданий для постоянного дохода за счет «переконструирования» сто-

Рис. 14.4. С внуком Аддисоном. Январь 2005 г.

хастического процесса, для



которого Кейгановская формула ожидания равна математическому ожиданию будущих доходов, исходя из истории доходов в предыдущие периоды. Мут имел в виду, что данный стохастический процесс прогнозирования должен определять как распределенный лаг, так и обусловливающие переменные, используемые для прогнозирования будущего.

Вопрос обусловливающих переменных заставляет нас понять всю важность для макроэкономики концепции причинности Гренджера-Винера.
Эванс и Хонкапохья: Когда вы впервые использовали в своей эмпирической работе концепцию рациональных ожиданий для ограничение распределенного лага или векторной авторегрессии?
Сарджент: В своей работе в 1971 г. — для тестирования гипотезы естественного уровня безработицы. Я вывел релевантные ограничения пересекающихся уравнений и показал, что в основном они не предполагают тестирование «суммы показателей» на распределенном лаге, так как последний использовался для тестирования гипотезы естественного уровня Это было легко, поскольку для данной проблемы я мог допустить, что инфляция является экзогенным фактором, и использовать в ее отношении одномерный процесс. Мои работы по рациональным ожиданиям и гиперинфляции, написанные в 1973 и 1977 гг., были связаны с решением более трудной задачи. В своих работах я говорю о том, что ограничения пересекающихся уравнений на колебания денег и цен посредством переконструирования — совместный процесс, для которого кейгановская формула
Рис. 14.5. С Кэролин в Санторини, 2001 г.

адаптивных ожиданий дает оптимальные прогнозы. Этим стоило заниматься, так как кейгановская модель хорошо подходит к такого рода данным. Рациональные ожидания много рассказали о структуре причинности Гренджера между деньгами и ценами, имеющей место в большинстве случаев в условиях гиперинфляции, которые исследовал Кейган.
Эванс и Хонкапохья: С точки зрения эконометрики что вас больше всего волновало в отношении рациональных ожиданий?
Сарджент: Ограничения пересекающихся уравнений и исчезновение *каких-либо* свободных параметров, связанных с ожиданиями.
Эванс и Хонкапохья: Что вы имеете в виду под «исчезновением»?
Сарджент: В моделях рациональных ожиданий убеждения людей являются результатом нашего теоретизирования, а не исходными данными.
Эванс и Хонкапохья: Вы считаете, что различия между моделями, которых придерживаются люди, являются важной составляющей существующих споров вокруг макроэкономической политики?
Сарджент: Дело в том, что просто невозможно говорить об этих различиях исходя из типичной модели рациональных ожиданий. Существует некая «общность моделей». Все агенты находятся внутри модели, одна и та же модель подошла бы и специалисту по эконометрике, и самому господу Богу. Эффективное применение на практике рациональных ожиданий — в частности, ограничение пересекающихся уравнений и обращение к закону больших чисел в оценке моментов на основе метода обобщения — являются результатом существующего многообразия моделей.
Эванс и Хонкапохья: Какова роль ограничений пересекающихся уравнений в «Критике Лукаса»?
Сарджент: Самая наиважнейшая. «Критика Лукаса» подтолкнула представителей прикладной макроэкономики и эконометристов к поиску путей применения подобных ограничений пересекающихся уравнений. В его работе приводятся три примера. И о чем там не говорится, так это об огра-

ничениях пересекающихся уравнений, которые как раз там и присутствуют, а также об отсутствии свободных параметров, описывающих ожидания. Если кратко, то «Критику Лукаса» в отношении того, что было до рациональных ожиданий, можно описать словами «игнорирование ограничений пересекающихся уравнений, которые крайне важны для оценки экономической политики».

Эванс и Хонкапохья: Что могут поведать ограничения пересекающихся уравнений насчет доказательств в пользу волатильности коэффициента, о чем Роберт Лукас говорил в первой части своей «Критики»?

Сарджент: Практически ничего. Лукас использовал доказательство отклонений коэффициента и дополнительные факторы, чтобы атаковать кейнсианцев, но я не нашел в книге попытки объяснить наблюдаемое отклонение. Все три приведенных им примера представляют собой стацио-

нарные структуры. В этом случае у данных не будет отклонения коэффициента, даже если вы попытаетесь использовать одну из «неправильных» кейнсианских моделей. Поэтому я бы сказал, что первая и вторая часть работы довольно слабо связаны друг с другом.

Эванс и Хонкапохья: Ощущаете ли вы свою сопричастность к «Критике Лукаса»?

Сарджент: Смотря что вы имеете в виду. Весной 1973 г. Лукас участвовал в конференции по рациональным ожиданиям, которая проходила в Миннесотском университете. На следующий день после конференции мне позвонили из Питсбурга. Боб потерял свою рукопись и, возможно, это произошло во время конференции. Я съездил в Ford Hall, где проходила конференция, и нашел там папку с кипой желтых листков. Я прочел первые несколько страниц. Это была «Критика Лукаса». Я отправил рукопись Бобу по почте. Можно сказать, что я тоже имею отношение к «Критике».

Эванс и Хонкапохья: Каковы были наиболее важные, на ваш взгляд, отклики в научных кругах на «Критику Лукаса»?

Сарджент: Их было два. Первый — и наиболее оптимистичный — касался эконометрики рациональных ожиданий. Равновесие рациональных ожиданий — функция правдоподобия. Ее следует максимизировать.

Эванс и Хонкапохья: Почему оптимистичный?

Сарджент: Необходимо верить в свою модель, чтобы использовать функцию правдоподобия. Она позволяет ясно оценить интересующие вас объекты (предпочтения, технологии, информационные множества, процессы измерения) в контексте модели, которой вы доверяете.

Эванс и Хонкапохья: Каков был второй отклик?

Сарджент: Различного рода проверки. Они были уже менее оптимистичны в отношении того, что можно получить с помощью вашей теории — вы будете использовать ее только в том случае, если до конца не верите в свою модель — вы считаете, что ваша модель имеет частично неправильную или неполную спецификацию, или, возможно, вы доверяете больше чьей-либо еще модели или массиву данных. Мне вспоминается, что Боб Лукас и Эд Прескотт изначально были в восторге от эконометрики рациональных ожиданий. Но в конце концов она просто навязывала нам те же самые высокие стандарты, за несоблюдение которых мы критиковали кейнсианцев. Но после

почти пяти лет выполнения тестов отношения правдоподобия по моделям рациональных ожиданий я вспоминаю, как Боб Лукас и Эд Прескотт говорили, что подобные тесты отвергли слишком много хороших моделей. Идея проверки заключается в игнорировании ряда вероятностных вариантов применения модели при сохранении остальных. Так или иначе, проверка рассматривалась как сбалансированная реакция на признание того факта, что ваша модель, несмотря на свою некорректность, все же имеет ценность как средство количественного анализа экономической политики.

Эванс и Хонкапохья: Почему вы говорите «различного рода проверки»?

Сарджент: Разные люди под проверкой понимают разное. Для некоторых это «использование внешней оценки». Они берут оценки, полученные в предыдущих исследованиях, и представляют их как известные величины. Очевидно, вы столкнетесь с тем, что зачастую внешние оценки проводятся с использованием эконометрической спецификации, которая противоречит вашей модели. Рассматривая такие внешние параметры как уже известные, вы игнорируете «облака» неопределенности вокруг них — «облака», связанные с неопределенностью оценки, переданной оригинальным исследователем, а также «облака» от «риска спецификации», связанные с необходимостью доверять той эконометрической спецификации, на основе которой другой исследователь проводил свою оценку.

Другие ученые, например, Ларри Христиано и Марти Айхенбаум, под проверкой подразумевали обобщенный метод оценки моментов на основе использования подмножества условий момента для модели и имеющегося массива данных. Возможно, они задают только подмножество условий момента, поскольку доверяют одним аспектам своей модели больше, чем другим. Это один из типов аргумента устойчивости, который продвигается теми, кто занимается полупараметрическими обобщенными методами моментов. Существуют различные способы выявления стандартных ошибок для объяснения нечетко сформулированных или сомнительных аспектов модели. Кстати, эти способы определения стандартных ошибок имеют минимаксный оттенок, напоминающую одну из теорий робастного управления, которую мы с Ларсом Хансеном использовали.

Эванс и Хонкапохья: Мы знаем, с помощью какого вопроса оценивается максимальная правдоподобность ответов, и условия, при которых она оценивается, или их байесовские аналоги. Какой вопрос будет проверочным для ответа?

Сарджент: Наилучший ответ из всех, которые я знаю, содержится в работе по обобщенному методу моментов (ОММ), написанной Хансеном и другими учеными. В этой работе они показывают, почему ОММ — это лучший способ оценки характеристик модели, в которой вы не уверены полностью.

Эванс и Хонкапохья: Считаете ли вы использование проверки в макроэкономике шагом вперед?

Сарджент: По большому счету, да. Я рассматриваю это как конструктивную реакцию на высказывание Боба, что «ваши тесты отношения правдоподобия отвергают слишком много хороших моделей». В то время макроэкономический подход, в основе которого лежали рациональные ожи-

дания, встречал сопротивление со стороны влиятельных людей. Была опасность, что скептики и оппоненты могли неправильно истолковать подобные тесты отношения правдоподобия как отвергающие целый класс

моделей, что было неправдой. (Внутренняя логика функции правдоподобия как полной модели должна была прояснить этот вопрос, но в то время все было иначе!) Проверка также была способом продолжения процесса пслучения опыта в согласовании моделей рациональных ожиданий и данных путем снижения уровня наших стандартов в отношении максимального правдоподобия и акцента на те характеристики данных, которые наши модели могли фиксировать. Вместо того чтобы говорить о провалах с точки зрения мрачной статистики отношения правдоподобия, заявляйте о характеристиках, которые они могли бы фиксировать, и делайте акцент на последующей необъясненной характеристике, которая требует объяснения. Кто-то может сказать, что это была логичная реакция на подобные тесты отношения правдоподобия. Это также была реакция на нехватку ресурсов, которые были в нашем распоряжении. И создание макротеорий динамического равновесия, и построение эконометрических моделей временных рядов для их оценки — это были важные и сложные задачи. Кто-то сказал, что пришло время для специализации и использования последовательного плана «атаки»: давайте сначала бросим все ресурсы **на** то, чтобы понять, как нам создать ряд убедительных моделей равновесия, чтобы соединить интересные, с нашей точки зрения, механизмы. Позднее мы будем осторожны в своих оценках, после того как овладеем технологией моделирования.

Эванс и Хонкапохья: Не кажется ли вам, что использование различных методов, основанных на правдоподобии, становится вновь популярным в макроэкономике?

Сарджент: Да, вы правы. Это результат того, что, конечно, равновесие рациональных ожиданий представляет собой функцию правдоподобия, поэтому ее невозможно было бы вечно игнорировать. В 1980-х гг. бывали ситуации, когда имело смысл сказать, что «слишком трудно максимизировать функцию правдоподобия и, кроме того, если мы это сделаем, то никто не знает, что произойдет с нашей моделью». В 2000-х гг. стало меньше ситуаций, когда можно так сказать. Во-первых, компьютеры стали намного мощнее, а алгоритм марковских цепей Монте-Карло (МСМС), который может рассматриваться как один из умных алгоритмов случайного поиска для поднятия функции правдоподобия или построения следующей, теперь является утилитарным. Кроме того, ряд ученых-исследователей создали модели рациональных ожиданий с достаточным количеством шоков и «клиньев», которые, на их взгляд, хорошо совмещают данные и готовые процедуры, основанные на правдоподобии. Например, последние модели Отрока, Сметса и Вутерса. С помощью логарифмических аппроксимаций они могут использовать то же самое рекурсивное представление гауссовской функции правдоподобия, которую мы использовали в конце 1970-х-начале 1980-х гг.

Безусловно, для некоторых нелинейных моделей равновесия трудно описать правдоподобие. Но в решении данного вопроса заметен значительный прогресс — спасибо Тони Смиту, Рону Галанту, а также Джорджу Таухену и другим ученым, кто вывел различные способы получения оценок, близких к уровню максимальной правдоподобности. Мне импонирует идея Галанта и Таухена по поводу использования условий момента из условий первого порядка для максимального правдоподобия, соответствующего вспомогательной модели, чью функцию правдоподобия легко описать.

Эванс и Хонкапохья: Существуют ли, на ваш взгляд, какие-то препятствия для подходов, в основе которых лежит правдоподобие, для использования их в макромоделях?

Сарджент: Да. Например, если не оставить структуру, то, мне кажется, что будет трудно сделать полный автономный анализ чувствительности к основным характеристикам спецификации.

Эванс и Хонкапохья: Вы считаете, что подобные методы, основанные на правдоподобии, уничтожат методы, в основе которых лежит ОММ, и они не используют полную правдоподобность?

Сарджент: Нет, не думаю. ОММ и другие стратегии проверки будут играть большую роль всякий раз, когда ученый не будет доверять части свой спецификации, пока это касается устойчивости.

Изучение

Эванс и Хонкапохья: Почему вы стали заниматься теориями нерациональных ожиданий в макроэкономике?

Сарджент: Первоначально для того, чтобы упрочить и расширить наше понимание рациональных ожиданий. В 1970-е гг. концепция рациональных ожиданий подвергалась жесткой критике за то, что она дает слишком много знаний об экономике. В середине 1970-х гг. заниматься макроэкономическими теориями рациональных ожиданий было забавно, поскольку вся атмосфера вокруг рациональных ожиданий была пропитана скептицизмом и даже враждебностью. Критики утверждали, что идея равновесия, при котором каждый разделял «Божественную модель», была неправдоподобна. Чтобы противостоять подобной критике, я записался в программу исследований Маргарет Брей и Дэвида Крепса. Их идея заключалась в том, чтобы «очистить мозг» агентов от идей равновесия рациональных ожиданий, затем обеспечить их алгоритмами изучения и хронологиями данных. Дайте им возможность адаптировать поведение так, чтобы оно стало, по определению Дэвида Крепса, поведением «ожидаемой полезности»: вы оптимизируете, рассматривая вашу последнюю оценку уравне-

ния перехода как перманентную; обновите ваше уравнение перехода; снова оптимизируйте; снова обновите и т.д. (Это похоже на «воображаемую роль» в теории игр. Крепс заявляет, что до тех пор, пока это «иррационально», это имеет смысл использовать, когда трудно определить «рациональное». Лекции Крепса, посвященные памяти Шварца, включают в себя ряд замечательных игр, которые убеждают вас в привлекательности его идеи «ожидаемой полезности»). Маргарет Брей, Алберт Марсет, Майк Вудфорд, вы оба, Сяохун Чен и Хэл Уайт и другие хотели знать, будет ли такая си-

стема адаптивных агентов сводиться к равновесию рациональных ожиданий. Вместе мы обнаружили широкий набор условий, при которых мнения сходятся. Что-то наподобие равновесия рациональных ожиданий — единственно возможная предельная точка для системы с адаптивными агентами. Аналогичные результаты можно достичь эволюционным путем и в адаптивных теориях игр.

Эванс и Хонкапохья: Что вы имеете в виду, когда говорите «что-то наподобие»?

Сарджент: Предельная точка зависит от того, насколько сильно вы влияете на агентов с точки зрения функциональных форм и обусловливающих переменных. В самых ранних работах по использованию метода наименьших квадратов агентам изначально задавались неправильные коэффициенты, но с правильными функциональными формами и обусловливающими переменными. При этом системы обычно сводились к равновесию рациональных ожиданий. Позднее вы оба, Алберт Марсет и я в своих работах отобрали у агентов некоторые релевантные обусловливающие переменные, например, путем преждевременного усечения релевантных хронологий. Мы обнаружили, что возможно сведение к объектам, которые рассматриваются как «равновесия рациональных ожиданий теми, кто опирается на закрытую информацию». Чен и Уайт изучили ситуации, когда агенты перманентно имеют неправильные функциональные формы. Их адаптивные системы сводятся к некоему равновесию, в котором прогнозы агентов оптимальны в пределах класса фильтраций информации, поддерживаемых функциональными формами, для которых они ограничили агентов.

Эванс и Хонкапохья: Насколько отличаются эти равновесия с несколько неправильной спецификацией ожиданий от равновесий рациональных ожиданий?

Сарджент: Они во многом похожи на равновесия рациональных ожиданий. Они похожи на полные равновесия рациональных ожиданий с точки зрения многих рабочих характеристик. Например, у них есть свой набор ограничений пересекающихся уравнений, которыми следует руководствоваться при анализе экономической политики. Они «самодостаточны» внутри класса агентов с прогнозирующими функциями. Они могут

также характеризоваться как имеющие прогнозирующие функции, максимально приближенные к математическим ожиданиям, нацеленных на релевантные хронологии, предполагаемые моделью, где степень близости определяется с помощью метода Кульбака-Лейблера, измеряющего уровень различия модели (это ожидаемое логарифмическое отношение правдоподобия). Если они достаточно близки, это значит, что агенту, живущему в пределах одного из этих равновесий, может потребоваться довольно много времени, чтобы определить, насколько можно было бы улучшить его прогнозирующую функцию. Однако субоптимальные прогнозирующие функции могли и не поддерживаться, если бы вы дали агентам достаточно гибкие функциональные формы, например, стратегии оценки с использованием решета — как те, что изучал Сяохун Чен. Он вместе с Уайтом приводит пример, когда система с агентами, которые могут соответствовать

гибким функциональным формам, будет сводиться к нелинейному неравенству рациональных ожиданий.
Эванс и Хонкапохья: Были ли правы или все же ошибались те, кто сомневался в правдоподобности равновесия рациональных ожиданий?
Сарджент: Это зависит от того, насколько вы хотите быть великодушными по отношению к ним. Мы знаем, что если вы наделите агентов правильными функциональными формами и обусловливающими переменными, даже в этом случае только некоторые равновесия рациональных ожиданий будут являться предельными точками адаптивных экономик. Как вы оба описали в своей книге, остальные равновесия рациональных ожиданий нестабильны при использовании движущих сил изучения и уничтожаются при изучении с помощью метода наименьших квадратов. Возможно, те нестабильные равновесия рациональных ожиданий были единственными, которые критики ставили под вопрос, хотя это было весьма великодушно по отношению к ним. На мой взгляд, некоторые из равновесий, которые уничтожаются при изучении с использованием метода наименьших квадратов, этого заслуживают: например, «плохое» равновесие кривой Лаффера в моделях гиперинфляций, которая, как выяснилось (мной, Албертом Марсетом, Стэном Фишером и Майклом Бруно), при различных адаптивных схемах не будет стабильной. Такое открытие имеет большое значение при определении фискальной политики для усмирения большой инфляции.
Эванс и Хонкапохья: Являются ли вызванные стабильностью результаты, которые опровергают некоторые равновесия рациональных ожиданий и сохраняют другие, главным итогом теории адаптивного изучения?
Сарджент: Эти результаты были получены в процессе использования теории изучения. Но я считаю, что теоремы стабильности дали что-то более важное, чем выбор равновесия. Если вы посмотрите на теоремы стабильности, то обнаружите, что теория изучения требует от нас детализации того, что мы понимаем под равновесиями рациональных ожиданий. В дополнение

к равновесиям с неправильной спецификацией ожиданий, о которых я уже упоминал, она показывает один из типов равновесия рациональных ожиданий, позволяющих нам рассматривать различные споры вокруг разных моделей экономики так, как мы не могли этого делать раньше.
Эванс и Хонкапохья: Что вы имеете в виду?
Сарджент: В действительности мы определили равновесие рациональных ожиданий с точки зрения «общности моделей», на которую я ссылался выше. Под «моделью» я имею в виду распределение вероятностей всех затрат и результатов использования определенной экономической модели В рамках такого равновесия рациональных ожиданий агенты могут обладать различной информацией, но иметь одну модель. Теории изучения - как в макроэкономике, так и в теории игр — говорят о том, что естественные предельные точки различных схем изучения методом наименьших квадратов — это то, что Крепс, Фуденберг и Левин называют «самодостаточными равновесиями». В самодостаточном равновесии у агентов могут быть разные модели экономики, но они должны согласовать между собой события, которые довольно часто происходят в рамках равновесия. Это ограничение дает агентам право не соглашаться с последствиями неравно-

весия. Причина в том, что у закона больших чисел не так много шансов действовать в подобных, редко случающихся событиях. В тех типах конкурентных установок, которые мы зачастую используем в макроэкономике, несогласие в отношении последствий траектории неравновесия среди небольших частных агентов не имеет значения. Подобного рода частным агентам необходимо только спрогнозировать распределения результатов по траектории равновесия. Но необходимо помнить, что правительство — это крупный игрок. Если его модель ошибочна в отношении последствий траектории неравновесия, то оно может сделать неправильный выбор экономической политики — просто потому, что она ошибочна в отношении контрафактивных экспериментов, например, при решении проблемы Рамсея. Никакое эмпирическое доказательство, взятое у самодостаточного равновесия, не может убедить правительство в том, что их модель ошибочна, потому что для всех событий, с которыми оно чаще всего сталкивается она правильна. Для того чтобы взять и изменить свою модель, правительству необходимо или провести эксперимент, или послушаться нового теоретика. Самому же теоретику необходимо представить модель, которая на первый взгляд идентична правительственной модели для предыдущих результатов самодостаточного равновесия, но улучшить анализ контрафактивов, связанных с этими результатами.

Эванс и Хонкапохья: Есть ли какие-нибудь интересные примеры этого в макроэкономике?

Сарджент: Можно рассказать о том, что Лукас писал в своей работе по естественному уровню, опубликованной в *JET* в 1972 г. Если немного из-

менить версию истории Лукаса, написанную в 1977 г. Кидландом и Прескоттом, то можно изменить их хронологизирующий протокол и по-новому интерпретировать последовательное равновесие с субоптимальным временем, предложенное Кидландом и Прескоттом, как самодостаточное равновесие, которое можно было бы улучшить с помощью более качественной правительственной модели результатов траектории неравновесия.

Эванс и Хонкапохья: А это не из вашей книги «Борьба с инфляцией в Америке»?

Сарджент: Да, так оно и есть.

Эванс и Хонкапохья: Следовательно, можно говорить о несовпадениях моделей в рамках структуры рациональных ожиданий, если расширить идею рациональных ожиданий до «самодостаточных».

Сарджент: Да, это неплохая характеристика моделей самодостаточного равновесия. Читая полемику по поводу экономической политики, вижу, что там почти нет споров, основанных на разности информации или интересов, которые они могли бы отразить в рамках «коммунистической» модели рациональных ожиданий. Некоторые споры о политике правительства возникают на почве того, что оппоненты, опираясь на эмпирическую основу, придерживаются разных моделей функционирования экономики, и это может создать определенные трудности для критики их моделей, поскольку они соответствуют массиву данных господствующего равновесия.

Эванс и Хонкапохья: Какова еще, на ваш взгляд, заслуга теории изучения?

Сарджент: Есть еще пара важных моментов. Во-первых, в ней содержатся результаты относительно степеней конвергенции к равновесию рациональных ожиданий, которая может сказать, насколько трудно вычислить равновесие. Во-вторых, мы обнаружили, что даже когда конвергенция происходит с вероятностной моделью равновесия, выборочные траектории могут показывать такие экзотические траектории, как «пути отхода». Они показывают долгосрочные отклонения от самодостаточного равновесия и могут посещать объекты, квалифицируемые как «почти равновесия». Для траекторий отхода может быть характерна проблема отличного управления, и они способствуют формированию «почти равновесных» движущих сил с удивительными свойствами. Впервые мне в голову пришли подобные мысли, когда я работал над своей книгой «Борьба с инфляцией в Америке». В свою очередь Ин-Ку Чо и Ной Уильямс много сделали для того, чтобы их развить. Я подозреваю, что определение путей отхода в будущем станут полезным дополнением к тому инструментарию, который у нас есть сейчас. Например, они могут выступить в качестве поддержки тех параметров дрейфа, о которых Лукас говорил в первой части своей «Критики», но это, до самого последнего времени, не интерпретировалось большинством из нас как последствия равновесия. Хороший пример такого рода феномена,

который коэффициенты дрейфа с выходом из самодостаточного равновесия могут объяснить, приведен в недавней работе Алберта Марсета и Хуана Пабло Николини по периодически повторяющейся гиперинфляции, опубликованной в *AER*.

Эванс и Хонкапохья: Вместе с Тимом Когли, вашим соавтором, вы изучали коэффициенты и колебания дрейфа. Повлияла ли «Критика Лукаса» на ваш с Тимом труд?

Сарджент: Да, конечно. Симс утверждает, что пока есть достаточно оснований для колебаний дрейфа, очевидность существования коэффициентов дрейфа слаба. Он использует сей факт, чтобы оспорить, что данные США постоянны в течение всего периода с конца Второй мировой войны, с учетом независящей от времени проводимой государственной денежно-кредитной и фискальной политики. Поэтому когда мы получаем плохие макроэкономические показатели, то это значит, что просто нам не повезло, случился большой кризис, а не то, что мы вели неправильную политику и принимали неправильные решения, которые были либо слишком мягкими, либо слишком жесткими. Это правда, что определить дрейфы в AR-коэффициентах в VAR намного труднее, чем дрейфы в колебаниях, связанных с инновационной деятельностью. Это более чем ясно видно из стационарных установок, которые используют в работе те, кто взаимодействует с финансами (так говорил мне Ларс Хансен, когда мы работали над темой робастности). Таким образом, Симс и другие защитники концепции «невезения и неправильной политики» говорят, что дрейф, установленный Лукасом, неверно интерпретирован, если он рассматривается как правила принятия решения о дрейфе, например, правила дрейфа денежно-кредитной политики. Причина в том, что на самом деле, проецируя в неправильных направлениях, он неверно считывает стохастическую волатильность как отражающий дрейф в правилах принятия решения агентами. А это весьма

важные вопросы, которые могут быть решены только с использованием эконометрической основы, допускающей как коэффициенты дрейфа, так и колебания. Тим и я стремимся найти решение данных вопросов, так же как и Крис, Тао Чжа и Фабио Канова.

Экономическая история

Эванс и Хонкапохья: Ваши статьи и книги по монетарной истории заметно отличаются от других ваших работ. Почему в ваших работах по экономической истории так мало уравнений и формальной эконометрики? Например, в книге «Результаты четырех больших инфляций» (Ends of Four Big Inflations) и совместной работе с Вельдом о Французской революции. Мы ни в коем случае не хотим обвинить вас в чем-то, но в данном случае вы

больше похожи на «экономического историка старой формации», чем на «экономического историка нового поколения».

Сарджент: Это сложный вопрос. Я рассматриваю то, что я сделал в экономической истории, как упражнения по распознаванию или наложению образов. Вы изучаете некий набор макроэкономических моделей, которые сужают ваше мышление и, тем самым, делают его более острым. Модели нацеливают вас на поиск определенных элементов, например, возможные пути координирования денежно-кредитной и фискальной политики. Затем вы читаете работы по истории и экономической истории и смотрите на это скопление ошибочных цифр. Зачастую приводимые данные ошибочны или неполны. Вы читаете работы современников, мнения которых по поводу того, что происходит, отличаются друг от друга, и историков, которые также выдают свое предвзятое мнение по поводу тех или иных явлений и событий. Из этого хаоса вы проверяете некоторые из наблюдений. Так или иначе, вы вносите некий порядок и рассказываете историю с точки зрения объектов из вашего набора макроэкономических теорий. Будем надеяться, что история станет достоверной.

Эванс и Хонкапохья: Помогли ли вам модели рациональных ожиданий в понимании истории?

Сарджент: Да. Одна из сложностей истории состоит в том, что вы пытаетесь оценить решения исторических деятелей, при этом слишком часто оглядываясь на прошлое. Чтобы понять события и явления в историческом прошлом, вам необходимо встать на место этого исторического деятеля и реконструировать ту информацию, которой он обладал на тот момент, и теорию, на которую он опирался, и интересы, которые он преследовал. Достичь этого — задача не из легких. Но наши теории рациональных ожиданий и теории принятия решений — хорошее подспорье при проведении анализа. Кстати, мне пришло в голову, что история вас сразу же уводит от отличных моделей прогнозирования в сторону моделей, где люди в условиях неопределенности сталкиваются с нетривиальными проблемами прогнозирования.

Эванс и Хонкапохья: Интересно. Но вы все же не ответили на наш вопрос, почему ваши работы по истории более неформальны, чем остальные?

Сарджент: Я не знаю. В большинстве исторических проблем, над которыми я работал, были эпизоды, относящиеся к разряду перехода от одного равновесия рациональных ожиданий к другому. Например, окончание пе-

риода гиперинфляции; борьба за новую денежно-кредитную и фискальную политику во времена Пуанкаре и Тэтчер; целенаправленный поиск ведущими политиками времен Французской революции нового устройства денежной и фискальной политики; восьмисотлетняя эволюция теории, политики и технологии производства денег в нашей совместной работе с Франсуа по разменной монете. И во всех этих эпизодах я видел борьбу теорией. Наш

путь не был комплексным и последовательным, как это должно быть в формальной работе без отбрасывания большого количества действий. Для анализа разного рода переходов, которые мы изучали с формальной точки зрения, потребовалась бы рабочая модель социального процесса использования опыта для стимулирования новых моделей, сдвигов парадигм и революции идей. Это довольно сложная проблема, которая лежит в основе программы Крепа (вас не вдохновил бы выдающийся переход Мута к моделям рациональных ожиданий с помощью регрессии). Мы не знали, как создать такую модель, но, тем не менее, мы описали все с точки зрения процесса. Теперь можно сказать, что это позволило создать новые модели в которых был учтен неудачный опыт в прошлом.

Робастность
и неправильная спецификация модели

Эванс и Хонкапохья: Вы работали с Хансеном и другими над теорией робастного управления. Как это связано с вашей работой над рациональными ожиданиями и теорией изучения?

Сарджент: Это связано и с тем и с другим, а также с проверкой. Идея заключается в том, чтобы заставить человека, принимающего решение, сомневаться в свой модели и сделать так, чтобы он принял правильное решение — в том случае, когда он боится, что какая-то другая модель могла бы дать нужный ему результат.

Эванс и Хонкапохья: Почему вы думаете, что это хорошая идея?

Сарджент: Одной из мотиваций — как в отношении теории рациональных ожиданий, так и теорий изучения — является то, что модель экономиста должна иметь следующую особенность: эконометрист не может сделать что-либо лучше, чем агенты внутри самой модели. Этот критерий использовался в стародавние времена для критики практики, относящейся к агентским схемам адаптивных и других простых ожиданий. Поэтому теоретики рациональных ожиданий наделяли агентов способностью формировать условные ожидания, например, вычислять средние значения в примерах бесконечных данных, взятых в пределах равновесия. Идея теории изучения состояла в серьезном использовании идеи «вычисления средних значений» путем наделения агентов данными из-за пределов равновесия, затем тщательном изучении возможностей агентов, вычисляющих средние значения определенных массивов данных из-за пределов равновесия, в конечном счете понять, что необходимо им знать о равновесии рациональных ожиданий. Оказалось, что такие возможности есть. Основная тенденция состояла в том, чтобы «сделать агентов подобными эконометристам».

Конечно, в типичной модели рациональных ожиданий ситуация выглядит совершенно иначе: агент знает больше, чем эконометрист. Агенту внутри модели известны истинные ее параметры, тогда как эконометрист их не знает и должен их вычислять. Кроме того, эконометристы, подходящие к рациональным ожиданиям основательно, зачастую не пользуются анализом, включающим многочисленные тесты спецификации, что делает их модели более грубыми и примитивными (Помните, что мне сказали Боб и Эд в начале 1980-х гг.: «...ваши тесты уровня правдоподобности отметают слишком много хороших моделей»).

Использование теории робастного управления — это возможность для наших агентов применить опыт эконометристов. Идея состоит в том, чтобы сделать так, чтобы агент признал спецификацию модели неправильной и справился с ней.

Эванс и Хонкапохья: Это для того, чтобы быть уверенными, что агенты и мы как эконометристы делаем одно и то же?

Сарджент: Да. И реакция агента на опасение по поводу неправильной спецификации модели представляет собой поведенческие реакции, которые имеют интересные количественные результаты. Например, опасение по поводу неправильной спецификации модели влияет на составляющие косвенных функций полезности, которые в некоторых типах данных могут выглядеть как повышенная несклонность к риску, но это реакция на совершенно разные типы гипотетических психических экспериментов — в отличие от степени несклонности к риску по Пратту. Вот почему опасение по поводу неправильной спецификации модели — это способ понять все разнообразие расхождений между самой высокой и самой низкой ценой на ценные бумаги. Если же посмотреть на это с другой стороны, то модели принятия жестких решений способствуют созданию стройной теории о нарушении эндогенного предпочтения.

Другая причина состоит в том, что принятие решения перед лицом опасности модели с неправильной спецификацией может быть полезным, когда возникают вопросы с обобщенными числами Рамсея.

Вот почему люди в центральных банках интересуются данной темой. Они не доверяют собственным моделям.

Эванс и Хонкапохья: А какова связь с теорией изучения?

Сарджент: Существуют экстенсивные математические взаимосвязи через теорию больших отклонений. Мы с Хансеном использовали именно их. Некоторые неправильные спецификации моделей узнать легко, а некоторые — трудно. Под «трудно» я подразумеваю «медленно». Теория больших отклонений показывает нам, какие неправильные спецификации мы можем распознать быстро, а какие нет. Мы с Хансеном ограничили количество неправильных спецификаций, от которых наш агент хотел бы защититься, требуя, чтобы это была неправильная спецификация, с трудом распознавае-

мая из его аппроксимирующей модели. Вот как мы используем теорию изучения, чтобы быть точными в том, что мы подразумеваем под словами «человек, принимающий решение, считает, что его модель — хорошая аппроксимация». Это соревнование между дисконтирующим множителем и темпом усвоения. При дисконтировании имеет смысл стараться быть жестким в отношении

вероятных альтернатив, о которых очень трудно что-либо узнать.
Эванс и Хонкапохья: Может ли эта модель принятия решений быть пересчитана в байесовских показателях?
Сарджент: Это зависит от того, что вы собираетесь делать дальше. Мы показали, что фактически это возможно — вы можете найти приоритет, искаженную модель, которая рационализирует выбор человека, принимающего решение. Но спрогнозировать вы не можете — набор неправильных спецификаций, которых опасается агент, слишком велик, и он не скажет или не сможет сказать, каков его приоритет в этом списке.
Кстати, Ларе и я создали равновесия с разнородными агентами, где байесовский анализ, основанный на использовании фактических величин, подразумевает, что у агентов, имеющих различные интересы, будут разные «скрученные модели». Сточки зрения эконометриста, занимающегося темой рациональных ожиданий, такие агенты выглядят так, словно у них разные убеждения. Это один из верных способов моделирования разнородности убеждений.
Эванс и Хонкапохья: Это одна из разновидностей поведенческой экономики или ограниченной рациональности?
Сарджент: Любая теория принятия решений — это разновидность поведенческой экономики, но не ограниченной рациональности. Человек, принимающий решение, на самом деле умнее, чем агент рациональных ожиданий, поскольку его опасение по поводу неправильной спецификации модели существует где-то вовне.
Эванс и Хонкапохья: Некоторая часть вашего описания робастности напоминает проверку. Есть ли здесь какая-то взаимосвязь?
Сарджент: Думаю, что есть, но они пока еще полностью не исследованы. Однако уже сформулированы робастные версии динамических проблем оценки, когда человек, принимающий решение, не использует стандартные формулы оценки максимального правдоподобия в отношении своей аппроксимирующей модели, так как не верит собственной функции правдоподобия. Поэтому при оценке он искажает свою функцию правдоподобия. Это «скручивание» напоминает то, что получают в результате некоторых проверочных действий, хотя процедура проверки на робастность определяется более конкретно, и вы можете ответить на ваш вопрос: «А на какой вопрос отвечает проверка?»
Эванс и Хонкапохья: Почему Симс раскритиковал вашу работу по робастности?

Сарджент: Он считает, что это неправильно — отказываться от байесовской одномодельной структуры Сэвиджа. Он считает, что тщательная работа над представлением опасений по поводу неправильных спецификаций з пределах байесовской структуры намного облегчает анализ.
Однако, я должен сказать, что ранние работы Криса по аппроксимации распределенных лагов оказали большое влияние на нашу с Ларсом работу над робастностью. Крис вывел замечательную формулу аппроксимации ошибки и показал, как ее использовать при выборе подходящих фильтров данных, которые бы минимизировали количество ошибок аппроксимации. У этого замечательного практического анализа Криса был минимаксный

«оттенок», и он не выглядел байесовским. Одна из версий минимаксного анализа Криса берет свое начало в послании, которое направил мне Симс в ответ на мой комментарий, что эконометрист, занимающийся вопросами рациональных ожиданий, никогда не должен использовать данные с устранением сезонных колебаний. Мой аргумент был очень байесовским по духу, поскольку, согласно моему предположению, у эконометриста была правильная модель. Это было в 1976 г. Крис, пока ехал на миннеаполисском автобусе из университета домой, не только прочел мой комментарий, но и написал свои замечания по этому поводу. Вот насколько скор Крис в таких делах. Его автобусная заметка по поводу сезонности и ошибки аппроксимации получила большую известность среди тех, кто занимался временными рядами на макроуровне в Миннесоте в конце 1970-х гг. (Не знаю почему, но временами я чувствую: именно тот факт, что Крис мог написать такую заметку за двадцать минут, пока он ехал на автобусе домой, помог мне найти свое место). Кстати, в специальном номере *Journal of Econometrics,* посвященном сезонности, который вышел в 1993 г. под редакцией Эрика Гизелса, была и наша с Ларсом статья. В ней делался акцент на принятие того, что сказал в своей автобусной заметке Симс. Этот спецномер Гизелса стал одним из мотивирующих факторов для начала исследований в области робастности.

Экономическая наука и Миннесота

Эванс и Хонкапохья: Вместе с Карнеги-Меллоном и Чикаго, Миннесота в 1970-х гг. была на переднем крае в области развития и продвижения новой динамической макроэкономики. Какие основные черты были присущи атмосфере Миннесотского университета?

Сарджент: Напряжение и толерантность. У нас были сильные позиции и серьезные разногласия. Но все вели себя очень цивилизованно и всегда выставляли друг друга перед студентами в лучшем свете. В Миннесотском университете в то время был выдающийся экономический факультет. (И он

до сих пор выдающийся!) Тон на факультете задавали Лео Гурвиц и Джон Чипман. Они призывали тщательнее подходить к самому процессу учебы и вдохновляли студентов изучать математику. Вместе со мной работали и Крис Симе, и Нейл Уоллес — два моих самых близких соратника по университету. Мы всегда щедро делились идеями и при этом были очень критичны друг к другу, но никогда не деструктивными. У нас троих были серьезные разногласия, но одновременно мы испытывали друг к другу огромное уважение. У нас были удивительные семинары. Я с Нейлом и Крисом очень много общался и в рамках диссертационных комиссий.

И все же самое лучшее, что было в Миннесотском университете в середине 1970-х — середине 1980-х гг.— это его замечательные студенты. Большинство из них были из тех, кто не прошел по конкурсу в первую пятерку бизнес-школ. Мои лекции по макроэкономике и временным рядам посещали Джон Гивик, Гари Скуг, Салих Нефтчи, Джордж Таухен, Майкл Салеми, Ларе Хансен, Рао Айиджари, Дэнни Пелед, Бен Бентал, Брюс Смит, Штуцер, Чарльз Уайтмен, Роберт Литтерман, Цви Экштейн, Марти Эйхенбаум, Йоханан Шахмурове, Расду Саракоглу, Лари Кристиано, Рэндэл Райт, Ричард Роджерсон, Гари Хансен, Селахаттин Имрохороглу, Айше Имрохороглу,

Фабио Канова, Бет Инграм, Бонг Су Ли, Альберт Марсет, Родольфо Мануэлли, Хьюго Хопенхейн, Ларс Юнквист, Роза Мацкин, Виктор Риос Рул, Жерар Гломм, Анна Виламил, Стейси Шрефт, Андреас Хорнштейн и другие. Какие студенты! Просто список из «Кто есть кто» в макроэкономике и макроэконометрике. Даже есть управляющий центрального банка (Расду Саракоглу]! После моего посещения в 1981-1982 гг. Кембриджа (Массачусетс) Патрик Кехое, Дэнни Куа, Пол Ричардсон и Ричард Кларида в 1982 г. провели **в** Миннеаполисе большую часть лета, а Дэнни и Патрик потом остались здесь в качестве научных ассистентов. Преподавать таким студентам было увлекательно. Зачастую оказывалось, что я знаю меньше, чем студенты, которых я «учил». В Миннесотском университете существовал принцип: преподаватели должны быть намного опытнее своих студентов. Я также способствовал приглашению в университет Эда Прескотта. Это случилось в начале 1980-х гг. и в итоге университет стал еще сильнее.

Эванс и Хонкапохья: Исходя из вашего описания Миннесотского университета 1970-1980-х гг., создается впечатление какой-то «всеобщей любви» между вами, Симсом и Уоллесом. А как вы объясните тот мрачный комментарий в обзоре Нейла Уоллеса, посвященном вашей с Франсуа Вельде принстонской книге по истории разменной монеты и опубликованном в *JME*? Разве друзья так пишут друг о друге?

Сарджент: Друзья так разговаривают друг с другом. Нейл считает, что модели предоплаты бесполезны и не работают всякий раз, когда он сталкивается с ограничением предоплаты. Я обращаюсь к Нейлу — что было бы хуже, чем модель с ограничением предоплаты? Модель с двумя ограниче-

ниями. Но это как раз то, что предлагаем мы с Вельде! Эпизодически позитивный мультипликатор на это второе ограничение предоплаты — это наш с Вельде инструмент для понимания периодически повторяющихся ситуаций с нехваткой разменной монеты и восходящего движения цен на монеты большого достоинства в переводе на монеты меньшего достоинства.

С Нейлом ассоциируется слово «честность». Его оценка нашей с Вельде книги не хуже, чем оценка тех работ, которые мы написали с ним вместе. Он попросил убрать его имя из всех работ, которые мы с ним написали, кроме работы по товарным деньгам — на мой взгляд, не самой лучшей из -ашего совместного творчества.

Эванс и Хонкапохья: Он был столь великодушен?

Сарджент: Я так не думаю. Он считал, что эти работы не должны быть опубликованы. После того как Боб Лукас прочел вступление к одной из наших статей для *JPE*, он сказал, что никто из рецензентов не смог бы, возможно, написать что-то более уничижительное о нашей статье, чем то, что написали мы сами. Автором этих критических слов был Нейл.

15. ИНТЕРВЬЮ С РОБЕРТОМ АУМАННОМ*

Беседовал Серджиу Харт

Еврейский университет Иерусалима

Сентябрь 2004 г.

Кто он — Роберт Ауманн? Экономист или математик? Ученый-рационалист или глубоко верующий человек? Мыслитель или весельчак? Все эти, на

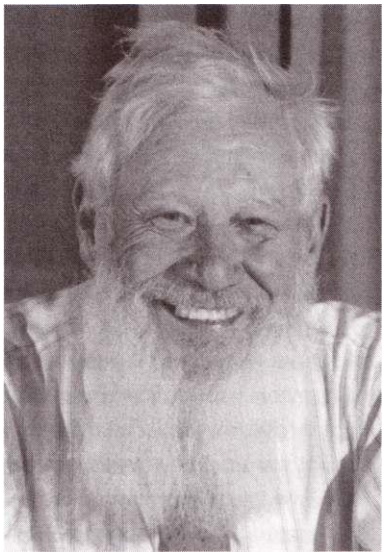
первый взгляд диаметрально противоположные, качества можно найти у Ауманна. Он и математик в чистом виде, и одновременно — признанный экономист. Это и одна из центральных фигур в разработке теории игр, а также в признании ее важной роли в современной экономике. Во многом появление этой области обязано фундаментальному и инновационному подходу Ауманна к исследованиям — проработке на понятийном, а также и на математическом уровне. Своей работой он оказал большое влияние на многих и вдохновил их: своих студентов, соавторов, коллег, любого, кто читал его работы или слышал его выступления.

Ауманн продвигает унифицированный подход к рациональному поведению в различных областях: в первую очередь в экономике, но также и в политике, биологии, в компьютерных науках и т.д. Он стал новатором во многих сферах, но наиболее заметные из них — совершенная конкуренция, повторяющиеся игры, коррелированное равновесие, интерактивные знания и рациональность, а также коалиции и сотрудничество.

Ауманн — не ученый-теоретик, живущий в «башне из слоновой кости». Его интересуют явления и проблемы практического характера, и это предмет его исследований. Он глубоко верующий человек, но это не мешает ему быть одним из отцов-основателей, а ныне — наиболее активных членов, политематического Центра изучения рациональности при Еврейском университете Иерусалима.

Ауманн любит кататься на лыжах, заниматься альпинизмом и готовить, но еще больше он увлечен разработкой сложных экономических вопросов

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 9, 2005, p. 683-740. Copyright © 2005 Cambridge University Press.



15. ИНТЕРВЬЮ С РОБЕРТОМ АУМАННОМ

или выведением какой-либо теоремы.

Он семьянин, очень добрый и душевный, и одновременно исключительно проницательный человек, обладающий острым умом.

Этим интервью мы постараемся не-

много приоткрыть тайну удивительного мира Роберта Ауманна. Оно составлено на основе нашей с Робертом беседы, которая состоялась в сентябре 2004 г. Надеюсь, что читатель, как и мы, получит от этого интервью большое удовольствие и узнает много нового.

Харт: Доброе утро, профессор Ауманн! Конечно же я не собираюсь вас так называть в ходе всей нашей беседы. Но скажите, как мне к вам обращаться — Исраэль, Боб, Джонни?

Рис. 15.1. Роберт Ауманн, приблизительно 2000 г.

Ауманн: Обычно вы называете меня Исраэль. Так почему бы не называть меня так и сейчас? С моими именами и в самом деле существует некоторая проблема. У меня как минимум три имени — Роберт, Джон и Исраэль. Первые два мне дали при рождении, а имя Исраэль я получил после обряда обрезания. Многие зовут меня Боб, сокращенно от Роберт. Как-то на одной студенческой вечеринке в Еврейском университете был шуточный конкурс, на котором прозвучал вопрос: «У кого из преподавателей четыре имени и при этом он все их использует?» А вот еще одна история, связанная с моими именами. Моя жена собралась записать детей в свой паспорт. Она дала мне две анкеты, которые я должен был заполнить. Одну я подписал как Исраэль, а вторую как Роберт. Когда жена подала обе анкеты клерку, тот отказался их принять, спросив: «Кто этот человек? У детей разные отцы? Мы не можем принять ваши документы».

Харт: Я помню случай, произошедший в период вашей работы в Тель-Авивском университете. Вы заполняли какую-то анкету и вдруг остановились и позвонили жене. Вы спросили: «Эстер, каким именем я пользуюсь в Тель-Авивском университете?»

Давайте начнем с вашей биографии как ученого. Какие бы вы выделили основные вехи в вашей научной деятельности?

Ауманн: Я получил степень бакалавра математики в Сити-колледже в Нью-Йорке. Затем поступил в Массачусетский технологический институт, где под руководством Джорджа Уайтхеда защитил докторскую диссертацию по алгебраической топологии. Затем был Принстон и группа исследований

операций при математическом факультете. Там я заинтересовался теорией игр. Из Принстона я перебрался в Еврейский университет в Иерусалиме, где до сих пор и преподаю. Это в общих чертах.

А теперь немного подробнее. Интерес к математике у меня проснулся только в старших классах. В Нью-Йорке я учился в йешиве рабби Яакова Иосифа. Мой учитель математики Джозеф Ганслер был замечательным человеком. Классы были очень маленькими, школа только что открылась Он обычно собирал всех вокруг своего стола. Что действительно меня взволновало тогда, так это геометрия, теоремы и доказательства. И все это благодаря Джоуи Ганслеру.

Затем я поступил в Сити-колледж. Но уже оканчивая школу, я испытал некое душевное замешательство — стать талмудистом или пойти в университет изучать мирские науки. Какое-то время я совмещал оба занятия Вставал в 6:15 утра, добирался на метро из Бруклина до университета который располагался на окраине Нью-Йорка. Это занимало у меня примерно один час пятнадцать минут. Там я около часа занимался математикой, затем добирался до йешивы, которая располагалась в Нижнем Ист-сайде. Здесь я проводил большую часть утреннего времени, затем возвращался в Сити-колледж на 139-й улице и учился там до 10 часов вечера Только потом я возвращался домой, делал домашнее задание или что-нибудь еще. Утром снова надо было вставать в 6:15. Так я проучился целый семестр, а затем понял, что это слишком трудно для меня, и принял решение, которое далось мне нелегко: оставить йешиву и изучать только математику.

Харт: Как вы пришли именно к такому решению?

Ауманн: Да я уже и не помню. Помню только, что решил сам. Мои родители давали нам возможность принимать решения самостоятельно. Возможно, математика меня привлекала больше, хотя мне очень нравилось изучать Талмуд.

В Сити-колледже собралась группа очень активных студентов-математиков. Среди преподавательского состава математиков особенно выделялся Эмиль Пост, известный специалист по логике. Он был представителем школы Тьюринга и Черча — математической логики, теории вычислимости — что в то время было своего рода «вещью в себе». На дворе был конец 1940-х. Пост был очень интересным человеком. Он читал мне только один курс посвященный функциям реальных переменных — измерению, интегрированию и т.д. Весь курс состоял из заданных им упражнений, которые студенты должны были решить, а потом представить свои решения у доски. Это был так называемый метод Мура — никаких лекций, только практические задания. Это был отличный курс. В Колледже были и другие, не менее замечательные преподаватели, а также группа очень активных студентов-математиков. Мы постоянно общались между собой. В кафетерии был даже

столик, который так и назывался — «стол математиков». Между занятиями мы могли там посидеть, съесть мороженого...

Харт: И обсудить топологию бубликов?

Ауманн: Да, примерно так. Мы много играли в шахматы и говорили о математике. У нас были собственные семинары и свой математический клуб. Среди выпускников Колледжа были и очень известные математики — Джек Шварц (теорема представления функционалов Данфорда-Шварца), Леон Эренпрайз, Алан Шилдс, Лео Флатто, Мартин Дэвис, Д. Ньюман. Это был большой опыт. После Колледжа я отправился в магистратуру МТИ. Там под руководством Джорджа Уайтхеда я написал докторскую диссертацию по алгебраической топологии.

Я бы хотел немного остановиться на своей диссертации..Когда я учился в колледже, я много читал различной литературы по аналитической и алгебраической теории чисел. Что восхищает в теории чисел, так это использование глубоко проработанных методов решения проблем, которые в

некотором смысле весьма «естественны» и, кроме того, просто формулируются. Школьник может понять последнюю теорему Ферма, но чтобы ее доказать, ему потребуются совсем другие методы. Школьник может понять, что представляет собой простое число, но чтобы понять, что такое распределение простых чисел, потребуется теория функций комплексного переменного, которая тесно связана с гипотезой Римана и для формулировки которой потребуется по меньшей мере два или даже три года изучения математики в университете. Но по сей день она остается не доказанной.
Еще одним интересным аспектом теории чисел была ее абсолютная бесполезность. Это была «чистой воды» математика.
В магистратуре я прослушал замечательный курс Джорджа Уайтхеда по алгебраической топологии. Уайтхед не так много рассказывал об узлах, но я уже слышал о них, и это меня потрясло. Узлы как теория чисел. Проблемы формулируются до того просто, что даже школьник может их понять; они очень естественны, им присущи простота и натуральность — в отличие от простых чисел или последней теоремы Ферма. Однако очень трудно доказать что-либо, связанное с ними: для этого необходимы сложные методы алгебраической топологии. И теория узлов, как и теория чисел, также абсолютно, абсолютно бесполезная. Поэтому мне нравились узлы. Я пошел к Уайтхеду, сказал, что хочу вместе с ним писать докторскую диссертацию, и попросил его сформулировать проблему. Но это должна была быть не просто проблема, а нерешенная проблема теории узлов. И он посоветовал мне взять известную и очень трудную тему — проблему «асферичности» узлов, которая оставалась нерешенной вот уже целых двадцать пять лет, и за это время было совершено самое большое количество попыток решить ее.
Хотя я и не решил эту проблему, я все же нашел решение для частного случая. Для неспециалиста полная формулировка моего утверждения вы-

зовет определенные затруднения, но оно имеет довольно интересное следствие, которое понятно даже школьнику и о котором не было известно до того, как я взялся за решение проблемы: альтернирующие узлы не «распадаются», их невозможно разъединить.
Таким образом я достиг своей цели — сделал что-то, что: а) является ответом на «обычный» вопрос; б) легко формулируется; в) имеет очень глубокое и сложное доказательство; и г) абсолютно бесполезное, так как является чистой математикой.
Это было осенью 1954 г., когда мне в голову пришла гениальная идея которая стала ключом к получению и доказательству необходимых результатов. В 1956 г. я опубликовал свою диссертацию в *Annals of Mathematics* (Aumann, 1956), но по существу доказательство было готово еще осенью 1954 г. Вскоре после этого я переключился с теории узлов на исследования в тех областях, которые интересны мне и по сей день.
Конец первого акта истории. И потом занавес поднимается — второй акт. Пятьдесят лет спустя. На часах 22:00, дома зазвонил телефон. Это мои внук Яков Розен, студент второго курса медицинского колледжа: «Дедушка, хочу кое о чем тебя спросить. Мы изучаем узлы. Я ничего не понимаю, и у меня ощущение, что и преподаватель тоже. Не мог бы ты мне объяснить, например, что такое "коэффициенты зацеплений"?» «Зачем вы изучаете

узлы? — спрашиваю я. — Какое отношение имеют узлы к медицине?» «Иногда ДНК в клетке заузливается. В зависимости от характеристик узла это может привести или не привести к заболеванию раком. Поэтому нам необходимо знать, что такое узлы», — ответил Яков.

Я пришел в полное замешательство. Пятьдесят лет спустя, «абсолютно бесполезную» теорию — «чистейшей воды математику» преподают на втором курсе медицинского колледжа, и мой внук это изучает. Я пригласил Якова к себе и рассказал все, что знаю об узлах и коэффициентах зацеплений, а также о своей диссертации на эту тему.

Харт: Это на самом деле удивительно. Вы случайно не знаете, была ли эта «большая, всем известная» проблема решена?

Ауманн: Да, примерно через год после опубликования моей диссертации математик по имени Папакирьякопулос нашел решение общей проблемы асферичности. Он работал над этим восемнадцать лет в Принстонском университете, хотя официально там не работал. Он получал своего рода стипендию. Целых восемнадцать лет он сидел в библиотеке и работал над поиском решения данной проблемы! За это время он практически ничего не опубликовал, лишь несколько работ по данной теме — за год или за два до того, как нашел решение этой большой проблемы. Его решение и доказательство были удивительно красивы. А затем он исчез и никто никогда больше о нем не слышал. Больше он ничего не открыл. Это как кактусы, которые цветут лишь раз в восемнадцать лет. Естественно, это заглушило

результаты моей работы. Слава богу, моя работа вышла первой. Работа Папакирьякопулоса заглушила все, кроме одного — в его работа не говорилось о том, что альтернирующие узлы не распадаются. Он доказал, что нераспадающийся узел является асферичным. А я доказал, что *все* альтернирующие узлы асферичны. Узел, который распадается, не является асферичным, следовательно, все альтернирующие узлы не будут распадаться. И данный аспект моей диссертации остался за мной.

Немного позднее и независимо от этого Дик Кроуэлл доказал, что альтернирующие узлы не распадаются — он использовал для этого совершенно другой метод, не связанный с асферичностью.

Харт: Хорошо, теперь мы все «связаны» узлами. Давайте развяжемся и пойдем дальше. Вы получили в МТИ ученую степень по алгебраической топологии. И что потом?

Ауманн: В Принстоне я присоединился к группе, занимающейся исследованиями операций. Это был довольно резкий поворот, поскольку алгебраическая топология, как я уже говорил, является чистой воды математикой, а исследования операций — очень прикладная вещь. Это была небольшая группа — примерно 10 человек — в Исследовательском центре Форрестола при Принстонском университете.

Харт: В то время исследования операций и теория игр были довольно сильно связаны. Я подозреваю, вы таким образом...

Ауманн: ...заинтересовались теорией игр. Да, точно. Стояла проблема защиты города от эскадрильи, большая часть которой состояла из самолетов-ловушек без какого-либо оружия, но у небольшой части самолетов было ядерное оружие. Проект финансировала компания Bell Labs, которая раз-

рабатывала боевую ракету. В МТИ я встретил Джона Нэша, который пришел в институт в 1953 г. после защиты докторской в Принстоне. Я был студентом последнего курса магистратуры, а он — уже преподавателем, что считалось весьма престижным для молодого математика. Таким образом он был немного старше меня и стоял чуть выше на иерархической лестнице как ученый. Мы сошлись, и от него я услышал о теории игр. Одна из активно обсуждаемых нами проблем касалась дуэлей — бесшумные и шумные дуэли и пр. Таким образом, когда я приехал в Принстон, хотя и немного, но уже что-то знал о теории игр. И когда Bell Labs озвучил проблему, которую нам предстояло решить, я мог сказать, что это примерно то, о чем рассказывал нам Нэш, — давайте изучим ее с этой точки зрения. И я начал заниматься теорией игр. Остальное, как говориться, история.

Харт: Вы начали читать работы по теории игр?

Ауманн: Я прочел необходимый мне минимум, чтобы можно было приступить к поиску решения проблемы.

Харт: Кто в то время в Принстоне из ученых занимался теорией игр? Вы с ними общались?

Ауманн: Немного с преподавателями математического факультета. В то время я в большей степени был заинтересован в общении с теми, кто занимался теорией узлов, включая Джона Милнора и конечно же Р. Фокса, корифея теории узлов. Но я также общался и со специалистами в области теории игр — с тем же Милнором, который одновременно занимался и теорией узлов, и теорией игр, Филом Вулфом и Гарольдом Куном. Шепли тогда был уже в RAND, и наша дружба возникла намного позже.

В 1956 г. я перешел в Еврейский университет. Затем в 1960-1961 гг. я провел свой академический отпуск в Принстонском университете в группе Оскара Моргенштерна — Программа эконометрических исследований. И хотя Программа была при экономическом факультете, я все же какое-то время провел в Файн-Холле на математическом факультете.

С этим у меня связан один забавный случай. Когда я понял, что мне пора отправляться в академический отпуск, я начал подыскивать себе работу и разослал повсюду свое резюме с заявкой. Одно из писем я отправил как раз в Принстон Моргенштерну. Еще одно я выслал в IBM Yorktown Heights — тоже весьма престижное место. Думаю, Ральф Гомори в то время уже возглавлял там математический департамент. Так или иначе я получил предложение от тех и других. IBM предлагали мне 14 ООО долл. США в год. Сейчас такая сумма выглядит не совсем серьезно, но в 1960 г. это была довольно приличная зарплата, примерно 100 ООО долл. в пересчете на сегодняшние деньги. Весьма неплохо для только начинающего молодого человека. Предложение от Моргенштерна пришло в офис, а из IBM ко мне домой, но Эстер, моя жена, не стала без меня вскрывать конверт. Естественно, я сказал обо всем ей. На что она сказала: «Я знаю, почему они прислали предложение домой. Они хотели, чтобы я прочла его первой».

Я выбрал Моргенштерна. Эстер спросила меня: «Ты уверен в том, что делаешь это не для того, чтобы просто сделать то, чего от тебя не ждут?» «Возможно и так. Но думаю, мне все же лучше поехать в Принстон», — ответил я. И ни на миг об этом не пожалел. Именно в Принстоне я впервые

увидел работу Милнора-Шепли, которая в итоге подтолкнула меня к написанию «Рынков с континуумом участников» (Markets with a Continuum of Traders) (Aumann, 1964) и сыграла важную роль в моей карьере. Я нисколько не жалею, что моя карьера сложилась именно так.

Харт: А ведь вы могли внести большой вклад в компьютерные науки.

Ауманн: Возможно. Кто знает?! Но я не жалею. Это было здорово — познакомиться с Моргенштерном и вместе работать. Это был громадный опыт и большая честь.

Харт: А с Нейманом вы встречались?

Ауманн: Я был с ним знаком, но вряд ли можно сказать, что он был знаком со мной. Мы познакомились на конференции по теории игр в 1955 г., за два года до его смерти. Я сказал: «Здравствуйте, профессор Нейман». Он был очень

любезен со мной, но не думаю, что после того, как мы расстались, он когда-либо обо мне вспомнил. Могу сказать, что он был еще более выдающимся, чем говорят. Я был совсем молод, а он был звездой большой величины.

Но Моргенштерна я знал очень, очень хорошо. Это был выдающийся человек. Знаете, порой в адрес Моргенштерна отпускают довольно пренебрежительные ремарки, особенно о его вкладе в теорию игр. Одна из таких шуток звучит следующим образом — якобы величайшим вкладом Моргенштерна в теорию игр является открытие фон Неймана. Возможно это и правда, но это был огромный вклад. Моргенштерн обладал удивительной способностью разглядеть в людях потенциал. Он увидел экономическую значимость в работах таких ученых, как фон Нейман и Абрахам Вальд и преуспел в активном использовании их потенциала. Это касалось и многих других. В тот год, когда я с ним работал, в группе были также Клайв Грэнджер, Сидни Афрейт и Рейнхард Зельтен.

У Моргенштерна были свои идеи, свое мнение и свои важные исследования в области теории игр, частью которых являлось и решение фон Неймана-Моргенштерна в кооперативных играх. Он понимал всю важность минимаксной теоремы для экономики. И я особенно хочу подчеркнуть, что даже если он не был согласен с человеком по какому-то научному вопросу, это не мешало ему продвигать его и помогать пробиться в свет.

Например, ему не нравилась идея совершенной конкуренции и идея ядра. Он считал, что совершенная конкуренция — это мираж, что наличие большого количества игроков на рынке *не* обязательно приводит к совершенной конкуренции. И конечно же, если вы используете решение Неймана-Моргенштерна, это не приведет к созданию совершенной конкуренции на рынках с большим количеством участников. Так говорилось в вашей докторской диссертации, Серджиу. Поэтому даже если он думал, что, например, идея эквивалентности ядер ошибочна, он все равно всегда был готов поддержать таких людей.

В Принстоне я также познакомился с Фрэнком Энскомбом...

Харт: ...с которым вы написали весьма важную работу (Aumann, Anscombe, 1963)...

Ауманн: ...да, идея которой родилась именно тогда. В то время общепринятым определением субъективной вероятности было определение, данное Сэвиджем. Энскомб вел курс основ вероятности, где очень много

давал из теории Сэвиджа, которая для того времени была делом новым. Книга Сэвиджа увидела свет в 1954 г. — следовательно, прошло всего шесть лет. В результате мы с Энскомбом разработали альтернативное определение, которое было опубликовано в 1963 г.

Харт: Вы тогда также познакомились и с Шепли?

Ауманн: Занимаясь теорией игр, вы просто обязаны знать таких людей, но лично я познакомился с Шепли немного позже. Осенью 1961 г., когда

Рис. 15.2. На лекциях памяти Моргенштерна.Серджиу Харт, Майк Машлер, Боб Ауманн, Боб Уилсон и Оскар Моргенштерн. Иерусалим, 1994 г.

моя работа в Принстоне подходила к концу, проходила конференция «Последние достижения в теории игр» под председательством Моргенштерна и Гарольда Куна. По итогам конференции вышла известная всем оранжевая книга, которую сейчас практически невозможно достать. Тогда я был «мальчиком на побегушках» и занимался всей этой рутиной по подготовке конференции. Шепли на этом мероприятии был одним из приглашенных докладчиков. Тогда я впервые его и увидел.

Еще одним, думаю, известным всем читателям, приглашенным докладчиком на конференции был Генри Киссинджер, впоследствии госсекретарь США. Оказалось, что у меня довольно обширные познания по истории Израиля. После Йом-Киппуровской войны 1973 г. он ездил в Израиль и Египет, пытаясь помирить их. Он носился взад-вперед между Каиром и Иерусалимом. В Иерусалиме он останавливался в гостинице King David, лучшем отеле города. Многие были потрясены тем, что он делал, и считали, что он на стороне Египта. Так же считал и мой кузен Стив Штраус, работавший массажистом в King David. Киссинджер частенько к нему заглядывал. Стив говорил, что всякий раз, когда Киссинджер в ходе проведения своей челночной дипломатии, будет делать что-нибудь не так, во время своих сеансов массажа он будет его сильно бить. Я думал, что Стив шутит. Но этот эпизод есть и в мемуарах Киссинджера. Таким образом, это можно считать еще одной связью между теорией игр и Ауманнами.

На конференции Киссинджер рассказывал о применении теории игр в дипломатии и установлении и поддержании международных отношений во время холодной войны. Люди на самом деле тогда считали, что миру приходит конец, и конечно были моменты, когда казалось, что все балансирует на грани. Один из ярких примеров — Карибский кризис в 1963 г. В разрешении этого кризиса, в установлении и поддержании международных отношений на Кеннеди оказала влияние школа теории игр, которая в то время была достаточно известна. Главными фигурами здесь были Киссинджер и Герман Канн. И теперь многие ставят в заслугу Кеннеди то, как он себя вел во время кризиса. Конечно, не попробуешь — не узнаешь. Вышло все удачно. Но в то время предпринимаемые действия казались слишком опасными. Все выглядело так, словно мир может рухнуть в любой момент — не только во время Карибского кризиса, но и до и после него.
Конец 1950-х гг. — начало 1960-х гг. считается апогеем холодной войны. Примерно в 1960-1961 гг. все сходили с ума и строили бомбоубежища на случай ядерной войны. Специалисты по теории игр обратили внимание правительства на то, что подобные действия могут быть расценены русскими, как подготовка к агрессии. Почему они считали, что строительство бомбоубежища может рассматриваться как агрессия? Все очень просто. Почему вы строите укрытия? Потому, что вы боитесь ядерной атаки. Почему вы боитесь ядерной атаки? Одна из причин — вы сами собираетесь атаковать и готовитесь к ответной реакции. Если же вы не строите укрытий, не думаете о собственной защите, то это выглядит как стремление к мирному сосуществованию. Таким образом вы говорите, что не думаете о том, что кто-то может вас атаковать, поскольку вы сами не собираетесь этого делать. Поэтому строительство бомбоубежищ выглядело очень агрессивным шагом, и в то время так оно и было.
Харт: Одним словом, если вы строите бомбоубежища, ваши потери во время ядерной войны снижаются, но шансы развязать войну повышаются. Если уж мы начали говорить на такие темы, давайте поговорим о Mathematica, Управлении по контролю над вооружениями и разоружением США и повторяющихся играх. Расскажите, пожалуйста, о вашей работе над повторяющимися играми. Но сначала объясните, что такое повторяющиеся игры.
Ауманн: Это когда одна игра повторяется много раз. Насколько точно вы смоделируете это «много», может иметь значение, но, с точки зрения качества, обычно не такое уж и большое.
Харт: Почему эти модели столь важны?
Ауманн: Они моделируют постоянные взаимосвязи. В реальном мире мы зачастую не так много обращаемся к заданной игровой ситуации из-за последствий данной конкретной игры, поскольку наше поведение в какой-либо ситуации может повлиять на результат будущих ситуаций, где будет

повторяться эта же игра. Например, кто-то нам что-то пообещал, мы рассчитывали на него, но он не сдержал слово и в результате подвел нас. Он может выиграть в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной он про-

играет: если я вновь столкнусь с ним и нам снова придется играть — стать участниками интерактивной ситуации, — то второй раз я ему не поверю. Разумен ли он, разумны ли мы оба, все это отражается не только на результате данной конкретной ситуации, в которую мы вовлечены сегодня, но также на том, как это повлияет на будущие ситуации.

Другой пример — месть. В краткосрочной перспективе это может показаться неразумным, но в долгосрочной — может быть разумным, поскольесли вы отомстили, то в следующий раз. когда вы вновь встретите своего обидчика, он больше не станет пинать вас в живот. Альтруизм, мстительность, любая из этих моделей поведения имеет смысл, если смотреть с точки зрения повторяющейся игры, но не с позиции одноразовой игры. Поэтому повторяющаяся игра зачастую более реалистична чем одноразовая игра: она моделирует постоянные взаимосвязи.

В 1959 г. у меня вышла работа по повторяющимся играм (Aumann, 1959). Основной посыл этой работы — кооперативное поведение в одноразовой игре соответствует равновесию или эгоистичному поведению в повторяющейся игре. Это если говорить очень упрощенно.

Харт: Есть еще известная «народная теорема». В 1970-х гг. вы так ее назвали в своем исследовании повторяющихся игр (Aumann, 1981). Название прижилось. Кстати, сегодня термин «народная теорема» также используется и в других областях для обозначения классических результатов народная теорема эволюции, народная теорема вычислений и т.д.

Ауманн: Оригинальная версия «народной теоремы» почти такая же, как в моей работе, написанной в 1959 г., но значительно более простая и менее глубокая. И по вашим словам, позднее стала довольно известной в научной литературе. Я назвал ее «народной теоремой», поскольку авторство ее неизвестно, как у народной музыки, народных песен. Это витало в воздухе в конце 1950-х — начале 1960-х гг.

Харт: Вы были первым, кто дал полную официальную формулировку * вывел доказательство чего-то подобного. Даже в очень известной книге «Игры и решения» (Games and Decisions) Льюса и Райффа нет «народной теоремы».

Ауманн: Первыми, кто ясно заявил о повторяющихся играх с ненулевой суммой, которые я рассматривал в своей книге, выпущенной в 1959 г. были Льюс и Райффа. Но как вы сказали, они не упоминали о «народной теореме». Шубик в своей книге «Стратегия и структура рынка» (Strategy and Market Structure), изданной в 1959 г., приводит частный случай использования «народной теоремы» с доказательством, которое, можно сказать, уже имело зачатки общего доказательства теоремы.

В те времена ученые не всегда публиковали все, что знали. На самом деле они публиковали только небольшую часть из того, что было известно, только по-настоящему глубоко проработанные результаты или что-либо действительно интересное и нетривиальное с математической точки зрения. Это на самом деле не является самым правильным подходом. Некоторые из открытий, которые являлись наиболее важными, с позиции математика могли выглядеть как тривиальные.

Харт: Помню, как-то во время занятия вы вдруг застряли на середине

доказательства. Вы вышли, затем вернулись, но в глубокой задумчивости. Затем вы снова вышли. В конце концов минут через двадцать вы вернулись и сказали: «Это же тривиально».

Ауманн: Да, я застрял и задумался. Поначалу студенты вели себя тихо, но затем стали шуметь, и чем дальше, тем больше, и я не мог сосредоточиться. Я вышел, стал ходить по коридору взад-вперед и ответ нашелся. Я вернулся и сказал, что это тривиально, чем вызвал у студентов смех. Поэтому, я бы сказал, что понятие «тривиальный» не очень правильное.

Возьмите хотя бы что-нибудь типа диагонального метода Кантора. Сегодня его можно было бы назвать тривиальным, и иногда он действительно тривиален. Но очень важно помнить, что, например, в основе известной теоремы Гёделя о неполноте лежит именно он.

Харт: «Тривиально в объяснении» и «тривиально в получении» — это разные вещи. На практике это приводит к некоторой неразберихе. Что-то можно просто объяснить, как только вы получили это. С другой стороны, додуматься до этого и это понять бывает очень сложно.

Ауманн: Да, правильная формулировка может иметь большое значение. Диагональный метод показывает, что даже в рамках чистой математики что-то тривиальное может быть важным. Конечно, кроме этого существует много различных наблюдений, которые с математической точки зрения являются тривиальными — например, «народная теорема». Я знал об этой теореме еще в конце пятидесятых, но был слишком молод, чтобы осознать ее важность. Мне хотелось чего-то более сложного, и в итоге я это опубликовал в 1959 г. (Aumann, 1959). Это была неплохая работа, моя первая серьезная работа по теории игр, которая была опубликована. Но «народная теорема», несмотря на то, что она намного проще, имеет большее значение. Поэтому важно осознавать, что на самом деле важно. Тогда для этого я был слишком молод. Возможно, что другие знали это. Кто-то уже размышлял на тему повторяющихся игр, динамических игр, долгосрочного взаимодействия. Есть стохастические игры Шепли, рекурсивные игры Эверетта, практика компании Gillette и т.д. Я не был единственным, кто занимался темой повторяющихся игр. Любой, кто хотя бы немного интересуется повторяющимися играми, особенно если это математик, он очень скоро наткнется на «народную теорему».

401

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Харт: Это было в 1959 г. Что было дальше?

Ауманн: В начале 1960-х гг. Моргенштерн и Кун основали консалтинговую фирму, которую назвали Mathematica, со штаб-квартирой в Принстоне. Не путайте с названием программного обеспечения, которое сегодня носит такое же имя (имеется в виду продукт компании Wolfram Research. — *Прим. пер.).* В 1964 г. они начали сотрудничать с Управлением по контролю над вооружениями и разоружением США. Майк Машлер работал с ними на самом первом проекте по инспектированию. Всем понятно, что существует некая игра между инспектором и инспектируемым, который хотел бы скрыть, чем он занимается. Майк много сделал в этом направлении. Над этим также работали и другие ученые, в том числе Фрэнк Энскомб. Первый проект начался в 1964 г., а второй, более масштабный, в 1965 г. Второй проект касался Женевского соглашения о разоружении, ряда соглашений с Советским Союзом

о контроле над вооружением и реализацией программы разоружения. Над этим проектом работали Кун, Жерар Дебрё, Герберт Скарф, Рейнхард Зельтен, Джон Харшаньи, Джим Мейберри, Машлер, Дик Штернс (присоединился к команде чуть позже) и я. Машлера и меня поразило то, что эти соглашения принимались постоянно и это позволяло использовать модель повторяющейся игры. Единственное отличие от теории образца конца 1950-х гг., которую мы уже обсуждали выше, состояло в том, что это были повторяющиеся игры в условиях неполной информации. Мы не знали точного количества оружия у русских, а те в свою очередь не знали, сколько его у нас. И то. что мы — Соединенные Штаты — предложили бы включить в соглашение, могло повлиять на то, что русские подумали или узнали бы о том, что у нас есть. Это повлияло бы на их действия в следующих раундах переговоров.

Харт: Вы раскрываете какую-то информацию о себе. Например, какое-то действие, оптимальное в краткосрочной перспективе, может раскрыть вашему оппоненту реальные сведения о вас, и таким образом в долгосрочной перспективе нанести вам вред.

Ауманн: Совершенно верно. Данный информационный аспект отсутствует в предыдущей работе, где все было на поверхности, и все вопросы касались того, как поведение повлияет на будущее взаимодействие. Здесь же вопрос в том, как чье-то *поведение* повлияет на *знание* другого игрока. Поэтому Машлер и я, а позднее и присоединившийся к нам Штернс, создали теорию повторяющихся игр в условиях неполной информации. Эта теория была изложена в нескольких отчетах, вышедших в 1966-1968 гг., но которые в течение многих лет были недоступны.

Харт: Но не для тех, особенно страстных, поклонников теории, которые распространяли пиратские копии, отпечатанные на ротапринте. Но и их было очень трудно достать.

Ауманн: В конце концов в 1995 г. они вышли в издательстве MIT Press (Aumann, Maschler, 1995) вместе с подробными комментариями, в которых

описывалось, что происходило начиная с конца 1960-х гг. Это был просто огромный труд. Серьезная с математической точки зрения работа в этом направлении стала проводиться в начале 1970-х гг. в Бельгии в CORE и в Израиле, в большинстве своем моими студентами, а затем и их студентами. Позднее она распространилась на Францию, Россию и далее. И процесс идет до сих пор.

Харт: Какое открытие вы считаете самым важным?

Ауманн: Каждый раз, когда пытаешься выразить это в двух словах, остается некоторое ложное представление об этом. Но я попробую. В долгосрочной перспективе вы не можете использовать информацию, не раскрывая ее; вы можете использовать информацию только в том объеме, в котором сами желаете ее раскрыть. Игрок, имеющий информацию, не подлежащую огласке, должен сам выбрать между неиспользованием данной информации — и тогда он ее не раскрывает — и использованием ее со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это очень сложный выбор.

Харт: Кроме того, в ситуации с ненулевой суммой вы можете *захотеть* передать информацию другой стороне; это может быть обоюдовыгодным. Вопрос в том, как сделать, чтобы вам при этом поверили, или, выражаясь

техническим языком, как сделать передачу информации процессом совместимым и побуждающим к действию.
Ауманн: Суть дела не меняется. В этом случае вы можете использовать информацию, только если вы готовы раскрыть ее, а также если вы действительно *хотите* это сделать. Раскрытие информации на самом деле может иметь позитивный эффект. Тогда вы используйте ее *и* обнародуйте.
Харт: Вы упомянули работу Милнора-Шепли по «океаническим играм». Я хотел бы остановиться на ней немного подробнее. Она подтолкнула вас к созданию еще одной большой работы под названием «Рынки с континуумом участников» (Aumann, 1964): моделирование совершенной конкуренции с помощью континуума.
Ауманн: Как я уже говорил, в 1960-1961 гг. «Океанические игры» (Oceanic Games) Милнора-Шепли пришлись мне по душе. Они рассматривали игры как некий «океан» — сегодня мы называем это континуумом — мелких игроков и небольшое количество больших игроков, которых они называли атомами. Затем осенью 1961 г. на конференции с участием Генри Киссинджера и Ллойда Шепли, Герберт Скарф выступил с лекцией на тему больших рынков, где речь шла о счетной бесконечности игроков. Перед этим, в 1959 г., вышла книга Мартина Шубика «Игры рынка Эджворта» (Edgeworth Market Games), где он соединил С-ядро игры большого рынка и конкурентное равновесие. В некотором роде модель Скарфа не совсем удовлетворяла условиям, и Герберт это понимал. В конце концов он вместе с Дебрё в своей работе, опубликованной в *International Economic Review* в 1963 г., вывел намного более удовлетворяющую условиям версию. Ее суть заклю-

чалась в том, что при определенных допущениях ядро большой экономики имеет склонность к конкурентному решению, к которому ведет закон спроса и предложения. Я слышал выступление Скарфа, и как уже сказал, формулировка была не совсем удовлетворительной. Я сопоставил ее с результатами исследований Милнора и Шепли в области «океанических игр» и понял, что последний подход, должно быть, является более правильным при рассмотрении подобной ситуации: континуум вместо счетной бесконечности, которую использовал Скарф. Потребовалось достаточно много времени для того, чтобы все это свести воедино, но в конечном итоге я вывел общую теорему о континууме участников. В теореме всего несколько допущений, и она не представляет собой какой-то предельный результат. Она просто говорит, что ядро большого рынка *идентично* множеству конкурентных результатов. Эта работа была опубликована в *Econometrica* в 1964 г. (Aumann, 1964).
Харт: Несомненно, введение идеи континуума в экономическую теорию уже было признано необходимым для развития дисциплины. Точно так же как и в большинстве естественных наук, это позволяет проводить точный и строгий анализ, который иначе очень трудно и даже невозможно провести.
Ауманн: Континуум — это некое приближение к «действительности», когда число участников велико, но все же имеет предел. Цель непрерывного приближения — сделать доступными убедительные и весьма элегантные методы раздела математики, называемого «анализом», когда исследование с помощью конечных методов было бы намного сложнее и даже бессмыс-

ленно — попробуйте использовать механику жидкости для решения задачи n тел для больших n.

Харт: Континуум — это лучший способ понять, что происходит. Если у вас это есть, то вы можете использовать приблизительные значения и получить предельные результаты.

Ауманн: Да, подобные аппроксимации, сделанные с помощью идеи конечных рынков, стали одной из наиболее активно обсуждаемых тем конца 1960 — начала 1970-х гг. Вслед за работой, увидевшей свет в 1964 г., в *Econometrica* в 1966 г. выходит статья, посвященная существованию конкурентного равновесия на рынках с континуумом участников. В 1975 г. появилась статья о ценностях таких рынков, также в *Econometrica* (Aumann, 1975). Позже вышло еще несколько работ — написанных самостоятельно и в соавторстве — в которых я использовал идею континуума (Aumann, 1973, 1980: Aumann, Kurz, 1977a,b; Aumann, Gardner, Rosenthal, 1977; Aumann, Kurz, Neymann, 1983, 1987), а также написанных Вернером Хильденбрандом и представителями его школы и многими, многими другими.

Харт: До того как в 1975 г. вышла ваша работа, вы вместе с Шепли разработали теорию определения значений для неатомических игр (Aumann, Shapley, 1974), благодаря которой было написано огромное количество

научных трудов. Многие из ваших студентов работали по данной теме. Кстати, а что такое неатомическая игра? По этому поводу есть одна забавная история, когда секретарь, увидев название выступления «Значения для неатомических игр» (Values of nonatomic games), подумала, что в нем пропущено слово и написала «Значения для безатомных военных игр» (Values of nonatomic war games). Так что же

такое неатомические игры?

Ауманн: Это не имеет абсолютно никакого отношения к войне и разоружению. Наоборот, во время войны обычно есть две противоборствующие стороны. «Неатомический» же означает обратное — когда есть некий континуум сторон с очень большим числом игроков.

Рис. 15.3. Вернер Хильденбранд и Боб Ауманн. Обервольфах, 1982 г.

Харт: И никто из них не является атомом.

Ауманн: Совершенно верно: это то, о чем я говорил выше. Это похоже на «океанические игры» Милнора и Шепли. Только там были атомы — «большие» игроки, а в неатомических играх нет больших игроков. Здесь есть *только* мелкие игроки. Но в отличие от идеи Милнора-Шепли мелкие игроки могут быть разными, а «океан» не является гомогенным. Основная особенность заключается в том, что никто из игроков сам по себе никакого особого вклада в игру не вносит. Например, неатомическая игра это большая экономика, состоящая только из мелких покупателей и маленьких фирм-продавцов, без больших корпораций или вмешательства государства. Другой пример, выборы, смоделированные как ситуация, когда один человек не может повлиять на исход. Даже выборы президента США в 2000 г. — это была неатомическая игра, поскольку ни один избиратель, даже во Флориде, не мог повлиять на исход. (Люди, которые повлияли на исход выборов, заседали в Верховном суде.) В неатомической игре большие коалиции могут повлиять на исход игры, но отдельные игроки нет.

Харт: А что по поводу цен?

Ауманн: Концепция цены в теории игр заключается в априорной оценке того, что может ждать игрока или группу игроков, если они выйдут из игры. В 1 953 г. Ллойд Шепли представил свою формализацию этого, которая, на мой взгляд, является пока наиболее выдающейся из того, что есть.

Иногда, например, при голосовании, цена представляется как показатель степени (Шепли и Шубик, 1959 г.). Я уже упоминал выше результаты исследований 1975 г., которые продемонстрировали, что показатели больших экономик и конкурентные результаты рынка идентичны (Aumann, 1975). У меня были и предшественники, первым из которых был меморандум Шепли, опубликованный в 1964 г. в RAND.

Харт: Значения для неатомических игр и их практическое использование в экономических моделях породили огромное количество научных работ.

Еще одно известное ваше открытие — концепция коррелированного равновесия (*Journal of Mathematical Economics,* 1974 г. (Aumann, 1974)). Как она возникла?

Ауманн: Коррелированное равновесие похоже на равновесие Нэша в смешанных стратегиях, за исключением того, что рандомизация игроков

в этом случае не должна быть независимой. Если честно, я даже не знаю, как все началось. Возможно, это связано с повторяющимися играми и опосредованно — с общей теорией выбора равновесия в играх Харшаньи и Зельтена. В конце 1960-х гг. эти идеи витали в воздухе, особенно на совещаниях группы в Mathematica, работавшей с Управлением по контролю за вооружениями и разоружением. В «битве полов», например, если вы собираетесь выбрать *одно* равновесие, это должно быть равновесие в смешанных стратегиях, которое хуже для *обоих* игроков, чем *другой* вариант - двух «чистых» равновесий. Поэтому вы говорите: давай бросим монету и решим, какую из этих двух «чистых» равновесий выбрать. Как только игроки бросают монету, они оба стараются придерживаться выбранного равновесия. Весь процесс, включая бросание монеты, находится в рамках равновесия. Это равновесие намного лучше, чем уникальное равновесие на основе смешанной стратегии, поскольку оно гарантирует, что мальчик и девочка точно встретятся либо на боксе, либо на балете, тогда как при равновесии в смешанной стратегии они могут пойти куда угодно.

С повторяющимися играми тот же результат получается при выборе альтернативного решения: один вечер — бокс, другой — балет. Конечно, таким образом мы только попадаем в выпуклую оболочку равновесий Нэша.

Это выглядит довольно очевидно. Следующий же шаг менее очевиден. Мы переходим к игре с тремя игроками, где двое «дружат» против третьего (Aumann, 1974, примеры 2.5 и 2.6). И это находится уже *за пределами* выпуклой оболочки равновесий Нэша. Написав это, я понял, что те же определения подходят и для игр с двумя игроками: они также могут вести за пределы выпуклой оболочки равновесий Нэша.

Харт: Таким образом, корреляционное равновесие возникает тогда, когда игроки получают сигнал, что им нет необходимости сохранять свою

независимость. Говоря о сигналах и информации, что вы можете сказать об общем знании и работе «Согласие не согласиться» (Agreeing to Disagree)?

Ауманн: В первоначальной работе по корреляционному равновесию также обсуждается вопрос «субъективного равновесия», когда у разных игроков разная степень вероятности наступления события. Эта разность может возникнуть в результате различий в информации. Но если один игрок знает, что у другого игрока степень вероятности отличается от его, он может захотеть ее скорректировать. Но неясно, приведет ли процесс корректировки обязательно к тому, что степени вероятности сравняются. Я поднял этот вопрос и в итоге оставил его открытым (Aumann, 1974, раздел 9j). Конечно, даже формулировка вопроса выглядит довольно мрачно.

Я обсуждал эту тему с Эрроу и Фрэнком Ханом на летнем семинаре в IMSSS (Институт математических исследований в социальных науках и экономике при Стэнфордском университете) в начале 1970-х гг. Мы сидели в маленьком кабинете Фрэнка Хана на четвертом этаже Стэнфордского Encina Hall, где располагался тогда экономический факультет. Я пытался обрисовать проблему — не решение, а просто формализацию. Обсуждение ее с ними, и даже просто описание проблемы для них — помогли вообще прояснить дело. Я вернулся в свой кабинет, сел и продолжил свои размыш-

ления. Вдруг все ко мне пришло как вспышка — определение общего знания, характеризация с точки зрения информационных разбиений и теорема о согласии. Если в двух словах, это звучит следующим образом: если вероятности события для двух людей одинаково известны обоим, то они *обязаны* быть равны. Еще два дня заняло написание связного доказательства. Доказательство казалось совершенно очевидным. Все вместе — определение, характеризация и доказательство — заняло меньше страницы.

Это действительно выглядело столь очевидным, что представлялось почти невозможным публиковать данное открытие. Я вернулся и рассказал об этом Эрроу и Фрэнку Хану. Вначале Эрроу не поверил, но затем, посмотрев доказательство, согласился. Я поделился своими сомнениями, можно ли это публиковать. Он настойчиво начал убеждать меня, что публикация необходима. В итоге я так и сделал (Aumann, 1976). Эта работа стала одной из двух самых цитируемых моих статей.

Шесть или семь лет спустя я узнал, что философ Дэвид Льюис дал определение общего знания еще в 1969 г. и, что самое удивительное, использовал для него тот же термин. Вне всякого сомнения, Леви имеет здесь приоритет. Однако он не додумался до теоремы о согласии.

Харт: Теорема о согласии удивительна и играет важную роль в науке. Но ваша простая и элегантная формализация общего знания имеет еще большее значение. Она стала предвестником появления такой области, как «интерактивная эпистемология» — познание знаний других людей. Ваше открытие стало катализатором написания огромного количества работ не

только по теории игр и экономике, но и в области компьютерных наук, философии, логике. Она дала возможность проводить анализ таких сложных вопросов, как рациональность, и всех вопросов, связанных с равновесием. Что самое интересное, это практически вернуло вас назад, к коррелированному равновесию.

Ауманн: Совершенно верно. В 1987 г. вышла моя работа, посвященная этим проблемам (Aumann, 1987). Идея общего знания действительно дает «правильную» формулировку коррелированного равновесия. Это не является неким скрытым расширением равновесия Нэша. Наоборот, она говорит о том, что если люди просто наиболее оптимальным образом реагируют на имеющуюся у них информацию — и это всем известно, — то они достигают коррелированного равновесия. Но равновесие здесь — не главное. Коррелированное равновесие — это не более чем просто общее знание рациональности, а также общих приоритетов.

Харт: Давайте поговорим о вашей работе в Еврейском университете. Вы приехали сюда в 1956 г. и до сих пор здесь.

Ауманн: Я вам кое-то скажу. Математическая теория игр является составляющей прикладной математики. Когда я был студентом, многие «чистые» математики относились к прикладной математике с высокомерием. Он просто воротили нос и смотрели на все это свысока.

Харт: В те времена в большей степени прикладной была физика.

Ауманн: Даже на гидродинамику и тому подобное все смотрели свысока. Теперь такого нет и нельзя сказать, что это продолжалось долго, но в конце 1950-х гг., когда я начал работать в Еврейском университете, в мате-

матическом мире еще существовало такое понятие, как «мода». Однако в Еврейском университете я не чувствовал себя в этом отношении каким-то изгоем, как и во всех других вопросах. Теорию игр там воспринимали всерьез, считая, что она заслуживает внимания и имеет большое значение для науки. И Арье Дворецкий, который способствовал моему переезду сюда, и Абрахам Френкель (теория множеств Цермело-Френкеля), возглавлявший факультет математики, были сторонниками теории игр. Это была одна из причин, почему я оказался в Еврейском университете. Дворецкий к тому же сам немного занимался теорией игр.

Харт: Давайте сразу перейдем к 1991 г., когда при Еврейском университете был основан Центр изучения рациональности.

Ауманн: Я даже и не знаю, чье это было детище — Йорама Бен-Пората, или Менахема Йаари, или обоих сразу. Так или иначе, Бен-Порат, ректор университета, попросил Йаари, Итамара Питовского, Мотти Перри и меня написать свои предложения по поводу создания центра изучения рациональности. Непонятно было даже, как назвать такой центр. Что-то связанное с теорией игр, экономикой, философией. Мы провели кучу встреч. В конце концов получился Центр изучения рациональности, который вы, Серджиу.

возглавляли первые восемь лет. И именно благодаря вам он заработал, именно вы вдохнули в него жизнь. Центр действительно уникален тем, что он совместил в себе много разных дисциплин. Во всем мире всего несколько исследовательских центров, которые занимаются вопросами теории игр. Обычно их создают при экономических факультетах: Фонд Коулза в Йеле, Центр исследования операций и эконометрики при Лувенском католическом университете в Бельгии, Институт математических исследований в социальных науках и экономике при Стэнфордском университете. Центр изучения рациональности при Еврейском университете значительно отличается от них: его интересы намного шире. Базовая идея — «рациональность»: поведение, которое защищает чьи-то интересы. Это затрагивает многие академические дисциплины и существует в различных контекстах. Членами Центра являются представители разных областей: математики, экономики, компьютерных наук, эволюционной биологии, общей философии, философии науки, психологии, права, статистики, бизнес-образования и общего образования. У нас нет среди членов ни одного представителя от политологии. И это наше упущение, поскольку это своего рода «дыра» в нашей программе. Нам также не мешало бы иметь в членах кого-нибудь от медицины, потому что это область, где рациональное поведение максимизации полезности имеет очень большое значение и где, как я вижу, есть вопросы для изучения. Но на сегодняшний день у нас нет никого от медицины. Никто в мире даже близко не подошел к тому, что имеет Центр изучения рациональности, — настолько широк спектр дисциплин, которые в нем изучают.

Но несмотря на всю широту охвата, деятельность Центра достаточно сфокусирована. Это могло бы показаться неким противоречием — широта и сфокусированность, но в нашем Центре есть и то, и другое. Здесь представлено большое количество различных дисциплин, и одновременно мы концентрируем свое внимание в них только на вопросах присутствия или

отсутствия рациональности, своекорыстного поведения. Мы берем все эти дисциплины, исследуем определенный сегмент каждой из них, а затем смотрим, насколько эти сегменты подходят друг другу.

Харт: Не могли бы привести пару примеров для читателей журнала? Они, возможно, даже удивятся, услышав о некоторых взаимосвязях.

Ауманн: Попробую. Давайте посмотрим некоторые варианты применения идеи рациональности. В компьютерных науках есть такое понятие, как распределенные вычисления, где существует много разных процессоров. Проблема состоит в том, чтобы скоординировать работу этих процессоров, число которых может достигать сотен тысяч и каждый из которых работает сам по себе.

Харт: То есть каким образом процессоры, которые работают децентрализовано, достигают общей цели?

Ауманн: Совершенно верно. Еще один вариант использования — защита компьютеров от хакеров. Это очень жесткая игра. Все как на войне, и ставки очень высоки, но это все же игра. Это другой вариант взаимосвязи между компьютерами и теорией игр.

Еще один вариант связан с компьютерами, которые предлагают игры, создают и воспроизводят игры — как, например, аукционы — главным образом, в Интернете. Это варианты использования компьютеров в играх, тогда как до этого мы обсуждали использование игр в компьютерных науках.

Другой пример — биология. Кому-то может показаться, что теория игр к ней никоим образом не относится. Но они ошибаются. Здесь есть игры! У Ричарда Докинса есть книга «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene). В ней он рассматривает, как эволюция заставила организмы действовать исходя из собственных интересов, рационально. Все дело в том, что выживают только наиболее приспособленные организмы. И если гены организмов, возникающие по ходу эволюции, не оптимальны, действуют не так хорошо, как другие гены, в итоге у них нет шансов выжить. Существует масса возможностей для использования выводов, сделанных на основе теории игр и идей рациональности в эволюционной биологии.

Экономика, безусловно, основная область применения теории игр. Все началось с книги фон Неймана и Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» (The Theory of Games and Economic Behavior). В экономике предполагалось, что люди действуют, исходя из цели максимизировать свою выгоду, по крайней мере, пока не пришли Тверски и Канеман и не сказали, что люди необязательно всегда действуют, только исходя из собственных интересов. Это один из примеров того, каким образом представлена психология в Центре изучения рациональности — изучением иррациональности. Но вопрос все же в проблеме рациональности. Мы подискутируем с Канеманом и Тверски, а также представителями новой школы «поведенческой экономики» чуть позже. В самом деле, сам термин «поведенческая экономика» уже уводит нас в сторону от проблемы. Вопрос же заключается в том, действительно ли люди себя так ведут или нет.

Мы говорили о применении теории игр в компьютерных науках, психологии, экономике, политике. В области международных связей также очень широко используется теория игр, и это мы уже обсуждали, когда говорили

о Киссинджере. Есть еще и национальная политика, в частности различные избирательные системы. Например, Израиль в настоящее время бьется над этой проблемой. Я только что вернулся из Парижа, встретил там Майкла Балинского. Он также поведал мне о проблемах с выборами в Америке. Очевидно, что в Америке слишком много разного рода предвыборных махинаций, и это становится действительно большой проблемой для страны. Таким образом, не только мы в Израиле боремся с проблемой, как провести выборы.

Еще один момент связан с формированием правительственной коалиции: если она слишком мала — коалиция необходима лишь для победы на выборах премьер-министра — она будет нестабильна; если она слишком большая, то на премьер-министра в итоге будет практически невозможно оказать влияние. Как найти в этом случае правильный баланс?

Право. Все больше и больше мы сталкиваемся с темой экономики и права, права и теории игр. Изучают то, как законы влияют на поведение людей, поведение правонарушителей, поведение полиции. Все это связано со своекорыстным, рациональным поведением.

Харт: Это все касается Центра изучения рациональности. Знаю, что это не по теме, но все же спрошу вас об этом. Вы глубоко верующий человек. Как это соотносится с рациональным подходом к миру? Как соотнести науку и религию?

Ауманн: Да, это немного не по теме, но я отвечу. Прежде всего я бы хотел обратить ваше внимание на то, что видение мира с позиции науки существует лишь в наших умах. Если вы внимательно приглядитесь, то поймете, что в реальном мире в этом нет ничего особенного. Например, возьмем утверждение, что «Земля круглая». Это выглядит как очень простое утверждение, которое может быть как верным, так и ошибочным. А круглая ли Земля или нет?! А может быть она квадратная, или в форме эллипса или еще какая?! Но когда вы начинаете размышлять на эту тему, то получается, что это очень сложное утверждение. Что значит круглая? Это значит, что есть некая точка — «центр» Земли, и любая точка на поверхности Земли будет находиться на таком же расстоянии от центра как и любая другая точка на поверхности Земли. Теперь это звучит немного сложнее. Но все только начинается. Что мы вообще подразумеваем под «одинаковым расстоянием»? И здесь вам потребуется понятие расстояния между двумя точками. А это довольно сложная вещь, даже если мы говорим о мяче, который мы можем удержать в руках, поскольку необходимо будет взять линейку и измерить расстояние между двумя точками. Но когда мы говорим о Земле, то все еще больше усложняется, потому что невозможно измерить линейкой расстояние от центра Земли до ее поверхности. Проблема еще в том, что мы не можем добраться до центра Земли. Даже если бы мы могли его найти, мы все равно не смогли бы до него добраться. И, естественно, мы не смогли бы найти такую большую линейку. Поэтому, чтобы у всего это было какое-то практические значение, мы вынуждены использовать какую-то сложную теорию. Даже если у нас четыре точки, и мы говорим, что расстояние между A и B такое же, как между C и D, то это уже выглядит довольно сложно. Возможно, линейка изменится. Для того, чтобы осмыслить это очень простое утверж-

дение — что Земля круглая — мы используем большую теорию и многочисленные идеи. Не поймите меня неправильно. Мы все согласны, что Земля круглая. Я лишь хочу сказать, что это понятие существует в наших умах. Это

продукт очень сложного множества идей — идей, которые бродят в головах людей. Поэтому я рассматриваю науку и даже какие-то довольно простые вещи как существующие в нашей голове; тем более такие вещи, как гравитация, выделяемая звездой энергия или даже понятие «вида». Да, мы оба являемся представителями вида homo sapiens. Но что это значит? Очевидно, что мы отличаемся друг от друга. У меня борода длиннее, чем у вас. Что в действительности означает «вид»? Что на самом деле означают слова «сидящий здесь Боб Ауманн»? Это такой же Боб Ауманн, каким он был пять минут назад? Все это очень сложно. Идентичность, все, о чем мы обычно задумываемся, на самом деле представляют собой сложные понятия, которые существуют у нас в голове, они не представляют собой чего-то из ряда вон выходящего. Наука построена таким образом, чтобы удовлетворять определенные потребности, возникающие у нас в голове. Она описывает *нос*. Она связана с реальным миром, но эта связь очень и очень непростая.

Вот я и подошел к ответу на ваш вопрос. Религия очень сильно отличается от науки. Основная идея религии построена не на том, каким образом мы моделируем реальный мир. Я нарочно использую слово «моделировать». Религия — это некий опыт в большей степени эмоциональный и эстетический. Она не ищет ответа на вопрос, например, существовала ли Земля 5765 лет назад. Когда вы играет на пианино или идете в горы, противоречит ли это вашим научным взглядам? Естественно, что нет. Эти две вещи почти — но не полностью — ортогональны. Туризм, лыжи, танцы, воспитание детей. Вы всем этим спокойно занимаетесь, а это почти ортогонально вашим научным взглядам. То же самое касается и религии. Здесь нет противоречия, она ортогональна. Вера — это, безусловно, важная составляющая религии, но в науке свои подходы к осмыслению того, что представляет собой мир. а в религии — свои. И то, и другое сосуществуют друг с другом, не вступая между собой в конфликт.

Харт: Мир населен рациональными игроками. Это согласуется с религиозной точкой зрения?

Ауманн: Да, вполне. В религии много внимания уделяется вопросу сосуществования с ближними. В религии много говорится о том, что необходимо хорошо относиться друг к другу. Мы можем это рассматривать в религиозном контексте — почему это необходимо делать; а можем рассматривать с научной точки зрения — с позиции повторяющихся игр, о которых мы говорили выше; а можем — и с эволюционной. Существуют разные подходы к осмыслению одного и того же явления, и здесь нет противоречий. Всецело рациональные игроки могли бы быть глубоко верующими людьми: религия отображает иные стимулы.

Харт: Это относится к межличностным взаимосвязям. Но нет ли здесь еще одного игрока — Бога или чего-то, что не поддается осмыслению с рациональной точки зрения — еще одного, но нерационального игрока?

Ауманн: Я отвечу так — каждый игрок должен смотреть за своими действиями. При обсуждении законов, правил, по которым мы живем, Талмуд порой говорит, что за определенные поступки суд здесь, на Земле, не наказывает человека, но за них он может понести наказание на Небесах, а затем подробно описываются возможные наказания. Изредка во время таких дискуссий кто-нибудь может сказать: «Хорошо, но мы можем только определить, какова будет реакция суда на то или иное действие человека. Мы не можем диктовать свою волю Небесам, как реагировать на определенное действие человека, и поэтому бесполезно это и обсуждать». Конец дискуссии. Как человек верующий я должен спросить себя, а как я поступлю. Я не могу обсуждать рациональность или иррациональность Бога.
Харт: Вопрос не в рациональности или иррациональности данного игрока, Бога, а в том, как данный игрок влияет на то, что делают другие игроки и каким образом рациональные игроки могут это учитывать. Попробую объяснить это на более простом уровне. Вы сказали, что не знаете, как будут реагировать Небеса. Так как же я могу принимать рациональные решения, если я не знаю этого?
Ауманн: Мы не знаем, какова будет реакция Небес, но у нас есть правила, которыми мы должны руководствоваться. У нас есть Пятикнижие, Тора, Талмуд.
Харт: Я говорю больше о философии, а не о практической стороне вопроса. Вопрос в том, что данный игрок не сводится к стандартным земным доводам или стандартному осмыслению. Потому что если бы это было так, он не был бы особой сущностью, каковой является Бог. Тем не менее он часть мира. И он не только часть мира, но он еще и важная составляющая мира религии. Он не просто игрок, он главный игрок. И он не только главный игрок, он игрок, которого по определению невозможно свести до рационального анализа.
Ауманн: Я бы не сказал, что Он иррационален. Кстати, интересно, что эти вопросы возникают у нас с вами сегодня, поскольку вчера я натолкнулся в Торе на один отрывок. «Эта заповедь, которую я открываю тебе сегодня, находится рядом с тобой. Она не на Небесах, чтобы кому-то пришлось спрашивать: «Кто вознесется на Небеса и возьмет ее и поведает нам об этом?» (*Второзаконие* 30, 11-12). Эти слова в Талмуде, как было сказано в последнем анализе его, были интерпретированы как наставления в Торе. Религиозные заповеди, Священное Писание должны интерпретироваться людьми — мудрецами — в каждом поколении. Таким образом люди должны придать практическое значение Торе. В Талмуде приводится история о несогласии одного из мудрецов — рабби Элиэзера Бен Хорканоса с остальными мудрецами. Как-то мнение рабби Элиэзера по одному вопросу не совпало с мнением остальных мудрецов. Тогда он сказал: «Если я прав, пусть вода в акведуке потечет вверх». И — о чудо! Вода начала течь вверх. Осталь-

ные мудрецы сказали, нам жаль, но направление течения воды в акведуке не может изменить существующий закон. Все определяет мнение большинства. Он совершил еще несколько чудес — Небеса были на его стороне. Так или иначе, его мнение не принимали во внимание. Каждый раз большинство отвергало его предложение, заявляя, что оно не подходит. В конце

концов он сказал: «Если я прав, пусть голос с Небес скажет это». И конечно же, голос с Небес спросил: «Почему вы спорите с рабби Элиэзером? Ведь все, что он говорит, это правда». И вновь большинство мудрецов отклонили его предложение, процитировав стих, о котором я говорил выше. Тора дана *ном* Небесами, и теперь это *наша* прерогатива —интерпретировать ее. В продолжении истории один из мудрецов, как-то встретив пророка Элайджу (который никогда не умирал, а возносился на Небеса, а потом вновь спускался на Землю), спросил того, был ли он на Небесах в тот момент, когда все это случилось. Элайджа сказал, что был. Тогда мудрец спросил, а как отреагировал Бог на то, что земные мудрецы отвергли его мнение. На что Элайджа ответил, что Бог улыбнулся и сказал «Мои дети победили меня». Это пример того, что стоит за образом Бога, — назовите это моделью, образом мыслей, образом жизни. Это похоже на то, что, грубо говоря, происходит на Земле. Бог — это образ мыслей о том, как мы живем; переведенный в практическую плоскость, он рассказывает нам, как люди должны жить.

Харт: Очень интересно. Попробую все суммировать. С одной стороны, есть некий эмоциональный и эстетический опыт, который я могу очень ясно представить, когда идешь на концерт или видишь что-нибудь удивительно прекрасное. С другой стороны, религия диктует определенные правила поведения. И эти правила сформулированы не очень четко. Их интерпретировали сами люди. Во-вторых, эти правила можно объяснить с рациональной точки зрения. Как например в вашей с Майклом Машлером работе (Aumann, Maschler, 1985), где вы с позиции теории игр интерпретируете отрывок из Талмуда, который никто не мог понять, и вдруг все становится предельно ясно. И вы говорите, что существуют правила, хорошие правила. И они хороши не только потому, что их завещал нам Бог. Мы можем не понимать истинных причин их существования, но если мы начнем копать глубже, анализировать, возможно, мы их найдем. Более того, если люди следуют этим правилам, возможно, это сделает общество лучше — улучшение по Парето. Так?

Ауманн: Это ваша интерпретация. Позвольте мне немного расширить ее. Соблюдение шабата — это прекрасно, но это невозможно, если вы неверующий человек. Это даже не вопрос улучшения общества, это вопрос улучшения качества вашей собственной жизни. Например, скажем, я решил совершить поездку спустя пару часов после шабата. Любой другой человек потратил бы день, собирая вещи, сходил бы в офис, отдал бы последние

указания, сделал бы последние звонки и т.п. Для меня же это не вопрос. Я делаю все в пятницу, а сегодня шабат. Внешний мир для меня умер.

Харт: Хороший пример. Моя жена на самом деле много раз говорила, после того как кто-нибудь неожиданно приходил к нам в гости в субботу, или нам было необходимо куда-то идти и что-то делать: «Почему бы нам не стать верующими и не сделать субботу тихим спокойным днем?!» Поэтому я могу себе представить преимущества иметь такой день для настоящего отдыха.

Ауманн: Пятница, накануне шабата, для человека, который ведет домашнее хозяйство и который должен подготовить дом к шабату. очень су-

матошный день. В Израиле в пятницу, как в остальном западном мире в субботу, большинство офисов закрыто. В Израиле это короткий рабочий день. Но для верующих людей, особенно для домохозяек это очень активный день. У нас в Центре изучения рациональности есть серия семинаров под названием «Рациональность по пятницам». Моя жена любит повторять, что она могла бы понять рациональность в любой другой день, но *не* в пятницу.

Таким образом, у нас есть один день в неделю, когда ничто нам не может помешать, когда мы закрываемся от внешнего мира. Мы не отвечаем на телефонные звонки, мы не пользуемся электричеством, мы не водим машину.

Харт: Самостоятельно включающийся механизм, если так можно выразиться с точки зрения рациональности.

Ауманн: Именно самостоятельно включающийся механизм. Еще один пример. Лет пятнадцать-двадцать назад было такое время, когда многие люди, включая преподавателей университетов, спокойно смотрели на то, чтобы украсть нужную им компьютерную программу. Как-то мне понадобилась одна программа, и я начал думать, а не «украсть» ли мне ее. — разработчики запрещали делать ее копию. Тогда я сказал себе, зачем ты ломаешь над этим голову? Ты же верующий человек. Сходи к раввину и спроси его об этом. Я не должен беспокоиться о таких вещах, потому что моя религия говорит мне. что и как делать. И я пошел к раввину — очень известный и праведный человек, свидетель Холокоста. Я подумал, что он даже не знает что такое компьютерные программы, и мне придется ему это объяснить. Возможно, в Талмуде есть правило, по которому интеллектуальная собственность в действительности не является собственностью. Но что бы он ни сказал, я сделаю так, как он скажет. И я пришел к нему. Он сказал, чтобы я спросил зятя. Я ответил, что нет, я спрашиваю *его*. Он попросил меня прийти через несколько дней. Одним словом, я приходил к нему снова и снова. Он не хотел отвечать на мой вопрос. В конце концов я настоял на своем и он мне сказал: «Хорошо, если ты действительно хочешь знать, то этого делать нельзя». И я купил программу.

Мораль такова, вы можете быть высоконравственным человеком, но моральные принципы зачастую двусмысленны. В 1980-е гг. использование пиратской копии компьютерной программы многими считалось нормой.

Я хочу сказать, что религия — по крайней мере моя религия — это своего рода сила, способ нести обязательства вести себя определенным образом, что хорошо как для самого человека, так и для общества.

Харт: Но тогда в мире, где все следуют этим правилам, возможно, не нужна теория игр. Конечно, вопрос в деталях, правила поведения могут не всегда вам дать точный ответ, как вести себя в той или иной ситуации. Но в принципе нужна ли теория игр в мире, где люди верующие?

Ауманн: Конечно нужна. Правила касаются только нравственных и этических вопросов. И в рамках этих правил слишком много свободного пространства для принятия стратегических решений. Например, правила говорят, что если вы что-то кому-то предлагаете, и ваше предложение было принято, то вы не можете не сдержать своего слова. Но в них не говорится

сколько предлагать. Правила гласят, что вы должны вести дела честно, но там не говориться о том, надо ли быть жестким, или всегда идти на компромисс и т.п. Правила гласят: «Ты не можешь украсть программу». Но в них ничего не сказано о том, а сколько она должна стоить, и когда следует ее покупать, а когда — нет. В правилах сказано, что нужно много заниматься благотворительностью, но не сказано, как много. В Соединенных Штатах провели анализ налоговых вычетов на благотворительность. Оказалось, что ортодоксальные евреи делали одни из самых больших пожертвований на благотворительные цели. Влияние религии. К несчастью, так сложилась судьба, что я провел в больницах больше времени, чем мне хотелось бы. И я был свидетелем весьма удивительных вещей. В палату приходили люди и говорили: «У нас есть своя "скорая помощь", мы можем бесплатно отвезти вас, куда захотите, от Метуллы до Эйлата (северная и южная крайняя точка Израиля). Нам неважно, кто вы — верующий или неверующий, евреи или араб». Эти люди явно были из синагоги. Они носили бороду и пейсы. Есть люди, которые приходят в пятницу днем к больным, чтобы провести обряд *Киддуш.* Есть те, кто приходит на неделе, чтобы поиграть на скрипке для больных и т. п. Кстати, члены церковной общины очень сильно связаны друг с другом. Вопрос *khessed,* помощи ближнему своему, очень сильно развит в церковных общинах. Это заповедь, как есть кошерную пищу и соблюдать шабат.

Харт: Возвращаясь к правилам и их интерпретации. А вы пошли бы к раввину, чтобы узнать, надо ли вам иметь дело с тем-то и тем-то или как голосовать на выборах?

Ауманн: Нет, не пошел бы, да и многие другие не пошли бы. Но есть те — например, хасиды, — кто мог бы и попросить совета у раввина по таким вопросам. У хасидов раввин зачастую больше, чем просто мудрец и авторк-

тет, в том числе духовный. Он советчик по разного рода важным вопросам — медицинским, проблемам бизнеса, семьи и т.п. Зачастую он дает вам очень хорошие советы! Каким образом? Он умнее других? Да, зачастую так оно и есть. Но это не так важно. Важно то, что все ходят к нему, поэтому у него накапливается огромное количество информации личного характера. И здесь мы видим очень интересное стратегическое равновесие — для каждого такое действие, как поход к нему, является оптимальным, поэтому все к нему и ходят! Безусловно, очень важно, чтобы он был честным и открытым человеком, а это уже определено правилами морали. Но это также является составляющей равновесия, так как ничего не получится, если он не будет таким.

Среди представителей митнагдим, к которым принадлежу и я. данный феномен также существует. В Израиле есть человек — рабби Фирер, лучший знаток медицины в стране, возможно и в мире. И он *не* врач. Если у кого-то необычная или серьезная проблема со здоровьем, то он может пойти или позвонить ему. Вы звоните ему, скажем в 1:17, описываете свою проблему, и он рассказывает вам, где это можно вылечить. Зачастую все это занимает не больше минуты. Иногда, в особо сложных случаях, это занимает больше. Он не только направит вас в медицинский центр в Аризону, но и если необходимо, поможет туда добраться и т.д. и т.п. Но главный вопрос

заключается в том, что он — *не* врач, поэтому у него нет каких-то собственных интересов в этом, он не преследует какие-то свои личные корыстные цели. Он, как и раввин у хасидов, получает всю информацию от пациентов и врачей, и к тому же он чрезвычайно выдающийся человек. Кроме того, он глубоко верующий, что опять же помогает ему оставаться честным. Я сам очень часто пользовался его советами, даже слишком часто.

До сего момента мы обсуждали нормативную сторону теории игр — советы отдельным людям как и что делать, — но существуют и другие стороны. Например, «государственно нормативная». Религия не скажет вам, как проводить выборы, или когда снижать учетную ставку, или как формировать правительство. Она не подскажет вам, как создать распределенную компьютерную систему, или как проводить аукцион, или как распределять интернов по больницам. Еще одна сторона — «изобразительная». Религия не объяснит вам, каким образом возникли в результате эволюции различные виды или почему работает принцип конкуренции.

Но я должен себя поправить: на самом деле в Талмуде обсуждается и вопрос эволюции, и конкуренция. Об эволюции говорится в трактате *Shabbot* на странице 31а. Мудреца Хиллеля как-то спросили, почему глаза у представителей ряда африканских племен меньше чем обычно, и почему ноги у представителей других африканских племен шире, чем обычно. Ответы Хиллеля были весьма адаптивными: глаза меньше потому, что это племя живет в очень ветреной области, где к тому же много песка; а ноги у других шире

потому, что данное племя живет в болотистой местности, и широкие ноги позволяют его представителям легче передвигаться по болотам.

В Талмуде также обсуждается и вопрос конкуренции. В трактате Ваʜа *Bothro* 89а говорится, что представители власти должны назначить инспекторов для того, чтобы они проверяли точность весов и гирь у торговцев на рынке, а *не* заниматься регулированием цен. Толкователь XII века Самуил бен Мейер (Рашбам) объясняет, почему: если торговец завысит цены, то другой торговец, которому нужны деньги и поэтому он стремится все быстрее продать, будет сбивать цену, и тогда все клиенты пойдут к нему, в итоге первый торговец будет вынужден снизить свою цену. «Невидимая рука» за шесть столетий до Адама Смита!

В Талмуде также можно найти и другие принципы теории игр и экономики. В трактате *Kethuboth* 93а (Aumann, Maschler, 1985) неявно говорится о N-ядре. В *Mokkoth* 3а (Aumann, 2003) просматривается вопрос неприятия риска, а в *Kethuboth* 15а — репутационных рисков. И этот список можно продолжать и продолжать.

Несомненно, все это лишь намеки. И нам все же требуется теория игр для того, чтобы разобраться во всех этих вопросах. В Талмуде говорится об адаптации к окружающей среде, но мало кто может сказать, что это предвосхищение теории эволюции. Там же обсуждается вопрос конкуренции, но мы вряд ли можем сказать, что Талмуд предвосхитил формулирование теоремы эквивалентности, не говоря уже о ее доказательстве.

Кроме того, теория игр необходима для объяснения самих этических и нравственных правил. *Почему* нельзя красть компьютерные программы? *Почему* нужно иметь точные гири и весы? Почему необходимо любить

своего соседа как себя самого? Как возникли эти правила? Какую функцию выполняют и почему они вместе? Все эти вопросы относятся к теории игр. В конце концов, давайте не забывать, что мир очень далек от того, что в нем — говоря вашими словами — живут только верующие.
Одним словом, Библия и Талмуд — это удивительные документы, и они охватывают многие вопросы, но все равно остается много мест для использования теории игр и для всех научных дисциплин.
Харт: Если суммировать все вышесказанное, можно утверждать: в религиозном мире определенно есть место для теории игр. На «микроуровне» правила поведения — это принципы, охватывающие лишь определенные вопросы, но есть и «свобода решения». На «макроуровне» возникающие структуры и сами по себе правила поведения являются предметом для анализа на основе теории игр: как и почему они появились.
Является ли ваше мнение общей точкой зрения верующих?
Ауманн: Возможно. В кругу верующих не очень часто обсуждаются подобные вопросы. Когда я был молод, со стороны представителей религии предпринималось много попыток «примирить» науку и религию. Например,

каждый из шести дней сотворения мира может рассматриваться как процесс, представляющий отдельную геологическую эру. Существовало и, возможно, до сих пор есть мнение, что наука отрицает религию, что необходимо их примирить. Извините, но я не согласен с таким подходом.
Харт: Возьмем, например, шесть дней сотворения мира. Правда это или нет — это практически не имеет никакого отношения к принимаемым решениям и линии поведения. Это другой уровень.
Ауманн: Это другой взгляд на мир, иной подход к его восприятию. Вот почему я предварил свой ответ на ваш вопрос историей о том, что Земля круглая — это один из вариантов восприятия мира. Можно рассматривать мир с эволюционно-геологического ракурса. А можно через сотворение мира за шесть дней. Это иной подход. Правда же у нас в голове. Если мы придерживаемся достаточно широких взглядов, тогда мы можем одновременно рассматривать различные представления о правде, различные модели, различные взгляды на мир.
Харт: Я думаю, что у ученого не будет с этим проблем. Как вы думаете, будут ли у представителей религии проблемы с принятием того, о чем вы только что сказали?
Ауманн: Сколько людей, столько и мнений. У некоторых из них могут быть с этим проблемы. Кстати, я не слишком уверен, что ни у кого из экономистов не может быть с этим проблем. Некоторые ученые — очень большие приверженцы доктрин.
Харт: Мне это напомнило парадокс Ньюкомба с его «всеведущим». Мы оба придерживаемся одной точки зрения, что в принципе не имеет особого смысла. Но с другой стороны, возможно, в религиозном мире это имеет смысл.
Ауманн: Нет-нет. Это почти как с вопросом о всесилии Бога. Если Бог всемогущ, то может ли он создать камень, который не сможет поднять? Атеисты выдвинут вопрос, подобный этому, с целью опровергнуть саму идею религии. Кстати, то, что Бог всемогущ, не является точкой зрения иудеев. Но

вопрос не в этом, вопрос заключается в том, что это просто нонсенс. Вместе с тем иудаизм не очень-то «силен» в теологии, в том, что может или не может Бог. Но существует очень сильная традиция в отношении свободного волеизъявления человека. Есть кое-что, что Бог точно *не может* сделать, а именно: повлиять на чью-то свободу волеизъявления, его способность принимать решения. Поэтому в данном случае в иудаизме налицо отсутствие всемогущества, по крайней мере, в данном аспекте.

Харт: Рациональные люди могут очень хорошо существовать в таком религиозном мире. Вы очень хорошо примирили религию и науку. Было очень интересно.

Ауманн: Я их не примирял и даже не пытался это делать. Это разные вещи.

419

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Харт: Вы сделали это с точки зрения их сосуществования. Давайте перейдем теперь к вашей биографии.

Ауманн: Я родился в 1930 г. в Германии во Франкфурте в ортодоксальной еврейской семье. Мой отец занимался оптовой торговлей текстильными изделиями и довольно успешно. Мы уехали из Германии только в 1938 г. На самом деле мы собирались покинуть страну еще в 1 933 г., как только пришел к власти Гитлер, но по той или иной причине эмиграция откладывалась, кто-то убеждал моих родителей, что это не так плохо, что все будет хорошо, что все пройдет. Немецкий народ не позволит такому безумцу захватить власть и т.д. и т.п. Знакомая история. Но она показывает, что когда кто-то находится внутри какого-то события, то ему очень сложно представить его развитие в будущем. Все становится ясно, только когда ты потом оглядываешься на прошлое, но в самый разгар кризиса все очень туманно.

Харт: Особенно когда это медленно развивающийся процесс, а не резкие изменения: каждый раз по чуть-чуть — и вы говорите, это не так много, но когда вы смотрите на все это в целом, вдруг обнаруживается, что это изменение было существенным.

Ауманн: Это один момент. Но все же в основном это просто трудно увидеть. Забегая немного вперед из 1933 в 1967 г.: когда случился кризис предшествовавший Шестидневной войне, я был в это время в Израиле. Оглядываясь назад, становится «ясно», что Израиль должен был выйти победителем в этом конфликте. Но в то время это было неочевидно. В моей памяти живы воспоминания о тех днях накануне Шестидневной войны, кризисе, во время которого Насер закрыл Тиранский пролив и сконцентрировал все войска на израильской границе. Тогда было совсем неочевидно, что Израиль победит. Не только для меня, но и для любого жителя страны. Может быть, наши генералы были уверены, но я и в этом сомневаюсь, поскольку наше правительство точно не было в этом уверено. Премьер-министр Эшколь в то время ходил весьма озабоченный. Он выступал по радио, запинался, в его голосе не было какой-либо уверенности в том, что будет завтра. Его беспокойство было неподдельным. Никто не знал, что будет дальше, и люди были очень обеспокоены тем, что происходило, и меня тоже очень беспокоила такая ситуация. У меня к тому времени была жена и трое детей, и у нас были американские паспорта. Я сказал тогда себе:

«Джонни, не повторяй ошибок своего отца, когда тот до последнего оставался в Германии. Собирайся, садись в самолет и уезжай, спасай свою шкуру и свою семью, потому что скорее всего через две-три недели Израиль будет уничтожен, а его жители перебиты. Ноги в руки и вперед!»
Я принял осознанное решение — не покидать Израиль. Я сказал, что остаюсь. Во время кризиса Герберт Скарф тоже был в стране. Но за две недели до начала войны он все же решил покинуть страну, и когда мы про-

Рис. 15.4. Боб Ауманн и его невеста Эстер Шлезингер. Израиль, январь 1955 г.

щались, нам обоим было ясно, что мы можем больше не увидеть друг друга. Я рассказываю это для того, чтобы показать, насколько тяжело судить о происходящем, находясь внутри события. Когда вы плывете по большому озеру, вам очень трудно увидеть противоположный берег, поскольку вы находитесь в воде — внутри озера. Нельзя винить немецких или других европейских евреев за то, что они не покинули Европу в 1930-х гг., потому что было очень трудно оценить сложившуюся тогда ситуацию.
Как бы то ни было, продолжим нашу историю. Мы вовремя уехали в 1938 г. Мы покинули Германию и поехали в США. Мы получили иммиграционные визы, хотя и с некоторым трудом. Мои родители истратили на это все свои деньги. В США им пришлось очень много работать, чтобы свести концы с концами, но несмотря на это, они дали своим детям — мне и моему брату — хорошее иудейское и светское образование. Я получил начальное и среднее образование в дневной еврейской школе — йешиве. Там изучались как Талмуд и иудаизм в целом, так и мирские науки. Я уже рассказывал выше о своем учителе математике в йешиве Джо Ганслере.
У меня также были замечательные учителя и по изучению Талмуда, и по иудаизму.
После того, как в 1948 г. был образован Израиль, я был полон решимости перебраться туда, но это случилось лишь в 1956 г. В 1 954 г. я встретил Эстер Шлезингер, приехавшую из Израиля в Соединенные Штаты. Мы влюбились друг в друга и в итоге поженились. У нас было пятеро детей. Но мой старший сын Шломо был убит в Ливане в 1982 г. во время операции «Мир для Галилеи». Остальные дети обзавелись семьями. Вдова Шломо также снова вышла замуж, но она все равно нам как родная дочь. У них со Шломо было двое детей, второй ребенок родился уже после его гибели. На сегодняшний день у меня в общей сложности семнадцать внуков и один правнук.

У нас замечательная семья, и у нас много разных совместных дел. Например, мы вместе катаемся на лыжах. Каждый год я еду кататься с кем-то из моей огромной семьи. А раз в 4-5 лет вся наша семья, состоящая уже из 30 человек, собирается вместе.

Харт: Я сам лично убедился в этом и могу всех заверить, что семья Ауманнов действительно выдающаяся, радушная и удивительно сплоченная.

Ауманн: Шесть лет назад от рака умерла моя жена Эстер. Она была удивительным человеком. После окончания начальной школы она поступила

в Безалельскую школу искусств. Она была очень талантлива. Там она научилась работать с серебром, кроме того, она очень хорошо рисовала. У нее были золотые руки и золотое сердце. Когда ей было около пятидесяти, она устроилась на работу во Франкфортер-центр — специальный центр для пожилых людей. Она вела там кружок, где пожилые люди могли что-то сделать своими руками: делать аппликации, вязать, вышивать, ткать ковры и т.п. Это позволило Эстер соединить два любимых дела: заниматься искусством и работать с людьми, а также помогать им — каждому с его личными проблемами.

Когда она поступила в школу искусств, Безалель был довольно богемным местом. Возможно это до сих пор так, но в те времена школа была менее модной и более специальной. Ее родители были категорически против того, чтобы она там училась. Для ортодоксальной еврейской семьи было просто неслыханно, чтобы молодая девушка пошла учиться в такое место. Но Эстер имела собственное мнение на этот счет. Она была очень кроткой,

но когда чего-то хотела, то. клянусь жизнью, она получала это. Это касалось как родителей, так и меня. Она очень хотела там учиться и поэтому пошла именно туда.

Харт: Есть какая-то удивительная история о том, как вы приняли решение перебраться в Израиль в 1956 г.

Ауманн: В 1956 г. я закончил свою постдокторскую работу в Принстоне и раздумывал над тем, что делать дальше. Как я уже говорил, я решил пере-

Рис. 15.5. Боб Ауманн со своей семьей. Иерусалим, 10 октября 2005 г.

ехать в Израиль. Я направил свое резюме не только в Еврейский университет в Иерусалиме, но и еще в несколько мест, потому что было бы неразумно с моей стороны «класть все яйца в одну корзину». В результате я получил несколько предложений. Одно из них было от компании Bell Telephone Laboratories в Мюррей Хилл, одно из Иерусалима и еще несколько из разных мест. Снова и снова я все взвешивал, не зная, что выбрать. В итоге я решил принять предложение Bell Labs, о чем им тут же и сообщил. В тот же день мы отправились подыскивать себе жилье.

Когда же мы вернулись вечером домой, я уже знал, что ошибся. Я мучился больше трех недель в поиске верных шагов, но как только решил, мне стало ясно, что мое решение было ошибочным. До этого же момента я так сказать не мог. Я понял, что хочу как можно быстрее уехать в Израиль, и нет ничего, что может помешать этому, — даже то, что на поездку в Израиль необходимо заработать денег — или мы застрянем в Соединенных Штатах. Если мы собираемся уезжать навсегда, то это надо делать прямо сейчас.

Я позвонил в Bell Labs и сказал, что передумал, но если я уже сказал, что буду работать, то буду, но должен сразу предупредить, что через год уйду. На это они ответили: «Ауманн, ты нам ничего не должен. Ты не должен выходить на работу в нашу компанию, если этого не хочешь». Я сказал: «Хорошо, но сейчас июнь, а учебный год в Израиле начинается в октябре. Мог бы я поработать в Bell Labs до это времени?» Они согласились. Это было очень великодушно с их стороны.

Это были чудесные четыре месяца. Тогда я познакомился с Джоном Маккарти, специалистом в области компьютерных наук, а также с Джоном Эдисоном, математиком, логиком и специалистом по машинам Тьюринга. Тем летом случился с Эдисоном один забавный случай. Он написал работу о машинах Тьюринга и хотел опубликовать ее от имени Bell Labs. Но вмешался департамент патентов компании. Они хотели знать, можно ли запатентовать так называемые усовершенствования машин Тьюринга. Ему понадобилось достаточно много времени, чтобы разъяснить им, что машина Тьюринга на самом деле машиной не является.

Я так долго и подробно все рассказываю, чтобы показать, насколько тяжело принимать практические решения. Процесс принятия таких решений намного сложнее, чем наши модели. Вы не знаете, правильное это решение или нет, пока вы его не примете.

Харт: Мне кажется, это хороший пример того, как вы воспринимаете свои эксперименты и практический опыт. Не хотели бы вы добавить еще что-нибудь об этом?

Ауманн: Пожалуй. У меня есть серьезные сомнения в отношении того,

что *называют* «поведенческой экономикой», которая на самом деле таковой не является. Данный термин подразумевает то, как люди в действительности ведут себя. Однако теория говорит не об этом. В поведенческой

экономике этого практически нет. Наоборот, большая часть поведенческой экономики в лучшем случае имеет дело с искусственными лабораторными ситуациями, в худшем — с социологическими исследованиями, анкетированием. Один из примеров так называемой поведенческой экономики заключается в том, что у людей спрашивают, что они будут делать, если произойдет то-то и то-то. Они должны представить, что с ними это случилось, и ответить на вопрос.

Харт: Ваш пример с Bell Labs и Еврейским университетом показывает, что вы действительно можете дать неправильный ответ, если вам зададут такой вопрос.

Ауманн: Социологические опросы и анкетирование еще хуже. Они еще более далеки от реальности. В случае с Bell Labs я действительно столкнулся с проблемой, какую выбрать работу. Даже тогда я принял решение, которое не было окончательным, несмотря на реальность ситуации. В поведенческой экономике людей спрашивают: «Что вы будете делать, если...» Это не реальная ситуация. Ученые, занимающиеся поведенческой экономикой, также проводят различные эксперименты с принятием «реальных» решений за какое-то денежное вознаграждение. Но даже тогда вознаграждение обычно невелико. Намного важнее, что решения, с которыми люди сталкиваются, не являются теми решениями, которые они обычно принимают, которые им знакомы. Все искусственное. Это не решение, которое действительно влияет на них и которое они обычно принимают.

Я хотел бы привести пример — известный эксперимент со степенью вероятности. С определенной периодичностью включается свет. Три четверти раз он мигает зеленым светом и одну четвертую — красным. Задача: заранее угадать цвет. Если правильно угадываешь, получаешь вознаграждение. Эксперимент повторяли сотни раз. Большая часть называла зеленый цвет три четверти раз и одну четверть — красный.

Это нельзя назвать оптимальным поведением, поскольку более оптимальным было бы всегда говорить «зеленый». Если бы вам давали по доллару за каждый правильный ответ, и ваша вероятность составляла три четвертых к одной четвертой, то ваше ожидаемое вознаграждение составило бы пять восьмых доллара. Если вы каждый раз говорите «зеленый», то вы получаете в среднем три четвертых доллара. Так или иначе, люди соответствуют степени вероятности. Проблема в том, что условия далеки от реальности: люди обычно не сидят и не следят за мигающими огнями. Они не знают, как реагировать, поэтому действуют так, как все от них ждут, что соответствует определенной степени вероятности.

В реальной же ситуации люди не ведут себя подобным образом. Возьмем к примеру утреннюю поездку на работу. У большинства есть выбор маршрутов, и у каждого из них есть своя определенная степень вероятности, что он будет более коротким по времени. Это все воля случая, потому что никто

не может точно знать, где будет какая-нибудь авария или пробка. Предположим, что есть два маршрута. Один из них быстрее в трех случаях из четырех, а другой — в одном случае из четырех. Большинство решат следовать одним и тем же маршрутом каждый день, несмотря на то что в некоторые дни он будет занимать больше времени. И это правильное решение.
Одним словом, у меня серьезные сомнения в отношении практикуемой поведенческой экономики. На самом деле *настоящая* поведенческая экономика существует. Она называется «эмпирической». Это в самом деле поведенческая экономика. В эмпирической экономике вы наблюдаете за тем, как люди ведут себя в реальной жизни, в ситуациях, в которые они часто попадают. Вы наблюдаете за тем, чем они занимаются каждый день.
У Национального бюро экономических исследований (NBER) есть замечательное издание под названием *NBER Reporter*. Они выпускают ежемесячный 4-6-страничный бюллетень, где размещают краткие аннотации отчетов по результатам исследований, которые будут опубликованы в течение месяца. Все исследования — эмпирические. Здесь нет ничего теоретического. Иногда они дают теоретическую основу вопроса, но все их работы — эмпирические, они говорят, как люди на самом деле себя ведут. Удивительно наблюдать в этих отчетах, насколько реальное поведение людей соответствует экономической теории.
Харт: Можете привести какой-нибудь пример?
Ауманн: Один пример я помню, где говорится об очень сильном эффекте от очень небольшого повышения акцизов на алкоголь, скажем на 10%. Это привело к повышению цены на кружку пива на 2-2,5%. В результате это оказало огромное влияние на количество автомобильных аварий в Соединенных Штатах. В поведении людей заложена большая ценовая эластичность. Другой пример связан с тем, как увеличение численности полицейских влияет на уровень преступности.
Харт: Давайте остановимся на алкогольном примере. Почему это противоречит поведенческому подходу?
Ауманн: Так называемая поведенческая экономика утверждает, что люди ведут себя нерационально, они реагируют на экономические стимулы не так, как предполагают. Эмпирическая экономика показывает, что люди очень четко реагируют на экономические стимулы.
Харт: Если суммировать все сказанное, то получается, что эмпирическая экономика — хороший способ узнать, какие решения люди на самом деле принимают; а работа, построенная на экспериментах, в большинстве своем искусственна, и люди здесь могут вести себя не так, как в реальной жизни.
Ауманн: Да, верно. Но я хотел бы кое-что добавить. Поведенческая экономика выступает против тезиса, что люди осознанно ведут себя ра-

ционально — что они рассчитывают все осознанно и принимают оптимальное решение, основанное каждый раз на рациональных расчетах. Возможно, поведенческая экономика права в том, что это не так. Их эксперименты, как и социологические опросы, показывают, что люди в определенных ситуациях принимают нерациональные решения. Однако никто не утверж-

дает, что они борются с «чучелом». Имеется в виду, что экономические агенты ведут себя так, что можно было бы описать как «исходя из соображений рациональности», а не так, что они действительно каждый раз при принятии решения занимаются оптимизацией.

Харт: Это уже относится к вопросу «рациональности правила», который вы последовательно продвигаете по крайней мере с 1990-х гг.

Ауманн: Вы правы, это уже из области рациональности правила. Основное исходное условие — люди ищут. Они узнают, как лучше себя вести. Когда они совершают ошибки, они корректируют поведение, чтобы в будущем их избежать. Это процесс обучения, а не процесс оптимизации. И идея эта далеко не нова. Например, Милтон Фридман считал, что люди ведут себя, *кок если бы* они были рациональными. Рациональность правила означает, что люди выводят правила поведения, которыми они обычно руководствуются при принятии решения, и оптимизируют эти *провила*. Они не оптимизируют каждое отдельное решение. Один очень хороший пример — игра-ультиматум, эксперимент, проведенный Вернером Гетом в начале 1980-х гг.

Харт: И затем растиражированный в разных формах. Да, это известный эксперимент.

Ауманн: Этот эксперимент проводился в разных формах и с различными параметрами. Вот один из вариантов. Два человека получили 100 немецких марок (примерно 150-200 сегодняшних евро) — весьма незначительную сумму. Им предложили разделить ее любым выбранным ими способом. Но если они не придут к согласию, то оба ничего не получат. Люди не видели друг друга — каждый сидел за своим компьютером. Один из них предлагал вариант раздела суммы, второй должен был соглашаться или нет, как только предложение появится на экране компьютера. Если он говорит «да», то деньги так и делятся. Если он говорит «нет», то никто ничего не получает.

Данный эксперимент повторили много раз. Каждая пара участвовала только один раз. Они входили в здание и покидали его через разные двери и не встречались друг с другом — полная анонимность эксперимента. Совершенное равновесие игры заключалось в том, что первый предлагал второму минимальную часть суммы, что в принципе все равно представляло собой какие-то деньги. Например: 99 — первому, и 1 — второму.

Харт: Идея заключается в том, что второй не откажется даже от одной марки и не скажет «нет».

Ауманн: Это то, что можно было бы ожидать исходя из соображений рациональности. Я говорю «можно было бы», потому что это не обязательно соответствует прогнозам теории игр. У игры есть много других равновесий. Но соображения рациональности могли бы привести к разделу 99 и 1.

На самом деле большинство предложений было в районе 65 и 35. Те, что были значительно меньше — скажем 80 и 20, — в действительности отвергались, не всегда, но часто. Во многих случаях участник эксперимента был готов отказаться, если бы ему предложили менее, чем 20 немецких марок, и предлагающий обычно это предвидел и предлагал больше.

Отказ от 20 немецких марок является прямым противоречием рационального поведения. Это и *есть* противоречие с точки зрения рациональности *действия*. Как это можно объяснить с точки зрения теории? Ответ: люди не максимизируют каждое действие, они создают *правила* поведения. Есть одно хорошее правило — не позволяйте другим вас обижать. Не позволяйте людям безнаказанно вас пинать. Не будьте трусом. Если кто-то сделал с вами нечто подобное, дайте сдачи. Это хорошее правило для ситуаций, где участники видят друг друга. Если у вас сложится репутация, что вы согласны взять даже двадцать или десять или даже одну марку, когда на кону 100 марок, то в ситуациях, где нужно торговаться, вы будете проигрывать. Поэтому надо драться и давать сдачи тому, кто обидел вас, и тогда он больше так не будет поступать.

Конечно, это неприменимо к рассматриваемой ситуации, поскольку процесс абсолютно анонимный. Никто не узнает, что вы так поступили, поэтому нет репутационного эффекта. В итоге выведенное вами правило здесь неприменимо. Но вы вывели это правило неосознанно. Вы специально его не разрабатывали. Вы узнали о нем, потому что оно в большинстве своем работает. Поэтому вы его применяете даже в тех ситуациях, когда с точки зрения рациональности оно неприменимо. Очень важно проверять экономические теории в ситуациях, которые близки людям, в которых они действительно часто оказываются, а не в искусственно созданных — там используются другие подходы.

Другой пример рациональности правила — попытка угодить. Хорошая мысль — угодить людям, с которыми ты имеешь дело. Вы можете это делать на уровне подсознания или абсолютно неосознанно. Большинство людей знают, что есть устоявшееся мнение, что проголосовать на выборах значит сделать хорошее дело. Поэтому когда у вас спрашивают о том, проголосовали ли вы, то существует большая вероятность, что вы ответите утвердительно, даже если это не так. Камил Фукс, один из известных специалистов по соцопросам в Израиле, выступал с лекцией в Центре рациональности и рассказал, что во время последних выборов в Израиле спустя несколько часов после закрытия избирательных участков

людей спрашивали о том, голосовали они или нет. 90% людей в выборке ответили утвердительно. На самом же деле проголосовали лишь 68%.

Харт: Напрашивается вопрос, а что собственно мы узнаем из соцопросов?

Ауманн: Это ставит под сомнение сами опросы и раскрывает еще более фундаментальные вопросы по поводу них. Например то, что когда люди отвечают на вопросы во время соцопроса, они пытаются догадаться, что интервьюер хотел бы от них услышать. В итоге они отвечают «правильно», а не «правдиво». И снова хотел бы подчеркнуть, что они это делают неосознанно.

Это еще один пример рациональности правила. Я не говорю, что люди это делают, поскольку в этом для них есть какая-то выгода. Они так поступают из-за того, что следуют своему общему правилу: стараться угождать людям, с которыми ты разговариваешь; они могут помочь тебе. Если вы им неприятны, то это вам точно будет не на пользу. Поэтому люди

подсознательно делают все, чтобы угодить, а значит, отвечают так, как от них ждут.
Харт: Исходя из ваших слов получается, что необходимо оценивать действия не с точки зрения каждого решения, а в долгосрочной перспективе. Также надо принимать во внимание, что мы не можем сделать точные расчеты и оценить каждое решение. Нам необходимо вывести правила — относительно простые и применимые для многих ситуаций. И как только мы учитываем стоимость вычислений, то нам становится предельно ясно, что правило, относительно простое, но дающее ответ в различных ситуациях, лучше, чем правило, которое заставляет вас идти на крайности и искать правильный ответ для каждого решения.
Ауманн: И это причина. Вы описали основную причину того, почему люди создают правила вместо того, чтобы оптимизировать каждое действие. Это просто слишком дорого.
Харт: По словам Канемана и Тверски, люди используют слишком много эвристики и отклонений, и последние носят не эпизодический, а систематический характер. Вы говорите, что систематические отклонения возникают потому, что если вы посмотрите на уровень правил, то конечно же они будут систематическими. Они приводят к возникновению отклонений в следствие того, что не являются оптимальными для каждого действия. Систематические отклонения очень хорошо сочетаются с рациональностью правила.
Ауманн: Отличная формулировка. Если вы внимательно посмотрите на систематические отклонения, то сможете обнаружить, что они оптимальны для правила. В большинстве ситуаций, в которые человек попадает, подобные систематические отклонения — кратчайший путь сделать что-то правильно.

Харт: Это уже связано с другой областью вашей деятельности — более позднего периода, а именно биологией и эволюционной экологией. Не могли бы вы немного рассказать об этом?
Ауманн: Связь эволюции с теорией игр стала одним из главных событий последних 30-40 лет. Это одно из значительных открытий со времен больших экономических достижений 1960-х гг., преимущественно в области теории кооперативных игр. Фактически это предшествовало бурному расцвету теории некооперативных игр в 1980-1990-х гг.
Оказывается, в играх существует очень сильная взаимосвязь между равновесием популяции и равновесием Нэша — стратегическим равновесием. В обоих случаях используется одна и та же математическая формула, но в абсолютно разных интерпретациях. Согласно интерпретации формулы в стратегическом равновесии, с точки зрения теории игр, есть игроки и стратегии — «чистые» и смешанные. В случае с двумя игроками для каждой пары стратегий у каждого игрока есть некий выигрыш и есть стратегическое равновесие. В случае же с эволюцией игроки меняются на популяции, стратегии — на гены, вероятность в смешанных стратегиях — на соотношение популяции, а выигрыш — на то, что называют приспособленностью. То есть это не что иное, как предрасположенность к тому, чтобы иметь потомство. Это могла бы быть популяция цветов и популяция пчел. Это мог бы

быть ген у цветов, позволяющий им иметь длинный пестик, и ген у пчел, позволяющий им иметь длинный хоботок. Когда эти двое встречаются, то хорошо и цветам, и пчелам. Пчела может собирать нектар, летать с цветка на цветок и опылять их.

Что значит «хорошо»? Это означает, что и у цветов, и у пчел будет больше потомства. Ситуация находится в состоянии равновесия, если сохраняется соотношение генов в каждой из популяций. Получается, что формально это то же самое, что и стратегическое равновесие в соответствующей игре.

Это открытие оказало огромное влияние на теорию игр, биологию и экономическую теорию. Это подход к игре, выходящий за пределы биологии. Это подход к осмыслению того, что делают люди, исходя из характерных особенностей поведения, что позволяет им выжить или наоборот исчезнуть. Все как в биологии. Это не вопрос осознанного выбора, несмотря на то, что обычная, старая интерпретация равновесия Нэша говорит об осознанном выборе, осознанной максимизации. Это связано с тем, о чем мы говорили выше, — что рациональность правила является более правильной интерпретацией идей теории игр, чем рациональность действия.

Харт: Наверное самое время спросить, а что такое теория игр?

Ауманн: Теория игр — это изучение взаимосвязей с точки зрения рациональности. Даже несмотря на то, что рациональность не должна обязательно быть осознанной, это до сих пор является исходным условием.

Поэтому мы интерпретируем то, что мы видим вокруг с рациональной точки зрения. Иными словами, мы спрашиваем, что лучше делать людям, если есть другие люди, другие лица, принимающие решения, другие объекты, которые также оптимизируют свои решения? Теория игр — оптимальный путь принятия решения при наличии других субъектов, имеющих при этом различные цели.

Харт: И где решение каждого субъекта влияет на итоговый результат каждого субъекта. Необходимо принимать во внимание, что каждый из них занимается оптимизацией своих решений и пытается продвинуть собственные цели.

Формально начало теории игр положила книга фон Неймана и Моргенштерна, вышедшая в 1940-е гг. Возможно, недавно окончившаяся война во многом и стала причиной того, что многие заинтересовались этой теорией. Но динамика развития этой темы такова, что в первом международном семинаре по теории игр, проходившем в Иерусалиме в 1965 г., приняли участие 1 7 человек.

Ауманн: В 1950-х гг. прошло еще три конференции по теории игр в Принстоне: в 1953, 1955 и 1957 гг. И участников там было больше, чем 1 7 человек. В 1965 г. это были 17 специально отобранных участников.

Харт: Надо все же отметить, что эта дисциплина за эти годы все же выросла — от нескольких десятков специалистов в этой области в 1950-1960-х гг. до более шестисот, принявших участие в последнем конгрессе по вопросам теории игр в Марселе. И здесь как раз можно бы поговорить об универсальности теории игр. В предисловии к первому тому «Руководства по теории игр» (Handbook of Game Theory) (Aumann, Hart, 1992-2002) мы написали,

что теория игр может рассматриваться как своего рода теория защитного или унифицированного поля.

Ауманн: Так можно рассматривать многие науки, многие несопоставимые дисциплины. В отличие от других подходов к таким дисциплинам, как экономика или политология, теория игр не использует разного рода узконаправленные конструкции для решения отдельных вопросов, таких как совершенная конкуренция, монополия, олигополия, международная торговля, налогообложение, голосование, устрашение (как средство сдерживания), поведение животных и т.п. Скорее она создает методологии, которые в принципе подходят ко всем интерактивным ситуациям, затем смотрит, что в каждом конкретном случае получается.

Но чем рассматривать теорию игр как защиту для всех этих дисциплин, наверное будет лучше считать ее неким подходом к анализу *определенного аспекта* каждой дисциплины — интерактивно рационального аспекта. В этих дисциплинах существует масса всего, что не имеет никакого отношения к данному аспекту. В праве, компьютерных науках, математике, экономике, политологии есть много вопросов, в отношении которых не-

возможно применить теорию игр. Это не унифицированная теория поля, которая охватила бы *все* — гравитацию, магнетизм и электричество.

Харт: Возможно, это сродни математике, которая используется в других науках как инструмент, как язык формализации и анализа.

Ауманн: Интересная аналогия. Математика помогает в определенных аспектах во многих областях науки, где необходима формализация. Теория игр в этом отношении похожа на математику: она помогает многим дисциплинам, особенно в том, что касается согласованно рациональных вопросов. На рисунке 15.6 представлено схематическое изображение этого.

Харт: В 1999 г. было создано международное Общество изучения теории игр (Game Theory Society). И до 2003 г. вы были его первым президентом-основателем. И сейчас как раз время сделать обзор того, что представляет собой теория игр и что такое Общество изучения теории игр.

Ауманн: Теория игр стала серьезной дисциплиной, или, лучше сказать, большой *междисциплинарной* структурой. Пришло время для создания чего-то, что позволило бы собирать вместе специалистов по теории игр — конференции, журналы, интернет-ресурсы. Когда мы обсуждали мое образование, я говорил, что в Сити-колледже всегда была зарезервирована пара столиков для «продвинутых» студентов-математиков. Они могли прийти в перерыве между занятиями, посидеть, выпить содовой, съесть мороженого и поговорить на математические темы. Общество изучения теории игр — это стол в кафетерии под названием «мир», где люди могут обсудить различные вопросы теории игр и обменяться идеями.

Харт: Как вы думаете, в каком направлении происходит развитие теории игр?

Ауманн: Трудно сказать. Практически невозможно узнать, в каком направлении будет двигаться теория игр. Выступая на Конгрессе Международного общества изучения теории игр в 2000 г. в Бильбао (Aumann, 2003a), я вынес на обсуждение ряд направлений для будущих исследований.

Если говорить в общих чертах, то ученые активно двигаются в различных направлениях. В скором времени мы сможем обнаружить некоторое «растекание» дисциплины в разных направлениях. Ряд ученых двигаются строго в направлении очень сложной математики. Мы увидим отделение более математически ориентированных ответвлений от более прикладных, как например, применение в экономике. Мы увидим большое количество примеров экспериментального и технического применения теории игр.
В будущем люди, занимающиеся теорией игр, будут все меньше и меньше понимать друг друга.
Харт: Вы думаете, нам грозит «Вавилонское столпотворение»?
Ауманн: Очень точно подмечено. Конечно, я не могу сказать, что это мне нравится, но это признак зрелости теории.

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Харт: Определенно, теория игр из маленького сообщества, где все друг друга понимали, превратилась в большой «город», где теперь у каждого своя специализация. Как и в любой другой развивающейся дисциплине, каждый все больше углубляется в изучение одного из аспектов и начинает все меньше понимать другие. Но несмотря на это, на сегодняшнем этапе до сих пор много примеров взаимодействия между различными аспектами и подходами теории, и это выгодно всем. Возьмите физику или математику. Я не понимаю того, что сегодня делают в алгебраической топологии. Кто-то в комбинаторике может понять все, касающееся вопроса вероятности, но не понять чего-то из того, что мы делаем в теории игр. Но, так или иначе, математика — это единая дисциплина.
Не могли бы вы рассказать о различных подходах, используемых в теории игр? Например, о математическом по сравнению с концептуальным; аксиоматическом и кооперативном по сравнению со стратегическим и некооперативным. Чем вызвано существование такого большого количества подходов? Противоречат ли они друг другу или просто представляют разные взгляды? И существуют ли те, кто думает, что одни подходы в теории игр правильные, а другие — нет?
Ауманн: Да, есть такие приверженцы некооперативных стратегических

игр, которые считают кооперативные (коалиционные) игры менее значимыми, нерелевантными и труднопримeнимыми.
Я бы хотел немного остановиться на том, что такое теория некооперативных или стратегических игр, теория кооперативных или коалиционных
Рис. 15.6. «Соцветие» теории игр

игр. Теория стратегических игр связана со стратегическим равновесием — максимизацией индивидуальной полезности, заданной действиями окружающих, равновесием Нэша и его вариациями, такими, как коррелированное равновесие. Данная теория ищет ответ на вопрос, как должен поступать человек и как он поступает. С другой стороны, теория коалиционных игр концентрирует свое внимание на распределении полученных результатов, и не так много уделяет внимание тому, что необходимо делать для достижения этих результатов.
С практической точки зрения теория стратегических игр оперирует различными понятиями равновесия и базируется на точном описании игры. В свою очередь теория коалиционных игр оперирует такими понятиями, как С-ядро, значение игры по Шепли, решение фон Неймана-Моргенштерна, переговорное множество, N-ядро. Теория стратегических игр лучше всего подходит для использования в ситуациях, когда правила игры точно определены, например, в выборах, аукционах, интернет-торговле. Теория коалиционных игр лучше подходит к таким ситуациям, как формирование коалиций, формирование правительства в условиях парламентской демократии или даже формирование международных коалиций; или чтобы узнать, что происходит на рынке, где непонятно, кто кому делает предложение и как проводятся сделки. Общие переговоры, коммерческие переговоры больше подходят для теории коалиционных, кооперативных игр.
Харт: С одной стороны, переговоры можно проанализировать со стратегической точки зрения, если точно известно, как их проводят. С другой стороны, их можно проанализировать с точки зрения того, к чему они могут привести, и это будет кооперативным решением. Есть такая программа — «программа Нэша», где в основе кооперативных решений лежит некооперативное исполнение. Например, наличие альтернативы подразумевает торговлю, что является весьма естественной стратегической установкой и четко ведет к аксиоматическому решению Нэша, и это успешно доказали Рубинштейн и Бинмор.
Ауманн: Подобные «мосты» между теорией стратегических и коалиционных решений показывают, что эти подходы нельзя назвать несопоставимыми. Для того чтобы построить такой «мост», вам необходимо точно определить, что ситуация, с которой вы столкнулись, является некооперативной. Одним из таких «мостов» можно назвать «народную теорему» для повторяющихся игр. Мы говорили о ней выше. В этом случае некооперативная установка — это повторяющаяся игра. Если у вас есть такой мост к теории некооперативных игр, вы должны очень точно определить стратегическую составляющую. Существенное преимущество теории кооперативных игр заключается в том, что она не требует точного определения структуры для фактической игры. Достаточно сказать, чего может достичь каждая из коа-

лиций. Вам не надо объяснять — *каким образом.* Например, в контексте рынка вы говорите, что в каждой коалиции ее члены могут чем угодно обмениваться между собой. И вы не должны объяснять, каким образом они делают предложения или контрпредложения. В политическом контексте достаточно сказать, что любое парламентское большинство может сформировать правительство. Вам не надо рассказывать о том, как они договариваются, чтобы сформировать правительство. Это уже определяет игру, и можно использовать идеи теорий коалиционных игр для проведения какого-то анализа, составления прогноза.

То, о чем вы спрашивали, относится больше к социологии теории игр, чем к самой теории. Существует довольно значительная группа приверженцев теории стратегических игр, у которой отношение к теории коалиционных игр точно такое же, как у приверженцев чистой математики к прикладной математике пятьдесят лет назад. Они смотрели свысока и говорили, что это совсем не интересно и что они не собираются «пачкать руки», занимаясь подобным.

В социологической теории игр для этого нет обоснования, так же как его нет и в математических моделях для социологии. Каждое из этих направлений дисциплины вносит свой вклад в общее дело. Во многом теория коалиционных игр лучше, чем теория стратегических игр, помогает понять экономическую и любую другую среду. Одним из таких примеров является теорема эквивалентности, основа (с позиции теории игр) закона спроса и предложения. В теории стратегических игр нет такой обобщенности и мощи. Данная теория внесла большой вклад в анализ аукционов, но она не добавила понимания экономики или любой другой дисциплины.

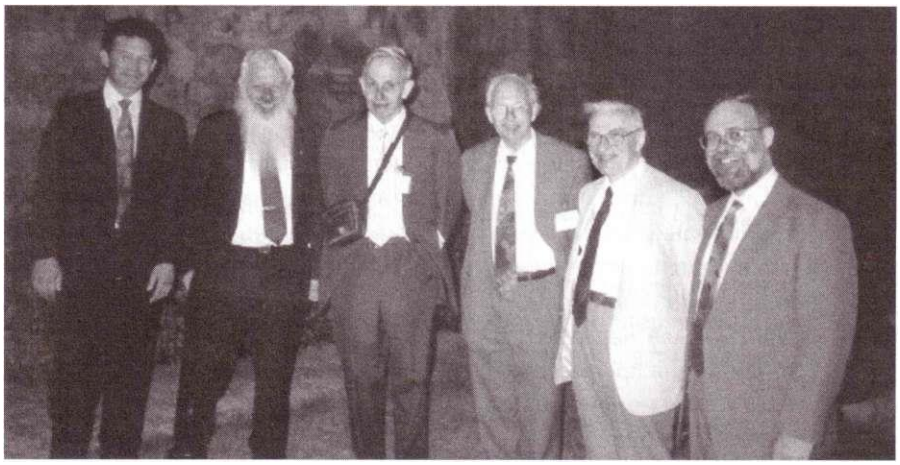
Теория сопоставимых рынков — еще один пример понимания, которое дает теория коалиционных игр. Это направление теории игр, достаточно широко применяемое, зародилось благодаря работе Гейла и Шепли «Поступление в колледж и прочность брака» (College Admissions and the Stability of Marriage). Оно не столь фундаментально, как теорема эквивалентности, но имеет большое практическое и, безусловно, сопоставимое, значение для работы с аукционами в теории стратегических игр. И давайте не будем принижать вклад теории коалиционных игр как на практическом, так и на теоретическом уровне.

Харт: Действительно, Адам Бранденбургер как-то сказал, что его студенты в Гарвардской бизнес-школе считают теорию кооперативных игр намного более подходящей для них, чем теория некооперативных игр. Давайте перейдем к следующей теме. Вы оказали огромное влияние на профессиональное сообщество, в том числе воздействуя на определенных людей. Я имею в виду в первую очередь ваших студентов. На сегодняшний день на вашем счету уже тринадцать докторов наук. И двенадцать из них

уже стали профессорами — как в Израиле, так и за рубежом, и получили широкую признательность как в своей, так и в сходных областях.

Ауманн: В конечном итоге после непродолжительной постдокторской или другой работы за рубежом практически все мои студенты вернулись

в Израиль.
Харт: Неудивительно, если учесть, что большинство из них — за исключением Уэсли — начинали в Израиле и являются израильтянами.
Ауманн: В Израиле существует проблема утечки мозгов. Большая часть перспективных израильских ученых, получивших образование в Израиле, уехали за границу. Но процент уехавших намного больше, чем среди моих студентов.
Безалел Пелег, Давид Шмайдлер, Шмуэль Замир, Биньямин Шитовиц, Цви Арштейн, Элон Кольберг, Серджиу Харт, Юджин Уэсли, Абрахам Нейман, Яир Тауман, Дов Самет, Эхуд Лерер и Йосси Фейнберг. Это все мои студенты-докторанты. Из них за рубежом постоянно работают лишь трое — Кольберг, Уэсли и Фейнберг. Кроме того, у меня еще было 30-40 студентов-магистрантов.
Каждый из студентов индивидуален и не похож на другого, но все они — замечательные. Я всегда был против того, чтобы писать студенту тезисы для его докторской, что некоторые преподаватели активно практикуют. Студент должен делать это самостоятельно. Иногда я задавал очень сложные проблемы. Порой мне приходилось возвращаться в исходную точку и предлагать несколько проблем на выбор, поскольку у студента были большие проблемы с разработкой темы. Один или два раза случалось так, что студент начинал работать над темой, но затем наступал момент, когда он просто переставал двигаться дальше в течение года или даже двух, и я видел, что он не сможет написать ее со мной. Я говорил ему об этом, и он уходил.
Я всегда придерживался политики брать только очень хороших студентов. Я имею в виду не личные качества, а способности как ученого и в первую очередь — математика. Все мои студенты вышли из математики. В большинстве случаев я их знал еще по своим лекциям и практическим семинарам. В тех случаях, когда они у меня не учились, я внимательно изучал их оценки и брал только самых лучших. Обычно мы очень плотно работали — хотя бы раз в неделю встречались, и я слушал о том, насколько продвинулась работа, задавал вопросы, мы что-то решали. Когда окончательная версия работы была написана, то зачастую я внимательно ее даже и не читал. Возможно, для профессора Харта это будет новостью, но, может быть, и нет. Просто к тому моменту, благодаря нашим регулярным встречам, я уже хорошо знал содержание работы.
Харт: Кроме того, вы ничему не верите, пока сами не сможете доказать.
Ауманн: Я очень мало читаю что-то по математике — только когда мне необходимо что-то узнать. Поэтому, когда я читаю статью, мне становится



интересно: как это он доказал. Обычно с первого раза мне не удается найти доказательство, и тогда я начинаю искать.

Но на самом деле намного интереснее услышать это от самих студентов. А что вы думаете по этому поводу, профессор Харт?

Харт: Большинство студентов-докторантов стремятся как можно быстрее закончить работу над своей диссертацией. Студенты Ауманна, наоборот, обычно хотят подольше поработать. Для меня это был один из лучших периодов в моей жизни — активная исследовательская работа, обмен постоянно возникающими идеями с профессором Ауманном. Это было здорово и в дальнейшем мне очень помогло. Нет ничего важнее, чем хороший научный руководитель на этапе написания докторской диссертации. Можно очень долго говорить на эту тему, но это ваше интервью.

Давайте теперь поговорим о ваших соавторах. Вашими основными соавторами были Шепли, Машлер, Курц и Дрез. Но кроме них есть еще около двух десятков имен, и каждый из них обычно концентрирует свое внимание на одной конкретной теме.

Ауманн: Несомненно, я многим им обязан. Совместная работа с кем-то — это огромный труд. Это сильно все усложняет, поскольку у каждого есть собственное мнение, собственное видение и зачастую возникают разногласия по концептуальным моментам. Это в чистой математике — вот теорема, вот доказательство. Могут быть разногласия по поводу того, какую теорему использовать, а какую нет, но в работе по чистой математике вы не найдете разногласий по существу. В работах же по теории игр или математической экономике есть большие концептуальные составляющие, по

Рис. 15.7. На конференции GAMES-1995 в честь 65-летия Ауманна. Слева направо: Абрахам Нейман, Боб Ауманн, Джон Нэш, Рейнхард Зельтен, Кен Эрроу, Серджиу Харт. Иерусалим, июнь 1995 г.

которым у авторов между собой часто возникают довольно сильные разногласия, но они должны прийти к какому-то согласию. Такое у меня было со всеми моими соавторами. И с вами, Серджиу, мы написали несколько совместных работ. Не думаю, что у нас было слишком много разногласий в отношении концептуальных моментов.

Харт: Наша самая первая совместная работа (Aumann, Hart, 1986) была

в большей степени математической, но по поводу самой последней нашей работы (Aumann, Hart, 2003) у нас были некоторые... наверное даже не разногласия, а своего рода прояснение концепций. Что же касается остальных двух работ, написанных совместно с Мотти Перри (Aumann, Hart, Perry, 1997a,b), то там действительно было много дискуссий. Я могу также подтвердить сложность данного процесса, исходя из собственного опыта совместной работы с другими учеными, в том числе и в течение продолжительного времени. В математике аргументы практически определяют правильную концепцию. Это вопрос суждения — невозможно доказать, что это хорошая концепция, а та нет. Можно только чувствовать или интуитивно предчувствовать, что *то* концепция может привести к чему-нибудь интересному, что изучение *этой* концепции может быть интересным. У каждого своя интуиция и свои идеи.

Ауманн: Но иногда также бывают и действительно существенные разногласия. С Машлером мы написали работу «Некоторые мысли по поводу минимаксного принципа» (Some Thoughts on the Minimax Principle) (Aumann, Maschler, 1972). Во время ее написания у нас возникли диаметрально противоположные мнения относительно одного важного момента, который невозможно было как-то обойти. В конце мы написали: «Некоторые эксперты считают, что это так, другие — нет». Вот так мы разрешили наши разногласия. Зачастую дело не доходит до такого рода крайностей, но все равно у меня *есть* существенные разногласия с соавторами. Конечно, это никоим образом не влияет на основную идею работы. Но при обсуждении, концептуализации возникают нюансы, по поводу которых и возникают разногласия. Все эти обсуждения значительно затрудняют написание совместной работы в сравнении с тем, если бы я писал работу один. И подготовка такой работы занимает намного больше времени.

Харт: Но вы проводите это время с пользой: вам необходимо отстаивать свое мнение и искать необходимые аргументы, чтобы убедить своего соавтора. И это хорошо как для будущего читателя, так и для вас, поскольку помогает лучше понять отдельные моменты.

Это одна из причин, почему стоит создавать междисциплинарный центр. Когда вы должны объяснить то, что делаете, людям, далеким от этого, вы не можете принимать что-то на веру. Все, что так или иначе считалось общеизвестным и общепринятым в вашей дисциплине, вдруг ставится под сомнение. И вы осознаете, что на самом деле это нельзя было считать обще-

принятым. Это очень хорошая тренировка: объяснять то, что вы делаете, умному человеку, имеющему лишь общее представление о предмете и не работающему в вашей области. Это одно из огромных преимуществ нашего Центра изучения рациональности. Много интересных идей и проектов возникло в результате подобного рода дискуссий. Вы вдруг понимаете, что некоторые из ваших основополагающих предположений в действительности могут быть неправильными или требуют доказательства. То же самое касается и соавторов. Когда вы думаете про себя, то очень быстро согласуете все моменты. Когда же вам необходимо объяснять это кому-либо, приходится рассматривать все более тщательно, вопрос за вопросом, и тут вы уже не можете так просто допускать какие-то ошибки.

Ауманн: Все правильно. Я хотел бы подкрепить это еще одной историей из Талмуда. В Талмуде очень часто фигурируют различные пары мудрецов, которые постоянно спорят друг с другом по какому-то вопросу. Одна из таких пар — рабби Йоханан и Реш Лакиш. Они были друзьями, но постоянно спорили по любому поводу. И вот Реш Лакиш умер. Рабби Йоханан очень сильно переживал, много дней горевал по поводу смерти своего друга. Наконец он возобновил чтение лекций. И как-то один из мудрецов привел в качестве доказательства всего того, что сказал рабби, 30 подтверждающих фактов. Рабби заплакал и поблагодарил этого мудреца. «Вы пытаетесь утешить меня, потому что я потерял своего друга Реша Лакиша», — сказал он. — Но вы, наоборот, расстраиваете меня. Реш Лакиш уже задал бы 30 вопросов по поводу того, что я сказал, предложил 30 доказательств, что я неправ. И мне надо было бы напрячь весь свой ум и попытаться доказать, что он неправ и, таким образом, упрочить свое положение. Тогда как вы доказываете, что я прав. Я знаю, что я прав. Что изменилось от того, что вы доказали, что я прав? Это не добавило мне знания».

Это совпадает с вашей точкой зрения. Когда перед вами разные точки зрения и необходимо упрочить собственную позицию по какому-то вопросу, вам необходимо начать с кем-то спорить, и в ходе спора ваша позиция станет более приемлемой и доказанной.

Со многими соавторами у меня были острые разногласия и очень душевный процесс переговоров о том, как должна звучать та или иная мысль.

Я помню одну дискуссию с Ллойдом Шепли. Это было в Стэнфордском университете как-то летом в начале 1970-х гг. Во время восхождения я тогда сломал себе ногу. Шепли пришел навестить меня в Стэнфордский клуб преподавателей, где я скакал на костылях. Вы не поверите, но мы битых полчаса спорили по поводу одной запятой. Я уже точно не помню, то ли я хотел ее поставить, а Ллойд убрать, а может наоборот — он хотел, а я нет. Я также не помню, как все тогда разрешилось. Не могли же мы тогда написать «некоторые эксперты поставили бы здесь запятую, другие нет». Я всегда думаю, что мои соавторы упрямы, но, возможно, это я слишком упрям.

Еще кое-что о соавторстве. Майк Машлер — удивительный человек и большой ученый, но он один из самых упрямых людей, которых я знаю. Одна наша совместная работа с Машлером была посвящена переговорному множеству в корпоративных играх (Aumann, Maschler, 1964). Как она появилась? Когда я только начал работать в Еврейском университете в 1960 г., я проводил математический коллоквиум, на котором рассказал студентам о стабильном множестве фон Неймана-Моргенштерна. Когда пришло время задавать вопросы, Майк заявил, что он не понимает этой концепции, что она, возможно, ошибочна. Я предложил ему продолжить дискуссию после лекции. Так мы и сделали. Я попытался объяснить и доказать эту красивую и глубокую идею стабильного множества. Но Майк с ней не согласился.

В итоге, рассердившись на него, я спросил, а может ли он предложить что-нибудь лучше этого. Он ответил, что ему нужно пару дней. И через день или два он пришел ко мне со своей идеей. Я раскритиковал ее, показав ему, чем она плоха. Так продолжалось почти год. Он приходил с очередной идеей альтернативы стабильному множеству, но я ее отвергал. В конце концов он

пришел с чем-то, что я не смог с ходу отвергнуть. Мы расстались на лето. За это время он подробно описал свою идею и отправил мне по почте, указав в своей работе меня как соавтора. Я ответил ему, что не собираюсь в этом участвовать, мне пока нечего возразить ему, но мне не нравится его идея. Для Машлера не существовало слова «нет». Неделями, месяцами он продолжал атаковать меня своими просьбами, пока я не сдался и не сказал: «Хорошо, мне не нравится эта идея, но вы можете ее опубликовать». Речь идет о «Переговорном множестве в корпоративных играх» (Bargaining Set for Cooperative Games) (Aumann, Maschler, 1964). Мне до сих пор не нравится эта идея, но Машлер и Дэвис подкорректировали ее, и она в конечном итоге превратилась в весьма значительную концепцию, из которой возникло «К-ядро» Дэвиса-Машлера и «N-ядро» Шмайдлера. Из-за того, что в результате получилось больше, чем предполагалось, она стала одной из моих наиболее цитируемых работ. Упрямство Машлера на практике оказалось оправданным. Возможно, нужно было дождаться пересмотра ее Дэвисом и Машлером, но, так или иначе, оглядываясь назад, я нисколько не жалею о том, что мы ее опубликовали. Майкл всегда был очень упрямым. Когда он чего-то хотел, он это и получал. Как вы сказали, Серджиу, совместная работа намного увлекательнее, мучительнее, чем писать в одиночку, но в результате получается более интересный продукт.

Харт: Так мы подошли к тому, чтобы поговорить о ваших главных научных достижениях и ваших наиболее цитируемых работах, что, вероятно, не одно и то же.

Ауманн: Научные работы почти как дети или студенты — каждый индивидуален, их любят и никогда не сравнивают. Тем не менее следят за тем,

что с ними происходит, и я тоже слежу за цитированием моих работ и таким образом вижу, что они «делают».

Одна из двух наиболее цитируемых работ — «Рынки с континуумом участников» (Aumann, 1964) — посвящена теореме эквивалентности, в основе которой лежит идея о том, что С-ядро — это то же самое, что и конкурентное равновесие на рынке, где каждый отдельный игрок незначителен. Другая работа — «Согласие не согласиться» (Aumann, 1976) — знакомит читателей с «интерактивной эпистемологией», официальной теорией знания о знании других. За ними идут наша с Шепли книжка «Значения для неанатомических игр» (Aumann, Shapley, 1974), две работы по коррелированному равновесию (Aumann, 1974, 1987), совместная с Машлером работа по переговорному множеству (Aumann, Maschler, 1964), работа по субъективной вероятности, написанная вместе с Энскомбом (Aumann, Anscombe, 1963) и «Интегралы многозначных функций» (Integrals of Set-Valued Functions) (Aumann, 1965), сугубо математическая работа, оказавшая влияние как на теорию управления и родственные ей области, так и на математическую экономику. Следующий набор состоит из работ по повторяющимся играм: работа 1959 г. (Aumann, 1959), книга, написанная в соавторстве с Машлером (Aumann, Maschler, 1995), мое исследование (Aumann, 1981) и совместная с Сориным работа «Кооперация и ограниченный отказ» (Cooperation and Bounded Recall) (Aumann, Sorin, 1989): а также работа по Талмуду, написанная с Машлером (Aumann, Maschler, 1985), совместная работа с Дрезом по коа-

лиционным структурам (Aumann, Dréze, 1975), совместная работа с Бранденбургером «Эпистемологические условия равновесия Нэша» (Epistemic Conditions for Nash Equilibrium) (Aumann, Brandenburger, 1995), совместная работа с Курцем «Власть и налоги» (Power and Taxes) (Aumann, Kurz, 1977a), ряд работ по НТП-играм (играм с нетрансферабельными полезностями) (Aumann, 1961, 1967) и др.

В качестве резюме хотел бы добавить, что коррелированное равновесие имело большое влияние, как и работы по повторяющимся играм, принципу эквивалентности, континуума игроков, интерактивной эпистемологии. Цитирование работ дает неплохое общее представление о масштабе влияния. Но необходимо смотреть шире. Иногда основное содержание работы в итоге имеет большее влияние, чем показывают отдельные цитаты. Кроме вышеперечисленных тем, есть еще неполная информация, НТП-значения и НТП-игры вообще — с большим количеством вариантов применения — совершенная и несовершенная конкуренция, полезность и субъективная вероятность, математика многозначных функций и измеримость, игры в развернутой форме и т.д. Конечно, их нельзя назвать несовместимыми, у них много взаимосвязей и областей пересечения. Мы с Жаком Дрезом написали труд, над которым много и долго работали. Целых семь лет. В некоторых местах, могу сказать, это была одна из самых

глубоко проработанных работ в моей жизни. Она практически не цитируется. Я люблю эту работу. Это прекрасная работа, но она не стала широко известной.

Харт: Такие глубокие исследования имеют два не очень приятных момента. Во-первых, вы решаете проблему раз и навсегда и вам больше нечего сказать. Во-вторых, сложно найти последователей: людям трудно включиться в тему.

Мы говорили о различных этапах вашей жизни. Но кроме Сити-колледжа, МТИ, Принстона и Еврейского университета за эти годы вы провели много времени и в других местах: Йель, Стэнфорд, CORE и не так давно Стоуни-Брук.

Ауманн: Возможно, наиболее значимым для меня местом стал Стэнфорд, в особенности — Институт математических исследований в социальных науках и экономике (IMSSS). В течение удивительных двадцати лет институтом руководил Мордекаи Курц (1971-1990 гг.). Основная деятельность IMSSS заключалась в проведении летних семинаров продолжительностью от 6 до 8 недель. В это время здесь собирались лучшие умы экономической теории. В стенах IMSSS родилось немало замечательных идей в области экономической теории. Встречи проходили в непринужденной форме, первоначально по вторникам и четвергам утро отводилось целиком для выступления одного спикера, днем выступали тоже один-два спикера, не больше. Позднее утро среды также стало частью официальной программы. Все остальное время отводилось для неформального общения участников. Кеннет Эрроу был постоянным участником подобных мероприятий, также Фрэнк Хан, и конечно же, Мордекаи. В то время и я каждый год участвовал в летнем семинаре.

Это было удивительное место. Мордекаи никоим образом не стремился

расширять сложившийся круг участников. Однажды он даже поставил охрану у комнаты, где проходили семинары, чтобы не пускать «незваных гостей». Но потом он осознал, что слегка перегнул палку, и на следующее лето больше не стал этого делать.

Еще один забавный случай того времени. Через год после получения Нобелевской премии в начале июля Эрроу отправился отдыхать на Гавайи и не появился на первой сессии летнего семинара. Мордекаи отыскал его, позвонил ему и спросил, что тот себе позволяет и почему он до сих пор не приехал; и посоветовал Эрроу первым же самолетом прилетать, иначе у того будут неприятности. Это было достаточно смелое требование, но Эрроу послушался его. Он быстро свернул свой отдых, сел на самолет и вскоре уже сидел на своем месте на семинаре.

За те двадцать лет IMSSS оказал огромное влияние на развитие экономической теории и на мою научную карьеру тоже. Ряд моих лучших работ

были написаны именно в то время во многом благодаря летним семинарам в IMSSS. Кроме того, тогда же я провел два своих академических отпуска в Стэнфорде — в 1975-1976 и 1980-1981 гг. Это были очень важные периоды в моей жизни. Мои дети считают Калифорнию своим вторым домом. Проводя здесь каждое лето в течение 20 лет, а также две зимы, я научился наслаждаться всеми прелестями Калифорнии. Уже позднее, в 1990-х гг., мы снова приехали летом на несколько недель в Стэнфорд. Я сказал жене, что вот уже целый год, как я не видел своего друга. Она спросила, о ком это я. И я ответил — о горах Сьерра-Невада. Мы уже провели в Калифорнии несколько недель, но ни разу не были в горах. И мы съездили туда. Как всегда, это было незабываемо. В те годы мы много раз вставали в 3-4 утра, ехали на восток Калифорнии к великолепной Сьерре, проводили там целый день — примерно с 7-8 утра и до 9 вечера, а затем в час ночи возвращались обратно в Пало-Альто — измотанные, но довольные. Мы лазали по горам, бродили, купались, катались на лыжах.

Сьерра-Невада действительно прекрасное место. Я объездил весь мир вдоль и поперек, но нигде не видел ничего подобного, особенно таких озер. Конечно, есть более красивые горы, но такое изобилие и разнообразие горных озер, как в Сьерре, думаю, вряд ли где найдется. Безусловно, это не связано с теорией игр, но мне очень хотелось об этом рассказать.

Харт: Возвращаясь к летним семинарам IMSSS, кроме тех, кто ездил туда из года в год, там всегда было несколько десятков участников — от очень молодых, кто еще писал докторскую, до серьезных авторитетных экономистов. Участники могли представлять свои работы. Проходили очень захватывающие дискуссии. И еще. Каждое лето проходили однодневные или двухдневные семинары-практикумы, которые проводились известными учеными — такими, как вы. К примеру, в 1978 г. вы провели семинар-практикум по повторяющимся играм (Aumann, 1981). Таким образом можно было собрать научный материал, особенно тот, который еще не был издан. Можно было подготовить какие-то свои материалы. Их копировали и распространяли среди участников. Подобного рода семинары служили его участникам на протяжении многих лет в качестве основы для исследований в какой-то определенной области. У меня до сих пор хранятся за-

писи с тех семинаров-практикумов, они мне очень помогли.
Вы не могли просто прийти и выступить на какой-то презентации — необходимо было тщательно подготовиться, раздать материалы и библиографический список. Это была очень серьезная и напряженная работа, но это было и увлекательно, поскольку все время ты узнавал что-то новое. Это было здорово.
Ауманн: Абсолютно с вами согласен. Я не сказал о том, кто еще участвовал в летних семинарах. Их состав каждый год менялся. Были такие, кто приезжал два, три и даже четыре года подряд. А были и те, кто приезжал

только через год. Но всегда была достаточно большая группа людей, которая как и три-четыре постоянных участника из числа известных ученых, делала очень много для того, чтобы эти семинары были интересными и ценными. Еще один момент — энергетика обсуждения. Дискуссии были очень свободными, очень открытыми, и зачастую очень энергичными. Помню, как-то утром у меня была запланирована двухчасовая лекция — с 10 до 11 часов, потом получасовой перерыв, и затем с 11:30 до 12:30. Я уже собрался начать свою презентацию в 10:00, как где-то за минуту до начала выступления кто-то выскочил с вопросом или просто ремаркой. Тут же кто-то ответил, и началось бог знает что. Я постоял несколько минут, решив дать возможность людям выговориться. Все это продолжалось целый час, пока все не отправились на перерыв. К 11:30 участники дискуссии выдохлись, и я с 11:30 до 12:30 прочел свою лекцию. Это был типичный, но может быть немного необычный по своей энергетике, случай.
Харт: Да, это было типично для этих семинаров. Там не было такого понятия, как двадцатиминутная отсрочка при возникновении подобного рода ситуаций. Там вообще не было такого понятия, как отсрочка. С другой стороны, все дискуссии были по делу. Люди пытались понять. И дискуссии действительно помогали им в этом. Они помогали прояснить тот или иной вопрос. Если вы посмотрите на то, что было сделано в те двадцать лет, то увидите — значительная часть работ по экономической теории в то время связана со стэнфордским летним семинаром — либо там зародилась идея, либо ее там обсуждали, либо развили в различных направлениях. В экономической теории ничего не происходило в обход Стэнфорда или, по крайней мере, ученые там представляли миру свои новые идеи.
Ауманн: Предлагаю поговорить о Центре исследования операций и эконометрики (CORE) при Лувенском католическом университете — старинном университете, которому уже около семисот или восьмисот лет. CORE был учрежден в большей степени благодаря Жаку Дрезу. Я сам провел в Центре много времени — приезжал раза три-четыре на несколько месяцев, не считая бесчисленного количества краткосрочных наездов. Это тоже замечательный исследовательский институт. В отличие от IMSSS, он ведет более активную деятельность в течение учебного года. Это большой центр исследований в области экономической теории, а также теории игр. Все эти годы я тесно работал с Жаком Дрезом. Мы вместе написали несколько работ. Вторым человеком в CORE, который имел огромное влияние на теорию игр — сам и через своих студентов, — был Жан-Франсуа Мертен. Он — автор ряда фундаментальных трудов, в том числе в соавторстве с моими

израильскими студентами, например, с Кольбергом, Нейманом и Замиром. Он основал Бельгийскую школу математической теории игр.
Еще одним институтом, с которым я был тесно связан в последние 10-1 5 лет, это Центр теории игр в Стоуни-Брук. Основная деятельность Центра

сосредоточена на проведении двух-трехнедельной летней программы, которая состоит из большой недельной международной конференции по всем аспектам теории игр и специализированных семинаров-практикумов по отдельным темам — в основном достаточно прикладного характера, но иногда также и по отдельным теоретическим вопросам. Семинары рассчитаны на меньшее количество участников и каждый из них длится 2, 3, 4 дня. Когда как. Эту программу, имеющую огромный успех среди специалистов и большое влияние на теорию игр, с самого начала (с 1991 г.) ведет Яир Тауман. Здесь я также провел немало времени — приезжал в течение учебного года не один раз на несколько месяцев. Я преподавал теорию игр — с небольшой группой известных исследователей и группой студентов-магистрантов проводил исследования в области теории игр.
Также я должен назвать Йельский университет, где в 1964-1965 гг. я провел свой академический отпуск. Это было после того, как мы с Фрэнком Энскомбом опубликовали нашу совместную работу «Определение субъективной вероятности» (A Definition of Subjective Probability) (Aumann, Anscombe, 1963). Фрэнк возглавлял факультет статистики в Йеле. В то время я также работал с Фондом Коулза вместе с Гербертом Скарфом и Мартином Шубиком. Тогда же я подружился с Джимми Сэвиджем. Не уверен, что многие знают об этом, но он почти слепой. Почти, но не совсем. Он с трудом мог читать с помощью большого увеличительного стекла. Но читая его работы, вы не найдете ни единого намека на это. В конце 1980-х гг. я вновь провел в Йеле в Фонде Коулза почти шесть недель — читал там лекции по интерактивной эпистемологии.
Еще одно место, которое оказало на меня влияние, — это Беркли. Я провел там лето 1964 г. и весну 1972-го. Я работал там с Жераром Дебрё, выдающимся человеком, а также с Джоном Харшаньи и Роем Раднером. Жерар был не только великим ученым, но большим гурманом. Его жена Франсуаз замечательно готовила. Время от времени они приглашали нас к себе на обед. Франсуаз всегда старалась приготовить что-нибудь кошерное. Иногда и мы приглашали их к себе. В такие моменты Жерар всегда отмечал только одно блюдо, самое лучшее, на его взгляд. Но иногда он не удостаивал оценки ни одно из блюд. В результате комплимент Жерара был не просто чем-то тривиальным, «из вежливости», а настоящим, возвышенным. Сейчас я сам готовлю и приглашаю на обед, и когда гости в конце говорят, что все было замечательно, за этими словами ничего не стоит. Хотя я позволяю себя «обманывать», на самом деле это ничего не значит. Но когда уходя гость говорит, что суп был превосходен и он никогда в жизни такого супа не ел, это уже что-то значит. Он ничего не говорит о мясе, рыбе, салате и десерте, только о супе. Или еще кто-нибудь отмечает, что мусс из форели был незабываем. Когда хвалят одно конкретное блюдо, вы знаете, что это сказано не просто так.

Кроме того, я провел целый месяц в Нью-Йоркском университете. Это было в феврале 1997 г. Было интересно. Но Нью-Йорк Сити затмил всю мою научную деятельность там. Возможно, мы с Эстер относились к этому городу слишком серьезно. Это было чудесное время для нас обоих, но то, что было за пределами Университета, было для нас важнее, чем наука.

Харт: Наверное как раз пришло время спросить, а кто больше всего повлиял на вас?

Ауманн: Прежде всего это вся моя семья: родители, брат, жена, дети, внуки. Мой правнук еще не успел оказать большого влияния на меня по причине того, что ему всего полтора года. Но он еще сделает это. Мои студенты очень сильно на меня повлияли. Вы. Все мои учителя. Но если выделять в семье кого-то одного, то это мама. Она была необычным человеком. Она получила диплом бакалавра в Англии в 1914 г., когда для женщин это было далеко не самым обычным делом. Кроме того, она была хорошей пловчихой и плавала на длинные дистанции, у нее были спортивные награды. А еще она пела романсы Шуберта и при этом сама себе аккомпанировала на фортепьяно. Она научила нас любить природу, музыку, книги. Когда мы гуляли, мама рассказывала нам о деревьях, которые встречались нам на пути. По ночам мы смотрели на небо, и она показывала нам созвездия. Когда мне было почти двенадцать, мы начали с мамой читать «Повесть о двух городах» Диккенса. Это продолжалось до тех пор, пока книжка не захватила меня, и я, не дожидаясь мамы, сам прочел ее до конца. С того времени я стал читать запоем. Можно даже сказать, что именно мама познакомила меня с интерактивной эпистемологией. Возьмите хотя бы присутствующий «фольклор» в моей работе (Aumann, 1996). Она всегда находила возможность подбодрить нас, чтобы мы двигались вперед, и всегда это делала мягко, ненавязчиво, давала нам возможность самим принимать решение. Конечно, родители всегда влияют на детей, но мама делала это как-то по-особенному.

Я уже упоминал своего учителя математики в школе — «Джоуи» Ганслера. С точки зрения влияния на меня как на иудея я бы выделил из числа моих школьных учителей раввина Шмуэля Варшавчика. Во время Второй мировой войны, спасаясь от нацистов, он убежал в Китай и провел все эти годы вместе с йешивой «Мир». После войны он перебрался в Соединенные Штаты. Он показал мне всю прелесть изучения Талмуда и соблюдения религиозных предписаний. Он был *khoreidi*. Очень трудно подобрать правильный перевод этого слова. Многие называют их ультра-ортодоксами, но мне не нравится такое определение, поскольку оно имеет уничижительный оттенок. *Khareidi* означает дословно «озабоченный, испуганный, обеспокоенный». Иными словами, человек старается вести праведную жизнь, думать о том, правильно ли он все делает, выполняет ли он все взятые обязательства перед Богом и человеком. Энтузиазм и энергия Варшавчика, его горящие

глаза зажгли и во мне огонь любви к Богу, религии и всему, что с этим связано. В конце концов он переехал в Израиль. Несколько лет назад он умер в Хайфе.

Следующим человеком, который также оставил след в моей судьбе, был молодой преподаватель философии в Сити-колледже Гарри Тартер. Я посещал его курсы «Философия 12 и 13», включающие в себя логику, пропозициональное исчисление, теорию множеств.

Харт: У вас была хорошая база для работы в области интерактивной эпистемологии.

Ауманн: Да, в основе были знания, полученные на курсах «Философия 12» и «Философия 13», где я узнал о парадоксе Рассела и т.п. У нас установились хорошие отношения, которые вышли за рамки учебного процесса, что было не совсем обычно для студента и преподавателя университета. Позднее мы с женой и детьми навестили его в Адирондаке, где он живет в деревенском домике на берегу озера. Он приезжал к нам в Израиль на пасхальный седер. Что больше всего бросалось в глаза, так это его способность всегда задавать вопросы. Даже если что-то было очевидным, он все равно мог спросить, почему это так. На седер он завалил нас вопросами. Его жена пыталась заставить его замолчать, но я встал на защиту Гарри и сказал, что он может спрашивать сколько угодно. Он был замечательным человеком.

Джек Смит, которого я встретил в Принстоне, когда работал там над проектом компании Naval Electronics, также оказал на меня сильное влияние. Я бы хотел несколько слов сказать о самом проекте. Однажды раздался звонок из Вашингтона. Это был Джек Смит. Он был вне себя. Джек отвечал за перенос навигационного оборудования со списанных кораблей на действующие. Это было очень дорогое оборудование: радары, гидролокаторы, радиопередатчики и радиоприемники. Порой стоимость каждой позиции доходила до полумиллиона долларов в ценах 1955 г. Это была куча денег. И Джек Смит был назначен ответственным за все это оборудование и за то, чтобы оно попало по назначению. Он пытался систематизировать эту работу. И как-то к нему в офис ввалились морские офицеры, размахивая своими револьверами и стали угрожать, что убьют его и т.п. Он был в смятении. Он позвонил нам и сказал, что его не интересует, как мы это сделаем, но ему необходимо какое-то решение. И я ответил: «Компьютеры». Сегодня это одна из классических проблем назначения, своего рода проблема линейного программирования. Ограничения понятны. Есть только одна маленькая проблема — что является целевой функцией. Мы с Джо Крускалом так или иначе решили эту проблему, и наше решение внедрили. Возможно, это одно из наиболее важных моих деяний, несмотря на то, что упоминают об этом нечасто. Так я подружился с Джеком Смитом, его женой Энни и его пятью детьми. Он был удивительным человеком. В детстве он

переболел полиомиелитом и поэтому прихрамывал. Но, несмотря на это, меня просто поражала его энергия, его пытливый ум, широта кругозора. Прекрасная семья, удивительные люди. Он оставил заметный след в моей судьбе.

Но вернемся к моим студенческим годам. Безусловно, мой куратор Джордж Уайтхед не мог не повлиять на меня. Он был строг — не в душе, а в его дотошности по отношению к математике. Мы встречались каждую неделю, и я делился с ним своими идеями. Я мог говорить о накрывающих

пространствах и при этом размахивать руками. А потом он мог сказать: «Ауманн, это очень хорошая идея, но она не имеет никакого отношения к математике. В математике мы можем обсуждать трехмерные объекты, но наши доказательства должны быть одномерными. Вы должны написать это аккуратно слово за словом, чтобы это было связно». Я запомнил его слова на всю жизнь.

Мы уже говорили о Моргенштерне, которому я во многом обязан своим ростом как ученого. Я признателен ему за все, что он для меня сделал. Надо сказать, что на нас также влияют и все, с кем мы постоянно общаемся. В моем случае одним из таких людей был Герберт Скарф. Именно слушая его, мне пришла в голову идея написать работу по рынкам с континуумом участников. Со временем мы стали очень хорошими друзьями. Эрроу также оказал на меня большое влияние. Мы с Кеном много лет были большими друзьями. И хотя он практически не повлиял на мою научную деятельность, по крайней мере напрямую, его влияние как личности было огромным. Несомненно, идеи Харшаньи о неполной информации также оставили свой след — как и прочтение книги Льюса и Райффа «Игры и решения» (Games and Decisions).

А еще был Шепли. Идея «Рынков с континуумом участников» возникла в моей голове благодаря совмещению работы Шепли и Милнора по океаническим играм и презентации Скарфа на конференции по теории игр в 1961 г. А затем появилась наша совместная книга и мои работы по нетрансферабельной полезности, в которых чувствуется огромное влияние Шепли.

Харт: Мне бы хотелось перейти к своего рода попурри из тем, которые никак не связаны друг с другом. Но вместе они составляют определенную часть вашего мировоззрения. Начнем с вопроса судебного усмотрения и его ограничения — одной из наиболее обсуждаемых тем в Израиле сегодня.

Ауманн: Есть два мнения по поводу того, как должен работать суд, особенно Верховный. Одни призывают к ограничению судебной власти, другие наоборот — к судебному активизму. Первые говорят, что суды должны лишь исполнять законы, но не разрабатывать их. Этим должна заниматься законодательная власть, исполнительная власть — администрировать законы, а суды — разрешать возникающие при этом разногласия.

Рис. 15.8. Лекции памяти Моргенштерна. Боб Ауманн (в первом ряду), Дон Патинкин, Майк Машлер, Кен Эрроу (второй ряд, слева направо), Том Шеллинг (третий ряд, второй слева); а также Маршалл Сарнат, Джонатан Шалев, Майкл Бинсток, Дитер Балкенборг, Эйтан Шешински, Эдна Ульманн-Маргалит, Майя Бар-Хилель, Гершон Бен-Шахар, Бенжамин Вайс, Рубен Гронау, Мотти Перри, Менахем Йаари, Цур Шапира, Давид Будеску, Гэри Борнштейн. Иерусалим, 1994 г.

Сторонники судебного активизма хотят оставить судам более широкие полномочия. Они могут решать, какая деятельность обоснована, а какая нет; что «законно», а что нет. И говоря о том, что это «обоснованно», или «неприемлемо», или «несправедливо», они отталкиваются от собственных суждений, а не от существующих законов. В первую очередь это касается деятельности государственных структур; суд может квалифицировать деятельность той или иной структуры как необоснованную. Это также касается и таких моментов, как приведение в исполнение заключенных контрактов; при условии судебного активизма суд может заявить сторонам, что данный контракт «неразумен», поэтому мы не будем настаивать на его ис-

полнении. Это два абсолютно разных подхода к выполнению судебной функции.

В Израиле суды, особенно Верховный суд, наделены чрезмерно большими полномочиями, каких нет ни у одного суда в континентальной Европе и даже в США. Как-то мы с председателем Верховного суда Израиля

Аароном Бараком присутствовали на лекции, где выступающий заявил, что Верховный суд законно выполняет законотворческие функции, потому что это такой же законодательный орган, как и судебный. После лекции в разговоре с г-ном Бараком я выразил свое искреннее удивление по поводу этого высказывания. На что он мне ответил, что не видит в этом ничего плохого и докладчик совершенно прав; что они, как талмудские мудрецы, выполняют и законотворческие, и судебные функции.

Харт: Вы согласны с таким утверждением по поводу Талмуда?

Ауманн: Да, это так. В отношении судебного активизма я вижу две большие проблемы. Во-первых, судебная власть это наименее демократическая государственная структура. В Израиле это в большей степени самодостаточная организация. Трое из девяти членов комитета, который назначает судей, сами заседают в Верховном суде. Другие являются членами коллегии адвокатов, на которую судьи оказывают большое влияние. И лишь четверо из девяти, меньшинство, по сути являются избираемыми из числа членов Кнессета. Более того, комитет разными путями старается уменьшить влияние избираемых членов. Например, судьи Верховного суда в комитете всегда голосуют как блок, что, как известно из ценностно-функционального анализа Шепли, существенно увеличивает их влиятельность. Одним словом, устройство судебной власти демократичным назвать трудно. Поэтому позволить судебной власти выступать еще и в роли законодателя значит нарушить основные принципы демократии, которые хорошо укладываются в рамки теории игр. Возьмите, например, нашу с Курцем работу «Власть и налоги» (Aumann, Kurz, 1977a), где мы рассуждаем на тему взаимоотношений власти и демократии. Чтобы ни одна группа не смогла узурпировать политическую власть в стране, а также доступ к ее богатствам, очень важно равномерно распределить власть. Я не собираюсь ставить под сомнение честность судей Верховного суда Израиля, но, так или иначе, институт, где в руках небольшой группы людей, избранных недемократическим путем, сконцентрирована власть, несет в себе очень большую опасность. Это одна проблема.

Харт: Суд, состав которого избран недемократическим путем, не представляет собой проблемы как таковой, как и наделение его полномочиями интерпретировать законы. Проблема возникает лишь тогда, когда судебная ветвь власти начинает создавать законы.

Ауманн: Абсолютно верно. Что действительно опасно, так это, по большому счету, самозваная олигархия, которая создает законы. Опасна *комби-*

нация судебного активизма и избранного недемократическим путем состава суда.

Вторая проблема, связанная с судебным активизмом, это неопределенность. Если человек, заключающий с кем-то договор, не уверен в том, что сможет в определенных обстоятельствах обжаловать его в суде, то у него и не будет желания его подписывать. Судебный активизм порождает неопределенность: неизвестно — можно будет обжаловать этот договор в суде или нет. Большинство людей, принимающих решения, чаще всего стараются особенно не рисковать и поэтому в условиях судебного активизма они избегают подобных соглашений. Таким образом могут быть расстроены

многие потенциальные соглашения, и результат получится уж точно квазиоптимальным.
Харт: Но неполные договоры могут иметь и преимущества. То, что вы заранее не знаете, что решит суд, это ли не пример неполноты договора?
Ауманн: Неполные договоры, безусловно, могут быть иногда и полезны. Но все же вопрос заключается в том, что договор, по которому стороны выразили свое явное согласие, может быть не принят судом. И конечно же, это нельзя считать выгодным для обеих сторон договора. Возможно, это будет выгодно для общества, если, конечно, есть кто-то, кто не хочет исполнения данного договора. Договор на кражу машины не должен быть принудительно исполнен, поскольку необходимо помешать вору. Но мы не хотим мешать законной экономической деятельности, а судебный активизм это делает.
Харт: Неопределенность решения суда можно также рассматривать как некий элемент случайности, который может привести к Парето-улучшению. Это своего рода взаимное страхование.
Ауманн: Теоретически вы правы. Но все равно это как-то неестественно, натянуто. В общем и целом неопределенность — ослабляющий фактор. Если в двух словах, то о судебном активизме нужно сокрушаться по двум причинам: из-за неопределенности в экономике и политике и отсутствия демократизма.
Харт: Вы хотели поговорить о войне.
Ауманн: Не так давно Барри О'Нейл, политолог, специалист в области теории игр, выступал здесь с лекцией. Кое-что из того, что он заявил на своей лекции, а именно — воевать мы будем еще очень долго, — заставило меня задуматься. На самом деле ничто так не вездесуще в истории человечества, как война. Издревле войны постоянно сопровождают нас на всех этапах истории. Война и религия — это то, что всегда присутствует в нашей жизни. Огромное количество энергии тратится людьми, действующих из лучших побуждений, на то, чтобы предотвратить войну, мирно разрешить конфликт, прекратить военные действия и т.п. Исходя из того, что во всем мире война столь распространена как во времени, так и в пространстве,

возможно, большая часть усилий по предотвращению или остановке военных действий направлена не на то, что надо. Люди бросают свои силы на разрешение отдельных конфликтов. Что мы можем сделать, чтобы примирить ирландских католиков и протестантов Северной Ирландии? Как мы можем разрешить конфликт между индусами Индии и мусульманами Пакистана? Что мы можем сделать, чтобы разрешить конфликт между евреями и арабами на Ближнем Востоке? И в этом случае всегда есть опасность увязнуть в специфике того или иного конфликта и не заметить более фундаментальных проблем, которые показывают, почему у нас постоянно происходят войны. В основе войны только предположительно лежат отдельные конфликты. Скорее всего это представляет собой некую составляющую человеческой природы — и если не человеческой природы, то нашего управления институтами, а это допускает существование войн и фактически делает их неизбежными. Глядя на историю с ее постоянными войнами, возможно, мы должны сменить тактику и задать себе вопрос, а

что собственно является причиной возникновения войны. Вместо организации разного рода институтов по проблемам мира, проектов, направленных на мирное сосуществование, институтов, изучающих и продвигающих идею мира, мы должны создавать институты по изучению войн. При этом непосредственной идеей *не* будет являться предотвращение войны. Она может появиться позже, но сначала мы должны понять это явление.

Это как борьба с раком. С одной стороны, исходя из определенного вида рака, можно озадачиться вопросом, а что мы можем сделать, чтобы победить его. Химиотерапия? Облучение? Хирургическое вмешательство? Необходимо провести соответствующие статистические исследования, чтобы выяснить, какой из способов лечения наиболее эффективен. Это один из вариантов борьбы с раком. Другой подход — просто спросить себя, а *что токое* рак? Как он протекает? Никто не отказывается от того, чтобы найти способ излечиться от него. Но для начала давайте поймем, что это такое. С чего начинается, как распространяется? Насколько быстро? Какие базовые свойства клеток изменяются, когда человек заболевает раком? Просто исследуйте данные вопросы. И как только вы получите ответы на эти вопросы, возможно, у вас появится надежда найти способ борьбы с раком. До этого ваши шансы найти решение будут невелики.

Харт: Таким образом, стандартный подход к вопросу войны и мира должен рассматривать его как «черный ящик». Мы не знаем, как это все работает, поэтому пытаемся применять специальные решения. И вы считаете такой подход правильным. Вместо этого надо узнать, что находится внутри «черного ящика», понять первопричину конфликта, а не бороться с симптомами.

Ауманн: Совершенно верно. Возможно, сильный конфликт будет очень трудно разрешить. Соответственно теория игр говорит, что в общем и целом

ни одна из сторон на самом деле не знает, какова степень существующих разногласий, «цена резервирования». Это как в модели переговоров Харшаньи-Зельтена при условии неполной информации, где ни одна из сторон не знает, какова цена резервирования у другого. Оптимальной стратегией в такой ситуации может быть угроза. Если покупатель посчитает, что продавец заложил низкую цену резервирования, он сделает предложение по низкой цене, даже если на самом деле был готов заплатить намного больше. То же самое касается и продавца. Поэтому конфликт может возникнуть даже если цены резервирования у обеих сторон будут сопоставимы. Если же этот конфликт — забастовка, то это плохо, но намного хуже, если это война. Такого рода модель говорит о том, что конфликт может быть неотвратим, или что для того, чтобы его избежать, вам необходимо создать определенные институты. Если же с этой точки зрения конфликт действительно неизбежен, мы должны понять это. Было бы большой ошибкой утверждать, что война иррациональна.

Харт: Это так же, как сказать, что забастовки иррациональны.

Ауманн: И что расовая дискриминация иррациональна (см. у Эрроу). Мы рассматриваем все беды мира как иррациональные. Но они не обязательно должны быть таковыми. И как бы это ни было больно и жестоко, они могут быть и рациональными. И было бы ошибкой говорить, что война

иррациональна. Если она рациональна и мы это осознаем, то мы таким образом можем как-то начать решать эту проблему. Если же мы просто отнесем ее к разряду иррациональных, мы не сможем решить данный вопрос.

Харт: Точно так же, как в ситуации с забастовками: возможно, единственный способ донести до оппонента, насколько вам важно что-либо — это развязать войну.

Ауманн: Согласен. Боб Уилсон поднимал это вопрос в своем выступлении на Лекциях памяти Моргенштерна в 1994 г. Это было сразу после длительной забастовки преподавателей университетов в Израиле.

Харт: В Израиле, к сожалению, мы находимся в состоянии непрекращающихся войн и конфликтов. Один из круглых столов в Центре изучения рациональности, где собравшиеся могли в весьма неформальной обстановке обменяться своими идеями, был посвящен как раз теме международных конфликтов. И вы озвучили там несколько идей, интересных с точки зрения теории игр.

Ауманн: Одна из них касалась парадокса шантажиста. Энн и Боб должны разделить между собой 100 долларов США. Это не игра-ультиматум, они могут обсуждать свои предложения совершенно свободно. И Энн говорит Бобу: «Я хочу девяносто долларов. Соглашайся или останешься ни с чем. На меньшую сумму я не согласна». На что Боб ей ответил, что она сошла с ума, и предложил разделить сумму пополам. На что Энн ответила отказом.

Энн — «шантажист». Возможно, она действует иррационально. Но Боб, если он рационален, согласится на десять долларов. Вот и все.

Харт: Вопрос в том, сможет ли она настоять на девяноста долларах. Если нет, тогда Боб, конечно же, скажет: «Знаешь, что?! Делим пополам. Теперь *ты* соглашайся или оставайся ни с чем». Для того, чтобы все сработало, Энн должна вести себя убедительно.

Ауманн: Другими словами, недостаточно, чтобы она просто сказала это. Она должна делать это правдоподобно, и тогда Боб поступит рационально и согласится на десять долларов. Сложность заключается в том, что, вероятно, Боб тоже может повести себя так, что согласится взять лишь не менее девяноста долларов. Поэтому налицо парадокс: раз Энн ведет себя убедительно и берет на себя обязательство согласиться на сумму не менее девяноста долларов, Боб должен быть мотивирован вести себя рационально и взять десять долларов. Но тогда Энн мотивирована вести себя рационально и взять такое обязательство. Но Боб тоже мог бы взять на себя такое обязательство. И если оба возьмут на себя такие обязательства, то это будет нерационально, потому что никто ничего не получит. Это и есть парадокс шантажиста. Поэтому теория игр признает, что, возможно, это не столь рационально для того, на кого направлена угроза — соглашаться на предложение.

Как можно экстраполировать этот пример на то, что происходит сейчас в Израиле? Например, был такой случай. Как-то один высокопоставленный военный чин пришел ко мне в офис в Центре изучения рациональности, чтобы поговорить о ситуации с Сирией и Голанскими высотами. Это была одна из самых актуальных тем того времени. Он рассказал мне, что сирий-

цы считают эту землю священной и поэтому не отдадут и пяди ее. После того как он мне это сказал, я рассказал ему о парадоксе шантажиста. Я объяснил ему, что сирийцы используют понятие «священная», «священная земля» как форму обязательства. На самом деле они должны сами себя убедить в том, что она священна, что они и делают. Как и в парадоксе шантажиста, мы могли бы сказать, что она священна, но мы не можем убедить *самих себя,* что это так. Одна из наших проблем заключается в том, что понятие «священная» отсутствует в нашем повседневном лексиконе.

Оно используется только в церковной среде. Мы принимаем святость других, но, со своей стороны, не горим желанием способствовать этому. В результате мы находимся в сложном положении, поскольку другая сторона может оперировать понятием «святость», которое мы исключили из нашего арсенала.

Харт: С другой стороны, у нас есть такой инструмент, как «из соображений безопасности». Это израильский аналог «священного» вопроса. Мы говорим, что из соображений безопасности нам необходимо контролировать горы и, таким образом, Галилейское море. И ничего другого не оста-

ется, как принять это. Многие годы существования подобного инструмента в Израиле превратили его в то же самое, что и «святость» в Сирии, — в связывающее обязательство. Вопрос в том, а сравнится ли оно по силе со святостью земли.

Ауманн: Оно слабее.

Харт: Возможно, это и объясняет, почему мы враждуем с Сирией.

Ауманн: Знаете, переговоры, которые Рабин вел с сирийцами в начале 1990-х гг., закончились ничем, практически не успев начаться. Я на самом деле не понимаю, почему так случилось, потому что Рабин хотел почти все отдать обратно — Голанские высоты, все. Без предложения каких-либо решений это немного похоже на иллюстрацию того, как анализ на основе теории игр может помочь понять, что происходит в этой стране в частности, и вообще в мире.

Харт: Поговорим о том, что вы подразумеваете под «связями»?

Ауманн: Теория игр во многом связана с исследованием взаимосвязей между различными объектами. Я говорил об этом в своей «юбилейной» лекции в 1995 г., а также во введении к своим «Избранным работам» (Aumann, 2000).

Науку очень часто сравнивают с поиском истины, где истина — нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания,* где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей — между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями. Вместо того, чтобы спрашивать, как устроено то или иное явление, мы спрашиваем себя, как это явление соотносится с другими явлениями, которые мы знаем. Вместо того, чтобы спрашивать, есть ли какой-то смысл в этой идее, мы спрашиваем себя, а как эта идея соотносится с другими идеями.

Безусловно, вопрос взаимоотношений является одним из базовых в теории игр. Такие дисциплины, как экономика и политология, использу-

ют несопоставимые модели для анализа монополий, олигополий, совершенной конкуренции, общественных благ, выборов, формирования коалиций и т.п. Теория игр, наоборот, использует во всех случаях *одни и те же* инструменты. N-ядро несет в себе конкурентное решение на больших рынках (Aumann, 1964), гомогенное влияние в парламенте (см. у Пелега) и талмудическое решение в схемах банкротства (Aumann, Maschler, 1985). Главная идея равновесия Нэша, которое в первую очередь показывает поведение осознанно максимизирующих агентов, *совпадает* с идеей равновесия популяций, которая тупо направлена на воспроизводство без стремления что-то максимизировать. Великий американский ученый-натуралист и исследователь Джон Мур сказал: «Если внимательно при-

смотреться, то все в этом мире взаимосвязано». И хотя Мур имел в виду мир природы, это также можно применить и по отношению к научным идеям — как мы *понимаем* наш мир.

Харт: А что можно сказать о соотношении предположений и выводов?

Ауманн: В экономической теории и теории игр не прекращаются дискуссии по поводу обоснованности и правильности предположений и аксиом. Я считаю, что это некорректная постановка вопроса. Мне никогда не были интересны предположения. Меня интересовали выводы. Предположения не должны быть правильными. Это *выводы* должны быть правильными. Это очень сильное заявление, возможно, даже сильнее, чем я считаю на самом деле, но я не боюсь показаться занудой. Когда Ньютон заявил о своей идее всемирного тяготения, его осмеяли. Идея всемирного тяготения довольно забавна. Это безумное предположение, которое и по сей день кажется таковым. Мне рассказали об этой теории еще в детстве. Она не имела особого смысла ни тогда, ни сейчас, хотя это правда. В науке предположения никто особо серьезно и не рассматривает, все смотрят на выводы. Меня не интересует, можно опровергнуть или нет ту или иную аксиому — теории полезности, значений Шепли, переговоров Нэша. Что меня интересует, так это опровержимы ли *выводы*, несут ли они в себе какие-то интересные идеи, можно ли построить с их помощью какую-нибудь полезную теорию, можно ли их проверить. Никто и никогда в научном мире не тестирует непосредственно предположения, теорию обосновывает или опровергает справедливость или несправедливость выводов, а не предположений.

Харт: Не могли бы вы еще пару слов сказать об этической нейтральности теории игр?

Ауманн: Этическая нейтральность означает, что специалисты в области теории игр не всегда поддерживают нормативные рекомендации, которые следуют из теории. Теория игр — наука, изучающая эгоизм. Вспомните мой пример, когда я предлагал изучать природу войны. Очевидно, исследование войны не означает ее защиту, то же самое изучение эгоизма не означает, что вы его поддерживаете. Бактериологи не защищают болезнь, они ее исследуют. В теории игр не говорится о том, насколько правильно морально и этически быть «рациональным». Она просто показывает, что рациональные — или эгоистичные — существа будут делать, а не то, что они «должны» делать, если говорить с этической точки зрения. Если мы хотим улучшить

этот мир, то нам необходимо обращать больше внимания на то, к чему приводят рациональные действия.

Харт: Отличный заключительный аккорд для такого замечательного интервью. Большое спасибо.

Ауманн: И вам спасибо, Серджиу, за столь увлекательную беседу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aumann, RJ. (1956) Asphericity of alternating knots. *Annals of Mathematics* 64. 3 7 4 - **392.**

Aumann. R.J. (1959) Acceptable points in general cooperative n-person games. In A.W. Tucker and R.D. Luce (eds.), *Contributions to the Theory of Games IV,* Annals of Mathematics Study 40, pp. 287-324. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Aumann, R.J. (1961) The core of a cooperative game without side payments. *Transactions of the American Mathematical Society* 98, 539-552.

Aumann, R.J. (1964) Markets with a continuum of traders. *Econometrica* 32 (1964), 39-50.

Aumann, R.J. (1965) Integrals of set-valued functions. *Journal of Mathematical Analysis and Applications 12, 1-12.*

Aumann. R.J. (1966) Existence of competitive equilibria in markets with a continuum of traders. *Econometrica* 34, 1-17.

Aumann, R.J. (1967) A survey of cooperative games without side payments. In M. Shubik (ed.), *Essays in MathematicalEconomics in Honor of Oskar Morgenstern,* pp. 3-27. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Aumann, R.J. (1973) Disadvantageous monopolies. *Journal of Economic Theory* 6, 1-11.

Aumann, R.J. (1974) Subjectivity and correlation in randomized strategies. *Journal of Mathematical Economics* 1, 67-96.

Aumann, R.J. (1975) Values of markets with a continuum of traders. *Econometrica* 43, 61 1-646.

Aumann, R.J. (1976) Agreeing to disagree. *Annals of Statistics* 4, 1236-1239.

Aumann, R.J. (1980) Recent developments in the theory of the Shapley value. In 0. Lehto (ed.), *Proceedings of the International Congress of Mathematicians, Helsinki, 1978,* pp. 995-1003. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica.

Aumann, R.J. (1981) Survey of repeated games. In V. Böhm (ed.), *Essays in Game Theory and Mathematical Economics in Honor of Oskar Morgenstern,* Vol. 4 of Gesellschaft, Recht, Wirtschaft, Wissenschaftsverlag, pp. 1 1-42. Mannheim: Bibliographisches Institut.

Aumann, R.J. (1987) Correlated equilibrium as an expression of Bayesian rationality. *Econometrica* 55 (1987), 1-18.

Aumann, R.J. (1996) Reply to Binmore. *Games and Economic Behavior* 17, 138-146.

Aumann, RJ. (2000) *Collected Papers,* Vol. 1, xi + 786, Vol. 2, xiii + 792, Cambridge, MA: MIT Press.

Aumann, R.J. (2003a) Presidential address. *Games and Economic Behavior* 45. 2-14.

Aumann. R.J. (2003b) Risk aversion in the Talmud. *Economic Theory 21,* 233-239.

Aumann, R.J. & Anscombe, F.J. (1963) A definition of subjective probability. *Annals of Mathematical Statistics* 34, 199-205.

Aumann, R.J. & Brandenburger. A. (1995) Epistemic conditions for Nash equilibrium. *Econometrica* 63. 1161 -1180.

Aumann. R.J. & Dreze, J. (1975) Cooperative games with coalition structures. *International Journal of Game Theory* 4, 217-237.

Aumann, RJ. & Dréze, J. (1986) Values of markets with satiation or fixed prices. *Econometrica* 54, 1271-1318.

Aumann, R.J. & Hart, S. (1986) Bi-convexity and bi-martingales. *Israel Journal of Mathematics* 54, 159-180.

Aumann, R.J. & Hart, S. (eds.) (1992-2002) *Handbook of Game Theory with Economic Applications.* Amsterdam: Elsevier. Vol. 1, 1992, xxvi + 733 pp., Vol. 2, 1994, xxviii + 787 pp., Vol. 3, 2002, xxx + 858 pp.

Aumann, R.J. & Hart, S. (2003) Long cheap talk. *Econometrica* 71, 1619-1660.

Aumann, R.J. & Kruskal, J.B. (1959) Assigning quantitative values to qualitative factors in the naval electronics problem. *Naval Research Logistics Quarterly* 6, 1-16.

Aumann, R.J. & Kurz, M. (1977a) Power and taxes. *Econometrica* 45, 1 137-1 161.

Aumann, R.J. & Kurz, M. (1977b) Power and taxes in a multi-commodity economy. *Israel Journal of Mathematics* 27, 185-234.

Aumann, R.J. & Maschler, M. (1964) The bargaining set for cooperative games. In M. Dresher, L.S. Shapley, and A.W. Tucker (eds.), *Advances in Game Theory,* Annals of Mathematics Study 52, pp. 443-476. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Aumann, RJ. & Maschler, M. (1972) Some thoughts on the minimax principle. *Management Science* 18, P-54-P-63.

Aumann, R.J. & Maschler, M. (1985) Game-theoretic analysis of a bankruptcy problem from the Talmud. *Journal of Economic Theory* 36, 195-213.

Aumann, R.J. & Maschler, M. (1995) *Repeated Games with Incomplete Information.* Cambridge, MA: MIT Press, xvii + 342 pp.

Aumann, R.J. & Shapley, L.S. (1974) *Values of Non-Atomic Games.* Princeton, NJ: Princeton University Press, xi + 333 pp.

Aumann, RJ. & Sorin, S. (1989) Cooperation and bounded recall. *Games and Economic Behavior* 1, 5-39.

Aumann, R.J., Gardner, R.J. & Rosenthal, R.W. (1977) Core and value for a public goods economy: an example. *Journal of Economic Theory* 1 5, 363-365.

Aumann, R.J., Hart, S. & Perry, M. (1997a) The absent-minded driver. *Games and Economic Behavior* 20, 102-116.

Aumann, R.J., Hart, S. & Perry, M. (1997b) The forgetful passenger. *Games and Economic Behavior* 20, 117-120.

Aumann, R.J., Kurtz, M. & Neyman, A. (1983) Voting for public goods. *Review of Economic Studies* 50, 677-694.

Aumann, R.J., Kurtz, M. & Neyman, A. (1987) Power and public goods. *Journal of Economic Theory* 42, 108-127.

Shapley, L. & Shubik, M. (1954) A method of evaluating the distribution of power in a committee system. *American Political Science Review* 48, 787-792.

16. ИНТЕРВЬЮ С ДЖЕЙМСОМ ТОБИНОМ И РОБЕРТОМ ШИЛЛЕРОМ «ТРАДИЦИИ ЙЕЛЯ» В МАКРОЭКОНОМИКЕ*

Беседовал Дэвид Коландер

Колледж Миддлбери

У каждого университета есть своя история, которая придает ему некоторую уникальность, но каждый университет — это еще и часть большого профессионального экономического сообщества, в котором отражаются существующие течения. Данный заочный диалог двух ученых ставит себе цель ответить на вопрос: «Следует ли выделять йельскую школу макроэкономики?» Идея такого диалога пришла в голову Биллу Барнетту, когда тот беседовал с Бобом Шиллером. Билл предложил Бобу список людей, которые могли бы его организовать, и в результате выбрали меня. Я с радостью согласился, поскольку знал по работам, написанным на экономическом факультете Йеля, что там есть некая общность идей, которым я симпатизировал, и она вполне могла бы претендовать на то, чтобы называться «йельской школой». Также думал и Боб Шиллер. Но пока этот вопрос изучался, удалось выяснить следующее: не все согласны с утверждением, что та работа в области макроэкономики, которая сейчас проводится в Йельском университете, может представлять собой «йельскую школу». Вот четыре основных возражения против того, чтобы рассматривать йельскую экономическую традицию как отдельную школу. Во-первых, сам термин «йельская школа» использовался в 1960-х гг. для описания позиции Джима Тобина в споре с монетаристами. Некоторые из ученых считают, что это выглядело бы несколько странно, если бы данный термин использовался для описания более широкого круга научных работ, не связанных с идеями более раннего периода и более узкой тематики. Во-вторых, назвать сегодняшние исследования в области макроэкономики в Йеле «школой» было бы слишком. То, что

* Впервые опубликовано в *Macroeconomics Dynamics,* 3, 1999, p. 116-143. Copyright © 1999 Cambridge University Press.

сегодня делают в Йеле, ничем не отличается от того, что делают на экономических факультетах в других ведущих университетах. Не совсем понятно, каким образом научная работа, проводимая учеными Йеля, отличается, например, от того, что делают ученые в Массачусетском технологическом институте (МТИ) или Принстонском университете. Для того чтобы называться «школой» надо иметь на это более явное право. В-третьих, в Йеле в работах используется большое количество разного рода подходов, и не совсем понятно, как они соотносятся друг с другом. Например, в работах Криса Симса вы можете отчетливо увидеть применение традиционного статистического анализа временных рядов с некоторыми признаками влияния исследований, посвященных реальным деловым циклам и статистическим проверкам гипотез. В то же время работы Шиллера выполнены в кейнсианских традициях. Объединить подобные подходы под крышей одной школы удается с трудом. И, в-четвертых, историческая цепочка преемственности в йельской школе оказалась не столь длинной, как я думал, — между Ирвингом Фишером и Джимом Тобином связь весьма незначительная. Вследствие того, что историческая непрерывность идей является в этом случае условием необходимым, йельской школы как таковой не существует. Все это мы подробно рассмотрим ниже в представленном «диалоге». После обсуждения этих вопросов с рядом преподавателей Йеля, я решил, что, возможно, стоит вести речь не о существовании йельской экономической школы, а о йельской

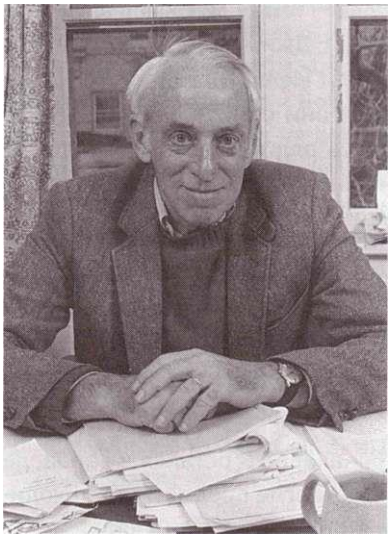
традиции. Мы также сошлись на том, что данный материал будет представлять собой интервью лишь с Джимом Тобином и Бобом Шиллером — людьми, которые в большей степени определяют йельскую традицию. Я беседовал с каждым в отдельности, но вопросы в большей степени были одни и те же и направлены на обсуждение главного вопроса — имеет ли смысл выделять йельскую школу. Таким образом, мы обсуждали с Джимом Тобином и Бобом Шиллером то, что делают другие представители Йеля. Но мы почти не затрагивали проблемы, над которыми работают они сами. Я уверен: то, что получилось, вам понравится. Вы найдете здесь ряд интересных суждений относительно йельской традиции и сегодняшней научной мысли, а также обсуждение некоторых вопросов макроэкономики.

Интервью с Джеймсом Тобином

Осень 1997 г.

Коландер: Вы учились в Гарварде?

Тобин: Да, в 1939 г. я получил степень бакалавра и остался в Гарварде еще на пару лет в аспирантуре. Из-за того, что многие предметы, необходимые для получения магистерской степени, я прошел еще в бакалавриате, то получил степень магистра всего за год.



Коландер: Но вы продолжали работать над диссертацией, так?

Тобин: Да, я продолжал посещать определенные курсы, семинары и т. п. Весной 1941 г. я прошел курс по военной экономике, который вел Эд Мейсон. Кроме того, я сам преподавал эконометрику. Экономический факультет в Гарварде тогда почти не занимался современной статистикой. Там был курс статистики, который я также прослушал, но у них не было курса эконометрики в том виде, в каком мы сейчас привыкли его видеть, и преподаватели экономической статистики не горели желанием использовать статистику. Главным образом, они рассказывали нам о подводных камнях применения статистики и, кроме семинара по анализу спроса, который вел Ханс Штеле, приглашенный профессор из Швейцарии, нам в Гарварде из этой научной области практически ничего и не читали. Я прослушал кое-что из курса математической статистики на математическом факультете и курса повышенной сложности по математической теории Эдвина Уилсона,

преподавателя медицинского факультета. Он, среди всего прочего, был первоклассным специалистом в математической экономике.

У Мейсона я научился использовать регрессионный анализ, когда мне необходимо было оценить спрос на сталь в Соединенных Штатах. Эд занимался вопросами мобилизации экономики для военных нужд. Он предложил мне устроиться в одно из вновь созданных правительственных агентств в Вашингтоне, которое должно было заниматься вопросами сокращения использования для гражданских нужд таких металлов, как сталь, алюминий и никель, — запасы которых были ограничены. Задача состояла не в том, чтобы просто запретить использование данных металлов в гражданских целях, а в том, чтобы сократить и перераспределить между теми невоенными направлениями, которые не были запрещены. Этим занимался Отдел регулирования цен и гражданского снабжения. Летом 1941 г. я начал там работать в секторе гражданского снабжения.

В начале войны я перешел в Военный совет по производству, но после Перл-Харбора я решил, что не хочу провести всю войну, занимаясь этим, и записался на флот. В апреле 1942 г. меня направили на 90-дневные офицерские курсы. Я оставил экономику вплоть до января 1946 г.

Коландер: Но потом вы вернулись в Гарвард?

Рис. 16.1. Джеймс Тобин

Тобин: Да, я вернулся обратно в Гарвард. Оставил службу на флоте в середине декабря 1 945 г., незадолго до Рождества, и вернулся домой. Все это время я прослужил на одном эсминце. Дома мои друзья, работавшие в то время госструктурах, предложили мне вернуться на работу в правительство. Я был весьма успешным специалистом в области госрегулирования экономики, и предложения моих друзей были одно заманчивее другого. Правительство предлагало большую зарплату. По крайней мере, тогда это казалось большой зарплатой. Я не знал, что делать. Тем временем я стал наводить справки о возможности вернуться в Гарвард. Я написал Сеймору Харрису, которого очень хорошо знал по университету. Он заинтересовался моей персоной, хотя я никогда не был его студентом. Я попросил его помочь с устройством на работу в качестве наставника в одном из колледжей — чтобы получить комнату. В свою очередь, декана факультета я попросил принять меня на работу на должность ассистента преподавателя. Кроме того, я обоим написал, что размышляю над выбором — вернуться ли мне в Гарвард и закончить работу над докторской диссертацией или все же уехать в Вашингтон.

Экономический факультет возглавлял тогда Гарольд Бурбанк — очень

консервативный ученый-экономист. Ему нравилось руководить факультетом. Он ответил, что, по словам преподавателей, у которых я учился и которым сдавал экзамены, у меня есть все шансы стать выдающимся экономистом и поэтому с моей стороны было бы непростительной ошибкой оставить науку. Мы не были с ним ни друзьями, ни врагами, но это письмо очень сильно повлияло на меня, и я вернулся в Гарвард.

Коландер: Вы защитили докторскую диссертацию в 1947 г., а в 1950 г. перебрались в Йельский университет...

Тобин: Да. Между тем в Гарварде я получил стипендию как молодой ученый. Фактически это была моя первая работа. Она заменяла докторскую степень — эта работа была не для тех, кто уже защитил диссертацию и занимался постдокторскими исследованиями. Но поскольку я был ветераном, все махнули рукой на это требование Стипендиальной программы для молодых ученых, поскольку понимали, что все равно в первую очередь я хотел бы получить степень. Поэтому стипендию я отрабатывал как постдокторскую. Я провел два года в Гарварде, а затем на год улетел в Англию в Институт Ричарда Стоуна, где работал на факультете прикладной экономики при Кембридже. *Потом* я перебрался в Йель.

Коландер: Рассматривали ли вы какие-то другие варианты переезда?

Тобин: Я был за пределами Соединенных Штатов в то время, когда начал поиски работы, поэтому пришлось вести большую переписку по почте. Еще дома мне поступали предложения из различных университетов, в том числе из Калифорнии, из Стэнфорда. Поэтому у меня была возможность выбора. Но самое лучшее, что со мной случилось с момента моего возвра-

щения в Гарвард в 1946 г. — это встреча с моей будущей женой. Мы познакомились весной 1 946 г., а осенью уже поженились. Если бы я уехал в Вашингтон, этого бы не произошло. Она сказала мне, что поедет куда угодно, только не в Нью-Хейвен, но мы все же поехали туда, и она полюбила этот город.

Коландер: Давайте поговорим о Йельской школе.

Тобин: Что касается Боба Шиллера и Барнетта, должен сказать, что, на мой взгляд, существует некоторая путаница между тем, что можно назвать йельской школой, и другими неформальными институтами, например, группой беседующих за кофе — она заседает почти каждый день в районе 11 часов утра. Эту группу нельзя назвать «йельской школой», поскольку кроме тех, кто принадлежит к старой макроэкономической школе, в нее также входят и другие люди: Крис Симс, сторонник бизнес-циклов: Мартин Шубик, очень интересный человек, но я не думаю, что он принадлежит к какой-либо еще школе, кроме собственной; Джон Джинакоплос, с которым у нас совпадают взгляды в области макроэкономики, но он хочет примирить их с моделью Эрроу-Дебрё; Герберт Скарф — математик-теоретик; а также Т. Шринивасан, крупный экономист-неоклассик. Думаю, что те, кто попал в список, составленный Барнеттом и Шиллером, являются частью этой «кофе-группы», но я бы не стал их называть йельской школой. Это интересная группа близких по духу людей, существующая в рамках экономического факультета в Йеле.

Коландер: А как бы *вы сами* тогда описали йельскую школу?

Тобин: Я считаю, то, что люди подразумевают под Йельской школой, уходит корнями в 1950-е. Ее отождествляли с моими идеями и идеями Арта Окуна, а также макроэкономической и монетарной теорией. (Невозможно переоценить важность последних работ Арта Окуна, а его преждевременная смерть стала невосполнимой потерей для всех экономистов мира.) В своих работах мы старались обоснованно продемонстрировать систематический взгляд на то, что представляла собой кейнсианская экономическая теория и как ее можно было бы применить. Что касается монетарной теории, то здесь йельская школа противопоставила свой, отличный от монетаризма, подход, при котором рассматривались возможности монетарной и фискальной политики. Я очень много времени и сил потратил на борьбу с монетаристами.

В 1970-е гг. выпускники Йеля сделали специальные футболки, на которых на спине было написано «йельская школа» — очевидно, в ответ на слишком разрекламированную «чикагскую школу». Спереди на футболке было написано «Только Q имеет значение». Последнее было некоторой пародией на высказывание монетаристов «Только M имеет значение», которое я раскритиковал, заявив, что самое большое, что можно было бы сказать, так это «M имеет значение». Думаю, этот пример в какой-то степени

является подтверждением моей мысли о значении термина «йельская школа». В то время представители школы не были только макроэкономистами или теми, кто занимался монетарной теорией. К ней также относились Вилли Феллнер, Генри Уоллич, Роберт Триффин и Ричард Рагглз. У каждого были свои идеи и свои интересы. Внутри школы были хорошие отношения, мы постоянно учились друг у друга.

Оглядываясь назад, можно сказать, что наше противостояние с монетаристами уже не выглядит столь серьезно, как между кейнсианской экономической теорией и неоклассической макроэкономикой. Главный вопрос спора — насколько хорошим решением для реальной экономики является ее описание через полную занятость в течение длительного времени.

Коландер: И какова позиция йельской школы на этот счет?

Тобин: Позиция йельской школы такова: иногда экономика находится на уровне полной занятости, или близкой к этому, или даже чуть выше. В этом случае логика альтернативной стоимости, предлагаемая неоклассической экономикой, будет применима. В остальных случаях, так или иначе, ситуацию в экономике лучше описывать не как совершенно конкурентную равновесную, а с избыточным предложением (особенно на рынках труда). В этом случае путем проведения соответствующей денежной и фискальной политики можно увеличить агрегированный спрос и выпуск. Это не исключает вычисления альтернативной стоимости, но характер вычисления изменится. Вычисления на макроуровне касаются вопроса темпов развития экономики. Исходя из того, что существуют различные пути достижения полной занятости в ситуации, когда предложение избыточно, необходимо использовать анализ уровня благосостояния для того, чтобы выбрать подходящий вариант. Например, если вы пытаетесь что-то сделать, чтобы обеспечить долгосрочный рост, пока вы вновь не достигнете уровня полной занятости, то вы могли бы пожелать реанимировать экономику путем рас-

ширения предложения денег, а не увеличения налогов и сборов,
Я всегда считал себя каким-то сообщником (как сказал однажды Самуэльсон) в вопросе развития так называемого неоклассического синтеза. Не думаю, что это хорошее название для него, поскольку это неоклассический/неокейнсианский синтез, но, на мой взгляд, это видоизменение идей не Кейнса, а некоторых его последователей, считающих, что экономика всегда находится в состоянии неполной занятости, и таким образом неоклассические правила здесь неприменимы. Надо сказать, что в послевоенные годы в США кейнсианцы, в том числе и я, так не считали. Так рассуждали многие последователи Кейнса, особенно в Великобритании. В начале 1950-х гг. они вообще не использовали денежно-кредитную политику. Я не принадлежал к их числу, поскольку меня учили, что денежная политика — это инструмент макроэкономической политики и отвергать его было бы неправильно.

Коландер: Одним из аргументов против неокейнсианской составляющей неоклассического синтеза является то, что их интерпретация кейнсианской экономической теории несовместима с моделью Вальраса, но неоклассический синтез так или иначе пытается уместить ее в рамках этой модели.

Тобин: Нет, он просто признает, что это могло быть неплохим началом для моделирования экономики полной занятости в течение длительного времени. С этой точки зрения неокейнсианская экономическая теория рассматривает бизнес-цикл как отступление от вальрасовской рыночной экономики и ясно говорит о том, что это такое — избыточное предложение и избыточный спрос при существующих ценах и уровне зарплат. Поэтому я не думаю, что это стоит ругать. Это не просто отклонение идей неоклассической экономической теории.

Коландер: Большинство формулировок неокейнсианской экономической теории предполагают наличие чистой конкуренции на рынке товаров.

Тобин: В этом нет необходимости. Это может внести кое-какие изменения, но давайте подумаем над вопросом, а всегда ли, как предполагал Кейнс, рынок труда располагается на кривой предельной производительности, что является неклассической точкой зрения. Предполагается, что, исходя из имеющихся фондов и технологий, чем меньше уровень предельной производительности труда, тем выше занятость, и, следовательно, ниже уровень безработицы. Поэтому если мы собираемся повысить уровень занятости и, соответственно, снизить уровень безработицы, мы спускаемся вниз по кривой предельной производительности и снижаем уровень реальной заработной платы. Это результат чистой конкуренции, который применили к условиям, когда вы не ждете, что рынок будет уравновешен.

Почему Кейнс так сделал? Полагаю, он это сделал потому, что хотел доказать: его спор со сторонниками классической экономической теории обоснован, даже несмотря на то, что он согласен с большей частью классической доктрины. И это очень показательный пример.

Затем были эмпирические изыскания таких экономистов, как Джон Данлоп, согласно которым даже перед самой войной, в конце 1930-х гг.,

реальная заработная плата не двигалась с места вопреки деловому циклу, но зато увеличивалась во время циклических оживлений экономики.
На мой взгляд, ошибочно думать, что это замечание по поводу реальной зарплаты требует каких-либо поправок с точки зрения кейнсианской теории, и что сам Кейнс в этом отношении совершил серьезную ошибку. Мне всегда казалось, что на самом деле это наоборот усиливало точку зрения Кейнса и никоим образом не умаляло логику его рассуждений. Скажем, спрашивается: «Каким образом принятие кейнсианской денежной и фискальной политики может повлиять на снижение уровня безработицы?» Если говорите,

что это можно сделать без сокращения реальной заработной платы, то это уже намного лучше, поскольку усиливает важность кейнсианской политики. Вот почему это нельзя назвать уничижительной критикой Кейнса за его использование «классической» идеи функции спроса на труд в соответствии с реальной зарплатой. Наоборот, это усиливает его позиции. Если это правда, что в краткосрочном периоде цены неконкурентны и что, возможно, в этот период не будут расти предельные затраты у фирмы, исходя из его предположений, то это на самом деле усиливает доводы Кейнса.
Коландер: Когда неоклассики попытались ввести в анализ некоторые микроосновы и сделали предположение, что совершенная конкуренция в концепции Вальраса существует как на рынке товаров, так и на рынке труда, они показали, что проблемы действительно может и не быть.
Тобин: Да, конечно, и как раз это и поддерживает йельская школа. Это моя точка зрения. Вальрасовское решение неприменимо в ситуациях, когда существует избыточное предложение при существующих ценах, где цены не изменяются достаточно быстро или достаточно корректно, чтобы поддерживать постоянное ценовое равновесие на рынке — без учета характера конкуренции (монополистическая или чистая). На мой взгляд, это абсурд и противоречит большинству эмпирических наблюдений, когда заявляют: то, что мы наблюдали в течение делового цикла в краткосрочном периоде, представляет собой результат колебаний цен и уровня заработной платы, которые всегда приводят к равновесию спроса и предложения на рынке. Но это никоим образом не подрывает авторитет модели Вальраса как практичного подхода к исследованию экономики.
Коландер: Значит, вы согласны с тем, что модель Вальраса до сих пор можно использовать как модель в долгосрочном периоде.
Тобин: Да, можно даже модернизировать модель Вальраса, чтобы в долгосрочном периоде также получить ситуацию с монополистической конкуренцией. Это могло быть также и ситуацией состояния равновесия, когда фирмы в условиях монополистической конкуренции друг с другом ничего не делают, чтобы изменить цены или заработную плату своих сотрудников. Таким образом, долгосрочная монополистическая конкуренция является аналогом приведения рынка к состоянию равновесия спроса и предложения.
Коландер: Джон Джинакоплос оказал влияние на микроосновы многовариантной экономики. Он, как и другие, сомневался в том, что их можно использовать в модели с множеством вариантов, рассчитанной на долгий срок.

Тобин: Я не убежден, что это правильный подход к макроэкономике, поскольку заинтересован в том, чтобы значительное место в ней занимала стабилизационная политика — то есть макроэкономическая политика в краткосрочном периоде. Многие пытаются сохранить комбинацию из

вальрасовской экономической теории и якобы кейнсианских выводов с помощью множественных вариантов равновесия. Но как мне кажется, исходя из полученных результатов, — они не носят характер кейнсианских, поскольку в каждом таком равновесии нет вынужденной безработицы, нет избыточного предложения. Каждое равновесие характеризуется наличием равенства спроса и предложения на рынке, поэтому я не думаю, что комбинация неоклассической экономической теории с равенством спроса и предложения на рынке и кейнсианских выводов является эффективной. Еще может быть, что для некоторых выводов с многочисленными равновесиями одни равновесия лучше, чем другие, с точки зрения рабочей силы и т.п. Но ни в одной из этих ситуаций нет вынужденной безработицы, когда ни при одном равновесии нет равенства спроса и предложения — отсутствие равенства спроса и предложения при существующих ценах.

Джон Джинакоплос и другие ученые-теоретики, сторонники подвижного равновесия также были сильно обеспокоены таким явлением как отсутствующие рынки. Если современная теория вальрасовской экономической системы представляет собой равновесие Эрроу-Дебрё, то тогда очевидно, что существует и такое понятие, как отсутствующие рынки. Некоторые рынки были запрещены с самого начала своего возникновения. Например, вы не можете продать себя в рабство и т. п. Поэтому такие ученые, как Джон Джинакоплос, предпочитают рассматривать все проблемы, включая кейнсианские, как примеры этих фундаментальных недостатков или отклонений от чисто теоретических вальрасовских выводов. Ну что ж, желаю успехов! Но это не йельская школа Тобина — та более прагматична и в каком-то смысле менее теоретизирована.

Коландер: Что вы думаете о подходе Клауэра-Лейонхуфвуда?

Тобин: Ничего не имею против, но я с ним особенно не знаком.

Коландер: А что вы думаете по поводу новокейнсианского подхода?

Тобин: Смотря что вы под *этим* понимаете. Если это ученые типа Грега Манкива, то я не отношу их к кейнсианцам. Не думаю, что в их теориях есть такое понятие, как вынужденная безработица, или же отсутствует равенство спроса и предложения на рынке. Было бы неправильно называть Манкива кейнсианцем.

Коландер: А что можно сказать о представителях теории реального делового цикла?

Тобин: Это мои враги.

Коландер: *[Смеется]*.

Тобин: Все эти годы мы боролись против повторения конфликта между Кейнсом и экономистами, которых он называл классиками — не лучшее для них название. Неоклассики и сторонники теории реального делового цикла намного экстремальнее, чем те, с кем спорил в свое время Кейнс, но

аргументация осталась та же. На самом же деле Пигу был более убедителен как экономист, чем Лукас и некоторые другие неоклассики.
Коландер: Что вы думаете относительно последней книги Хана и Солоу о кейнсианцах и рациональных ожиданиях?
Тобин: Я считаю, что прежде всего это книга о множественном равновесии. Она мне не кажется кейнсианской, но, возможно, я что-то упустил.
Коландер: Я познакомился с йельской школой Тобина, когда изучал вашу полемику с Брюннером и Мельтцером. Что бы вы ответили на заявление Брюннера о том, что «самой серьезной и масштабной ошибкой йельской денежной теории является отсутствие такого понятия, как рациональность денег».
Тобин: Это нелепо.
Коландер: А как выглядит рациональность денег в вальрасовской системе?
Тобин: Во-первых, о какой вальрасовской системе вы говорите? Не понимаю. У меня одно понимание слабокоррелированности финансового сектора, у Брюннера и Мельтцера — другое, и я никогда не понимал, как они одновременно могли говорить о слабокоррелированных замещаемых активах и в конце концов прийти к монетаристскому результату. Это, на мой взгляд, не согласуется с предполагаемой замещаемостью в активах, в том числе замещаемостью некоторых активов собственно деньгами. Я никогда не понимал, как тогда они могли совместить ту же слабокоррелированную структуру с монетаристским выводом, который не предполагает наличия замещаемости иных активов деньгами. Я никогда этого не понимал. Поэтому я также не понимаю, как предлагаемая Брюннером и Мельтцером концепция объясняет использование денег — в моей концепции этого нет.
Заявление о том, что деньги всесильны — не объяснение. Объяснить это может Джевонс и преимущества согласия общества по поводу общих платежных средств. Преимущество денег как средства оплаты товаров и услуг заключается в том, что вы знаете, что сможете использовать деньги снова и снова в других сделках, избегая, по словам Джевонса, двойного совпадения потребностей. Я написал работу, посвященную деньгам, и назвал ее просто «Деньги» (Money). Она вышла в издательстве Palgrave в разделе «Деньги и финансы». В ней я как раз и рассматриваю данный вопрос.
Коландер: А что если они подразумевают под этим ситуацию, когда в модели у кого-то есть деньги, кто-то хочет совершить сделку, и модель каждого из рынков должна иметь какую-то стоимость проведения сделок?
Тобин: Это вы обо мне?
Коландер: Нет, я имею в виду предположение о существовании совершенной конкуренции, которое лежит в основе вальрасовской модели.

Тобин: Это не совершенная конкуренция. Мы просто говорим о спросе и предложении на различные активы. У меня есть работа, довольно известная, об операционных издержках денежных сделок, переходе из денежных в процентные активы (неденежные) — поэтому я не думаю, что я уязвим для

данного рода критики. Полагаю, проблема в другом — зачем копят деньги, если в конце жизни они не имеют для человека никакой стоимости? И вы говорите: «В День Страшного суда или за час до его наступления ни у кого не будет денег, и если у кого-нибудь останутся деньги за час до наступления Дня Страшного суда, которые они не хотели копить еще за *два часа* до Судного дня, так почему они хотят это сделать *сейчас*?» Поэтому в некотором смысле, если вы хотите подключиться к этому философскому рассуждению, вы могли бы заявить, что это должно быть так. Когда бы ни предполагалось наступление конца света, всегда существует некая вероятность того, что оно наступит позже, чем предполагается. Таким образом, можно сказать, накопление денег обоснованно, потому что вы можете захотеть осуществить какую-нибудь сделку, или этого захотят ваши потомки в будущем. Но меня это особенно не волнует.

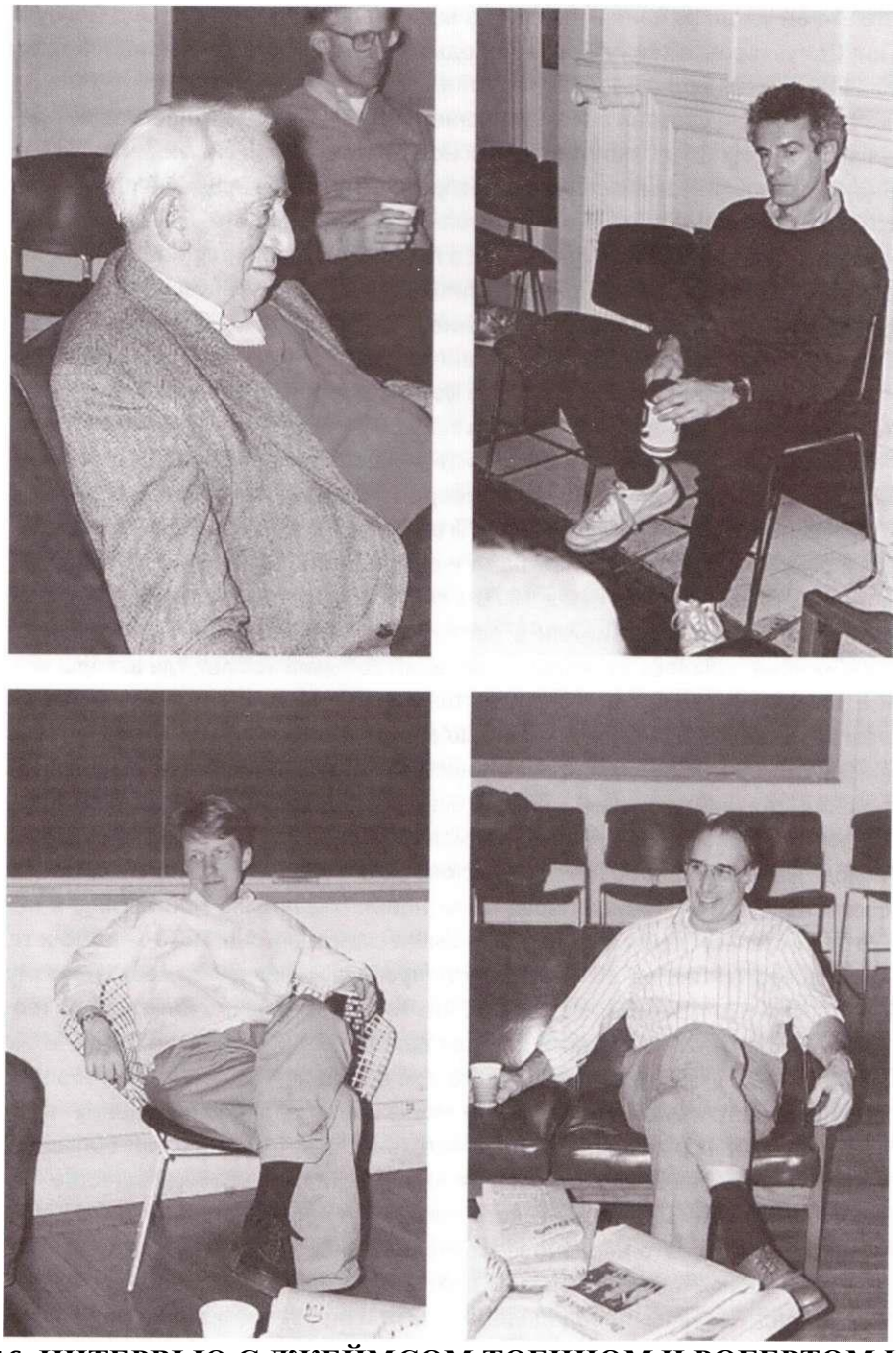
Коландер: С точки зрения того, о чем вы сейчас говорили, кто из группы «одиннадцатичасового кофе» соответствует критерию Йельской школы?

Тобин: Я никоим образом не хочу сказать, что я - это Йель, а Йель - это я. С Йелем связаны многие имена ученых-макроэкономистов, которые по тем или иным вопросам, в том числе по фундаментальным, могут быть не согласны со мной или Артом Окуном — например, Уильям Феллнер, мой хороший друг, но приверженец совершенно иного подхода в макроэкономике. Я многому у него научился, по многим вопросам у нас совпадало мнение, но только не в отношении кейнсианской экономической теории.

Кто в настоящее время в Йеле разделяет мои взгляды в макроэкономике? Наверное это Рэй Фэйр; Билл Брейнард, мой партнер по большей части того, что связано с моделями, которые мы с вами только что обсуждали; Билл Нордхаус, мой студент и соавтор, но в большей мере не по макроэкономике, а по таким направлениям, как измерение экономического благосостояния; и Боб Шиллер, который не был ни моим студентом, ни соавтором, но чьи идеи совпадают с идеями моими и Билла Брейнарда (рис. 16.2).

Коландер: А что можно сказать о Школе Тобина за пределами Йеля? Кого бы вы к ней отнесли?

Тобин: Гэри Смита, перешедшего в свое время из Йеля в Помону. Пока он был в Йеле, мы вместе провели немало научных исследований, поэтому безусловно можно сказать, что он принадлежит к Школе Тобина. Не знаю, очень сложно ответить на этот вопрос с ходу, надо немного подумать. Много коллег, которые согласны со мной по общим вопросам макроэкономики, в том числе и из МТИ — например, Франко Модильяни. Но я не могу сказать,



16. ИНТЕРВЬЮ С ДЖЕЙМСОМ ТОБИНОМ И РОБЕРТОМ ШИЛЛЕРОМ

Рис. 16.2. Участники «кофейных бесед» в Йеле, в Фонде Коулза. По часовой стрелке слева вверху: Джеймс Тобин и Билл Нордхаус, Рэй Фэйр, Билл Брейнард и Роберт Шиллер

что это он узнал от меня — он сам до всего дошел. Кроме того; Боб Солоу и Пол Самуэльсон, а также более молодые ученые, такие как Стэнли Фишер из МТИ и Алан Байндер из Принстона.

Еще больше связана с Йелем Джанет Йеллен, которая в настоящее время возглавляет Совет экономических консультантов при Президенте США — она была моим ассистентом и соавтором; а также Джордж Акерлоф, хотя

тот и не был моим студентом, если только в бакалавриате. Я бы еще включил в этот список Дона Хестера, моего первого научного ассистента, сейчас работающего в Висконсине; Дона Николса и Стива Дурлауфа, также работающих сейчас в Висконсинском университете; Джима Пирса из Беркли; Ральфа Брайанта из Брукингского института.

Коландер: Как вы объясните тот факт, что огромное количество студентов предпочитают неоклассическую теорию?

Тобин: Думаю, всему виной произошедшая контрреволюция в отношении кейнсианской экономической теории 1960-х гг., имевшая место как в профессиональном сообществе, так и в настроениях в обществе — возможно, в результате войны во Вьетнаме и высокой инфляции вследствии этой войны, а также скачков цен в 1970-х гг. На мой взгляд, кейнсианскую теорию незаслуженно обвинили в росте инфляции в 1970-х гг. и в начале 1980-х. Мне попалось несколько описаний событий тех лет, где авторы все, что тогда случилось, списывали на плохую денежно-кредитную политику, не принимая во внимание никаких внешних факторов.

Внутри профессионального сообщества, я полагаю, существует сильное течение, связанное с решениями на основе равновесия. И так было всегда. Неоклассическая бизнес-теория рациональных ожиданий также предлагала молодым экономистам с математическим уклоном новый способ реализации своих талантов и ставила перед ними новые задачи. На мой взгляд, в некоторой степени кейнсианская экономическая теория в 1930-х, 1950-х гг. привлекала тем же, но 20 лет спустя те проблемы исчерпали себя. Поэтому если вы молодой экономист и ищете что-то по-настоящему интересное, теория рациональных ожиданий как раз для вас. Таким образом, идея, что у вас должны быть микроосновы всего, что вы делаете, а все, что вы говорите, имеет место в экономике — в том числе краткосрочное поведение — поверхностно правдоподобна. В действительности же, я думаю, нет большого смысла пытаться описать поведение каждого индивидуума в обществе как решение проблемы динамического программирования, поскольку все это и так очевидно — это неравновесное поведение, и у нас недостаточно знаний о том, как это моделировать, поэтому подобная идея микрооснов, на мой взгляд, казалась правдоподобной. Это означает, что вы не можете использовать какую-либо *макроэкономику*. В итоге мы получаем этот раскол между абстрактной научной теорией и практической макроэкономикой, который создан руками тех, кто на самом деле должен принимать решения

по таким вопросам, как бюджетное управление Конгресса — исполнительная власть и центральные банки.

Коландер: Я бы рассматривал школу Тобина как основу практической макроэкономики.

Тобин: Я тоже предпочитаю так думать, кроме того это сфера развития и использования методов, рожденных на страницах профессиональных журналов. Это необходимо продолжать, поскольку существуют проблемы практического характера, которыми необходимо заниматься и которые следует решать. В то же время аспиранты не смогут опубликовать свои изыскания, если они не будут использовать утвержденные на тот момент методологии. И это снова вносит раскол между академичным профессио-

нальным обучением и различными экономическими теориями, используемыми при разработке экономической политики. На сегодняшний день написано огромное количество работ по экономике, связанных с решением практических задач, и многое из написанного выглядит очень даже неплохо. В них не так много говорится о макрополитике, о которой у нас с вами идет речь, но очень много о таких важных экономических проблемах, как социальное страхование, здравоохранение и государственный бюджет. Я не имею в виду, что экономическое сообщество катится в пропасть; я говорю, что было бы неплохо, если бы больше принимались во внимание различные подходы к изучению вопросов макроэкономического характера.

Коландер: И все же, мы пришли к выводу, что у йельской школы нет истории, но если рассматривать Йель в более долгосрочном периоде, то невольно на ум приходит Ирвинг Фишер (рис. 1 6.3). Есть ли, на ваш взгляд, какая-то связь между вами и Ирвингом Фишером? Существует ли некая преемственность в виде йельской школы Тобина или все началось лишь в 1950 г.?

Тобин: По правде сказать, преемственности здесь не так много. Я искренне восхищаюсь работами Ирвинга Фишера. Его вклад во многие области, представляющие для меня интерес, огромен: спрос на деньги для совершения сделок, теория процента и инвестиций, многопериодная функция потребления, долговое бремя, дефляция и кризис. Но Фишер был сторонником количественной теории денег, монетаристом, и не использовал в своих работах кейнсианскую или фискальную политику. Его теория долговой дефляции для объяснения кризиса и депрессии перекликалась с кейнсианской макроэкономикой. Его взгляды в отношении денежно-кредитной политики, золота и рефляции в 1930-е гг. нельзя было назвать ортодоксальными и некорректными. Фишер был примером для всех экономистов, но нет никакой преемственности между тем, что делал он, и тем, что из себя представляет в целом йельская школа.

Ирвинг Фишер умер в 1947 г. в возрасте 80 лет. К тому времени он уже официально 15 лет или даже больше, как отошел от дел, но работал в уни-

Рис. 16.3. Ирвинг Фишер, примерно 1945 г.

Источник: Работы, рукописи и архивы Ирвинга Фишера, Йельский университет.

верситете — он не так много преподавал, у него даже не было аспирантов. У Ирвинга Фишера не было своей «школы», потому что у него не было аспирантов. По существу он отошел от активного участия в жизни факультета уже где-то в 1925 г. Он занимался научной работой дома в окружении своих ассистентов. Единственным настоящим учеником Фишера был Джеймс Роджерс. Он был в некотором роде кейнсианцем еще до того, как мир узнал о Кейнсе, в 1920-1930-х гг. Он был не подражателем Фишера, а в чистом виде последователем. Он был очень хорошим экономистом. Он погиб в авиакатастрофе, когда ему было, я думаю, где-то около 50. К тому времени, когда я появился в университете, его давно не было в живых, поэтому ни о какой преемственности не могло быть и речи.

Было еще несколько молодых ученых, которые преподавали макроэкономику в Йеле в 1930-х гг. Например, Ричард Биссель, позднее честь и слава ЦРУ, и Макс Милликин. Они были молоды и представляли собой авангард кейнсианства в Йеле, но потом ушли на войну, в Управление стратегических служб США и ЦРУ, и в итоге оказались за пределами Йеля —

и в большинстве своем вне экономической науки. Таким образом, не существовало какой-то преемственности между довоенным и послевоенным Йелем 1950-х гг. и, кроме того, довоенный Йель — за исключением Фишера и Роджерса — был очень консервативен и не особенно хорош.

Коландер: На этом мы и завершим нашу беседу. Большое вам спасибо.

Интервью с Робертом Шиллером

Май 1998 г.

Шиллер: Вы уже разговаривали с Тобином?

Коландер: Да, прошлой осенью.

Шиллер: Я так понимаю, он против широкого использования понятия «йельская школа».

Коландер: Да, он считает, что «йельская школа» имеет более узкое значение.

Шиллер: Может быть, он и прав. Возможно, мы не должны использовать термин «школа» по отношению к любому экономическому факультету. В Йеле он за прошедшие годы очень сильно изменился. Экономический факультет Йельского университета, как почти все подобные факультеты, представляет собой группу людей с различными интересами и подходами и является в большей степени отражением того, что происходит в экономическом сообществе в определенный момент времени в целом. Кроме того, слишком неуловимы различия в традициях, философии и методиках, чтобы хоть как-то отделить один факультет от другого, а люди очень сильно пекутся насчет подобных различий. Едва уловимые различия в подходах к экономике влияют на принятие решений студентами: где продолжить свое обучение и где впоследствии работать. Пока эти различия очень трудно описать, они играют более важную роль, чем рейтинги факультетов, которым уделяется слишком много внимания. Думаю, что некая йельская традиция все же существует, можете это называть йельской школой, если хотите, — она началась до Тобина и продолжилась позднее. На мой взгляд, начало йельской экономической школы положил Ирвинг Фи-

шер, затем благодаря Фонду Коулза она
Рис. 16.4. Роберт Шиллер расцвела, и она продолжила свое суще-

ствование вместе с Тобином, а затем и после него. Кроме того, эта традиция, возможно, соответствует гуманистической йельской традиции, которая простирается далеко за пределы экономического факультета.

Коландер: Что касается меня, то, как мне кажется, у йельской школы есть свои особенности. Я вкладываю в это понятие попытку описать позицию Джима с точки зрения его полемики с Брюннером и Мельтцером.

Шиллер: Это было время, когда Джима рассматривали как оппонента Милтону Фридману. В 1965 г. Джим опубликовал в *American Economic Review* весьма критическую рецензию на «Монетарную историю Соединенных Штатов» Фридмана и Шварц. Когда Фридман в 1970 г. опубликовал в *Journal of Political Economy* свои «теоретические основы» [возможно, Шиллер имеет в виду работу Фридмана «Теоретические основы монетарного анализа» (A Theoretical Framework for Monetary Analysis). — *Прим. пер.],* именно Джим написал в 1972 г. сильное и широко цитируемое опровержение. Таким образом, из этой полемики многим должно стать очевидным, что если существует чикагская школа, то должна быть и йельская. Научная школа строится вокруг одного или нескольких гигантов мысли, которые уже получили общественное признание.

Существуют и другие исторические причины того, почему некоторые могли бы легко прийти к заключению, что Йель — это альтернатива чикагской школы. Фонд Коулза из Чикагского университета переместился в Йельский в 1955 г. после того, как Тьяллинг Купманс разругался с экономическим факультетом — его руководство в то время не было заинтересовано в поддержке количественных исследований, которыми занимался Фонд. Кумпанс также публично критиковал методику Фридмана.

Не знаю, как сейчас оценивают эту полемику, слишком много лет прошло. Порой йельская школа выглядит с политической точки зрения либеральнее, чем консервативная чикагская. Конечно, из уст Тобина, Билла Брейнарда и Билла Нордхауса можно было услышать больше новых идей по поводу новых правительственных инициатив, чем о сокращении численности правительства. Недавняя кампания Тобина относительно введения налога на валютные сделки — своего рода попытка вставить палки в колеса тем, кто занимается валютными спекуляциями, а это прямая противоположность чикагскому консерватизму. Но в целом я бы назвал йельскую школу аполитичной, не связанной с какими-то политическими партиями.

Есть еще кое-что важное, о чем необходимо сказать в отношении йельской традиции. Тобин поддерживает подход, который одновременно уважаем за прочную экономическую теорию и труден в адаптировании к сложностям реального мира. Тобин — реалист. Он осознает важность исследовательских институтов и видит, что экономическая политика работает так, как ей и полагается работать. Невозможно двумя словами «йельская школа» охватить все то, что в голове ее представителей, но я всегда думал,

что в Йеле есть такая сила. Я полагаю, вы могли бы использовать данное понятие с оговорками.

Коландер: Согласен. Приняв предложение Барнетта, я считал, что есть какие-то общие методологические основы, которые бы связывали вместе работу определенного числа людей в Йеле. Я думал, возможно, есть что-то, что называется «новая йельская школа», которую я мог бы сопоставить с «новой чикагской школой», так как считал, что чикагская школа сегодня не похожа на старую. В рамках общих методологических основ я увидел три дополнительных направления исследования.

Одно слишком теоретизированное и абстрактное. К нему я бы отнес работы Мартина Шубика и Джона Джинакоплоса. Думаю, их теоретические работы берут свое начало из абсолютно другого исходного условия по сравнению с «современными исследованиями чикагской школы». Для этого требуется то, что можно назвать «социологическим образом». Например, работы Шубика требуют другого отношения к деньгам, чем это принято в экономическом сообществе. Работы Джона Джинакоплоса, с моей точки зрения, также соответствовали этим общим теоретическим основам.

На эмпирическом направлении были работы Криса Симса. Он пытался показать, что можно сделать, не привязываясь к данным и не принимая никаких допущений, или без допущений равновесия спроса и предложения на рынках. И, наконец, на практическом направлении я видел работы Рэя Фэя, которые существовали в совершенно другом измерении. Его эконометрические работы — это некий компромисс. Ваши же работы я поместил между другими и рассматривал их как естественную эволюцию тобинского подхода.

Шиллер: Да, существуют некоторые общие элементы.

Коландер: Но одновременно было противостояние использованию такого понятия, как «йельская школа», поэтому я ограничиваю свои беседы вами и Джимом.

Шиллер: Да, я знаю. Некоторые преподаватели нашего факультета были против участия в интервью, полагая, что наша попытка охарактеризовать йельскую школу может, наоборот, ввести в заблуждение. По их мнению, в нашем университете согласия относительно традиций и методов не больше, чем в целом в науке, и мы не должны обманывать людей, которые, придя к нам в качестве студентов или преподавателей, могут обнаружить совсем не то, что ожидали. Но я не согласен с таким выводом. Если мы последуем их совету и никогда не будем обсуждать, чем один факультет отличается от другого с точки зрения основных подходов, то мы лишим будущих студентов возможности выбирать факультет не только исходя из глупых количественных рейтингов на основе уровня популярности, количества публикаций (в страницах) или чего-то в этом роде. Что действительно имеет значение при выборе факультета, так это интеллектуальные ре-

сурсы, традиции, поэтому мы и должны попытаться охарактеризовать эти традиции.

Интерес к практической экономической политике, я бы сказал, является одной из основных характеристик йельской школы, хотя по сути большая заинтересованность в экономической теории отличает ее от школ,

ориентированных на государственную политику. Как и все экономические факультеты, немало выпускников и преподавателей нашего факультета работали на Вашингтон в качестве советников. И это очень хороший знак, что экономисты не оторваны от реального мира, если их приглашают в качестве советников. Позднее такое случалось все реже и реже. Наши экономисты также работают и в других странах, например, президент Мексики Эрнесто Зедильо (с 1994 по 2000 г. — *Прим. пер.)* был одним из наших докторов экономических наук.

Коландер: А также Труман Бьюли, который, перебравшись в Йель, изменил программу своих исследований.

Шиллер: Да, он был примером того, как можно стать профессором Йеля и фундаментально измениться, — он отказался от своих исследований в абстрактной математической экономике в пользу эмпирических исследований на тему, как те, кто определяет уровень заработной платы, принимают решения. Его книга, в которой представлены результаты более ста личных интервью с теми, кто устанавливает размер заработной платы, представляет собой очень глубокое понимание одной из центральных проблем макроэкономики: почему заработная плата так медленно растет. Меня поразило то, что он сейчас делает. Поэтому я думаю: либо Йель так влияет на людей, либо он притягивает людей с определенными интересами.

Коландер: Вопрос в том, является ли это влияние подтверждением того, что это самостоятельно существующая школа.

Шиллер: Как я уже говорил, в Йеле есть нечто, характерное только для него, что позволяет говорить о некой продолжительной традиции. Я считаю, что Ирвинг Фишер положил начало йельской школы. Он был первым в Йеле, кто получил докторскую степень по экономике в 1891 г. Вся его научная карьера была связана с Йелем до самой смерти в 1947 г. в Нью-Хейвене. Этой весной, благодаря спонсорской поддержке Фонда Коулза, мы провели в Йеле конференцию, посвященную 50-летию со дня смерти Ирвинга Фишера. По итогам конференции выйдет книга, посвященная его работе. В конференции приняли участие большинство наших преподавателей по макроэкономике и экономической теории. Разве это не доказательство существования традиций факультета?

Фишер дал наиболее убедительное определение теоретической роли, которую играет процентная ставка при принятии экономических решений, а его успехи в теории капитала оказывают большое влияние на научные умы по сей день. Это он выдвинул новый термин «денежная иллюзия»

и написал на эту тему целую книгу, тем самым уже тогда осознав важность поведенческой экономики. Он также первым пришел к идее облигаций, индексируемых в соответствии с темпами инфляции, которые Министерство финансов США выпустило к тому времени. Это показывает, что уже тогда он понимал все значение институциональных изменений. Его работы сегодня выглядят более жизнеспособными, чем у кого-либо из американских экономистов первой половины XX в., и я считаю, что все это благодаря его подходу.

Подобная традиция могла бы и дальше привлекать студентов и преподавателей к факультету. Даже если различия между факультетами во многом

неуловимы, традиции станут фокусной точкой, куда будут стекаться люди с одинаковыми интересами, руководствуясь тем, что теоретики определили как фактор, который может нарушить множественность равновесия. Вместо того чтобы выбирать факультет наугад, студенты и преподаватели придут на факультет, который отражает в какой-то степени их подход или философию, надеясь на то, что это привлечет туда и других людей с похожими взглядами. Уверен, что факультетские традиции смогут выстоять, даже если время от времени будут происходить какие-либо отклонения и отходы от них.

Очень редко экономический факультет концентрируется исключительно на одном подходе. Пример Чикагского университета показывает, что при Фрэнке Найте, Милтоне Фридмане и прочих экономистах того же уровня основной упор делался на отстаивании принципов либеральной экономики, и это был один из самых успешных периодов в истории университета — если судить по тому, что они оставили нам в наследство. Но даже такая традиция Чикагского университета сегодня изменилась. Она не та, что была раньше, — теперь намного более технологичная и менее ориентированная на практику. Сегодня подходы Чикагской школы трудно отличить от подходов других школ, и некоторые из моих коллег уже заявляют о том, что традиция старой чикагской школы мертва. Но я бы не согласился с подобным заявлением. Прошлое чикагской школы будет продолжать влиять на будущее факультета.

Коландер: Чтобы найти ответ на вопрос «существует ли новая йельская школа», следует поговорить о том, чем Йель отличается от других университетов. Что отличает Йель от МТИ, Принстона и Гарварда?

Шиллер: Очень трудно ответить на этот вопрос в двух словах. Слишком много людей, параметров для оценки, при этом у каждого университета есть своя история развития научной мысли, которая может показаться привлекательной для разных людей. Возьмите, например, МТИ. Когда вы думаете о нем, то, возможно, вы думаете о Самуэльсоне, Солоу, Модильяни и Даймонде. Благодаря им и другим ученым в университете существует удивительная традиция развития научной мысли, которая привлекает тех, кого

мотивирует что-то из их работ. На мой взгляд, их наследие становится своего рода публичной фокусной точкой, помогающей факультету выделиться на фоне других. В Йеле, я думаю, такую роль выполняют Ирвинг Фишер и Джим Тобин.

Коландер: Как бы вы тогда, например, охарактеризовали Самуэльсона и Тобина?

Шиллер: Они оба великие экономисты, я ими восхищаюсь. И тому и другому присущи масштабность и широкий кругозор, а не мышление в рамках узких экономических моделей, и кроме того — приверженность социальной философии.

Коландер: Могли бы вы охарактеризовать йельскую школу как школу с упором на социальную философию?

Шиллер: Возможно, отчасти. Здесь очень трудно обобщать. Каков для нас образ Тобина? Мне он представляется очень нравственным человеком, который выражает неподдельную симпатию по отношению к другим. Зна-

чит, он видит то, что беспокоит людей, и стремится исправить положение. Это характерно для него — в отличие от очень большого количества других экономистов.

Коландер: Можно ли сказать, что в Йеле существует иная мотивация для работы над теоретической частью? Я смотрю на ваши изыскания в области экономической теории и хочу сказать, что, на мой взгляд, у вас другой ракурс. У вас отсутствует предположение, что рынки изначально функционируют, вместо этого вы отталкиваетесь от того, что рынки работают благодаря институтам. А затем вы пытаетесь понять связь между институтами и теорией. Вот вкратце то, что, на мой взгляд, характеризовало бы более расширенную версию йельской школы, включавшей в себя все, что сделали Джим Тобин, вы и еще ряд представителей Йеля.

Шиллер: Да, я думаю, что существует некоторая разница в мотивации, хотя, как я уже сказал, эта мотивация в данной ситуации не относится к каждому. Для меня это является главным в моей научной работе. Последние десять лет я работал в основном над темой улучшения экономических институтов (см. мою книгу «Макрорынки» (Macro Markets), в которой предлагаются фундаментальные новые финансовые рынки) и инкорпорирования практических примеров из других общественных наук, таких как психология и социология, в экономику.

Другие интересовались практическими институтами и политикой. Кристофер Симс занимался созданием макроэкономических моделей для оценки денежной политики. Джанкарло Корсетти (вместе с Виллемом Бойтером и Паоло Пезенти, также в прошлом учившихся и работавших в Йельском университете) написал книгу о кооперации денежных систем Европы. Ариэль Пайкс занимался исследованием теории индексов в привязке к модели дифференциации продуктов, пытаясь выяснить, как необходимо произво-

дить расчеты, чтобы вычислить индекс потребительских цен в зависимости от изменения качества и возрастающего разнообразия предложений для потребителей.

Т. Шринивасан исследовал тему политики в отношении таможенных союзов и районирования во внешней торговле. Билл Нордхаус и Роберт Мендельсон заняты тем, что с помощью экономической теории пытаются понять экономические дилеммы, связанные с надвигающимся глобальным изменением климата. Безусловно, почти на каждом факультете есть кто-то, кто занимается вопросами практического характера, но я все же считаю, что экономический факультет в Йеле — один из сильнейших в этом отношении.

Полагаю индивидуальность факультета связана с историческим процессом. То, что произошло много лет назад, зачастую продолжает очень сильно влиять на то, что происходит сегодня. Поэтому я рассматриваю Ирвинга Фишера как составляющую индивидуальности факультета, несмотря на то, что он умер в 1947 г. Еще одной отличительной особенностью факультета являлся Фонд Коулза, который был центром первых стандартов эконометрических исследований.

Коландер: Фонд Коулза сыграл важную роль в общем развитии макроэкономики. Я читал в литературе о том периоде, что ряд научных ис-

следований, сделанных в рамках Фонда, были направлены на то, чтобы подвести научную основу под определенные наборы моделей, существовавших тогда. Таким образом, они, на мой взгляд, претендовали больше на макроэкономические модели, чем на что-либо еще. В данном контексте я считаю очень важной недавнюю работу Рэя Фэйра, где он рассматривает с разных сторон макромодели. Это работающие модели, а не те, которые подводят под что-либо грандиозную научную основу. Цель макроэконометрических моделей — понять, что и как функционирует, чтобы можно было применять соответствующую политику. Это, как мне кажется, абсолютно не похоже на подход Фонда Коулза к макромоделям, с которого все начиналось. В некотором роде то, что я нарисовал, не совсем соответствует старым кейнсианцам, поскольку зачастую они стараются получить все — и релевантность проводимой политики, и научную основу.

Шиллер: Да, я думаю, что это было неслыханным высокомерием со стороны Кейнса — назвать свою работу «Общая теория», намекая на нечто подобное у Эйнштейна. Рэй Фэйр в основу всех своих работ по макроэкономическому моделированию положил сугубо практический, без каких-либо дополнительных отвлекающих эффектов, здравый подход, проводя тщательную проверку своих моделей на способность прогнозирования. И как показывает моя совместная работа с Рэем, его модели позволяют делать прогнозы качественнее, чем любая простая модель. Также удивительно, что академичные экономисты не проявляют особого интереса к развитию

явных макроэкономических моделей прогнозирования, учитывающих такие факторы реального мира, как налоги и денежно-кредитная политика, тестируя возможности моделей самостоятельно, без какого-либо вмешательства людей для того, чтобы давать прогнозы. Не так много интересного с точки зрения науки в самих деталях процесса прогнозирования в режиме реального времени.

Коландер: Думаю, что в работах Кейнса были различные элементы — как практического, так и теоретического характера. Я считаю, что неявная теория Кейнса будет более общей, если ее интерпретировать как модель множественности равновесий. Он никогда так не делал, это лишь мое понимание вклада Кейнса в экономическую теорию. Стараясь уместить кейнсианскую экономическую теорию в рамки вальрасовской модели, предполагающей однозначное равновесие, исследователи выпустили из внимания данный аспект теории Кейнса. И мне кажется, что эти две вещи нельзя смешивать. Вальрасовская модель оставляет «за бортом» все, что касается вопросов социологического и институционального характера, которые, в свою очередь, были всегда в центре внимания Кейнса.

Коландер: Давайте поговорим лично о вас. Как вы пришли в экономику?

Шиллер: Когда я был студентом колледжа, меня интересовало буквально все. Я думал, что просто невозможно выбрать для себя какую-то одну область, но мне необходимо было это сделать. Не могу сказать с уверенностью, что именно меня подтолкнуло заниматься экономикой. Думаю, что я хотел изменить мир, и экономика мне показалась неплохой возможностью для этого. Мои интересы были весьма широки, и поэтому я мог остановиться на любом факультете. В итоге я выбрал экономический и посту-

пил в Массачусетский технологический институт, где работал под руководством Франко Модильяни. Мне импонировал его подход к экономике и его заинтересованность в вопросах морально-этического и социального характера. Помню, как мы в то время занимались вопросом Вьетнамской войны.

С тех пор я проделал большую работу в так называемой поведенческой экономике, связанной как с макроэкономикой, так и с финансами. За последние лет десять мы с Ричардом Талером при поддержке Круглого стола по поведенческой экономике Фонда Рассела Сейджа и Национального бюро экономических исследований провели серию семинаров по поведенческим финансам. Вместе с Джорджем Акерлофом вот уже несколько последних лет мы проводим семинары по поведенческой макроэкономике. И очень большую поддержку всем моим проектам оказывают мои коллеги по Йелю. Но эти семинары все же носят более общепрофессиональный характер.

Коландер: Как бы вы охарактеризовали подходы Модильяни (МТИ) и Тобина (Йель) или провели между ними разграничения?

Шиллер: Это очень трудно. Мне импонируют и Модильяни, и Тобин, а также и тот, и другой университет. Во многом традиции МТИ совпадали с тем, что я видел в Йеле. И многое из того, что мне нравится в йельской школе, также передалось и такому институту, как Брукингская экспертная группа по деловой активности, а также их изданиям по деловой активности. Эту группу основал профессор экономики Йельского университета Артур Окун — в лучших традициях йельской школы (рис. 16.5). Сегодня Брукингская экспертная группа под руководством Уильяма Брейнарда из Йеля и Джорджа Перри из Брукингского института привлекают людей для проведения практических, теоретически проработанных и политически ориентированных исследований практически со всех экономических факультетов страны.

Коландер: Если вы не можете провести разграничение между МТИ и Йельским университетом, то не означает ли это, что понятие «йельская школа» на самом деле имеет более широкий смысл, чем мы подразумеваем под Йелем в противоположность «старым кейнсианским» традициям.

Шиллер: В определенном смысле она все же чаще всего кейнсианская.

Это подход, где меньше обязательных методов, чем в кейнсианстве. Это подход, признающий все разнообразие и сложность реального мира. Это подход, где вам необходимо реагировать на реальность и индуктивные исследования и где исходная цель — формулирование здравой и эффективной политики. Это подход, где вы должны быть внимательны и одновременно открыты для фактов, на основании которых будете делать предположение.

Рис. 16.5. Заседание Брукингской экспертной группы по деловой активности. Джо

Печман (слева), директор по вопросам экономических исследований в Брукингском

институте; Арт Окун (в центре) и Джордж Перри (справа) — основатели Группы. Январь

1978 г.

Коландер: Как вы относитесь к утверждению, что сегодня экономическая наука пытается пойти дальше изучения поверхностных фактов и наблюдений и стремится добраться до основного фактора экономики?

Шиллер: На мой взгляд, такое утверждение показывает неправильное понимание реального мира. Существует мнение определенной группы людей в профессиональном сообществе, которое заставляет многих ученых думать, что это просто вопрос человеческого поведения и это ключ ко всем существующим загадкам, например, к максимизации ожидаемой полезности с простой функциональной формой полезности, необоснованно используемой экономистами. Вопрос поведения человека намного сложнее, поэтому мы должны действовать, во многом исходя из фактов, и проводить большую индуктивную работу.

Коландер: Много ли ученых-экономистов разделяют ваш подход?

Шиллер: Не знаю. Думаю, что в любом профессиональном сообществе, к сожалению, большинство его участников «будут играть в свою игру». Такова природа исследований. На мой взгляд, это случается намного чаще, чем должно, потому что ученые становятся все более узкоспециализированными и выбирают для своих исследований слишком специфические проблемы. Я хочу, чтобы больше экономистов стало интересоваться вопросами истории, психологии, социологии, институтов и экономической политики. И здесь я не имею в виду, что необходимо заниматься текущими политическими вопросами. Я не говорю, что хотел бы, чтобы экономисты были больше похожи на тех, кого постоянно цитируют на ТВ, тех, кто всегда готов обсудить сказанное накануне кем-то из официальных лиц.

Коландер: Это похоже на точку зрения Института Санта-Фе относительно сложности. Вы согласны?

Шиллер: Я участвовал в паре-тройке их конференций в Нью-Мексико — весьма достойные мероприятия. Моя точка зрения относительно сложности природы человека (и как я полагаю, она все больше становится точкой зрения просвещенной части экономического сообщества) является отражением современных исследований в области эволюционной биологии, в которых подчеркивается, что человек — это продукт естественного отбора, как генетического, так и культурного. Это значит, что любая малейшая при-

вычка или поведенческий паттерн, которые оказывались полезными, усиливались, остальные же подавлялись. В результате мы имеем чрезвычайно сложный набор мотиваций человека. Не имея достаточных знаний в области эволюционной истории, это трудно понять. Мы просто должны принять существование этих сложных мотиваций. Нам необходимо понять всю эту совокупность мотивов, желаний и поведенческих паттернов, которая служила нам верой и правдой, когда мы были охотниками-собирателями, фермерами-одиночками, купцами викторианской эпохи, но которая не может служить нам сейчас. Попытаться разложить исторические события

на простые составляющие, используя очень простые модели, — вот что лежит в основе фундаментальной методики нашего исследования, но мы не должны слишком высоко возносить эти простые модели, это было бы ошибкой.

Коландер: Много ли ваших коллег в Йеле разделяют такую точку зрения?

Шиллер: Не думаю.

Коландер: А Мартин Шубик?

Шиллер: Возможно, он бы согласился. Он также акцентирует внимание на том, что при создании модели необходимо учитывать сложность институциональных данных. Он показал, что если правильно учесть некоторые из этих данных об обстоятельствах, в которых мы оказались, мы сможем применить теорию игр, которая дает понимание не только экономического поведения, но и, например, ряда вопросов политологии и социальной психологии.

Коландер: А что вы можете сказать по поводу Криса Симса? Он в своих эмпирических работах, на мой взгляд, усложняет путь получения информации из массива данных.

Шиллер: Согласен. В 1980 г. он опубликовал статью под названием «Макроэкономика и реальность» (Macroeconomics and Reality). Мне очень нравилась эта статья, так как в ней Крис показал некоторые слабые стороны стандартного подхода к макроэконометрическому моделированию, господствовавшего тогда среди экономистов. По крайней мере, эта статья не менее важна, чем «Критика эконометрической оценки политики» (Econometric Policy Evaluation: A Critique) Лукаса, в которой также говорится о слабых сторонах такого подхода. Ученые-экономисты все чаще создают структуру для построения модели экономики, не имея какой-либо доказательной базы правильности своих рассуждений, и слишком много внимания уделяют подходу. В своей статье Симс ставит под сомнение использование подобных предположений, не имеющих какой-либо базы или подтверждающих данных, и приводит пример эконометрического подхода, которому не присуще использование подобной структуры с отсутствием такой составляющей, как анализ.

Коландер: Но эта статья была написана Крисом до его прихода в Йель, не так ли?

Шиллер: Да, это так. В его курсе по макроэкономической теории, который он читает студентам-первокурсникам, изучающим макроэкономику, очень большой акцент сделан на математику межвременной оптимизации

в условиях рациональных ожиданий. Я не согласен с ним в необходимости такого акцента в курсе. Конечно, студенты должны это знать, но такой подход исключает другие, не менее важные, вопросы макроэкономики. По словам Герберта Саймона, как показывает практика, экономические аген-

ты чаще удовлетворяют свои потребности, чем их оптимизируют, и затраты на вычисление не позволяют им вести себя так, как в оптимизирующих моделях. Однако, возможно, наш основной цикл лекций по макроэкономике для студентов первого курса докторантуры в Йеле и хорош тем, что его читаем мы с Крисом — то есть представители различных точек зрения и подходов.

Джон Раст высказал свою обеспокоенность по поводу явной нереальности наших экономических моделей, в которых принимаются предположения о том, что агенты смогут заниматься расчетами. Результаты некоторых его исследований показывают, что массовый параллелизм, социальная память и децентрализация будут способствовать тому, что люди действительно смогут делать подобные расчеты. И это хорошо, что он пытается спорить по таким вопросам, хотя я боюсь, что элемент нереальности во многих этих моделях сохранится.

Коландер: Должна ли использоваться разная методология, когда речь идет о макро- и микроэкономике?

Шиллер: Понятия макро- и микроэкономики означают как различные научные школы, так и разные предметы изучения. Согласно определению, макроэкономика является объединением вопросов микроэкономики, но в действительности же различия между научными школами, возможно, существуют в одинаковой степени, с точки зрения как используемых методов, так и предмета изучения. Это в какой-то мере похоже на существующие различия между исчислениями и геометрией в математике. В геометрии присутствует аксиоматизация, тогда как очень редко кто представляет студентам исчисления как аксиоматизированную систему. Думаю, с этой точки зрения макроэкономика больше похожа на исчисления. Все начинается с интуиции; мы почти не строим модели, да и те, что строим, нельзя назвать полными; мы не руководствуемся основными принципами, и поэтому в макроэкономике чаще, чем в микроэкономике, возникает желание отразить в поведении человека всю сложность реального мира.

Коландер: А что вы думаете по поводу модели IS-LM?

Шиллер: Я до сих пор рассказываю о ней студентам, хотя это далеко не единственная тема в моих лекциях. Модель IS-LM — неполная модель, там есть заданные условия. И если это все, что вы знаете, то вы очень ограничены в своих действиях.

Коландер: Значительная часть работы над основами IS-LM была связана с вальрасовской моделью общего равновесия. Что вы думаете по этому поводу?

Шиллер: Возвращаясь к моему основополагающему принципу: если говорить о сложности, вы не можете свести поведение человека к каким-то простым правилам. Мы говорим о IS-LM как о кейнсианской модели. Но Кейнс заявлял о великом множестве вопросов, в том числе о зависти

или социальных сравнениях, которые не вписываются в концепцию IS-LM. Я думаю о привычках экономического характера как о паттернах нашего поведения, которые сидят в наших головах без особой на то причины. Как пример — денежная иллюзия. Это значительное явление. Люди предпочитают номинальное изобилие. Данное предпочтение должно быть основополагающим для макроэкономической теории.

Коландер: Давайте вернемся к тем, кто заложил основы. Насколько естественным, на ваш взгляд, выглядела эволюция макроэкономики? После того как модель IS-LM устоялась, кейнсианцы Модильяни и Тобин начали заниматься ее модифицированием. С их стороны это было более чем естественно — выработать для выводов модели микроосновы.

Шиллер: Да, это было естественным шагом, так как книга Кейнса была довольно сумбурной. Было практически невозможно понять, что Кейнс хотел сказать, поскольку он опускал все необходимые детали.

Коландер: Но я спрашиваю не об этом, а о том, можно ли считать исследования неокейнсианцев первым шагом в направлении создания микрооснов. Было ли это началом зарождения предположения, что возможны простые объяснения сложных вопросов?

Шиллер: Прежде всего желательно иметь простые объяснения сложных явлений, что-то наподобие физических моделей для экономики. Это было бы на самом деле здорово, но, на мой взгляд, методология, используемая в физике, не совсем подходит для экономики. Мы не собираемся бросаться на поиски в экономике таких же известных и важных универсальных законов, как F= MA Мне кажется, что сама надежда найти нечто подобное нанесет вред экономическим исследованиям некоторых моих коллег.

Коландер: Что вы думаете по поводу степени соответствия модели IS-LM вальрасовской теории общего равновесия? Они совместимы?

Шиллер: Вальрасовская модель очень абстрактна, ее можно было бы использовать и по отношению к цивилизациям на другой планете, где угодно. Кейнсианская модель IS-LM была создана для институтов и паттернов поведения человека в XIX веке. Ее нельзя считать полноценной теоретической моделью. Это просто некое дополнение, которое помогает сделать некоторые предварительные выводы из интуитивной теории.

Коландер: А каковы ваши взгляды относительно монетаризма?

Шиллер: Милтон Фридман был главным защитником монетаризма. Надеюсь, это не будет выглядеть как некая непоследовательность с моей стороны, если скажу, что также восхищаюсь и тем, что сделал Милтон Фридман. Его «Монетарная история» (Monetary History), написанная вместе с Анной Шварц, на мой взгляд, очень интересная книга, несмотря на то, что вопрос отсутствия стабильности денежного мультипликатора в последние годы стал менее актуален, а это было главным посылом книги.

Как я могу восхищаться Фридманом и многими традициями чикагской школы и одновременно ставить под сомнение макроэкономический подход, в основе которого лежит оптимизирующая модель, что некоторые могли бы назвать типично чикагским? Ответ заключается в том, что в дей-

ствительности зачастую нас привлекает в работах других не догмы, с помощью которых они пытаются выделиться и заставить других принять их идеи. Вы можете находиться под впечатлением лишь какой-то части того, что человек сделал, и при этом отвергать все его догмы. Милтона Фридмана порой рассматривают как защитника определенных видов рациональных оптимизирующих моделей, но у меня другое мнение по поводу его связи с исследованиями в данной области.

Фридман написал книгу по методологии — «Эссе о позитивной экономической науке» (Essays in Positive Economics). Первое эссе из этого сборника многие использовали в качестве оправдания создания тщательно разработанных экономических моделей на основе предположений, противоречащих фактам. В этом эссе он рассказывает историю о том, как можно смоделировать поведение опытного игрока на бильярде. Лучший способ это сделать — описать его игры так, словно решается проблема оптимизации в теоретической механике. Это не будет звучать как критика такого метода моделирования, если я скажу, что игрок на бильярде не сможет понять математические расчеты в теоретической механике. Это и есть его известное утверждение, что невозможно судить о модели по реализму ее предположений. По существу Фридман прав на этот счет, и его пример доказывает в какой-то степени ценность создания оптимизирующих моделей на основе предположений, противоречащих фактам. Как заявляет Купманс, до сих пор многие, кто цитирует этот пример, неправильно понимают его суть.

Думаю, мы не можем обвинять Фридмана в том, что кто-то неправильно использует его методологию. Если же взять его собственную методику проведения исследования, то зачастую можно увидеть массу сильных сторон и смысла. Например, его «Монетарную историю», написанную вместе с Анной Шварц, можно считать одним из самых ранних примеров поиска естественных экспериментов (они называли их «квазиуправляемые эксперименты») для отделения причины и эффекта, и не полагаться только на какой-то «лелеемый» метод создания модели как единственно возможный подход.

Коландер: Таким образом, можно сказать, что существует некоторое частичное совпадение монетаризма и макроэкономических идей Тобина?

Шиллер: Вот поэтому мы не можем до конца охарактеризовать йельскую школу. Здесь есть частичное совпадение. Чикагская школа не ограничивается стенами Чикагского университета, то же самое я могу сказать о Йеле: йельская школа — это не только Йель.

Коландер: А что вы думаете о подходе Клауэра-Лейонхуфвуда?

Шиллер: Я помню их работы, очень интересные. Я даже в своих лекциях рассказываю студентам об их идеях, но только очень кратко. Я рассказываю о существующих различиях между теоретическим и эффективным спросом и жестких ценах. Их исследования эволюционировали в виде работ по неравновесию, некоторые из которых имели большую ценность.

Коландер: Какова, на ваш взгляд, взаимосвязь между йельской школой и кейнсианством?

Шиллер: Кейнсианство сегодня довольно трудно поддается определе-

нию, и многие могут сказать, что оно умерло — не с точки зрения политики, а с точки зрения теории. Однако я уже сказал: «Важнее попытаться создать модель, которая бы охватила как можно больше наблюдаемых явлений, чем начинать все с основных принципов». Поэтому, на мой взгляд, есть какая-то тесная связь между йельской школой и кейнсианством с точки зрения мотивации и философии.

Коландер: А что вы думаете о реальных деловых циклах?

Шиллер: Теория реального делового цикла — одно из заметных направлений в макроэкономической теории со времен известной работы Кидланда и Прескотта «Время строить и агрегированные колебания» (Time to build and aggregate fluctuations), написанной в 1982 г. Она была очень распространена среди экономистов, потом в результате дифференциации перестала выделяться как отдельное направление.

Разработчики моделей реального делового цикла рассматривают основные макроэкономические данные, простые характеристики экономики, как индикаторы того, какие количественные показатели и относительные цены изменяются в течение делового цикла и как это взаимосвязано. Затем они пытаются перенести эти цены и количественные изменения на эталонную оптимизирующую модель индивидуального поведения. Довольно заманчивая попытка осмысления основных данных.

В Йеле есть ряд ученых-экономистов, которые занимаются тем, что я бы назвал общим понятием реального делового цикла. Крис Симс вместе с Эриком Липером, Тао Чжа и другими занимается анализом временных рядов линеаризованных динамических стохастических моделей общего равновесия. Стефан Кригер строит модели деловых циклов фирм с неоднородными ограничениями по задолженности, незащищенных от идиосинкратического производственного риска. Джордж Холл моделирует использование основного капитала менеджерами предприятия на основе модели динамического программирования, давая, таким образом, возможность объяснить ход производства и материально-производственные запасы в течение всего делового цикла.

В будущем я хотел бы, чтобы было больше работ, комбинирующих основные идеи подобных исследований и иную информацию. Специалисты по

теории реального делового цикла зачастую ограничивают себя. Им необходимо признать ограничения людей в расчете собственной выгоды, о чем я говорил выше, их склонность к использованию эмпирических правил и влияние институтов на их поведение. До тех пор, пока они не признают эти проблемы, они будут время от времени говорить, что не видят ничего хорошего в том, чтобы учитывать их в своих моделях. Но очень важно попытаться это сделать.

Коландер: Боюсь, на этом мы должны закончить нашу беседу. Большое спасибо.

О РЕДАКТОРАХ

Пол Самуэльсон — первый американец, удостоенный Нобелевской премии по экономике. Он — почетный профессор экономики и институтский профессор Массачусетского технологического института (высшее звание, присваиваемое преподавателям МТИ. — *Прим. пер.).* Его знаменитая книга

«Основы экономического анализа», увидевшая свет в 1 947 г. и написанная по материалам диссертации, которую автор защищал в Гарвардском университете, сделала его «экономистом номер один», повысив требования, предъявляемые ко всем специалистам этого профиля. Впервые опубликованный в 1948 г. классический учебник П. Самуэльсона «Экономика» — один из самых популярных учебников по этому предмету. Он переиздавался 16 раз, разошелся общим тиражом более четырех миллионов экземпляров, переведен на 41 язык. Степень бакалавра Самуэльсон получил в Чикагском университете, а магистра и доктора наук — в Гарварде. Один из самых плодовитых ученых-экономистов на протяжении более чем полувековой истории, Самуэльсон и сегодня остается интеллектуальным лидером мирового масштаба.

Уильям Барнетт — заслуженный профессор макроэкономики в Канзасском университете. Ранее был экономистом-исследователем в Совете управляющих Федеральной резервной системы (Вашингтон) и преподавал в Техасском университете города Остин и в университете Вашингтона в Сент-Луисе. Уильям Барнетт — крупнейший специалист по макроэкономике и эконометрике. Он — один из пионеров теории хаоса и нелинейности социально-экономических процессов, а также крупнейший специалист в изучении проблемы агрегирования — центральной для понимания соотношения между частными и агрегированными показателями. Барнетт —редактор монографической серии издательства Elsevier *International Symposia in Economic Theory and Econometrics,* а также редактор журнала *Macroeconomic Dynamics,* выпускаемого издательством Cambridge University Press. Степень бакалавра он получил в МТИ, магистра делового администрирования — в Калифорнийском университете в Беркли, а доктора наук — в Университете Карнеги-Меллона. У. Барнетт — автор и редактор 17 книг и более 130 статей в специализированных журналах.

489

О ЧЕМ ДУМАЮТ ЭКОНОМИСТЫ

Беседы с нобелевскими лауреатами

Под редакцией

Самуэльсона Пола и **Барнетта** Уильяма

Руководитель проекта *С. Турко*

Технический редактор *Н. Лисицына*

Корректор *Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Художник *С. Прокофьева*

Подписано в печать 19.1 1.2008. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 31,0 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ №7939.

Альпина Бизнес Букс

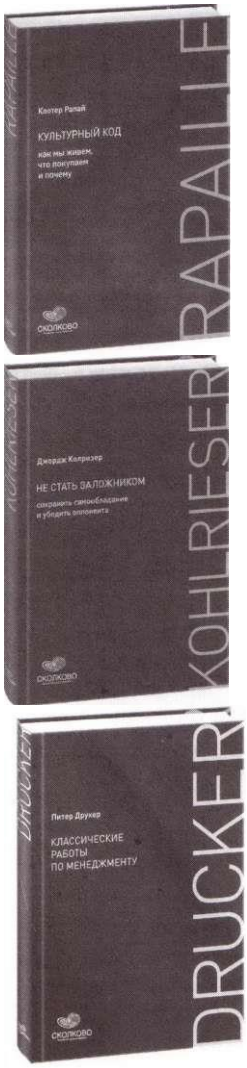
123060, Москва, а/я 28

Тел. (495) 980-53-54

www.alpina.ru

e-mail: info@alpina.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



«Альпина Бизнес Букс» рекомендует

Культурный код

Как мы живем, что покупаем и почему

Клотер Рапай, пер. с англ., 2008, 167 с.

Серия «Сколково»

Почему у американского джипа фары должны быть круглыми? Почему во Франции идея изготовления сыра из пастеризованного молока обречена на провал? Почему реклама одного и того же товара в Америке и Германии должна быть разной? Потому что представителям различных культур присуще разное восприятие тех или иных образов. Изучение культурных кодов привело психолога Клотера Рапая в мир бизнеса. Ведущие компании мира используют идеи Рапая при разработке продукции и планировании рекламных кампаний.

Не стать заложником

Сохранить самообладание и убедить оппонента

Джордж Колризер, пер. с англ., 2008, 244 с.

Серия «Сколково»

Вся наша жизнь пронизана конфликтами. Их принято избегать, но Джордж Колризер — специалист по психологии управления, консультант и бывший переговорщик — считает, что от конфликта отворачиваться нельзя. Только пройдя через него, можно разрешить сложные ситуации, возникающие в бизнесе и частной жизни.

Эта книга — новый взгляд на то, что каждый лидер должен знать о контроле эмоций, установлении взаимоотношений, ведении диалога, переговоров и избавлении от плена прошлого или настоящего окружения.

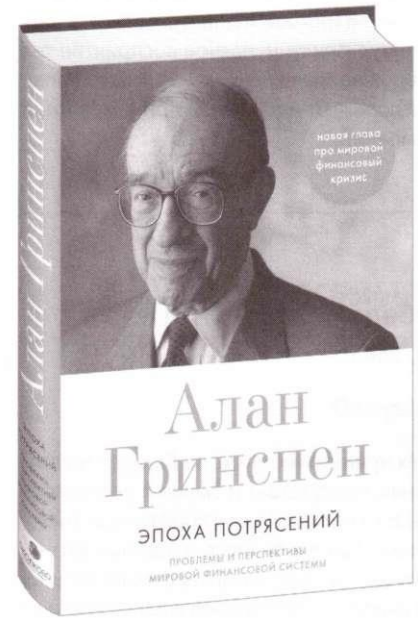
Классические работы по менеджменту

Питер Друкер, пер. с англ., 2008, 220 с.

Серия «Сколково»

Всего полвека назад менеджмент воспринимался совсем по-другому и практически не признавался как профессия. Сегодняшнему употреблению этого слова мы обязаны в основном Питеру Друкеру. Труды Питера Друкера, ставшего классиком при жизни, не утратили научной актуальности. Лейтмотив всех его работ — призыв фокусироваться на тех немногих вопросах, от которых действительно зависит успешность компании. Именно это обеспечивает эффективность бизнеса, менеджмента, принятия решений, инноваций.

Эти и другие издания можно приобрести в книжных магазинах,
а также заказать в издательстве по тел.: (495) 980 8077
или на сайте www.alpina.ru



«Альпина Бизнес Букс» рекомендует

Э п о х а п о т р я с е н и й

Проблемы и перспективы мировой
финансовой системы

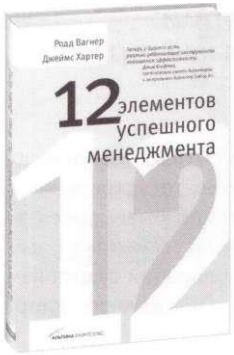
Алан Гринспен, пер. с англ., 2-е издание,
дополненное,2009,520 с.

(Серия «Сколково»).

Книга Алана Гринспена, возглавлявшего Федеральную резервную систему США более 18 лет, не похожа на те мемуары, которые обычно пишут сошедшие со сцены политики и государственные деятели. Это скорее глобальный экономический анализ, в основе которого лежат личный опыт и мировоззрение последовательного защитника рыночной системы. Именно поэтому книга состоит из двух частей. Первая посвящена формированию личности автора и становлению его взгля-

дов, а вторая — концептуальной основе понимания
новой глобальной экономики, в которой мы живем
сегодня. В книге рассматриваются важнейшие элемен-
ты развивающейся глобальной среды: принципы управ-
ления, восходящие к эпохе Просвещения; энергетическая инфраструктура; глобальные
финансовые дисбалансы и коренные изменения мировой демографической ситуации,
создающие угрозу дальнейшему развитию; обеспокоенность по поводу справедливости
распределения результатов. В заключение автор пытается представить, каким будет
характер мировой экономики в 2030 году.
Издание дополненно эпилогом, посвященным мировому финансовому кризису.

Эти и другие издания можно приобрести в книжных магазинах,
а также заказать в издательстве по тел.: (495) 980 8077
или на сайте www.alpina.ru



«Альпина Бизнес Букс» рекомендует

12 элементов успешного менеджмента

Родд Вагнер, Джеймс Хартер, пер. с англ., 2009, 248 с.

Как великие менеджеры вдохновляют сотрудников на высокие результаты? Как им

удается объединять в одну команду совершенно разных людей? Как получается поддерживать в них энтузиазм и стремление к творчеству? В результате уникального исследования Института Гэллапа, в рамках которого было проинтервьюировано более миллиона человек из самых разных сфер бизнеса, было выявлено 12 элементов, которые помогают сделать бизнес более устойчивым, повысить мотивацию и приверженность персонала, наладить бизнес-процессы и увеличить прибыль. Авторы подробно рассказывают о каждом из этих элементов и показывают, как на их основе построить успешную компанию.
Книга предназначена для руководителей, топ-менеджеров, менеджеров по персоналу компаний, работающих в самых разных сферах бизнеса.

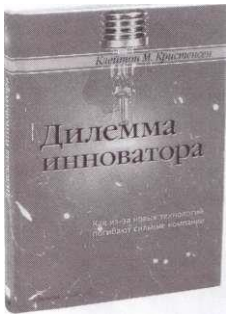
Сначала нарушьте все правила!

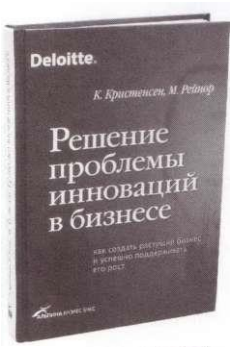
Что лучшие в мире менеджеры делают по-другому?
Маркус Бакингем, Курт Коффман, пер. с англ., 2009, 251 с.
Даже самая несложная работа требует таланта. Думать, что любого можно научить выполнять любую работу и что дело только в системе стимулирования и амбициях — значит путать таланты, знания и навыки. Талант — вещь врожденная, знания и навыки — дело наживное. Книга Маркуса Бакингема и Курта Коффмана подводит итог грандиозной двадцатипятилетней работы Института Гэллапа, суть которой сводится к тому, что людей изменить невозможно и не стоит требовать от них того, что им не дано. Нужно выявлять их существующие таланты и помогать раскрывать сильные стороны. Совпадение способностей человека и роли, которую он выполняет, — вот к чему должен стремиться каждый менеджер.
Книга предназначена для всех практикующих менеджеров.

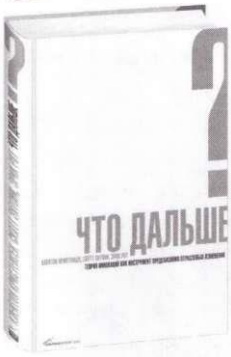
Как усилить свою силу?

Марина Мелия, 2008, 298 с.
Книга «Как усилить свою силу? Коучинг.» о том, что каждый из нас может реализовать заложенный природой потенциал и повысить свою эффективность. Марина Мелия приглашает читателя в «мастерскую» коуча, где происходит обычно скрытый от посторонних глаз процесс консультирования. Свойственный автору диалогичный стиль изложения делает книгу своеобразным коуч-консультантом и помогает читателю по-новому взглянуть на себя, прояснить свои истинные ценности и цели, превратить жизненные проблемы в задачи, найти собственные ресурсы для их решения.

Эти и другие издания можно приобрести в книжных магазинах,
а также заказать в издательстве по тел.: (495) 9 8 0 8 0 7 7
или на сайте www.alpina.ru







«Альпина Бизнес Букс» рекомендует

Что дальше?

Теория инноваций как инструмент предсказания
отраслевых изменений

Клейтон Кристенсен, Скотт Энтони, Эрик Рот, пер. с англ., 2008, 398 с.

Новая книга Клейтона Кристенсена и его коллег дает подробный ответ на вопрос: «Как распознать инновации, которые станут "подрывными"?». Аналитический инструментарий, предложенный в книге, позволяет оценивать стратегические решения компаний; определять, кто победит в грядущей конкурентной битве; предвидеть изменения в отрасли. Авторы показывают, как пользоваться этим инструментарием, на примере пяти отраслей: авиации, образования, производства полупроводников, здравоохранения и телекоммуникаций.

Книга предназначена для руководителей бизнеса, отраслевых аналитиков, инвесторов — для всех, чей успех зависит от умения делать прогнозы.

Дилемма инноватора

Как из-за новых технологий погибают сильные компании

Клейтон Кристенсен, пер. с англ., 2004, 239 с.

В своей книге профессор Гарвардской школы бизнеса Клейтон Кристенсен пытается ответить на вопрос, почему лучшие компании — с компетентными руководителями и мощными ресурсами — теряют лидирующие позиции на рынке. Несмотря на научный подход, книга написана доступным языком, а поиск ответа оказывается не менее увлекательным, чем детективное расследование.

Решение проблемы инноваций в бизнесе

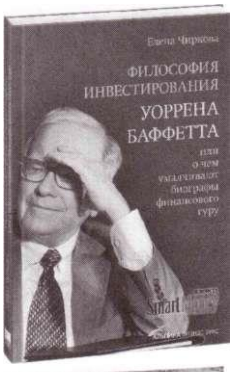
Как создать растущий бизнес и успешно поддерживать
его рост

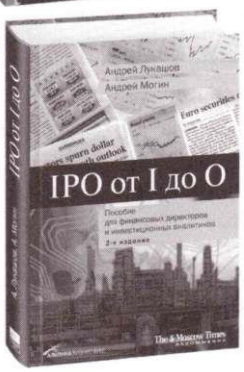
Клейтон Кристенсен, Майкл Рейнор, пер. с англ., 2004, 290 с.

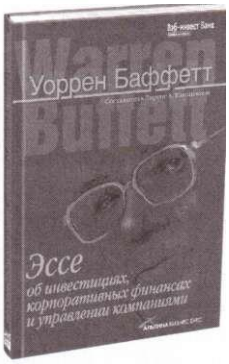
Кристенсен и Рейнор воплотили в этой книге свой многолетний опыт исследования инноваций. На примере компаний, работавших в самых разных отраслях, авторы утверждают, что процесс внедрения инноваций может стать вполне предсказуемым и что обеспечение постоянного прибыльного роста на основе инновационных

проектов — дело вполне реальное. Они указывают руководителям на те силы, которые порой вынуждают менеджера принимать неверные решения в процессе воплощения идеи в жизнь, предлагают новый понятийный аппарат, с помощью которого руководитель может осмыслить ситуацию и «поймать» условия и момент, максимально подходящие для успешной реализации подрывного проекта.

Эти и другие издания можно приобрести в книжных магазинах,
а также заказать в издательстве по тел.: (495) 980 8077
или на сайте www.alpina.ru







«Альпина Бизнес Букс» рекомендует

IPO от I до O

Пособие для финансовых директоров и инвестиционных аналитиков

Андрей Лукашов, Андрей Могин, 2-е изд., испр. и доп., 2008, 361 с.

В последнее время все больше российских компаний заявляют о решении про вести IPO. Между тем не все представляют себе масштабы этого мероприятия В книге подробно освещены важнейшие аспекты организации и проведения IPC реструктуризация компании-эмитента, выстраивание принципов корпоративного управления, повышение прозрачности юридической структуры фирмы и известности ее бренда, а также многое другое, что в итоге привлечет внимание инвесторов

именно к данной компании и поможет ей выйти на новые рубежи.

Философия инвестирования Уоррена Баффетта

или О чем умалчивают биографы финансового гуру

Елена Чиркова, 2008, 264 с.

Книга посвящена «святому стоимостного инвестирования» — Уоррену Баффетту Проанализировав множество источников — труды самого Баффетта, работы его знаменитых учителей, воспоминания многочисленных биографов, — автор по пыталась раскрыть, в чем состоит секрет успеха финансового гуру.

В книге рассмотрены подходы Баффетта к оценке компаний, инвестиционные принципы и возможности их применения в современной практике, методы под бора персонала и управления бизнесом, психология инвестирования, взгляды на богатство вообще и многие другие вопросы.

Эссе об инвестициях, корпоративных финансах
и управлении компаниями

Уоррен Баффетт, пер. с англ., 3-е изд., 2007, 268 с.

Уоррен Баффетт уже несколько десятилетий входит в число богатейших людей мира, а его подход к инвестициям стал эталоном для миллионов. В книгу вошли письма Баффетта к акционерам Berkshire Hathaway, написанные в течение послед них десятилетий. Они представляют бесценный обучающий материал и отражают глубокую инвестиционную философию автора.

Эти и другие издания можно приобрести в книжных магазинах,
а также заказать в издательстве по тел.: (495) 980 8077
или на сайте www.alpina.ru